

Star 21.20

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Содержание. Казань. Издательство Императорского Университета.

Томъ III

1880—1882 годъ.

КАЗАНЬ
Университетъ Императорскаго Университета
1884.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

издаваемыхъ подъ редакціею Секретаря Общества.

Томъ III.

1880—1882 годъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1884.

PSlav 354.40
~~Slav 91.20~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF THE UNIVERSITY

Jul 1922

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій,
Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Универ-
ситетѣ. Казань, 31 мая 1884 года.

Секретарь Общества С. К. Кузнецовъ.

34.712

Настоящій III томъ «Извѣстій» Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи печатался подъ редакцiей *Н. П. Залюкина*, бывшаго Секретаря Общества. Ради ускоренiя выхода въ свѣтъ этого тома печатанiе протоколовъ Общества за 1880—82 гг. отложено до слѣдующаго тома, къ которому присоединены будутъ также чертежи и планы городищъ и кургановъ, упоминаемыхъ въ этомъ томѣ. Слѣдующiй томъ будетъ выходить выпусками, по мѣрѣ печатанiя. Согласно постановленiю Совѣта Общества содержанiе слѣдующихъ томовъ впредь будетъ разбиваемо на слѣдующiе отдѣлы: а) протоколы засѣданiй Совѣта и Общiихъ Собранiй; б) археологiя; в) исторiя; г) этнографiя и е) смѣсь. Статьи, по мѣрѣ возможности, будутъ сопровождаться планами, чертежами и рисунками.

---

1. The first part of the document is a letter from the author to the editor, dated 10/10/1954. The letter discusses the author's interest in the subject of the journal and the author's previous work in the field. The author mentions that the work was done during the author's stay at the University of Chicago and that the author is grateful to the University for the facilities provided. The author also mentions that the work was done in collaboration with several other people, but that the author is the sole author of the paper. The author concludes the letter by expressing the author's hope that the paper will be found of interest to the readers of the journal.

2. The second part of the document is the paper itself, which is a study of the properties of a certain class of functions. The paper is divided into several sections, including an introduction, a section on the properties of the functions, a section on the construction of the functions, and a section on the applications of the functions. The paper is written in a clear and concise style, and it is well organized. The author provides a detailed and thorough treatment of the subject, and the paper is a valuable contribution to the field.

О ЗАДАЧАХЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КАЗАНСКАГО ОБЩЕСТВА

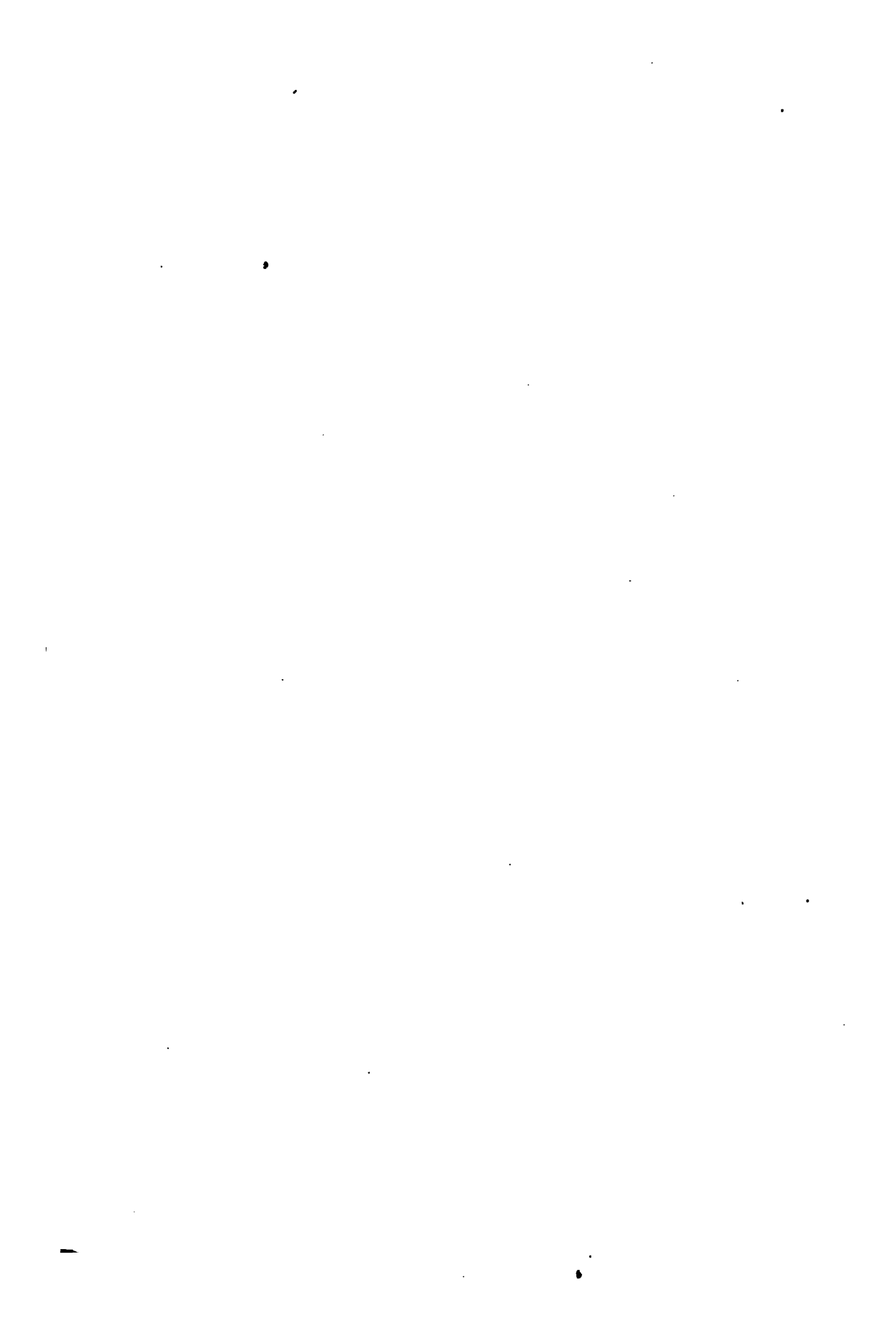
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

И

О ВОЗМОЖНОМЪ СОДѢЙСТВІИ ОБЩЕСТВУ СО СТОРОНЫ ЖИТЕЛЕЙ
МѢСТНАГО КРАЯ.

Рѣчь Товарища Предсѣдателя Общества С. М. ШПИЛЕВСКАГО, произнесенная въ I Годичномъ Публичномъ Собраніи Общества 19 марта 1879 г.

Важность административной децентрализации, являющейся въ формѣ мѣстнаго самоуправленія, сознается не только въ интересахъ отдѣльныхъ самоуправляющихся мѣстностей, но и всего политическаго цѣлаго. Подобно этому признается важность изученія отдѣльныхъ мѣстностей не только въ интересахъ этихъ мѣстностей, но и цѣлаго государства и даже—всего человѣчества. Извѣстный публицистъ Градовскій объясняетъ, что „участіе въ администраціи лицъ непосредственно заинтересованныхъ необходимо въ виду разнообразныхъ интересовъ общества и государства. Оно выводитъ на сцену дѣйствительно насущныя потребности... Между тѣмъ сознаніе этихъ потребностей утрачивается, какъ скоро обсуждающая власть похищаетъ мѣстность и сосредоточивается исключительно въ центрѣ. Отсюда проистекаютъ весьма важныя невыгоды для общества и государства. Мѣстныя нужды начинаютъ обсуждаться подъ вліяніемъ однихъ обще-государственныхъ соображеній⁽¹⁾“. Подобно этому извѣстный археологъ Забѣлинъ говоритъ: „Пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ все наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій, будутъ голословны,

---

(1) «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи», т. I, Введеніе, стр. CIV.

шати, даже легкомысленны, чему легко указать множество примѣровъ“⁽¹⁾.

Новѣйшія изслѣдованія по русской исторіи вообще, по исторіи словесности, права и т. п. все болѣе и болѣе начинаютъ удовлетворять новымъ научнымъ требованіямъ и задачамъ, обращая особенное вниманіе на областное различіе.

Наша Волжско-Камская область представляется особенно интересною и важною въ отношеніи многихъ научныхъ вопросовъ, изъ которыхъ предметы спеціальнаго изученія Общества археологіи, исторіи и этнографіи опредѣляются самымъ названіемъ Общества; существующее уже 10 лѣтъ при Казанскомъ университетѣ Общество естествоиспытателей имѣетъ задачей „изслѣдованіе въ естественно-историческомъ отношеніи восточнаго края Россіи и Сибири“. Понимая неразрывную солидарность между всѣми науками, тѣмъ болѣе между такими, какъ археологія, исторія и этнографія съ одной стороны, и науки естественныя съ другой, мы не сомнѣваемся, что старѣйшее, сравнительно съ нами, Общество, уже успѣвшее не мало сдѣлать на пользу естествовѣдѣнія, радушно встрѣчаетъ своего младшаго брата и всегда поможетъ ему, когда это будетъ необходимо.

Цѣль нашего новаго Общества при Казанскомъ университетѣ выражается въ первомъ § устава Общества: „изученіе прошедшаго и настоящаго русскаго и ивородческаго населенія въ территоріи бывшихъ Булгарско-Хазарскаго и Казанско-Астраханскаго царствъ, съ прилежащими къ ней мѣстностями“. Такимъ образомъ пространство территоріи, составляющей предметъ изученія нашего Общества, опредѣляется историческими признаками—границами преемственно существовавшихъ царствъ. На сѣверѣ, по среднему теченію Волги и по Камѣ было царство Булгарское, на югъ отъ него, по обѣимъ сторонамъ нижняго теченія Волги—царство Хазарское; въ XIII вѣкѣ все это пространство было завоевано Татарами и вошло въ составъ Золотой Орды. Но отдѣльныя булгарскія владѣнія въ качествѣ подчиненныхъ Золотой Ордѣ существовали и во время полнаго господства

(1) «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», т. II, стр. 109.

и процвѣтанія послѣдней⁽¹⁾. Послѣ паденія Золотой Орды въ половинѣ XV ст. въ предѣлахъ древняго Булгарскаго царства основалось новое татарское царство—Казанское, а въ предѣлахъ древняго Хазарскаго другое татарское царство Астраханское.

Нынѣшняя Казанская губернія была центромъ Булгарскаго царства, древніе памятники котораго должны быть важнѣйшимъ предметомъ изученія нашего Общества—предметъ вполне достойный вниманія ученыхъ, имѣющій важное значеніе не только для исторіи Россіи, но и во всемірно-историческомъ отношеніи! Это царство соединяло Европу съ Азіею, здѣсь было складочное мѣсто товарамъ, идущимъ изъ Азіи въ Европу и на оборотъ; отсюда шла пропаганда ислама, которая не ограничивалась только ближайшими сосѣдними странами, но проникала до Кіева, гдѣ проповѣдники ислама предлагали князю Владимиру ученіе Мухаммеда.

Булгары окончательно и официально приняли исламъ въ началѣ X стол., по этому поводу было посольство къ булгарскому царю отъ халифа багдатскаго. Въ этомъ посольствѣ участвовалъ Ибнъ-Фадланъ, который оставилъ записку о своемъ посольствѣ—древнѣйшій и важнѣйшій источникъ исторіи Булгаръ.

Другіе арабскіе писатели, современники Ибнъ-Фадлана, Ибнъ-Даста и Масуди свидѣлствуютъ объ обширной торговлѣ Булгаръ, которая составляла главную силу Булгарскаго царства.

Ибнъ-Даста упоминаетъ о торговыхъ сношеніяхъ между Булгарами и Русскими и говоритъ, что круглые диргеми приходять къ Булгарамъ изъ странъ мусульманскихъ, путемъ мѣны за ихъ товары⁽²⁾. Масуди упоминаетъ, что постоянно ходили караваны изъ Булгаріи въ Хаварезмъ (Хива) и на оборотъ⁽³⁾.

О торговыхъ сношеніяхъ Булгаръ говорятъ и позднѣйшіе мусульманскіе писатели, а также и русскія лѣтописи.

⁽¹⁾ См. мое изслѣдованіе «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ нынѣшней Каз. губ.»

⁽²⁾ «Извѣстія Ибнъ-Даста» Хвольсона, стр. 25.

⁽³⁾ Ibid. 81.

Торговья сношенія Булгаръ съ Среднею Азіею продолжались постоянно и не прекращаются донинѣ: извѣстны современныя торговья сношенія казанскихъ купцовъ, преимущественно Татаръ, съ Среднею Азіею. Сырья кожи и даже юфть доселѣ называются на востокѣ „булгари“, т. е. болгарскими; наши орѣхи въ Средней Азіи называются тоже болгарскими—„гюзи - булгаръ“⁽¹⁾. Наконецъ замѣтимъ, что Казанскіе Татары называютъ себя и въ настоящее время Булгарами, а въ названію „Татаринъ“ они до сихъ поръ не привыкли и готовы считать его даже оскорбительнымъ⁽²⁾.

Кромѣ города Булгара, арабскіе и другіе мусульманскіе писатели, а также и русскія лѣтописи упоминаютъ и другіе болгарскіе города. Русскія лѣтописи свидѣтельствуютъ не только о торговыхъ сношеніяхъ между Русскими и Булгарами, но и о войнахъ между этими народами. Изъ русскихъ лѣтописей видно, что г. Булгаръ, развалины котораго въ настоящее время находятся въ селѣ Успенскомъ Спасскаго уѣзда, послѣ того, какъ былъ разоренъ Андреемъ Боголюбскимъ, уступилъ свое первенство Великому городу, подъ которымъ должно разумѣть нынѣшній Биларскъ Чистопольскаго уѣзда⁽³⁾.

Владѣтель г. Булгара, по свидѣтельству Ибнъ-Фадлана, былъ первенствующимъ между другими, ему подвластными царями.

Съ матеріальнымъ могуществомъ въ древней Булгаріи замѣтны и зачатки мусульманской культуры, встрѣчаются указанія даже на литературные труды. Посѣтившій въ XII стол. городъ Булгаръ Абу-Хамидъ-Андалузянинъ рассказываетъ, что одинъ болгарскій кади (судья) написалъ исторію г. Булгара. Извѣстный русскій ориенталистъ Хвольсонъ объясняетъ, что въ Булгарѣ распространился не только исламъ, но и науки, извѣстныя мусульманамъ: встрѣ-

---

⁽¹⁾ П. С. Савельева «Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи русской исторіи», стр. LXXXIV, LXXXV.

⁽²⁾ «Первый Опытъ словаря народно-татарскаго языка по выговору крещеныхъ татаръ Каз. губ.» Остроумова, Каз. 1876, стр. 10.

⁽³⁾ См. мое изслѣдованіе «Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ нынѣшней Каз. губ.»

чается извѣстіе объ одномъ ученомъ уроженцѣ этого края, который составилъ комментаріи къ прославившейся между мусульманами книгѣ Адабъ, соч. Самарканди, комментаріи къ книгѣ Иссери о риторикѣ и написалъ сочиненіе „о проститѣ лекарствахъ“⁽¹⁾.

Во время господства Золотой Орды, кромѣ г. Булгара, который послѣ разрушенія во время монгольскаго нашествія Великаго города, т. е. Билярска, опять сталъ первенствующимъ и даже резиденціею самихъ хановъ Золотой Орды, встрѣчаются и другіе города и владѣтели въ предѣлахъ бывшаго самостоятельнаго Булгарскаго царства. Мусульманскіе источники и русскія лѣтописи указываютъ Буляръ (нынѣшній Билярскъ), Копанъ и Жукотинъ на Камѣ, Керменчукъ въ нынѣшнемъ Мамадышскомъ уѣздѣ, Тубулгу-Атау на Шешмѣ въ Чистоп. уѣздѣ и наконецъ Казань, бывшую первоначально на рѣкѣ того же названія, верстахъ въ 50 выше настоящей Казани.

Булгарской землѣ приходилось неоднократно выдерживать враждебныя нападенія владѣльцевъ Золотой Орды, напр. въ концѣ XIII стол.—Менгу-Тимура.

Особенно раздоры въ самой Золотой Ордѣ отражались на Булгарской землѣ; во второй половинѣ XIV стол. эта земля была завоевана Пуладъ Теймуръ Ханомъ; сохранились и баснословныя преданія о разгромѣ Булгарской страны Тамерланомъ въ концѣ XIV стол., но я доказалъ въ своемъ изслѣдованіи „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Каз. губ.“, что въ этихъ преданіяхъ Тамерланъ смѣшивается съ Менгу-Тимуромъ.

Въ то же время на булгарско-татарскіе города дѣлали нападенія и новгородскіе ушкунники; съ городомъ Булгаромъ, а не съ Казанью, какъ обыкновенно принимали всѣ наши историки, и что я опровергаю въ вышеуказанномъ моемъ изслѣдованіи, воевали и московскіе великіе князья, пока въ 1431 году вся Булгарская земля не была покорена воеводою великаго князя Василія Васильевича Темнаго княземъ Пестрымъ. Этотъ успѣхъ Москвы давалъ надежду, что Булгарія должна войти въ составъ Московскаго государства. Но къ половинѣ XV стол. обстоятельства такъ

---

(1) «Извѣстія Ибнъ-Даста» Хвольсона, 89, 90.

сложились, что Москвѣ еще на 100 лѣтъ была положена преграда усиливаться на счетъ Булгаріи: на Волгѣ, въ западныхъ предѣлахъ собственно Булгарской земли, образовалось новое, сильное татарское царство—Казанское. Это новое царство Москва не скоро поборолъ; самимъ московскимъ владѣніямъ пришлось выдержать многія разоренія отъ Казани. Государь князя Пестраго, покорившаго Булгарію, великій князь Василій Васильевичъ, черезъ 14 лѣтъ послѣ счастливаго похода своего воеводы, самъ попался въ плѣнъ къ основателямъ Казанскаго царства. Съ половины XV вѣка до половины XVI борьба Москвы съ Казанью представляетъ важнѣйшій предметъ внѣшней исторіи Московскаго государства. Борьба эта была очень трудная, она велась съ переменнымъ счастьемъ, пока не пали казанскія стѣны передъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ памятный не для Казани только день 2 октября 1552 г. Это было великимъ событіемъ не только русской, но всемірной исторіи. „До тѣхъ поръ, говоритъ новѣйшій историкъ Россіи Соловьевъ, пока существовала Казань, до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе Европы въ Азію было невозможно (1)“. Казань представляла послѣдній оплотъ Азіи противъ Европы.

И послѣ присоединенія Казанскаго царства къ Московскому, исторія области, бывшей самостоятельнымъ татарскимъ царствомъ, представляется очень важною. Возстаетъ цѣлый рядъ историческихъ вопросовъ по отношенію къ этой области, столь важныхъ для русской исторіи вообще—о русской колонизаціи, о просвѣщеніи инородцевъ, о вліяніи Русскихъ на инородцевъ и на оборотъ, объ особенностяхъ управленія въ этомъ инородческомъ краѣ, о сопротивленіи русскому владычеству и недовольствѣ инородцевъ. Послѣднее продолжалось очень долго и приводило инородцевъ въ шайки Стеньки Разина и Пугачева, поэтому можно сказать, что окончательное покореніе этого края послѣдовало только послѣ усмиренія пугачевского бунта.

Городъ Казань постоянно былъ важнѣйшимъ изъ русскихъ городовъ, не только по своему административному значенію, но по условіямъ историческимъ и топографиче-

---

(1) «Исторія Россіи», т. VI, стр. 160.

скимъ. По прежнему этотъ городъ былъ важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ Восточной Россіи. Съ развитіемъ просвѣщенія въ Россіи Казань становится однимъ изъ центровъ этого просвѣщенія: начало Казанской духовной семинаріи восходитъ ко времени Петра I, впоследствии изъ нея возникла академія; въ царствованіе Елисаветы Петровны, черезъ три года послѣ основанія перваго русскаго университета въ Москвѣ, въ Казани являється первая въ Россіи гимназія; а въ 1804 г. былъ основанъ Казанскій университетъ.

Историкъ Русской Казани можетъ указать знаменитыхъ историческихъ дѣятелей, начиная съ великихъ святителей Гурія, Варсаногія и Германа, можетъ привести рядъ историческихъ именъ, связанныхъ съ Казанью и принадлежащихъ лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ—администраторовъ, ученыхъ и знаменитыхъ писателей.

Но, рассказывая о громкихъ событіяхъ и выдающихся личностяхъ, современный историкъ главною задачею своею имѣетъ цѣлый народъ; онъ слѣдитъ за условіями народной жизни; за видоизмѣненіями этихъ условій и вмѣстѣ съ ними различныхъ сторонъ народнаго быта.

Историкъ, исполняя свои задачи, согласно съ современными научными требованіями, долженъ указать все разнообразіе различныхъ вліяній на народную жизнь—политическое вліяніе, т. е. вліяніе различныхъ законодательныхъ и особенно финансовыхъ мѣръ, вліяніе мѣстнаго управленія, затѣмъ вліяніе церкви, просвѣщенія и экономическихъ условій. Подъ народомъ разумѣется не одинъ только такъ называемый нисшій слой населенія, но совокупность всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ населенія. Историкъ долженъ указать на взаимныя отношенія между отдѣльными разрядами населенія и на различіе результатовъ вліянія однихъ и тѣхъ же началъ въ различныхъ средахъ населенія. Казанскій край въ отношеніи къ народной массѣ представляетъ многія особенности: здѣсь историкъ придется остановиться и передъ волжскимъ бурлакомъ, который тянетъ свою тяжелую ямку, и передъ разбойникомъ, который такъ долго гулялъ свободно по широкой Волгѣ. Одна изъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ прошедшемъ столѣтіи въ Собраніи Каино-

выхъ пѣсень, въ приложеніи къ описанію жизни извѣстнаго вора и ссыщика Ваньки Каина, поетъ:

Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились,
Что повѣсили свои буйны головы,
Что потушили ясны очи во сыру землю.
Еще ходимъ мы, братцы, не первой годъ.
И мы пьемъ ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платьѣ носимъ припасенное.
Еще лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ злодѣй, генераль лихой,
Посылаетъ изъ Казани часты высылки (¹)....

Только въ 1847 г. были казнены особенно прославившіеся казанскіе разбойники Быковъ и Чайкинъ.

Но существуютъ ли памятники для изученія столь важной исторіи нашего края? Какіе это памятники? Много ли ихъ?

Первыми важнѣйшими памятниками быта древнихъ обитателей нашего края я считаю такъ называемые памятники вещественные. Во первыхъ—городища, т. е. мѣста древнихъ укрѣпленныхъ поселеній, отъ которыхъ до настоящаго времени остались земляныя насыпи, рвы, а иногда и признаки каменныхъ сооружений. Булгарское городище представляетъ и нѣсколько каменныхъ зданій, болѣе или менѣе сохранившихся; о существованіи такихъ зданій въ другихъ городищахъ, сравнительно не въ давнее время, имѣются положительныя свидѣтельства. Знаменитый историкъ прошедшаго столѣтія Татищевъ указываетъ на существовавшія въ его время въ Билярскѣ каменныя древнія зданія, между которыми особенно замѣчательны порталъ или врата великаго храма и столбы. Во вторыхъ—курганы, т. е. могильныя насыпи, заключающія въ себѣ различныя предметы, съ которыми погребали умершихъ. Это—предметы первой необходимости въ обыденной жизни, необходимыя и для загробной жизни, которая представлялась только продолженіемъ земной. Въ курганахъ встрѣчаются и вещи, которыя характеризуютъ званіе и специальное занятіе по-

---

(¹) Обстоятельныя и вѣрныя исторіи Ваньки Каина и Картуша. М. 1794, стр. 193.

войника, напр. оружіе при воинѣ, вѣсы и гири при купцѣ. Понятно, что по курганнымъ находкамъ можно возстановить подробности быта того народа, къ которому принадлежали погребенные.

Графъ А. С. Уваровъ, столь много потрудившійся на пользу русской археологіи, въ своемъ классическомъ сочиненіи „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“, на основаніи найденныхъ въ курганахъ вещей, не только опредѣляетъ обряды погребенія, религіозныя вѣрованія и обширность торговыхъ сношеній Мерянъ, западныхъ сосѣдей нашей Булгаріи, но и внутренней бытъ ихъ и степень цивилизаціи: указываетъ нѣкоторыя принадлежности жилищъ, построекъ; предметы религіознаго вѣрованія; одежду и украшенія; домашнюю утварь; разныя принадлежности хозяйства и ремеслъ; доказываетъ существованіе хлѣбопашества, обработки льна, скотоводства, звѣриной охоты, рыболовства, обработки металловъ, выдѣлки кожъ, употребленія красокъ; указываетъ принадлежности торговли—вѣсы, гири и т. п.; наконецъ разбираетъ разныя виды оружія.

На всемъ пространствѣ, которое составляетъ предметъ спеціальнаго изученія нашего Общества, находится множество городищъ и кургановъ. Существуютъ особыя причины, по которымъ у насъ, въ Россіи, особенно въ глуши, городища и курганы могли сохраниться въ большемъ, сравнительно съ Западной Европой, количествѣ и въ лучшей сохранности. Это объясняется, конечно, не большею нашею заботливостію о сохраненіи этихъ памятниковъ, а причинами естественнo-историческими—меньшею густотою населенія, рѣдкостью поселеній и большимъ обиліемъ пусто-порожныхъ земель.

Въ Западной Европѣ болѣе должно было погибнуть древнихъ памятниковъ при расчищеніи земли подъ хлѣбопашество, при устройствѣ новыхъ поселеній, при проложеніи дорогъ и т. п. Наше богатство приводитъ насъ въ обязанности. Европа имѣетъ право ожидать отъ Россіи, въ интересахъ общенаучныхъ, всемірнo-человѣческихъ, что мы позаботимся о дальнѣйшемъ сохраненіи этихъ памятниковъ и объ изученіи ихъ. Извѣстные академики Бэръ и Шифнеръ, указывая на важность изученія древностей, сохранившихся на русской почвѣ, въ интересахъ общечеловѣческой науки, справедливо говорятъ, что „если Россія не займется

изученіемъ своей древнѣйшей старины, то она не исполнитъ своей задачи, какъ образованнаго государства; дѣло уже перестало быть народнымъ, оно дѣлается общечеловѣческимъ (1)“.

Принимая въ соображеніе все вышесказанное, становится понятнымъ, почему въ одно изъ первыхъ засѣданій нашего Общества, когда былъ поднятъ вопросъ, на что мы должны обратить особенное вниманіе, что считаемъ первымъ, важнѣйшимъ предметомъ своего изученія, я указалъ на городища и курганы. Сознаніе особенной важности этого вопроса привело меня и къ приготовленію обширнаго изслѣдованія, посвященнаго бывшему въ Казани IV Археологическому Съѣзду, — „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Каз. губ.“ Особенное вниманіе, оказанное моему труду русскими и иностранными учеными и тѣ награды, которыми удостоили меня Императорская Академія Наукъ и Императорское Археологическое Общество, я объясняю особенною важностью предмета, избраннаго мною для изслѣдованія. Въ своемъ изслѣдованіи я представляю сводъ всего доселѣ бывшаго извѣстнымъ объ этихъ памятникахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняю и всю недостаточность этихъ свѣдѣній. Курганы напр. разрывались только случайно, большею частію владискателями или людьми мало свѣдущими и неприготовленными къ такой важной работѣ, какъ изученіе кургановъ. Что бы объяснить вполне научно находимое въ курганахъ, не говорю уже о необходимости научныхъ способовъ самаго раскрытія кургановъ, требуется очень много разнородныхъ знаній. Спеціальнымъ свѣдѣніямъ археолога должны придти на помощь данныя естественныхъ наукъ, напр. антропологи, — при изслѣдованіи курганныхъ костяковъ и череповъ; далѣе, при изслѣдованіи различныхъ находимыхъ въ курганахъ бронзовыхъ вещей, необходимо опредѣлить самый составъ бронзы, который представляется различнымъ, это приводитъ къ необходимости химическаго анализа бронзы.

Мѣстный знатокъ древнихъ вещей, находимыхъ въ нашемъ краѣ, почтенный В. К. Савельевъ объясняетъ, что

---

(1) «Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ, выданныя и объясненныя профессоромъ Ворсо». Предисл., стр. IX.

бронза вещей болгарскихъ отличается отъ бронзы вещей мерянскихъ, найденныхъ графомъ Уваровымъ, а послѣдній на IV Археологическомъ Сѣздѣ самъ заявилъ о необходимости химическаго анализа для объясненія древнихъ памятниковъ (1).

Графъ Уваровъ можетъ служить намъ наилучшимъ образцомъ при изслѣдованіи курганныхъ находокъ: для химическаго разложенія бронзовыхъ мерянскихъ вещей онъ обращался къ химику г. Феррейну, а пять череповъ изъ мерянскихъ кургановъ онъ представлялъ профессору Ландцегеру для изслѣдованій. Вотъ примѣръ необходимости совокупной дѣятельности различныхъ специалистовъ для изслѣдованія одного и того же предмета, что составляетъ главную силу и значеніе ученаго общества, гдѣ *unitis viribus agunt* (соединенными силами дѣйствуютъ).

Это и примѣръ возможности содѣйствія нашему Обществу со стороны мѣстнаго Общества естествоиспытателей.

Моя настоящая Рѣчь имѣетъ цѣлью указать и на возможность содѣйствія нашему Обществу со стороны мѣстныхъ жителей. Возможность и необходимость этого содѣйствія открывается уже при разсмотрѣніи главнаго предмета изученія нашего Общества—городищъ и кургановъ. По этому поводу можно повторить слова, обращенныя членомъ Московскаго Археологическаго Общества г. Гатцугомъ, къ этому Обществу: „Мы прежде всего обязаны обратиться не черезъ посредство одной лишь публицистики, но порознь къ каждому изъ гг. землевладѣльцевъ—съ просьбою: 1) принять подъ свое просвѣщенное покровительство имѣющіяся на ихъ земляхъ древнія насыпи и искусственно сложенные или разложенные камни; опредѣлить ихъ мѣсто, ихъ внѣшній видъ, размѣръ и относительное расположеніе въ группѣ, о чемъ и увѣдомить Общество; 2) не допускать въ раскопкѣ кургановъ людей не авторизованныхъ учеными обществами и вообще оберегать отъ истребленія или порчи; 3) если будутъ предстоять почему либо надобность снять ту или другую насыпь, то благоволить заранѣе извѣстить Общество о времени предстоящей съемки или же, если насыпь уже

---

(1) «Извѣстія о занятіяхъ IV Археол. Сѣзда въ Казани» стр. 37.

снята, то по крайней мѣрѣ доставить свѣдѣнія о томъ, что именно найдено было при раскопкѣ насыпи и какого она была объема и формы (*)“.

Въ заключеніе вопроса о курганахъ въ нашемъ краѣ, въ доказательство чрезвычайной важности изслѣдованія ихъ и полной возможности ожидать отъ этого очень важныхъ результатовъ вспомнимъ о богатствѣ Ананьинскаго могильника. Такъ называется мѣстность, которая считается древнимъ кладбищемъ, на правомъ берегу Камы, въ 5 верстахъ къ юго-востоку отъ города Елабуги Вятск. губ., около деревни Ананьиной. Здѣсь находятся два кургана, большій изъ нихъ подвергали раскопкѣ изслѣдователь вятскихъ древностей г. Алабинъ, впоследствии, съ перемѣною мѣстожительства, не мало потрудившійся уже для изученія древностей Самарскаго края, затѣмъ командированный отъ Императорской Археологической Коммиссии г. Лерхе. Послѣдній говоритъ, что „вещи здѣсь найденныя даютъ довольно ясное понятіе о бытѣ того языческаго племени, которое послѣ сожженія своихъ покойниковъ, хоронило прахъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ вооруженіемъ, украшеніемъ и частію утвари. Оружія большею частію бронзовыя, въ особенности наконечники стрѣлъ и копій, равно какъ и топоры. Кинжалы же и ножи сдѣланы изъ желѣза; рукоятки этихъ кинжаловъ, иногда бывающія изъ бронзы, по формамъ своимъ сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ, находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири; шейные обручи и украшенія на одеждѣ были бронзовыя, ожерелья состояли изъ глиняныхъ и янтарныхъ бусъ. Бронзовые топоры представляютъ по своей формѣ прямой переходъ отъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ Россіи въ періодъ каменныхъ орудій. Вообще можно заключать, что Ананьинскій могильникъ принадлежитъ къ началу періода введенія въ употребленіе въ здѣшнемъ краѣ желѣза. Слѣдовъ золота и серебра въ немъ не найдено, тогда какъ серебряныя гривны нерѣдки въ сѣверныхъ уѣздахъ Вятской губерніи (2)“.

(*) «Изслѣдованіе кургановъ Моск. губ.» въ прилож. къ 1 тому Древностей, издаваемыхъ Моск. Арх. Обществомъ.

(2) Труды I. Археол. Съѣзда. стр. 608, 609.

Разныя вещи въ этомъ курганѣ были найдены при скелетахъ, которыхъ оказалось 48, въкоторые изъ нихъ были положены въ каменныхъ ложахъ, другіе на каменныхъ плитахъ; вмѣстѣ съ человѣческими костями здѣсь встрѣчаются лошадиныя и другихъ животныхъ.

Результаты изслѣдованій гг. Алабина, Лерхе и мѣстнаго елабужскаго знатока древностей Шишкина, съ присоединеніемъ результатовъ собственныхъ разслѣдованій на мѣстѣ и сравненіе этого кургана съ извѣстными западно-европейскими, представляетъ покойный Невоструевъ въ своей обширной и замѣчательной статьѣ подъ заглавіемъ „Ананьинскій Могильникъ“, напечатанной въ Трудахъ I Археологическаго Съѣзда. Невоструевъ относитъ могильникъ не къ концу бронзоваго вѣка, когда бронза вытѣснялась желѣзомъ и стала только предметомъ роскоши, а къ времени преобладанія бронзы, и поэтому не сомнѣвается отнести могильникъ къ временамъ до Рождества Христова.

Наконецъ укажу, что графъ Уваровъ считаетъ возможнымъ найти мѣста погребеній около г. Булгара, о которыхъ упоминаетъ Ибнъ-Фадланъ. Свои соображенія объ этомъ графъ Уваровъ мнѣ лично объяснялъ во время IV Археол. Съѣзда, указывая на чрезвычайную важность подобной находки, которая представила бы наглядное объясненіе описанныхъ Ибнъ-Фадланомъ обрядовъ сожиганія Русами своихъ покойниковъ. Такимъ образомъ были бы найдены отличительныя признаки настоящихъ могилъ древнихъ Русовъ, что особенно важно въ виду того, что обыкновенно недостаетъ твердыхъ доказательствъ о принадлежности разслѣдованныхъ кургановъ определенной народности, отъ того выводы, получаемые изъ разбора курганныхъ находокъ, отличаются неопредѣленностью въ смыслѣ этническомъ. О необходимости обратиться къ особенно тщательному осмотру окрестностей древняго Булгара съ цѣлью попытаться найти могилы, упоминаемыя Ибнъ-Фадланомъ, графъ Уваровъ повторяетъ и въ разборѣ моего вышеупомянутого сочиненія, представленномъ въ Академію Наукъ, которая, какъ она заявляетъ въ „Отчетѣ о XXI присужденіи награды графа Уварова“: „желая получить разборъ этого сочиненія составленный лицомъ, близко знакомымъ съ предметомъ, обратилась съ просьбою о содѣйствіи ей въ этомъ случаѣ къ самому учредителю премій, какъ въ та-

кому ученому, который не только неуслышными заботами своими объ изслѣдованіи древностей въ Россіи, но и собственными литературными трудами по этой части, способствовалъ успѣхамъ русской археологіи и приобрѣлъ право на уваженіе и признательность ученаго міра⁴. Понятно, почему въ настоящей Рѣчи я не одинъ разъ останавливаюсь на заслугахъ графа Уварова русской археологіи. По моему твердому убѣжденію, наше начинающееся Общество обязано признаніемъ этихъ заслугъ выразить благодарность тому, который постоянно заявлялъ о необходимости изученія мѣстныхъ древностей и основанія для этого новыхъ Археологическихкихъ Обществъ, отъ котораго идетъ инициатива открытія Археологическихкихъ Съѣздовъ и который былъ главнымъ дѣятелемъ на всѣхъ четырехъ Съѣздахъ. А кто не знаетъ, что эти Съѣзды много содѣйствовали развитію изученія мѣстныхъ древностей. Многіе ученые члены IV Археологическаго Съѣзда и особенно предсѣдатель его графъ А. С. Уваровъ съ особеннымъ сочувствіемъ отнеслись къ явившейся между нѣкоторыми казанскими учеными еще до открытія Съѣзда мысли о необходимости основать въ Казани постоянное Археологическое Общество. Графъ Уваровъ особенно много во время Съѣзда объяснялъ на пользу осуществленія этой мысли!

Продолжая обзорѣніе древнихъ памятниковъ въ нашемъ краѣ, останавливаюсь на мусульманскихъ могилахъ, которыя не представляютъ возвышенностей, кургановъ, но древнѣйшія изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе находимыми при нихъ надгробными надписями, которыя имѣютъ очень важное значеніе, при отсутствіи другихъ современныхъ имъ памятниковъ мусульманской письменности, принадлежащихъ предѣламъ Булгарскаго царства. На этихъ надписяхъ извѣстный знатокъ тюркскихъ нарѣчій и важнѣйшій дѣятель по просвѣщенію здѣшнихъ инородцевъ Н. И. Ильминскій видитъ слѣды чувашскаго языка. „Такимъ образомъ, какъ выражается онъ, мы положительно имѣемъ чувашскіе факты пятисотлѣтней древности (1)“.

---

(1) «Извѣстія Археол. Общ. т. V. О фонетическомъ отношеніи между чувашскимъ и тюркскими языками».

Свидѣтельства о такихъ древностяхъ чувашскихъ по-лучаютъ особенное значеніе: это единственные памятники о Чувашахъ въ столь отдаленное время, первое же упоминаніе о Чувашахъ въ историческихъ источникахъ, именно въ русскихъ лѣтописяхъ, встрѣчается только въ началѣ XVI вѣка. Затѣмъ признаки чувашскаго языка на мусульманскихъ надгробныхъ надписяхъ начала XIV в. приводятъ къ объясненію труднаго вопроса о народности древнихъ Булгаръ. Доселѣ на этотъ вопросъ даютъ только неопредѣленные отвѣты, что Булгарское царство представляетъ соединеніе нѣсколькихъ народностей—финской, тюркской и славянской. Но какая народность была преобладающею? Можно ли опредѣлить булгарскую народность въ смыслѣ особаго вида? Были предположенія о господствѣ славянской стихіи; объясняли имя булгарскаго царя, современника Ибнъ-Фадлана, славянскими именами. Въ настоящее время многіе склоняются къ признанію въ Булгарскомъ царствѣ господствующимъ элементомъ—тюркскаго⁽¹⁾, подтвержденіемъ послѣдняго мнѣнія могутъ служить и признаки чувашско-тюркскаго языка на древнѣйшихъ булгарскихъ надгробныхъ надписяхъ.

Само собою разумѣется, что изученіе надгробныхъ мусульманскихъ надписей возможно для нашего Общества, только съ помощью ориенталистовъ. Это только одинъ примѣръ важности и необходимости содѣйствія намъ ориенталистовъ, которые, по моему убѣжденію, должны составлять нашу важнѣйшую силу; я даже не могу представить наше Общество безъ содѣйствія ему знатоковъ тюркскихъ и финскихъ нарѣчій. На наше счастье мы имѣемъ въ своей средѣ знатоковъ восточныхъ нарѣчій, каковы гг. Готвальдъ, Золотницкій, Ильминскій, Радловъ; но не можемъ не пожалѣть о перенесеніи восточнаго факультета изъ Казанскаго университета въ С.-Петербургъ. Поэтому нельзя не сочувствовать сказанному г. попечителемъ Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковымъ еще въ первый годъ его управленія округомъ, въ первомъ его Отчетѣ г. министру на-

---

(¹) Статья г. Куника «О родствѣ Хагано-Булгаръ съ Чувашами по славяно-болгарскому Именику». Прибавл. къ «Извѣстіямъ Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ». Спб. 1878 г.

роднаго просвѣщенія: „Дѣйствительно въ Казани восточный факультетъ стоялъ на своей настоящей почвѣ, а потому и процвѣталъ“. Далѣе г. попечитель, заявляя, что онъ не можетъ сродниться съ грустною мыслию о томъ, что восточный факультетъ навсегда оставилъ Казань, выражаетъ надежду, что этотъ факультетъ рано или поздно возвратится на свою настоящую почву.

Но чѣмъ могутъ помочь намъ въ отношеніи къ надгробнымъ памятникамъ мѣстные жители? Тѣмъ же чѣмъ и въ отношеніи къ городищамъ и курганамъ—сохраненіемъ этихъ надписей, сообщеніемъ объ нихъ свѣдѣній, и, въ случаѣ возможности, представленіемъ Обществу самыхъ надгробныхъ камней или снимковъ съ надписей; желающимъ Общество можетъ указать и самые способы перевода надписей на бумагу.

На выставкѣ IV Археологическаго Съѣзда красовался камень, найденный на одномъ дворѣ въ Казани; на этомъ камнѣ оказалась, впрочемъ, не надгробная надпись, а оригинальное и любопытное извѣщеніе, что въ извѣстномъ разстояніи и направленіи отъ этого камня лежитъ кладъ. Недавно я слышалъ о другомъ камнѣ съ восточными надписями, находящемся на другомъ дворѣ въ Казани; сообщали мнѣ и о томъ, что будто бы у одного помѣщика въ Спаскомъ уѣздѣ выложенъ на дворѣ цѣлый тротуаръ изъ камней съ надписями. Другой спасскій помѣщикъ самъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ распорядился о перевозѣ огромнаго камня съ надписями изъ села Успенскаго, т. е. Булгарскаго городища, къ себѣ въ имѣніе, но, въ сожалѣнію, по дорогѣ, этотъ камень вошки разбили. Вспомнимъ наконецъ показаніе одного изъ старинныхъ описателей древностей г. Булгара, Кафтанникова, что многіе надгробные памятники свезены окрестными жителями подъ фундаменты частныхъ домовъ⁽¹⁾.

Различныя древнія вещи находятъ и внѣ могилъ, въ разныхъ мѣстахъ, по одиночкѣ; опредѣлились и особенно богатыя по этимъ находкамъ мѣстности, которыми обыкновенно являются городища, т. е. мѣста бывшихъ укрѣпленныхъ поселеній. Извѣстны цѣлыя коллекціи булгарскихъ

---

(1) Библ. для чтенія 1847 г. іюль, статья «Древніе Болгары».

древностей, нѣкогда существовавшія и нынѣ существующія ⁽¹⁾, изъ которыхъ особенно важною и богатою представляется коллекція нашего почтеннаго сочлена А. О. Лихачева, который напечаталъ систематическое описаніе своей коллекціи въ Трудахъ II Археологическаго Съѣзда. Эта статья г. Лихачева носитъ названіе „Бытовые памятники Великой Булгаріи“, въ ней авторъ представляетъ очеркъ болгарской культуры и обзрѣваетъ памятники народнаго быта Булгаръ, на основаніи собственной своей коллекціи.

Но А. О. Лихачевъ, представляющій соединеніе собственной ревности къ отысканію и собранію древностей съ спеціальнымъ занятіемъ археологіею, какъ наукою, является исключеніемъ: обыкновенно разныя находки расходятся по рукамъ и пропадаютъ для науки безслѣдно.

Понятно, чѣмъ мѣстные жители могутъ служить нашему Обществу въ отношеніи къ находимымъ древнимъ вещамъ: если не пожертвованіемъ самыхъ вещей, то, по крайней мѣрѣ, сообщеніемъ объ нихъ свѣдѣній. Призывая къ содѣйствію себѣ, въ интересахъ науки, всякаго владѣльца какой нибудь вещи, мы конечно не имѣемъ въ виду научныхъ объясненій этихъ вещей, литературной обработки сообщеній и т. п. Кромѣ точнаго описанія вещи, необходимо только указать мѣсто находки ея и обстоятельства, сопровождавшія находку. Было бы также желательно и полученіе изображенія вещей въ рисункахъ или фотографическихъ снимкахъ.

Особый отдѣлъ находокъ составляютъ такъ называемыя каменные орудія, которыми, какъ доказало послѣднее время, нашъ край особенно богатъ. Гг. Цельцаму и Заусайлову, дѣйствительнымъ членамъ нашего Общества, удалось въ недавнее и короткое время составить двѣ богатыя коллекціи каменныхъ орудій, собранныхъ преимущественно въ мѣстностяхъ близкихъ отъ г. Казани.

Особенно въ отношеніи къ каменнымъ орудіямъ чрезвычайную важность имѣютъ показанія о мѣстѣ и обстоятельствахъ находокъ, при чемъ для точнаго и вполне научнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ требуются соображенія геологическія и палеонтологическія. Образецъ приемовъ научнаго

---

(1) См. мое изслѣд. «Древніе города и другіе болгарско-татар. памятники въ Казан. губ.»

изслѣдованія мѣстности находенія двухъ каменныхъ орудій въ Тетюшскомъ уѣздѣ представляетъ статья профессора Головкинскаго, напечатанная въ Трудахъ I Сѣзда естествоиспытателей— „Древнiе остатки челоуѣка въ Каз. губ.“ Результатомъ изслѣдованія профессора Головкинскаго представляются слѣдующiя три эпохи для мѣстности находенія упомянутыхъ двухъ каменныхъ орудiй: 1) эпоха мамонта и носорога; 2) эпоха степи, образованiя чернозема, употребленiя каменныхъ орудiй; 3) эпоха лѣсовъ, время употребленiя металлическихъ орудiй; 4) современная эпоха, въ которой высшiй уровень Волги по крайней мѣрѣ на 15 фут. ниже, чѣмъ въ предшествующую эпоху.

Считаю вполне умѣстнымъ привести здѣсь слова Академiи Наукъ, обращенныя въ 1861 г. къ владѣльцамъ доисторическихъ древностей, слѣдовательно и каменныхъ орудiй. Академiя, предлагая представлять такие предметы въ этнографическiй музей Академiи или какому нибудь другому ученому Обществу, говорила, что ей „дорога отечественная археологiя, ей дорога и научная честь Русскаго государства, и потому ей было бы очень жаль, еслибы древности сохранялись любителями безъ письменныхъ показанiй о мѣстностяхъ и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ихъ находенiе. По смерти первыхъ владѣльцевъ обыкновенно никто не знаетъ, откуда эти предметы; они нисходятъ на степень дѣтскихъ игрушекъ и разтериваются. Снова найденныя, они уже не имѣютъ прежняго значенiя: ихъ свидѣтельства не достовѣрны, иногда ложны (1)“.

Кромѣ предметовъ древности доисторической и принадлежавшихъ насельникамъ ве русскихъ Поволжскихъ царствъ, встрѣчаются въ нашемъ краѣ и древнiя русскiя вещи, особенно церковныя. Такъ какъ этотъ край вошелъ въ составъ Русскаго государства только въ XVI в., то трудно было предполагать здѣсь возможность находокъ особенно древнихъ русскихъ вещей, но IV Археологическiй Сѣздъ доказалъ противное. Академику И. И. Срезневскому посчастливилось во время Сѣзда открыть въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ образокъ изъ темносѣраго аспида,

---

(1) «Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ, собр. и объясн. Ворсо», изд. Император. Акад. Наукъ, предисл. XI. XII.

этотъ образокъ ученый академикъ относитъ къ XIII вѣву, если не ранѣе, а надписи на немъ—позднѣйшія, XIV в.; въ Свіяжскомъ женскомъ монастырѣ г. Срезневскій нашелъ каменный образокъ XII в.; въ церкви села Болгарь—мѣдную, позолоченную рипиду, которая несомнѣнно относится къ XII вѣву.

Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1877 г., сообщая объ этихъ находкахъ, говоритъ: „Такимъ образомъ небольшой списокъ отечественныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ XII—XIII вѣковъ, благодаря ученымъ изслѣдованіямъ академика Срезневскаго, разомъ увеличился тремя, и при томъ найденными въ такихъ мѣстахъ, которыя вошли въ составъ Московскаго государства съ половины XVI вѣва (‘).

Вмѣстѣ съ разными вещами попадается множество древнихъ монетъ русскихъ и особенно восточныхъ. Чрезвычайную важность имѣютъ монеты восточнаго происхожденія и во главѣ ихъ битыя въ X вѣкѣ въ болгарскихъ городахъ Болгарь и Суварь. Последнихъ монетъ доселѣ извѣстно всего только шесть. Особенно важны нумизматическія показанія о городѣ Суварь: онѣ подтверждаютъ отрывочныя и немногочисленныя свидѣтельства арабскихъ писателей объ этомъ городѣ, мѣстонахожденіе котораго доселѣ остается неизвѣстнымъ.

Нашъ край представляетъ также рядъ находокъ древнихъ азіатскихъ монетъ съ конца VII вѣва до начала XI в. Знаменитый Френъ, котораго можно назвать отцомъ не только восточной нумизматики въ Россіи, но и вообще ориентальной науки въ Россіи,—Френъ, который представляетъ въ лицѣ своемъ особенное украшеніе исторіи Казанскаго университета, гдѣ онъ былъ профессоромъ до перехода въ Петербургъ, указываетъ на важность находокъ азіатскихъ монетъ, которыя называются саманидскими, такъ какъ они чеканились въ Великой Бухаріи и Харасанѣ, владѣтелями которыхъ были Саманиды. „Нельзя по справедливости, говоритъ Френъ, не причислить къ важнѣйшимъ услугамъ, оказаннымъ восточною нумизматикою исторіи, то, что она въ вырытыхъ на означенномъ географиче-

---

(‘) «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1878 г. мартъ.

скомъ протяженіи (въ которому, прибавимъ, принадлежить и нашъ край) азіатскихъ арабскихъ монетахъ доставила ей указатель для опредѣленія направленія замѣчательнаго, долго остававшагося неизвѣстнымъ и отчасти оспариваемаго пути, по которому обращалась нѣкогда, въ VIII, IX и X столѣтіяхъ нашего лѣтосчисленія, дѣятельная торговля Сѣверной Европы съ Средней Азією... Перемѣшанныя съ саманидскими, болгарскія деньги (собственныя монеты этого народа или перечекаанныя имъ саманидскія)—указываютъ намъ первыхъ посредниковъ этой азіатской торговли съ Европейскимъ Сѣверомъ въ Волжскихъ Булгарахъ вмѣстѣ съ Хазарами (1)“.

Недавно я докладывалъ нашему Обществу полученное мною отъ знаменитаго нашего синолога В. П. Васильева сообщеніе о китайской монетѣ XI вѣка, купленной однимъ членомъ IV Археологическаго Съѣзда въ селѣ Булгаръ, во время экскурсіи туда Съѣзда. В. П. Васильевъ объясняетъ, что эта находка можетъ вести къ предположенію о сношеніяхъ Булгаръ съ Китаемъ въ XI вѣкѣ.

Въ огромномъ количествѣ въ нашемъ краѣ встрѣчаются монеты джучидскія, т. е. хановъ, происходящихъ отъ старшаго сына Чингизхана—Джучія, владѣльцевъ Золотой Орды,—иначе монеты Золотой Орды. Самое мѣстонахожденіе этой орды принадлежитъ уже къ области, составляющей предметъ спеціальнаго изученія нашего Общества. Ханы Золотой Орды чеканили свои монеты, кромѣ другихъ городовъ, и въ Булгарѣ, Хаджи-Тарханѣ (Древняя Астрахань) и Уксѣѣ, развалины котораго находятся при Волгѣ, верстахъ въ 8 ниже г. Саратова. Вмѣстѣ съ джучидскими монетами попадаются и другія современныя имъ и позднѣйшія азіатскія.

Подобно цѣлымъ коллекціямъ находимыхъ въ нашемъ краѣ древнихъ вещей, составлялись весьма богатая нумизматическія коллекціи, хотя огромная масса монетъ разошлась безслѣдно по рукамъ и переплавлена серебрянниками. Преимущественно на тѣхъ же опредѣленныхъ мѣстахъ, которыя богаты находками древнихъ вещей, находятъ и древнія монеты. Наше Общество смѣетъ ожидать, что не желающіе представлять въ Общество самыхъ монетъ и не

(1) «О восточныхъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи». Прилож. къ «Мухаммедаванской Нумизматикѣ» П. С. Савельева.

имѣющіе возможности передавать въ письменныхъ сообщенияхъ восточныя надписи на монетахъ, жертвуютъ Обществу снимки съ монетъ, которые дѣлаются разнообразными, извѣстными и легкими способами, напр, съ помощью воска, сургуча, фольги. Особенно удачнымъ представляется послѣдній способъ, открытіемъ котораго нумизматика обязана одному изъ почтенныхъ въ нашемъ край дѣятелей по археологіи и особенно нумизматике, покойному кн. Мих. Петр. Баратаеву, бывшему владѣльцемъ богатыхъ собраний древнихъ вещей и монетъ⁽¹⁾.

За памятниками вещественными слѣдуютъ памятники письменности русской и иностранной, особенно мусульманской. Кромѣ напечатанныхъ памятниковъ, должно обратить особенное вниманіе на рукописный матеріалъ, который мы должны не только изучать, но и отыскивать. Принятіе особенныхъ мѣръ къ приведенію въ извѣстность и сохраненію старинныхъ рукописей, хранящихся въ разныхъ болѣе или менѣе официальныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ, представляется важнѣйшею задачею дѣятельности нашего Общества.

Еще въ прошедшемъ столѣтіи извѣстный въ исторіи г. Казани директоръ Казанской гимназіи Каницъ, раненый во время вторженія Пугачева въ Казань, указывалъ, что онъ, для объясненія составленнаго имъ плана древняго города Казани, пользовался старинными манускриптами, которые получилъ изъ бібліотеки Казанскаго митрополита, изъ оверстѣ лежащихъ монастырей и другихъ мѣстъ⁽²⁾.

Въ Совѣтъ нашего Общества послѣдовало заявленіе члена этого Совѣта, директора народныхъ училищъ Казанск. губ. И. А. Износкова, что при многихъ церквахъ Казанской епархіи имѣются большіе архивы, въ которыхъ, по всей вѣроятности, заключаются болѣе или менѣе цѣнныя матеріалы для исторіи мѣстнаго края. В. К. Савельевъ сообщил о находящемся въ Нижегородской гимназіи цѣломъ сундукѣ старинныхъ рукописей, неизвѣстнаго содержанія.

---

(1) Некрологъ кн. Баратаева, напечат. въ 1 т. Изв. Императ. Археол. Общества.

(2) «Сборникъ Древностей Казанской епархіи», составл. Плат. Любарскимъ. Каз. 1868, стр. 117.

Въ настоящее время, послѣ сношеній Совѣта нашего Общества съ гимназіею, уже извѣстно приблизительно содержаніе этихъ бумагъ, которыя будутъ намъ высланы для разсмотрѣнія.

Весьма важные рукописные матеріалы для исторіи нашего края могутъ быть найдены и въ такихъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ ожидать этого было бы трудно, такъ напр. профессоръ Московскаго университета А. С. Павловъ сообщилъ мнѣ, что въ библиотекѣ Спб. Духовной Акад. (№ 315) хранится составленное въ прошедшемъ столѣтіи Историческое описаніе Казанской губерніи съ картою.

У многихъ частныхъ лицъ также сохраняются не только отдѣльные, болѣе или менѣе древніе и важные акты и другіе памятники письменности, но цѣлыя семейные архивы, напр. архивъ вв. Бакшева въ Симбирской губерніи. Благодаря просвѣщенному вниманію вв. Баюшева къ цѣлямъ науки, бумаги этого архива переписаны, приведены въ систему и съ разными научными объясненіями уже приготовлены къ печати ученымъ и дѣятельнымъ секретаремъ нашего Общества Н. П. Загоскинымъ. Далѣе мнѣ извѣстно существованіе богатаго семейнаго архива гг. Толстыхъ, потомковъ сподвижника Петра Великаго, Азовскаго губернатора, слѣдовательно представителей самой старшей линіи этой исторической фамиліи, одна отрасль которой пользуется графскимъ титуломъ. Архивъ гг. Толстыхъ находится въ ихъ наслѣдственномъ имѣніи на р. Камѣ, Мурзихѣ.

Въ примѣръ различныхъ интересныхъ актовъ, хранящихся у частныхъ лицъ, я укажу на слѣдующее. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Казанск. губ. Вѣдом. ⁽¹⁾, при описаніи села Никольское—Полянки въ Спасскомъ уѣздѣ, упоминается, что у владѣтельницы этого села г.-жи Лихачевой хранится печатная грамота объ отпущеніи грѣховъ, данная Іерусалимскимъ патріархомъ Пареніемъ въ 1748 г. полковнику Лихачеву, который путешествовалъ во святымъ мѣстамъ. „Это не единственный лѣвъ въ Россіи памятникъ подражанія Іерусалимскихъ патріарховъ церкви западной?“—говоритъ авторъ статьи о с. Никольскомъ. Указаніе на

(1) «Замѣчат. селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Казанск. губ.» статья С. Мельникова въ Каз. губ. Вѣдом 1858 г. № 14.

важныя старинныя рукописи, хранящіяся у помѣщиковъ здѣшняго края, можно было бы очень увеличить. Благодаря доброму расположенію ко мнѣ нѣкоторыхъ владѣльцевъ старинныхъ рукописей, я самъ получилъ отъ нихъ многое въ свое собственное распоряженіе.

Но старинныя акты сохранились не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ, что мнѣ самому лично извѣстно и о чемъ заявляетъ г. Мельниковъ, въ предисловіи къ своему изданію „Акты историческіе и юридическіе Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній“. „Обозрѣвая нѣкоторыя замѣчательныя селенія Казанской губерніи, я встрѣтилъ, говоритъ г. Мельниковъ, въ мірскихъ бумагахъ, сохраняющихся у выборныхъ, старостъ и повѣренныхъ, множество длинныхъ свитковъ, заключающихъ въ себѣ царскія грамоты и грамоты воеводъ казанскихъ и свѣжскихъ XVI и XVII вѣковъ“.

Въ интересахъ не только науки, но и для сохраненія достойнымъ образомъ памяти о владѣльцахъ этихъ документовъ наше Общество обращается съ покорнѣйшею просьбою не оставить безъ вниманія его предложенія—если не жертвовать Обществу, можетъ быть, дорогихъ для семейной памяти документовъ, то передавать ихъ только на разсмотрѣніе для снятія, въ случаѣ надобности, копій и напечатанія. Это будетъ и лучшимъ средствомъ къ предупрежденію окончательной гибели памятниковъ письменности, къ сожалѣнію такъ часто случающейся. Извѣстна обыкновенная несчастная судьба богатыхъ библіотекъ, дорогихъ собраній древнихъ вещей и рукописей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, по смерти послѣднихъ: библіотеки и собранія разхищаются, распродаютъ по частямъ, истребляются невѣжествомъ.

Рядомъ съ писаніемъ стоитъ преданіе. Необходимо собирать всѣ имѣющіяся преданія о различныхъ урочищахъ, лицахъ и событіяхъ. Какъ бы повидимому не были недостовѣрны, сравнительно съ положительными историческими данными, эти преданія, какъ бы они не отличались анохронизмами и другими несообразностями—все таки даже подобныя преданія составляютъ очень важный историческій или этнографическій матеріалъ. Такъ какъ здѣшний край представляетъ совмѣстное существованіе разныхъ народностей, то, само собою разумѣется, что одинаковую важ-

ность имѣютъ преданія русскія и инородческія, послѣднія даже имѣютъ преимущество передъ первыми, какъ принадлежація племенамъ болѣе древнимъ въ данной мѣстности. Авторъ Казанской исторіи Баженовъ заявляетъ, что „разныя преданія Татаръ могли бы питать мечты поэзіи. Въ разговорахъ съ Татарами о какомъ нибудь мѣстѣ, они тотчасъ прочитываютъ цѣлую легенду, основанную на слѣпой увѣренности въ дѣйствительности былаго (1)“. Но, къ сожалѣнію, подобныхъ легендъ въ печати извѣстно очень немного. Наше Общество можетъ надѣяться на содѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ жителей въ собираніи народныхъ преданій; въ этомъ можетъ принять участіе почти каждый, только что грамотный, п. ч. не требуется ничего, кромѣ точной передачи разсказа, безъ всякихъ прибавленій, исправленій и критическихъ объясненій.

Вмѣстѣ съ историческими преданіями должно собирать и памятники устной словесности русскаго и инородческаго населенія — пѣсни, сказки, пословицы, заговоры, загадки, надгробныя причитанья и т. п. Все это богатый матеріалъ не только для этнографіи, но и для исторіи.

Есть милостивые государи, особенно важный историческій источникъ, показанія котораго иногда древнѣе всѣхъ памятниковъ вещественныхъ и письменныхъ, древнѣе и самой первоначальной мѣстическо-обрядовой пѣсни—это данія языка. „Слово человеческое, говоритъ извѣстный русскій археологъ, профессоръ Кіевск. унив. Котларевскій, явилось не съ воздуха, безъ всякаго повода и причины: прежде чѣмъ существовать названію предмета, долженъ былъ существовать самый предметъ, дѣйствительный или фантастическій, но принимаемый за дѣйствительный. Вотъ почему языкъ можетъ быть названъ вѣрнымъ показателемъ матеріальнаго и нравственнаго быта извѣстнаго народа, такъ сказать—археологическимъ складомъ предметовъ его культуры... Тамъ, гдѣ, повидимому, прерывается всякая путеводная нить археолога и онъ отказывается идти впередъ, опасаясь заблудиться въ лабиринтѣ догадокъ и предположеній, тамъ онъ встрѣчаетъ лингвиста, который смѣло и прочно ведетъ его далѣе, даже до предѣла таинственнаго

---

(1) Казанская Исторія. Каз. 1847, III, 25.

возникновенія народовъ ⁽¹⁾. При такомъ отношеніи лингвистики къ исторіи, принимая въ соображеніе инородческое населеніе здѣшняго края, мы приходимъ опять къ сознанию особенной важности для нашего Общества помощи знатоковъ тюркскихъ и финскихъ языковъ. Наше Общество не можетъ не признать особенной важности трудовъ, подобныхъ „Корневому Чувашско-Русскому словарю“ Н. И. Золотницкаго, въ которомъ объясняются многія стороны чувашской культуры, или попытки г. Золотницкаго, по даннымъ чувашскаго языка, объяснить значеніе названія столицы Булгарскаго царства—Булгарь. При необходимости для каждаго изъ занимающихся мѣстной исторіею и этнографіею справокъ съ инородческими словарями, не можемъ не признать важности и имѣющаго преимущественно практическую цѣль „Словаря народно-татарск. языка по выговору крещеныхъ Татаръ Казанск. губ.“ г. Остроумова.

Наше Общество не только археологическое и историческое, но и этнографическое. Я убѣжденъ, что при современномъ пониманіи отношенія этнографіи къ исторіи, нѣтъ надобности объ этомъ распространяться. Я приведу только слова извѣстнаго историка Костомарова, особенно ясно и точно выражающія это отношеніе: „Исторія, занимаясь народомъ, имѣетъ цѣлю изложить движеніе жизни народа, слѣдовательно, предметомъ ея должны быть способы и приемы развитія силъ народной дѣятельности во всѣхъ сферахъ, въ которыхъ является жизненный процессъ человѣческихъ обществъ. Этнографія занимается изображеніемъ жизни народа, дошедшаго до извѣстной степени историческаго развитія, имѣя точкой отправленія опредѣленный моментъ настоящаго ⁽²⁾. Къ сказанному г. Костомаровымъ прибавлю, что движеніе жизни народовъ, постепенность развитія и преемственность формъ жизни представляются неодинаковыми у разныхъ народовъ. Особенною силою движенія жизни и вмѣстѣ съ этимъ, возможностью развитія

---

(1) «Металлы и ихъ обработка въ до-историч. эпоху у племенъ индо-европ.» статья А. А. Котляревскаго. См. «Древности. Труды Моск. Археол. Общества», т. I, стр. 44, 45.

(2) «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи» въ III. т. Историч. Монографій Костомарова, стр. 355.

отличаются только племена высшія, называемыя историческими; у другихъ племенъ почти незамѣтно постепеннаго развитія или оно останавливается. Къ послѣднимъ племенамъ принадлежатъ и инородцы нашего края, поэтому признаки ихъ современнаго быта объясняютъ и давнопрошедшую жизнь, которая является для нихъ прошедшею только по времени, а не по существу. Далѣе, если мы вспомнимъ, что самая великорусская народность слагалась и развивалась подъ непосредственнымъ вліаніемъ сосѣднихъ инородческихъ племенъ, входившихъ въ составъ Булгарскаго, а впоследствии Казанскаго царства, перерождая инородцевъ въ себя и многое воспринимая отъ нихъ въ свое существо, то поймемъ всю важность изученія признаковъ жизни этихъ племенъ для уясненія самой великорусской народности.

Этнографія представляетъ длинный рядъ вопросовъ о различныхъ сторонахъ жизни народовъ, я не буду перечислять этихъ вопросовъ. Наше Общество должно составить подробную программу этихъ вопросовъ и распространить ее, по возможности, между большимъ числомъ лицъ, отъ которыхъ можно будетъ ожидать отвѣтовъ на заданные вопросы. Затѣмъ наше Общество должно озаботиться объ обогащеніи археологическаго и этнографическаго музеевъ, начало которымъ уже положено.

Пять лѣтъ тому назадъ, во время бывшаго въ Казани IV Съѣзда естествоиспытателей, П. Д. Шестаковъ, нынѣ почтенный предсѣдатель нашего Общества, представилъ предложеніе объ образованіи въ Казани этнографическаго музея. „Никто не станетъ отрицать, говорилъ П. Д. Шестаковъ, что въ Казани, единственномъ университетскомъ городѣ громаднаго по пространству восточнаго края Россіи, нѣкотораго губерніи котораго по племенному составу населенія болѣе инородческаго, чѣмъ русскаго, слѣдовало бы скорѣе всего ожидать богатаго этнографическаго музея, представляющаго въ полной по возможности картинѣ всѣ особенности многочисленнаго разноплеменнаго населенія края (1)“. П. Д. Шестаковъ указывалъ и на средства обогащенія музея: онъ имѣлъ въ виду частныя пожертвованія,

---

(1) Протоколъ четв. засѣданія секціи этнографіи и антропологіи IV Съѣзда естествоиспытателей.

затѣмъ указывалъ на необходимость обратиться къ гг. губернаторамъ, къ представителямъ земствъ и городовъ, къ директорамъ гимназій и къ инспекторамъ народныхъ училищъ, къ послѣднимъ въ настоящее время должно прибавить и директоровъ этихъ училищъ. Послѣдніе, по своимъ обязанностямъ, постоянно объѣзжаютъ сельскія училища вѣреннхъ имъ районовъ и потому могутъ на мѣстѣ доставать предметы для музея и собирать интересныя этнографическія данныя.

Извѣстный археологъ Забѣлинъ указываетъ на необходимость для земствъ принять участіе въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи: „Необходимо же когда либо подумать о томъ, что каждая мѣстность есть живая часть общаго цѣлаго, а не какое нибудь департаментское отдѣленіе; что, какъ живая часть, каждая мѣстность имѣетъ самостоятельный, своеобразный смыслъ, который обнаруживается не только въ экономическихъ, но и въ историческихъ ея условіяхъ. Раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить этотъ смыслъ можетъ только исторія этой мѣстности, или области. Безъ исторіи, и этнографическіе и даже статистическіе факты остаются нѣмыми памятниками. Мы увѣрены, что современемъ не обойдутъ этой мысли и наши земскія собранія, которыя могутъ выразить свою готовность пособить этому дѣлу (1)“.

Милостивые государи! Пора русскому обществу снять съ себя упрекъ въ пренебреженіи къ родной старинѣ. Въ такомъ смыслѣ выразилось Императорское Археологическое Общество, по поводу рѣчи гр. Уварова, произнесенной при открытіи Московск. Археологич. Общества. Указывая, какъ на важнѣйшую цѣль новаго Общества—сохраненіе памятниковъ возбужденіемъ къ нимъ общественнаго вниманія, Императорское Археологическое Общество говоритъ: „Пока большинство нашей образованной публики будетъ либо совершенно равнодушно относиться ко всему, что не составляетъ интереса животрепещущаго, либо чуждаться произведеній сѣдой старины, какъ отжившей ветоши, до тѣхъ поръ много дорогихъ и живыхъ свидѣтелей прошлаго быта будетъ пропадать безвозвратно. И эти пропажи лягутъ на

---

(1) «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи» II, 114.

совѣсть не одного безграмотнаго люда или полуграмотныхъ мѣстныхъ властей, какъ иные думаютъ ⁽¹⁾«. Графъ Уваровъ въ вышеупомянутой рѣчи говоритъ: „Не только мы, но и наши предки не умѣли цѣнить важности родныхъ памятниковъ“. Но гр. Уваровъ указываетъ и на тѣ обстоятельства, которыя могутъ побѣдить наше равнодушіе къ памятникамъ отечественной древности—это пробужденное чувство народности, какъ было въ Зап. Европѣ, которая въ борьбѣ съ властью Наполеона опиралась на чувство народности: и это пробужденное чувство по умирениіи Европы обратилось на изученіе всего роднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ археологіи ⁽²⁾.

Мы—защитники народности! Но мы любимъ нашу народность и дорожимъ ею не по чувству только родства нашихъ личныхъ свойствъ со всѣми добрыми и худыми сторонами обще-народнаго свойства, а за то же, за что уважаемъ и цѣнимъ всякую другую народность,—что составляетъ въ отдѣльной народности самостоятельное выраженіе общечеловѣческихъ достоинствъ. Мы всѣми силами должны отстаивать свою народность отъ внѣшняго насилія, п. ч., сберегая свое, мы съ этимъ вмѣстѣ на пользу общечеловѣческую сохраняемъ то, чѣмъ наша народность самостоятельно увеличиваетъ сокровищницу общечеловѣческихъ достоинствъ. Мы признаемъ самостоятельный голосъ за каждую народностью и желаемъ, чтобы эти здоровые и звучные, но различные голоса составляли одинъ стройный хоръ, который поетъ на общее благо человѣчества!

Особенно между нами, въ нашемъ ученомъ Обществѣ, которое имѣетъ цѣлію изученіе различныхъ народностей, не можетъ быть какой нибудь нетерпимости, враждебности или несправедливости къ чужому. При историческомъ изученіи мы одинаково признаемъ важность историческихъ явленій, какой бы народности онѣ не принадлежали, и, изучая племенные различія настоящаго времени, мы не скроемъ дурнаго, хотя бы это было отличительнымъ признакомъ нашей народности, и признаемъ все хорошее въ каждой другой народности. Свое и чужое мы должны судить по высшимъ общечеловѣческимъ принципамъ.

(1) Извѣстія Импер. Арх. Общ., т. VI, отд. 2, стр. 19.

(2) «Древности. Труды Моск. Арх. Общ.» т. I. Вступит. рѣчь гр. А. С. Уварова.

Мы желаемъ и надѣмся при непосредственной встрѣчѣ съ инородцами дѣйствовать такъ, чтобы они вполне намъ довѣряли, чтобы необразованные, но величественные чувства правды они помогли бы намъ, не скрывали бы передъ нами своихъ вѣрованій и преданій, безъ страха повели бы насъ и къ священнымъ могиламъ, и въ глубину лѣсовъ на священныя мѣста своихъ жертвоприношеній. Инородцы должны будутъ понять, что мы приходимъ къ нимъ не для разрушенія ихъ святынь, не для кощунства и насмѣшекъ надъ ними и даже не для поученій, что мы хотимъ только знать все, какъ было когда нибудь и какъ существуетъ теперь у насъ самихъ и у нихъ, живущихъ вмѣстѣ съ нами на одной землѣ и подъ однимъ солнцемъ. Если мы уважаемъ свои святыни, то не имѣемъ права, какъ бывали къ сожалѣнію случая, посягать, хотя бы и для цѣлей научныхъ, на неприкосновенность напр. священныхъ для мусульманъ могилъ, если противъ этого возстаютъ ихъ почитатели. Особенно мы будемъ радоваться, когда нашему Обществу будутъ помогать наши иноплеменные сосѣди. Мы имѣемъ возможность ожидать этого отъ болѣе образованныхъ изъ нихъ—Татаръ, такъ какъ у нихъ обнаруживаются уже ясныя признаки стремленія къ изученію своей старины. Доказательствомъ этому служить напр. здѣшній ахунъ Шамсудинъ Баговеддиновъ, принимавшій участіе въ IV Археологическомъ Сѣздѣ, авторъ написанной на татарскомъ языкѣ Казанской исторіи, которую переводить на русскій языкъ г. Радловъ.

Вотъ, милостивые государи, наши задачи и ожиданія, для ознакомленія съ которыми мы пригласили Васъ въ настоящее наше засѣданіе. Мы не смѣемъ думать, что Вы не признаете важности цѣлей, къ достиженію которыхъ мы служимъ вполне безкорыстно.

Наше Общество—ученое братство, въ которое вступаютъ всѣ безъ различія чиновъ, званій, народностей и вѣроисповѣданій, въ которомъ всѣ пользуются одинаковыми правами. Для вступленія въ нашу среду требуются только доказательства желанія и способности трудиться. Единственное право, или, лучше сказать, выгоду, которую представляетъ наше Общество—облегченіе личнаго труда содѣйствіемъ другихъ и принадлежащими Обществу матеріалами, необходимыми для ученаго труда. Наше Общество не мо-

Жеть представлять никакихъ вѣшнихъ наградъ даже и за самыя ревностныя и несомнѣнно полезныя труды; но эта то свобода отъ всякихъ вѣшнихъ побужденій и вліяній къ труду и составляетъ нравственное достоинство ученаго общества, организація котораго удовлетворяетъ присущимъ человѣку идеальнымъ стремленіямъ — работать на пользу только одной истинѣ и въ видахъ скорѣйшаго приближенія къ ней работать сообща, помогая другъ другу!

Успѣхи нашего будущаго въ значительной степени зависятъ отъ всего мѣстнаго общества, разумѣя послѣднее въ самомъ обширномъ смыслѣ. При полномъ равнодушіи къ нашимъ цѣлямъ и работамъ, при совершенномъ отсутствіи поддержки въ вышеуказанномъ смыслѣ, наше ученое братство, замѣнувшись въ немногочисленномъ составѣ лицъ, обѣдное матеріалами и средствами для ученаго труда, не можетъ быть ни производительнымъ, ни даже долговѣчнымъ! Да, гг. представители мѣстнаго общества, мы зависимы отъ Васъ! Ваши вниманіе, сочувствіе и помощь намъ необходимы!

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

О НАЗВАНІЯХЪ

БУЛГАРЪ, БИЛЯРЪ И МОРКВАШЫ.

Н. И. ЗОЛОТНИЦКАГО.

(Читана въ Общемъ Собраніи гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи
и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, 30 ноября
1878 года).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

О НАЗВАНІЯХЪ

БУЛГАРЪ, БИЛЯРЪ И МОРКВАШЫ.

Послѣ научной разработки историческихъ и филологическихъ данныхъ, касающихся Булгарской страны, Булгарскаго народа и города Булгара и еще послѣ разработки такими корифеями науки, какъ Френъ, Эрдманъ, Григорьевъ, Хвольсонъ, Гаркави, Березинъ и др. и имѣя предъ собою капитальный трудъ С. М. Шпилевскаго, поднесенный имъ IV-му Археологическому Съѣзду, представляется бесполезнымъ предпринимать новыя изысканія къ разъясненію недоразумѣній, оставшихся въ тщательно изслѣдованной области. Однако же два-три живыя слова въ устахъ народа, подтверждаемыя историческими указаніями и народнымъ преданіемъ и оправдываемыя лингвистическими соображеніями, при твердомъ убѣжденіи, что сравнительная филологія можетъ оказать значительныя услуги въ разрѣшеніи этнографическихъ и археологическихъ недоразумѣній, побуждаютъ меня представить вниманію людей науки замѣтку, касающуюся предметовъ той же области.

Наибольшему развитію лингвистическихъ соображеній, заключающихся въ моей замѣткѣ, способствовали пропускъ изслѣдователями такихъ фактовъ, которые, на мой взглядъ, имѣютъ высокую научную цѣнность, и ихъ недомолвки, избѣжаніе которыхъ могло бы придать выводамъ рѣшающее значеніе. Не говоря уже о трудахъ предшественниковъ С. М. Шпилевскаго, не могу умолчать что и въ его книгѣ „Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, изчерпавшей, пристроившей къ мѣсту и оцѣнившей по достоинству все относящееся къ дѣлу, встрѣ-

чаюся возбуждающіе сожалѣніе пропуски и недомолвки,— такъ напр.

а) Дѣлая множество ссылокъ на матеріалы, заключающіеся въ „Корневомъ Чувашско-Русскомъ Словарѣ“, С. М. Шпилевскій почему-то отстранилъ указаніе на то, что Вотяки Татаръ зовутъ *Витер*, т. е. *Бумар*⁽¹⁾; тогда какъ это указаніе, не говоря уже о цѣнности его съ лингвистической точки зрѣнія, подтверждаетъ слова Шереф-Эддина-Булгари: „городъ (*Бумаръ*) разоренъ, обращенъ въ ничто и небытіе: въ мірѣ *осталось* только одно *имя его*“⁽²⁾,— разумѣя имя не только въ смыслѣ преданія, но и въ смыслѣ *живаю* имени—*названія* народа—и дополняетъ свидѣтельство В. В. Григорьева тѣмъ, что *не только* „нынѣшніе Татары, *въ воспоминаніе* древней славы, *иногда* еще съ *гордостію* величаютъ себя *Бумарлык*’омъ, Булгарствомъ“⁽³⁾, но что нынѣшнихъ даже Татаръ Вотяки зовутъ *не иначе* какъ Булгарами⁽⁴⁾,

б) Разматривая статью г. Шарловскаго „Изюлеевская волость“, С. М. Шпилевскій признаетъ „важнымъ указаніе на существующее *преданіе о переселеніи* сюда (въ свѣжскій уѣздъ) съ вост., *изъ Бумари*“⁽⁵⁾, но въ тоже время и опять неизвѣстно почему опускаетъ указаніе „Корневаго Чув. Рус. Словара“ на то, что „*по преданію* основателемъ деревни Уразметгевой чебовс. уѣзда, называемой по-чувашски *Моргар*, былъ Меди, *родомъ Бумаръ*, по чувашскому выговору *Моргар*, убитый въ битвѣ у р. Бувы и похороненный на старомъ владбищѣ у дер. Васюковой, свѣж. уѣзда и что надъ его могилой есть камень съ арабскою надписью“⁽⁶⁾; между тѣмъ какъ здѣсь при указаніи на преда-

(1) «Корн. Чув. Рус. Словарь», стр. 245.

(2) «Древніе города», стр. 30.

(3) Тамъ же, стр. 41.

(4) Не могу для дальнѣйшихъ соображеній пропустить позднѣйшаго извѣстія Кунника (Извѣстія Ал-Бекри и др. автора о Руси и славянахъ, Спб. 1878 г. стр. 154 и 155), драгоценнаго въ археолого-этнографическомъ отношеніи, что «Казанскихъ Татаръ и по сію пору въ средней Азіи называютъ *Болгарами*».

(5) «Древніе города», стр. 495.

(6) «Корн. Чув. Рус. Слов.», стр. 248.

не стоитъ еще названіе *Булара* по чувашскому выговору, что, и не зависимо отъ преданія и отъ надгробной надписи, должно обратить на себя особенное вниманіе археолога и возбудить запросъ объ отношеніяхъ чувашскаго говора къ древне-булгарскому, подобно тому какъ самъ же С. М. Шпилевскій, признавъ „особенно важнымъ слово *Трунове*, указалъ на него, какъ на единственное древнее булгарское слово“⁽¹⁾, или подобно тому какъ самъ же онъ сдѣлалъ запросъ: „что такое *Марквашъ?*“⁽²⁾.

и в) С. М. Шпилевскій великолѣпно доказалъ, что со времени сожженія Русскими, въ 1164 г., города *Булара-Брахимова* „Великимъ городомъ“ назывался городъ *Бюляръ-Бульмеръ*, и что названіе это вновь перешло къ Булгару-Брахимову послѣ сожженія Татарами, въ 1236 г., города Бюяра-Бульмери. Но если бы онъ, сказавши, что „между именами погребенныхъ (въ Булгарѣ-Брахимовѣ) встрѣчаются *пришельцы* изъ отдаленныхъ странъ: шейхъ Ширванскій, Хасанъ Самаркандскій, сынъ Мухаммеда Джендскаго, сынъ шейха Кердарскаго и Махмудъ Ціамахинскій“⁽³⁾,—въ то же время обратилъ вниманіе еще на 4 надгробныя надписи надъ погребенными въ томъ же Булгарѣ-Брахимовѣ съ именами: Реджеба, сына Мусы *Булгарскаго*,—Серихъ, дочери Хюсейна, сына Мансура *Булгарскаго*,—Ахмеда Хаджи, сына Мумина, сына Мир-Хусейна Насыра *Булгарскаго* и—Фатьмы, дочери Акба, сына Мухаммеда, сына Юсуфа *Булгарскаго*⁽⁴⁾, и если бы при этомъ сообразилъ, что на прочихъ Булгаро-Брахимовскихъ памятникахъ, какъ поставленныхъ надъ мѣстными Брахимовскими жителями или потомками мѣстныхъ жителей, въ надписяхъ при именахъ покойниковъ и ихъ предковъ *нѣтъ* указаній на *мѣсто происхождения* ихъ, въ чемъ, очевидно, и надобности не было; то онъ, С. М., вѣроятно, не отказался бы и поименованныхъ 4-хъ покойниковъ признать *пришельцами* или потом-

---

⁽¹⁾ «Древніе города», стр. 156.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 174.—На запросъ о *Марквашѣ* отвѣчу въ этой же замѣткѣ, а о *Труновѣ*—въ особомъ изслѣдованіи.

⁽³⁾ «Древніе города», стр. 241.

⁽⁴⁾ «Булгаръ на Волгѣ» И. Березина, стр. 38, 42, 45 и 46; надписи подъ №№ 24, 39, 45 и 46.

ками *пришельцев* изъ другой мѣстности, называвшейся также *Бумаромъ*, какъ и Булгарь-Брахимовъ; а признавши это, припомнивши мнѣніе Сенковского, что „были два города, которые назывались *Бумарами*, *Булярами* и *Великими*“⁽¹⁾ и согласившись съ мнѣніемъ В. В. Григорьева, что „*Бумаръ* и *Буляръ* (*Буларъ*, *Билеръ*, *Буляръ*) суть только два различныя діалектныя произношенія одного и того же слова“⁽²⁾, онъ самъ, навѣрное, пришелъ бы къ заключенію, что поименованные 4 покойника или предки ихъ были *пришельцы* или потомки *пришельцевъ* изъ города *Буляра-Булымери*, что слѣдовательно этотъ послѣдній городъ назывался и писался *Бумаромъ*, также какъ и Булгарь-Брахимовъ и что поэтому названіе *Бумара*, относящееся къ обоимъ городамъ—Брахимову и Булымери, должно быть вполнѣ тождественно съ названіемъ „*Великаго юрода*“, принадлежавшимъ обоимъ же городамъ, и если бы затѣмъ С. М. принялъ лингвистическое указаніе, что названіе „*Великій Градъ*“ есть почти буквальный *переводъ* слова *Бумаръ*, то въ концѣ концовъ онъ блистательно доказалъ бы, что оба названія, т. е. тюркское *Бумаръ* и *Буляръ* (въ отношеніи города) и русское „*Великій Градъ*“, просто означаютъ столицу царства или страны.

Вотъ этого-то послѣдняго вывода, къ которому С. М. Шпилевскій могъ бы придти, при всѣхъ прочихъ своихъ соображеніяхъ, путемъ надгробныхъ надписей, я надѣюсь достигнуть *своею* дорогой.

Вышеприведенные три пропуска въ книгѣ С. М. Шпилевскаго составляютъ, по моему мнѣнію, главную причину того, что его выводы не получили рѣшающаго значенія, между тѣмъ какъ онъ уже *почти* сказалъ тоже самое, что нами высказано сейчасъ о значеніи слова *Бумаръ* по отношенію къ городамъ и что въ другихъ отношеніяхъ мнѣ приводится доказывать начиная ab ovo. Для убѣжденія въ справедливости этого возьмемъ два мѣста изъ его книги.

Стр. 173. „Можно указать и причину молчанія лѣтописей объ этомъ городѣ (*Бумарт-Брахимовъ*, отъ 1164 до 1374 г.): онъ былъ взятъ и разоренъ въ 1164 г. Андреемъ Боголюбскимъ и съ этого времени онъ долженъ былъ поте-

(1) «Волжскіе Булгары» въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 100.

(2) Энциклопед. Лексик. Плюшара 1836 г., т. VII, стр. 293.

рять свое значеніе *Славнаго юрода* и не могъ привлекать вниманіе лѣтописцевъ. Въ послѣдующихъ походахъ 1184 и 1220 г. Русскіе направлялись не противъ него, а противъ *Великаго юрода* — *Бюлара* и при нашествіи Татаръ долженъ разумѣться *Великій Городъ Бюларъ*, какъ *сильнѣйшій въ то время*, а не разоренный *Бумаръ*. Со времени нашествія Татаръ, когда былъ сожженъ *Великій юродъ*, *первенство опять переходитъ къ Бумару*, который имено подъ татарскимъ владычествомъ долженъ былъ *опять подняться*... Поэтому понятно, по чему во время татарскаго владычества *не упоминается Великій юродъ и юворится только о Бумаръ*, а въ 1399 г. онъ *называется Великимъ*, подобно тому, какъ *прежде назывался Бюларъ*“.

Стр. 184. „Подъ *Бомарями Великими* (въ 1399 г.) должно разумѣть г. *Бумаръ*, который въ это время, послѣ сожженія Великаго города — *Бюлара*, былъ *важнѣйшимъ и величайшимъ юродомъ въ Бумаріи*... Съ перемѣною обстоятельствъ, съ уничтоженіемъ *прежняго значенія Бюлара*, прозванье, которое прежде принадлежало послѣднему (*Великій Гюродъ*), *лѣтописи присвоили Бумару*“.

Но для того, чтобы говорить о происхожденіи, первоначальномъ значеніи слова Булгаръ и его отношеніяхъ къ другимъ названіямъ, необходимо выслушать еще нѣкоторыя мѣста изъ древнихъ и современныхъ писателей, въ которыхъ недомолвки и недоразумѣнія будутъ для насъ еще яснѣе.

Изъ всѣхъ сказавій арабскихъ писателей о Булгарѣ только два относятся къ самому названію:

а) Сообщаемое Хюльсономъ сказаніе *Эль-Бальхи*, умершаго въ половинѣ X ст.: „*Бумаръ* — имя страны, жители которой исповѣдуютъ *исламъ*, и имя юрода, въ которомъ находится *главная мечеть*. Не далеко отъ этого юрода лежитъ другой юродъ *Сиваръ*, гдѣ также находится *главная мечеть*... число жителей *обоихъ этихъ юродовъ* простирается до 10 тысячъ“. Въ другомъ мѣстѣ *Эль-Бальхи* говоритъ: „*Внѣшній Бумаръ* маленькій юродъ, не занимающій большаго пространства, и извѣстенъ только тѣмъ, что онъ *главнѣйшій торювый пунктъ* этого юсударства“. — С. М. Шпилевскій поясняетъ: „Подъ выраженіемъ *Внѣшній Бумаръ* арабскіе писатели всегда разумѣли страну Дувайскихъ Булгаръ въ противоположность *Внутреннему Бумару*, т. е. странѣ Камско-Волжскихъ Бул-

гарь, но здѣсь, очевидно, Эль-Бальхи разумѣть городъ на Волгѣ⁽¹⁾.— По этому предмету имѣемъ указаніе В. В. Григорьева: „Греки означали Волжскую Буларію именемъ *Великой*, а Аравитяне называли ее— *Дахеле, Внутреннюю*, точнѣе— *Входящую*, а названіе *Великой* давали они *Буларіи Дунайской*“⁽²⁾.— Съ своей стороны, осмѣлюсь замѣтить, что хотя арабскіе писатели, употребляя слово „беледъ“— страна, государство въ значеніи города, имѣютъ обыкновеніе называть столицу именемъ самой страны; однако же, если Эль-Бальхи (во второмъ мѣстѣ) довольно ясно опредѣлилъ отношеніе города— *Внѣшняю* Булгара— въ государству и разумѣлъ подъ этимъ именемъ городъ Булгаръ на Волгѣ; то здѣсь слово *Внѣшній* нельзя считать прямо ошибкою (въ родѣ замѣчательной ошибки Масуди, помѣстившаго городъ Булгаръ на берегу Азовскаго моря); напротивъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что онъ этимъ словомъ хотѣлъ отличить *приволжскій* Булгаръ, какъ *главный городъ* государства, отъ какого-то *Внутренняю главною же* города— Сивара или другаго, такъ какъ въ первомъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ городахъ *какъ о главныхъ*.

б) *Абу-Хамидъ-эль-Андалуси*, посѣтившій Булгаръ въ 1135 г., говоритъ, что „*Булгаръ* большой городъ; вокругъ Булгара безчисленныя племена *Туркоговъ*; назывался онъ *Бюларомъ* по имени благочестиваго мусульманина *Бюляра*, исцѣлившаго жену болгарскаго царя, слѣдствіемъ каковаго исцѣленія было принятіе Булгарами ислама, но впоследствии названіе это подверглось арабскому измѣненію— въ *Булгаръ*“.— *Абуль-Феда*, арабскій писатель начала XIV ст., вѣроятно основываясь на Андалуси, говоритъ, что „*Боларъ*, названный *Арабами* *Болмаръ*, городъ на крайнемъ обитаемомъ Сѣверѣ“.— Френъ и Хвольсонъ отвергають арабизированіе названія. Первый говоритъ, что *Бюларъ* былъ городъ отдѣльный отъ *Булгара*; но Хвольсонъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ „очень любопытнымъ указаніе Абу-Хамида, что имя „*Биларъ*“ вмѣсто *Болгара* было извѣстно уже въ началѣ XII стол. Это имя принимали тогда даже за первоначальное и туземное“⁽³⁾.— Выше я уже привелъ мнѣніе по этому предме-

(1) «Древніе города», стр. 8.

(2) «Волжскіе Булгары» въ сборникѣ «Россия и Азія», стр. 90.

(3) «Древніе города», стр. 12.

ту В. В. Григорьева и еще буду имѣть надобность говорить объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Приводимыя Эрдманомъ изъ Ибн-эль-Варди, умерш. въ 1349 г., мѣста говорятъ, что 1. *Бумаръ* лежитъ на самомъ берегу Волги, что онъ былъ прежде извѣстенъ, какъ главный городъ и гавань этой страны, пока его не разрушили Руссы⁽¹⁾.

Приведу еще нѣкоторыя болѣе замѣчательныя мѣста изъ русскихъ лѣтописей. Подъ 985 г.: „Иде Володимиръ на *Болгары*... и побѣди *Бомары*... и сѣтвори миръ съ *Бомары*“.

Подъ 1164 г.: „Иде князь Андрей на *Бомары*... и одва вмалѣ дружинѣ утече князь *Болгарскый до Великаго города*; князь же Овдрей... шедше взяша градъ ихъ *Славный Бряхимовъ*“.

Въ сказаніи о убіеніи Андрея Боголюбскаго: „Князь великій много воева *Бомарскую землю*“.

Подъ 1236 г.: „Придоша отъ восточныѣ страны в *Болгарскую землю*, безбожни Татары, и взяша *Славный Великій городъ Болмарскый*“.

Подъ 1229 г.: „Страсть нѣбаго мученика Христова, его же убиша *Болгаре в Великомъ градѣ ихъ*... за кровь его погорѣ у него большая половина *города Великаго*“.

Подъ 1360 г.: „Булактемиръ вв. Ордынскій *Бомары* взялъ и всѣ города по Волзѣ и улусы“. — При этомъ С. М. Шпилевскій говоритъ: „Здѣсь Булгары я разумѣю въ смыслѣ земли и народа, подобно тому, какъ лѣтописи говорятъ— въ Болгарахъ, т. е. въ Булгарской землѣ, или въ Булгары, т. е. въ Булгарскую землю“⁽²⁾.

Наконецъ примемъ къ свѣдѣнію два указанія В. В. Григорьева о названіи города Булгара.

„Нѣтъ сомнѣнія, что въ этнографіи Булгаровъ есть весьма важныя поводы усматривать турецкое начало... Самое слово „*Бумаръ*“, или по другому произношенію „*Буляръ*“, какъ нельзя болѣе татарское. Въ словѣ *Бохмитъ* заключаются еще сильнѣйшія улики Волжскихъ Булгаровъ въ татарщинѣ: ежели сами Булгары называли Магомета *Бахметомъ*, то они несомнѣнно говорили по-татарски... Названіе

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 20.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 126.

русскаго дома „Бахметевыхъ“ удостовѣряетъ, что и Монгольскіе Татары, въ началѣ своей мусульманской образованности, *по свойству восточно-турецкихъ нарѣчій*, точно такъ же произносили имя пророка⁽¹⁾.

Говоря далѣе о славянскомъ характерѣ Булгара, В. В. Григорьевъ замѣчаетъ: „Можно даже сомнѣваться, назывался ли Булгарь, на самомъ мѣстѣ не иначе какъ „Великимъ Городомъ“; имя *Бумарь* могло быть присвоено ему *Аравитянами*, по обыкновенію ихъ—называть столицу именемъ самой области для избѣжанія трудныхъ иностранныхъ звуковъ“⁽²⁾.

Чтобы узнать, кому первоначально принадлежало названіе *Бумар*—странѣ ли, народу ли, или же городу,—необходимо въ точности опредѣлить значеніе названія, распознавъ составныя его части и выяснивъ взаимныя отношенія ихъ по законамъ сравнительной филологіи, не увлекаясь, соблазнительными въ подобной работѣ, сходственными и однозвучными комбинаціями.

Извѣстно, что во всѣхъ нарѣчіяхъ тюркскаго и монгольскаго происхожденія господствуетъ законъ *созвучія* или *гармоніи гласныхъ*, по которому каждое слово, со всѣми грамматическими приставками и придаточными частицами, должно состоять или исключительно изъ *толстыхъ* гласныхъ (тат. *Казан-да-чы*—казанскій), или же изъ однихъ *тонкихъ* гласныхъ (чуваш. *Чекме-ри-зэм*—возмодемьянскіе) звуковъ.

Въ такихъ же фонетическихъ отношеніяхъ къ опредѣляющимъ словамъ состоятъ существительное джагатайско-турское *йѣр*, по произношенію—татарское *ѣир*, киргизское и алтайское *ѣеръ*, чувашское *сырь* (башкир. *зир*, якут. *сир*)—„земля, мѣстность, страна“, которое въ названіяхъ мѣстностей составляетъ какъ бы окончаніе слова. Въ большинствѣ случаевъ это существительное, какъ окончаніе, подчиняется фонетическому вліянію опредѣляющаго (предшествующаго) слова и является въ видѣ *иръ*, *эръ*, *еръ*, *ѣр* и *ар*⁽³⁾, такъ напр. *Шин-эръ* (тур. азербидж. *шен*)—обильная или весе-

---

(1) «Волжскіе Булгары» въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 95.

(2) Тамъ же, стр. 97.

(3) Корн. Чув. Рус. Словарь, стр. 258.

лая мѣстность ⁽¹⁾, *Кич-эръ* (= чув. *кине сьирь*) — мѣстность, въ которую вошли, *Тинь-эръ* (= чув. *тинне сьирь*) — обсохшая мѣстность, *Шемж-эръ* (= чув. *сьэмзе сьирь*) — мягкая, вѣжная мѣстность, *Кѣрман-ер* — укрѣпленная мѣстность ⁽²⁾: сюда относится — *Виг-ер*, *Війг-ер* — вотяцкое названіе Татаръ; *Косн-ар* (= чув. *косны сьирь*) — мѣстность, на которую перешли, *Шын-ар* (= чув. *шынны сьирь*) — замерзшая мѣстность, *Чыан-ар* (= тат. *чыккан жир*) — страна, изъ которой вышли: сюда относятся *Булг-ар* и по чувашскому выговору *Морг-ар* или *Мург-ар* (звукъ *у* произносится какъ глухой *о*). Но не рѣдко это тонко-звучное слово, какъ существительное, при полномъ сліаніи съ предшествующимъ опредѣляющимъ, вліяетъ на фонетическое утонченіе послѣдняго, напр. *Вѣрм-эръ* (чув. толстовзвучное *сурум*) — длинная мѣстность, *Кѣш-ир* (джагат. толстовзвуч. *каш* — холмъ, грива горы) — возвышенная мѣстность ⁽³⁾: сюда относится *Бѣл-ѣр*, *Вил-ѣр*.

Указавъ, такимъ образомъ на причину измѣненія звуковъ по закону гармоніи *гласныхъ*, въ словахъ

В	У	Л	Г	А	Р
В	Ў	Л	—	А	Р
В	І	Й	Г	Е	Р
М	У	Р	Г	А	Р

и заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ о тождествѣ и безразличіи между собою всѣхъ этихъ четырехъ разнозвучныхъ словъ, я долженъ разъяснить: разницу въ *согласныхъ* I) между начальными В и М, II) между послѣдующими Л, Й и Р и III) отсутствіе Г въ словѣ *Бѣл-ѣр*.

I. Въ вышеприведенномъ мнѣніи В. В. Григорьева о присутствіи въ Булгарахъ турецкаго начала и о соблюденіи Монгольскими Татарами, въ началѣ своей мусульманской образованности „свойства восточно-турецкихъ нарѣчій“

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 259.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 262.

⁽³⁾ Селенія въ невзелинскомъ уѣздѣ уфимской губ. и въ бугульминскомъ — самарской, называемыя мѣстными татарами: *Кѣшир-башы*, *Иске Кѣшир*, *Янга Кѣшир*, а по русски *Кашыр-башы*, средній, старыи *Кашыр* и новыи *Кашыры*.

при произношеніи звука **б** вмѣсто **м**, указано на слово **Вохмитъ**, **Вахметъ** вм. **Магометъ** и на названіе дома **Вахметевыхъ**. Къ тому же періоду относится и слово **бусурманъ** вм. **мусульманъ**. Но кромѣ этихъ двухъ можно привести еще цѣлую сотню словъ въ доказательство перехода звуковъ **м** въ **п=б** и обратнаго **п=б** въ **м** не только въ разныхъ нарѣчіяхъ тюркскаго корня, какъ напр.: чуваш. **цинь** (тысяча) — турец. **бин** — тат. **мен** — киргиз. **мыг** — алтай. **мунг**, чув. тат. **шамык** — турец. **пумух**, **бумух** — русск. **бумага** хлопчатая и т. п.; но даже въ словахъ и формахъ словъ одного и того же нарѣчія: алтай. **макаттыр**, **мааттыр** и **пааттыр** — богатырь, **пажак** и **мажак** — колось, **палта** и **шалта** — топоръ; алтайско-кондомское **мѣѣзѣк** и **пѣѣзѣк** (алтай. **пѣѣк**, чуваш. **пызык**, турец. **буѣук**, татар. **бейек**) — большой, великій; чуваш. **эпъ** (я) и **ман** (мой), **кил-епъ** и **кил-емъ** (приду я), **из-ебер** (попьемъ мы) и **исър-емер** (пили мы) и т. п. А что взаимный обмѣнъ звуковъ **М** и **В** не есть исключительное „свойство восточно-турецкихъ нарѣчій“, то стоить указать на русское слово **блинь**, иначе **млинь**, перешедшее въ чувашскій языкъ въ видѣ **племъ**, **пйлемъ**, въ черемисскій **мельна**, въ вотяцкій **мылым**. Такимъ образомъ употребленіе звука **М** вмѣсто **В** въ чувашскомъ выговорѣ слова **Муриар** вмѣсто **Вуриар** представляется достаточно разъясненнымъ.

II. Что касается до разницы между звуками **Л**, **Р** и **Й** въ словахъ **Будлар**, **Муриар** и **Бйлер**, то она только съ перваго раза кажется довольно значительною, между тѣмъ какъ мы безпрестанно съ нею встрѣчаемся въ житейскомъ быту. Такъ человекъ и преимущественно дитя, у котораго органъ языка наименѣе развитъ и еще неспособенъ къ нужнымъ въ данный моментъ подъѣму и вибраціи, чаще всего произноситъ звуки **Л** и **Р** какъ **Й** — **ј** (йоту): **быји** на **јѣкѣ**, **јовији** **јибу**, **пијији** **дјова**, **којова**, **кујица** и т. п. При усовершенствованіи же органа языка дитя свободнѣе выговариваетъ звукъ **Л**, на первыхъ порахъ йотируя его, или смягчая слѣдующую за нимъ гласную: **люна** была **польна**, **тольчокъ** и т. п., и, до полнаго развитія органа, этимъ же звукомъ **л** замѣняетъ и **р**: **либа**, **люка**, **лѣва**, **колѣва**, **кулица** и т. п. Такъ русскій простолюдинъ, въ заимствованныхъ словахъ, звуки **л** и **р** то замѣняетъ одинъ другимъ: **пермень** (вм. **пель-нянь**), то переставляетъ одинъ звукъ на **мѣ-**

сто другаго: левельскій полкъ (вм. регельскій), особенно же когда звукъ р встрѣчается дважды въ одномъ и томъ же словѣ: левизоръ, селлетаръ, дилехторъ, паликмахеръ, левольверъ, лесора, леторта, оларь (орарь), Листархъ (вм. Аристархъ), листовратъ (вм. аристократъ) и т. п. Впрочемъ, обращаясь къ фактамъ болѣе научнымъ, не станемъ доискиваться причинъ, почему напр. въ древне-персидскомъ языкѣ вмѣсто звука л вездѣ находится р, или почему Японцы не выговариваютъ звука л и также замѣняютъ его звукомъ р, говоря: Паверъ, Никорай, или почему Китайцы поступаютъ наоборотъ, говоря: Одос вмѣсто взятаго ими у Татаръ Орос — Русскій; но обратимъ вниманіе на произношеніе нѣкоторыми иноподданми одного и того же слова:

Русскій или	Р	у	с	ь:
Черемисинъ говоритъ	Р	у	ш	
Пермякъ —	Р	о	ч	ь
Якутъ —	Л	у	ч	а
Тунгузъ —	Й	у	ч	ы
Вотякъ —	З	й	у	с
Татаринъ —	О	р	у	с
Китаецъ —	О	л	у	с
Чувашиный —	В	ы	р	ы

Кромѣ того, въ доказательство, что Л—Р и что Й—Л и Р, мы найдемъ много фактовъ въ сравненіи словъ татарскихъ, киргизскихъ, алтайскихъ съ чувашскими, напр.

- тат. *балта* — чув. *порда* — топоръ;
- тат. *эйәмле* — чув. *идемле* — красивый,
- тат. *уйна* — чув. *вылля* — играй;
- тат. *кой* — чув. *хор* — положи,
- тат. *кайын* — чув. *хорын* — береза,
- тат. *туйын* — чув. *туран* — насыться,
- тат. *уйан* — чув. *вуран* — проснись,
- алт. *ий* — чув. *яр* — пошли,
- тат. *айак* — чув. *ора* — нога;
- тат. *жукары* — чув. *сѹде* — верхъ,
- кирг. *ѹряр* — чув. *ѹдыяръ* — плеяды и т. п.

Если же во всему этому припомнимъ еще, что и Монгольскіе Татары, „въ началѣ своей мусульманской образованности“, называли себя *бусурман* вмѣсто *мусульман*; то можемъ безъ

сомнѣнія признать тождественными слова *Буллар*, *Мурлар* и *Бѣллар*. Между тѣмъ ниже излагаемое объясненіе слова *Моркванъ* еще разъ подтвердитъ эту тождественность.

III. Еще въ началѣ XII вѣка, какъ видно изъ сказанія Абу-Хамида-эль Андалуси и замѣчанія на него Хвольсона, городъ *Буллар* назывался *Бѣллар*’омъ и это послѣднее названіе принималось тогда за первоначальное и туземное, названіе же *Буллар* признавалось арабизированіемъ слова *Бѣллар*. Но намъ уже извѣстно мнѣніе В. В. Григорьева, что „*Буллар* и *Биллар* (*Буллар*, *Биллар*, *Бѣллар*) суть только два различныя діалектныя произношенія *одною* и *того же слова*“. Доказательства справедливости этого мнѣнія не требуютъ обширнаго развитія: кажется, достаточно будетъ указать на то обстоятельство, что и въ настоящее время согласные гортанные звуки ж и г въ чувашскомъ нарѣчій при всякомъ удобномъ случаѣ или замѣняются другими или вовсе выбрасываются, что и производитъ своеобразность въ произношеніи чувашскихъ словъ сравнительно съ произношеніемъ прочихъ тюркскихъ нарѣчій. Это обстоятельство побудило меня напечатать особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Особенности чувашскаго языка, зависящія отъ измѣненія и выпуска согласныхъ гортанныхъ звуковъ“⁽¹⁾. Въ числѣ, указанныхъ въ томъ изслѣдованіи, 20-ти фонетическихъ и этимологическихъ формъ встрѣчается также изчезаніе г послѣ плавнаго л, напр. татар. *алгыз* — чув. *ил-ер* — возмите, *кильгез* — *кил-ер* — приходите, *билъгын* — *биль-не* — знаемый, *булгачын* — *бол-яссын* — если будетъ и пр. т. п. Если же при этомъ принять во вниманіе высказанныя въ одномъ изъ засѣданій IV Археологическаго Съѣзда (2 авг. 1877 г.) мнѣнія: В. В. Радлова, что „нынѣшніе Чуваши суть потомки древнихъ Болгаръ“ и Н. И. Ильминскаго, что встрѣчающіяся въ болгарскихъ надписяхъ (на могильныхъ памятникахъ) чувашскія формы, по звуковому отношенію къ нынѣшнему чувашскому языку, составляетъ какъ бы среднюю ступень между нынѣшними чувашскими и татарскими формами⁽²⁾; то можно дать полную вѣроятность тому, что *оба юрода* (Брахимовъ и Булларъ) по народному (булгарско-чувашскому) выговору назывались *Бѣллар* (*Биллар*), а по

(¹) Въ Учен. Запискахъ, Казан. Университета 2 № за 1877 г.

(²) Извѣстія о занятіяхъ IV Археол. Съѣзда, стр. 50.

обще-тюркскому (булгарско татарскому) назывались и писались *Бумар*, по буквальному же переводу въ русскихъ лѣтописяхъ тотъ и другой именовались „*Великимъ Градомъ*“, смотря по тому, который изъ нихъ и въ какое время былъ столицею царства: этимъ вполне оправдывается мнѣніе Сенковскаго, что „были два города, которые назывались *Бумарами*, *Билярами* и *Великими*“.

Окончивъ объясненія относительно тожества и безразличія въ словахъ *Бумар*, *Бумар*, *Бийер* и *Мурар*, я долженъ опредѣлить происхожденіе и точное значеніе этихъ словъ.

Первоначальнымъ изъ нихъ я признаю *Бийер*, такъ какъ оно 1) вполне соответствуетъ изложенному мною (во II-мъ пунктѣ объясненій) закону постепеннаго развитія звука *и* въ *л* и *р*, 2) точно опредѣляетъ значеніе названія и сохраняется во всей чистотѣ у бывшихъ сосѣдей Булгаръ—Вотяковъ, именно у таковаго народа, который и въ настоящее время едва начинаетъ выходить изъ состоянія первобытной культуры, на который менѣе всѣхъ прочихъ мѣстныхъ инородцевъ вліяли совершавшіяся по сосѣдству съ ними историческія событія и перевороты и который по этому долженъ быть устойчивѣе въ храненіи преданій, и при томъ—сохраняется (это названіе) у нихъ въ теченіи шести съ половиною столѣтій уже послѣ того, когда окончательно палъ Булгарскій ханатъ и когда сами Булгары начали называться именемъ побѣдителей—Татарами.

Слово *Бийер* я считаю (какъ отчасти объяснилъ уже прежде) составнымъ изъ татарско-булгарскаго *бийи* (алт. *бийик*, турец. *бийук*)—„большой, главный, великій“ и изъ *ар*—*жер*, *жерь*, татар. *жерь*—„земля, страна, мѣсто“, т. е. —полагаю, что первоначальное названіе было тонкозвучное *бийи-ар* (¹), толстозвучное *бийи-ар*—„великая страна“.

Послѣдующими, по закону развитія звуковъ, измѣненіями въ названіи страны должны были быть тонкозвучное *Били-ар*, *Биль-ар*, а по народному выговору (чувашиско-болгарскому, за выпускомъ гортаннаго *и*)—*Бил-ар*, *Бумар*, толстозвучное—*Бум-ар*—народному *Бул-ар* (²) и наконецъ позднѣйшее—заволжско-чувашиское *Мурар*, *Морлар*.

(¹) Звукъ *к* между гласными и послѣ плавныхъ *л* и *р* переходитъ въ *с*.

(²) Эту форму находимъ въ имени *Бумар-тай* на XXVI надгробной надписи, «Булгаръ на Волгѣ», стр. 38.

Но и въ первоначальномъ названіи *Віи-ар*, прежде чѣмъ *и* перешелъ въ *л* и образовалось *Вил-ар*, слѣдуетъ также допустить, по народному выговору, выпускъ гортаннаго *г*, а имянно—название *Вил-ар*, *Ви-ар*. Если же перенести эту форму на название цѣлой страны; то очевидно, она можетъ пояснить название загадочной *Віар-мин*, обладавшей баснословными богатствами и производившей обширную торговлю,—*Віармин*, о которой Скандинавскія и Византійскія лѣтописи даютъ самыя сбивчивыя извѣстія, неподтверждаемыя никакими историческими доказательствами и неприложимыя къ вышней *Перми* (¹). Поводъ къ такому предположенію даютъ слѣдующія обстоятельства: 1) Хотя въ этнографіи Нестора при исчисленіи финскихъ племенъ, населявшихъ сѣверъ и востокъ вышней Европейской Россіи, встрѣчается имя *Пермь*, но точныхъ предѣловъ мѣста жительства этаго племени вовсе не обозначено; 2) Самыя себя Пермьки называютъ *Ками-отир*, а о словахъ *Пермь* и *Пермякѣ* ничего опредѣленнаго сказать не могутъ; 3) Первое упоминаніе о странѣ Пермской (*Перемь*), какъ уже подвластной Новгороду, находится въ двухъ грамотахъ, данныхъ Новгородцами великому князю Ярославу Ярославичу въ 1263 г., т. е. уже послѣ уничтоженія самостоятельности Булгарскаго ханата (²); между тѣмъ 4) по мнѣнію В. В. Григорьева, „границы Булгарскихъ владѣній простирались отъ Горъ Уральскихъ до Суры и Оки и отъ Ватки и *Камы* (разумѣя ихъ истоки) до истоковъ Дона, Хопра и Самары и, нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ пространствѣ жили вмѣстѣ съ Булгарами и другіе народы, 5) „Греки означали *Волжскую Бумарію* именемъ *Великой*“ (³) и 6) *Пермь* въ русскихъ лѣтописяхъ и документахъ XIV и XV в., можно сказать, безпричинно и какъ бы по преданію, называется тоже *Великой*. А поэтому можно допустить, что и пермскій край съиздревле входилъ въ составъ булгарскихъ владѣній подъ общимъ именемъ *Ві-ар*

(¹) Пермскій Сборникъ, кн. I. М. 1859, стр. 2, 4.

(²) Тамъ же, стр. 6, 7. Объясненіе же Волегова о происхожденіи названія *Пермь* отъ *Парма*—гора, поросшая густымъ лѣсомъ (тамъ же, стр. 33)—не выдерживаетъ критики.

(³) «Волжскіе Булгары» въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 92 и 90.

(великой страны) (1); а если Kami и финны, не понимая этого тюркского слова, прибавляли къ нему еще свое собственное вырванско-пермяцкое *му* или финское *maa* — земля, область; то отсюда у лѣтописцевъ и вышло *Bi-ār-mia* (mia) — „великой страны земля“ (2), а это названіе могло сохраниться въ пермскомъ краѣ послѣ паденія Болгарскаго ханата по тѣмъ же причинамъ, по коимъ у Вотяковъ сохранилось названіе *Бийер*.

Итакъ названіе *Бийяр*, *Биляр* и *Бумар* первоначально принадлежало всей странѣ или всѣмъ болгарскимъ владѣніямъ. А такъ какъ названіе страны не рѣдко переносится и на народъ и на главный городъ страны (Вятка, Вятчане и г. Вятка — бывший Хлыновъ; Пермь, Пермяки и г. Пермь); то и въ названіи Булгара было то же самое и потому становится излишнимъ вышеприведенное указаніе В. В. Григорьева на то, что „имя *Бумар* могло быть присвоено „Великому городу“ Аравитянами, по обыкновенію ихъ — называть столицу именемъ самой страны для избѣжанія иностранныхъ звуковъ“, ибо самое слово *Бумар* означаетъ „великое, главное мѣсто“ или *столица*.

Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ С. М. Шпилевскаго о томъ, что собственныя имена городовъ были: Булгара на Волгѣ — Брахимовъ (Ибрагимовъ), а Биларска — *Булымерь*, встать замѣчу, что послѣднее названіе, имѣющее близкое отношеніе къ названію мѣстности *Балым-ат*, означаетъ „мѣсто или городъ *Балым'а*“ и находится въ тѣсной связи съ именами *Балым-юзя* (царя или князя Булымерскаго), *Ма'лум-Ходжа* (мухаммеданскаго шейха), *Мѣлим-хузй* (бывшаго предметомъ поклоненія чувашъ) и съ названіями вѣсколькихъ селеній и биреметей, каковыя имена и названія составляютъ предметъ моего изслѣдованія.

Вполнѣ закончивъ мою замѣтку о названіяхъ *Бумар* и *Биляр*, позволю себѣ задать вопросъ: не могутъ ли иногда подобныя работы, преслѣдующія, по видимому, чисто-научныя цѣли, имѣть какого-либо практическаго при-

---

(1) Въ музей Казан. Арх. Общ. находится бронзовый предметъ (№ 226), найденный въ *Биларскомъ* городищѣ, а подобные ему по «Antiquites du Nord Finno-Ugrien» (Helsinki, 1877, p. 130) значатся *пермскими*.

(2) Подобно тому, какъ у русскаго лѣтописца вышло *Боляръ Великій* т. е. «Великій градъ великій».

вѣщенія? и въ настоящемъ случаѣ могу отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Такъ напр., если бы благочестивымъ людямъ пришла мысль построить храмъ во имя св. Авраамія, мученика Булгарскаго, въ мѣстности его проповѣди, его страданій и мученической за имя Христова кончины; то они, руководствуясь не только обычнымъ названіемъ нынѣшняго села Успенскаго *Болгарами*, но и лѣтописнымъ сказаніемъ о мученикѣ „его же убиша *Болгаре в Великомъ градѣ ихъ*“, навѣрное построили бы тотъ храмъ въ бывшемъ Булгарѣ-Брахимовѣ и поступили бы въ этомъ совершенно ошибочно, ибо событіе убійства св. Авраамія было въ 1229-мъ году, когда *Булгаромъ* или *Великимъ градомъ* назывался и былъ нынѣшній Билярскъ — *Билдр-Булымеръ*, сожженный Татарами въ 1236 году, послѣ чего названіе „Великаго града“ или „*столицы ихъ*“ (Булгаръ) снова перешло въ Булгару-Брахимову.

При настоящемъ изслѣдованіи какъ нельзя болѣе кстати и болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ удобнымъ нахожу отвѣтить на запросъ С. М. Шпилевскаго: „что такое *Марквашъ?*“⁽¹⁾.

Десять лѣтъ тому назадъ этотъ же самый запросъ я получилъ отъ А. Ф. Риттиха, нуждавшагося, при составленіи своей книги, въ разъясненіи того же самаго лѣтописнаго сказанія о пограбленіи ушкуйниками, въ 1374 г., *всего Засурья и Марквашъ*, по поводу котораго дѣлаетъ свой запросъ и С. М. Шпилевскій. Откровенно сказать, что въ то время будучи еще недостаточно сильнымъ въ сравнительной лингвистикѣ мѣстныхъ нарѣчій, имѣя при томъ указаніе вятскаго историка Вештомова на то, что черемисы перешли въ Вятскую губернію изъ Казанской и принимая во вниманіе, что Черемисы сами себя называютъ *Мари*, что черемисское *рок* значитъ „земля“ (хотя только въ смыслѣ стихій), а *важ*—„корень“,—я предположилъ, что *Мар-рок-важ* можетъ значить „корень черемисской земли“, о

---

(1) «Древніе города», стр. 174.

чемъ и сообщилъ г. Риттиху, который, придавши такому предположенію слишкомъ высокую цѣну, возвелъ его въ значеніе факта и въ названіи свѣжскихъ Марквашъ нашель доказательство, что „Черемисы нѣкогда пребывали даже въ свѣжскомъ уѣздѣ“⁽¹⁾. С. М. Шпилевскій, относясь ко всему съ научной осторожностью, пропустилъ указаніе г. Риттиха и, какъ бы въ отвѣтъ на свой запросъ, привелъ хотя мало опредѣляющее, но все-таки имѣющее нѣкоторое основаніе мнѣніе чувашина Спиридона Михайлова, „что *Марквашами* въ лѣтописи названы, по всей вѣроятности, Черемисы, называющіе себя Мара, или *Чуваши*, жившіе съ ними смѣжно около р. Суры; нывѣ—говорить далѣе Михайловъ—слово *Марквашъ* существуетъ только въ названіяхъ приволжскихъ селеній Свѣжскаго уѣзда—с. Морквашъ и дер. Набережный Морквашъ, въ которыхъ живутъ уже всѣ Рускіе“⁽²⁾. Въ предположеніи Михайлова оказывается, какъ увидимъ, та доля правды, что упоминаемые въ лѣтописи *Марквашы* были *Чуваши*, жившіе смѣжно съ козмодемьянскими черемисами, хотя и не въ близкомъ разстояніи отъ р. Суры.

Сущность лѣтописнаго сказанія о походѣ новгородскихъ ушкуйниковъ въ 1374 г., состоитъ въ слѣдующемъ: Взавши *Бумаръ* (Брахимовъ), половина ушкуйниковъ поднялась *сверхъ по Волгѣ*, дошла до *Обухова*, пограбила все *Засурье* и *Марквашъ*, потомъ *перешла Волгу* и, истребивъ суда, пошла на коняхъ къ Вяткѣ, пограбя много селъ *по Ветлугѣ*.

По отношенію къ центральной Россіи, гдѣ писана лѣтопись и сообразуясь съ мѣстомъ высадки ушкуйниковъ, *Засурьемъ*, очевидно, названа вся мѣстность по правому берегу Суры отъ поворота ея противъ или ниже г. Ядрина на сѣверо-западъ до г. Василя Сурска, т. е. до впаденія Суры въ Волгу и затѣмъ по правому берегу Волги внизъ до с. Ильинской Пустыни и отъ нея обратно по прямой линіи на юго-западъ до вышеуказаннаго поворота Суры,— иначе сказать: *Засурье* это—весь засурскій уголъ васильсурскаго уѣзда и вся сѣверо-западная половина нагорной

(1) «Матеріалы для этнографіи Россіи, Казанская губернія», ч. II, стр. 122.

(2) «Древніе города», стр. 174.

Части козмодемьянскаго уѣзда—т. е. вся страна горныхъ Черемись съ очувавшимися Черемисами. Въ предѣлахъ этой мѣстности С. М. Шпилевскій находитъ рѣчку *Обуховку*, при истокѣ которой лежитъ с. Бусурманово (Владимирское) на правомъ же берегу Волги. Впрочемъ, бусурмановскій истокъ *Обуховъ* такъ ничтоженъ, что имя его едва ли могло быть извѣстнымъ лѣтописцу; справедливѣе допустить, что *Обуховымъ* называлось значительное селеніе или мѣстность; но нельзя сомнѣваться, что лѣтописное названіе *Обухова* относится къ горно-черемисской сторонѣ, ибо здѣсь находятся два черемисскія селенія—*Туш-евъ* и *Туш-нал*, названія которыхъ, очевидно, происходятъ отъ черемисско-чувашскаго *туш* (зыранск. *тыш*)—„обухъ“. Крайній сѣверо-западный пунктъ Засурья, или горно-черемисской страны, находится противъ самаго устья р. *Ветлуги*, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны (верстахъ въ 12-ти отъ р. Обуховки).

Но что же за мѣстность *Марквашъ* или *Морквашы*, упоминаемая въ вышеприведенномъ сказаніи?

Возможностью точнѣе опредѣлить эту мѣстность я обязанъ, можно сказать, случаю. Узнавъ, что Чуваши, говоря про свѣжскіе *Морквашы*, обыкновенно называютъ ихъ *Мортаушы* и сообразивъ, что, по законамъ татарско-чувашской фонетики, я нельзя иначе произносить слово *Морквашы* (имянно—потому что рус. *ква*—тат. чув. *кау*: Москва—*Му-скау*, Москва, а *к*, слѣдуя за *р*, по чув. всегда переходитъ въ *к*),—я обратился къ списку населенныхъ мѣстъ Казан. губерніи (1866), гдѣ и нашелъ чувашскую деревню 1-ю Васькину *Мортоушы* (Ени-касы) и при ней два околда: а) Анат-кас *Мортоушы* и б) Сыстырган⁽¹⁾ *Мортоушы*. За тѣмъ, принявъ во вниманіе, что въ чувашскихъ названіяхъ селеній *ушы* есть ни что иное, какъ окончаніе тюркскаго причастія прошедше-настоящаго времени—*учы*⁽²⁾ и имѣя

⁽¹⁾ Напечатано *Сыстрыманъ* очевидно по ошибкѣ, ибо сочетаніе трехъ согласныхъ невозможно ни въ одномъ изъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ.

⁽²⁾ Окончаніе означающее: начавшій и продолжавшій дѣйствовать; напр. с. *Кохлоушы*—тат. *кышлаучы*—отъ *кыш*—зна, *кышла*—зимовать—зим-овавшій, зим-ующій, зим-овникъ; *Шумшавашы*—тат. *жумшаучы*—отъ *жумша*—смигаться, смиряться—смирившійся, смиренный.

въ виду объясненный выше (I и II) переходъ согласныхъ звуковъ **Б** въ **М** и **Л** въ **Р** въ словѣ **Муриар**—**Вудлар**,—я вполне убѣдился въ тождествѣ словъ:

М О Р Ъ В А Ш Ы
М О Р Г А У Ш Ы
В У Л Г А У Ч Ы

т. е.—что первыя два слова въ отношеніи къ послѣднему составляютъ лишь діалектное (чувашское) произношеніе слова—*булаучы*, отъ глагола *була*—возмущаться, бунтоваться (булгачиться) и значать: возмущающійся, неуживчивый, *бунтующійся* (народъ или край).

Обратившись затѣмъ къ планамъ и картамъ и лично осмотрѣвъ (въ минувшемъ лѣтѣ) мѣстность, я нашелъ, что селенія *Моргаушы*—старинныя чувашскія и окольными жителями называются сокращенно *Морашы*, состоятъ въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 15—18 отъ Волги, въ 52—отъ г. Козмодемьянска и въ 5—7—отъ с. Акрамова⁽¹⁾, расположены при верховыхъ притокахъ *рѣчки Моргаушки*, имѣющей теченія болѣе 20-ти верстъ съ запада на востокъ и впадающей въ р. Унгу противъ с. Ишакъ. Верховья же Моргаушки находятся вблизи той линіи, которую я отграничилъ Засурье. При этой рѣчкѣ и ея притокахъ расположено до 30-ти разноиманныхъ селеній орининскаго, акрамовскаго, ишаковскаго, оточевскаго и моргоушскаго приходовъ⁽²⁾. Кромѣ указанныхъ по списку 3-хъ Моргаушъ и другія селенія, расположенныя при верховыхъ притокахъ Моргаушки, каждое имѣя свое особое названіе, именуется также Моргаушами: *Чынанар-Моргаушы*, *Сыньял-Моргаушы* и пр. т. п.; показанный же по списку отдѣльнымъ околоткомъ *Сыстыриан-Моргаушы* въ натурѣ не составляетъ особаго селенія: такъ называется южная часть села Моргаушъ—1-ой Васькиной. Да и верховые притоки Моргаушки, имѣя каждый свое особое названіе только для обитающихъ при нихъ чувашъ (Кунар, Йыдакваръ и т. п.),

⁽¹⁾ По Списку населен. мѣстъ казан. губерніи значатся подъ №№ 787, 788 и 789.

⁽²⁾ Моргаушскій приходъ открытъ недавно съ назначеніемъ церкви въ Моргаушахъ 1-й Васькиной.

въ сосѣднихъ деревняхъ извѣстны подъ общимъ именемъ *Моргаушки*. Такъ что, судя по этому, можно съ достовѣрностію допустить, что нѣкогда весь край по р. Моргаушкѣ и ея притокамъ—на пространствѣ болѣе 20-ти верстъ—назывался *Моргаушами*.

Названія селеній этаго края одни—чисто-чувашскія (¹), другія—тюркскія (²), а иныя—производныя отъ языческихъ чувашскихъ именъ (³). Но, по отношенію къ названію *Моргаушы* = *булаучы*—„*бунтующійся*“, въ этой мѣстности замѣчательны названія трехъ селеній: 1) *Сыстырман* (-*Моргаушы*) по формѣ—явно тюркское *сиздерманъ*—настояще-прошедшее причастіе отъ глагола *сизъ*—чувствовать, въ повудительной формѣ *сиздеръ*—внушать, возбуждать чувство и буквально значить: возбуждавшій или „*подстрекатель*“ (почувашскя: въ пропедшемъ—*сисътэрне*, въ настоящемъ—*сисътэрэнъ*), 2) *Кашмаш* по формѣ—тюркское *Качмыш*—настоящее причастіе отъ глагола *кач*—убѣгать, значить: убѣгающій—„*трусъ*“, и 3) *Акрам* по производству съ тюркскаго—*ак-урам*—бѣлая улица, собств.—бѣлое живно; но оно можетъ быть обратившееся въ чувашское толстовзвучное (подобно *Сыстырман* = *Сиздерманъ*) арабское слово сравнит. степени *акрамъ*—„*благороднѣе*“ другихъ, которое у татаръ употребляется въ смѣслѣ: „*тише, осторожнѣе*“.

За симъ становится очевиднымъ, что русскій лѣтописецъ, говоря „пограбиша (ушкуйниги) *все* Засурье и Марьквашь“, разумѣлъ подъ послѣднимъ не какія-нибудь деревушки, но *значительную мѣстность*, извѣстную тогда своимъ характеристичнымъ названіемъ, оставшимся теперь лишь за рѣчкою, протекающею въ этой мѣстности, и за селеніями, старожилы которыхъ въ свое время могли по чему-либо быть вліятельными и считаться настоящими виновниками названія, распространеннаго изъ-за нихъ на всю мѣстность, смежную съ Засурьемъ. Поэтому можно безъ большой ошибки опредѣлить, что лѣтописное названіе *Марьквашь* относится ко всей юго-восточной половинѣ нагорной части воз-

(¹) Шор-касы, Хыр-касы, Чырш-касы, Вурман-касы, Лапра-касы, Туры-касы, Анач-касы, Хура-касы, Сливъ-ял, Карт-ой, Вурм-ой.

(²) Чыган-ар, Яныш, Ишли, Ишак, Кичень-Ижек, Бусурман.

(³) Елеменей-касы, Тойдеряк-касы, Күстярк, Пиття-касы, Семень-касы, Сөвдәшәр-касы.

модемьянскаго уѣзда, заселенной чувашами,—имянно по той прямой линіи, которую я провелъ для опредѣленія Засурья.

Козмодемьянскіе *Моргоушы* получили это названіе, разумѣется, не позже какъ за пять слишкомъ столѣтій до нашего времени, если не за полную тысячу лѣтъ. Но вѣтъ и по какимъ обстоятельствамъ названы такъ (Моргоушы, Морквашы) двѣ (безъ сомнѣнія) чувашскія мѣстности (козмодемьянская и свѣяжская)—во времена ли Болгарскаго ханата или въ періодъ Монгольскаго владычества, за отставиваніе ли политической независимости, или за упорную преданность шаманству при навязываніи имъ ислама „сподвижниками пророка“ и ихъ послѣдователями—все это, конечно, неизвѣстно и едва ли какой-нибудь счастливый случай освѣтитъ хоть что-нибудь изъ сокрытаго во глубинѣ столѣтій. Между тѣмъ это освѣщеніе крайне желательно по отношенію къ козмодемьянскимъ Морквашамъ, которые представляютъ и современный этнографическій интересъ по такому совпаденію обстоятельствъ, которое какъ бы указываетъ на сохраненіе до настоящаго времени въ этой мѣстности безпокойнаго и неуживчиваго характера народа, а имянно: въ той самой мѣстности, гдѣ находятся „бунтующіяся“ (Моргаушы) съ „подстрекателемъ“ (Сыстырган) — близъ села Акромова—въ 1842 году разыгралась кровавая драма чувашскаго „акромовскаго бунта“ претиву распоряженія „о посѣвѣ картофеля“, окончившаяся пораженіемъ и разсѣяніемъ многочисленнаго сборища вооруженныхъ чувашъ высланными для усмиренія ихъ казаками и солдатами казанскаго баталіона.

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить одно замѣчаніе въ предупрежденіе могущаго послѣдовать вопроса: не происходитъ ли и самое названіе *Бумар* отъ того же *бума*, которымъ объяснено названіе *Маркваш*, съ приставкою *ар*—страна? Такъ какъ *бума* есть корень глагола (т. е. 2-е лицо повелит. накл. и значитъ: возмущайся, возмутись); то таковая формація въ названіи мѣстности наименѣе всего возможна, ибо глаголь предъ существительнымъ при образованіи названій употребителенъ исключительно въ формѣ опредѣляющаго т. е. прошедшаго или настоящаго причастія, какъ мы это и видѣли выше въ названіяхъ *Тини-*

арь, *Чман-ар* и пр. Объ этомъ не стоило бы и говорить, если бы нельзя было ожидать такого вопроса и если бы мы не наталкивались на уродливыя объясненія названій, построенныя на сочетаніи повелительнаго склоненія съ существительнымъ. Таковы напр., изъ числа многихъ, объясненія: г. Шарловскаго—названія татарской деревни *Кара-шам*—„смотри—свѣча“⁽¹⁾ и Спиридона Михайлова—чувашскаго названія села Малаго Сундыря—*Ар-Сюндерь*—„мели Сундырь или гаси Сундырь“⁽²⁾. По такому образцу не трудно было бы производить и названіе *Би-ар* отъ корня татарскаго глагола *біе* и переводить его „пляши страна“. Научная правда для изслѣдователя должна быть всего дороже.

⁽¹⁾ *Карашам*—искаженное имя *Герасимъ*.—Шарловскаго «Изюлеевская волость» Казан. Губ. Вѣд. 1873 г. № 31.

⁽²⁾ «Сундырская гора» Казан. Губ. Вѣд. 1852 г. № 29.—Чувашское *ар* есть тюркское *аз* и значитъ «свѣтъ».—А. И. Артемьевъ сказалъ о Спиридонѣ Михайловѣ, что „онъ, какъ природный чувашеникъ, зналъ превосходно языкъ своего племени“. Такъ говорить, вѣроятно, было извѣстно въ 50-хъ годахъ; но, вѣдь, это значитъ не постигать самой простой истины, что говорить природнымъ языкомъ и знать его—двѣ вещи разныя: спеціальныя научныя познанія ни кому не даются природою, а приобрѣтаются одною лишь наукою. Да, къ сожалѣнію, и въ наше время вѣкторые люди науки также слѣпо вѣруютъ въ какія-то *природныя познанія* инородцевъ.

ПО ПОВОДУ СООБЩЕНІЯ Н. И. ЗОЛОТНИЦКАГО:

**„ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА О НАЗВАНІЯХЪ БУЛГАРЪ,
БИЛЯРЪ И МОРКВАШЫ“.**

Г. Предсѣдателя Общества Ш. Д. Шестакова.

Признавая достоинство замѣтки Н. И. Золотницкаго, я не могу не обратить вниманія на нѣкоторую натянутость его объясненій и выводовъ и на слишкомъ строгое отношеніе въ другимъ изслѣдователямъ. Такъ н. п. онъ упрекаетъ С. М. Шпилевскаго за то, что тотъ не обратилъ вниманія еще на 4 надгробныя надписи надъ погребенными въ Булгарь-Брахимовѣ съ именами сына Мусы *Бумарскаго*, сына Мансура *Бумарскаго* сына Мир-Хуссеина Насыра Булгарскаго и сына Юсуфа *Бумарскаго* и обвиняетъ С. М. Шпилевскаго въ недостатокъ сообразительности, говоря: „если бы при томъ сообразилъ, что на прочихъ Булгаро-Брахимовскихъ памятникахъ, какъ поставленныхъ надъ *мѣстными* Брахимовскими жителями или потомками мѣстныхъ жителей, въ надписяхъ при именахъ покойниковъ и ихъ предковъ *нѣтъ* указаній на *мѣстопроисхожденія*(?) ихъ, въ чемъ, очевидно, и надобности не было—то онъ, С. М., вѣроятно, не отказался бы и поименованныхъ 4-хъ покойниковъ признать *пришельцами* или потомками *пришельцевъ* изъ другой мѣстности, называвшейся также *Бумаромъ*, какъ и Булгарь-Брахимовъ; а признавши это и согласившись, что *Бумаръ* и *Биляръ* суть только два различныя діалектныя произношенія *одною и того же* слова, онъ самъ, навѣрное, пришелъ бы въ заключенію, что поименованные 4 покойника или предки ихъ были *пришельцы* или *потомки пришельцевъ* изъ города *Биляра-Булымери*, что слѣдова-

тельно этотъ послѣдній городъ назывался и писался *Бумаромъ* и что поэтому названіе *Булгара*, относящееся къ обоимъ городамъ Брахимову и Булмери, должно быть вполне тождественно съ названіемъ *Великаго города*“ и т. д. При всемъ уваженіи къ учености и трудолюбію Н. И. Золотницкаго, въ данномъ случаѣ я вынужденнымъ нахожусь признать, что онъ слишкомъ поспѣшно обвинилъ С. М. Шпилевскаго въ „возбуждающемъ будто бы сожалѣніе пропускѣ“ и въ недостаткѣ сообразительности, и слишкомъ поспѣшно пришелъ къ заключенію, что погребенные, надъ могилами которыхъ находятся упомянутыя 4 надписи, непременно пришельцы изъ другой мѣстности, называвшейся также Булгарами. Самъ Н. И. Золотницкій сначала признавалъ только *вѣроятнымъ*, что С. М. не откажется признать поименованныхъ 4-хъ покойниковъ пришельцами или потомками пришельцевъ, но потомъ, увлекаемый потокомъ собственной рѣчи, выражается, что С. М. *навѣрное* пришелъ бы къ заключенію, что 4 покойника или предки ихъ были пришельцы изъ города Буляра-Булмери, что этотъ послѣдній городъ назывался и писался Булгаромъ и что *поэтому(?)* названіе Булгара должно быть вполне тождественно съ названіемъ „Великаго Города“. Ну а когда основаніе невѣрно, то стало быть и всѣ *слѣдовательно* и *поэтому* невѣрны. А основаніе признать вѣрнымъ трудно. А если эпитеты *Бумарскаго*, приданные въ означенныхъ 4-хъ надписяхъ Мусъ, Мансуру, Мир-Хусейну Насыру и Юсуфу, означаютъ, что эти три лица были особенно замѣчательны, и что ихъ сограждане хотѣли въ надписяхъ увѣковѣчить, не только ихъ имена, но и ихъ родину? Родной ихъ городъ Булгарь-Брахимовъ гордился ими и потому при ихъ лишь именахъ означилъ, что они мѣстные *Бумарскіе* жители. Неужели, если въ Казани встрѣтите въ надгробный памятникъ съ обозначеніемъ, что погребенное лицо родилось въ Казани, то слѣдуетъ изъ этого заключить, что оно родилось въ другой Казани, что слѣдовательно была другая Казань и т. п.!

По моему убѣжденію, нѣтъ основанія навѣрное заключать, что поименованные 4 покойника были пришельцы, и нѣтъ нисколько основанія выводить изъ вышеозначенныхъ 4 хъ надписей, что названіе Булгара вполне тождественно съ названіемъ Великаго города. Такой произвольный выводъ сдѣланъ единственно потому, что онъ былъ нуженъ Н. И.

Золотницкому для дальнѣйшаго вывода, состоящаго въ томъ, что *Биларь* и *Бумарь*, по мнѣнію его, означаютъ въ буквальномъ русскомъ переводѣ „*Великій Градъ*“.

Первоначальнымъ названіемъ Н. И. Золотницкій считаетъ слово *Бийеръ* или *биеръ*, а самое это слово объясняетъ такъ „великая страна“ (бийіг—ар, буйуг—арь). Съ основаніями признанія слова *бийеръ* первоначальнымъ и съ толкованіемъ онаго я не вполне согласенъ, но объясненіе объ этомъ признаю нужнымъ отложить. Предположеніе же Н. И. о томъ, что въ Булгарскія владѣнія входилъ и Пермскій край, подтверждается, въ моихъ глазахъ, и общимъ гербомъ *Перми* и *Булгаръ*. Въ томъ и другомъ гербѣ—медвѣдь, который, какъ извѣстно, и теперь еще обожается *Вогулами*—язычниками, и имя котораго звучитъ въ названіи древняго Болгарскаго города *Ошель* ⁽¹⁾ (Ошъ—по зырянски медвѣдь; ѣль молоко), какъ въ названіи древняго болгарскаго селенія *куль* ⁽²⁾ можно видѣть Зырянскаго куля—діавола, поклоненіе которому несомнѣнно было въ Булгарской сторонѣ, и который въ образѣ крылатаго дракона является въ *Казанскомъ* гербѣ, а за тѣмъ, послѣ покоренія *Казанскаго* царства, и въ гербѣ *Московскомъ* у ногъ лошади *пѣдца*, подъ копыемъ Великаго князя *Московскаго*.

---

(1) Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Каз. губ. С. М. Шпилевскаго стр. 151—151.

(2) *Ibid.* 142—143.

КТО БЫЛИ ДРЕВНИЕ БУЛГАРЫ?

(ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ТОЛКОВАНІЯ Н. И. ЗОЛОТНИЦКИМЪ ЗНАЧЕНІЯ СЛОВА БУЛГАРЬ).

Г. Предсѣдателя Общества П. Д. Шестакова.

Эта замѣтка написана мною еще въ прошломъ году, не читана же тогда потому, что я желалъ прочесть ее въ присутствіи Н. И. Золотническаго, противъ мнѣнія котораго она направлена; но такъ какъ Н. И. Золотницкій по болѣзни не посѣщалъ засѣданій нашего общества, то я и откладывалъ чтеніе замѣтки. И вотъ мнѣ пришлось читать ее уже тогда, когда смерть отняла у насъ почтеннаго нашего сочлена. Н. И. Золотницкій долго и съ пользою трудился въ дѣлѣ образованія инородцевъ и въ качествѣ члена совѣта братства св. Гурія, и въ качествѣ инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго Учебнаго Округа. Онъ любилъ чувашъ, среди которыхъ прошло его дѣтство и съ языкомъ которыхъ онъ освоился еще въ лѣта дѣтства и юности. Этою любовію въ чувашамъ объясняется, по моему убѣжденію, и стараніе Н. И. Золотническаго выдвинуть любимое имъ племя и сдѣлать его преобладающимъ племенемъ древней Булгаріи, или, какъ онъ самъ выражался, „Булгарскаго союза“⁽¹⁾; Булгарь и Чувашъ онъ признавалъ „господствовавшими здѣсь (въ Восточномъ краѣ Европейской Россіи) и значительными численностію туземцами“⁽²⁾. По духу своему Н. И. Золот-

---

⁽¹⁾ Корневой чувашско-русскій словарь составленъ Н. И. Золотницкимъ. Казань. 1875 года. стр. 265.

⁽²⁾ Тамъ же стр. 246.

ницкій былъ миссіонеръ, и вся его дѣятельность направлена была въ тому, чтобы утвердить чувашъ въ вѣрѣ Христовой. Съ этою цѣлю онъ занялся переводомъ священнаго писанія на чувашскій языкъ. Съ этою цѣлю онъ принялся и за составленіе чувашскаго словаря; но самая работа и указанія филологовъ свели его, такъ сказать, съ перваго предначертаннаго имъ пути и его словарь вышелъ ученымъ трудомъ, словаремъ сравнительнымъ, „корневымъ чувашско-русскимъ словаремъ, сравненнымъ съ языками и нарѣчіями разныхъ народовъ Тюрскаго, Финскаго и другихъ племенъ“. Этотъ трудъ его былъ оцѣненъ ученымъ міромъ и озолотилъ закатъ его скорбныхъ дней почетною медалью, данною ему Русскимъ Географическимъ Обществомъ. За чувашскимъ словаремъ онъ предполагалъ издать словарь черемисскій; но тяжкая болѣзнь, подтачивавшая уже давно его здоровье и отравившая особенно послѣдніе годы его жизни, свела его въ безвременную могилу. Миръ его праху!

Въ одномъ изъ общихъ собраній нашего общества Н. И. Золотницкій читалъ рефератъ, въ которомъ старался доказать что названіе Булгаръ означаетъ великій городъ и что это слово сложено изъ *бюйюк* важный, великій и *ар*, *ер* мѣсто, страна. *Бюйюк-еръ*, по его мнѣнію, слилось въ *бигеръ*, а бигеръ—древнее названіе Булгара, каковымъ именемъ и теперь еще называютъ татаръ Вотяки⁽¹⁾. Въ этомъ рефератѣ Н. И. Золотницкій высказывалъ свое мнѣніе о происхожденіи имени Булгаръ только въ видѣ предположенія, а потому, думаю, его мнѣніе и не вызвало особенно настойчивыхъ возраженій. Но, какъ перѣдко бываетъ, высказанное сначала скромно въ видѣ предположенія, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, обращается въ категорическое утвержденіе подобно тому, какъ слухъ, сначала темный и робкій, съ теченіемъ времени выдается за несомнѣнную истину. Такъ стало и съ мнѣніемъ о значеніи слова Булгаръ: высказанное сначала какъ предположеніе значеніе имени Булгаръ, Бигеръ—великая страна, великій городъ послѣ самымъ же Н. И. Золотницкимъ выдавалось какъ несомнѣнный фактъ. Въ изданной подъ его редакціею брошюрѣ „Ознакомленіе съ фонетикой и формами чувашскаго

---

(1) Корневой чувашско-русскій словарь стр. 245.

языка“ (стр. 28) Н. И. Золотницкій уже категорически говоритъ: „Булгарь, по другому діалектическому произношенію Буляръ, Биляръ въ дословномъ переводѣ значитъ „Великая страна“. Названіе перешло на народъ и потомъ на городъ. Въ отношеніи къ городу слово Булгарь, Биляръ значитъ столица. Въ русскихъ лѣтописяхъ вмѣсто Буляръ—городъ почти вездѣ говорится „Великій градъ“.

Подтверждается ли приведенное мнѣніе означеніи слова Булгарь авторитетомъ русскихъ лѣтописей? Дѣйствительно ли слово Булгарь въ дословномъ переводѣ означаетъ великая страна? Вотъ вопросы, которые представляются намъ при чтеніи приведенныхъ словъ Н. И. Золотницкаго. По моему мнѣнію, авторитетъ русскихъ лѣтописей тутъ нисколько не помогаетъ и помочь не можетъ. Что русскія лѣтописи называютъ Булгарь великимъ городомъ, это можетъ служить доказательствомъ только того, что Булгарь былъ дѣйствительно большимъ и знатнымъ городомъ, а вовсе не того, что имя Булгарь означаетъ великій городъ. Разсуждая такъ, пришлось бы признать, что имя *Roma* (Римъ) означаетъ *городъ*, такъ какъ у древнихъ римскихъ писателей Римъ назывался просто *urbs*, какъ бы городъ по преимуществу. Производство имени Булгарь или Бигеръ отъ бююк-ер во 1-хъ произвольное, во 2-хъ не имѣетъ филологическаго основанія, потому что никакими законами перехода звуковъ не объяснится образованіе бигер—изъ бююк-ер. Да если бы и можно было образовать, то основывать выводы на одномъ производствѣ словъ весьма рискованно и можетъ повести къ большимъ ошибкамъ и заблужденіямъ. Приведу здѣсь слова извѣстнаго Миллера изъ его описанія живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ (1): „Учинившійся изданіемъ Россійской ландкарты и описаніемъ сѣверной и восточной части Европы и Азіи знаемымъ г. Стралембергъ пишетъ, что помянутой городъ (т. е. Булгарь) прямо надлежитъ называть *Буланъ*, а не Булгарь, потому что первое званіе на татарскомъ языкѣ значитъ лагерь ханской валомъ обведенной; того ради и на ландкартѣ означилъ онъ остатки помянутаго мѣста подъ именемъ *rudera urbis Bulgan*, т. е. остатки города *Булана*.

---

(1) Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ яко то: Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ, сочиненное Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, по возвращеніи его въ 1743 году изъ камчатской экспедиціи. Сиб. 1791 года.

Но сіе должно считать между прочими отъ чрезмѣрнаго послѣдованія произведенію словъ происходящими погрѣшностями, ибо восточныхъ странъ писатели, изъ которыхъ Гербелотъ нѣсколько приводитъ, всегда пишутъ Булгарь“. Мы видимъ, что и академикъ Миллеръ противъ чрезмѣрнаго послѣдованія произведенію словъ, отъ котораго происходятъ погрѣшности. И въ самомъ дѣлѣ, опираясь только на производство словъ, какихъ значеній нельзя приписать имени Булгарь. Желаящій въ Булгарахъ видѣть славянъ производитъ это имя отъ рѣки Волга и читаетъ оное Волгары; желающій видѣть черемисъ произведетъ отъ *Iul* — Волга и *ar* малый, молодой, что будетъ означать тоже, что и Волгарь—волжскаго челоуѣка; желающій видѣть Зырянъ или Пермьяковъ произведетъ отъ *ю* рѣка и *юртъ* домъ или *каръ*—городъ, что будетъ означать рѣчной городъ, и можетъ быть пожалуй сопоставлено съ татарскимъ *булаг-еръ*—рѣчная земля, а булаг-ер легко сократился въ булгер, бургар- и т. п. Всѣ эти объясненія столь же основательны, сколько и объясненіе Н. И. Золотницкаго, но нисколько не рѣшаютъ вопроса о значеніи слова Булгарь. Рѣшенію этого вопроса могло бы способствовать рѣшеніе другаго вопроса: кто далъ такое имя Болгарамъ, сами-ли себя они такъ называли или ихъ звали этимъ именемъ другіе народы; искони ли они такъ назывались, или получили это названіе послѣ, по какому либо особому случаю? Если они сами себя называли Булгарами, то корня этого слова слѣдуетъ искать въ языкѣ господствующаго въ древней Булгаріи племени. Но здѣсь-то именно и представляется затрудненіе, состоящее въ неизвѣстности, какое племя скрывается подъ именемъ Булгарь и одно ли было это племя. Восточные писатели и русскіе лѣтописцы называютъ это племя Булгарами, Византійскіе временники называли этотъ народъ Оногундурами, что напоминаетъ намъ Ун-угарь (Великихъ Угровъ) и Котрагами, слово, переименованное, можетъ быть, изъ Коми-отирь (Камскій народъ, Пермьки). Я дѣлаю сопоставленіе имени Оногундуръ съ Унугарами и Котраговъ съ Комиотирами потому, что корни этихъ словъ въ греческомъ языкѣ мы не находимъ, а такъ какъ безсмысленнаго названія Греки дѣлому народу дать не могли, то и есть основаніе предполагать, что оно только переименованное названіе того имени, какое эти народы давали сами себѣ. А что изъ Унугарь Византійскіе хронографы могли сдѣлать Оногундуръ, а изъ Комиотирь Кот-

раговъ, т. е. переименовать названія, то интересныя примѣры такого переименованія представляютъ названія славянскихъ буквъ у Константина Порфиророднаго. Такъ глаголь онъ называетъ *γλάωδ*, есть — *γεεστι*, твердо (*ντεβερδω*), ферть — *φερωτ*, ять — *γέατ* и т. п. (1).

Константинъ Порфирородный въ сочиненіи своемъ, цитируемомъ ниже (2), говоритъ: „И Булгарія, и самый Истръ, и знаменитая гора, называемая Гемось, идущая до самаго моря, суть части Θρακίи, теперь же чужія. Эта часть Θρακίи поставлена была подъ власть Константинопольскаго Императора, и въ ней до сего времени не было правителя. А съ тѣхъ поръ какъ ненавистное Богу Булгарское племя (*το θεομίσητον τῶν Βουλγάρων ἔθνος*) перешло черезъ рѣку Истръ, самъ Императоръ вторженіемъ Скифовъ и Булгаръ вынужденъ былъ ввести порядоки въ эту часть Θρακίи и поставить въ ней правителя. Произошелъ же переходъ варваровъ чрезъ Истръ рѣку въ концѣ царствованія Константина Погоната. Тогда и это имя ихъ сдѣлалось извѣстнымъ, прежде же ихъ называли Оногундурами“.

Изъ этихъ словъ Константина Порфиророднаго мы видимъ, что Булгарское племя перешло рѣку Дунай въ концѣ царствованія Константина Погоната, который царствовалъ съ 668—685 годъ, и что только съ этого времени сдѣлалось извѣстнымъ имя Булгаръ, прежде же ихъ называли Оногундурами (*Όνογουνδουρους*). Землю, въ которой жили эти Оногундуры Константинъ Порфирородный называетъ черною Вулгаріею (*μαυρη Βουλγαρία*) (3). Вѣрно-ли слово *μαυρη* переведено черная? *Μαῦρος* (или *ἀμαυρός*) значитъ темный, неясный, неизвѣстный. Я полагаю, что этимъ послѣднимъ словомъ вѣрнѣе перевести *μαῦρη*—неизвѣстная

(1) Constantinus Porphyrogenitus de thematibus et de administrando imperio recognovit Immanuel Bekkerus. Bonnæ. MDCCGXL., стр. 363: *α̅ς* (азъ), *μπούκη* (буки), *βέτθ* (вѣдъ), *γλάωδ* (глаголь), *δοπρα̅ν* (добро), *γέεστι* (есть), *ζηβητ* (живете), *ζελε̅θ* (зело), *ζεπλέα* (земля), *η̅* (иже), *ζεη̅* (я), *κάκο* (како), *λουδία* (люди), *μη̅* (мыслете), *νάς* (нашь), *πόκηη* (покой), *δ̅ετ̅ε̅λη̅* (рцы), *σθλοβω* (слово), *ντεβερδω* (тврдо), *η̅κ* (укъ), *φερωτ* (ферть), *χερ* (хѣръ), *ωτ* (отъ), *τ̅ε̅η̅* (цы), *τ̅ε̅ε̅ρ̅β̅η̅* (червь), *σάα* (ша), *σ'θ̅α* (ша), *γ̅ε̅ορ* (ерь), *γ̅ε̅ρ̅η̅* (еры), *γ̅ε̅ρ* (ерь), *γ̅ε̅ατ* (ять), *γ̅ου* (ю), *γ̅ε̅ου̅ς* (юсъ), *γ̅α* (я).

(2) Constantinus Porphyrogenitus de Thematibus и т. д. стр. 45 и 46.

(3) Тамъ же стр. 130.

или малозвѣстная. Мнѣ приходитъ на мысль, не передѣла-но ли *μαίον* Константина Порфиророднаго изъ Мари, а этимъ именемъ и теперь еще называютъ себя черемисы (Ма-ри значить люди, жители). Слово Мари напоминаетъ намъ извѣстное въ нашихъ лѣтописяхъ племя Меря. Можетъ быть, въ числѣ племенъ, населявшихъ Булгарію, были и Мари.

Левъ Діаконъ пишетъ: „Булгары (Дунайскіе) называются и Мизійцами. Говорятъ, что Мизійцы произошли отъ самыхъ сѣверныхъ народовъ (*ὑπερβορέων*) Котраговъ, Хазаровъ и Хумановъ. Блуждая по Европѣ, они заняли ее и поселились въ ней во время царствованія Константина, которому прозвище Погонать“⁽¹⁾.

Извѣстный своею многостороннею эрудиціею Никифоръ Грегора⁽²⁾ въ своей Византійской исторіи, изложивъ о вторженіи Булгаръ во Фракію, говоритъ: „Теперь я объясню, откуда получила имя Булгарія. Есть страна, лежащая по ту сторону и сѣвернѣ Истра, и рѣка чрезъ нее протекаетъ Булга, отъ нея и сами туземные жители получили названіе Булгаръ, а сначала были они Скиѣы. Оттуда съ дѣтьми и женами переселились они сюда въ то время, когда язва иконоборства напала на благочестивыхъ. Перешли они рѣку Истри въ громадномъ числѣ и распространились по обѣимъ Мизіямъ. Подобно саранчѣ или молніи охватили они Македонію съ лежащею по ту сторону Иллиріею,—понравились имъ здѣшнія удобства“. По распространеніи имени этого народа и страна прозвана Болгаріею“. На страницахъ 30—35 Никифоръ Грегора описываетъ Скиѣовъ, „Народъ многочисленнѣйшій (*πολυανδροπότητον*), живущій гораздо сѣвернѣ всѣхъ народовъ. Гомеръ называетъ ихъ молокоядными (*γαλάκτοφάνους*), бѣдными и справедливѣйшими изъ людей. У нихъ не было изобрѣтено ни искусства поваровъ ни роскоши стола. О воздѣлываніи земли и насажденіяхъ они даже и во снѣ не мечтали. Пищей имъ служили сама по себѣ произрастающая трава, кровь и мясо подъяремныхъ и другихъ животныхъ. Дикія животныя и птицы, которыхъ они ловили, служили имъ безыскусствен-

---

(1) Leonis Diaconi. Nasil Bonnae. MDCCCXXVIII. 103. 20. Здѣсь Левъ Діаконъ говоритъ о Дунайскихъ Булгарахъ.

(2) Nicephora Gregorae Byzantina historia cura Ludovici Schopeni. Bonnae. MDLCCXXIX. стр. 26 и 27.

ною пищею. Платье недѣланное—шкуры животныхъ. Серебро и золото, жемчугъ и самоцвѣтные камни были для нихъ не дороже пыли. Не было у нихъ никакихъ народныхъ торжественныхъ игръ, никакихъ зрѣлищъ, возбуждающихъ честолюбіе, —но царила полная отчужденность ото всего подобнаго, жизнь безъ всякихъ волненій и т. д. Названія различныя даютъ имъ древніе мудрецы: Гомеръ называетъ ихъ Киммерійцами, Геродотъ разнородными Скиѣами, Плутархъ Кимврами и Тевтонами, называютъ ихъ такъ, не довѣряя себѣ, съ сомнѣніемъ, ибо настоящее ихъ названіе можно было бы узнать только изъ ихъ языка. А называющіе ихъ греческими именами, каждый зоветъ по своему ихъ, которые, подобно бурному потоку, нахлынули на нашу землю. Какъ часто насылаются Богомъ на людей ужасы: молніи и пожары, проливные дожди, землетрясеніе и разверзаніе земли, тифоны и бури, такъ и эти, такъ сказать, сѣверныя страшилища посланы Богомъ, какъ бичъ и наказаніе. Изъ нихъ нѣкоторые, оставивъ свое отечество, опустошили многія страны и наложили ярмо рабства на многіе народы, какъ разливъ великаго моря затопляетъ и уничтожаетъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути. Выходя изъ родины нагими и бѣдными, они измѣняютъ свой образъ жизни, подражая обычаямъ тѣхъ, гдѣ они получаютъ осѣдлость. Какъ рѣки, сбѣгающія съ высочайшихъ горъ и вливающіяся въ море, не тотчасъ у берега измѣняютъ свою годную для питья воду въ соленую, но еще далеко въ морѣ текутъ безъ смѣси, а потомъ уже смѣшиваются съ солью, уступая силѣ болѣе обильной воды, такъ и Скиѣоты, которые поселились ближе всѣхъ къ древней Скиѣской землѣ, сохранили неизмѣненнымъ свое названіе, ибо и сами называются Скиѣами, и земля, питающая ихъ, зовется Скиѣской землей; а другіе Скиѣоты, послѣ многихъ вѣковъ вышедшіе изъ великаго первоначальнаго источника, дѣлятся на двѣ части—одни, сокрушившіе азіатскихъ Савроматовъ, дошедшіе до Каспійскаго моря, позабыли даже и имя отеческое, и называются Савроматами, Масагетами, Меланхленами;—другіе же, отправившіеся въ Европу, измѣнили свои имена на имя Сарматовъ, Германцевъ и т. д.

И такъ, по свидѣтельству Никифора Грегора, племя, занявшее земли по Дунаю, прежде называлось Скиѣами (*Σκυθαί*—Чудь), а потомъ прозвалось Булгарами по име-

ни большой рѣки, которую туземцы называли Булга или Вулга. Въ этой рѣкѣ не трудно узнать нашу Волгу, которая вѣроятно всего носить славянское имя Волога, Влага, вода по преимуществу и названа такъ славянами, можетъ быть, первоначально въ своихъ верховьяхъ. Въ произношеніи Тюркскихъ племенъ Волга измѣнилась въ Болга, Булга, откуда городъ построенный на берегу, рѣки, прозвался Булгарь⁽¹⁾, народъ Булгарами, а страна Булгаріей. Но сами себя туземцы этой страны называли иначе, по своему; имя Булгарь стало извѣстно Византійцамъ только со времени занятія Дунайскихъ земель многочисленными пришельцами съ рѣки Волги, — съ этихъ то поръ Волжскіе Скины получили названіе Булгарь, такъ говорятъ Византійскія хроники.

Съ особенною подробностію о расселеніи Булгарь, Оногундуровъ и Котраговъ говоритъ Теофанъ въ своей хронографіи⁽²⁾ подъ 671 годомъ.

„Въ этомъ году умеръ Мавій, первый царь Сарацинъ апрѣля мѣсяца въ 6 день, былъ онъ вождемъ своего народа 20 лѣтъ. Послѣ него вождемъ сдѣлался сынъ его Изидъ. Въ это-то время вторгнулось во Фракію Болгарское племя. Необходимо сказать и о прежней жизни Оногундуровъ, Булгаровъ и Котраговъ. Въ сѣверныхъ по ту сторону лежащихъ частяхъ Евксинскаго понта есть такъ называемое Меотійское болото, въ которое впадаетъ великая рѣка, текущая изъ океана по Сарматской землѣ, по имени Аталъ⁽³⁾ въ

---

(1) *Булгарь* можетъ быть сложное изъ Булга-арь *яр*: по татарски берегъ, названіе города Черноярскъ вѣроятно дословный переводъ татарскаго *Нараярь*.

(2) Theophanis Chronographia. Vopnae. MDCCCXXXIX. 545—547.

(3) Въ *Animadversiones Bondarii* на вышеуказанное сочиненіе Константина Порфиророднаго мы читаемъ: *Patzinacitae, qui et Patzinacae, a principio incoluerunt antiquam magnamque Bulgariam circa flumen Atel dictum, quod Theophani Atalis dicitur, et Edel tartarico, a Rutenis vero seu Wolga appellatur, olim Ra Ptolemeo, (стр. 367).* Арабскій писатель Ибн-Хордадбе (въ 60 или 70 годахъ IX вѣка) называетъ Волгу рѣкою Славонія (сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ-Гаркави. Собр. 1870 г. стр. 49). *Ra* по персидски путь, дорога. Это названіе Волга и теперь еще удержала въ Мордовскомъ языкѣ: Мордва называетъ Волгу *Рау*, произносится *Рав*.

нее впадает такъ называемая Танаисъ-рѣка, выходящая отъ Иберійскихъ воротъ, что въ Кавказскихъ горахъ. Отъ слияже Танаиса и Атала (Аталь отдѣляется выше Меотійскаго болота) происходитъ такъ называемая Куфисъ рѣка и впадаетъ у конца Понтійскаго моря близъ мертвыхъ воротъ (*Νεκροπυλῶν*) у мыса, именуемаго лицомъ барана (*κροίου πρόβατον*). Отъ сказаннаго выше болота море, подобное рѣкѣ, впадаетъ въ заливъ Еввсинскаго понта чрезъ Боспоръ и Киммерійскую область. Въ этой рѣкѣ ловится Мурзулій и подобныя ей рыбы. У восточной части лежащаго впереди залива близъ Фанагуріи и живущихъ тамъ Евреевъ расположены многія племена. Отъ того же самаго болота къ предѣламъ рѣки Куфиса, гдѣ ловится Булгарская рыба Ксиать, расположена Великая Булгарія; тамъ же такъ называемые Котраги, одноплеменные съ Булгарами. Во времена Константина Кробать, повелитель сказанной Булгаріи и Котраговъ, скончался, оставивъ пять сыновей. Онъ завѣщалъ имъ отнюдь не выходить съ родины и не отдѣляться другъ отъ друга, чтобы самимъ всегда быть повелителями и не подпасть въ рабство другому народу. Немного времени спустя послѣ его смерти эти пять его сыновей разсорившись разошлись, каждый съ подвластнымъ ему народомъ. Старшій сынъ Батбайянь, занявъ восточную часть отцовскихъ владѣній, остался въ своей родинѣ до сего времени. Второй братъ по имени Котрагъ, передши рѣку Донъ, поселился напротивъ старшаго брата. Четвертый и пятый перешли рѣку Истръ или Дунай, и, одинъ изъ нихъ вошелъ въ Паннонію Аварскую и подчинившись Аварскому Хагану, остался тамъ со своею силою; а другой, занявши Пентаполисъ у Равенны, призналъ власть царя христіанъ. За тѣмъ третій братъ, по имени Аспарухъ, перешедши Днѣпръ, Днѣстръ и занявши Олгу (эти рѣки сѣверяѣ Дуная), поселился между Дунаемъ и этими рѣками, признавъ это мѣсто безопаснымъ и трудноодолимымъ со всѣхъ сторонъ; ибо спереди было оно болотистое, а съ другихъ сторонъ окружено рѣками и потому представляло большую безопасность отъ непріятелей для народа ослабленнаго отдѣленіемъ (отъ своихъ собратьевъ).

Послѣ раздѣленія ихъ на пять частей и вслѣдствіе этого ослабленія вышедшее изъ внутреннихъ странъ Вердзіліи, что прежде Сарматія, великое племя Хазаровъ овладѣло всею

страною до Каспійскаго моря, сдѣлало своимъ данникомъ старшаго брата Батбайана, влстителя первой Булгаріи, и беретъ съ него дань до сегодня. А царь Константинъ, услышавъ, что народъ нечистый и грязный разбилъ свои шатры по ту сторону Дуная и Олги рѣки, что онъ опустошаетъ прилежащія въ Дунаю земли, и что страну, которою прежде владѣли христіане, завладѣлъ этотъ народъ, сильно опечалился“.

Изъ этого мѣста Теофана мы можемъ видѣть, гдѣ первоначально, по его мнѣнію, жили Оногундуры, Булгары и Котраги, при чемъ невольно обращаетъ наше вниманіе указаніе на сліяніе Атала или Волги съ Дономъ. Не соединались ли эти рѣки въ то время? Изъ мѣста своего пребыванія, эти племена, имѣвшія разныя названія и состоявшія подъ властью князей одного рода (какъ здѣсь сыновей Кробата), расселились по разнымъ странамъ, и часть ихъ подъ предводительствомъ третьяго сына Кробатова Аспаруха поселилась между Дунаемъ, Днѣстромъ и Олгою. И Теофанъ говоритъ тоже, что и другіе, что переселеніе этого племени съ Аспарухомъ совершилось въ царствованіе Константина. Годъ, подъ которымъ рассказывается объ этомъ событіи, 671-й объясняетъ, что этотъ Константинъ былъ Константинъ Погонатъ, о которомъ говорятъ и Левъ Діаконъ и Константинъ Порфирородный.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ мною выдержекъ изъ Византійскихъ хронографовъ есть основаніе заключить, что ставшія въ послѣдствіи извѣстными подъ именемъ Булгаръ племена носили въ древности въ Маури Булгаріа (въ *малоизвѣстной* Булгаріи) имя Оногундуровъ, Котраговъ, а еще древнѣе Киммерійцевъ и Сарматовъ, что всѣ эти племена почитались Скивами, что они получили прозваніе Булгаръ въ VII вѣкѣ по Р. X. При этомъ не могу не замѣтить, что *Маури* звучитъ сходно съ *Мари*, *Оногундуры*, какъ я выше сказалъ, напоминаетъ *Унгаровъ*—Великихъ Угровъ, *Котраги* (Котиры) можетъ быть сопоставлено съ *Комиотирами* (такъ называютъ себя Пермьян и Зыряне), *Киммерійцы*—можетъ быть, измѣненное *чи-мари* или *керьсъ-мари* (чимари и теперь еще называютъ себя некрещенные черемисы), имя *Сарматы* созвучно съ *сармысъ*, какъ еще въ настоящее время называютъ Черемисъ Чуваша, а *сармысъ*, по объясненію Н. И. Золотницкаго, означаетъ во-

инственный. Вспомнимъ, что, по свидѣтельству Арабскихъ писателей, въ то время, когда пришли въ Булгарію посланники Магомета, Булгарскимъ царемъ былъ Айдаръ-Ханъ изъ черемисъ. Не показываетъ ли это, что въ большой или великой Булгаріи на Волгѣ жили Сквенскія, Чудскія, Финно-Угорскія племена, Унгары, Комиотиры (Зыряне, Пермьки, Вотьяки, Вогулы, Черемисы). Къ этимъ племенамъ въ давнее время примѣшалось Тюркское (Чуваши) и Славянское племя, оставшееся здѣсь, быть можетъ, отъ первоначальнаго движенія народовъ. Арабскій писатель Ибн-фодланъ, бывшій въ посольствѣ, посланномъ къ новообращеннымъ въ мусульманство Волжскимъ Булгарамъ въ 922 году, называетъ Булгаръ городомъ Славянъ. По показанію Шемседина Демешки, Булгары сами на вопросъ, предложенный имъ въ Багдадѣ: „изъ какого вы народа и что такое Булгаръ“, отвѣчали: „народъ смѣшанный изъ Тюрковъ и Славянъ“. Слѣд. вѣроятно съ Финскими племенами въ Булгарскомъ царствѣ сливались Тюркскія и Славянскія, большинство послѣднихъ быть можетъ, удалилось съ Аспарухомъ въ Дунаю рѣку и основало Болгарское царство изъ владѣній Византійской имперіи. Чувашскія слова, найденныя въ извѣстіи о преемникахъ Аспаруха, не могутъ служить доказательствомъ, что пришельцы были Чуваши, а показываютъ только, что въ средѣ Славянъ, пришедшихъ съ Аспарухомъ въ области Византійской имперіи, были и Чуваши, на присутствіе которыхъ среди Волжскихъ Булгаръ указываютъ и надписи на многихъ памятникахъ Булгарскихъ городищъ. Шафарикъ на основаніи того, что окончаніе на *гары, горы, зурь* и *ири* встрѣчается часто въ именахъ племенъ Финно-Уральскихъ, какъ н. п. Унгары, Утригуры, Кутригуры, Сарагуры и т. п. заключаетъ, что и имя Булгаръ того же происхожденія. У Волжскихъ и Дунайскихъ Булгаръ, говоритъ Гаркави⁽¹⁾, смѣшеніе, Славянскаго племени съ Тюркскимъ или Финскимъ привело къ противоположнымъ результатамъ: у первыхъ Турки ввали перевѣсъ, а у вторыхъ Славяне“. По моему мнѣнію, такая разница могла произойти отъ того, что славянскій элементъ Волжской Булгаріи былъ сильно ослабленъ уходомъ съ Аспарухомъ большой массы Сла-

---

(1) Сказанія Мусульманскихъ писателей Гаркави, стр. 85 и 105.

внѣ въ Дунайскую Болгарію, и что въ ушедшей массѣ тюркскихъ и Финнскихъ элементовъ было несравненно меньше, чѣмъ элемента славянскаго.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести: 1) что Волжскую Болгарію населялъ въ древности союзъ племенъ Славянскихъ, Тюркскихъ и Финно-угорскихъ, что названіе страны Болгарія происходитъ отъ имени рѣки Волга, по тюркскому произношенію Булга и *ар* берегъ или *ар* человекъ; 3) что большая часть Славянскаго племени, входившаго въ составъ древней Волжской Болгаріи, вышла съ Аспарухомъ и заняла часть Византійской Имперіи; 4) что среди этихъ выходцевъ Финновъ и Тюрковъ было вѣроятно незначительное число, и потому на Дунаѣ выходцы основали славянское царство, а на Волгѣ перевѣсъ остался за тюркскими и Финно-угорскими племенами.

Представляя эту замѣтку, я почитаю долгомъ присовокупить, что я не выдаю своихъ выводовъ за непреложную истину, что высказанныя мною заключенія, можетъ быть, не болѣе какъ смѣлыя предположенія, особенно тѣ выводы, которые обоснованы на созвучіи словъ и именъ народовъ. Но я дозволилъ себѣ допустить смѣлое сопоставленіе *μαύρη* (Маури) съ Мари, Оногундуrowъ съ Унугурами, Котраговъ (Котировъ) съ Коми-отирами, Киммерійцевъ съ Чимари и Кересмари, Сарматовъ съ Сярмысъ единственно потому; что, кромѣ созвучія, за это сопоставленіе говорятъ показанія Арабскихъ и Византійскихъ писателей, настоящее положеніе здѣшней страны, и тѣ находки, которыя здѣсь дѣлаются. Вся бывшая болгарская страна полна Финно-угорскими названіями мѣстностей, древнія находки и древніе могильники носятъ характеръ чудскихъ находокъ и чудскихъ могильниковъ. Съ принятіемъ нашихъ предположеній понятны будутъ и новые результаты изслѣдованій г. Европеуса, и слова Ейхвальда, сказанныя имъ объ Ананьинскомъ могильникѣ, въ которомъ, по мнѣнію Ейхвальда, погребены Скифы и предшественники происшедшихъ изъ того же племени Гунновъ, которые подъ именемъ Угорской или Югорской чуди занимали главныя долины сѣвернаго Урала, оттуда пошли на Югъ и подъ именемъ Угровъ поселились на Дунаѣ. Съ принятіемъ нашихъ предположеній понятны будутъ и финнскія находки и чувашскія надписи на памятникахъ Болгарскихъ городищъ, понятно будетъ, почему

выходцы изъ Волжской Булгаріи основали на Дунаѣ Славянское Болгарское царство.

Съ Дунайскимъ Булгарскимъ царствомъ, мнѣ кажется, повторилась исторія Волжской Булгаріи. Какъ Волжская Булгарія въ древности, даже у Арабскихъ писателей, слыла Славоніей, а рѣка Волга прозывалась рѣкою Славоніи, а потомъ замеченъ былъ и слѣдъ Славянства въ Великой Булгаріи, и сначала Финское, а за тѣмъ Тюркское и Татарское племена утвердили господство на берегахъ Волги до тѣхъ поръ, пока могущественное славянское племя не возвратило себѣ обладанія своею родною славянскою рѣкою; такъ и въ Дунайской Булгаріи Славянское царство, нѣкогда наводившее страхъ на Византійскую Имперію, подпало подъ власть Турокъ, и лишь недавно освободилось изъ подъ-ярма, благодаря дорогой, ручьями пролитой крови того же могучаго славянскаго племени, которое освободило изъ-подъ татарскаго владычества славянскую рѣку Волгу

ЗАМѢТКИ

О ГОРОДКАХЪ, КУРГАНАХЪ И ДРЕВНИХЪ ЖИЛИЩАХЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ И О ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ НИХЪ НАХОДКАХЪ.

(Продолженіе) (¹).

Дѣйствительнаго члена Н. А. Изюскова.

Въ первой статьѣ составляемыхъ мною во время поѣздовъ по Казанской губерніи замѣтокъ было уже высказано, что, не ручаясь за полную достовѣрность свѣдѣній получаемыхъ отъ крестьянъ, я, тѣмъ не менѣе, полагаю, что свѣдѣнія эти могутъ быть не бесполезны до тѣхъ поръ, пока объ археологическихъ памятникахъ Казанской губерніи не будутъ собраны болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія. Считаая пріятною обязанностію для себя выразить мою искреннюю благодарность члену Совѣта нашего Общества П. А. Пономареву за принятой имъ на себя трудъ провѣрить во время своей экскурсіи лѣтомъ 1880 года добытыя мною свѣдѣнія, пополнить ихъ и исправить вкравшіяся въ нихъ неточности, я на столько же искренно былъ бы благодаренъ, если бы и другія лица, имѣющія возможность провѣрять на мѣстѣ, доставляли мнѣ лично, или въ Общество, свои исправленія и дополненія къ собираемымъ мною свѣдѣніямъ.

Желая дать болѣе точныя указанія мѣстъ гдѣ находятся древніе памятники, я привожу въ этой статьѣ всѣ названія селеній, при которыхъ эти памятники находятся, разстояніе этихъ селеній отъ города и возможно точное положеніе ихъ.

Казанскій уѣздъ. Село *Столбищи*, *Гурьево*. На Оренбургскомъ почтовомъ трактѣ, въ 18 вер. отъ города; жители русскіе. Названіе села—Столбищи—указываетъ на

(¹) См. «Извѣстія» томъ I стр. 110 и 124 и томъ II стр. 103.

недавнее возникновение его на „столбовой“ дорогѣ; Гурьевымъ же оно названо въ честь Казанскаго Святителя Гурія. Въ селѣ есть озеро „Кирби“ по берегамъ котораго до покоренія Казани жили татары, выселившіеся впоследствии въ Лаишевской уѣздъ и основавшіе деревню Кирби (Татарскія, между большимъ почтовымъ и старымъ торговымъ трактами, въ 25 вер. отъ г. Лаишева.)

С. Никольское, Караево. По правую сторону Оренбургскаго почтоваго тракта, въ 30 вер. отъ города; жит. русскіе, въ числѣ ихъ нѣсколько раскольниковъ. Судя по названію—Караево—можно предполагать, что основатели села были черемисы. Въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ съ такимъ же названіемъ встрѣчается нѣсколько черемисскихъ селеній. Въ селѣ есть озеро „Попово“ или, по списку населенныхъ мѣстъ, „Гусиное болото“. По берегамъ его болѣе 300 лѣтъ назадъ тому была татарская деревня; сохранилось преданіе, что кабая-то татарка бросила въ это озеро расческу и гребень и съ тѣхъ поръ оно заросло травою. Въ прошедшемъ году, когда озеро разчищали, въ немъ была найдена татарская посуда: мѣдные кулганъ, подносъ и чашка. Въ 4-хъ вер. отъ села по направленію въ Оренбургскому почтовому тракту есть озеро „Чердаки“, на берегахъ котораго тоже было когда-то селеніе; при распаханіи земли вокругъ озера находили наярса и черепки глиняной посуды.

Спасскій уѣздъ. Деревня Христофоровка, Русскіе Измери. На почтовомъ трактѣ изъ г. Спасска въ г. Лаишевъ, при р. Ахтаѣ, отъ гор. въ 25 вер.; жит. русскіе. Первое названіе деревни дано по имени бывшаго помѣщика, а второе потому, что крестьяне около 90 лѣтъ назадъ тому были выселены сюда изъ разныхъ селеній Спасскаго и Тетюшскаго уѣздовъ на землю, купленную у татарскихъ мурзь сосѣдней съ этою деревнею деревни Татарскіе Измери. О древнихъ памятникахъ, обрѣжающихъ эту деревню, упоминается въ книгѣ С. М. Шпилевскаго (Древніе города и пр.) стр. 324 и 325; нашему Обществу представлены также чертежи ихъ, составленные членомъ—сотрудникомъ Н. Н. Вечеславомъ. Крестьяне даютъ этимъ памятникамъ или такъ называемымъ „стариннымъ жилищамъ“ разные названія, а именно: 1) „Калинникъ или середняя грива“, на которой около десяти лѣтъ тому назадъ однимъ изъ крестьянъ былъ найденъ кладъ серебряныхъ денегъ, за который выдано было ему болѣе 100 руб., на

той же гривѣ найденъ мѣдный сосудъ, представляемый при семъ въ музей общества; 2) „Курганъ“ (городокъ?), занимающій болѣе двухъ десятинъ земли и обмываемый водою во время весенняго разлива; 3) „Штабъ“—берегъ р. Ахтая, по которому находятъ старую глиняную посуду.

Дер. *Комаровка, Волхонка, Волхонщина*. На почтовомъ трактѣ изъ гор. Спасска въ г. Тетюши, при озерѣ „Зыбучемъ“, въ 33 вер. отъ города и въ 10 отъ с. Болгарь; жит. русскіе. Первое названіе деревни дано по изобилію въ этой мѣстности комаровъ, а послѣднія по фамиліи бывшаго владѣльца. Къ сѣверу отъ дер. на разстояніи 100 саж. находится истокъ Чертыка, по склонамъ котораго видны признаки жилыхъ избъ. Народъ говоритъ, что тутъ жили разбойники, а на днѣ Чертыка зарыта лодка, наполненная серебромъ. Къ юго-западу отъ деревни, на разстояніи двухъ верстъ, находится урочище „Буланка“, расположенное по берегу „Виловатаго“ озера; по этому урочищу также видны признаки землянокъ. Отъ Буланки къ селу Три-Озера идетъ старинная, такъ называемая „ущельная“, дорога, которая, какъ передаютъ Комаровскіе крестьяне, служила когда-то русломъ р. Камы, протекавшей около Болгарь. На юго-востокъ, тоже на разстояніи двухъ верстъ отъ деревни, на землѣ принадлежащей Булымерскимъ крестьянамъ находится городокъ. Кромѣ того, по словамъ крестьянъ, въ сторонѣ отъ дороги идущей изъ с. Болгарь къ Ага-базару, или, какъ они его называютъ, — „Ягой базаръ“, въ лѣсу есть нѣсколько каменныхъ полатокъ⁽¹⁾. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ попадаются разныя находки. Крестьяне говорятъ что, кромѣ вещей удѣлевшихъ послѣ Булгарь, въ мѣстностяхъ, окружающихъ дер. Комаровку, находятъ много кладовъ, оставшихся послѣ разбойниковъ. Въ памяти народа сохранилось преданіе объ атаманѣ, котораго звали Моськой (Моисей?) и который разбойничалъ, будто бы, вмѣстѣ съ Разинымъ. Говорятъ, что этотъ Моська былъ крестьяниномъ изъ дер. Ляшева Починка, Больше-Шемаковской во-

---

(1) Полаткии крестьяне д. Комаровки называютъ такія же каменные сооружения, о какихъ упоминаетъ г. Кротовъ въ сообщеніи своемъ Обществу Собранію 31-го окт. 1878 г. Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи, т. 1, стр. 90.

дости Тетюшскаго уѣзда. Изъ Казанской губерніи онъ бѣжалъ въ Астрахань, откуда и увѣдомлялъ своихъ родныхъ о мѣстахъ, гдѣ были зарыты его клады, причемъ крестьяне говорятъ, что никто этихъ кладовъ не искалъ и только нѣкоторые изъ нихъ были открыты случайно. Такъ, гдѣ то въ лѣсу былъ положенъ кладъ серебрянныхъ денегъ въ душло стараго вяза; лѣтъ пять назадъ тому ребятишки подошли этотъ вязъ съ двухъ сторонъ и вскорѣ замѣтили часть растопившагося серебра, которая и вытекла изъ дерева въ видѣ сосулекъ, а остальная часть высыпалась; въ другомъ случаѣ найденъ былъ кладъ положенный въ бахилѣ (большой валеный сапогъ). Оба эти клада, состоявшіе изъ русскихъ серебряныхъ денегъ, были проданы по частямъ въ с. Болгары. Отецъ крестьянина Бурмистрова, у котораго я остановился, нашелъ также нѣсколько лѣтъ назадъ тому кладъ съ татарскими деньгами, находившимися въ мѣдномъ кубѣ, закрытомъ двумя небольшими жерновыми камнями; камни эти и до сихъ поръ хранятся у Бурмистрова: они очень тверды и принадлежатъ къ породѣ камней, невстрѣчающихся въ окрестностяхъ деревни Комаровки. Кроме денегъ, Комаровскимъ крестьянамъ попадалось также много находокъ. Такъ въ землянкахъ находили много старинныхъ кремневыхъ ружей. На Чертыгѣ и въ урочищѣ Буланка находили серебряныя браслеты, куски серебра, имѣющіе видъ клинцевъ съ сдѣланными на нихъ наръзками⁽¹⁾, разныя мѣдныя вещи и много черепковъ глиняной посуды. Такъ какъ я пробылъ въ дер. Комаровкѣ болѣе сутокъ, выжидая установленія зимняго пути черезъ р. Волгу, то у меня было достаточно времени, чтобы ознакомиться съ окрестностями этой деревни. По склонамъ Чертыга, несмотря на зимнее время, я нашелъ подъ снѣгомъ нѣсколько глиняныхъ черепковъ. У крестьянъ же изъ находокъ я ничего не приобрѣлъ, п. ч. цѣнныя вещи они продаютъ въ Болгары, а остальные бросаютъ.

Какъ въ д. Измерахъ, такъ и въ д. Комаровѣ—всего больше встрѣчается находокъ послѣ спада весеннихъ водъ, около половины іюня.

⁽¹⁾ Такіе куски въ Болгарахъ и Комаровкѣ называютъ старыми болгарскими рублями.

Дер. Татарская Тюцльбаева, Бездна. По лѣвую сторону проселочнаго тракта изъ г. Спасска въ с. Базарные Юрткули, въ 36 верстахъ отъ города, при рч. Безднѣ. На юго-востокъ отъ этой деревни, при истокахъ рч. Бездны, находится круглый городокъ, занимающій около двухъ десятинъ и обнесенный валомъ и рвомъ; площадь городка возвышенная и ровная.

Тетюшовій уѣздъ. *Село Чудовка, Калунецъ, Архангельское.* На Симбирскомъ торговомъ трактѣ, въ 7-ми верстахъ отъ города, при рр. Людоговка и Калунецъ. Названіе села „Чудовка“ происходитъ отъ слова *чудо*, а не напоминаетъ собою, какъ предполагаетъ г. Риттихъ ⁽¹⁾, древнюю *Чуць*, точно также какъ и село Чудиново (Чистопольскаго уѣзда) получило названіе отъ фамиліи владѣльца Чудинова; второе названіе селу дано по рѣкѣ, а третье—по церкви. Старинныя жилища въ окрестностяхъ этого села слѣдующія: 1) „Яма у студенаго ключа,“ въ разстояніи одной версты на югъ отъ села. Здѣсь находятъ черепки глиняныхъ сосудовъ и небольшія желѣзныя подковы (?) съ передними шипами. 2) „Долкова“, урочище состоящее изъ овраговъ, въ пяти верстахъ отъ села въ востоку; въ немъ находятъ пули и „громовыя чары“, т. е. окаменѣлыя раковины, два экземпляра которыхъ представлены мною въ музей. Пули въ Долковѣ находятъ въ большомъ количествѣ, такъ что, по рассказамъ крестьянъ, ребятишки „собираютъ ихъ пригорщинами и другъ въ друга лукаютъ“. 3) „Чирбыши“, урочище на которомъ находятся ямы; также въ востоку, въ трехъ верстахъ отъ села, на Биляевскомъ полѣ. 4) „Старое жилище“, въ самомъ селѣ: находятъ черепки глиняной посуды.

Село Яшевка, Малая Кіятъ, Рѣка, Богородское. По лѣвую сторону почтоваго тракта изъ гор. Тетюшъ въ гор. Буинскъ, при рѣчкахъ Улемъ и Айгерлѣ, въ 20-ти верстахъ отъ города. Село названо Малой Кіятью въ отличіе отъ села Большая Кіятъ, находящагося не далеко отъ него—въ Симбирской губерніи. По направленію къ этому послѣднему селу, въ оврагахъ, находящихся на такъ называемомъ „графскомъ полѣ“, замѣтны признаки стараго жилья; здѣсь

⁽¹⁾ Матеріалы для этнографіи Россіи, Казанская губернія, сост. Риттихъ, стр. 15.

находить свѣтлые камни и громовыя чарки. О послѣднихъ мнѣ удалось въ Яшевѣ записать такой рассказъ: громовыя чарки пастухи находятъ послѣ грозы наполненными водою; эти чарки какъ разъ приходятся въ тѣхъ мѣстахъ земли, гдѣ съ нею сливается радуга, опускающаяся въ чарки своими свѣтлыми, разноцвѣтными, концами,—послѣ дождя матушка радуга пьетъ изъ нихъ воду. Громовыя чарки употребляются крестьянами, также какъ и громовыя стрѣлы, для лѣченія дѣтей: для этого ихъ скоблютъ по краямъ, образовавшуюся на днѣ чарки пыль смѣшиваютъ съ дождевою водою и этою смѣсью поятъ больныхъ дѣтей.

С. Бишево, Ивановское. По лѣвую сторону почтоваго тракта изъ г. Казани въ г. Симбирскъ, при р. Свіагѣ, въ 36-ти верстахъ отъ города. Русскіе крестьяне выселились въ эту мѣстность около 200 лѣтъ назадъ тому изъ с. Ивановскаго Свіажскаго уѣзда, отчего и этому селу тоже дано названіе Ивановскаго. До переселенія русскихъ жителями въ этой мѣстности были татары, на что указываетъ другое названіе села:—Бишево, отъ тат. слова *биш*—пять (т. е. при основаніи селеніе, вѣроятно, состояло изъ пяти домовъ), названіе одной изъ улицъ въ селѣ—„татарскій конецъ“ и народныя преданія. Въ одной верстѣ отъ села, на правомъ берегу р. Свіаги, находится городокъ, высота насыпи котораго простирается до 1½ саж. и заканчивается ровомъ и валомъ. Говорятъ, что городокъ былъ устроенъ во времена Грознаго для защиты отъ нападений какихъ то инородцевъ. Въ настоящее время онъ весь распаивается подъ посѣвы и при этомъ ничего на немъ не находятъ.

Цивильскій уѣздъ. Село Высоково, Высоковка. По лѣвую сторону Симбирскаго торговаго тракта изъ г. Цивильска въ г. Буинскъ, въ 30 вер. отъ города, на рч. Яндоушкѣ; жители русскіе, бывшіе крѣпостные. Названіе селу, образовавшемуся изъ приходской деревни въ 1875 году, дано по возвышенной мѣстности на которой оно расположено. По рч. Яндоушкѣ находятъ во время лѣта разныя каменные орудія, два экземпляра которыхъ представлено мною для Музея.

С. Ивановское, Иваново, Никольское. По лѣвую сторону Симбирскаго торговаго тракта изъ г. Цивильска въ г. Буинскъ, при р. Цивиль, въ 5-ти вер. отъ города; жители русскіе, бывшіе крѣпостные. Прежде, по рассказамъ жите-

лей, были не подалеку одна отъ другой двѣ деревни: Иванова и Исламова. Изъ дер. Исламовой народъ ушелъ неизвѣстно куда, а на мѣстѣ гдѣ она была—поселились Ивановскіе крестьяне и основали село Иваново. На разстояніи одной версты отъ этого села и до сего времени замѣтны признаки мѣста, на которомъ была дер. Иванова. Недалеко отъ села есть также лѣсъ, называющійся „Деревупка“, гдѣ около 20-ти лѣтъ назадъ тому была деревня, состоящая изъ четырехъ домовъ. Точно также указываютъ поле, называемое „Капшлатка“, на которомъ прежде была чувашская деревня; но признаковъ жилья на этомъ мѣстѣ нѣтъ и когда была тутъ деревня—неизвѣстно.

Ядринскій уѣздъ. С. Большая Яндоба, Воскресенское. По правую сторону бывшаго почтоваго тракта изъ г. Ядрина въ г. Цивилскъ, при рч. Пормарѣ, въ 54 вер. отъ города; жители Чуваши. О названіи этого села сохранилось такое преданіе: въ прежнія времена на мѣстѣ с. Яндобы было жилище разбойниковъ; мѣсто было лѣсное и черезъ него трудно было проѣхать не встрѣтивъ нападенія. Частыя кровавыя схватки разбойниковъ, положившихъ основаніе настоящему селу, съ проѣзжающими были причиною того, что село получило названіе отъ сосѣднихъ чувашъ „Йон-дабы“, отъ словъ *Йон*-кровь и *дабис*-бить. Въ двухъ верстахъ отъ с. Яндобы и въ 20-ти саженьяхъ отъ дороги, идущей изъ этого села въ с. Сугуть—Торбиково (при р. Большомъ Цивилѣ, въ 62 верстахъ отъ города), находится небольшой курганъ, распахиваемый подъ посѣвы.

О курганахъ Ядринскаго уѣзда мною уже было сдѣлано заявленіе, записанное въ протоколѣ втораго засѣданія секціи этнографіи и антропологіи IV-го съѣзда естествоиспытателей и перепечатанное изъ этого протокола въ сочиненіи С. М. Шпилевскаго „Древніе города и пр.“, стр. 529. По тѣмъ находкамъ, которыя были сдѣланы при раскопкахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ бывшимъ мировымъ посредникомъ Ядринскаго уѣзда г. Суворовымъ, я и теперь полагаю, что отличительный признакъ этихъ кургановъ состоитъ въ религіозномъ характерѣ ихъ происхожденія. Такому предположенію не противорѣчитъ объясненіе покойнаго Н. И. Золотницкаго, относящееся къ укрѣпленію близъ деревни Карманерь Козмодемьянскаго уѣзда, ибо,

вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Золотницкаго относительно происхожденія этого уврѣшенія и допуская, что записанное мною преданіе о немъ ошибочно, я тѣмъ не менѣе предполагаю, что по крайней мѣрѣ тѣ изъ числа кургановъ Ядринскаго уѣзда, въ которыхъ были уже производимы раскопки, принадлежать по своему происхожденію въ болѣе раннему періоду, въ который могли и не быть шаманскія жертвоприношенія и уѣздъ въ то время могъ быть заселенъ другою народностью. Сопоставляя курганы, находящіеся въ Ядринскомъ уѣздѣ, съ курганами въ уѣздахъ Казанскомъ и Лаишевскомъ, я замѣтилъ, что послѣдніе курганы должны быть отнесены въ разряду тѣхъ искусственныхъ сооружений, какія вызывались въ древнюю пору желаніемъ создать оборону противъ вражескихъ нападеній. Такое замѣчаніе о курганахъ Лаишевскаго уѣзда, по моему мнѣнію, подтверждается раскопками произведенными въ этомъ уѣздѣ гг. Стояновымъ, Пономаревымъ и Загоскимъ, а что касается кургановъ въ Казанскомъ уѣздѣ (напр. „муравьевка“ около деревни Троицкая, Нокса; „влады“ по рч. Ноксѣ около дер. Малыя Дербышки) то заявленіе мое можетъ считаться дѣйствительно не доказаннымъ, п. ч. до сего времени эти курганы не были достаточно исследованы.

Хормалыхъ, околотовъ села Хочашева, Хочашевскаго прихода, по правую сторону Цивильскаго транзитнаго тракта, при ручьѣ Челъ-Сирмы, въ 16 вер. отъ города; жители чуваша. Хормалыхъ по чувашски значитъ *вязникъ* и названъ такъ потому, что на его мѣстѣ, до времени основанія, былъ вязовый лѣсъ. Недалеко отъ этого селенія находится яма, имѣющая въ окружности $1\frac{1}{2}$ сажени. Объ этой ямѣ сохранилось такое преданіе: въ прежніе годы изъ ямы выходила по временамъ какая-то волшебница, которая, приходя на мѣсто селенія Хормалыхъ, вынимала ядъ изъ подъ вязовыхъ деревьевъ и пускала его по вѣтру; много народу отъ этого яду умирало. Впослѣдствіи волшебница не удовольствовалась этимъ: во время жатвы она вышла на поле и стала пожирать жителей. Это вывело наконецъ чувашъ изъ терпѣнія и они, собравшись въ числѣ трехсотъ человѣкъ, погнались за волшебницей и сбросили ее въ ровъ; впослѣдствіе же они ровъ этотъ засыпали землей и заложили мельничнымъ камнемъ.

С. Малое Чурашево, Богородское, между Цивильскимъ и Козмодемьянскимъ почтовыми трактами, при рч. Выль, въ 15 вер. отъ города. Названіе села заимствовано отъ сосѣдней приходской деревни Большое Чурашево, п. ч. первые поселенцы жили на землѣ, принадлежащей жителямъ этой деревни. Недалеко отъ села указываютъ мѣста, на которыхъ были прежде чувашскія деревни, но никакихъ признаковъ отъ этихъ деревень въ настоящее время не сохранилось. Въ двухъ верстахъ отъ села, къ востоку, находится небольшой курганъ.

Д. Иванькова, на Козмодемьянскомъ почтовомъ трактѣ, при р. Сурѣ, въ 12 вер. отъ города. Крутой берегъ Суры, по которому расположена эта деревня, во время весны обваливается, вслѣдствіе чего крестьяне часто перестраиваютъ свои дома и относятъ ихъ дальше отъ берега. Въ верстѣ отъ деревни, на юго-западъ внизъ по Сурѣ, находится мѣстность, называемая крестьянами *городищемъ* и хотя никакихъ признаковъ, характеризующихъ городища, въ этой мѣстности не сохранилось, но когда крутой Сурскій берегъ обсыпается во время разливовъ, тогда на этомъ мѣстѣ находятъ много человѣческихъ череповъ и костей. По берегу Суры крестьяне указываютъ также и другое мѣсто, подъ Никитинской горой, на которой расположены селенія Иваньково и Никитина и гдѣ въ прошедшемъ году были найдены котелокъ и сабля, доставленные въ Ядринское полицейское управленіе. Здѣсь же были найдены разныя мелкія вещи изъ бронзы и девять нитокъ бусъ въ жестяныхъ коробкахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей мною представляются при этомъ въ Музей.

Козмодемьянскій уѣздъ. С. Пайлусова гора, Перняши, Пинель-Перняши, Христорождественское. Между лѣвой стороной Московскаго почтоваго тракта и правымъ берегомъ р. Суры, въ 25 вер. отъ города, при вершинѣ р. Сумки. Объясненіе названій этого села было мною уже приведено въ статьѣ „Горно-Черемисскіе приходы Козмодемьянскаго уѣзда“ (1) и хотя это объясненіе записано со словъ мѣстныхъ старожиловъ, но я долженъ согласиться, что объясненіе, представляемое Золотницкимъ (Корневой чу-

---

(1) Труды Казанскаго губернскаго статистическаго Комитета 1869 г. I. 4.

вашскій словарь, стр. 251), болѣе вѣроятно. Гористая мѣстность, на которой расположено село, въ прежнее время была кладбищемъ; весною, когда текутъ по Пайгусовской горѣ ручьи, не рѣдко вымываются изъ земли человѣческія кости. Въ 1869 г діаконъ с Пайгусова, Лавинскій, устраивая при своемъ домѣ погребъ, сдѣлалъ довольно замѣчательную находку: на глубинѣ одной сажени, дорывшись до материка, онъ замѣтилъ усыпанную по этому материкъ мелкими камнями дорожку, на которой стояло пять шарообразныхъ сосудовъ изъ сѣрой глины, наполненныхъ какимъ то маслянистымъ веществомъ, а неподалеку отъ этихъ сосудовъ онъ нашелъ каменный шлифованный топоръ изъ діорита и два кремневыхъ долота тоже отшлифованныхъ. Горшки вскорѣ были разбиты и куда-то заброшены, а остальные вещи были представлены мною въ этнографическій музей Казанскаго Университета (1).

Два кургана, означенные въ книгѣ С. М. Шпилевскаго „Древніе Города и пр.“ на стр. 542, подъ номерами 5 и 6, въ послѣднюю мою поѣздку были вновь мною осмотрѣны. Оба они находятся на возвышенныхъ мѣстахъ и можно предполагать, что съ вершины одного виднѣнъ другой курганъ. Оба, вѣроятно, были сторожевыми пунктами. Болѣе точное положеніе этихъ кургановъ можно опредѣлить такъ: первый находится въ четырехъ верстахъ отъ города, по лѣвую сторону почтоваго тракта изъ г. Козмодемьянска въ г. Казань, примѣрно саженьяхъ въ 60-ти отъ него. Второй курганъ (№ 6) находится на возвышенномъ берегу рѣки Волги, по правую сторону проселочнаго тракта изъ г. Козмодемьянска въ Троицкій посадъ, въ одной верстѣ отъ города и саженьяхъ въ 20-ти отъ дороги.

С. Малый Сундырь, Аккозино, Троицкое, между правымъ берегомъ Волги и правою стороною Московско-Казанскаго почтоваго тракта, при рч. Малой Сундырѣ, въ 15 верстахъ отъ города. Укрѣпленіе на горѣ при с. Маломъ Сундырѣ подробно описано въ книгѣ С. М. Шпилевскаго „Древніе города и пр.“ стр. 531—538, но, судя по находкамъ по рч. Малой Сундырѣ, протекающей между селомъ и подо-

---

(1) Въ указателѣ выставки при четвертомъ Археологическомъ Съѣздѣ онѣ означены подъ №№ 21, 366, 367 и 368.

швою Сундырской горы, и на гумнахъ, прилегающихъ къ селу съ юго-востока, можно предположить, что, не только гора, но и мѣстность, занимаемая селомъ, были давно уже населена. Это предположеніе оправдывается впрочемъ и тѣмъ, что село носитъ названіе Аккозина, по имени Аккоза, черемисина, бывшаго при Иванѣ Грозномъ въ числѣ старшинъ, получившихъ въ свое владѣніе землю. Въ с. Маломъ Сундырѣ мнѣ доставленъ былъ металлическій обломокъ серги, которая хотя и найдена была цѣльною на гумнѣ, но владѣлецъ ея преломилъ ее на нѣсколько кусочковъ, которые и употреблялъ на грузила въ удочкиамъ.

Въ заключеніе настоящихъ замѣтокъ я долженъ сказать, что сочиненіе проф. Шпилевскаго „Древніе города и пр.“, на которое я уже неоднократно ссылался, оказало мнѣ большую помощь при разспросахъ крестьянъ, которые часто тогда только передавали болѣе или менѣе извѣстныя имъ подробности о древнихъ памятникахъ, когда я прочитывалъ имъ изъ этого сочиненія описанія знакомыхъ имъ кургановъ, городищъ и проч. При чтеніи же я позволялъ себѣ дѣлать дополненія и поправки къ тѣмъ описаніямъ, въ которыхъ, не смотря на желаніе автора дать точныя указанія положенія каждой упоминаемой имъ мѣстности, могли вкрасться неточности. Такимъ образомъ въ дер. Комаровѣ мнѣ удалось провѣрить, по указаніямъ крестьянъ, описанія насыпи и могильныхъ кургановъ около сельца Булымера (стр. 308). Огромная насыпь „Шеломъ“ находится по правую сторону дороги изъ с. Болгаръ въ сц. Булымеры, на горѣ, въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ сельца. Крестьяне и до сихъ поръ указываютъ мѣсто, гдѣ былъ видѣнъ проходъ въ этой насыпи. Городокъ, упоминаемый въ „Замѣткахъ о курганахъ и городищахъ въ Казанской губ.“ и на стр. 310 сочиненія С. М. Шпилевскаго—тотъ самый, о которомъ передавали мнѣ Комаровскіе крестьяне и который находится въ двухъ верстахъ отъ деревни Комаровки. Размѣры его показаны совершенно вѣрно. Въ деревнѣ Тетюшскаго уѣзда Чирки-Кильдуразовы мною провѣрены описанія городища около деревни Деушевой и древнихъ кладбищъ (стр. 495 и 496). Въ деревнѣ Малыхъ Яльчивахъ, того же уѣзда, провѣрено описаніе кургановъ и древняго татарскаго

селенія оволо деревни Большіе Яльчии (стр. 502). Въ этомъ описаніи, вмѣсто словъ: „сажень около 2000“, нужно читать: „сажень около 200“. Въ с. Большая Толяба, того же уѣзда, провѣрено мною описаніе городка въ 360 саж. отъ этого села (стр. 503—504); что же касается вала, идущаго отъ этого села къ г. Буинску, то, проѣзжая по дорогѣ занесенной свѣгомъ, я не могъ его замѣтить и, основываясь на показаніяхъ крестьянъ, полагаю весьма возможнымъ, что лица, сообщавшіе мнѣ о существованіи этого вала, смѣшали его съ валомъ городка, пересекающимъ въ 360 саж. отъ села дорогу, идущую изъ дер. Малыхъ Яльчии въ это село. Въ описаніи городка слѣдуетъ исправить названіе ручья, который зовется по чувашски киве-сѣртъ (сѣрт = старое строеніе ⁽¹⁾)—и на ручьѣ дѣйствительно сохранились признаки старыхъ построекъ), а не киве сіоль = старая дорога.

⁽¹⁾ Корнеевой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго стр. 73.

**ОБЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ НАХОДКАХЪ, СДѢЛАННЫХЪ ВЪ ПОСЛѢД-
НЕЕ ВРЕМЯ ВЪ ПРИГОРОДѢ БИЛЯРСКѢ, ЧИСТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.**

(Дѣйствительнаго члена И. А. Извозкова).

Въ пригородѣ Билярскѣ, Чистопольскаго уѣзда, и въ его окрестностяхъ—до сего времени сохранились признаки городищъ и древнихъ владбищъ, обнесенныхъ валами. Подробное описаніе Бюларскаго городища съ сосѣдними владбищами находится въ сочиненіи г. товарища предсѣдателя нашего общества С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе Булгаро-Татарскіе памятники Казанской губерніи“. Въ этомъ сочиненіи приводится сначала старинный планъ Билярскаго городища, по которому оно представляется въ видѣ почти прямоугольнаго четырехугольника, образуемаго рядомъ четырехугольных валовъ. Затѣмъ приводятся размѣры этихъ валовъ и рововъ и подробное описаніе ихъ, а также каменнаго столба (минарета) и древнихъ развалинъ такъ, какъ они найдены были разными лицами, посѣтившими пригородъ Билярскъ въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ теченіе настоящаго, т. е. начиная съ Татищева и Рычкова, указывающихъ на нѣсколько каменныхъ зданій, которыя хорошо сохранились—„а особливо порталъ или врата великаго храма и столбы“—и оканчивая Второвымъ, Артемьевымъ и Ешевскимъ, которые видѣли только валы и слѣды каменныхъ зданій, заключающіеся въ однихъ только буграхъ и ямахъ съ грудями камней, во множествѣ разсѣянныхъ среди укрѣпленій.

Надо полагать, что и эти слѣды зданій въ началу 70-хъ годовъ почти изгладились и Билярскія археологическія находки—древности, которыхъ сначала находимо было много, сдѣлались довольно рѣдки, такъ что, по замѣ-

чанію покойнаго проф. Ешевскаго, безъ особеннаго случая ихъ было трудно приобрести. Но послѣ сильныхъ пожаровъ, истребившихъ большую часть домовъ въ пригородѣ Билярскѣ въ 1877 и 1878 годахъ, и послѣ неурожаевъ, бывшихъ въ тѣхъ же годахъ, многіе жители стали заниматься собираніемъ костей разныхъ животныхъ и сбытомъ ихъ на заводы. При раскопкахъ, производимыхъ съ этою цѣлью, крестьяне въ окрестностяхъ Билярска находили очень много изрубленныхъ костей, а между ними встрѣчались и разныя археологическія находки. По словамъ крестьянъ были такія мѣста, въ которыхъ находили отъ 20 до 30 пудовъ рубленной кости.... Съ 1879 года въ пригородѣ стали заготовлять также фундаментъ для вновь строящейся каменной церкви и такъ какъ въ окрестностяхъ Билярска нельзя добыть камень годный для бута, то крестьяне вспомнили, что для фундамента находящейся и теперь въ пригородѣ деревянной церкви они брали камень изъ древнихъ Билярскихъ развалинъ. Съ цѣлью добыть этотъ камень они стали производить раскопки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по указаніямъ стариковъ, были эти развалины и гдѣ дѣйствительно, снявъ верхній слой земли, они нашли значительное количество камня, съ которымъ попадались также и разныя древности, а въ числѣ ихъ иногда золотыя и серебряныя вещи. Такъ, одна крестьянская дѣвушка нашла нѣсколько пластинокъ червоннаго золота, за которыя ей выдано было впоследствии изъ чистопольскаго казначейства 18-ть золотыхъ. Нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вещей найдены были также отставнымъ солдатомъ, который передалъ ихъ становому приставу. Въ производствѣ такихъ раскопокъ для добыванія бутоваго камня, вмѣстѣ съ крестьянами, принималъ также участіе одинъ изъ землекоповъ, переселившійся въ пригородъ и занимавшійся до того времени добываніемъ руды на заводахъ. При его содѣйствіи были находимы, недалеко отъ мѣста гдѣ было основаніе каменнаго столба, глубокіе колодцы, срубы которыхъ были покрыты какимъ то цементомъ и подвалы, въ которыхъ оказалось много, слезавшагося и негоднаго въ употребленію, пороку и много разныхъ, будто бы, кузнечныхъ вещей.

Большое количество археологическихъ находокъ, попадавшихся при раскопкахъ, производимыхъ для добыва-

нія костей и бутоваго камня, можетъ быть видно отчасти уже и изъ того, что въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ въ очень короткое время мнѣ удалось приобрести въ пригородѣ Билярскѣ, хотя и не большую, но, кажется, довольно разнообразную коллекцію такихъ находокъ, состоящую изъ нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ, черепковъ отъ нихъ и разныхъ костяныхъ, каменныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей. Кроме того я приобрѣлъ три серебряныхъ и двѣ мѣдныхъ монеты и нѣсколько металлическихъ слитковъ и сплавовъ. Я могъ бы приобрести и значительно большую коллекцію изъ тѣхъ вещей, которыя мнѣ приносили со всѣхъ концовъ пригорода; но, не имѣя достаточно мѣста въ своемъ экипажѣ, я ограничился только тѣмъ, что можно было хорошо уложить и сохранить во время продолжительной поѣздки.

Изъ приобретенныхъ мною вещей заслуживаютъ, мнѣ кажется, болѣе вниманія: глиняный сосудъ, на днѣ котораго находится изображеніе похожее на двуглаваго орла; наконецъ стрѣлы изъ желтой кости и что-то похожее на вязальный крючекъ изъ черной кости; желѣзный молотокъ, другой экземпляръ котораго, болѣе сохранившійся, найденъ также въ чистопольскомъ уѣздѣ и доставленъ въ музей Общества членомъ сотрудникомъ В. А. Казариновымъ и желѣзная гиря, другой экземпляръ которой также имѣется въ музеѣ.

Раскопки, производившіяся въ теченіи осени прошедшаго года, будутъ продолжаться, какъ передавали мнѣ крестьяне, съ наступленіемъ весны. До сихъ поръ еще многіе изъ крестьянъ вѣрятъ, что колодцы и подвалы не всѣ ими раскопаны и что въ нераскопанныхъ хранятся сокровища; вѣрятъ они въ это потому, что дѣйствительно имъ удалось когда-то отрыть колодець, въ которомъ найдено было много мѣдной посуды, проданной впоследствии крестьянами помѣщику Ермолову. Вѣру въ такія сокровища поддерживаетъ въ крестьянахъ также и землекопъ, который, говорятъ, ѣздилъ въ Казань, гдѣ „ученые“ муллы рассказывали ему о рукописяхъ, въ которыхъ указывается, будто бы, мѣсто гдѣ сохраняются сокровища.

Во всякомъ случаѣ тѣ археологическія находки, которыя уже сдѣланы были крестьянами въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, едва ли останавятъ ихъ въ дальнѣйшихъ по-

искалъ, а для того что бы находки эти не пропадали для нашего Общества безслѣдно—необходимо было бы весной, или въ теченіи лѣта, осмотрѣть мѣста, гдѣ были сдѣланы находки, привести въ извѣстность, что въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ было найдено и пріобрѣсти всѣ найденныя вещи, которыя сохраняются у крестьянъ. Расходовъ на это едва ли потребуется много, тѣмъ болѣе что Общество можетъ надѣяться, кажется, во первыхъ на то, что многія изъ находимыхъ въ пригородѣ Билярскѣ вещей будутъ доставляемы въ музей Общества дѣйствительнымъ членомъ А. Н. Островскимъ, отъ котораго и поступила уже въ музей довольно хорошая коллекція такихъ вещей, а во вторыхъ и на то, что членъ сотрудникъ нашего Общества В. А. Казариновъ вѣроятно не откажется бы наблюдать за тѣмъ, чтобы раскопки производились по возможности правильно и чтобы тѣ находки, которыя въ глазахъ крестьянъ не имѣютъ никакого значенія, поступали бы въ музей Общества, а не утрачивались.

О П И С А Н І Е

БИЛЯРСКИХЪ И БАРАНСКАГО

ГОРОДИЩЪ.

(Члена сотрудника В. А. Казаринова).

Въ іюль мѣсяцѣ 1881 года я осматрѣлъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ городища, находящіяся при пригородѣ Бирярскѣ и въ его окрестностяхъ. Имѣю честь въ настоящее время сдѣлать Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи докладъ о результатахъ означеннаго осмотра.

І.

Городище, находящееся у пригор. *Билярска*. я снялъ на планѣ; планъ этотъ я не могу назвать математически вѣрнымъ, потому что я снималъ его на глазомѣръ, при помощи компаса. **Билярское** городище состоитъ изъ тройной системы валовъ, изъ коихъ наружные валы—средній и внѣшній—почти на всемъ протяженіи отстоятъ одинъ отъ другаго на разстояніи 40—60 сажень; внутренніе валы отстоятъ отъ наружныхъ валовъ на разстояніи 100—300 сажень. Какъ это видно на планѣ, внутренніе валы образуютъ неправильную фигу-

ру съ болѣе или менѣе прямой стороной на югѣ, съ выпуклыми сторонами на востокѣ и западѣ и съ выдающимся угломъ на сѣверѣ; это внутреннее укрѣпленіе расположено не въ срединѣ площади, окруженной наружными валами; оно ближе къ югозападной сторонѣ наружнаго укрѣпленія—въ этомъ мѣстѣ оно отстоитъ отъ наружныхъ валовъ не болѣе 100 сажень; на СЗ, С и СВ и частію на В внутренній валъ отстоитъ отъ наружныхъ валовъ сажень на 300. Площадь, занимаемая внутреннимъ укрѣпленіемъ, имѣетъ съ В въ З не болѣе $1\frac{1}{4}$ версты, а съ Ю на С около одной версты. Наружные валы преоставляютъ собою четырехугольникъ, обращенный углами къ главнымъ странамъ горизонта; юговосточная сторона этого четырехугольника представляетъ дугу; западный уголъ также представляетъ не очень кругую дугу. Съ ЮВ на СЗ этотъ четырехугольникъ занимаетъ не болѣе $2\frac{1}{2}$ версты, а съ ЮЗ до СВ стороны разстояніе будетъ не болѣе 2 версты, такъ что обружность внѣшняго укрѣпленія должна быть не болѣе 10 версты. Къ южному углу наружнаго укрѣпленія подходитъ съ ЮВ рѣчка *Биллярка*, которая на этомъ углу пересѣкаетъ оба наружные вала и идетъ почти въ томъ же направленіи къ внутреннему укрѣпленію, выпуклую западную сторону котораго огибаетъ и затѣмъ пересѣкаетъ почти въ томъ же направленіи наружные валы на сѣверо-западной сторонѣ ихъ и впадаетъ въ рѣку *Малый Черемшанъ*. У западной стороны внутренняго укрѣпленія впадаетъ въ *Биллярку* съ лѣвой стороны родникъ; есть слѣды высохшаго ключа и на правой сторонѣ *Биллярки*, нѣсколько повыше впаденія родника, около самаго вала. На сѣверо-восточной сторонѣ наружнаго укрѣпленія между внѣшнимъ и среднимъ валомъ протекаетъ рѣчка *Елшанка*, которая образуется изъ трехъ ключей на восточномъ углу укрѣпленія; эта *Елшанка* на сѣверномъ углу какъ видно искусственно переведена черезъ средній валъ, проходитъ угломъ и снова пересѣкаетъ средній валъ и наружный уже на сѣверо-западной сторонѣ и впадаетъ въ р. *Малый Черемшанъ*. Такимъ образомъ *Биллярское* городище расположено на склонѣ, имѣющемъ сѣверо-западное направленіе къ рѣкѣ *Малому Черемшану*, отъ котораго городище отстоитъ версты на 2; этотъ склонъ постепенно понижается къ рѣкѣ, гдѣ и оживляется лугами.

Сравнивая планъ Биларскаго городища, снятый мною, съ описаніемъ плана, сдѣланнымъ пр. С. М. Шпилевскимъ въ его книгѣ: „Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“ (стр. 349), мы увидимъ, что *Биларка* течетъ не въ СЗ углу городища, а къ южному; протекаетъ же на западной сторонѣ городища, а не на восточной. *Серебрянка* находится по описанію пр. Шпилевскаго внутри городища, на самомъ же дѣлѣ Серебрянка впадаетъ съ лѣвой стороны въ Биларку внѣ городища, по крайней мѣрѣ въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ послѣдняго; на мѣстѣ же, гдѣ должна быть по описанію пр. Шпилевскаго Серебрянка, теперь есть незначительный родникъ, о которомъ я упоминалъ выше. Рѣчка *Елшанка* течетъ не на южной сторонѣ городища, а на сѣверовосточной. Пригородъ Биларскъ лежитъ по обѣ стороны рѣчки Биларки, простираясь на Ю за внутренній валъ, а къ С далеко за вѣншіе валы; валы проходятъ чрезъ пригородъ Биларскъ, какъ видно на планѣ, съ ЮЗ на СВ. Ошибка въ опредѣленіи странъ свѣта произошла вѣроятно отъ того, что на планѣ, бывшемъ на разсмотрѣніи С. М. Шпилевскаго, была неправильно указана СЮ-ая линія. Наконецъ и очертанія валовъ на планѣ, бывшемъ у пр. Шпилевскаго, значительно отступаютъ отъ дѣйствительности во многихъ пунктахъ.

Сдѣлавъ общій обзоръ Биларскаго городища, я перейду къ описанію городища въ частности и къ указанію остатковъ бывшихъ зданій на площади внутренняго укрѣпленія. Описаніе валовъ я начну съ сѣвернаго угла укрѣпленій.

Наружные укрѣпленія состоятъ изъ системы двойныхъ валовъ, тѣсно связанныхъ между собой, а потому и описаніе этихъ валовъ я долженъ сдѣлать вмѣстѣ. На сѣверной оконечности городища мѣстность представляетъ низину; по берегу *Елшанки* находится мочажинникъ, который весною покрывается сплошной водой саженъ на 100—150 отъ валовъ; этотъ мочажинникъ вѣроятно въ прежнее время представлялъ значительную болотистую низменность. Наружный валъ на этомъ углу очень незначителенъ и не высокъ; только саженъ чрезъ 100 отъ угла на ЮВ валъ начинаетъ дѣлаться высокимъ, крутымъ; средній же валъ и здѣсь очень высокъ и хорошо сохранился. Въ пунктѣ *a* наружный валъ имѣетъ въ высоту до 2 саж.

Средній валъ имѣетъ почти такіе же размѣры и профиль. Валу идутъ почти одинаковаго размѣра до пункта *б*, здѣсь валъ пересѣкаетъ дорога изъ *Биларска* въ деревню *Шаму*—Егорьевская Слобода тожь. Средній валъ, подходя къ этому мѣсту, идетъ нѣсколько извиваясь; выгнутая въ наружи часть средняго вала представляетъ характеристическую особенность: валъ раздваивается; середина между валами находится на уровнѣ съ окружающею мѣстностью, побочные же валы сравнительно ниже одиночно идущаго; такое раздвоеніе продолжается на протяженіи 70 сажень. Далѣе валъ дѣлаетъ небольшую дугу внутрь, и на этой дугѣ находится второе раздвоеніе валовъ на протяженіи 10 сажень; чрезъ 10 саж. замѣтна значительная четырехугольная яма. Противъ этого мѣста въ наружномъ валу, тамъ гдѣ проходитъ Шаминская дорога, есть новое раздвоеніе въ валу на протяженіи сажень 20; гдѣ идетъ дорога—тамъ совсѣмъ нѣтъ вышшеній, такъ что можно думать, что тутъ и прежде также была дорога. Съ большою вѣроятностью можно предполагать, что здѣсь были деревянныя укрѣпленія, бойницы, башни и подъ ними проходилъ проѣздъ; что здѣсь былъ проѣздъ—можно заключить изъ множества укрѣпленій, находящихся на этомъ мѣстѣ. Эти укрѣпленія изображены мною на планѣ подл. лит. *Б*; какъ видно, валы представляютъ собою рядъ сооружений, которыми могли защищать проходъ; яма, находящаяся въ пунктѣ *а* заставляетъ предполагать, что тутъ могла быть башня или другое четырехугольное строеніе. Нѣкоторые изъ валовъ представляютъ видъ дуги съ концами загнутыми къ среднему валу; затѣмъ съ внутренней стороны замѣтны впадины, представляющія собою какъ бы заваленныя землей входы внутрь этихъ валовъ.—Далѣе, сажень чрезъ 200, опять встрѣчается подобная же система укрѣпленій, но еще болѣе развитая. Въ среднемъ валу встрѣчаются раздвоенія три раза: первое около 70 сажень длиною, а другія сажень по 10 длиною; противъ перваго раздвоенія въ наружномъ валу есть также раздвоеніе, не болѣе сажень 20, и яма въ валу, заставляющая думать, что тутъ было какое нибудь зданіе. Между обими валами находится много маленькихъ валовъ, расположеніе коихъ представлено мною на планѣ подл. лит. *В*; можно думать, что и здѣсь могли находиться башни, бойницы и ворота. Проѣздъ чрезъ эти валы представляетъ изломанную линію; въ нѣско-

торыхъ валовъ также замѣтны съ внутренней стороны впадины. Валы имѣютъ видъ дуги съ загнутыми внутрь концами. Правый берегъ Елшанки укрѣпленъ небольшимъ валомъ; незначительные валы находятся также по берегу Елшанки и около Шаминской дороги. Берега рѣчки Елшанки часто представляютъ здѣсь мочажинники. Нѣсколько выше этихъ укрѣпленій идетъ дорога изъ *Белярска* въ деревню *Адамг.* Саженъ чрезъ 250 отъ упомянутыхъ укрѣпленій вступаетъ съ ЮВ въ пространство между валами рѣчка *Елшанка*; между валами же течетъ въ Елшанку ключъ, одинъ источникъ котораго берется изъ за наружнаго вала въ оврагѣ, а другой источникъ начинается выше, между валами, саженъ чрезъ 100; около начала этого источника находится сухой оврагъ, пересекающій внѣшній валъ. Весною отъ накопившагося между валами снѣга, а также и съ задняго возвышающагося пространства течетъ много воды—и Елшанка представляетъ тогда значительную рѣчку; въ настоящее же время (въ июль) она представляетъ мелкій ключъ, не болѣе аршина шириной. Между верхнимъ оврагомъ и рѣчкой Елшанкой по берегу нѣтъ почти средняго вала: тутъ берегъ очень крутой и высокій; правый же берегъ Елшанки укрѣпленъ довольно значительнымъ валомъ, который идетъ параллельно среднему, приближаясь къ нему саженъ на 10, и идетъ далѣе до окончанія у южнаго угла укрѣпленій средняго вала. На этомъ же пространствѣ, довольно овражистомъ, отъ наружнаго вала по берегамъ овраговъ тянутся на нѣкоторыхъ разстоянiяхъ валы, такъ что встрѣчается въ иныхъ мѣстахъ до 4 параллельныхъ валовъ. Нѣсколько выше втораго оврага, откуда вытекаетъ одинъ изъ источниковъ, на высокомъ лѣвомъ берегу находятся укрѣпленiя, расположенiе коихъ мною представлено на планѣ подъ лит. Г.; среди валовъ, представляющихъ части средняго вала, находится четырехугольная яма, заставляющая предполагать, что тутъ могло быть зданiе; отсюда есть слухъ въ рѣчкѣ, въ роднику, изъ котораго крестьяне берутъ воду для питья. За послѣднимъ оврагомъ наружный валъ идетъ на разстоянiи 25 саженъ отъ обоихъ среднихъ валовъ и прекращается вмѣстѣ съ ними въ 70 саженяхъ отъ южнаго угла городища. Отъ вступленiя рѣчки *Елшанки* во внутрь валовъ наружные валы идутъ дугой и при окончанiи отстаютъ отъ внутренняго

укрѣпленія не болѣе 125 сажень. При окончаніи валовъ, дмежду двойными среними валами образуются 2 родника, которые потомъ соединяются въ одинъ и впадаютъ въ *Билярку*; въ сухое время они почти совсѣмъ пересыхаютъ. Высота и размѣры валовъ почти вездѣ на пройденномъ разстояніи одинаковы; у средняго вала съ внутренней стороны замѣтны уступы, но не вездѣ, болшею частью валы идутъ безъ всякихъ уступовъ, крутымъ и высокимъ возвышеніемъ, спускающимся на обѣ стороны; по вершинѣ валовъ во многихъ мѣстахъ свободно можно ѣхать на лошадѣ въ экипажѣ. Къ южному углу городища идетъ съ ЮВ рѣчка *Билярка* (не много болѣе *Елианки*) и глубокимъ оврагомъ пересѣкаетъ наружные валы на самомъ углу средняго вала и въ 50 саженьхъ отъ наружнаго вала; уголь лежитъ на западъ отъ рѣчки. Отсюда оба вала—наружный и средній—идутъ сначала нѣсколько расходясь до 80 сажень, а потомъ снова сходясь до 40 сажень; сажень чрезъ 300 отъ угла почти совсѣмъ нѣтъ валовъ въ настоящее время; назадъ тому не особенно много лѣтъ здѣсь были очень высокіе большіе валы, но при постепенномъ распаханіи они исчезали, и теперь только кое гдѣ встрѣчаются небольшіе бугорки, свидѣтельствующіе о бытности тутъ валовъ. Около мельницы (пунктъ *в*) средній валъ постепенно принимаетъ тройную систему и въ такомъ видѣ входитъ въ пригородъ, гдѣ постепенно исчезаетъ въ огородахъ. Эта часть вала представляетъ весьма внушительный видъ. На внутреннемъ (третьемъ) валу встрѣчается вдоль вала, на вершинѣ, углубленіе, точно по вершинѣ вала шла узкая продольная постройка въ родѣ забора, но не въ одну стѣну, а въ двѣ стѣны (если принимать въ соображеніе нынѣшніе заборы). Наружный валъ постепенно принимаетъ двойную систему ⁽¹⁾.

Валы эти входятъ на зады Муллинской улицы, гдѣ на огородахъ и дворахъ дѣлаются уже незамѣтными. Я тщательно разсматривалъ мѣстность, гдѣ должно быть продолженіе валовъ въ пригородѣ и думаю, что средній валъ, въ

⁽¹⁾ Наружные валы около пригорода отстоятъ отъ среднихъ на 5 сажень.

тройномъ или въ двойномъ составѣ, упирается въ *Биларку* противъ церкви, которая должна стоять на мѣстѣ среднихъ валовъ; наружный же валъ долженъ проходить по двору занимаемому училищемъ; училищный домъ устроенъ уже за валомъ, точно также и вновь устраиваемая церковь строится за валомъ—валъ проходитъ восточнѣе церкви и училищнаго дома. Гдѣ *Биларка* дѣлаетъ около церкви оборотъ къ В, тутъ еще не очень давно, лѣтъ 15—20, впадалъ въ самый уголъ *Биларки* небольшой ключъ, и дѣйствительно, во рвахъ между средними валами, которые заваливаются теперь навозомъ, еще до сихъ поръ видна влажная земля. Недалеко за мельницей, сажень черезъ 50, отъ средняго вала отдѣляется еще одинъ невысокій валикъ и соединяется съ наружнымъ валомъ; затѣмъ далѣе опять отдѣляется отъ наружнаго вала такой же валикъ для соединенія снова со средними валами; на сѣверной половинѣ этого загороженнаго пространства находится теперь православное кладбище. За *Биларкой* слѣды наружныхъ валовъ появляются на огородахъ по направленію къ сѣверному углу наружныхъ валовъ; здѣсь внѣшній валъ имѣетъ уже одиночный гребень, а въ среднемъ валу замѣтны слѣды раздвоенія по крайней мѣрѣ на протяженіи 40—50 сажень, уже по выходѣ изъ пригорода, но средній валъ сильно разрушенъ устроенными по валу избушками для разныхъ промысловъ; далѣе за пунктомъ : средній валъ имѣетъ тоже одиночный гребень.

Обозрѣвая еще разъ наружные валы, я долженъ указать, что линія сѣверовосточная наиболѣе укрѣплена; въ 2 мѣстахъ были сильно укрѣпленные проѣзды черезъ валы, а въ 3-мъ мѣстѣ, тамъ гдѣ подходятъ овраги—находится еще укрѣпленіе; юговосточная линія представляетъ тройную систему валовъ; наконецъ на западномъ углу также являются очень хорошо устроенные тройные средніе валы и двойной внѣшній валъ. Прекращеніе вала къ востоку отъ *Биларки* могло произойти отъ того, что валы были распаханы, какъ и на юго-западной сторонѣ; еще на памяти 40-лѣтнихъ людей во рвахъ валовъ и кое гдѣ около валовъ росли березы, ольхи, липы, а въ разстояніи 2—3 версты къ югу отъ городища былъ густой лѣсъ, который окружалъ городище съ ЮВ, Ю и ЮЗ сторонъ; въ настоящее время лѣсъ отодвинулся версты на 7 отъ городища. Расчистка лѣса на памяти еще не старыхъ людей заставляетъ заключить, что жители *Биларка*

южную часть своихъ земель стали обрабатывать не особенно давно. Р—нъ, описавшій свою поѣздку въ Билярскъ въ Заволжскомъ Муравьѣ въ 1833 году (ст. 196, № 4), также замѣтилъ, что валъ мѣстами былъ поросшій лѣсомъ (Др. Гор. С. М. Шпилевскаго, стр. 351).

Точно въ такомъ же порядкѣ я опишу строеніе внутренняго вала, который также имѣетъ много характеристическихъ особенностей, раскрывающихъ намъ средства въ защиты жителей отъ нападенія и устройство проѣздовъ чрезъ валы. Отъ сѣвернаго угла идетъ одиночный валъ до восточнаго угла, дѣлая сильный изгибъ внутрь укрѣпленія; изгибъ, въ пунктахъ *d d*, валъ совершенно уничтоженъ. Тутъ около валовъ были обширныя ямы съ костями; для добыванія этихъ костей крестьяне должны были разрывать и самыя валы.

На разстояніи 10—12 сажень идетъ другой, незначительный, валъ—снаружи главнаго вала; между валами растетъ трава, сѣютъ ленъ и просо, а въ самомъ изгибѣ есть сырая мѣста. Не эта ли сырая мѣстность побудила строителей сдѣлать такое уклоненіе вала? Отъ поворота вала къ западу начинается раздвоеніе въ валѣ, которое съ большими или меньшими промежутками идетъ по всей южной линіи укрѣпленія; болѣе значительные перерывы встрѣчаются среди этой линіи. На планѣ я обозначилъ эти раздвоенія, а черточками отмѣтилъ выходы изъ этихъ раздвоеній; у однихъ видны выходы изъ раздвоеній только во внутрь городища, у другихъ есть выходы и къ наружи; замѣчательно, что эти выходы расположены не одинъ противъ другаго, а на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго; впрочемъ наружные выходы замѣтны только въ 4 мѣстахъ. Какъ во внѣшнихъ валахъ на сѣверовосточной линіи у выѣздовъ были устроены ряды дополнительныхъ укрѣпленій, такъ и здѣсь они встрѣчаются на двухъ мѣстахъ. На самомъ восточномъ углу устроена довольно обширная и сложная система валовъ, планъ которыхъ мною изображенъ подъ лит. Д; валы эти, почти всѣ съ загнутыми внутрь концами, имѣютъ видъ дугъ; съ внутренней стороны этихъ валовъ замѣтны впадины, какъ будто завалившіеся входы во внутрь валовъ. Въ валу *a* была сдѣлана раскопка крестьяниномъ Григорьемъ Емельяновымъ; по его разсказу была открыта въ валу комната, до 3 сажень длиною и шириной; стѣны были

сдѣланы изъ кирпича, владеннаго на песѣ смѣшанномъ съ известью; въ 2 углахъ, лежащихъ противъ входа, были устроены печи на подобіе нашихъ русскихъ печей, но гораздо большихъ размѣровъ; отъ нихъ къ верху поднимались трубы, которыя и выходили поверхъ вала. Въ валу б тоже была впадина, которую я велѣлъ раскопать, и при раскопкѣ открылся уголь стѣны вышиною не болѣе 2 аршинъ,—но къ сожалѣнію концы открытыхъ мною стѣнъ были раньше разобраны; кладка кирпича весьма неровная. Образецъ кирпича, употребленнаго при постройкѣ, при семъ представляется. Мнѣ приходилось еще въ двухъ мѣстахъ дѣлать пробныя раскопки, и вездѣ кирпичъ попадался одинаковый—5¹/₂ верш. въ длину и шир. и 1 верш. въ толщину. Тотъ же крестьянинъ рассказывалъ, что въ п. *в* онъ разрылъ мѣстность, въ которой наверху повидимому былъ сдѣланъ обширный котель, а внизу этого мѣста была обгорѣлая, спекшаяся въ камень, земля. Ближе къ *Буляркѣ*, противъ того мѣста, гдѣ наружные валы прекращаются, находится замѣчательная система укрѣпленій; противъ этихъ укрѣпленій видны въ 3 мѣстахъ проѣзды черезъ валы. Система этихъ укрѣпленій мною изображена на планѣ подъ лит. Е. Расположеніе валовъ таково, что желавшему попасть внутрь городища приходилось проѣхать мимо нѣсколькихъ рядовъ валовъ; въ срединѣ этой системы укрѣпленій, въ пунктѣ *а*, находится четырехугольная яма, очевидно оставшаяся послѣ какого либо зданія; съ внутренней стороны этихъ дополнительныхъ валовъ находится, особенно на самомъ внѣшнемъ, много впадинъ, вѣроятно имѣвшихъ одинаковое назначеніе съ замѣченными мною въ другихъ мѣстахъ. Отъ пункта *е* валъ принимаетъ одиночный видъ за исключеніемъ мѣстности *ж*, гдѣ валъ имѣетъ два гребня, одинъ по одну сторону вершины вала, а другой по другую, и при томъ гребни эти не приходятся одинъ противъ другаго, но съ окончаніемъ гребня по одной сторонѣ начинается его продолженіе по другой сторонѣ; гребни длиною сажень 5 каждый. На этомъ же мѣстѣ находятся еще укрѣпленія снаружи вала: 2 вала, дугой каждый по 7 сажень длины, съ 2 впадинами въ каждомъ; съ внутренней стороны валовъ находятся два вала, лежащіе перпендикулярно къ нимъ; одинъ длиною 4 сажени, а другой 7 саж., разстояніе между ними 5 сажень; на этихъ валахъ встрѣчаются по обѣ стороны

впадины. Эти два внутренних вала слѣдовало бы раскопать. Нѣсколько ниже этого мѣста р. *Биллярка*, ударяясь въ берегъ, разрушила валъ и круто отходить къ другому берегу; валъ идетъ далѣе по высокому берегу оврага, на днѣ котораго извивается *Биллярка*; у поворота Биллярки въ пунктѣ э на СВ и валъ поворачиваетъ на СВ и идетъ черезъ пригородъ почти съ однимъ направлениемъ до исходнаго сѣвернаго угла. Въ началѣ этого направленія валъ имѣетъ тройной видъ. У сѣвернаго угла валъ принимаетъ одиночный гребень; здѣсь встрѣчается опять раздвоеніе на протяженіи 30 сажень съ выходомъ къ наружи и въ самомъ углу находится большая яма. Часть внутреннего вала, находящаяся подъ училищемъ, уже довольно испорчена. Въ валу во многихъ мѣстахъ, особенно по берегу *Биллярки*, устроены бани, въ которыхъ печи устроены изъ кирпича, добываемаго изъ бугровъ, находящихся внутри городища. Въ скоромъ времени здѣсь могутъ совершенно пропасть слѣды валовъ, такъ какъ все гдѣ они срываются, а рвы заваливаются навозомъ; кромѣ того въ валахъ еще устраиваются сухіе погреба для храненія разныхъ вещей, а сравненныя вершины валовъ служатъ хорошими мѣстами для молотбы хлѣба.

Обозрѣвая вообще строеніе вала, мы видимъ, что южная линія представляетъ замѣчательную систему укрѣпленій; западная часть естественно защищается довольно глубокимъ оврагомъ, по которому течетъ *Биллярка*; что касается до СЗ стороны, то о ней затруднительно теперь судить; съ СВ, какъ видно, защищалъ валъ мочажинникъ, который и до сихъ поръ находится въ изгибѣ валовъ.

Въ книгѣ пр. Шилевскаго „Древ. города и проч.“ (стр. 350) упомянуто о трехъ укрѣпленіяхъ, находящихся между валами внѣшнимъ и среднимъ около Шаминской и Адамской дорогъ и объ укрѣпленіи, лежащемъ на восточномъ углу внутреннего городища, причемъ выказывается, что эти группы земляныхъ бугровъ составляютъ могильные курганы; но изъ сдѣланнаго мною описанія ихъ надо скорѣе и вѣрнѣе предполагать, что это были укрѣпленія, защищающія проходы въ валахъ. Далѣе упомянуто, что раздвоенія въ валахъ—родъ батарей, шанцевъ или ретраншаментовъ—могли быть позднѣйшими прибавками: не мудрено, говоритъ Второвъ (стр. 351), что, когда устраивалась закамская черта, древнія укрѣпленія были дополнены новыми; но мнѣ кажется, что всѣ валы были

устроены одновременно и не имѣютъ слѣдовъ позднѣйшихъ работъ. Кроме того, самыя укрѣпленныя мѣста по южной линіи внутренняго вала и по сѣверовосточной линіи наружныхъ валовъ очень удалены отъ пригорода Билярска; нужно при этомъ имѣть въ виду и то, что поселенія первыхъ стрѣльцовъ располагались на сѣверѣ, между внутреннимъ и наружными валами.

Описавши строеніе валовъ и укрѣпленій Билярскаго городища, я перейду къ описанію слѣдовъ населенія, какіе встрѣчаются на площади внутренняго городища и на пространствахъ, находящемся между внутренними и наружными валами.

Площадь, окруженная внутреннимъ валомъ, очевидно представляетъ мѣсто жительства лицъ, управлявшихъ городомъ и странюю. Внутри этой площади, почти въ центрѣ ея, находится много бугровъ; нѣкоторые изъ нихъ уже распаиваются, другіе остаются нетронутыми и покрыты травой; вся эта бугристая мѣстность называется собственно „жилищемъ“, а также называется „столбомъ“. Спросилъ: гдѣ найдена вещь? получаешь въ отвѣтъ: „на жилищѣ“ или „на столбѣ“. Я старательно пытался опредѣлить, какая собственно мѣстность называется столбомъ, — и замѣтилъ что слово „столбъ“ приурочиваютъ болѣе всего къ мѣстности обозначенной на планѣ подъ лит. а; остальные бугры называются просто буграми или „марками“. Относительно мѣстности, къ которой специально относится названіе „столбъ“, я замѣтилъ, что эта мѣстность перерезана каналами, имѣющими направленіе почти съ З на В; каналы имѣютъ до 1½ аршина глубины и ширины и до 10 сажень длины; устроены на разстояніи сажени одна отъ другой. Семь канавъ хорошо сохранились. Пространство канавъ занимаетъ болѣе 11 сажень съ С на Ю, съ незначительнымъ уклоненіемъ къ западу. Кругомъ этого пространства находятся продольныя канавы, служившія повидному основаніемъ для стѣнъ зданія; канавы по западной сторонѣ еще сохраняются, а на восточной сторонѣ часть засорилась. Въ канавкахъ этихъ находились прежде очень большіе строевые камни; поверхъ земли и камней на всемъ этомъ пространствѣ былъ устроенъ полъ изъ алебаstra; образецъ этого пола представляется при семъ. Навздъ тому еще немного лѣтъ надъ этимъ мѣстомъ возвышалась большая груда строевыхъ бѣлыхъ камней; отцы те-

перешлихъ 60-ти лѣтнихъ людей разсказывали своимъ сыновьямъ, что когда они были еще малыми парнями, то вѣзъ-зали на эту груду камней при помощи жердей, для на-блюденія за разошедшейся по сторонамъ скотной; съ бугра были свободно видны дальніе валы. Слѣдовательно еще не болѣе 100 лѣтъ назадъ груда камней на этомъ мѣстѣ поднималась сажени на 2 или на 3. Разбирали эту груду постепенно; но особенно энергично за разборку ея принялись крестьяне въ послѣдніа 15 лѣтъ, когда стали строить церкви въ селахъ Полянкахъ, Горкѣ и въ самомъ Бяларскѣ. Когда дошли до пола, то на послѣднемъ было замѣчено нѣсколько человѣческихъ костей, изъ которыхъ однѣ лежали въ порядкѣ, а другія въ различныхъ направ-леніяхъ; я спрашивалъ двухъ крестьянъ, особенно потру-дившихся при разборкѣ этой груды камней, о томъ, нельзя ли тутъ предполагать усыпальницы людей,—и крестьяне не считали возможнымъ допустить такое предположеніе, такъ какъ многія кости лежали на полу въ беспорядкѣ, что не могло бы быть въ усыпальницѣ. Одинъ изъ крестьянъ нашелъ здѣсь на полу серебряный перстень, кусокъ кожи, повидному отъ сапога, и обрывокъ матеріи. Изъ дальнѣйшихъ рас-просовъ оказалось, что на концахъ канавъ у стѣнъ возвы-шались столбы до 2 аршинъ въ толщину; затѣмъ нѣсколько въ срединѣ по канавамъ возвышались такой же величины столбы, на иной канавѣ по одному, на другихъ по 2 столба. Во время разборки стѣнъ эти столбы доходили до 2 аршинъ высоты; въ основаніи лежали большіе, хорошо обтесанные, камни, сверху клались камни меньшей величины—но во всей этой грудѣ кирпича не встрѣчали. На сѣверномъ концѣ этого замѣчательнаго остатка стариннаго здавія видны слѣды четырехугольника, примыкающаго къ послѣдней канавѣ, стороны котораго имѣютъ сажени по 2: здѣсь какъ будто были входящія сѣни. Въ углу между этими „сѣнями“ и стѣ-ной съ сѣверной стороны стояла башня: здѣсь въ настоящее время видна очень глубокая яма, имѣющая болѣе 3 сажень въ діаметрѣ. Въ этомъ то именно мѣстѣ находился нѣ-когда „столбъ“, ширины и длины до 3 сажень, который возвышался на нѣсколько аршинъ еще на памяти ста-риковъ: этотъ столбъ имѣлъ очень глубокий фундаментъ; разсказываютъ, что почти у основанія столба пожилые люди видѣли еще одна съ желѣзными рѣшетками, куда старин-

ну дѣти съ глубокимъ страхомъ посматривали. Рыцкою передавали (Древ. гор. стр. 352), что подъ столбомъ находятся сокровища: крестьяне разобрали весь столбъ до основанія, — но ничего не было найдено. Р—нъ въ 1831 году еще видѣлъ на мѣстѣ этого строенія вучи камней, причемъ и слѣды столба еще были примѣтны. Остатки столба давали поводъ предполагать, что это могъ быть минаретъ, — слѣдовательно и описанную мѣстность можно признать за остатки храма, который имѣлъ весьма значительные размѣры. Съ юга примыкаетъ къ описанному четырехугольнику полукружіе, въ діаметрѣ сажень около 8; очень легко можетъ быть, что это полукружіе, имѣющее видъ пристроя, подобнаго нашимъ полукруглымъ алтарямъ, было тою частью въ храмѣ, которыя и понынѣ устраиваются у мечетей для муллъ, и если эта мечеть была соборной, то и мѣсто для муллъ должно было быть большихъ размѣровъ. Отъ этого полукружія остались только канавы, въ которыхъ валяются кое гдѣ куски известковаго цемента и алебаstra. Одинъ житель рассказывалъ мнѣ, что рядомъ съ этимъ столбомъ, ближе къ валамъ, было небольшое и невысокое каменное зданіе, при разборкѣ стѣны котораго были найдены человѣческія кости, большія и малыя, — лежавшія въ порядкѣ; но изъ словъ его я не могъ уяснить себѣ, по которую именно сторону столба находилась усыпальница. Можетъ быть полукружіе, о которомъ я только что говорилъ, и служило этой цѣли? Тѣла были похоронены въ нишахъ канавъ; украшеній при покойникахъ не находили. — Кромѣ этого мѣста, въ пунктѣ е, также называемомъ столбомъ, указываютъ существованіе другаго зданія; построенаго также изъ камней; камни были разобраны постепенно и теперь эта мѣстность запахивается. Тутъ встрѣчаются обломки кирпича и много извести, и вообще земля на этомъ мѣстѣ значительно отличается отъ окружающаго чернозема своимъ сѣропеленымъ цвѣтомъ; здѣсь встрѣчаются и конусообразные сосуды съ отверстіемъ снизу, о назначеніи коихъ еще не условились; попадаетъ также много битой посуды. Больше не указываютъ ни одного мѣста на всемъ городищѣ, гдѣ бы были остатки построекъ изъ тесовыхъ панней; во всѣхъ остальныхъ развалинахъ встрѣчаются одни кирпичи.

Къ западу отъ „столба“ находятся, на одной линіи, два колодца; первый небольшихъ размѣровъ, не болѣе аршина.

въ поперечникѣ, оказався сухимъ; о другомъ рассказываютъ много замѣчательнаго: сверху онъ также не болѣе аршина въ поперечникѣ, но далѣе въ глубь стѣнны колодца расширяются и на глубинѣ сажени колодець представляетъ довольно широкое помѣщеніе, въ которомъ могутъ свободно работать два человѣка; стѣнки этого колодца покрыты веществомъ, образчикъ котораго при семъ представляется; этимъ веществомъ покрытъ срубъ колодца особенно густо въ углахъ. На днѣ колодца находятся доски, подъ ними—вода. Упомянутой мною крестьянинъ Емельяновъ раскопалъ его весь, но на днѣ ничего замѣчательнаго не оказалось; будущей весной я постараюсь колодець этотъ внимательно осмотрѣть.

Отъ „столба“ на З, СЗ и С находится много бугровъ или марковъ, представляющихъ слѣды старинныхъ зданій; я постарался нанести ихъ на планъ. Болѣе или менѣе отчетливо выдающихся бугровъ будетъ до 15, изъ нихъ 4 имѣютъ особенный видъ. Бугоръ подъ лит. 6 представляетъ продолговатый эллипсисъ, имѣющій направленіе съ СВ на ЮВ, длиною сажень до 30, поперекъ сажень до 15, вышиною же болѣе двухъ аршинъ—своего величиною и высотой онъ рѣзко выдается на площади внутри городища. Онъ въ настоящее время распаивается; состоитъ изъ черной земли; около него находятся большія массы кузнечныхъ огарковъ. По мнѣнію крестьянъ онъ представляетъ развалины кузницы большихъ размѣровъ, хотя кузнечныхъ инструментовъ до сихъ поръ не находили,—да онъ по видимому и не былъ раскопанъ. Къ нему примыкаетъ на СВ небольшой бугоръ, имѣющій овальную форму и широкою стороною почти сливающійся съ первымъ бугромъ; онъ будетъ до 15 сажень длины. На обоихъ буграхъ слѣдовъ кирпича совсѣмъ нѣтъ, но попадаются черепки битой посуды; земля на этомъ второмъ бугрѣ сѣропепельнаго цвѣта. На сѣверозападной сторонѣ большого бугра находится круглый бугоръ, въ діаметрѣ имѣющій до 8 сажень, весьма изрытый, на которомъ попадаетъ масса обломковъ кирпичей и кусковъ извести и штукатурки, а также встрѣчаются и тѣ конусообразные сосуды, о которыхъ я выше говорилъ. Эти конусообразные сосуды встрѣчаются на всѣхъ буграхъ, гдѣ есть слѣды каменныхъ зданій: можно думать, что они служили архитектурными украшеніями.

Около этого бугра, къ СВ, встрѣчается масса битой посуды и саженьхъ въ 30—40 на всѣ стороны крестьяне вырываютъ изъ земли очень много костей животныхъ; кости попадаютъ не глубоко отъ поверхности земли, на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ аршина. О добываніи костей будетъ мною сообщено далѣе.

Замѣчательный по величинѣ бугоръ находится также къ С отъ столба, саженьхъ въ 10; этотъ бугоръ представляетъ эллипсисъ съ В на З; весьма изрытъ; на этомъ бугрѣ масса извести, битого кирпича и битой посуды; осколковъ строеваго камня нѣтъ. На этомъ именно бугрѣ былъ разрытъ колодець, въ которомъ найдено очень много мѣдной посуды, которая была продана землевладѣльцу Ермолову за 40 рублей, назадъ тому 4—5 лѣтъ. Другой колодець былъ разрытъ около кузнечнаго бугра; въ немъ былъ найденъ мѣдный сосудъ съ деревянными ложками, которыя имѣли ту особенность, что та часть ложки, которую черпаютъ, была не на одной линіи съ ручкой, а поперекъ къ ней. Эти находки находятся въ коллекціи А. Э. Лихачева.

На СЗ отъ столба лежатъ два продолговатые бугра, длиною до 30 сажень, шириною не болѣе 10, весьма сильно изрытые; оба они протягиваются параллельно одинъ другому, отстоя другъ отъ друга на 30 сажень. Расстояніе между столбомъ и первымъ изъ этихъ бугровъ до 40 сажень. Эти два продолговатые бугра невольно наводятъ на мысль, не были ли тутъ торговые ряды или каравансарай? Къ сожалѣнію люди, находящіе разныя вещи, мало запоминаютъ, на какомъ мѣстѣ они находятъ ихъ; по характеру находокъ можно было бы нѣсколько дотрагиваться о назначеніи зданій, бывшихъ на мѣстахъ находокъ. Одинъ изъ бугровъ я велѣлъ частью раскопать. Этотъ бугоръ (подъ лит. 1) кругловидный, вышиною около 1 аршина и около 10 саж. въ діаметрѣ; на югозападной сторонѣ его, чрезъ $\frac{1}{2}$ аршина, оказалась каменная стѣна, сложенная изъ кирпича; верхніе слои были очевидно подъ сильнымъ вліяніемъ влажности, такъ какъ кирпичъ рѣзался легко заступомъ и разламывался; ниже слои кирпича пошли тверже. Одинъ экземпляръ кирпича при семъ представляется. Я предполагалъ разрыть весь бугоръ, но крестьянинъ, который работалъ при раскопкѣ, объявилъ мнѣ, что тутъ недавно разры-

вали и вынули много кирпича. По его словамъ здѣсь были найдены какія то печныя трубы, сложенныя изъ кирпича и покрытыя дресвой, обрачикъ которой мною представляется; въ этихъ трубахъ онъ нашелъ много сажу; затѣмъ онъ встрѣтилъ что то въ родѣ желобовъ, по которымъ повидимому текла вода. Такъ какъ дѣйствительно бугоръ былъ сильно изрытъ, то я отъ дальнѣйшей раскопки отказался. Въ буграхъ, находящихся между столбомъ и крайними буграми, которымъ я готовъ дать названіе торговыхъ рядовъ, встрѣчалось вездѣ много кирпича, извести и битой посуды. По направленію отъ продолговатыхъ бугровъ къ пригороду, а также и къ валамъ, находящимся на СВ, встрѣчается много бугристыхъ мѣстъ, которыя уже распахиваются и очевидно представляютъ слѣды бывшихъ тутъ жилищъ и строеній; какъ ближайшія къ селенію, они скорѣе подверглись разрушенію. Собственно „столбъ“ былъ кажется уничтоженъ послѣднимъ; Рычковъ (Др. гор. стр. 352), посѣтившій здѣшнее городище въ 1769 году, видѣлъ множество знаковъ каменныхъ развалинъ на площади внутренняго вала; Р-нъ, осмотрѣвшій городище въ 1831 году, кромѣ столба и кучи камней около него не замѣтилъ слѣдовъ каменныхъ развалинъ: слѣдовательно въ теченіи 60 лѣтъ эти бугры подверглись сильнѣйшему разрушенію.

Рычковъ видѣлъ множество знаковъ каменныхъ развалинъ между наружными и внутренними валами. На западной половинѣ этого пространства и теперь есть два слѣда бывшихъ зданій, къ югу отъ внутренняго вала. Восточная половина городища была засѣяна хлѣбомъ, а потому трудно было замѣтить слѣды, но не далеко отъ сѣвернаго угла, на востокъ, есть признакъ обширнаго строенія; здѣсь была назадь тому нѣсколько лѣтъ обширная широкая и глубокая печь на подобіе нашихъ русскихъ, отъ которой шло много трубъ въ разныя стороны; крестьянинъ Тюпинъ, который раскапывалъ тутъ, предполагаетъ какое либо промышленное заведеніе—заводъ, а можетъ быть баню. Эту мѣстность слѣдовало бы тщательно раскопать.

Я не разъ упоминалъ, что на остаткахъ старыхъ жилищъ встрѣчается много битой посуды. Битая посуда находится по всему городищу, а также и въ валахъ, особенно много битой посуды попадается на пространствѣ между внутреннимъ валомъ, Билярскою и вѣншимъ валомъ,—такъ много, что это

удивляет даже жителей, которые имѣютъ тутъ свои земельные участки для пашни.

Затѣмъ очень много попадаетъ костей въ землѣ, на глубинѣ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ аршина, около кузнечнаго бугра, во всѣ стороны на 30—40 сажень; отъ „стола“ въ СВ до вала мѣстность также изобилуетъ костями; еще указываютъ у р. Биларки, при вступленіи ея въ городище; мѣсто, также весьма обильное костями; тутъ и земля имѣетъ сѣропесчаный цвѣтъ.

Рытвемъ костей занялись крестьяне въ 1877 году, когда былъ неурожай въ этой мѣстности,—ранѣ этого времени крестьяне и не думали объ этомъ промыслѣ; попадались ямы, изъ которыхъ добывалось пудовъ по 200 костей; въ 1877 году было продано костей тысячи на три рублей, и съ того времени бѣдные крестьяне до сихъ доръ занимаются добываніемъ и продажей ихъ; пудъ костей стоитъ отъ 20 до 30 копѣекъ. Крестьяне мнѣ, рассказывали, что въ ямахъ попадаютъ кости точно сортированныя: такъ въ иныхъ ямахъ по преимуществу попадаютъ домашніе кости отъ большихъ животныхъ, а въ другихъ ребра, т. п.; кости попадаютъ все вареныя (?). Подобная сортировка костей наводитъ на мысль, что нѣкоторые мѣста, обильныя костями, могли быть кладовыми, гдѣ покупали и продавали кости; въ ямахъ попадаютъ кости, бывшія и въ обработкѣ, напр. много костей перепиленныхъ, много костей, подготовленныхъ къ дальнѣйшей обработкѣ, много обломковъ, очевидно сдѣланныхъ во время работъ. Въ ЮВ, отъ большаго кузнечнаго бугра при мнѣ крестьяне выкопали много подобныхъ костей и костяныхъ вещей. Говорятъ, что особенно много костей было найдено около вала, въ СВ отъ бугровъ; крестьяне тутъ совсѣмъ разрушили въ 2 мѣстахъ валъ въ поискахъ за костями.

Обиліе костяныхъ находокъ свидѣтельствуетъ, что въ Биларскѣ процвѣтала костяная промышленность; съ другой стороны, обиліе костей свидѣтельствуетъ о томъ, что жители употребляли въ большомъ изобиліи животную пищу, а множество находимыхъ крупныхъ костей показываетъ, что крупный скотъ истреблялся въ большомъ количествѣ жителями Биларска; при раскопкѣ, сдѣланной мной въ укрѣпленіи на восточномъ углу внутренняго вала, въ „мертвое“ время было выкинуто весьма много костей.

Вырывая кости, одна женщина наткнулась и на чело-
вѣческія кости: онѣ попадаются на западной сторонѣ горо-
дища, на обоихъ берегахъ Билярки, тамъ, гдѣ въ Билярку
впадаетъ слѣва небольшой родникъ. Попадаются кости и
отдѣльно, и бучами; скученность костей заставляетъ думать,
что здѣсь могли быть общія могилы; мѣсто, занимаемое этимъ
древнимъ кладбищемъ, довольно значительно, не меньше ны-
нѣшняго православнаго: оно, согласно указанію пр. Шпи-
левскаго, находится по обѣ стороны рѣчки, но не Сереб-
рянки, а Билярки и родника. На этомъ кладбищѣ также
попадается битая посуда, но памятниковъ нѣтъ никакихъ (1).
Г. Шпилевскій упоминаетъ и о чувашской деревнѣ, которая
была въ западномъ же углу внутренняго городища; но у жи-
телей не осталось никакихъ преданій о существованіи чу-
вашской деревни. Наоборотъ, чуваша, живущіе въ дд. Верх-
ней и Нижней Кондратахъ, имѣютъ преданіе, что во время
поселенія ихъ въ Верхней Кондратѣ, между Билярскомъ и
Баганою не существовало никакихъ селеній, слѣдовательно
они появились позже основанія Билярска. Интересно знать,
откуда было взято свѣдѣніе о существованіи Чувашской
деревни въ этомъ углу городища, надо замѣтить очень
неудобномъ для жительства по случаю влажной почвы?

Я исходилъ внутреннее городище по разнымъ направ-
леніямъ—видѣлъ массу черепковъ на землѣ, кузнечные огар-
ки, на глубинѣ $\frac{1}{4}$ — $\frac{3}{4}$ аршина находили при мнѣ кости,—
но не находилъ на поверхности земли комковъ кирпича;
обломки кирпича находились только на буграхъ; неужели въ
Билярѣ жители обходились безъ печей? Я не мало спраши-
валъ жителей, не замѣчали ли они гдѣ въ землѣ слѣдовъ пе-
чей, и очень немногіе могли сказать, что подъ почвой нахо-
дили печи; по вопросамъ моимъ оказалось, что извѣстно весь-
ма немного находокъ печей. Открываемыя печи походили на
наши русскія, но, по всѣмъ отзывамъ, были гораздо болѣе на-
шихъ: да еще удивляло крестьянъ то, что отъ нихъ расходи-
лись трубы по разнымъ направленіямъ. Я считалъ бы по-
лезнымъ предложить премію отъ 5 рублей и болѣе тому,

---

(1) У сѣвернаго угла наружнаго городища также указываютъ древ-
нее кладбище.

кто упадетъ на древнюю печь и раскроетъ ее, а члена сотрудника общества Н. И. Дмитревскаго просить снять планъ и рисунокъ печи и, если можно, сохранить печь до приѣзда кого либо отъ Общества.

Окончивъ описаніе Билярскаго городища, я сдѣлаю описаніе приобрѣтенныхъ мною въ бытность въ пригородѣ Билярскѣ вещей.

I. Монеты.

Изъ монетъ, паходимыхъ на жилищѣ, мнѣ привесли только одну мѣдную монету величиною съ 2 копѣйки, съ довольно хорошо сохранившеюся надписью, но года этой монеты я не могъ опредѣлить. При сообщеніи отъ 8 февраля сего года (1881) онѣ были представлены мною въ общество.

II. Предметы изъ золота и серебра.

Изъ золотыхъ вещей мною приобрѣтены: 1) Кольцо, состоящее изъ проволоки съ утонченными концами, которые должны были между собою вѣроятно змѣевидно переплетаться на подобіе того, какъ видно это на кольцѣ у серебрянаго амулета; вѣситъ болѣе 1 золотника. 2) Привѣска къ булавеѣ или другому какому нибудь уиращенію въ видѣ бубенчика, висающаго на цѣпочкѣ; на ней замѣчательно украшеніе, состоящее изъ двойнаго крученаго пояса, къ которому придѣланы по обѣ стороны 5 треугольниковъ изъ точекъ, заканчивающихся 2 крестиками изъ точекъ; подобный крученый поясокъ встрѣчается и у ушка, къ которому придѣлана цѣпочка изъ очень тонкой золотой проволоки; вообще вещь исполнена весьма изящно и искусно. 3) Маленькій кусочекъ листоватаго золота, служившій украшеніемъ; этотъ кусочекъ представляетъ лепестокъ съ дырочкою, вѣроятно для пришиванія на одежду.

Изъ серебряныхъ вещей представляются слѣдующія: 1) Амулетъ въ видѣ коробочки, куда вкладывалась вѣроятно какая нибудь священная вещь, или молитва, или какое нибудь священное изрѣченіе, висащій на кольцѣ, концы котораго змѣевидно переплели. 2) Два перстни,—у одного на плоской части ничего нѣтъ, а у другаго очень харак-

терное украшеніе. 3) Верхняя плоская часть перстня, съ украшеніями. 4) Слитокъ серебра въ 9 золотниковъ, согнутый въ видѣ желоба.

III. Издѣлія изъ мѣди, свинца и олова.

Изъ мѣдныхъ вещей замѣчательна вещь въ родѣ кистени, очень хорошей, изящной, отдѣлки; 2) двѣ вещи, вѣроятно служившія игрушками, имѣющія видъ трубочекъ для свистѣнія, изъ нихъ одна съ ушками и довольно хорошо сдѣлана; 3) привѣска къ серьгамъ, а можетъ быть къ косѣ, съ ушкомъ и 3 привѣсками въ видѣ бубенцовъ; 4) двѣ восьмигранныя призмы съ точками на обоихъ основаніяхъ и по гранямъ—могли быть гирами; 5) 18-гранное тѣло съ инкрустаціями изъ другаго вещества; 6) вещь непонятнаго назначенія со сквознымъ отверстіемъ, на ней по нижнему ободку характеристическіе кружки съ точкою въ срединѣ; 7) мѣдный низкій цилиндръ съ ямой въ верхнемъ основаніи—тоже могъ быть гирей; 8) мѣдная стрѣлка; 9) мѣдная вещь съ ушкомъ вверху и 6 отверстіями на низу—неизвѣстнаго назначенія; 10) бубенчикъ; 11) чашечка на 3 ножкахъ; 12) 2 мѣдныхъ кольца съ украшеніями; 13) позолоченная сверху мѣдная вещь съ 3 отверстіями; 14) 3 мѣдныя пластинки; 15) ушко отъ сосуда; 16) петля; 17) скобка; 18) 4 вещи непонятнаго назначенія; 19) кусокъ бронзы; 20) вещь въ родѣ таганчика,—всего 28 вещей. При сообщеніяхъ отъ 28 іюня 1880 года и 8 февраля 1881 года мною было доставлено 15 мѣдныхъ вещей.

Изъ оловянныхъ и свинцовыхъ вещей могу указать: 1) весьма характерное головное или грудное украшеніе, состоящее изъ кружка, составленнаго изъ спирально согнутой проволоки; снизу къ нему придѣланы 3 украшенія въ видѣ гусиныхъ лапокъ, составленныя также изъ проволоки съ шариками на концахъ пальцевъ; этихъ лапокъ вѣроятно было четыре, съ задней стороны видно ушко; 2) перстень оловянный, можетъ быть и новѣйшаго времени; 3) двѣ вещи, которыя вѣроятно надѣвались на какой нибудь стержень; 4) кусокъ свинца, свернутый въ трубку; 5) четырехугольный свинцовый кусокъ,—

всего 6 вещей. Кроме того 28 июня 1880 года и 8 февраля 1881 г. мною было доставлено въ Общество 2 вещи.

IV. Издѣлія изъ желѣза и чугуна.

Изъ желѣзныхъ вещей я приобрѣлъ: 1) значительную коллекцію замковъ съ ключами, изъ нихъ лучшіе экземпляры при семъ представляются: 2) замка, отъ третьяго вкладная часть и 5 ключей; 2) 3 гири, одна большая съ ручкой, фунтовъ въ 5, а другія двѣ кубическія; 3) девять различныхъ желѣзныхъ стрѣлъ, изъ нихъ 1 особенно чисто выдѣлана, четырехгранная, остальные — формы лепестка, болѣе или менѣе широкія; 4) вещь въ родѣ каблучка; 5) ядро желѣзное съ 2 отверстіями; 6) желѣзное ушко отъ мѣднаго или бронзоваго сосуда, чрезвычайно грубой работы; крайняя несоотвѣтственность желѣзнаго матеріала тонкому бронзовому листу не можетъ ли свидѣтельствовать о значительной древности вещи, сдѣланной очевидно въ то время, когда еще не умѣли обращаться съ желѣзомъ? 7) 5 гвоздей, у двухъ шляпки пирамидальныя четырехгранныя; 8) сосудъ съ отверстіемъ на днѣ; 9) желѣзная бабка въ родѣ маленькой наковальни; 10) 4 скобки, изъ нихъ 3 довольно хорошо сдѣланы; 11) Семь ножей разныхъ величинъ, всѣ неболѣе средней величины, лезвіе вогнутое; 12) вещь въ родѣ скалпеля, съ одного конца зубчатого, а съ другаго гладкаго, найдена на жилищѣ; 13) удочка; 14) шило; 15) два долота; 16) звѣно отъ цѣпи; 17) 2 вещи въ родѣ огнявъ; 18) крученая вещь неизвѣстнаго назначенія, — всего 51 вещь. Желѣзныхъ вещей мною доставлено въ Общество 28 июня 1880 г. и 8 февраля 1881 г. 20 штукъ.

V. Издѣлія изъ кости и рога.

Издѣлій изъ этихъ предметовъ встрѣчается очень много на Биларскомъ городищѣ. Имѣю честь представить вниманию Общества слѣдующія вещи.

а) Вещи наиболѣе обработанныя: 1) 8 острыхъ наконечниковъ и 3 наконечника тупыхъ; 2) обрубокъ рога, вѣроятно

приготовленный для обработки; 3) кусок рога, очень хорошо обточенный неизвестно для какого употребления с углублением внизу; 4) костяная крышечка с мѣднымъ ушкомъ, въ которомъ есть отверстіе; 5) шпилька напоминающая фѳормою змѣя, съ головою на одномъ концѣ съ разинутою пастью и сквознымъ отверстіемъ въ головѣ, соответственно глазамъ; другой конецъ нѣсколько отломленъ; 6) вещь въ родѣ шпильки съ отломленнымъ концомъ; 7) 2 амулета повидимому изъ дорогой кости—одинъ не совсемъ отдѣланный, а другой выдѣланный; на немъ съ обѣихъ сторонъ по 9 кружковъ съ точкою въ срединѣ, въ шейкѣ продѣлано отверстіе для подвѣшенія на ниткѣ и въ верхней части сдѣланы по 2 нарѣза — это обыкновенная форма этого рода издѣлій.

б) Еще изъ кости выдѣлывались кружки съ отверстиями на срединѣ и съ украшеніями на верхней сторонѣ—вѣроятно, эти вещи служили пуговицами. Ихъ представляется 7 предметовъ. Устройство ихъ довольно однообразное: кругомъ отверстія устроены ободокъ; на нѣкоторыхъ есть насѣчки прямыя, косыя и углами; между насѣчками встрѣчаются кружки съ точкою въ срединѣ, а на зеленой пуговицѣ эти кружки даже и на насѣчкахъ сдѣланы; число насѣчекъ обыкновенно 3 между кружками; тройственность встрѣчается и на гребняхъ; пуговицы окрашены въ разнообразныя цвѣта—зеленый, коричневый и черный.

в) Попадаютъ еще особыя подѣлы изъ кости, состоящія изъ продолговатыхъ, продырявленныхъ костей, нѣкоторыя изъ нихъ хорошо отшлифованы; у 2 изъ нихъ задняя сторона изсѣчена, точно для удобства ихъ наклепки; у одной вещи по бокамъ находятъ характерныя кружки съ точками; вещей этого рода представляется 7 предметовъ.

г) Наконецъ попадаютъ костяныя издѣлія на различныхъ степеняхъ производства. Я собралъ много предметовъ этого рода промышленности для болѣе обширнаго ознакомленія съ нею, такъ какъ она была очевидно въ цвѣтущемъ состояніи: 1) 5 кусковъ ножныхъ костей; онѣ были надпилены и за тѣмъ переломлены; но еще ранѣе пилки онѣ были расколоты вдоль,—для распилки костей какъ видно употреблялся очень хорошей инструментъ; 2 изъ нихъ подверглись дальнѣйшей переработкѣ — изъ

нихъ предполагалось вѣроятно выдѣлать гребень и амулетъ; 2) 6 издѣлій, изъ нихъ 4 готовыхъ гребня, одинъ изъ нихъ былъ на обѣ стороны — съ одной частью, а съ другой рѣдкій; 2 куса кости приготовленные для выпилки гребней; на готовыхъ гребняхъ находится характерное украшеніе: кружки съ точкою внутри — на одномъ 3 раза по одному кружку, на другихъ 3 раза по 3 кружка вмѣстѣ; 3) 6 предметовъ, представляющихъ производство амулетовъ на разныхъ ступеняхъ; изъ нихъ 2 обломка, гдѣ еще ушко не было выдѣлано; на выдѣланныхъ уже сдѣланы и кружки съ точками, по 7—12 на сторонѣ, — число кружковъ слѣдовательно было неопредѣлено, ставились они по окраинамъ; 4) кость съ налитымъ въ ней оловомъ очевидно для игры въ бабки, но этотъ наливъ совершенно отличается отъ нашихъ. 5) 5 стрѣловидныхъ кусковъ; 1 въ родѣ указки, какія употребляются во время ученія; 6) одна ребреная кость съ 3 отверстіями по краямъ; 7) костяная дудочка, подобная мѣднымъ, упомянутымъ много въ отдѣлѣ мѣдныхъ издѣлій.

Всего представляется издѣлій изъ кости и рога 58 экземпляровъ; этого рода издѣлій мною представлено кромѣ того 28 іюня 1880 года и 8 февраля 1881 года 42 предмета.

VI. Очень часто находятъ на Биларскомъ жилищѣ разныя *пронизки*, которыя могли служить для ожерельевъ, пуговицъ, привѣсокъ, четокъ и пр. Всѣхъ пронизокъ собрано мною 28 штукъ, изъ нихъ изъ сердолика 5 шт., — на двухъ изъ нихъ проведены бѣлыя полоски, на одномъ прямая, а на другомъ въ перемежку съ зигзагами, — обѣ 12 гранины; 1 четырехгранная, 1 представляетъ сдвоенный многогранникъ, 1 сферическая, по которой по серединѣ проходятъ линіи зигзагами и спирально; эти линіи сдѣланы выпукло на шарикѣ и весь шарикъ покрытъ бѣлою поливою; 2 пронизки изъ черной стекловидной массы съ зигзагами изъ бѣлой массы; 1 кружокъ изъ стекловидной просвѣтляющей массы темнокраснаго цвѣта; 1 пронизка цилиндрической формы изъ коричневой массы съ вруглыми инкрустациями; 1 пронизка приплюснутой формы изъ янтара, 1 изъ сѣрой глины, окрашенная голубою краскою. Веще-

ство другихъ пронизокъ не могу опредѣлить. Между пронизками находится обломокъ изъ голубой стекловидной массы съ вкрѣпленными разноцвѣтными кружками. Наконецъ двѣ раковины: на одной, перламутровой, есть кружки съ точками.

Къ числу предметовъ этого рода причислены мною: янтарный амулетъ, крестикъ, при мнѣ найденный на жилищѣ около столба, кусокъ янтара, сердоликовый камень очевидно употреблявшійся въ церстняхъ и обломокъ какой то стекловидной массы.—Всего 33 штуки.

Въ числѣ предметовъ этого же разряда представляется кусокъ браслета, также изъ стекловиднаго вещества; онъ точно былъ посеребренъ.

VII. Издѣлія изъ глины и простыхъ камней.

а) На первомъ мѣстѣ я могу указать издѣлія простѣйшія: 1) Горшокъ въ $3\frac{1}{2}$, верхка вышины, изъ черной глины, на верхней части сдѣлана на 4 мѣстахъ нарѣзки, напоминающія елки, вершиною къ низу; кромѣ того по горлышку сдѣланъ поясокъ; 2) Кувшинчикъ изъ красной глины вышиною въ $2\frac{1}{2}$, верхка, онъ былъ найденъ цѣлымъ, но во время дороги часть его изломалась отъ тренія; у этого кувшина внизу есть отверстіе; 3) Кувшинчикъ изъ темно-сѣрой глины, имѣющій нѣкоторое сходство съ № 2, но безъ отверстія внизу. Замѣчу, что я видѣлъ множество обломковъ отъ маленькихъ горшковъ съ отверстіями на днѣ; для чего они могли служить? 4) Ставанъ изъ красной глины, въ $2\frac{1}{2}$, верхка высотой, съ обломаннымъ верхнимъ краемъ; 5) Двѣ плоски, служившія для освѣщенія; 6) Большая чашка изъ черной глины, въ четверть шириною въ верхнемъ поперечникѣ; 7) 2 ручки отъ сосудовъ,—у одной отверстіе насквозь, нижняя часть ручки съ выемками для удобства держанія, а на верхней части, по гребню, сдѣланы нарѣзки, вторая ручка отъ кувшина, на ней обращаетъ вниманіе шишка, сдѣланная на верхней части ея; 8) Обломокъ такой же ручки; 9) Пять крышекъ разной величины, на двухъ есть украшенія, на одной углубленіе; 10) 2 доньшка отъ сосудовъ; 11) Глиняный пестъ. Всего 18 вещей.

б) Обращаютъ на себя вниманіе другаго рода сосу-ды, сдѣланные чрезвычайно прочно. Изъ нихъ 3 сосуда, имѣющіе конусообразную форму: одинъ изъ нихъ совер-шенно цѣлый, около узенькаго горлышка находятса 2 по-яска, на верху къ вершинѣ замѣтны вырѣзки въ видѣ тамгъ; у 2-го горлышко немного изломано, на нижней ча-сти сосуда 2 пояска, а на пузатой выпуклости видны зна-ки (тамги); отъ 3-го сосуда представляется только верх-няя половина, интересная тѣмъ, что гораздо тщательнѣе выдѣлана,—по пузатой выпуклости идетъ поясокъ съ укра-шеніями и тамгами. Сюда же надо причислить четвертый пирамидальнообразный сосудъ, шестигранный съ конусо-образною вершиною; по рассказамъ жителей нижняя отлом-ленная часть имѣла такую же форму, какъ и у первыхъ трехъ; на одной изъ граней есть какія то начертанія свер-ху книзу; стѣнки ихъ очень толсты и сдѣланы весьма твердо. Эти 4 предмета скорѣе всего слѣдуетъ считать архитек-турными украшеніями: они могли надѣваться на желѣзные шпиды у воротъ, стѣнъ и т. п.; въ пользу этого говоритъ то обстоятельство, что они находятся преимущественно на тѣхъ буграхъ, гдѣ есть слѣды кирпича и известки. т. е. гдѣ были жилища болѣе зажиточныхъ, богатыхъ, людей. Къ этой же категоріи чрезвычайно прочно сдѣланныхъ вещей я отнесу часть шарообразнаго сосуда изъ красной глины, вершка 3 въ діаметрѣ,—всего 5 вещей.

в) Отъ болѣе изящныхъ глиняныхъ издѣлій находятся только обломки; такихъ черепковъ я представляю 10 шт. Сдѣланы они изъ глины разныхъ цвѣтовъ, и все покрыты разноцвѣтною глазурью или поливой весьма бле-стящей и хорошо исполненной; цвѣта этой поливы преиму-щественно бюрзовый, голубой, синій и зеленый. Особен-но хорошо отдѣланы: кусокъ ручки коричневаго цвѣта съ бѣлыми пятнами и кусокъ горлышка синяго цвѣта.

г) По матеріалу скорѣе можно причислить къ группѣ б обломокъ какого то обширнаго сосуда съ украшеніями; здѣсь замѣчательно изображеніе животнаго, идущаго вправо, съ женскою головою, повернутою къ зрителю (Эль-Боракъ?); около него вытиснуты звѣзды лучевыя съ вращечкомъ внутри; между звѣздами есть выпуклый кругъ, конусовидный, по бокамъ коюса 10 кружковъ съ точкою

въ срединѣ; вершина конуса обрамлена пояскомъ; справа отъ изображенія выпуклый поясъ, идущій къ верху; по гребню пояса проведена черта, а по склонамъ пояса нарѣзки, идущія вкось,—такъ что это рельефное украшеніе напоминаетъ собою хлѣбный колосъ; судя по дугѣ обломка надо думать, что этотъ обломокъ принадлежалъ къ весьма большой посудинѣ.

д) Особня издѣлія изъ глины и простыхъ камней составляютъ „напрясла“, которыхъ я собралъ 18 штукъ, нѣкоторыя изъ глины, другія изъ разныхъ камней. Эти напрясла различной величины и отдѣлки; такъ на одномъ есть угловая нарѣзка.

Всего вещей этого разряда представляется 52 экземпляра; 28 іюня 1880 года и 8 февраля было представлено 5 экземпляровъ.

VIII. Представляю при семъ еще камень, хорошо отполированный, съ ямкой на узкомъ концѣ: этому камню крестьяне даютъ названіе громовой стрѣлы; подобный же камень мною былъ представленъ 8 февраля 1881 года. Они представляютъ собой слѣды древнихъ вѣрованій, по которымъ извѣстнымъ камнямъ приписывали сверхъестественное значеніе, напр. цѣлебное: крестьяне думаютъ, что если этимъ камнемъ потереть больное мѣсто, то болѣзнь проходить.

Въ собираніи этой довольно обширной коллекціи, изображающей многія стороны жизни обитателей пригорода Билярска, принималъ весьма дѣятельное участіе членъ-сотрудникъ Общества учитель Билярскаго двухкласснаго училища Н. И. Дмитревскій, который принималъ также участіе въ изученіи городища и въ указаніи лицъ, отъ которыхъ можно было получить тѣ или другія свѣдѣнія.

Вся Билярская коллекція, доставленная мною съ 20 іюня 1880 года обошлась въ 15 рублей, въ числѣ коихъ израсходовано Н. И. Дмитревскимъ изъ выданныхъ ему Обществомъ 10 рублей 7 руб., а остальные 8 рублей непосредственно мною.

Упомянутыя здѣсь вещи были мною переданы члену общества П. А. Пономареву въ сентябрѣ 1881 года для передачи въ Музей Общества.

III.

Въ 1 верстѣ къ сѣверу отъ Билярска течетъ рѣка *Малый Черемшанъ*, которую крестьяне—окрестные татары—въ разговорѣ между собой называютъ „*Черьмисянъ*“. Проѣхавши мостъ чрезъ рѣку *Черьмисянъ* (*Черемшанъ*), приходится подниматься въ гору по довольно отлогому, но длинному, скату по Казанской дорогѣ. Поднявшись на верхъ, мы увидимъ широкое, ровное поле, простирающееся далеко на сѣверо-востокъ по правому берегу рѣки; повидимому эта возвышенность идетъ все возвышаясь до водораздѣла между *Малымъ Черемшаномъ*, текущимъ на ЮЗ къ Волгѣ, и *Шешмой*, текущей къ С въ Каму; этотъ водораздѣлъ отстоитъ отъ Билярска верстѣ на 40, но еще верстѣ за 20 отъ Билярска, по направленію къ селу Изгару, можно различать мѣстность, окружающую Билярскъ. Съ другой стороны, къ ЮЗ, эта возвышенность идетъ до рѣчки *Барана*, верстѣ на 5, и ованчивается у рѣчки Барана очень крутымъ спускомъ. На этой возвышенности находятся нѣсколько городищъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по величинѣ и устройству; эти укрѣпленія должны были имѣть тѣсную связь съ древнимъ городомъ Бюляромъ.

Сперва я опишу мѣстность, извѣстную подъ именемъ „*Балынузъ*“. Поднимаясь въ гору, на лѣво отъ Казанской дороги видно, на половинѣ горы, бугристое мѣсто, изъ котораго, говорятъ, было вынута очень много большихъ строевыхъ камней хорошей тески; камни бывали до 30 пудовъ вѣсомъ. Еще ниже, внизу горы, у теперешней часовенки, у дороги указываютъ мѣсто, гдѣ также были строенія изъ бѣлаго строеваго камня, имѣвшія повидимому видъ широкихъ башенъ; камни съ этого мѣста были разобраны еще нынѣ живущими людьми. Когда заводилось дѣло о постройкѣ церкви въ пригородѣ Билярскѣ, то жители обязались приговоромъ на каждые 10 дворовъ доставить по кубической сажени строеваго камня,—и крестьяне принуждены были энергически взяться за разборку старинныхъ зданій, гдѣ и находили пригодный матеріалъ. По преданію на бугрѣ, лежащемъ по срединѣ ската, существовала прежде мечеть. Поднявшись на гору, влѣво отъ дороги встрѣ-

тимъ большое бугристое мѣсто, занимающее до 20 сажень въ поперечникѣ: эта то мѣстность и называется собственно „Балынгузъ“, а татары называютъ „Булюмеръ, Балымеръ“; я не могъ точнѣе опредѣлить, которое изъ этихъ названій вѣрнѣе. Земля на этомъ бугристомъ мѣстѣ во многихъ мѣстахъ изрыта. Я велѣлъ въ разныхъ мѣстахъ рыть землю, и оказалось, что почти вся земля состоитъ изъ мусора, въ которомъ попадаются мелкіе куски строеваго камня, кирпича разной величины и известки. Очевидно, этотъ бугоръ образовался изъ мусора, оставшагося послѣ разрушенія бывшихъ на этомъ мѣстѣ зданій. Рычковь, посѣтившій это мѣсто въ 1769 году, видѣлъ остатки разрушенныхъ зданій, сдѣланныхъ на подобіе палатъ; кромѣ этихъ развалинъ Рычковь видѣлъ множество памятниковъ. Р—нъ бывший на этомъ мѣстѣ чрезъ 60 лѣтъ, въ 1831 году, надгробныхъ памятниковъ уже не видалъ—ихъ увозили подъ церкви, на фундаменты подъ дома и на другія нужды. Въ нынѣшнемъ столѣтіи не разъ сюда прѣзжали различныя лица и разрывали землю; да и крестьяне, въ поискахъ за камнемъ, что можно также вырыли. Встрѣчается при раскопкахъ, говорилъ крестьянинъ Тюпинъ, напастъ на могилу—попадаетъ въ могилѣ ниша, въ которой лежатъ кости покойника, заложеннаго повидимому досками или камнями; попадались, говорятъ, каменные своды на подобіе ящичковъ, въ которыхъ оказывались кости, но украшеній при покойникахъ вѣдется не находятъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ объ этомъ разсказовъ болѣе или менѣе достоверныхъ.

Вправо отъ дороги, саженьхъ во 100 отъ Балынгуза на В, есть такъ называемый „красный маръ“, гдѣ повидимому была кузница, судя по кузнечнымъ огаркамъ; тутъ кромѣ того замѣтно, будто земля на извѣстномъ мѣстѣ была выложена кирпичамъ. Этотъ маръ, я полагаю, слѣдовало бы раскопать. При нынѣшнемъ посѣщеніи Билярска я преимущественно обратилъ вниманіе на полное ознакомленіе съ городищами и слѣдами прежнихъ строеній и памятниковъ; на будущее время можно прямо обратиться въ указаннымъ мѣстамъ для раскопокъ, для которыхъ я могу указать наиболѣе удобное время—середину іюня, когда крестьяне свободны и охотно идутъ на подобныя работы.

Мельниковъ въ своихъ историческихъ аятахъ (LXVI, стр. 180) приводитъ любопытную выпись изъ вѣрнопостныхъ дѣлъ, изъ коей видно, что въ 1677 году Казанскаго уѣзда мурзы, служилые татары и ясашные били челомъ Великому Государю, а въ своей челобитной сказали, что за Камой рѣчкой изстари, до взятія Казани, былъ басурманскій городъ Балымерскій, и въ немъ былъ царь Балынъ-гоза; этого царя по смерти его похоронилъ татарскій царь Сафаралей и построилъ надъ нимъ каменную палату, а для наблюденія за палаткою велѣлъ жить у той палатки, вмѣсто сторожей шести татарамъ и позволилъ имъ владѣть всякими угодьями. Послѣ взятія Казани поселенцы эти всѣ померли, а палата развалилась; татары по указу Великаго Государя снова построили палатку и били челомъ чтобы Великій Государь пожаловалъ, для наблюденія за этой палаткой дозволить поселиться служилому татарину Беремейлеву Кулаеву и ясашнымъ татаромъ Янсариу, Шимамтеву и Васильеву у той палатки поблизку, подлѣ рѣчки Терецкой въ одной сторонѣ, и владѣть всякими угодьями по обѣ стороны рѣчки Терецкой къ сѣверу отъ рѣки Малаго Чершана, на востокъ по рѣку Майну, а съ другой стороны по рѣчку Янбахтину (это не Баранка ли, текущая подъ Никольскимъ Бараномъ?); все это пространство длиною до 10 версты. Челобитье было уважено, и татары, назначенные быть въ сторожахъ у Балын-Гози, поселились, захвативъ третье поле и сѣнные покосы, отведенные еще ранѣе, въ 1654 году, стрѣльцамъ пригорода Билярска; татары поселились отъ Булярской городской стороны версты съ полторы, а отъ слободы, которая за городомъ, только съ версту. По этимъ размѣрамъ судя, татарское селеніе было при подошвѣ горы Балынгуза, за Малымъ Черемшаномъ; тутъ дѣйствительно есть рѣчка Торѣцкая, нынѣ называемая чаще Ридкой. Гора Балаугузъ обрывается къ З крутымъ оврагомъ, по которому и течетъ съ С къ Малому Черемшану рѣчка Ридка. Далѣе въ той же выписи (стр. 185) говорится, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ поселились татары, въ татарской мечети отнюдь татарской селитбы не бывало; слѣдовательно, тутъ была татарская мечеть, можетъ быть остатокъ прежнихъ строеній. Долго тягались Билярскіе стрѣльцы съ татарами о землѣ и только въ 1698 году состоялось укрѣпленіе правъ Билярскихъ стрѣль-

цовъ на захваченную татарами землю; татаръ же вѣдно было выселить на пустыя степныя ясашныя земли.

Я уже упоминалъ, что на бугрѣ, лежащемъ въ полу-горѣ, по преданію была татарская соборная мечеть; но тутъ могли быть и надмогильныя палатки, можетъ быть устроенныя въ родѣ нынѣшнихъ каменныхъ палатокъ, сооружаемыхъ татарами надъ могилами. Мечеть же, о которой упоминается въ выписи, могла быть ниже подъ горой на томъ мѣстѣ около часовенки, о которомъ я уже упоминалъ. У теперешнихъ жителей нѣтъ никакихъ преданій о бывшей тутъ татарской деревнѣ.

Я выше упоминалъ, что татары бугоръ на вершинѣ горы называютъ *Булюмеръ* или *Балымеръ*; татары передаютъ, согласно ихъ челобитью, что на горѣ былъ похороненъ Балымеръ или Балынъ Гозя, который былъ въ этой странѣ царемъ. По подѣ именемъ Балынъ Гози можно разумѣть и другое лицо. Въ сочиненіи пр. Шпилевскаго (Древн. Город. на стр. 63) говорится, что на верху упоминаемой горы были похоронены 2 славнѣйшіе святыхъ, Меулимъ Хоззя и Шебелимъ Хоззя,—по разсказу муллы Рычкову; Шерифъ-Эддинъ Булгари также упоминаетъ сходственное имя Маалумъ Ходжа; Френъ нашель выписку, въ которой на вершинѣ Бюларской горы въ числѣ похороненныхъ упоминается Малумъ Ходжа. Такъ какъ по своему татарскаго языка *м* переходитъ въ *н* и *б*, а *у* переходитъ въ *ы*, то изъ имени Меулимъ, Маалумъ, Малумъ могли образоваться имена Беулимъ, Баалымъ, Балым или Балынъ; Ходжа перешло въ Гозя; слѣдовательно изъ имени древнѣйшаго святаго могло получиться общеупотребительное Балынъ Гозя, а изъ Беулимъ—Булюм, Булюмеръ. Такъ какъ изъ трехъ святыхъ только о Меулимѣ или Малумъ Ходжѣ говорятъ согласно указанные источники, и такъ какъ онъ считается славнѣйшимъ изъ святыхъ, то вершина, гдѣ покоятся его остатки, могла принять его имя—Балынъ Гозя, Балыгузь. Р-нъ, цитированный мною, также подтверждаетъ это мнѣніе: онъ говоритъ, что тамъ были похоронены святые, въ числѣ которыхъ былъ Баланъ Гозя, отчего гора и удержала имя Балангузь.

Наконецъ, вчитываясь въ челобитную татаръ, невольно усматриваешь, что царь Балынъ Гозя былъ какъ будто сирота: его хоронитъ другой царь, изъ-за 150 верстъ; памят-

ниеъ надъ нимъ воздвигаютъ не родные и не подданные; распоряженіе о поселеніи татаръ для сохраненія надгробной палатки сдѣлано не наследниками Балынъ Гоза, а другимъ, стороннимъ, царемъ; самое распоряженіе поселить около памятника сторожей свидѣтельствуетъ, что мѣсто, гдѣ былъ похороненъ царь Балынъ Гоза, было пустынное, не заселенное; когда эти сторожа послѣ взятія Казани умерли, то все было въ заустѣннн и палата развалилась. Вся эта обстановка не свидѣтельствуетъ ли о томъ, что уже не было никакого значительнаго города на мѣстѣ Билярска, ни въ близкихъ окрестностяхъ его въ то время, когда татарскій царь Сафаралей (Сафа-Гирей) построилъ памятникъ надъ могилою Балынъ Гози или Булюмера, какъ произносятъ татары? О почитаніи этого святаго указано въ книгѣ пр. Шпилевскаго очень подробно.

■■■.

Саженой за 30 отъ *Балынгуза* начинаются валы, ограничивающіе огромное пространство. По краю оврага, на днѣ котораго течетъ рѣчка Торѣцкая, идетъ къ сѣверу валъ,—частію хорошо сохранившійся, частію исчезающій,—по крайней мѣрѣ на протяженіи 1½, версты; потомъ онъ заворачивается другой къ востоку и доходитъ до овраговъ, раздѣляющихъ Балынгузскую возвышенность отъ возвышенности, на которой лежитъ *слобода Бояяленская—Горки* тожъ. На восточномъ направленіи валъ имѣетъ видъ дуги, выгнутой къ сѣверу, тянется на протяженіи около 2 версты и заворачивается постепенно къ югу, вдоль овраговъ. По краю возвышенности отъ Балынгуза тянется на востокъ валъ также до овраговъ, отдѣляющихъ эту возвышенность отъ Горской возвышенности; здѣсь валъ тянется на протяженіи 1½, версты. Такимъ образомъ городище представляетъ полукружіе, длиною на сѣверъ до 3 версты, на западъ до 2 и на югъ до 1½. На востокѣ, у оврага, находится новое городище, перегороженное на 3 части двумя средними валами. Изъ приложеннаго плана этого городища (лит. Е.) можно усмотрѣть, что здѣсь имѣется какъ будто 4 городища вмѣстѣ, какъ замѣтилъ это пр. Кондыревъ, бывшій здѣсь въ 1812 году (стр. 356, Древ. гор.). Описаніе этого особаго городища я сдѣлаю отдѣльно. Эти 4 городища,

составляющие одно цѣлое, по величинѣ своей будутъ равны Биларскому городищу, т. е. окружность городища также будетъ до 10 верстѣ. Рычювъ видѣлъ валы около Балыгуза, но не далъ болѣе точнаго обозначенія валовъ; что же касается его мнѣнія, будто они могли служить защитой каменныхъ гробницъ—то этого нельзя допустить: они слишкомъ пространны для этого; да и главное городище (тройное) находится въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ владбища.

Валы этого нагорнаго городища уступаютъ въ величинѣ и отдѣлкѣ валамъ, находящимся въ пригородѣ Биларскѣ: валъ вездѣ идетъ одиночный, со рвомъ, лежащимъ спаружи валовъ; по наружному краю рва во многихъ мѣстахъ замѣтенъ низкій валъ. Перерывы въ валахъ произошли вѣроятно отъ распашки: поля на вершинѣ горы составляли третье поле Биларскихъ стрѣльцовъ, слѣдовательно они распашивались съ основанія Биларска въ 1652 году. Лучше сохранились валы въ югозападномъ углу и на сѣверо-восточной сторонѣ городища: валы довольно высоки и круто опускаются въ оврагъ. Южный валъ, идущій отъ Балыгуза на востокъ, особенно въ восточномъ его концѣ—сильно разрушенъ вслѣдствіе распашки.

Городище, находящееся на восточной оконечности Балыгузской возвышенности, представляетъ много особенностей. У Горскихъ овраговъ возвышенность имѣетъ выступъ къ югу, на протяженіи 1 версты, имѣющій въ началѣ выступа около 1 версты въ ширину, а на южномъ концѣ не болѣе 200 сажень; этотъ выступъ огибается рѣдкою Малымъ Черемшаномъ съ ЮВ и Ю сторонъ; на восточной сторонѣ возвышенность къ Черемшану обрывается крутымъ спускомъ; на западной сторонѣ, въ углу, образуемомъ выступомъ, склонъ возвышенности опускается довольно полого. Вотъ на этомъ то выступѣ и устроено особое городище. Я его опишу съ восточной стороны. Приходится подниматься на возвышенность оврагомъ по довольно крутой дорогѣ и такимъ образомъ подѣхать къ СВ углу городища. Отсюда до вѣшняго вала, упоминаемаго выше, будетъ къ СВ не болѣе $\frac{1}{2}$ версты; вѣшній валъ на СВ идетъ по краю оврага, и между обоими валами возвышенность опускается довольно круто и распашана по краю; по склону растетъ довольно густой и крупный кустарникъ. Съ сѣверовосточнаго угла валъ идетъ на западъ.

дугой, выгнутой къ сѣверу, на разстояніи болѣе версты; валъ, одиночный и хорошо сохранившійся, ограниченъ съ съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами.

На разстояніи сажень 300 отъ СВ угла находились очевидно ворота и въѣздъ, такъ какъ валъ здѣсь понижается и рвы замѣтно засыпаны. На сѣверозападномъ углу валъ постепенно загибается къ югу и опускается въ оврагъ; на этомъ углу также есть пониженіе въ валу и мелкость рва, что даетъ поводъ думать, что и тутъ былъ проѣздъ. Оврагъ, въ который опускается валъ, довольно крутой и глубокий; по краю оврага вала нѣтъ. Съ другой стороны оврага подходит отъ Бальнгуза горный валъ и упирается въ оврагъ; по сю же сторону оврага начинается валъ, идущій далѣе къ востоку, поперекъ городища, дугой, выгнутой къ сѣверу; рвомъ отдѣляется отъ него на югъ другой небольшой валъ, подобно тому какъ и у вала, идущаго отъ Бальнгуза. По одинаковому строенію вала, идущаго внутри городища, съ валомъ, идущимъ отъ Бальнгуза, можно думать, что этотъ валъ внутри городища есть продолженіе Бальнгузскаго вала. На срединѣ вала замѣтно пониженіе, находящееся противъ сѣверныхъ воротъ. Этотъ валъ, также какъ и Бальнгузскій, кое гдѣ прерывается, что вѣроятно произошло отъ распахиванія; въ сравненіи съ сѣвернымъ валомъ этотъ валъ является значительно меньшимъ и болѣе разрушеннымъ, тогда какъ сѣверный валъ отличается цѣлостностью и величиною. Длина городища по западной сторонѣ до края возвышенности будетъ около 250 сажень. Гдѣ начинается выступъ, тутъ край возвышенности имѣетъ направленіе къ ЮЗ на протяженіи сажень 200; здѣсь возвышенность имѣетъ довольно пологій спускъ,—эта часть городища слѣдовательно наиболѣе приступна снизу, а потому она и защищена тройными валами, идущими по скату горы у края возвышенности; по этому склону по видимому былъ устроенъ старинный въѣздъ на городище снизу, отъ рѣки; валы высокіе и хорошо сохранились. Далѣе край возвышенности принимаетъ южное направленіе и получаетъ крутой скатъ къ лугамъ у Малаго Черемшана; отъ этого угла идетъ опять поперечный валъ, также выгнутый къ сѣверу, по обѣ стороны котораго идутъ рвы глубиною до 1½ аршина; у южнаго рва на краю есть небольшой валикъ.

Въ серединѣ, соотвѣтственно первымъ двумъ валамъ, есть также пониженіе въ валу для проѣзда. Валъ этотъ лучше сохранился, чѣмъ предыдущій. Онъ идетъ на разстояніи 150 сажень отъ предыдущаго вала. Весь четырехугольный выступъ, имѣющій отъ втораго поперечнаго вала къ югу около 1 версты, ограниченъ валомъ; этотъ выдающійся выступъ имѣетъ довольно чувствительный склонъ къ долинѣ Черемшана и на южномъ концѣ возвышенность поднимается не очень высоко—слѣдовательно дѣлается опять довольно доступной; вслѣдствіе этого здѣсь по склону идутъ двойные и тройные валы, довольно высокіе и хорошо сохранившіеся, за исключеніемъ валовъ, идущихъ по краю возвышенности, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распахиваются и уничтожаются. Черезъ эти валы на южной сторонѣ—у юго-западнаго угла—замѣтенъ вѣздъ на городище. Восточная сторона городища находится на краю крутаго обрыва къ Черемшану; здѣсь не вездѣ есть валы, но въ мѣстахъ, гдѣ склонъ не совсѣмъ крутой,—по склону устроены валы. Здѣсь внизу есть у самаго спуска 2 озера; преданіе говоритъ, что при разрушеніи здѣшняго города въ эти озера было скинуто изъ города много цѣнныхъ вещей. Хорошо устроенный по крайнѣмъ оврага валъ начинается на средней трети городища и замыкаетъ среднюю и сѣверную части городища.

Вся площадь этого городища имѣетъ съ С на Ю болѣе 1 $\frac{1}{2}$ версты, съ З на В, въ сѣверной трети около версты, въ средней—около 300 сажень и въ южной—около 200 сажень, такъ что площадь заключаетъ около 1 $\frac{1}{2}$ квад. версты. Городище это лежитъ на поляхъ принадлежащихъ пригороду Билярску и распахивается. Находясь по всему городищу на Балыгузской возвышенности до сихъ поръ не оказывается; на бугрѣ Балыгузъ только изрѣдка находятъ серебряныя монеты; 5 монетъ мною было представлено 8 февраля 1881 года, да одну серебряную монету при семъ имѣю честь представить,—но въ сожалѣнію сильно истертую.

Было ли это отдѣльное городище устроено одновременно съ валами, идущими отъ Балыгуза, или оно устроено позднѣе, судя по первому поперечному валу—трудно рѣшить теперь. Не здѣсь ли былъ устроенъ Булюмеръ послѣ

разрушенія Бюляра, — о которомъ говорится у пр. Шпилевскаго на стр. 60 (Древ. города и пр.)?

IV.

Я описалъ восточную часть возвышенности Балынгуза; западная часть этой возвышенности также имѣетъ много замѣчательностей въ археологическомъ отношеніи. На западной оконечности эта возвышенность также дѣлаетъ далекій выступъ къ югу, но выступъ этотъ постепенно опускается къ рѣкѣ *Черемшану*, которая огибаетъ этотъ выступъ съ востока и юга и уходитъ далѣе на западъ; выступъ этотъ съ востока весьма круто поднимается и чрезъ $2\frac{1}{2}$ версты на западѣ почти отвѣсною стѣною обрывается къ рѣкѣ *Барану*; форма этого выступа имѣетъ видъ полукруга, вытянутаго къ югу. Выступъ этотъ принадлежитъ къ слободѣ *Никольской* — Никольскій, Солдатскій Баранъ тожь. На этомъ выступѣ, ближе къ вершинѣ, устроено городище (на планѣ подъ лит. Ж), которое удивляетъ какъ своею величиною, такъ и обширными размѣрами валовъ; мѣсто это находится надъ Никольской Слободой, въ 4 верстахъ отъ пригорода Билярска.

Отъ самаго берега Черемшана поднимается поперекъ выступа валъ по направленію на З на протяженіи $1\frac{1}{2}$ версты и доходитъ до крутаго берега рѣчки Барана; на срединѣ вала есть прорѣзъ въ валу, гдѣ должны были быть ворота; здѣсь теперь идетъ дорога изъ Барана на Черемшанскую, у устья Барана, мельницу. Валъ этотъ болѣе Билярскихъ валовъ. У Барана валъ по краю высокаго берега заворачивается къ сѣверу и идетъ на протяженіи 1 версты; съ внутренней стороны есть ровъ глубиною въ сажень, а съ наружной стороны, гдѣ только склонъ не вполне отвѣсенъ, есть ровъ и небольшой валъ. У оврага, идущаго съ возвышенности къ рѣкѣ Барану, валъ заворачивается на востокъ, принимаетъ очень значительную высоту и подходитъ дугой къ рѣкѣ Черемшану, къ тому же мѣсту, съ котораго начать осмотръ вала. Городище занимаетъ такимъ образомъ около $1\frac{1}{2}$ кв. версты, слѣдовательно не менѣе городища, лежащаго на восточной части возвышенности, у слободы Богоявленской. Это городище еще не давно распахивается, — лѣтъ 10 не болѣе, —

а прежде на этомъ мѣстѣ росъ очень густой лѣсъ, который постепенно снизу разчищаютъ. На этомъ городищѣ были найдены 2 серебряныя перстни, одинъ очень хорошей работы и съ печатью или гербомъ, а другой также со знаками, но они значительны стерты. Эти перстни приобрѣтены мною за 1 р. 50 к. при участіи Н. И. Дмитриевскаго. Баранское городище еще вновь распаивается и, судя по этимъ находкамъ, можно надѣяться, что тутъ можетъ быть сдѣлано много разныхъ находокъ и открытій.

Такимъ образомъ противъ Буларскаго городища на сѣверѣ лежатъ 2 значительныя по величинѣ городища: эти городища командуютъ окружающей мѣстностью. Съ нихъ далеко видно во всѣ стороны на З, Ю, и В—версть болѣе чѣмъ на двадцать.

V.

Въ книгѣ пр. С. М. Шпилевскаго упоминается (стр. 356) о двухъ городищахъ, расположенныхъ на высокихъ мѣстностяхъ въ 2 верстахъ отъ Билярска; площадь каждаго городища въ 360 кв. сажень, слѣдовательно городища маленькія—сажень по 60 въ поперечникѣ. Въ 2 верстахъ высокая мѣстность—есть только сѣверная Балынгузская возвышенность: а ее всю *прошелъ* отъ слободы Богоявленской до слободы Никольской на протяженіи 7 верствъ,—и подобныхъ маленькихъ городищъ мнѣ не указывали нигдѣ по горамъ. Есть внизу, на склонѣ къ югу отъ Баранскаго городища, у самаго берега Малаго Черемшана, небольшое городище, имѣющее скорѣе четырехугольную, чѣмъ круглую форму, (съ 3 сторонами дугообразную и съ 4-ой западной прямою); поперечникъ его имѣетъ до 60 саж.; городище это окружено валомъ, высоту $1\frac{1}{2}$ сажени, со рвами съ обѣихъ сторонъ, глубиною болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина. Городище это лежитъ у рѣки такъ низко, что во рвахъ находится вода въ нижней части. На этомъ городищѣ находятся черепки битой посуды. Оно находится отъ Билярска въ 4 верстахъ, а отъ Баранскаго городища въ $1\frac{1}{4}$ версты.

Другое городище, величиною не болѣе 400 кв. саж., находится на склонѣ возвышенности, на поляхъ, принадлежащихъ деревнѣ *Нижней Татарской Майнѣ*, въ 6 верстахъ отъ

Биларска, на правомъ берегу Малаго Черемшана. Оно имѣетъ круглую форму, окружено валомъ съ ровомъ снаружн, въ діаметрѣ будетъ около 150 сажень; валъ сильно распаханъ, а ровъ постепенно заносится землей; въ Черемшану въ нижнемъ концѣ городища замѣтенъ въѣздъ. Что это за городища,—трудно опредѣлить; подобныя имъ я встрѣчалъ нѣсколько въ уѣздѣ—судя по незначительной величинѣ ихъ, не были ли они жилищами какихъ нибудь князей или муръзъ Болгарскихъ?

VI.

Чтобы закончить съ описаніемъ мѣстности, лежащей около Биларска, я долженъ сказать еще о 2 вершинахъ, находящихся на Баранской возвышенности, въ 3 верстахъ отъ Биларска, около „святаго ключа“. Гдѣ начинается Баранское городище, тутъ долина Черемшанская дѣлаетъ впадину въ возвышенность, отчего къ востоку отъ Баранскаго городища образуется небольшая лощина, а за лощиной, до дорогъ къ Биларску, опять является выступъ, выдвигающійся къ рѣкѣ Черемшану. Внутри этой лощины, съ правой стороны выбивается изъ подъ горы ключъ, почитаемый всѣми окрестными жителями, какъ русскими, такъ и инородцами; сюда прїѣзжаютъ татары помолиться изъ за 100 верстъ и болѣе; окрестные чуваша также сюда стекаются для моленій и религіозныхъ пиршествъ. Рычковъ, говоря о святомъ ключѣ (стр. 62, Древ. Гор.), помѣщаетъ его у горы Балынгуза; у подошвы Балынгуза съ западной стороны течетъ рѣчка Торѣцкая, но вода этого ключа не считается священной, хотя татары, ѣдущіе на святой ключъ на богомоліе, считаютъ для себя обязательнымъ сдѣлать омовеніе въ этой рѣчкѣ. Надъ святымъ ключемъ поднимается крутая возвышенность, на которой находятся 2 холма, отдѣленные оврагами; на этихъ холмахъ, называемыхъ также „шеломами“, будто бы похоронены какіе то святыя мухамеданскіе. Шеломъ, поднимающійся надъ самимъ ключемъ, имѣетъ кругообразную вершину, сажень въ 12 въ поперечникѣ, окруженную ровомъ глубиною отъ 1½, до 2 сажень; ровъ очевидно искусственный; на эту вершину татары всходятъ и чинятъ моленія. Здѣсь на вершинѣ не замѣтно никакихъ слѣдовъ стро-

еній или памятниковъ; также нѣтъ остатковъ камня, кирпича или известки.

Съ этого холма тропинкой, идущей на востокъ, можно перейти на другую вершину, которая собственно и называется „палати“; эта вторая вершина есть островочный утесъ, окруженный со всѣхъ сторонъ ровомъ и на сѣверѣ составляющій съ возвышенностью одну плоскость; отъ нея „палати“ отдѣляются валомъ вышиной до 1 сажени; чрезъ этотъ валъ и ровъ устроена была, какъ видно, дорога на „палати“. Эта вершина, имѣетъ неболѣе 25 сажень въ поперечникѣ и вся изрыта; здѣсь было нѣкогда обширное каменное строеніе, палаты, которыя были разобраны очень давно, лѣтъ 60—100; навадъ изъ этого камня была строена церковь въ селѣ Арбузовомъ Баранѣ, Спасскаго уѣзда—а эта церковь существуетъ уже очень много лѣтъ. Здѣсь, по преданію, были похоронены 7 или 9 магометанскихъ дѣвъ, надъ которыми стояла палата или обширный памятникъ. Отсюда открывается очень далекій видъ—версть за 25, такъ что это мѣсто могло служить и прекраснымъ наблюдательнымъ пунктомъ. Сюда также ходятъ татары на моленіе.

Окинувъ взглядомъ всю эту мѣстность и принимая во вниманіе замѣчательныя особенности укрѣпленій Билярскаго городища,—приходится придти къ заключенію, что здѣсь существовалъ замѣчательнѣйшій городъ. Укрѣпленные пункты лежали на обоихъ берегахъ Черемшана, который и доселѣ носитъ еще древнее названіе *Черьмисянь*. Русскіе лѣтописцы, описывая походъ русскихъ противъ болгаръ въ 1184 году (стр. 132, Древ. гор.), рассказываютъ, что русскіе шли отъ берега Волги нѣсколько дней къ „Великому городу Болгарскому“ и, когда пришли къ городу, то перешли „Черьмисянь“ и нарядили полки. Упоминаемая здѣсь рѣка, довольно значительная, такъ какъ ее переходили цѣлый день—есть Черемшанъ, который и доселѣ у татаръ носитъ старинное имя; слѣдовательно есть одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ, что здѣсь подъ Великимъ городомъ долженъ разумѣться Билярскъ.

Географъ XIV-го столѣтія Абуль-Феда пишетъ о г. Боларѣ слѣдующее (стр. 19, Древ. гор.): „Боларъ, называемый Арабами Болгаръ, городъ на... сѣверѣ, недалеко отъ

берега Амоли, стоитъ на низкомъ мѣстѣ, въ разстояніи отъ горы на день пути“. Слова эти С. М. Шпилевскій относитъ къ г. Булгару, находившемуся въ нын. Спасскомъ уѣздѣ; но Болгарское городище, какъ видно изъ описанія его (стр. 198, Древ. гор.), стоитъ на горѣ, тогда какъ Абдуль-Феда помѣщаетъ свой Болгаръ на низкомъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ горы. Билярское городище именно находится на низкомъ мѣстѣ, такъ что мѣстность, идущая отъ города къ Черемшану, особенно по Биляркѣ, изобильна мочажинниками;—а потому не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть подъ Болгаромъ также Билярскъ? А гора, о которой упоминаетъ Абуль-Феда, находится дѣйствительно не въ далекомъ разстояніи отъ пригорода. Сказавши что она находится на день пути, онъ конечно значительно преувеличилъ время; подобное же преувеличеніе времени встрѣчается у Ибнъ-Фадлана, который сказалъ, что разстояніе менѣе фарсанга можно идти цѣлый зимній день (стр. 5, Др. гор.). Наконецъ названіе рѣки Амоли, на берегу которой стоялъ Болгаръ, слѣдовательно бы тщательно прочитатъ,—можетъ быть что нибудь подобное еще и сохранилось въ народной рѣчи.

ЗАМѢТКА

О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ БЫТА

КАЛМЫКОВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Члена-сотрудника священника отца И. Смирнова.

Между калмыками Астраханской губерніи сохранилось много обычаевъ, которые переходятъ изъ рода въ родъ и строго соблюдаются кочевниками. Между прочими особенно замѣчательнѣе обычаи — угонять чужую скотину и продавать на ярмаркахъ, которыя бывають: или на урочищѣ Цабдыръ, или въ станицѣ Карповѣ, находящейся въ землѣ Донскаго войска, или же въ предѣлахъ Ставропольской губерніи. Не смотря на неоднократныя распоряженія правительства, предохраняющія кочевниковъ отъ подобныхъ преступленій и строгія мѣры наказанія, которымъ подвергались и подвергаются виновные, угонъ скота существуетъ, между калмыками, и доселѣ. По сложившимся убѣжденіямъ, угонять чужую скотину и скрыть слѣды преступленія — не составляетъ преступленія. По этому поводу одинъ изъ почтенныхъ скотоводовъ рассказывалъ мнѣ, что будто-бы въ Монголіи и доселѣ существуетъ правило, освященное временемъ, по которому хозяинъ похищенной скотины, если бы чрезъ два года и узналъ похитителей или опозналъ бы свою скотину, — то не имѣетъ права требовать ни удовлетворенія за убытки, ни возврата своей скотины, потому что не умѣлъ во время отыскать пропавшую скотину.

Во время нападеній на табуны или стада удалыцы не различають, кому принадлежать животныя, пасущіяся въ привольныхъ степяхъ Астраханской губерніи — казаку, кал-

мыку или русскому скотоводу. Исключение въ этомъ случаѣ составляетъ только скотина, принадлежащая *Хурульмъ* и лицамъ калмыцкаго духовенства въ частности. Если въ темнотѣ ночной иногда, по ошибкѣ, и захватываютъ *хурульную* скотину, то на разсвѣтѣ, когда можно отличать тавро (*тама*) наложенное хурульнымъ *нирбою* (экономомъ) на животныхъ, то животныхъ отбиваютъ отъ другихъ и оставляютъ въ ближайшей мѣстности, на пастбищахъ.

Калмыки угоняютъ обыкновенно лошадей, рогатый скотъ и верблюдовъ; овецъ же никогда не воруютъ, потому что эти животныя слабы, не могутъ выносить большихъ перегоновъ и скоро устаютъ. Если и бываютъ иногда случаи, что хищники проѣздомъ украдутъ одну или двѣ овцы, то единственно „на котель“, т. е. чтобы убить и сварить ихъ. Украденныхъ овецъ недалеко отъ стада, гдѣ нибудь въ лощинѣ зарѣжутъ, освѣжутъ, сварятъ и скушаютъ на здоровье. Внутренности животныхъ бросаютъ среди поля, такъ какъ при спѣшной ѣздѣ имъ нѣтъ времени очищать ихъ, шкуры же убитыхъ животныхъ всегда увозятъ съ собою. Но при большомъ скотоводствѣ бываютъ случаи, что пастухи сами продаютъ хозяйскихъ овецъ постороннимъ лицамъ, потому что многіе кочевники, имѣя по пяти, десяти и пятнадцати тысячъ овецъ, не знаютъ точнаго числа ихъ, пастухи же, пользуясь этимъ случаемъ по дешевымъ цѣнамъ продаютъ по нѣскольку десятковъ, а иногда цѣлую сотенку овецъ, въ постороннія руки, безъ вѣдома хозяина, употребляя деньги, вырученныя продажею, въ свою пользу. Отъ чего пастухи, въ свою очередь, часто дѣлаются хорошими скотоводами.

Но о торговлѣ пастуховъ чужими овечьями рѣдко узнаютъ хозяева. Калмыки никогда ни выдаютъ одинъ другаго, никогда не донесутъ о продѣлкахъ своего товарища. Единственный случай, по которому можетъ огласится тайная продажа овецъ—это неправильный раздѣлъ суммъ, вырученныхъ продажею украденнаго скота, и то не иначе какъ черезъ годъ или два послѣ событія.—Вотъ это обстоятельство и поставяетъ въ необходимость заботливыхъ скотоводовъ часто повѣрять число своихъ овецъ. Эта операція производится такъ: не вдалекѣ отъ *хотона* устраиваютъ круглый загонъ, изъ особо для сего устроенныхъ складныхъ деревянныхъ, въ родѣ кибиточныхъ, *теремовъ*, которые привязываются одинъ въ другому *хошлонами* (шерстяными толстыми тесьмами,

пальца въ два ширины) или же кусками *аркановъ* (веревко́въ изъ верблюжьей и овечьей шерсти). Разставленныя рѣшетки имѣютъ высоты не выше полутора аршина; квадратныя клі́точки этого рода рѣшетко́въ гораздо болѣе кибиточныхъ: онѣ бывають не менѣе шести вершковъ. Устроенный такимъ образомъ загонъ можетъ вмѣстить сотни полторы или двѣ овецъ. Пастухъ, пригнавшій свой гуртъ къ *хотону* вечеромъ, загоняетъ стадо въ загонъ, въ которомъ скученныя овцы и почуютъ; двери загона закрываются рѣшеткой, которая оконечностями привязывается къ другимъ. Заботливый хозяинъ рано утромъ, еще до восхода солнца, выходитъ изъ своей кибитки, отвязываетъ рѣшетку съ одного края, дѣлая небольшое отверстіе, и выпускаетъ овецъ по одному, производя счетъ.

Бывали случаи, что скотоводы, желая узнать объ угонѣ скота или тайной продажѣ овецъ, пытались угощать пастуховъ; напайвали ихъ до пьяна въ предположеніи, что водка развяжетъ имъ языкъ, что они все подробно расскажутъ имъ: но ошибались въ расчетахъ! Калмыки и въ нетрезвомъ видѣ оставались вѣрными завѣту своихъ предковъ, которые научили ихъ, чтобы они не смѣли преслѣдовать хищниковъ, неизвѣстно гдѣ укравшихъ скотину, и если бы видѣли, что мимо ихъ *хотона* гонятъ уворованную скотину—не доносить о томъ улусному начальству, а также не извѣщать хозяина и о тайной продажѣ овецъ. На всѣ вопросы, предложенныя пастуху, онъ обыкновенно отвѣчаетъ: *мэдкшиибъ*—„незнаю“! хотя бы достоверно зналъ и число головъ украденнаго скота и лицъ угнавшихъ его. По слѣжившимся между кочевниками понятіямъ—угнать скотину и скрыть слѣды преступленія составляетъ степное удалство, которое разнообразить ихъ монотонную, пастушескую, жизнь. Съ другой стороны, отзываться невѣдніемъ принято у калмыковъ еще потому, чтобы, въ случаѣ наѣздничества ихъ самихъ на чужіе табуны или стада, можно было пользоваться большей свободой въ своихъ дѣйствіяхъ. Одинъ богатый скотоводъ, сравнивая эту сдержанность кочевниковъ съ характеромъ народа русскаго, высказалъ, что потому-то калмыкамъ и нежелательно имѣть русскихъ поселенцевъ среди привольныхъ калмыцкихъ степей, что они будутъ стѣснять ихъ не столько пастбищами, которыхъ у нихъ весьма много излишнихъ, сколько обычаемъ русскаго народа—ловить воровъ (*хул-*

хаачи) и выдавать их начальству. Тогда не легко будет калмыкамъ скрывать слѣды преступленія.

Партіи удалцовъ изъ разныхъ *хотоновъ*, а иногда и изъ разныхъ улусовъ (*нутуковъ*) составляются изъ пяти, шести и десяти человекъ подѣ начальствомъ опытныхъ лицъ, извѣстныхъ своею распорядительностью. Сначала удалцы разбиваются на части для производства рекогносцировокъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Чтобы скрыть настоящую причину ихъ разъѣздовъ, одинъ или два калмыка отправляются въ улусныя ставки, къ попечителямъ, заявляютъ имъ о небываломъ угонѣ скота и просятъ выдать имъ свидѣтельство на розысканіе пропавшей, будто бы, у нихъ скотины. Заручившись такими свидѣтельствами они разъѣзжаютъ по *хотонамъ* разныхъ улусовъ, высматривая гдѣ бы удобнѣе произвести нападеніе на стада или табуны. Для этой цѣли, будто бы мимоходомъ, подробно узнаютъ: чья именно пастеся скотина, гдѣ она ночуетъ, сколько при ней пастуховъ, какого они свойства, и чѣмъ вооружены (¹)? И потомъ, сооб-

---

(¹) Особый способъ рекогносцировки употребляютъ калмыки, если хотѣть ограбить проѣзжающихъ. Всадникъ, отдѣлившись отъ своей партіи подѣ видомъ охотника, съ одной или двумя гончими собаками, будто-бы отыскивающего своихъ товарищей, или же подѣ видомъ пастуха, разыскивающего неизвестно куда заблуждающую лошадь или другое животное, подѣзжаетъ къ экипажамъ и спрашиваетъ проѣзжающихъ: не встрѣчали-ли они его товарищей—охотниковъ или же отыскиваемое имъ животное. Между тѣмъ зорко смотритъ: кто ѣдетъ, что везетъ и сколько людей при обозѣ, а, сопровождая проѣзжающихъ версты три, соглядаетъ ведетъ разговоръ, или на ломаномъ русскомъ языкѣ или же по калмыцки; въ это время онъ старается узнать, куда они именно ѣдутъ? Забравши нужныя свѣдѣнія, съ пожеланіемъ счастливаго пути, отдѣляется отъ проѣзжающихъ и скрывается за буграми. Возвратившись къ товарищамъ, которые гдѣ нибудь въ лошадѣ ожидаютъ его, онъ рассказываетъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Сообразивши рассказъ съ обстоятельствами дѣла, большинствомъ голосовъ—рѣшаютъ: дѣлать ли нападеніе, или оставить обозъ въ покоѣ? Если рѣшатъ дѣлать нападеніе, то производятъ оное въ полномъ составѣ: внезапно выѣзжая изъ за бугра, несутся въ полный карьеръ къ обозу, производя ружейные выстрѣлы вверхъ, чтобы запугать проѣзжающихъ. Если проѣзжающіе люди бывалые, знаютъ тактику калмыцкихъ разбойниковъ, то два или три человека могутъ отбиться отъ десятка ихъ. Стоять имъ остановится и взять по ружью (а они всегда берутъ въ запасъ) хотя бы вовсе не заряженному, взвести курокъ и держа

разивъ все это, въ темную ночь дѣлають нападеніе, угоняя или весь табунъ, или же—если онъ слишкомъ великъ—то отбивають часть его и безошадно гонятъ животныхъ всю ночь. Если исхудалыя или хворыя животныя начи-

ружье на взводѣ попеременно наводитъ прицѣлъ ружья то на того, то на другаго всадника, говоря: «не подѣзжай близко, убью!» Каждый джигитъ, завидя цѣлящагося въ него человека, старается ускакать подалеже отъ выстрѣла. Пробывши въ такой осадѣ около часа и продержавши хищниковъ въ почтительномъ отдаленіи, чрезъ нѣсколько времени освобождаются отъ нападенія, потому что наездники, утомленные бесполезной атакой храбрецовъ, ни съ чѣмъ возвращаются домой.

Замѣчательно, что въ хотонахъ, гдѣ имѣютъ ночлеги проѣзжающіе—калмыки никого никогда ни грабятъ: это, по ихъ мнѣнію, несогласно съ правилами степнаго гостепріимства,—но всегда даютъ возможность ночевавшимъ у нихъ путникамъ отѣхать далеко отъ хотона, въ открытую, безлюдную степь. Въ такомъ случаѣ нападенія всегда производятся большею частію на русскихъ торговцевъ, которые возятъ разные товары въ калмыцкіе *нутуки* изъ гг. Чернаго Яра или Царицина. Реконноспировка и приемы нападеній тѣже самыя, какіе бывають вообще на проѣзжающихъ. Въ случаѣ успѣха нападенія, т. е. когда проѣзжающіе струсили или нападеніе случилось ночью, неожиданно, то хищники прежде всего требуютъ у хозяина деньги, угрожая смертію въ случаѣ его упрямства. Получивши деньги, отбирають ружья и кинжалы; вошь людей, бывшихъ при обозѣ, перевязываютъ и съ завязанными глазами положить въ разныхъ мѣстахъ. Глаза завязываютъ имъ для того, чтобы погонщики и хозяинъ не могли видѣть ни лицъ, производящихъ грабежъ, ни мѣстности, въ которую поѣдутъ они съ награбленными вещами. Управившись съ людьми, начинаютъ хозяйничать въ возахъ; берутъ штукама: нанку, бязь, холстъ, саринку и другіе товары. Товаровъ набирають столько, сколько могутъ вмѣстить ихъ *дайлинки* (это двѣ переметныя сумки изъ кожи или толстой шерстяной матеріи: ихъ калмыки перекладываютъ черезъ сѣдло, такъ что одна сумка—виситъ около праваго стремена, а другая—около лѣваго; вмѣстимость дайлинокъ различна: въ дайлинку средней величины можно помѣстить ведрный боченокъ). Во время этой операціи одинъ калмыкъ наблюдаетъ за связанными, чтобы они неоткрыли глазъ или не развязались. Когда всѣ хищники наберутъ достаточное для нихъ количество товара и уйдутъ въ разные стороны, тогда и часовой, съ завязаннымъ лицомъ, на которомъ оставлено только мѣсто для глазъ, беретъ приготовленную для него часть товара и скачетъ въ сторону, окрываясь за буграми. Перевязанные же люди перекалываются, подползають одинъ къ другому, зубами развязываютъ узлы и освобождаютъ взаимно другъ друга.

наютъ отставать—то ихъ бросаютъ на дорогѣ. Утромъ, когда сдѣлается свѣтло, такъ что можно отличать хорошую скотину отъ дурной, они хорошую скотину отдѣляютъ и гонять далѣе, плохую же оставляютъ на мѣстѣ. При чемъ замѣчательнѣе слѣдующій обычай: если отберутъ лошадей или верблюдовъ, которые неохотно разстаются съ своими косягами, то шея ихъ перевязываютъ *арканомъ* (длинною веревкою изъ верблюжьей или овечьей шерсти) по три или по четыре штуки, чтобы они не могли разбѣгаться въ разныя стороны, когда ихъ погонять далѣе. Если же угоняютъ рогатый скотъ, то ему шея не перевязываютъ, потому что быки или коровы не могутъ бѣжать быстрѣе лошади: ихъ обыкновенно гонять вмѣстѣ по нѣскольбу штукъ, въ одной вучкѣ. Всякій степнякъ, завидѣвъ воровъ, безошибочно отличаетъ воровскую скотину отъ скотины обыкновеннаго кочевника: если кочуетъ *хотомъ* съ одного мѣста на другое, то вмѣстѣ съ табунами лошадей, стадами коровъ, верблюдовъ и овецъ съ ихъ молодымъ поколѣніемъ, тянется караванъ верблюдовъ, навьюченныхъ кибиточными *теремами*, *унинами*, кошмами и домашнимъ скабромъ калмыцкаго быта. Тутъ вы увидите женъ и дѣтей калмыцкихъ, размѣщенныхъ на вьючныхъ животныхъ; молодыхъ людей обоого пола, въ праздничныхъ нарядахъ, гарцующихъ вдали отъ каравана. Если же гонять уворованную скотину то при ней видно только нѣсколько всадниковъ, которые ѣдутъ по сторонамъ гурта и гонять заарканенныхъ лошадей или верблюдовъ или же десятка два—три головъ рогатаго скота; ихъ приплода при нихъ никогда не бываетъ, хотя бы угнаны были и матки. Послѣднихъ калмыки узнаютъ по ржанію кобылицъ и сильному реву коровъ и верблюдницъ; верблюдница, скучая по своему верблюженѣ, испускаетъ густые басовые звуки и ревомъ своимъ наводитъ какой то ужасъ, особенно ночью: въ ея ревъ слышится что-то скорбное, раздирающее душу, какъ бы плачь надъ покойникомъ!

Въ случаѣ угона скота хозяинъ, получивши извѣщеніе отъ пастуховъ, отправляется въ улусную ставку заявить попечителю о количествѣ и примѣтахъ угнаннаго скота и просить свидѣтельство на розыскъ пропавшей скотины, при чемъ, иногда, просить казака или двухъ, для конвоирования сыщиковъ. Ближайшіе же родственники хозяина и однохотонцы, не ожидая возвращенія хозяина изъ ставки,

тотчасъ же ѣдутъ по слѣдамъ угнаннаго скота по тому направленію, которое указано имъ пастухами. Преслѣдователи вооружаются двумя или тремя ружьями, револьверами (которыхъ въ послѣднее время достаточное число можно найти въ каждомъ хотонѣ), винжалами, пиками, а иногда и дротиками, на верхнія оконечности которыхъ, вмѣсто остраго жельза, привязываютъ отточенный кинжалъ. Получивши свидѣтельство на розысканіе скота—потерпѣвшій скотоводъ присоединяется къ кавалькадѣ сыщиковъ.

Во время преслѣдованія замѣчательна опытность кочевниковъ, по которой они, не смотря на множество слѣдовъ разнаго рода пасущейся скотины, безошибочно отличаютъ слѣдъ недавно прогнаннаго скота. По слѣду лошадей, идущему по сторонамъ и въ аррьергардѣ угнанной скотины, калмыки вѣрно опредѣляютъ число хищниковъ (*хулхаачи*) и далеко ѣдутъ въ открытую степь. Если хищники, желая скрыть слѣдъ угнанной скотины, погонять животныхъ по проѣзжимъ степнымъ дорогамъ или же по сыпучимъ пескамъ, или перегонять скотину черезъ *цандыки* ⁽¹⁾ или *ильмень* ⁽²⁾ и такимъ образомъ стараются скрыть слѣдъ, то преслѣдователи снимаютъ мѣрку со слѣдовъ угнанной скотины, особенно, если нѣкоторые животныя имѣли какую нибудь особенность въ копытахъ. Въ случаѣ подобныхъ уклоненій сыщики разбиваются на партіи. Одни ѣдутъ по дорогѣ, другіе — разѣзжаютъ по сторонамъ отъ дороги: дѣлаютъ значительные объѣзды около *цандыковъ* и *ильменей*, розыскивая слѣдъ—и, послѣ долгихъ поисковъ, находятъ слѣдъ угнаннаго скота и даже отыскиваютъ хищниковъ.

При розыскѣ пропавшей скотины замѣчателенъ одинъ обычай, свято соблюдаемый кочевниками. Когда кавалькада преслѣдующая хищниковъ ѣдетъ по слѣдамъ угнанной скотины, то непрременный долгъ всѣхъ обитателей *хотоновъ*, ле-

(1) Большія лужи, въ родѣ озеръ, образующіяся послѣ дождей.

(2) Въ центрѣ степей называются такъ янины, въ которыхъ остается сыгровая вода,—онѣ имѣютъ различныя формы и величины; берега заростаютъ чаканомъ или камышемъ.—Въ мѣстахъ приволжскихъ и приморскихъ такъ называются длинныя заливы отъ рѣки Волга, проходящія между грядами бугровъ, идущихъ параллельно отъ востока къ западу, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ во внутренность калмыцкихъ степей.

жащихъ по пути угона, отвести слѣдъ отъ своего *хотона*, т. е. указать—въ какую именно сторону направились хищники, согласно направленію слѣдовъ угнанной скотины. Если бы слѣдъ шель отъ хотона на версту или двѣ, но въ виду *хотона*, то обитатели послѣдняго обязаны отвести слѣдъ; если же калмыки тѣхъ *хотоновъ* не согласятся на требованія сыщиковъ, не отведутъ слѣда, то ихъ считаютъ виновными въ похищеніи и заставляютъ быть отвѣтственными въ кражѣ. Въ этомъ случаѣ кочевники имѣютъ въ виду то, что если обитатели извѣстнаго *хотона* сами и не украли скотину, то непременно видѣли и знаютъ, кто именно хищники,—но скрываютъ воровъ, и потому считаются соучастниками преступленія. Послѣднее обстоятельство и служитъ самымъ лучшимъ побужденіемъ къ тому, что калмыки, живущіе по пути угона, принимаютъ дѣятельное участіе въ розыскахъ пропавшаго скота, а также и виновниковъ преступленія.

Когда лицамъ, идущимъ по слѣдамъ, удается нагнать скотину, то хищники, если они малочислены, оставляютъ уворованную скотину среди степей, скачутъ въ разныя стороны и такимъ образомъ скрываются за буграми, которыми испещрена мѣстность калмыцкихъ степей. Догнать воровъ невозможно во первыхъ потому, что они имѣютъ подъ собою отличныхъ бѣгуновъ, которыхъ въ степяхъ называютъ „*салтынгъ ла адли*“ т. е. „подобными вѣтру“; во вторыхъ потому, что они всегда скачутъ въ разныя стороны по одиночѣ и пока преслѣдователи пораженные неожиданностію, угвариваются кому какого хищника преслѣдовать, кому остаться при найденной скотинѣ,—удальцы уже скрываются изъ вида, чему много способствуетъ холмистая мѣстность. Единственный случай поимки воровъ вмѣстѣ съ поличнымъ,—это если въ располхъ настигнуть ихъ ночью или же около *хотона*. Тутъ дѣло большею частію оканчивается миромъ, на деньгахъ, количество которыхъ должно покрыть всѣ расходы хозяина по заявленію въ ставкѣ и по содержанію сыщиковъ. Всякій воръ, отправляясь на добычу, запасается деньгами, которыми бы могъ въ случаѣ неудачи или устроить мировую или же откупится отъ ареста при ставкѣ. Если же хищниковъ много и они хорошо вооружены, такъ что надѣются одолѣть разыскивающихъ скотину, то завязывается между ними ссора, драка, перестрѣлка изъ ружей и револьверовъ, которыми богаты кочевники; а потому недружелюбная встрѣча сыщиковъ

съ хищниками нерѣдко оканчивается пораненіями и даже убійствомъ.

Единственнымъ препятствіемъ къ отысканію слѣдовъ угнаннаго скота служить то, если вскорѣ послѣ пропажи животныхъ пойдетъ сильный дождь или выпадетъ снѣгъ, изъ которыхъ первый размываетъ слѣды, а послѣдній—заносить ихъ. Въ такомъ случаѣ сыщики возвращаются въ свой *хотонъ* ни съ чѣмъ; развѣ иногда находятъ среди степей нѣсколько штукъ тѣхъ слабыхъ или хворыхъ животныхъ, которыхъ хищники сочли неудобнымъ да и невыгоднымъ гнать далѣе. Но это случается весьма рѣдко; небольшой дождь или снѣжокъ не служитъ помѣхою: преслѣдователи очень скоро находятъ слѣды угнанныхъ животныхъ.

Въ случаѣ неотысканія слѣдовъ—кочевники рассылаютъ по одному, а иногда и по два, человѣка въ сосѣдніе хотоны своего улуса, а иногда и въ отдаленные, подѣ различными предлогами. Имъ поручается стороною разузнать какъ о пропавшемъ скотѣ, такъ и о похитителяхъ. Тутъ посланные забираютъ всѣ нужныя имъ свѣдѣнія и отъ пастуховъ, и отъ взрослыхъ прохожихъ, которыхъ встрѣчаютъ по пути, и отъ малолѣтнихъ дѣтей; но все это дѣлается какъ бы мимоходомъ, такъ что бы спрашиваемый не могъ догадаться о причинѣ ихъ любопытства. Сверхъ того посланные нарочно заѣзжаютъ въ *хотоны* для ночлега. Днемъ очень мало бываетъ взрослыхъ калмыковъ въ *хотонахъ*: всѣ они заняты, одни пастъбою скота, другіе—напоеніемъ животныхъ, иные—очисткою *худуковъ* (копаней) и т. п. Вечеромъ же всѣ пригоняютъ скотину ближе къ *хотону*, оставляютъ ее подѣ охранною караульныхъ, а сами группируются въ одной или двухъ кибиткахъ, гдѣ для нихъ готовятъ сначала кирпичный чай, а потомъ варятъ баранину, или говядину,—смотря потому, что имѣется въ запасѣ: падаль ли или мясо убитаго животнаго—дѣло безразличное! Пока хозяйка кибитки хлопочетъ о приготовленіи чая или супа—*шулюма*—взрослые калмыки, въ числѣ пяти, шести, а иногда и болѣе человѣкъ, собираются въ одну кибитку и садятся на карточки или поджавши подѣ себя ноги вокругъ котла, въ которомъ хозяйка намѣревается готовить для ихъ кушанье. Пока она раскладываетъ подѣ котломъ скотской сухой пометъ (*арясунъ*) въ видѣ круглой башеньки, съ амбразурами, для того чтобы удобнѣе развести огонь, калмыки, ожидающіе уго-

щенія, начинаютъ между собою бесѣду о приключеніяхъ дня. Предметами разговоровъ служатъ слѣдующіе факты: кто кого видѣлъ; кто съ кѣмъ встрѣчался; о чемъ говорилъ; какія слышалъ новости административныя или же—о состояніи скотоводства и пастбищъ; что случилось особеннаго при водоояхъ или очисткѣ худуновъ? и т. п. Когда же козяйка разведетъ огонь, поставитъ котелъ и пальетъ воды, собравшіеся гости вынимаютъ изъ кармановъ бешметей своихъ небольшія трубки (*ганза*) съ жохаными колпачками (*машлатъ*), желая заняться табакокурениемъ. Крошечный, картузный табакъ „*магорку*“ имѣютъ немногіе; большинство калмыцовъ вуритъ листовой табакъ, который продается папушами, потому что перваго не всегда можно найти у торговцевъ; а втораго—всегда въ избыткѣ. При этомъ замѣчательнъ обычай кочевниковъ: если онъ увидитъ, что товарищи, вынувшіе трубки, не имѣютъ табаку, то имѣющій непременно раздастъ имъ по листу или по два изъ своей папуши. Затѣмъ начинаютъ просушивать табакъ, повертывая листы онаго предъ разгорѣвшимся *арасуномъ*.—Высохшій листъ сминаютъ въ лѣвой ладони пальцами правой руки; затѣмъ набиваютъ трубки и, положивши кусочекъ разгорѣшагося *арасуна*, начинаютъ курить табакъ.—Во все время приготовленій къ табакокурению и вечерней трапезѣ разговоръ не прекращается и въ концѣ концовъ всегда сводится къ тому, что начинаются рассказы о томъ, какіе были старину удалцы кочевники; какъ ловко или отважно нападали они на табуны татаръ—*баранагаевъ* или *туржментъ*, ночующихъ въ Ставропольской губерніи, въ соседствѣ съ кочевьями калмыковъ. Отъ разговоровъ о старинѣ незамѣтно дѣлается переходъ и къ событіямъ не очень отдаленнымъ, съ подробнымъ описаніемъ того, кто, когда, гдѣ, какъ и у кого угналъ скотину? Какія принимали мѣры къ сокрытію слѣдовъ? Если же воры были пойманы, то какъ освободились отъ отвѣтственности? и т. п. Молодые парни, полувругомъ сидя за спинами старшихъ кочевниковъ, внимательно слушаютъ рассказы пожилыхъ, опытныхъ людей, принимая оныя въ свѣдѣнію и руководство. Вотъ въ этихъ-то откровенныхъ разсказахъ не рѣдко проговариваются и о новѣйшихъ удайцахъ и угонахъ скота, не подозрѣвая того, что въ числѣ слушателей есть лица, особенно заинтересованныя новѣйшими событіями.

Въ случаѣ значительнаго угона скота, состоящаго изъ сотни головъ и болѣе, если хозяинъ достовѣрно узнаетъ похитителя, но юридически доказать этого не можетъ, то заявляетъ на него подозрѣніе и проситъ его принять *очистительную* или *великую присягу*, называемую *шаханъ*, которая рѣшаетъ дѣло безапелляціонно, какъ увидимъ ниже. Если же угонъ скота состоитъ изъ трехъ, пяти и десяти головъ и начать дѣло по недостатку уликъ невозможно, то истецъ и отвѣтчикъ рѣшаютъ споръ *присягою въ хурумъ*. Во всѣхъ же прочихъ дѣлахъ, производимыхъ русскимъ начальствомъ въ улусныхъ ставкахъ, существуетъ *третій родъ присяги*, которую можно назвать свидѣтельской присягою предъ судомъ, положенную законами Россійской Имперіи для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій.

Присягу, называемую *шаханъ* (по своей сложности и цѣнности нынѣ почти вышедшую изъ употребленія), принимали только въ случаяхъ препирательства или неясныхъ уликъ въ угонѣ значительнаго числа головъ скотины, т. е. сотни и болѣе штукъ, когда по свѣдѣніямъ, собраннымъ хозяиномъ отъ разныхъ лицъ, онъ подозрѣваетъ извѣстное лицо, которому и предлагаетъ принять очистительную присягу. Нынѣ этотъ обычай измѣнился; значительные угоны скота оканчиваются мировою сдѣлкою, потому что это выгоднѣе, и для потерпѣвшаго убытокъ, и для угнавшаго скотину, и для миротворителей, т. е. русскихъ чиновниковъ, которые за это получаютъ хорошее вознагражденіе.

По рассказамъ галюнговъ, присяга *шаханъ* должна совершаться слѣдующимъ образомъ, согласно ученію буддистовъ:

Въ *хотонъ*, гдѣ проживаетъ отвѣтчикъ, привозятъ *блгую журумную кибитку*, называемую *Бурханъ Орэ* (жилище боговъ). Ее отставляютъ недалеко отъ *хотона*, дверями на югъ. Внутри кибитки, къ сѣверу, ставятъ деревянный столъ, накрытый парчею, въ родѣ жертвенника, отъ угловъ котораго, по направленію къ дверямъ, двумя линіями развѣшиваютъ священныя изображенія (*Зурдукъ Шютэнъ*) высшихъ карательныхъ божествъ, при чемъ грозный *Цойрджиль*, онъ же и *Махалача*, занимаетъ первое мѣсто. На столѣ, въ деревянномъ футлярѣ съ дверцами, въ родѣ божицы, ставятъ нѣсколько отливныхъ изображеній боговъ. Предъ ними зажигаютъ сальную свѣчу, или же *зулу*, т. е.

лампаду, въ родѣ металлической плошки, налитой бараньимъ саломъ или коровьимъ масломъ, со свѣтильникомъ по срединѣ. По сторонамъ зажигаютъ *курительныя тибетскія сѣтки*, которыя издаютъ пріятный запахъ. По направленію развѣшанныхъ изображеній боговъ къ дверямъ постилаютъ въ два ряда *шурдыки* (стеганныя кошмы), оставляя средину, идущую прямо къ столу, ничѣмъ незанятою. На *шурдыкахъ* должны помѣщаться *элочи* и другія духовныя особы съ музыкальными инструментами, которые употребляются при богослуженіяхъ ламаитовъ.

Затѣмъ, на счетъ обиженнаго, покупаютъ корову или быка черной шерсти, съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Отыскать въ степяхъ рогатую скотину черной масти съ бѣлымъ пятномъ составляетъ немалое затрудненіе и требуетъ большихъ расходовъ, потому что вочевники имѣютъ скотъ большею частию красной шерсти или же пестрой, съ бѣлыми, желтыми или черными пятнами. Найденную рогатую скотину приводятъ къ *хурульной кибиткѣ* и, согласно буддійскому уставу, завалаютъ невдалекѣ отъ дверей, ведущихъ въ *бурханны оръ*. Завлание происходитъ слѣдующимъ образомъ: связанное животное ровняютъ на землю и между ребрами дѣлаютъ большой прорѣзъ, чрезъ который вынимаютъ сердце; животное моментально умираетъ. Во время этой операціи кровь животнаго, текущую въ изобиліи, собираютъ въ большую посуду. Голову убитой скотины отдѣляютъ отъ туловища вмѣстѣ съ кожей, вырѣзавъ бѣлое пятно на лбу. Кожу не отдѣляютъ совершенно, а оставляютъ висящей. Пока голова еще не остыла, глаза животнаго раскрываютъ; языкъ вытягиваютъ въ сторону и въ такомъ положеніи окровавленная голова застываетъ. Кожу съ убитаго животнаго разстилаютъ въ кибиткѣ на пути къ жертвенному столу, шерстью внизъ, между двумя линиями *шурдыковъ*, предназначенныхъ для засѣданія духовенства. Туго натянутую шкуру прикрѣпляютъ къ землѣ деревянными кольями, а чаще всего желѣзными шпигорьями, пропустивъ подъ порогъ вѣтъ *хурульной кибитки* на аршинъ или болѣе ту часть кожи, которая покрывала правую ногу животнаго. Свользкую, сырую поверхность растянутой шкуры, какъ въ кибиткѣ, такъ и вѣтъ оной, предъ входомъ, обливаютъ кровью того животнаго, которое убито для *шахана*. Сердце убитой скотины полагаютъ на металлическую тарелку и ставятъ на край

жертвеннаго стола, предъ отливными *бурханами*, рядомъ съ *сулай*. Внутри кибитки, въ правой сторонѣ дверей, привѣшиваютъ голову убитой скотины, съ отертыми, застоявшимися глазами, вытянутымъ и завернутымъ въ сторону языкомъ. Кожу только съ черепа сдираютъ и всю голову намазываютъ кровью. Къ ноздрямъ головы привѣшиваютъ куски печени убитаго животнаго. По лѣвую сторону кибиточной двери привѣшиваютъ черепъ человѣческой головы, обративъ глазовыя отверстія на присягающаго. Внизу, около входа въ *хурульную кибитку*, на сошкахъ утверждаютъ два ружья, заряженныхъ порохомъ, со взведенными курками. Духовенство, вооруженное музыкальными инструментами, занимаетъ свои мѣста, въ двѣ линіи, отъ жертвеннаго стола и до порога. Между ними находится растянута кожа убитаго животнаго. Въ кибитки, влѣво и вправо, недалеко отъ дверей, стоятъ посредники, въ числѣ которыхъ долженъ быть одинъ или два *элюна*; вмѣстѣ съ ними стоитъ истецъ и отвѣтчикъ. Слеченіе народа всегда бываетъ значительное.

Присягу долженъ принимать не самъ обвиняемый, а одинъ изъ его богатыхъ родственниковъ, котораго избрать долженъ истецъ. Подобный выборъ дѣлается въ томъ убѣжденіи, что богатый человѣкъ добросовѣстнѣе бѣдняка и не захочетъ быть клятвopеступникомъ.

Лицо, назначенное истцомъ къ исполненію *мазана*, не въ правѣ отказать отъ присяги, но, страшась принять оную неправильно въ пользу другаго и тѣмъ предать душу свою „*Иерлику*“—черту, стороною развѣдываетъ о происшествіи и убѣждаетъ самого отвѣтника сказать ему: не учинилъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ воровства? Такъ какъ послѣдній долженъ быть предъ нимъ настолько откровененъ, насколько добрый христіанинъ на исповѣди, — то, въ случаѣ признанія его, лицо, избранное присягать, подъ разными предлогами уклоняется отъ присяги и платитъ истцу за украденное *сиолна*, со всѣми проторями и убытками. Но если же удостовѣрился въ невинности отвѣтника, то изъявляетъ согласіе принять въ томъ присягу и участь процесса зависитъ уже отъ удачнаго или неудачнаго исполненія ея.

Приступающій къ исполненію *маздана* снимаетъ съ себя всю верхнюю одежду и остается въ одной бѣлой рубахѣ и исподнемъ бѣльѣ. Рукава рубахи—до локтей, а шаравары—до коленъ засучены, и онъ, съ непокрытой головой,

босыми ногами становится предъ дверьми затворенной кибитки, на выпущенную подъ порогъ кожу животного; дѣлаетъ три поклона въ землю и отворяетъ дверь *хурульной кибитки*. Въ тотъ моментъ, когда присягающій шагнетъ черезъ порогъ, раздаются ружейные выстрѣлы, а духовенство начинаетъ играть на инструментахъ духовой музыки. Трубы ревутъ неистово; раковины издають пронзительные звуки; литавры, барабаны, колокольчики, рожки—производятъ торжественные, но оглушительные, звуки (для чего каждаго инструмента бываетъ по два экземпляра), съ цѣлю поразить воображеніе и потрясти душу присягающаго. Когда присягающій, босыми ногами, неспѣшно перейдетъ черезъ скользкую растянутую кожу животного по землѣ и ступить ногою на землю нѣтъ не покрытую, шумъ музыкальныхъ инструментовъ прекращается и начинается едва слышимое внѣ кибитки чтеніе молитвъ, во время котораго могильные звуки басовъ⁽¹⁾ торжественно разносятся по кибиткѣ и снова поражаютъ воображеніе присягающаго. Во время чтенія молитвъ присягающій приближается къ жертвеннику и, сложивши оконечности пальцевъ обѣихъ рукъ, прикладываетъ ихъ ко лбу. Послѣ каждаго осѣненія чела, неспѣшно дѣлаетъ три поклона до земли и троекратно прикладываетъ головою къ *бурханамъ*. Окончивши молитву и поклошенія, по уставу буддистовъ онъ долженъ съ одного раза погасить горящую свѣчу или лампаду, и, нагнувшись къ стоящей рядомъ съ ней тарелкѣ, на которой лежитъ сердце зарѣзанной скотины, взять его зубами. тоже съ одного раза, и, обернувшись въ дверямъ, тѣмъ же путемъ вынести обличительную пошу вонъ изъ кибитки и въ присутствіи иотца отдать оную *элюнамъ*, которые, по разсмотрѣніи сердца и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ *макана*, постановляютъ словесное рѣшеніе.

Если благополучно исполнятся всѣ вышесказанные обряды—подозрѣваемый объявляется виновнымъ и ищетъ, за напрасное оклеветаніе отвѣтчика, *платитъ ему вдвое* противъ

---

(1) Между *элюнами* нѣтъ случалось встрѣчать *бакшей* и *гулзудовъ*, имѣющихъ сильные и густые голоса, которыми они славятся между калмыцкимъ духовенствомъ. Въ случаѣ *шахана* ихъ нарочно привозятъ изъ *хуруловъ* другихъ улусовъ.

цѣны иска. Но если тотъ, кто присягаетъ, входя въ хурульную кибитку или выходя изъ оной, хотя нѣсколько поскользнется, погасить горящую лампаду не съ одного раза, а также если схватить зубами сердце животнаго не съ одного раза, сильно прокусить его или выронить изъ зубовъ при выходѣ изъ кибитки,—присяга считается ложною и обвиняемый безусловно платитъ истцу, какъ за все украденное, такъ и за расходы по приготовленію и совершенію шахана. А расходовъ-то бываетъ не мало! Во-первыхъ, нужно заплатить за путевое содержаніе лицъ, отыскивавшихъ по степямъ черное животное, которое всегда покупается по высокой цѣнѣ. Во-вторыхъ, сдѣлать порядочный, по количеству денегъ, вкладъ въ хуруль за перевозку изъ онаго кибитки (*бурхани брѣ*) вмѣстѣ съ священными изображеніями, музыкальными инструментами и *номами*—священными книгами и наконецъ отблагодарить деньгами или же скотиной отдѣльно каждую духовную особу, приглашенную для участія въ шаханъ; сверхъ того, угостить всѣхъ лицъ, которые были свидѣтелями исполненія шахана.

Опредѣленіе доказательствъ вѣрности или несправедливости присяги возлагается на *эльмоузъ* и *посредниковъ*, которые вмѣстѣ съ тяжущимися стоятъ внѣ хурульной кибитки. Они, получивъ изъ зубовъ присягающаго сердце рогатой скотины, предъявляютъ его для обзора посредникамъ, избраннымъ враждующими сторонами, чтобы составить рѣшеніе по возникшему дѣлу. На приговоръ ихъ никакихъ апелляцій не допускается.

Вся обстановка шахана такими предметами, по объясненію *эльмоузъ*, имѣетъ слѣдующее значеніе. Черная корова составляетъ аллегорическое представленіе смерти; пройти по ея шкурѣ,—напоминаетъ присягающему, что онъ принимаетъ на себя отвѣтъ въ тяжкомъ грѣхѣ, если противъ совѣсти исполнитъ принятую на себя обязанность. Выстрѣлы изъ ружій и человѣческой черепъ изображаютъ внезапную кару небесъ и лишеніе жизни лжесвидѣтеля. Обезображенная голова коровы напоминаетъ ему, что, въ случаѣ ложной присяги, душа его будетъ переселена въ безобразнѣйшихъ животныхъ, которые наводятъ ужасъ на человѣка. Громкая игра на музыкальныхъ инструментахъ прогоняетъ злыхъ духовъ—*Ассуріевъ*—которые всегда стараются вредить человѣку, втушая ему ложь. Тихое чтеніе молитвъ—приводитъ душу

присягающаго къ сознанию величія долга, имъ на себя принимаемаго. Изображеніе *Бурханъ* (*Нюдюбергъ узю кчд*) имѣющаго нѣсколько глазъ, и грозныхъ *бурхановъ*—напоминають ему о присутствіи, при совершеніи присяги, всевидящаго Судіи. Зажженная свѣча или лампа—означаетъ свѣтъ, проливаемый Творцомъ на вселенную; а благовонія курительныхъ свѣчей—милости Божіи, отъ которыхъ присягающій потушеніемъ свѣтильнича отказывается. Всѣ эти дѣйствія служатъ доказательствомъ того, что онъ принимаетъ неложную присягу. Сердце убитой коровы изображаетъ простосердечіе присягающаго и чистоту его намѣреній, безъ которыхъ его ожидаютъ страшныя мученія, во всѣхъ восемнадцати отдѣленіяхъ ада (¹).

(¹) По ученію Ламантовъ адъ состоитъ изъ 18 отдѣленій, окружающихъ жилище *Йэрликъ хана*. Въ каждомъ отдѣленіи есть свои управляющіе (*эээдъ*, собственно хозяева, господа). Они имѣютъ головы козлыныя, зѣбныя, разныхъ звѣрей и чудовищъ, и вообще представляются ужасными.

Безбожники, неуважающіе духовенство, убійцы (безъ нужды лишившіе жизни не только людей, но и насѣкомыхъ), тираны, клятвoprеступники, злодѣи и всѣ грѣшники терпятъ въ аду различныя наказанія, по мѣрѣ преступленій.—Перечтемъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Однихъ растирають жерновыми каменьями и они, бывъ растерты, опять принимаютъ ту же плоть и снова поступаютъ въ жернова 2) Варятъ тѣла людей въ котлахъ. 3) Жарятъ на вертелахъ. 4) Бросаютъ на горячіе костры. 5) Заставляютъ таскать и укладывать горячіе матеріалы. 6) Разрываютъ тѣла желѣзными крючьями. 7) Заставляютъ грѣшниковъ бѣгать черезъ гору, устланную острыми саблями. 8) Катаютъ тѣла людей черезъ горы, унизанныя саблями и они, бывъ изранены, внезапно исцѣляются только для того, чтобы снова подвергнуться тѣмъ же мученіямъ. 9) Толкутъ тѣла въ ступахъ. 10) Морозятъ среди летающихъ льдовъ. 11) Заставляютъ плавать въ кровавыхъ моряхъ. 12) Въ нечистотахъ, т. е. человеческихъ экскрементахъ. 13) Томятъ голодомъ. 14) Томятъ жаждою, давши соленой пищи. 15) Ланныхъ изнуряютъ переносами огромныхъ тяжестей съ одного мѣста на другое. 16) Прожорливые постоянно ѣдятъ и никогда не насыщаются. 17) Обижавшіе людей безъ всякаго съ ихъ стороны повода воры наказываются тѣмъ, что терзаютъ одинъ другаго, подобно лютымъ звѣрямъ, и наконецъ 18 родъ мученій состоитъ въ томъ, что жестокосердые богачи, пресыщавшіеся обильною пищею и не оказавшіе помощи бѣднымъ, а также не дѣлавшіе значительныхъ приношеній въ *хуруль*, наказываются тѣмъ, что, имѣя сильнѣйшій аппетитъ и передъ глазами пищу, не могутъ ея пользоваться. Они превращаются въ

Второй родъ присяги, весьма часто употребляемый между кочевниками, состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ пререканій между калмыками, по случаю незначительнаго угона скота, истецъ и отвѣтчикъ, въ сопровожденіи постороннихъ лицъ отправляются въ *хурул*—въ просторѣчій его называютъ *Кюрэ*—и тамъ въ кибиткѣ, называемой *Бурхани бр-э*—жилище боговъ, совершаютъ присягу. Желающіе разрѣшить недоумѣніе присягою, должны заявить о предметѣ спора *Бакш*—начальнику хурула—который, выслушавъ претензіи тяжущихся со всѣми подробностями, согласно степнымъ обычаямъ увѣщеваетъ ихъ окончить дѣло миромъ, съ нѣкоторыми уступками съ той и другой стороны. Въ случаѣ же неуспѣха его совѣтовъ, приказываетъ *элюндэ*, носящему званіе *Бурхани* „Божничій“ [онъ присматриваетъ за цѣлостію отливныхъ изображеній боговъ и вообще за благоустройствомъ въ моленной кибиткѣ], на жертвенномъ столѣ, гдѣ разставлены отливныя изображенія боговъ, зажечь лампаду—*зулу*—и поставить оную предъ отливнымъ изображеніемъ *Далай-Ламы*; по сторонамъ *зулы* зажечь двѣ тибетскія курительныя свѣчи, которыя издаютъ довольно пріятный запахъ, похожій на запахъ мускуса нѣсколько смѣшаннаго съ роснымъ ладаномъ. Передъ совершеніемъ присяги *элюндэ* обязанъ прочитать поученіе обвиняемому въ томъ, что *бурханы*, присутствующіе въ *хурульной* кибиткѣ, все видятъ, все слышатъ и все знаютъ, а потому вторично предлагаютъ тяжущимся прекратить дѣло миромъ, потому что, если присягающій чтонибудь знаетъ о происшествіи и не откроетъ—онъ тотъ же клятвopреступникъ и ложною присягою навлечетъ на себя гнѣвъ боговъ, которые не замедлятъ наказать его. Когда и послѣ втораго увѣщанія обвиняемый не сознаетъ себя виновнымъ,

---

уродовъ, съ огромною головою и маленькимъ ртомъ, который бываетъ не больше игельнаго уха. Шея у нихъ тонка, какъ лошадиннй волосъ, и въ добавокъ брюхо величиною съ гору, поддерживаемое тонкими ногами, въ родѣ снѣчьки. Этому же наказанію подвергаются всѣ, пересудившіе духовную особу, почему набожные калмыки не только никогда не отзываются о своемъ духовенствѣ невыгодно, но слабымъ постороннимъ, не изъ калмыковъ, стали дѣлать невыгодные отзывы о калмыцкомъ духовенствѣ, то онъ немедленно встанетъ и уйдетъ изъ кибитки, чтобы не слышать такого богохульства.

а истецъ не отстанетъ отъ своего иска, тогда *чаломъ*, назначенный для привода къ присягѣ, возложивши на себя сверхъ халата (*латийкъ*) священную одежду, называемую *Доикъ*—парчевая пелерина съ фестонами, отъ которой по становаму хребту проходитъ длинная лента до земли,—начинаетъ читать молитвы, пробуждающія чувство страха наказаній за ложную клятву. По окончаніи чтенія, лицо присягающее складываетъ оконечности пальцевъ обѣихъ рукъ, и, приложивъ ихъ ко лбу, дѣлаетъ три поклона до земли. Затѣмъ обнаженною головою трижды касается края жертвеннаго стола. Потомъ задуваетъ горящую лампадку (*зулу*) и гаситъ рукою курительныя свѣчи, зажженные предъ *бурханами*. Залувая свѣтильникъ присягающей говоритъ: „да прекратится жизнь моя такъ же внезапно, какъ я гашу этотъ свѣтильникъ, если я учинилъ взводимое на меня преступленіе или что нибудь знаю о немъ“. Погашая рукою курительныя свѣчи (*тюджи*) произноситъ: „да лишусь я милостей Божіихъ, если ложно присягаю“! По совершеніи этого обряда прекращаются всякіе споры, и дѣло считается рѣшеннымъ окончательно. Но на эту присягу не всякій калмыкъ соглашается, потому что онъ, если самъ и не учинилъ преступленія, то все таки многое знаетъ о происшествіи и старается скрыть отъ того лица, которое понесло матеріальныя убытки отъ угона скота.

Въ случаѣ пререканій между кочевниками—обращаться къ чиновникамъ, назначеннымъ русскимъ правительствомъ въ улусы для полицейскаго, административнаго надзора и судебного разбирательства, не принято между скотоводами, потому что это и продолжительно, и убыточно. Продолжительно потому, что когда обвиняемаго доставятъ въ улусную ставку, то его, прежде всякаго разбора дѣла, обыкновенно отправляютъ въ казачью казарму подъ строгій надзоръ, какъ арестанта. Время нахождения подъ арестомъ до разбирательства дѣла зависитъ отъ произвола начальствующихъ лицъ, которыя, не имѣя ходатаевъ изъ родни арестованнаго, держатъ его по нѣскольку недѣль. Самое ходатайство родственниковъ объ отдачѣ на поруки арестованнаго удовлетворяется не скоро, потому что должно пройти нѣсколько инстанцій. Попечитель даетъ приказъ уряднику; урядникъ несетъ приказъ офицеру, завѣ-

дующему командой, вмѣстѣ съ поднадзорнымъ лицомъ; офицеръ передаетъ арестованнаго ефрейтору; ефрейторъ уже наличнымъ казакамъ (большинство казаковъ проводятъ время въ разныхъ командировкахъ), которые принимаютъ арестанта. Таже процедура совершается и при выдачѣ на поруки, которая во всякой инстанціи требуетъ расходовъ. Между тѣмъ скотоводъ, лишенный свободы, долженъ оставить степное хозяйство на нѣсколько недѣль, которое въ его отсутствіе часто несетъ значительный ущербъ отъ неимѣнія за нимъ надзора. Да и самое содержаніе при ставкѣ поднадзорнаго обходится ему не дешево, потому что ежедневно нужно купить себѣ провизіи, которая на базарахъ продается гораздо дороже, нежели въ городѣ. По этимъ-то прѣбстаніямъ и волокитамъ между калмыками сложилось такое мнѣніе: какое бы въ степяхъ между кочевниками ни случилось происшествіе—не доносить русскому начальству, не разбираться судомъ по русскимъ законамъ, а предоставлять всѣ пререканія на судъ ламайскаго духовенства. Вотъ почему въ *хурумахъ* о всѣхъ происшествіяхъ между скотоводами знаютъ всѣ гораздо болѣе и обстоятельнѣе, нежели чиновники, живущіе въ улусныхъ ставкахъ.

Третій родъ присяги свидѣтельской называется „*андадръ*“—клятва. Ее можно совершать въ улусныхъ управленіяхъ и въ квартирахъ попечителя улуса и его помощника, смотря потому, кто производитъ слѣдствіе. Если слѣдствіе производится въ калмыцкихъ кочевьяхъ, то въ простой, но болѣе чистой, кибиткѣ, по приглашенію слѣдователя является присяжный *элюнъ*, котораго называютъ *андагарунъ бакшъ*. Онъ приноситъ въ небольшомъ ковчегѣ изображение *Бурхана*, именуемаго *Шанджй-Мунй*, оттиснутое на глинѣ, которое будто бы привозится изъ Тибета. Оно величиною немного болѣе пятикопѣечной монеты—въ родѣ жетона—и, завернутая въ лоскутокъ шелковой матеріи, хранится въ закрытомъ ковчегѣ, похожемъ на нашу дароносицу, съ которою православные священники ходятъ напутствовать больныхъ. Вошедши въ домъ или кибитку, гдѣ собраны свидѣтели, *андагарунъ бакшъ* вынимаетъ изъ-за пазухи ковчегъ и полагаетъ его на столъ, накрытый новымъ ситцевымъ платкомъ или салфеткою, зажигаетъ курительную свѣчу (*кюджи*) и окуриваетъ ею ковчегъ. По-

томъ, открывъ крышечку, утвержденную на шалнерахъ, вынимаетъ оттискъ священнаго изображенія изъ шелкового лоскутка и полагаетъ его въ томъ же ковчегцѣ. Предъ приводомъ къ присягѣ свидѣтелей гелюнгъ дѣлаетъ имъ увѣщаніе о томъ, чтобы они все показывали по совѣсти. Затѣмъ *элюнгъ*, снявъ шапку, беретъ нарочно для сего составленный присяжный листъ и начинаетъ читать его во всеуслышаніе, заставляя присягающихъ повторять за нимъ тѣ слова, которыя онъ будетъ произносить по калмыцки. Смыслъ присяжнаго листа слѣдующій: „Боже, безошибочно различающій истину и неправду! Предъ лицемъ твоимъ свидѣтельствую по чистой справедливости и истинѣ въ томъ, о чемъ спрашиванъ буду; ни для дружбы, вражды или корысти, ниже страха ради сильныхъ лицъ, ничего не утаю что знаю, слышалъ или видѣлъ, а буду показывать сущую правду. Если же посягну солгать предъ Тобою. Судія всевѣдующій, то да отнимется языкъ мой; тѣло мое да низвергнуто будетъ въ преисподнюю земли и душа моя въ будущей жизни да будетъ предана царю (собственно: *Иэрликъ номунъ хднгъ*) адскихъ духовъ и ввержена въ вѣчно пламенѣющій адъ! Въ заключеніе сей моей клятвы возлагаю на главу мою Твой образъ и троекратно поклоняюсь Тебѣ, всесильному Бурхану!“— По окончаніи чтенія, присягающіе дѣлаютъ три поклона въ землю предъ изображеніемъ *бурхана*, а *элюнгъ* возлагаетъ на голову cadaго изъ нихъ раскрытый ковчегъ въ которомъ хранится изображеніе *Шаджи-Муні*, (онъ же называется и „*Бурхднгъ-Бакидъ*“, богъ учитель). Потомъ присяжный листъ подписывается присягавшими и *элюномъ*, въ присутствіи слѣдвателя.

Не разъ случалось мнѣ бывать при приводѣ въ присягѣ свидѣтелей изъ калмыковъ—и въ большинствѣ случаевъ я замѣчалъ, что когда *элюнгъ* произноситъ слова, которыми присягающіе, въ увѣреніе справедливости своихъ словъ, изъявляютъ готовность, за неправильное свидѣтельство, подвергнуться страшнымъ адскимъ мученіямъ,—они слова эти проходятъ молчаніемъ... По окончаніи обряда я спрашивалъ ихъ, для чего они такъ поступаютъ? Калмыки отвѣчали что *элюнгъ*, читающій присяжный листъ, есть воплощенное божество; онъ не можетъ подвергнуться адскимъ мученіямъ,—его мѣсто въ *Нирваннѣ*, въ раю; „если же я не

произнесу этихъ словъ предъ *бурганомъ*, то я могу показывать и не то, что дѣйствительно знаю, а то, что нужно по ходу дѣла для оправданія обвиняемаго; или просто скажу: „*Медкишдъ*“—ничего не знаю, хотя бы многое и зналъ, и за это неправильное показаніе не подвергнусь адскимъ мученіямъ, потому—что предъ *бурганомъ* я этихъ страшныхъ словъ не произносилъ“. Вотъ почему весьма часто случается что калмыки, принимая свидѣтельскую присягу, смѣются надъ этою формальностью и съ умысломъ упуская страшныя слова, показываютъ не то, что слѣдовало бы показать. А потому улусному начальству, получившему свидѣніе о происшествіи въ степяхъ, весьма трудно узнать правду (1).

Такой взглядъ на свидѣтельскую присягу поддерживается еще и толкованіями калмыцкаго духовенства, которое, находясь въ близкихъ и даже родственныхъ связяхъ съ простыми калмыками (*хардъ кѣднѣ*), если не дѣломъ, то совѣтами участвуетъ въ угонахъ скота. Проводя праздную жизнь, оно не занимается изученіемъ правилъ своей религіи, а постоянно бродитъ изъ кибитки въ кибитку, занимается распространеніемъ въ народѣ самыхъ нелѣпыхъ ученій, которыя принимаются кочевниками за непреложную истину. Такъ, напримѣръ, между калмыками въ ходу

---

(1) При частныхъ спорахъ между калмыками, по случаю пропажи денегъ, когда возникаетъ подозрѣніе на кого-либо въ похищеніи, кочевники придумали *особый родъ присяги*. Не доводя о кражѣ денегъ до свидѣнія улуснаго начальства и не донося объ этомъ въ своему духовенству, они употребляютъ иногда слѣдующій способъ: въ присутствіи отца и отъѣтчика посторонніе люди заряжаютъ ружье пулею и потомъ заводятъ курокъ ружья, насыпавъ на полку пороху для затравки (надобно замѣтить, что между кочевниками доселѣ еще въ употребленіи кремennыя ружья), заставляя заподозрѣнное лицо поцѣловать дуло заряженнаго ружья. Если присягающій правъ, говорятъ они, то ружье не выстрѣлитъ; если же виноватъ, то чертъ дернетъ за собачку и ружье, въ моментъ поцѣлуя, сдѣлаетъ выстрѣлъ! По ученію буддистовъ, чертъ виновникъ смерти людей; онъ похищаетъ ихъ изъ среды живыхъ и препровождаетъ къ нимъ Плутону—*Йерликъ хану*. По этому то мнѣ однажды случалось спросить одну женщину: была ли у ней дѣти? Она, видѣя того, чтобы сказать «были—да умерли», отвѣчала: «были, да чертъ взялъ!»...

такое учение, что если степнякъ, угнавшій чужую скотину, нѣсколько головъ изъ оной пожертвуетъ въ *хурулз*, то воровствомъ своимъ не только не заслужитъ наказанія въ будущей жизни, а еще—награду, потому что питаніе духовенства, по ученію буддистовъ, считается величайшею заслугою людей въ дѣлѣ спасенія. Таковъй благотворитель, хотя бы онъ и былъ грѣшникъ, по молитвамъ за него калмыцкаго духовенства получить блаженное перерожденіе или же *Нирвану*, т. е. рай. По такимъ то побужденіямъ, степные удалцы въ большинствѣ случаевъ и отдають часть украденной скотины въ *хурулз*. Поэтому, если внимательно пересмотрѣть хурульныя стада или табуны, то въ нихъ можно найти животныхъ съ *таордми* разныхъ улусовъ и родовъ. Если бы постороннія лица въ хурульныхъ табунахъ или стадахъ опознали свою скотину, привлекая къ отвѣтственности калмыцкое духовенство, то оно обыкновенно отвѣчаетъ такъ: „Мы живемъ подаяніями и не ведемъ записи, кто именно, сколько и когда жертвовалъ скотинъ; а потому и не знаемъ, кто именно *подарилъ* въ *хурулз* опозначенное животное“. И коротко и ясно!

Вотъ почему о всѣхъ происшествіяхъ между кочевниками и ближайшихъ *хурулахъ* имѣются самыя вѣрныя свѣдѣнія. Угнали-ли у кого скотину, ограбили-ли проезжающаго—духовенство знаетъ всѣ обстоятельства дѣла, т. е., кто укралъ или ограбилъ, гдѣ и у кого хранится похищенное; но употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры скрыть слѣды преступленія отъ русскаго начальства или же запутать дѣло такъ, что его года въ два и не разберешь. Лишь только случилось въ степяхъ что либо выдающееся, одинъ или два *элюма* отправляются въ ставку разувать, знаетъ ли улусное начальство о происшествіи? Если знаетъ, то что оно намѣрено предпринять? Эти визиты обыкновенно дѣлаются подъ видомъ будто бы дружескаго посѣщенія, узнать о здоровьѣ нѣкоторыхъ чиновниковъ, служащихъ при ставкѣ. Во время этихъ-то по видимому обыденныхъ разговоровъ о житьѣ-бытьѣ и узнають все, что имъ нужно... Если намѣреваются розыскивать лицъ, угнавшихъ скотину или произвести внезапный обыскъ въ *хотонъ* по случаю грабежа, то гораздо

прежде отправленія комиссіи на мѣсто происшествія, даютъ узнать объ этомъ кому слѣдуетъ и тамъ принимаются зависящія мѣры къ сокрытію слѣдовъ преступленія, такъ что чиновники, прибывшіе въ *хотона*, не найдутъ ни лица, ни поличнаго! Если при нападеніи на кого бы то ни было совершено убійство и указано на лицо, совершившихъ преступленіе, такъ что скрыть преступниковъ невозможно, то и въ этихъ случаяхъ калмыцкое духовенство нисколько не задумывается. Оно показываетъ преступника умершимъ; а между тѣмъ перемѣняетъ ему имя и живой мертвецъ, съ новымъ именемъ, преспокойно разгуливаетъ въ своихъ кочевьяхъ⁽¹⁾. Бывали случаи что, съ цѣлю сокрыть слѣды преступленія, сжигали тѣла убитыхъ, которыми большею частью бывають или казаки, служащіе при ставкахъ, или же русскіе торговцы.—Для примѣра разскажу два выдающіеся случая сожженія убитыхъ, которые, въ свое время, долго служили предметомъ разговоровъ между кочевниками. Въ первомъ случаѣ пострадалъ казакъ, служившій при ставкѣ Харахусовскаго улуса, а во второмъ урядникъ, служившій на *Майлихаринскомъ никетѣ*, въ районѣ вѣдомства Эркетеневскаго улуса.

Въ шестидесятыхъ годахъ начальство Харахусовскаго улуса командировало казака въ какую то отдаленную мѣстность по дѣламъ службы. Для проѣзда по степямъ казакъ данъ былъ билетъ (*халданъ бичикъ*), по смыслу котораго онъ долженъ брать въ подводу лошадь у кочевниковъ, живущихъ *хотдами* по пути слѣдованія, на известное урочище. Окончивши возложенное на него порученіе, казакъ возвращался въ ставку. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ урочища „*Эрданъ Борд*“, гдѣ находилась улусная ставка, паслись табуны одного родственника хурульнаго *Бакши*. Этотъ

---

(1) По ученію буддистовъ, можно перемѣнять имя человеку потому, что оно несчастное. Поводомъ къ сему служатъ болѣзни известнаго субъекта или несчастіе въ степномъ хозяйствѣ. Почему преступникъ, показанный умершимъ, на вопросъ однохотонцевъ, зачѣмъ онъ перемѣнилъ имя? обыкновенно отвѣчаетъ: «я часто хворалъ, нося прежнее имя; почему *зурхачи*,—астрологи—на основаніи *зурхачейскихъ* книгъ и открыли причину моей болѣзни, а перемѣнили мнѣ имя, увѣряя, что оно возвратитъ мнѣ здоровье и принесетъ счастье.

послѣдній, зная что по распоряженію главнаго калмыцкаго управленія *хурульныхъ лошадей не приказано брать въ подводы* для проѣзжающихъ по дѣламъ службы, обманывалъ казака, говоря что это *хурульный табунъ*. Казакъ же, зная что это лошади не принадлежащія хуруду, а родственнику *Бакши*, требовалъ подводу. Послѣ ссоры, а потомъ драки, пастухъ убилъ казака выстрѣломъ изъ ружья. Послѣднее обстоятельство видѣлъ русскій торговецъ, случайно верхомъ ѣхавшій на харахусовскій базаръ. Онъ, прибывши на мѣсто, рассказалъ своимъ товарищамъ о происшествіи на извѣстномъ урочищѣ, указалъ даже и на личность пастуха, зная его по имени. Тотчасъ-же дано было знать въ ставку попечителю, который на другой день отправился на мѣсто происшествія, взявъ съ собою казаковъ и разсыльных изъ калмыковъ. Пока въ ставкѣ происходили сборы и калмыкъ пастухъ не дремалъ. Онъ успѣшилъ заявить о томъ и хозяину табуна, и хурульному начальству. Калмыцкое духовенство на общемъ совѣтѣ порѣшило немедленно сожечь трупъ убитаго казака, что и приведено въ исполненіе. Изъ братской хурульной кухни „*заманъ їѣргъ*“ привезли большой трехъугольный *таиднъ* (на которомъ ставятъ котѣлъ, вмѣщающій ведро 10 воды, для приготовленія кирпичнаго чая или бараньяго супа), положили на него казака, обложили „*арасучомъ*“ (сухимъ скотскимъ пометомъ) и зажгли. Трупъ сгорѣлъ совершенно, не осталось ни одной косточки! Когда пріѣхалъ попечитель на мѣсто происшествія, онъ уже не нашелъ трупа убитаго казака, только большая куча золы свидѣтельствовала о его сожженіи. Узнать истину не было никакой возможности, потому-что калмыки ближайшихъ хотоновъ отзывались невѣдѣніемъ. „*Мѣджишѣбъ*“—не знаю—говорили они на распросы попечителя. Поэтому терзалась всякая надежда раскрыть преступленіе. Калмыкъ-пастухъ, котораго торговецъ называлъ по имени, уѣхалъ будто-бы недѣли двѣ тому назадъ въ Астрахань, какъ говорилъ хозяинъ табуна. На счастье попечителя и на бѣду калмыцкаго духовенства, при *хурулѣ* были *шавинѣры*, т. е. крестьяне, подаренные когда-то владѣльцами *хуруду*, недовольные на хурульное начальство за жестокое съ ними обращеніе; они выдали своихъ повелителей. Подробно рассказали, кто совершилъ убійство, гдѣ скрывается преступникъ и кѣмъ именно произведено сожженіе трупа. Вслѣдствіе этого

всѣхъ *галмюговъ, тейюлей* и *манджиктовъ*, участвовавшихъ въ сожженіи, сперва заарестовали при ставкѣ, потомъ подъ сильнымъ вѣдомомъ казаковъ (для чего вызвано было по нѣсколькѣ человекъ изъ другихъ ставокъ) отправили въ Астраханскій тюремный замокъ. По рѣшенію Астраханской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда, всѣ присланныя лица признаны виновными въ сожженіи трупа и за это были высланы къ Бурятамъ, въ Иркутскую губернію. Хуруль, гдѣ они служили, велѣно было упразднить. Но первая половина рѣшенія исполнена; вторая же и доселѣ не исполняется. Во время разъѣздовъ моихъ по калмыцкимъ степямъ я видѣлъ этотъ *хуруль*, который, вмѣсто большаго, называется малымъ; изъ богатаго сдѣлался бѣднымъ. Онъ вочевалъ недалеко отъ ставки, на урочищѣ *Эрхднъ Борд*. Передъ входною дверью въ кибитку, называемую *Бурхани-Ориъ*, стоитъ тотъ *таиднъ*, на которомъ былъ сожженъ казакъ. И калмыцкое духовенство, когда собирается на молитву, передъ совершеніемъ богослуженія, подъ начальствомъ *Бакши*, трижды гуськомъ обходитъ хурульскую кибитку, произнося тихо слова: „*ом-мд-ни-над-мд-гомъ*“! Послѣ каждаго обхода останавливается противъ дверей кибитки, въ два или три ряда, и дѣлаетъ по три поклона въ землю. Окончивши этотъ обрядъ буддійскаго устава, оно дѣлаетъ три поклона и *таидну*, на которомъ сожженъ казакъ и потомъ уже входитъ въ хурульскую кибитку и послѣ обычныхъ поклоновъ занимаетъ свои мѣста и начинаетъ службу.

Второй случай сожженія—урядника—былъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Эркетеневскій улусъ занимаетъ обширное пространство степей, лежащихъ къ границѣ Ставропольской губерніи; для безопасности проѣзжающихъ и предупрежденія угоновъ скота, на мѣстахъ болѣе отдаленныхъ, какъ отъ жилищъ кочевниковъ, такъ и отъ наблюдений улуснаго начальства, устроены пикеты (по калмыцки „*харуулъ*“, кордонъ, караулъ). Каждый пикетъ имѣетъ до восьми человекъ казаковъ, вольнонаемныхъ калмыковъ, подъ начальствомъ русскаго урядника, назначаемого изъ отдѣловъ Астраханскаго казачьяго войска на сроки отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Харуульные калмыки именуются казаками. Они вооружены пашками, а иные старинными тесаками, ружьями, пистолетами прежней конструкціи и патронами, на счетъ улуса. Для жительства имъ даются кибитки

и вся посуда, необходимая въ кочевомъ быту, улуснымъ начальствомъ. Жалованья получаютъ казаки по 8 рублей въ мѣсяцъ, а урядники—по 15 руб. изъ капитала, собираемаго съ калмыковъ на общественныя надобности. Урядникъ и пиветные казаки должны имѣть въ исправности по верховой лошади, на содержаніе которой отпускается фуражъ. Пиветы переходятъ съ одного мѣста на другое, смотря по временамъ года и принимая во вниманіе безопасность для проѣзжающихъ. Весною они занимаютъ извѣстное урочище; лѣтомъ — другое; осенью — третье; зимою — четвертое. При этомъ берется во вниманіе то, какія именно мѣстности въ извѣстное время года бываютъ менѣе обитаемы кочевниками и болѣе удалены отъ наблюденія улуснаго начальства.

Одинъ изъ пиветовъ Эрнетеневскаго улуса въ сентябрѣ мѣсяцѣ кочевалъ на урочищѣ *Майлихаримскомъ*. Начальникомъ пивета былъ урядникъ *Ширяевъ*. Въ одно прекрасное утро прѣзжаетъ къ нему верхомъ на лошади знакомый молодой калмыкъ и проситъ разобрать дѣло между его отцомъ и калмыкомъ другаго хотона. Суть жалобы заключалась въ томъ, что весною того года у отца молодого калмыка кочевникъ другаго хотона, проживающій верстъ за 15 отъ пивета, купилъ верблюда за тридцать пять руб., обѣщая заплатить деньги въ августѣ мѣсяцѣ, но денегъ не платилъ. „Если покупатель не можетъ заплатить денегъ, говорить проситель, то пусть отдастъ нашего верблюда. Отецъ мой ѣдиль въ хотонъ купившаго; но онъ не даетъ ни денегъ, ни верблюда“. Урядникъ, хорошо зная и мѣстность, и истца и отвѣтчика, отправился съ просителемъ, взявъ собою въ качествѣ переводчика одного казака изъ калмыковъ, хорошо умѣвшаго говорить по русски.—Осѣлавши коней, втроемъ они отправились въ указанное мѣсто, при чемъ урядникъ почему-то не взялъ съ собою никакого оружія. Лошади путниковъ были не одинаковаго достоинства: подъ урядникомъ была лошадь посредственная, у калмыка-казака—хорошій рысакъ, у просителя—плохенькая, тощая степная лошадка. Проѣзжая легкой рысью по степямъ, калмыкъ-казакъ завидѣлъ вдали ⁽¹⁾, что хищники гонять „заарманеныхъ лошадей“. — Казакъ,

---

(1) Калмыки обладаютъ удивительною дальновзоркостью! Въ те время когда мы, вдали, едва видимъ слугу влущаго или ѣдущаго чезована.

сказавши уряднику что это *хулаачи* — „воры“, въ полный карьеръ пустиль своего рысака къ хищникамъ, которые гнали перевязанныхъ лошадей. Урядникъ послѣдовалъ за казакомъ, а за нимъ—и молодой калмыкъ, по просьбѣ котораго они ѣхали на разбирательство спорнаго дѣла.

Въ то время когда урядникъ и пикетный казакъ преслѣдовали воровъ, послѣдніе спустились въ балку, гдѣ въ подторы кибитки (¹) кочеваль калмыкъ по имени *Бурзаваштурчигезъ*, и съ своей добычей остановились возлѣ его кибитки. Пикетный казакъ, далеко опередившій урядника, первый спустился въ балку, и, какъ степная полиція, началъ отнимать у хищниковъ лошадей.—Воры противились, не отдавали ихъ. При этомъ произошла схватка. Казакъ пустиль въ дѣло холодное оружіе, но воры, превосходя его численностью, нанесли ему нѣсколько смертельныхъ ранъ кинжалами, положивъ на мѣстѣ дерзкаго полисмена. Въ то время когда пикетный калмыкъ плавалъ въ крови, испуская дыханіе и производя судорожныя движенія, къ мѣсту происшествія подѣхалъ и урядникъ *Ширмесъ*, не имѣвшій при себѣ никакого оружія. Онъ, какъ начальникъ пикета, тоже спустился въ балку и вступилъ въ препирательство съ ворами, но и его постигла таже участь, которой подвергся казакъ. Молодой калмыкъ, ѣхавшій на плохой лошади, не зная о случившемся въ балкѣ, прискакаль къ краю обрыва и лишь только увидѣль эту ужасную кар-

---

казакъ върно и подробно раскажетъ вамъ кто идетъ или ѣдетъ: мужчина, или женщина; въ чемъ одѣты; что при себѣ имѣютъ: товаръ ли какой, если ѣдутъ съ базара; или везетъ барашка, перекинутого черезъ сѣдло (на убой). Если пѣшеходъ, то-подробно скажетъ, что онъ несетъ: *дойлилки*—перенетныя сумки, перекидываемыя черезъ сѣдло или плечо пѣшехода, въ которыя кладутся болѣе цѣнныя вещи,—или же „*утту*“, суму, въ которую собираютъ сухой пометъ животныхъ. Бывало удивляешся этой отчетливой дальнзоркости кочевника.

(¹) Это значить, что около кибитки хозяина былъ разбитъ *джолонъ*. Такъ называется степная постройка, когда съ каминой кибитки они ставятъ одну крышу, обтянутую кошмами, и ставятъ ее на землю. *Джолонъ* предназначаются болѣею частію для кухни, рабочихъ, а потому всегда бывають изъ старыхъ копченыхъ кошомъ.—Верочемъ, для спални невобращеныя, если свадьба бываеть у людей небогатыхъ, *джолонъ* обтачиваються и новыми кошмами, которыя называються—*дезбуръ*.

тину—двухъ убитыхъ спутниковъ—поворотилъ было своего коня назадъ и въ поляный карьеръ, какимъ могла бѣжать его лошадь, поскакалъ обратно. Хищники, не зная его личности, боялись какъ бы оцъ не далъ знать на пикеть, погнались за нимъ, догнали, воротили молодого калмыка, стащили его съ лошади и, узнавши причину ихъ путешествія, не убили его, а, завязавъ ему глаза, привязали къ кибиткѣ калмыка *Бузавы-Шургучиева*, у котораго остановились для отдыха. Оставивъ при связанномъ калмыкѣ караульнаго, сами вошли въ кибитку *Бузавы*—напиться чаю. Въ то время когда варили чай, они сняли съ урядника всю верхнюю одежду и сожгли ее подъ котломъ. Потомъ, покрѣпившись пищею, выпили калмыцкой водки изъ молока (*арки*) и отправились далѣе. Молодаго калмыка посадили съ завязанными глазами, на его же собственную лошадь, а трупы убитыхъ урядника и пикетнаго казака привязали къ сѣдламъ ихъ же коней и отправились въ мѣста болѣе пустынные, отдаленныя отъ кочевьевъ, захвативъ съ собою и калмыка *Бузаву Шургучиева*. Прїѣхавши въ извѣстную мѣстность, набрали множество сухаго *бурьяна*—такъ называются высокія сорныя степныя травы—и сухаго скотскаго помета (*арисунъ*), устроили костеръ, на который возложили трупъ урядника и сожгли его.—Покончили съ трупомъ урядника,—но пикетнаго казака не удостоили такого почетнаго, по закону ламайскому, погребенія. Его трупъ во всей одеждѣ положили въ большую волчью нору, вырытую въ обрывѣ, и входъ засыпали землею. Затѣмъ отправились въ земли Малодербетевскаго Улуса, отпустивъ калмыка *Шургучиева* въ его кочевье. *Бузавы*, возвратившись въ свою кибитку, поспѣшилъ передать ее одному своему родственнику, который перевезъ ее на другое урочище, а самъ съ однимъ *джолономъ* и рогатой скотиной въ ту же ночь откочевалъ къ *Эрнетеневскому хурулу*, сидѣвшему на урочищѣ „*Джанай*“, которое находится болѣе чемъ на 50 верстѣ отъ мѣста убїенія урядника и казака,—подъ предлогомъ леченія отъ болѣзни. (Извѣстно, что въ степяхъ больныхъ калмыковъ лечатъ *Эмчи*—„лѣкаря“ изъ *элюмоговъ*; они приказываютъ бѣднякамъ, имѣющимъ въ нихъ нужду, подкочевать ближе къ *хурулу*, чтобы имъ удобнѣе было дѣлать визиты своимъ пациентамъ, а послѣднимъ—пользо-

ваться совѣтами и лекарствами степныхъ вѣскулловъ). Обѣ описанномъ происшествіи скоро узнали и казаки, составившіе пикетъ *Майлихаринскій*.

Черезъ три или четыре дня послѣ происшествія караульные казаки, оставивъ на пикетѣ одного старика, въ полномъ составѣ пріѣхали въ зимнюю ставку Эркетеневскаго улуса заявить попечителю, что ихъ урядникъ *Ширяевъ*, а съ нимъ одинъ пикетный казакъ, не ночевали дома. Такое заявленіе удивило попечителя.—Онъ спросилъ ихъ: „а прежде этого, подобныя отлучки бывали?“—Они отвѣчали: „случались“.—Такъ чтоже, прибавилъ попечитель, можетъ быть, они теперь воротились, такъ какъ вы уже третій день какъ уѣхали съ пикета?—„Незнаемъ, отвѣчали калмыки, мы пріѣхали только заявить вамъ объ этомъ“! Попечитель сейчасъ догадался, что на пикетѣ что-то не ладно. Побранивъ калмыковъ за то, что они бросили пикетъ и всѣ пріѣхали къ нему, хотя это могъ бы и одинъ сдѣлать, онъ немедленно приказалъ имъ ѣхать обратно на урочище *Майлихаринское*.—Какъ только пикетные казаки уѣхали изъ ставки, попечитель Эркетеневскаго улуса взялъ съ собою писмоводителя, переводчика и восемь казаковъ изъ ставки и отправился на мѣсто происшествія. По дорогѣ заѣзжалъ въ разные *хотоны*, спрашивать у кочевниковъ: не знаетъ ли кто нибудь чего о случившемся?—Но отъ всѣхъ получалъ отвѣтъ: *медкишибъ*—„незнаю“⁽¹⁾. Только

(¹) Бывало удивляешься тому, съ какою быстротою кочевники узнаютъ всякую новость, случившуюся въ степяхъ: угнали ли у кого скотину, розмысливаютъ ли воровъ, случилось ли какое происшествіе—они довольно подробно рассказываютъ о томъ одинъ другому, но всегда стараются скрывать отъ русскаго начальства. Точно также калмыки узнаютъ всѣ распоряженія главнаго калмыцкаго управленія, касающіяся кочевниковъ. Лишь только соостоитъ какое нибудь постановленіе въ Астрахани,—въ ставкѣ, отстоящей верстъ за двѣсти отъ города, дня черезъ два, уже довольно подробно говорятъ о предстоящихъ перемѣнахъ: или въ устройствѣ кочеваго народа, или же о перемѣнахъ въ составѣ лицъ улуснаго начальства. Черезъ недѣлю, дѣйствительно, получается официальная бумага точно такого содержанія, какъ передавала молва.—Телеграфовъ калмыки не видятъ; но не смотря на то, что живутъ въ глухой степи, узнаютъ обо всемъ и скоро и обстоятельно отъ проезжающихъ чрезъ калмыцкій базаръ, гдѣ живутъ лица, служащіе въ Главномъ Управленіи.

одинъ русскій торговецъ сказалъ попечителю, что такогото числа урядникъ *Ширяевъ* и пикетный казакъ съ молодымъ калмыкомъ проѣздомъ на такое-то урочище заѣзжали въ его лавку, помѣщающуюся въ калмыцкой кибиткѣ, или у него чай и, купивши по ситцевому платку, отправились *въ такой-то хотонъ*.—Между тѣмъ какъ торговецъ сообщаетъ эти свѣдѣнія, къ попечителю явится отецъ молодаго калмыка и заявляетъ о безвѣстномъ отсутствіи сына, посланнаго на пикетъ по дѣлу о верблюдѣ. Болѣе никакихъ свѣдѣній о происшествіи не могъ собрать попечитель. Хорошо зная, что у всѣхъ калмыковъ принято за правило: „все скрывать отъ русскаго правительства“, принялся допрашивать пикетныхъ калмыковъ, но они отзывались полнымъ незнаніемъ. Для раскрытія истины нужно было употребить строгія мѣры. И вотъ всѣхъ пикетныхъ калмыковъ велѣно было заковать въ кандалы, положить на открытомъ воздухѣ на значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи, давать имъ въ день по одной чашкѣ кирпичнаго чая и по два кренделя (*тогушъ*) до тѣхъ поръ, пока они не скажутъ, куда дѣвался урядникъ съ пикетнымъ казакъ. Къ размѣщеннымъ такимъ образомъ калмыкамъ приставилъ двухъ часовыхъ изъ числа привезенныхъ имъ казаковъ, а самъ проѣхалъ въ сосѣднія кочевья собирать свѣдѣнія объ исчезновеніи урядника и казака съ пикета. На другой день попечитель воротился изъ поѣздки, ничего не узнавши новаго, приказалъ сварить чай и началъ утолять жажду на открытомъ воздухѣ. Одинъ изъ пикетныхъ казаковъ, томимый голодомъ, рѣшился подробно рассказать попечителю всю исторію убіенія урядника и казака, какъ описано выше, но присовокупилъ, что, куда дѣвали тѣла убитыхъ—онъ не знаетъ. При этомъ просилъ попечителя взять его съ пикета въ ставку,—иначе пикетные товарищи убьютъ его за выдачу ихъ тайны. Попечитель, узнавши что калмыкъ *Бузави Шуртучиевъ*, кочевавшій въ балѣ гдѣ совершенно убійство, откочевалъ *въ хурумъ*, продавши свою кибитку родственнику своему, проѣхалъ на мѣсто сдѣлать осмотръ той балки, при чемъ оказалось, что, во время спѣшнаго бѣгства, калмыкъ *Бузави* позабылъ много изъ такихъ предметовъ, которые необходимы въ кочевомъ быту, именно *шану*—деревянный уполовникъ, *табину*—„полку“, привываемую къ *уничамъ*, на которой лежатъ деревянныя

чашки для чая и небольшой котелокъ, необходимый при фабрикаціи калмыцкой водки изъ молока. Въ золѣ *дулуты*—такъ называется мѣсто среди кибитки, гдѣ варятъ пищу—напелъ нѣсколько мѣдныхъ бляхъ и пряжку отъ пояса; въ срединѣ *дулуты*—складной ножъ, воткнутый въ землю,—что и навело попечителя на мысль, что одежда урядника сожжена въ кибиткѣ *Бузавы*. Вокругъ кибитки много скотскаго помета,—это показывало, что у кочевавшаго здѣсь хозяина было много рогатаго скота.—Осмотрѣвши мѣстность, попечитель отправился *въ большой хурулъ на Джанай*, гдѣ и остановился жить, не давая вида о своемъ намѣреніи арестовать *Бузаву*, кочевавшаго около *хурула*. Поживши сутки—онъ ходилъ на базаръ и узналъ отъ русскихъ торговцевъ, что одинъ *манджикъ* (послушникъ) *того хурула* продавалъ рогатую скотину калмыка *Шургучіева*, по весьма сходной цѣнѣ, которую они и купили. На другой день калмыкъ *Бузавы* и жена его были арестованы и подъ конвоемъ казаковъ отправлены въ ставку. Конвойнымъ приказано было не давать возможности женѣ и мужу видѣться и сговариваться по дорогѣ, а въ ставкѣ велѣно было держать ихъ по одиночкѣ. Оставшееся послѣ нихъ имѣніе отдано на храненіе въ хурулъ, который подтвердилъ, что *Бузавы Шургучіевы*, недавно прикочевавшій, дѣйствительно лечился *у хурульнаго эмчи*.—По дѣлу хотя и выяснилось, что убійство урядника и пикетнаго казака совершено около кибитки Шургучіевыхъ, но они отказывались невѣдѣніемъ этого обстоятельства, а тѣмъ болѣе убійцъ. Въ показаніяхъ путались. Мужъ говорилъ, что онъ подарилъ кибитку родственнику; а жена говорила, что продалъ. Мужъ показывалъ, что у него не было рогатой скотины, а жена—что было, и притомъ довольно, что ее пригнали на „*Джанай*“ и продали и т. п. Не смотря на заирательство подсудимыхъ, ихъ переслали въ астраханскій тюремный замокъ, гдѣ они содержались до весны, упорно отзываясь невѣдѣніемъ. Наступила весна и они невольно вспомнили о привольныхъ степяхъ и сильно тосковали. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался стряпчій. Посѣщая камеру заключеннаго *Бузавы* и видя его мрачное настроеніе, онъ сказалъ ему: „напрасно, братъ, скрываешь дѣло, сказалъ бы лучше правду и былъ бы свободенъ; поѣхалъ бы въ привольныя степи и зажилъ бы по прежнему“. Эти рѣчи

поправились *Бузавъ*, который хорошо говорилъ по русски,— и онъ разсказалъ все подробно. По его указанію, цѣлая коммиссія ѣздила въ степи, взявши съ собою и *Бузаву* для указанія мѣстности, гдѣ сожгли урядника. Нашли не сгорѣвшій мизинецъ и двѣ обгорѣвшихъ берцовыхъ кости, надрубленныя кинжалами. Пикетнаго казака нашли въ волчьей норѣ, по указанію *Шурмуцева*. Казакъ одѣтъ былъ въ кафтанчикъ изъ синей нанки; въ карманѣ у него было 5 коп. денегъ и кисеть съ калмыцкою трубкою, табакомъ, огнивомъ, кремнемъ и трупомъ (этотъ способъ добывать огонь для трубки между многими калмыками практикуется и доселѣ). Пролежавши въ волчьей норѣ всю зиму, казакъ не разложился. Лице и руки его докрылись толстымъ слоемъ плесени, но когда лице обтерли губкою, то явственно можно было различить его черты. Самихъ же убійцъ ни *Бузавъ*, ни жена его, не открыли, почему они, вѣроятно, и досихъ поръ не отысканы; тѣмъ не менѣе *Шурмуцева* и жену его, какъ соучастниковъ преступленія, выслали въ бурятамъ. Молодой же калмыкъ, котораго будто бы „неизвѣстные ему“ хищники держали въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ (трудно повѣрить!),— въ исходѣ зимы явился въ ставку и заявилъ, что онъ, пользуясь темнотою ночи и опьяненіемъ кутившихъ воровъ послѣ одного удачнаго похода на чужую скотину, на осѣдланной лошади одного изъ нихъ убѣжалъ отъ хищниковъ, разсказывая разные приключенія съ нимъ въ дорогѣ.—Такъ-то трудно открывать преступниковъ между калмыками: для этого нужно имѣть близкое знакомство съ *измнами*, которые въ большинствѣ случаевъ одни только и знаютъ о подобнаго рода происшествіяхъ.

Членъ-сотрудникъ, протоіерей П. Смирновъ.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ СЕЛО ШУМАТОВО, Ядринскаго уѣзда Казанской губ.

(Курганы. Киремети. Жертвенныя приношенія „киреметямъ“ и „покойникамъ“. Покинутыя кладбища. Очувавшииися черемсы. Повѣрья. Нарядъ чувашекъ. Дѣтскія куклы. Чувашскія слова, не вошедшія въ словарь Н. И. Золотницкаго).

Члена-сотрудника *В. К. Магнитскаго*.

Минувшимъ лѣтомъ первую половину августа мѣсяца мнѣ довелось прожить въ чувашскомъ селѣ Шуматовѣ, Ядринскаго уѣзда. Уѣзжая въ это село изъ Казани (гдѣ оканчивалось печатаніе собранныхъ мною „Матеріаловъ къ объясненію старой чувашской вѣры“, Казань. 1881 года), я имѣлъ въ виду: 1) пополнить имѣвшіяся у меня свѣдѣнія о курганахъ и покиннутыхъ кладбищахъ, находящихся въ приходѣ села Шуматова и 2) составить списокъ названій урочищъ, извѣстныхъ подъ именемъ „киреметъ“, съ описаніемъ ихъ топографіи и жертвенныхъ приношеній въ честь живущихъ на нихъ „духовъ“. Жившій лѣтомъ въ Казани извѣстный путешественникъ по Монголіи Г. Н. Потанинъ, кромѣ того, снабдилъ меня составленной имъ „Программой вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у сибирскихъ инородцевъ. Спб. 1881 г.“. Но я, къ сожалѣнію, время поѣздки выбралъ неудачно: народъ—чуваша были заняты жнитвомъ, пашней и сѣвомъ, и потому вступать съ ними въ разговоръ по поводу интересовавшихъ меня вопросовъ я имѣлъ мало случаевъ; къ тому же почти во все время моего пребыванія въ Шуматовѣ перепадали дожди. Тѣмъ не менѣе я успѣлъ посѣтить нѣсколько „киреметей“ и

отыскать два мѣста, гдѣ чуваша поминаютъ своихъ покойниковъ.

Самая замѣчательная въ топографическомъ отношеніи „киреть“ въ Шуматовскомъ приходѣ — на „курганѣ“, въ пахотномъ полѣ, принадлежащемъ чувашамъ дер. Ванькиной, въ 2-хъ верстахъ отъ села Шуматова на югъ. Мѣстность эта, примыкающая къ полямъ приходской дер. Ордашъ, считается въ Ядринскомъ уѣздѣ одной изъ самыхъ возвышенныхъ (¹). Описание находящагося въ ней „кургана“ было составлено мной еще въ 1873 году, подъ заглавіемъ: „Археологическія достопримѣчательности въ приходѣ села Шуматова, Ядринскаго уѣзда“; въ томъ же году оно было прочтано на бывшемъ въ Казани Съѣздѣ Естествоиспытателей и предназначено къ напечатанію, но рукопись утратилась. Прочитавъ послѣ того въ книгѣ С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи (Казань. 1877 г.)“ ссылку на эту рукопись (стр. 529), я, по сохранившейся у меня черновой наброскѣ, составилъ новое описаніе для Казанскаго Общества Археологии, Исторіи и Этнографіи; но и оно не дошло до Общества. Поэтому я позволю себѣ въ настоящее время изложить все, что мнѣ извѣстно о данномъ урочищѣ. Въ утратившихся рукописяхъ я говорилъ только объ одномъ курганѣ въ этой мѣстности, именно о томъ, который считается „киретью“; другой же, находящійся отъ кирети въ 80 шагахъ на западъ, на краю полевой (для провоза сноповъ) дороги, считалъ простымъ бугоркомъ, или, какъ называютъ ихъ чуваша, — тѣмескѣ. Чтобы остановиться на томъ или другомъ предположеніи, я, во время осмотра кирети, спросилъ жавшаго неподалеку отъ бугорка чувашина: какъ по ихнему называются такіе бугорки? и онъ мнѣ неожиданно отвѣтилъ: Олып тупры! — что по русски значить: „великанова земля“, — а такъ чуваша называютъ „курганы“. Этотъ второй курганъ имѣетъ въ окружности около 50 шаговъ, вышины онъ едва ли болѣе аршина; по формѣ — плоскій овалъ. Курганъ „киреть“ — въ окружности 100 шаговъ, вышиною не менѣе сажени, съ ровнымъ оваломъ

(¹) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Казанская губернія. Составилъ М. Лаптевъ. Спб. 1861 г. стр. 41. — Село Шуматово и его приходъ. Каз. Губ. Вѣд. 1870 г. № 63 в 68.

на всѣ стороны; на южной сторонѣ край его, на пространствѣ аршина, запаханъ; съ сѣверо-западной стороны къ этому кургану примыкаетъ небольшая луговина, въ концѣ коей растетъ чахлая береза. Въ 50-хъ годахъ этотъ курганъ весь покрытъ былъ разнородными кустами; въ 1873 же году и минувшимъ лѣтомъ—я нашелъ на немъ только три чахлыхъ кустика.

Описанное урочище извѣстно у чувашъ подъ именемъ *ылдым тырбак* ⁽¹⁾. *Ылдым* по чувашски—золото, слова же *тырбак* въ корневомъ чувашско-русскомъ словарѣ Н. И. Золотницкаго нѣтъ, и мнѣ въ Шуматовѣ значенія его никто сказать не могъ; посѣтившій же меня въ Казани священникъ—чувашенинъ села Старыхъ Шигалей, Цивильскаго уѣзда, Г. Ф. Филиповъ, ученикъ и сотрудникъ Н. И. Золотницкаго—объявилъ, что въ словѣ *тырбак*, для созвучія, по особому закону чувашскаго говора, переставлены звуки, что взятое отдѣльно оно будетъ *тупрак*, а это слово по чувашски и по татарски значить—земля, пыль, розсыпь ⁽²⁾. вмѣстѣ же съ *ылдым*—золотая розсыпь, земля, содержащая золото. Несомнѣнно, что у чувашъ есть и сказанія объ этомъ урочищѣ; но они мнѣ неизвѣстны.

Мѣстомъ мольбищъ и склада жертвенныхъ приношеній Киремети на этомъ урочищѣ служатъ: большой курганъ, упомянутая береза и растущая на сѣверъ отъ нихъ, шагахъ во 100, на межѣ двухъ загоновъ, старая лѣсная яблоня. Въ 1873 году я нашелъ на этомъ урочищѣ, кромѣ значительнаго количества „нохратокъ“ (жестяные кружечки), лежавшихъ—частью открыто на землѣ у стволовъ деревь, частью—завернутыми въ лоскутки оберточной бумаги,—нѣсколько новыхъ круглыхъ холщевыхъ обрѣзковъ. Обрѣзки эти оказались вырѣзками отъ рубашекъ для шеи, какъ я узналъ тогда,—изъ вновь початаго холста. Вырѣзки эти привосятся въ жертву Киремети женщинами и дѣвушками, причемъ онѣ просятъ Киреметь объ урожаѣ льна и конопли. Все похищенное мной тогда у Киремети я тогда же препроводилъ въ

⁽¹⁾ Точно также называется въ селѣ Балдаевскомъ (Сугут) приходѣ, близъ дер. Югутъ, киреметь—роша изъ дуба и березы.

⁽²⁾ Корневой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго Казань, 1875 г., стр. 86.

И. Рус. Геогр. Общество. Минувшимъ лѣтомъ, на тѣхъ же мѣстахъ, мнѣ удалось набрать только вѣсколько похратокъ. Впрочемъ, ѣздившая со мной въ киремень маленькая племянница нашла подъ яблоней 1 к. сер. Отецъ мой (священникъ) между прочимъ сообщилъ мнѣ, что разъ зимой вечеромъ, возвращаясь изъ приходской деревни домой мимо этого урочища, онъ видѣлъ, какъ молившійся у яблони неузнанный имъ чувашенинъ, по окончаніи моленья, опрометью бросился отъ яблони на стоявшіе неподалеку запряженные сани и, нахлыстывая лошадь, помчался какъ будто отъ преслѣдующей его погони. Отъ дороги, идущей изъ села Шуматова въ приходскія деревни Юманай и Теньгешы—урочище находится не далѣе 15-ти сажень. въ лѣво; по правую сторону дороги начинается оврагъ, идущій подъ деревню Ванькину и извѣстный подъ названіемъ *кивъ зѣрт сирми*—оврагъ стараго жилища.

Узнавъ здѣсь отъ жнецовъ—чувашъ о существованіи кургана и киремети подъ деревней Новые Тиньгешы, я тотъ часъ же отправился туда,—тѣмъ болѣе, что ранѣе слышалъ о существованіи подъ этой деревней двухъ кургановъ. На западъ отъ Тиньгешъ, на правомъ ровномъ берегу рѣки Вылы, на самомъ краю, противъ устья впадающей въ нее слѣва рѣчки Йорбапа (¹)—я и дѣйствительно нашелъ огромный

(¹) Въ печатныхъ источникахъ неправильно называется Арбашка. Между прочимъ на «Хозяйственной картѣ Ядринскаго уѣзда», приложенной къ ст. Н. Вечеслава: «Экономическій бытъ крестьянъ Казанской губерніи. Статья 4-я, уѣздъ Ядринскій» (Труды Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета Вып. 1 и 2-й, 1870), показано три рч. Арбашки: Большая, Малая и просто Арбашка. Прежде всего—эти различія мѣстнымъ жителямъ совершенно неизвѣстны. Далѣе: на томъ мѣстѣ, гдѣ показана на картѣ Малая Арбашка, въ дѣйствительности течетъ неплачущая на картѣ рѣчка *Пурдась*, начинающаяся у деревни Ордашь и впадающая въ р. Вылу справа, выше рч. Йорбашъ, протекающей подлѣ села Хочашева, на лѣв. берегу р. Вылы.—Йорбашъ, вытекающій изъ подъ дер. Исмендеръ, впадаетъ въ Вылу выше Пурдась. Третій—нижній Йорбашъ, протекающій подъ селомъ Шуматовымъ, беретъ начало не за этимъ селомъ, а у околodka *Ой кассы* дер. Янасалъ и до села Шуматова дважды пересѣкаетъ ядринско-цивильскій коммерческій трактъ, причемъ на этомъ протяженіи принимаетъ въ себя справа непоказанный на картѣ притокъ Наржау. Притокъ его слѣва, показанный на картѣ, въ дѣйствительности

сплюснутый овалъ, вышиною не менѣе сажень трехъ, а въ окружности въ нѣсколько десятковъ сажень; но онъ, несомнѣнно, естественная геологическая выпуклость. Этотъ бугоръ извѣстенъ у чувашъ подъ названіемъ „Хирь дип киреметь“—киреметь сухой берегъ или край. На глубинѣ сажень двухъ—въ немъ обнаруживается известь, добывавшаяся между прочимъ на постройку только что оконченныхъ каменныхъ церквей въ селахъ Шуматовѣ и Шумшевапахъ. Вслѣдствіе этого жившая на „Хирь дип Киреметь“, какъ выразился мнѣ иронически одинъ молодой чувашинъ—*тарче*—убѣжала. Ранѣе же, до постройки упомянутыхъ церквей, на бугрѣ чуваша привносили жертвы Киремети и оставляли на немъ деньги. Прибывшій на дняхъ въ Казань чувашенинъ деревни Ванькиной, Явовъ Никитинъ, сообщилъ мнѣ о происхожденіи „Хирь дипъ“ слѣдующее сказаніе. Сорокъ дѣвушекъ заманили къ себѣ молодого парня и предложили ему право супружества на нихъ. Парень согласился, но осуществить это право заразъ со всѣми по порядку оказался безсильнымъ. За это дѣвушки засыпали его живьемъ землей: на этомъ мѣстѣ и возникъ Хирь дипъ. Къ сожалѣнію, для болѣе обстоятельнаго распроса, была самая неблагопріятная обстановка.

Другой круглый бугорокъ, на томъ же берегу рч. Вылы, я нашелъ версты на двѣ ниже Хирь лип, насупротивъ деревни Симек кассы (пишется—ок. Семикеевъ села Хочашева). Этотъ бугорокъ оказался кучей песку, обросшей травой. Кроме „тѣ мексе“,—у жителей названной деревни онъ не носитъ никакого спеціальнаго названія.

Третій курганъ, извѣстный и у чувашъ подъ именемъ „олып тупры“,—я увидалъ случайно, во время прогулки на такъ

называется не *Сумарь*, а *Пүрү*, что по русски значитъ — дуга. Ниже *Пүрү*, съ той же стороны, впадаетъ въ Шуматовскій Йорбашъ рч. *Шогыльчар*, также не показанная на картѣ.—По поводу названія Йорбашъ—Н. И. Золотницкій въ одномъ изъ писемъ сообщилъ мнѣ: «Въ ст. о Шуматовскомъ приходѣ въ рѣчку *Ербаш* произвели отъ *йор*—ситѣгъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что мелкія рѣчки у чувашъ—*сырма* *мары шузам*—называются болѣе по извѣстности; поэтому *ер* есть ничто иное, какъ тюркское (т. е. старо-чувашское, а оно же русское—*яр*, крутой берегъ—нынѣш. чуваш. *сыр* (а отъ него *сырма*); а *башъ*—татар. *башы*, такъ что *Ербашъ*—нынѣш. чувашскому *сырма позе* — вершина оврага».

называемую „большую дорогу“ (Ядринско-Цивильскій коммерческій трактъ). Этотъ курганъ находится въ 2 верстахъ отъ села Шуматова и въ $\frac{1}{4}$ версты отъ „Старой деревни“ (Йорбашъ съом), на сѣверъ отъ того и другой, подлѣ самаго тракта, въ концѣ загона, въ углу между южнымъ краемъ тракта и проселочною дорогою изъ „Старой“ деревни въ „Новую“ (Вурман-гае“). Такъ какъ на курганѣ былъ несжатый овесъ, то измѣрить окружность его шагами я не рѣшилъ; глазомѣрно же—вышиною онъ не больше аршина, ширину въ дѣаметрѣ около сажени; форма его—овальная.

Четвертый курганъ, по рассказамъ, находится саженьяхъ въ 200-хъ на юго-востоку отъ околodka „Курдѣ кассы“ деревни Янасаль, у межи, въ пахатномъ полѣ, подлѣ проселочной дороги изъ названнаго околodka въ „Сумѣртъ кассы“, Чувашско-Сорминскаго прихода. Свѣдѣнія объ этомъ курганѣ мнѣ сообщилъ грамотный чувашинъ дер. Янасаль В. Н. Никольскій, служившій техникомъ при Ядринской земской управѣ.

Имъ же сообщены мнѣ свѣдѣнія о слѣдующихъ киреметяхъ:

1) „Хорын бось“ — вершина березы; такъ называется разнородный кустарникъ въ полверстѣ на югъ отъ околodka Кобырля дер. Янасаль (¹).

2) „Пыллыхъ“—кустарникъ на востокъ отъ Кобырля, саженьяхъ во 100 отъ Хорын-бось. Названіе урочища—пыллыхъ, по мнѣнію Е. А. Малова, созвучно съ арабскими словами: а) فلاح (феллахъ)—счастіе, успѣхъ; спасеніе, убѣжище; حى على (хы аль) — идите къ спасенію, т. е. въ мечеть; б) فلاك (фелекъ) множ. افلاك — небо, фортуна, судьба (²).

3) „Кивь зѣрт“—старое жилище; кустарникъ въ полверстѣ, на юго-востоку, отъ Кобырля.

4) „Сар’дван“—вязъ на горѣ, на выгонѣ, въ 200-хъ саженьяхъ на сѣверо-востоку отъ Кобырля. Что значитъ названіе урочища—неизвѣстно. Значеніе приставки „сар“ въ концѣ словъ Н. И. Золотницкій объяснилъ въ своемъ сло-

(¹) Дер. Янасаль состоитъ изъ 11-ти околодковъ.

(²) Киреметь съ именемъ «пыллыхъ» есть еще близъ дер. Саревой (Сар яль), Балдаевского прихода.

варѣ; относительно же этой приставки въ началѣ слова въ названіи кириметей—онѣ припелѣ къ необходимости обратиться къ особому изслѣдованію ⁽¹⁾, котораго за смертью не сдѣлалъ. Е. А. Маловъ сообщилъ мнѣ, что по персидски:

1) سر (аръ)—голова, старшина, دیوان (дуванъ) - бекъ или старшина, *сер - дуванъ* = главный старшина; 2) سرا (сера), سرای (серай)—дворъ, домъ, *дуван - серай*—сенатъ, высшее присутственное мѣсто. Урочище Сар'дван приходится на землѣ жителей ок. Кобырля, но молиться сюда приходять и жители ок. Рыковкина.

5) „Шушкиллих“—орѣшникъ, иначе „Ишукъ“ или „Шувакарды“—задній дворъ, загорода Ишука; вустарникъ, въ полверстѣ на югъ отъ ок. Васькина (Вась кассы); въ вершинѣ овражка, по которому запружены пруды (карасьники). Оволодокъ Вась кассы считается въ Янасалахъ самымъ древнимъ. Въ 40-хъ годахъ при немъ была огромная священная кириметь—осиновая роща. Разъ бурей повалило въ рощѣ до 700 деревъ и Шуматовское духовенство тайно вывозило ихъ для отопленія въ теченіи двухъ лѣтъ.

6) „Мун кўрезе“—большая лопата } Мысы по берегу рѣ-

7) „Кизинь кўрезе“—малая лопата } ки Иорбаша.

8) „Хызаядъ кереметь“—задняя кириметь; роща, въ полверстѣ на сѣверо-востокъ отъ дер. Кильдишъ. Самая роща извѣстна подъ названіемъ Мигаковой, по имени владѣвшаго ею чувашина.

9) „Шинерь“—обильная или веселая мѣстность ⁽²⁾; дубовый лѣсокъ на правомъ берегу рѣки Иордана, между притокомъ его Наржау и урочищемъ Сядыргѣ.

10) „Хора дѣ“—черная гора; склонъ праваго берега рѣки Иорбаша, противъ дер. Анат-Сунаръ; по горѣ до послѣдняго времени росла осиновая роща.

11) „Сядыргѣ кириметь“—хворостовая кириметь; дубовые и березовые кусты на мысу, на сѣвомъ берегу суходола, начинающагося отъ озера Сьуда кѣль—свѣтлое озеро—въ Торавскомъ приходѣ и выходящаго на правый берегъ рѣки

⁽¹⁾ Кор. чув. рус. сл... стр. 260.

⁽²⁾ Лингвистическая зашѣтка о названіяхъ Булгарь, Билляръ и Морквашь, Н. И. Зологнѣцаго.

Иорбаша, позади Солдатской Слободки (Салдак Павыл вырыш). Пониже этой киремети, въ долу, находится мостикъ изъ тонкихъ жердей, извѣстный подъ названіемъ „вильны сынн кибери“—мостъ жертвенныхъ людей. Такое названіе, по преданію, онъ получалъ отъ того, что въ этомъ мѣстѣ разбойники прятали убитыхъ ими людей, покрывая ихъ сверху хворостомъ (сядырга); отъ этого слова киреметь и носить свое названіе.

12) „Херле сыыр“—красная земля⁽¹⁾; такъ называется правая сторона оврага, при которомъ расположена дер. Анат-Сунаръ; по ней, начиная отъ гуменъ на югъ, растутъ одиночно березы, осины и частію дубъ. За цѣлостью деревъ до послѣдняго времени наблюдаетъ чувашенинъ, живущій вверхъ по оврагу крайнимъ.

Относительно урочищъ, извѣстныхъ у чувашъ съ именемъ „киреметь“, я прихожу къ убѣжденію, что они—далеко не всѣ мѣстожителство самой Киремети; въ дѣйствительности большая часть такихъ урочищъ—просто „непривосновенное“ или „святое мѣсто“; на нихъ чуваша молятся и оставляютъ свои жертвенныя приношенія Киремети въ тѣхъ только случаяхъ, когда имъ нѣтъ времени ѣхать въ мѣстопробыванія самой Киремети. На такихъ урочищахъ живетъ только „духъ жертвъ“—„Чукъ“, котораго чуваше также просить въ молитвахъ о помилованіи: „Чукъ сырлах“—духъ жертвы, помилуй!⁽²⁾

Въ Шуматовскомъ приходѣ складочнымъ и передаточнымъ мѣстомъ жертвенныхъ приношеній служить также ядринско-цивильскій торговый трактъ, или, по мѣстному названію, „большая дорога“, по чувашски—„мун сьол“. Наибольшую часть „нохратокъ“, представленныхъ мной въ музей Общества, я собралъ подъ березами на тракту; пройдясь по этому послѣднему, во время прогулки, около версты, я не встрѣтилъ ни одной березы, подъ которой не было бы нохратокъ. Кладутся нохратки здѣсь только по правую сторону тракта, считая направленіе отъ г. Ядрина къ Цивильску.

⁽¹⁾ Матеріалы къ объясненію «старой чувашской вѣры». Казань. 1881 г.

⁽²⁾ О чувашахъ. Протоіер. Ево. Малова. Прав. Собесѣд. 1882 г., январь, стр. 55.

Въ теченіи 13 лѣтней жизни въ Чебоксарскомъ уѣздѣ— мнѣ не одну сотню разъ довелось проѣзжать идущими чрезъ этотъ уѣздъ цивильско-свіяжскимъ коммерческимъ и московскимъ почтовыми трактами; но въ этомъ уѣздѣ только на первыхъ порахъ моей жизни мнѣ удалось разъ найти пять крупныхъ похратовъ, на третьей верстѣ отъ Вороновой Слободки, на Московскомъ трактѣ, по направленію въ Казань, и также на правой сторонѣ,—а именно 3 апрѣля 1864 г., какъ это оказалось у меня записаннымъ.

Въ дѣтствѣ мнѣ дважды доводилось находить копѣчная восковая свѣчи, въ почкахъ соломы, на зимнихъ вѣхахъ по проселочнымъ дорогамъ,—разъ въ Шуматовскомъ приходѣ, въ послѣднихъ числахъ марта, и въ другой разъ—зимой, не знаю близъ какой деревни Козмодемьянскаго уѣзда, между селами Иплеями (Пихтулино, Покровское) и Акрамовымъ; въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, кромѣ свѣчей, я нашелъ на свѣгу, у вѣхъ, нѣсколько кусочковъ чернаго хлѣба и блиновъ, попавшихъ сюда конечно не случайно.

Для выясненія—что именно разумѣютъ чуваши подъ именемъ „киреметъ“, я имѣлъ въ виду распросить: чѣмъ руководствуются они при выборѣ мѣстъ для своихъ шаманскихъ молбищъ,—но къ этому не представилось случая. Вопросъ этотъ интересовалъ меня и потому, что на Съѣздѣ Естествоиспытателей въ Казани, въ 1873 году, по прочтеніи моей затерявшейся рукописи, Н. И. Золотинцевъ высказалъ, какъ видно изъ протокола засѣданія Съѣзда, будто „при мѣстахъ шаманскихъ жертвоприношеній чувашъ не встрѣчается никакихъ укрѣпленій“. Пользуясь настоящимъ случаемъ, я позволю заявить на основаніи имѣющихся у меня свѣдѣній объ урочищахъ—киреметяхъ въ Чебоксарскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ, что мѣста тайныхъ шаманскихъ молбищъ приурочиваются къ городищамъ и къ курганамъ, особенно же къ покинутымъ владбищамъ (кыве сыва) и жилищамъ (кывь зорт). Нагляднымъ опроверженіемъ мнѣнія Н. И. Золотницкаго можетъ служить въ Чебоксарскомъ уѣздѣ киреметъ на городищѣ подъ деревней Шымалахъ, извѣстномъ у чувашъ подъ названіемъ „хола дуй“⁽¹⁾, что, по объясненію Н. И. Золотницкаго, значитъ „укрѣпленная гора“.

---

(1) Древніе города.... С. М. Шилевскаго. Стр. 520.

Киреметями въ настоящее время называются и тѣ мѣста, на которыхъ ранѣе чуваша совершали публичныя общественныя моления въ честь верховнаго Бога объ урожаяхъ и дождяхъ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ чуваша на мѣстныхъ урочищахъ—киреметахъ молятся и приносятъ жертвы между прочимъ: 1) въ честь *Торханди Киреметь—Киреметь* (= *святый?*) *Тарханъ* и 2) *Сорым Киреметь*—киреметь Сорма; изъ нихъ первая находится гдѣ-то близъ села Оточева, а вторая въ чувашско—Сорминскомъ приходѣ. Какія именно они чтятъ подъ именами Торханди и Сорымъ,—я не успѣлъ допытаться. О Сорминской киремети, впрочемъ, имѣется слѣдующая легенда, сообщенная мною еще въ 1866 году. „... Когда Пугачевъ съ своей шайкой былъ окруженъ русскими войсками, то одинъ изъ его генераловъ (по выраженію чувашъ) успѣлъ убѣжать и, прискакавъ въ лѣсъ близъ села Чувашской Сормы, остановился и сказалъ: пусть будетъ здѣсь Киреметь и пусть чуваша меня почитаютъ. На этомъ мѣстѣ генералъ былъ схваченъ и повѣшенъ на березѣ. Лошадь у него была сивая, а узда и подковы серебряныя“⁽¹⁾.

Сорымъ киреметь есть еще: 1) въ Балдаевскомъ приходѣ, близъ дер. Перьсирланъ, на рч. Гремячкѣ—притокъ справа р. Суры—у такъ называемой Соколовской мельницы, и 2) въ Цивильскомъ уѣздѣ, гдѣ въ честь ея у чувашъ этого уѣзда и нѣкоторыхъ деревень Чебоксарскаго уѣзда бываетъ особый праздникъ⁽²⁾.

Изъ жертвенныхъ приношеній киреметямъ мнѣ удалось приобрести только: 1) Свыше 200 нохратокъ, 2) двѣ тухланки и 3) маленькій холщевый доскутокъ съ прилипшими къ нему: хмѣлемъ, мукой, льнянымъ и конопляннымъ семенемъ, крупой, рожью и овсомъ,—неболѣ щепоти каждаго продукта. Нохратками (араб. *нухрат*—серебряныя деньги⁽³⁾) называются кружечки, сдѣланные изъ бѣлой жести и листовой мѣди, а тухланками—такіе же кружечки, сдѣланные изъ олова; изъ нихъ заслуживаютъ предпочтительнаго вниманія тухланки, потому что на лицевой ихъ сторонѣ имѣется

(1) Замѣтка о Пугачевскомъ бунтѣ. Казан. Губер. Вѣдом. 1866 г. № 16.

(2) Матер. къ объясн. стар. чув. вѣр... Стр. 9 и 10.

(3) Кор. чув. рус. сл. стр. 45.

изображеніе въ видѣ древесной вѣтки, а на оборотной— неразобранная мной надпись русскими печатными буквами; въ тому же онѣ попадаются рѣдко. Представленные экземпляры тухланокъ—одного только малаго размѣра; въ дѣтствѣ же мнѣ доводилось находить тухланки величиною въ серебряный пятакъ, а нахратки—изъ чистаго серебра, и притомъ только малаго размѣра. Одна изъ представленныхъ тухланокъ найдена мной у одиночно стоящей трехствольной липы, подлѣ дороги изъ деревни Кильдишъ въ Янасалы, и другая—при селѣ Шуматовѣ, также у одиночно растущей одноствольной липы, близъ дороги изъ села Шуматова въ деревню Анат-Сунаръ. Около этой послѣдней липы мной найдены и лоскутокъ съ сельско-хозяйственными продувками. Я допытывался названій этихъ урочищъ, но—безуспѣшно. Одинъ чувашинъ изъ дер. Кильдишъ сообщилъ мнѣ, что когда онъ держалъ чувашскую вѣру, то у трехствольной липы оставлялъ жертвенныя приношенія въ честь Сорымъ киреметь (дѣлалъ онъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда ему по домашнимъ обстоятельствамъ не было времени ѣхать въ мѣсто пребыванія самой киремети) и что урочище не носить никакого названія. Онъ же говорилъ, что лоскутки съ сельско-хозяйственными продувками приносятся въ жертву въ честь Торханди женщинами, вышедшими въ замужество изъ того прихода, въ которомъ эта киреметь живетъ. Тухланки и нахратки приносятся въ жертву киреметямъ вмѣсто настоящихъ денегъ, при чемъ сдѣланныя изъ жести замѣняютъ серебряныя, а мѣдныя—золото. Обманъ этотъ практикуется потому, что *йомзи*, угадывающіе, какая именно киреметь заломала чувашина, назначаютъ для умилостивленія ея такую сумму, каковой иной чувашинъ не можетъ имѣть во всю свою жизнь.

Что любопытно это то, что въ послѣднее время и Киремети стали попивать водочку, иначе сказать—требовать себѣ въ жертву, устами йомзей, вино. И при этомъ йомзи, для непоколебимости своего авторитета, назначаютъ въ жертву киреметямъ сразу такую дозу вина, какую чувашинъ не въ состояніи купить; напр. преподнести четвертей 12-ть. На самомъ дѣлѣ выполняется это такъ. Беретъ чувашинъ пустую четвертную бутылъ, идетъ съ ней въ питейный и смущенно начинаетъ просить сидѣльца отпустить ему 12-ть шеаликовъ, но только изъ разныхъ посудъ, а что онъ будетъ дѣ-

латъ—не смотрѣть. Понятно, со стороны сидѣльца отказа въ просьбѣ не бываетъ. И вотъ сидѣлецъ начинаетъ подавать чувашину шкалики, а онъ, вливая ихъ въ бутылъ, приговариваетъ: „вотъ тебѣ, киреметь, четверть; помилуй! Вотъ тебѣ другая“ и т. д. Упомянутый Кильдишевскій чувашинъ передавалъ мнѣ, что вино въ честь киреметей расцпивается самими покупателями у себя на дому; сопутствовавшій же меня на Съуда—вѣль, показавъ мнѣ мѣстонахождение Шинеръ—киреметь, сказалъ, что на этомъ уроцищѣ его пріятель, русскій солдатскій сынъ, недавно нашель полштофъ водки и живую курицу. Водку онъ тутъ же за здоровье киремети выпилъ, а курицу унесъ домой. По словамъ перваго разказчика, киремети стали требовать себѣ въ жертво вино потому, что приносимыя имъ въ жертву деньги у нихъ воруютъ.

Учитель—чувашинъ, дьяконъ села Абызова Ядринскаго уѣзда, Митрофанъ Дмитріевъ, въ письмѣ 23 марта 1876 г. сообщалъ Н. И. Золотницкому еще о слѣдующемъ видѣ жертвенныхъ приношеній чувашъ: „Еще не могъ добиться толку, что такое? На дняхъ ученики мои ходили по полю,—собирали кереметныя деньги; около одного пенька увидали изъ дерева сдѣланныхъ семь лошадей—стоятъ кругъ пенька—и одни санишки; лошади привязаны въ столбу; на столбѣ поставлена новая деревянная столовая чашка; въ чашкѣ семь ложекъ новенькихъ. Принесли они мнѣ въ училище. Что значить—незнаю“.

Одинаковую роль съ киреметями въ быту чувашъ играютъ „повойники“; и они, какъ и киремети, напускаютъ на чувашъ болѣзни и похищаютъ у нихъ домашній скотъ для пропитанія себя,—если ихъ родственники сами недогадываются навормить ихъ, устроивъ въ честь ихъ поминки. Въ подтверждение этого, я приведу слѣдующій случай, бывшій 3 мая 1875 г. въ чувашской деревнѣ Кугеевой (Чинге кассы), Чебоксарскаго уѣзда. Одинъ, только что женившійся чувашинъ, наѣвшись яшки (супъ, щи), принесенной ему молодой женой въ обѣду въ поле на пашню, вскорѣ почувствовалъ головокруженіе, затѣмъ началась съ нимъ рвота и прекратилась лишь послѣ того, какъ онъ, едва добравшись до

дому, отдалъ Богу душу. На другой день послѣ его смерти, близь того мѣста, гдѣ онъ пахалъ и гдѣ его начало рвать, была найдена мертвою неизвѣстно чья собака, а у его сосѣдки, подъ насѣдомъ, двѣ мертвыя курицы. Отсюда возникло подозрѣніе въ отравленіи, въ которомъ жена умершаго, послѣ вскрытія его трупа, и созналась. Допрашивая передъ вскрытіемъ трупа хозяйку куриць, я между прочимъ спросилъ ее: какъ она думаетъ, отъ чего померли ея курицы?—„Анѣ тытны (мать взяла)!“—неожиданно отвѣтила она мнѣ свороговоркой. Непонявъ значенія такого отвѣта, я спросилъ: какъ именно мать взяла?—„Вотъ видишь-ли, разъяснила она мнѣ, спала я въ сѣняхъ, какъ разъ противъ куриного насѣда; когда я, проснувшись утромъ, увидала, что двѣ курицы подъ насѣдомъ валяются мертвыми, то подумала, что ихъ ночью взяла мать (свеэровъ), умершая на страстной недѣлѣ, — за то, что и видно въ день ея похоронъ для поминовъ мало напекла „хыймалу“ (нѣчто въ родѣ ватрушекъ)“... Мнѣ даже думается, что давно умершіе-то покойники, игравшіе при жизни среди чувашъ какою-либо выдающуюся роль,—и есть, по понятію чувашъ, киреметь⁽¹⁾. Данныя въ подтвержденіе этого я имѣю въ виду со временемъ представить Обществу въ особомъ сообщеніи. Теперь же приведу лишь слѣдующій фактъ, въ паралель къ извлеченному изъ письма М. Дмитриева. Въ Аттиковскомъ приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда, въ верстѣ отъ села Аттикова (Пурмасъ), находится старинное кладбище съ сохраняющимися на немъ двумя надгробными камнями съ высѣченными на нихъ татарскими надписями; извѣстно оно у чувашъ подъ названіемъ „сиччьлас музаре“—кладбище семи деревень. Подъ

(¹) Авторъ рукописи, принадлежащей Л. А. Изюскову: «Свѣдѣнія, собранныя Ксенофонтомъ Соловьевымъ (грамотный чувашинъ села Шенерданъ, изобрѣтатель нѣсколькихъ земледѣльческихъ орудій)» высказалъ слѣдующее возрѣніе о киремети: «Замѣчательно то, что киремети занимаютъ такія мѣста, гдѣ много водныхъ источниковъ, мѣста топныя и болотистыя. Изъ этого я заключаю, что чуваша поклоняются не дереву, а мѣсту, гдѣ дерево растетъ быстро и благотворно. Слѣдовательно ихъ почитаніе идетъ болѣе водѣ, какъ элементу, благопріятствующему растительной жизни. На вопросъ мой: какъ люди могли знать, что киремети живутъ именно на указанныхъ мѣстахъ?—отвѣтили, что деревья хорошо (сильно) растутъ: «Йивысь хватла сидинеть».

однимъ изъ камней, по разсказамъ чувашъ, погребенъ чувашинъ, славившійся при жизни колдовствомъ и называвшійся за свое искусство „азаймись“. Душа этого колдуна (киреметь), обитающая на кладбищѣ, и до сихъ поръ не даетъ чувашамъ покою: поражаетъ ихъ главною болѣзнию, вообще—за что-то ненавидитъ ихъ и ихъ скотину. Для умилоствленія этого-то колдуна киремети, по сообщенію мѣстнаго учителя И. Е. Горбунова, „чуваша пускаютъ на кладбище живыхъ утокъ и куръ, иногда запряженныхъ въ маленькія телѣжки или санки съ посаженными въ нихъ курами“.

Всѣ извѣстные мѣн обряды чествованія чувашами „покойниковъ“ вошли въ мои „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры“ (Каз. 1881). Вызвавшись сдѣлать сообщеніе Обществу о томъ же предметѣ, я на самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду сказать только нѣсколько словъ о значеніи представленныхъ мною въ Музей Общества одноножнаго столика и кухонной посуды, употребляемыхъ при поминкахъ.

О столикѣ и посудѣ, употребляемыхъ при поминкахъ въ Шуматовскомъ приходѣ, говорится и въ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры“ (стр. 184—185); но, озабалось, я придалъ имъ не совсѣмъ то значеніе, какое они имѣютъ въ дѣйствительности: я полагалъ, что за столиками чуваша поминаютъ покойниковъ во время общихъ годовыхъ поминокъ и именно весной, передъ Пасхой; изъ разспросовъ же минувшимъ лѣтомъ выяснилось, что столики дѣлаются одновременно съ гробомъ для покойника, притомъ—доска для столика выбирается непременно изъ обрѣзковъ гробовыхъ досокъ, а подставка—дѣлается изъ того дерева, изъ котораго была сдѣлана поперечинка въ гробу въ предупрежденіе затаскиванія покойниками рукъ въ ротъ, что влечетъ за собою смерть живымъ людямъ и даже кончину міра (¹). Размѣръ столиковъ назначаютъ передъ смертью сами покойники: бѣдняки завѣщаютъ сдѣлать для нихъ столики поменьше, богачи—пошире. Поминки за столиками устраиваются чрезъ нѣсколько дней по погребеніи покойника. Начинаются они на дому, а оканчиваются въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ,—за околицей, въ оврагѣ. Въ этомъ послед-

(¹) Матер. къ объясн. ст. чув. вѣры, стр. 162.

нѣмъ выбирается такое мѣсто, гдѣ сочилось-бы вода. Несомнѣнно, что вода имѣеть при этомъ какое-то символическое значеніе, но я, въ сожалѣнію, распросить объ этомъ упустилъ изъ виду; въ дневникѣ у меня записано только, что душа покойника по смерти три дня купается въ водѣ и что при умирающемъ чувашами ставится вода. Близъ того мѣста, гдѣ въ оврагѣ ставится столикъ, черезъ воду устраивается „мостъ“,— кладется поперекъ жердочка и вѣшается „парнѣ“ (подарокъ) изъ мелкихъ холщевыхъ лоскутьевъ. Этихъ предметовъ найти мнѣ не удалось.

Приносимая въ оврагъ кухонная посуда оставляется въ немъ для употребленія ее покойникомъ въ загробной жизни. Въ представленной въ Музей кадочкѣ или, по мѣстному названію, „чирясъ“ приносится пиво, а въ чашкахъ и блюдахъ—ваша и блины. Сверхъ того покойнику дается ковпичекъ для питья пива. Для приноса пива берется та кадочка (чирясъ), которою черпалась вода для обмыванія покойника; остальная же посуда выбирается изъ той, что намъ самимъ „негоже“ (негодится). По окончаніи поминокъ, посуда въ оврагѣ разбивается для того, чтобы жадные люди, соблазнившись чужимъ добромъ, не воспользовались имъ. Если же-это случится, то покойники одолѣють своихъ живыхъ родственникововъ надоѣдливымъ плачемъ о томъ, что ихъ люди обидѣли, что имъ не изъ чего ѣсть и пить.

Представленный экземпляръ столика найденъ мною на верхнемъ концѣ села Шуматова, въ околицѣ за гумпами, а кухонная посуда—подъ Старой Деревней. Здѣсь я нашелъ и еще шесть столиковъ, но такъ какъ они не представляли никакихъ особенностей, то я ихъ незялъ. Все взятое мной подъ Старой Деревней валялось въ грязи, на днѣ заброшеннаго пруда, гдѣ, видимо, и совершаются поминки.

Кладбищъ, на которыхъ погребались чуваша Шуматовскаго прихода до обращенія ихъ въ христіанство, въ приходѣ, по распросамъ, оказывается два. Одно изъ нихъ находится въ верстахъ двухъ отъ Шуматова, на юго-востогъ, на берегу суходола, идущаго изъ подъ деревни Верхнихъ Снаръ, пониже осинової роци и называется „сѣвоомы ой“—кладбищенское поле; другое—на югъ отъ перваго, саженихъ въ 400-хъ отъ деревни Кильдишъ на юго-востогъ, подлѣ дороги изъ этой деревни въ деревню Янасалъ и называется „ача сѣуви“, что значить, если принимать на-

звание въ современномъ значеніи—дѣтское кладбище. Первое кладбище обращено жителями села въ пахотное поле и признакомъ бывшаго здѣсь кладбища служатъ валяющіяся по краю суходола выпаханныя кости; на второмъ же признаковъ кладбища я ни какихъ не нашель, кромѣ, какъ мнѣ и говорили, небольшого незапаханнаго уголка земли, между дорогой и межей загона, поросшаго кустарникомъ, въ томъ числѣ черемухой. Уголокъ этотъ ненезапахивается потому, что на немъ находится киреметь.

Съ именемъ *ача суги*, говорили мнѣ, находится кладбище еще на югъ отъ деревни Испуганъ, сосѣднаго Шумшевашскаго прихода.

Въ заключеніе приведу изъ дневника, веденнаго мной въ Шуматовѣ, нѣсколько отрывочныхъ сказаній, обрядовъ, повѣрій, примѣтъ и словъ, не вошедшихъ въ корневой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго.

1) О существованіи древнихъ Болгаръ, жившихъ на Волгѣ, чувашаи знаютъ и называютъ ихъ по своему въ ядринскомъ и чистопольскомъ уѣздахъ *Пбшкырт* (сообщилъ учитель—чувашинъ деревни Анатъ—Сунаръ П. Дмитріевъ, служившій учителемъ въ Атлаштинской школѣ Братства Св. Гурія, Чистопольскаго уѣзда). Въ словарь Н. И. Золотницкаго (стр. 203) говорится, что Пушкырт—чувашское названіе Башкырь. Съ именемъ *Пошкырт*, *Пошкырды*—есть чувашская деревня въ козмодемьянскомъ уѣздѣ, близъ границы ядринскаго уѣзда.

2) Шуматовскіе чувашаи называютъ сосѣдніе съ ними приходы—ядринской и чиганарскій (Чыган-ар—тат. чыккан јир—страна, изъ которой вышли⁽¹⁾), населенные чувашами,—„черемисской стороной“. Это, кажется, подтверждается и историческими актами. Въ оберегательной, на примѣръ, грамотѣ 1673 года октября 1 дня, данной отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича воеводѣ г. Ядрина Федору Семеновичу Готовцеву, говорится, что она дана „по челобитной черемиски деревни Ядрины (нынѣ село Ядрино?) Есбайковы жены Сетички, чтобы черемиску Сетичку отъ ядринскихъ, и отъ козмодемьянскихъ, и отъ чебоксарскихъ и отъ всякихъ чиновъ людей оберегать, чтобы ей ни отъ кого напрас-

---

(1) Ливг. замѣт.... Н. И. Золотницкаго, стр. 11.

ныхъ продажъ и убытковъ безъ суда и безъ сыску небыло⁽¹⁾. Въ виду этихъ данныхъ, я сталъ допытываться, не имѣютъ ли чуваша названныхъ приходовъ какихъ—либо особенностей въ говорѣ, чуждыхъ говору шуматовскихъ чувашъ? Сообщившій мнѣ свѣдѣнія о кириметахъ В. Н. Никольскій, не разъ бывавшій въ селѣ Ядринѣ по званію техника, сообщилъ мнѣ, что ядринскіе чуваша употребляютъ много та-кимъ словъ, которыя шуматовскимъ совершенно непонятны. Отецъ мой, служившій первые 9 лѣтъ своего священства въ селѣ Ядринѣ, припомнилъ, что въ селѣ Ядринѣ чуваша напр. говорятъ:

Йорза бар—замѣси (скотинѣ), а въ с. Шуматовѣ—пугратса бар.

Йимэръчек—поперечникъ у сѣделки, въ с. Шуматовѣ,—оргалых.

Варабы—воробей, въ с. Шуматовѣ—сала вайы.

Сестры мои обратили мое вниманіе на то, что чувашки, вышедшія въ замужество въ шуматовскій приходъ изъ ядринскаго, свѣшиваютъ на спину и затыкаютъ запоясъ оба конца „сарпана“ (головная повязка) какъ черемиски въ возмодемьянскомъ уѣздѣ, а шуматовскія—только одинъ конецъ, и что вышивки на сарпанахъ у первыхъ имѣютъ инныя особенности, чѣмъ у вторыхъ.

3) На свадьбахъ лице, подводящее молодымъ, по приѣздѣ ихъ отъ вѣнца, въ подарокъ лошадь—одѣвается нарочно въ изорванный кафтанъ и подпоясывается лыкомъ. Въ Абызовскомъ приходѣ этотъ обрядъ называется *таичик тыттарас* ⁽²⁾.

4) Въ Калым кон ⁽³⁾ женскій полъ заготавливаетъ на цѣ-лый годъ висточки для нарядовъ, по чувашски—*морд*. (Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ тѣ же висточки называются *яраба*. Экземпляръ „яраба“ былъ представленъ мной 1874 году въ бывшій Отдѣлъ Антропологии и Этнографіи при Казанскомъ Обществѣ Естествоиспытателей, причемъ онъ въ протоколѣ засѣданія Общества ошибочно названъ: „свадебный нарядъ“: въ дѣйствительности же яраба носятъ парни на поясахъ во

⁽¹⁾ Казан. Губерн. Вѣд. 1852 г. № 52.

⁽²⁾ Матеріалы къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 204.

⁽³⁾ Тамъ же, стр. 103—108.

всякое время; имъ дарятъ ихъ сестры и постороннія знакомыя дѣвушки).

5) Волкъ, когда Богъ не назначить ему въ пищу никакое животное, питается вѣтромъ или же собираетъ по дорогамъ гнилыя лапти и грызетъ ихъ.

6) Самый большой и опасный змѣй — *ырыслэнъ*; отъ укуса его никто не можетъ убѣжать. Разъ одинъ человѣкъ ѣхалъ верхомъ съ пещюромъ за спиной; увидѣвъ ырыслена, онъ тотчасъ же нахлысталъ лошадь, но, какъ ни быстро мчался на ней—ырыслэнъ догналъ его, ударился о пещюръ и прошибъ его. Къ счастью этого человѣка въ пещюръ былъ у него горячій хлѣбъ, только что вынутый изъ печи; ырыслэнъ обжогся и умеръ, а человѣкъ спасся отъ смерти. Русскіе, въ селѣ Бѣловолжскомъ Чебоксарскаго уѣзда, таково же змѣя называютъ „полозъ“.

7) *Сьуда кѣль* (свѣтлое озеро) ⁽¹⁾, по словамъ моего спутника на это озеро, перенеслось на теперешнее мѣсто съ поля подъ деревней Ар'замасъ сосѣдняго Чемеевского прихода. Случилось это, когда дѣдушкѣ разказчика было 12 лѣтъ (а дѣдъ его умеръ въ 1844 году 65-ти лѣтъ отъ роду). Перелетъ озера—разказывалъ спутникъ со словъ своего дѣда—совершился такъ. Сначала появился надъ деревней Ар'замасъ густой туманъ и стоялъ три дня, потомъ поднялся вѣтеръ и погналъ туманъ. Когда туманъ дошелъ до того мѣста, гдѣ теперь озеро—ранѣе тутъ было небольшое болото—вдругъ изъ него упала на болото девяти—аршинная рыба. Рыбу эту долго никто не трогалъ, даже собаки. Но вотъ откуда-то прилетѣли какія-то птицы и рыбу разклевали; когда люди узнали объ этомъ, то сильно обрадовались. Такое же озеро—продолжалъ разказчикъ—есть еще.... я, къ сожалѣнію, забылъ записать гдѣ именно, но только въ ядринскомъ же уѣздѣ, на югъ отъ Шуматовскаго прихода. Въ этомъ другомъ озерѣ часто всплываютъ на верхъ доски разбившихся въ моряхъ кораблей, иногда съ надписями ихъ названій. Въ Сьуда кѣль живетъ духъ, котораго окрестные жители боятся. Благодаря этому духу, грязная вешняя вода, стекающая въ озеро съ окружающихъ его пахотныхъ полей, на средину озера никогда не заходитъ, а

⁽¹⁾ Село Шуматово и его приходъ. Казан. Губ. Вѣдом. 1870 г. №№ 63 и 68.

бѣжить къ выходу по краямъ озера. Между прочимъ жители вѣрятъ, что, если лёдъ на Сьуда вѣль весной опустится на дно, то будетъ плохой урожай хлѣбовъ; если же растаетъ плавая по верху—хорошій.

Изъ *примѣтъ* мною записаны еще слѣдующія:

1) Сѣвъ хлѣбовъ въ Шуматовскомъ приходѣ не начинаютъ чуваша до рожденія новой луны. Въ деревнѣ Анатъ Сунаръ сверхъ того не начинаютъ сѣвъ въ тотъ день, въ какой былъ праздниѣ Благовѣщенія.

2) Во время ущерба луны негодится: 1) золить холсты и 2) садить въ огородахъ овощи. Садить овощи не годится также послѣ „поворота“, въ июнѣ мѣсяцѣ.

3) Весенній сѣвъ начинаютъ съ того времени, какъ начнетъ пѣть птичка „Витрѣнь Турры“—русскаго названія незнаю, а озимовый—когда по палнѣ начнутъ прыгать кобылки (шырчык).

4) Производить сѣвъ въ самый полдень, а также выѣзжать или начинать другое какое—либо дѣло въ это самое время—считается неблагополучіемъ. Для убѣдительности рассказываетъ такой случай. Разъ одинъ черемисинъ сѣялъ и все смотрѣлъ на солнце. Послѣ оказалось, что посѣянное имъ до полдень уродилось хорошо, а въ самый полдень—плохо. Поэтому чуваша Шуматовскаго прихода въ земледѣліи стараются во всемъ подражать черемисамъ козьмодемьянскаго уѣзда, съ которыми они видятся во время своихъ поѣздокъ въ г. Козьмодемьянскъ (въ 60 верстахъ отъ села Шуматова) съ мукой для продажи. Въ самое недавнее время „апайки“ (женскій полъ), въ подражаніе черемискамъ, стали зимой поголовно новязываться шалами и платками, взамѣнъ прежнихъ высокихъ шапокъ на подобіе митръ.

Для музея *Общества* изъ нарядовъ чувашекъ или, какъ ихъ въ селахъ русскіе называютъ, апакъ, я приобрѣлъ:

1) Двѣ „сара“. Соотвѣтствующаго русскаго названія этому наряду нѣтъ. Надѣвается на поясъ сзади, вдоль обѣихъ ягодицъ. Покрой—старинный; нынѣшнія дѣлаются и уже и короче. Носятъ и женщины и дѣвушки. Ц. 20 в. сер.

2) Одну „пысь тупры“—висточку. Носится на поясѣ на правомъ боку. Парни на этомъ мѣстѣ носятъ морка = яраба. Цѣна 25 в. сер.

3) Одинъ „хурэ“ = хвостъ—висть. Подвязывается сзади къ косѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя прикрѣпляется къ

поясу и служить продолженіемъ ея. У нѣкоторыхъ въ „хурѣ“ вставляется до 6 мѣдныхъ дудочекъ; у прибрѣтеннаго экземпляра ихъ только 3. Цѣна 50 коп. сер.

4) Два „той пось торы“—мѣдный головной гребешекъ. Какъ нарядъ, носились прежде женщинами и мужчинами на ремешкахъ у поясовъ, на правомъ боку; теперь же почти вышли совсѣмъ изъ моды. Экземпляры—старинные. Цѣна отъ 3 до 5 коп. сер.

5) „Хорт посси“—ужовка, змѣиная головка (раковина). Нанизываются на „шувгемѣ“ и на другіе наряды. (Въ чебоксарскомъ уѣздѣ эти раковины привозятъ татары изъ Москвы и продаютъ, крупныя—по 5 коп. сер. за штуку, мелкія—по 3 коп. сер.).

6) Дрѣвѣ дѣтскія вуклы (поганѣ). Изображаютъ свахъ въ свадебномъ поѣздѣ. Крышка отъ спичечной коробки на груди у одной замѣняетъ „шувгемѣ“. Приобрѣтены въ деревнѣ Кильдишъ въ обмѣнъ на ситцевые лоскуты.

Невошедшія въ Словарь Н. И. Золотницкаго чувашскія слова:

Агакъ шырэй—бисеръ.

Витрѣнъ турры—птичка; русское названіе не извѣстно.

Ырыслѣнъ—легендарный змѣй.

Коччагъ—мѣдный треугольникъ=ушко у шувгемѣ для подвѣшиванія его къ сарпану.

Кубыл—мѣдная блѣстка, въ видѣ пляпы, съ круглой верхушкой и широкими полями; нанизываются на бисеръ. Экземпляръ см. на пыси турры.

Лѣба—корзинка изъ таловыхъ прутьевъ для сохраненія столовыхъ ложекъ.

Мужурла—парный, четный.

Нерѣть—вянтиры (рыболовный снарядъ); имъ ловятъ карасей въ Сьуда кѣль).

Пуссир—неуступчивый.

Сьузѣ—кисточка безъ бисеру, бахрома (у сары, напр.).

Тѣгелле—одиночный, нечетный.

Тѣмеске—бугорокъ.

Хутламай—ватрушка съ загнутыми четверугольникомъ краями.

Шаланга—птичка; русское названіе неизвѣстно.

Яраба—унизанная бисеромъ кисточка (въ ядр. у.).

О РАСКОПКАХЪ

ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ НА ГОРОДИЩѢ БЛИЗЪ ДЕР. ГАЛКИНОЙ,
на устьѣ р. Чусовой.

Члена-сотрудника *П. И. Кротова.*

Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи уполномочилъ меня производить въ теченіи прошедшаго лѣта раскопки, изслѣдованія и вообще всякаго рода изысканія для Общества. Пользуясь этимъ я, при своихъ разъѣздахъ прошедшимъ лѣтомъ по Пермской губерніи съ геологическою цѣлю, не упустилъ случая дѣйствовать и въ интересахъ Общества. Въ настоящее время я считаю своею обязанностию представить Обществу тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось добыть во время своей поѣздки.

Начну прежде всего съ Галкинскаго городища на устьѣ р. Чусовой, которое я имѣлъ случай осматривать уже лѣтомъ 1878 года вмѣстѣ съ А. А. Штувенбергомъ и которое нынѣшнимъ лѣтомъ мною было обслѣдовано болѣе полно и обстоятельно. Топографія Галкинскаго городища или „Стрѣлки“, какъ его называютъ мѣстные жители, была уже очерчена проф. Штувенбергомъ въ IV общемъ собраніи Общества⁽¹⁾; тогда же имъ была сдѣлана и общая характеристика самаго городища, а равно и указано на значеніе его, какъ памятника отдаленной культуры, именно чудской, судя по находкамъ бронзовыхъ вещей на этомъ городищѣ, сдѣланнымъ мѣстными жителями. Но, такъ какъ въ прошлый разъ на этомъ городищѣ нами лично не было сдѣ-

---

⁽¹⁾ См. «Извѣстія» Общества, т. I, стр. 95 и слѣд.

лаво никакихъ находокъ, рѣшающихъ такъ или иначе вопросъ объ его древности, то у нѣкоторыхъ гг. членовъ Общества явилось сомнѣнiе въ столь сравнительно большой древности его и была высказана надежда, что только путемъ раскопокъ и находженiемъ на мѣстѣ тѣхъ или другихъ предметовъ, указывающихъ на эпоху его сооруженiя, и можно рѣшить вопросъ объ его древности. Раскопки съ этою цѣлю и произведены мною нынѣшнимъ лѣтомъ.

Желая прежде всего познакомиться съ строенiемъ вала и съ матеріаломъ, изъ котораго онъ сложенъ, я провелъ двѣ перпендикулярныя къ валу канавы въ 0,5 сажени шириною каждая, на нѣкоторомъ разстоянiи одну отъ другой, и такимъ образомъ пересѣкъ валъ въ поперечномъ направленiи, стараясь при этомъ дойти до коренной земли, на которой онъ насыпанъ. При этихъ раскопахъ оказалось, что весь валъ, до 2 арш. высоты, сложенъ изъ плитняковыхъ известняковъ съ примѣсью сѣрой глины и растительной земли, которая встрѣчается во всѣхъ горизонтахъ вала. Матеріалъ этотъ, очевидно, мѣстнаго происхожденiя, такъ какъ плитняковые известняки совершенно сходны съ подобными же породами, слагающими самую „Стрѣлку“. Такъ какъ въ самомъ валѣ не было найдено никакихъ предметовъ, а они попадались только въ верхнихъ слояхъ вала, въ почвенномъ слоѣ, то мною и было обращено преимущественное вниманiе на этотъ слой: во многихъ мѣстахъ, какъ на склонахъ вала, такъ и въ прилегающей къ нему полосѣ, съ внутренней стороны городища, былъ снятъ дернъ и подпочвенный слой былъ осматриваемъ самымъ внимательнымъ образомъ. Оказалось при этомъ, что во многихъ мѣстахъ, непосредственно подъ дерномъ, въ растительномъ слоѣ залегаютъ иногда обломки костей животныхъ (нѣкоторыя изъ нихъ свинья), небольшiе кусочки угля и черепки глиняной посуды съ характерными для нихъ „раковинками“. Вотъ—всѣ находки, сдѣланныя мною при этихъ раскопкахъ. Ни каменныхъ орудiй, ни бронзовыхъ, ни желѣзныхъ предметовъ не было найдено. Но въ прежнее время, при распашкахъ на этомъ городищѣ, находили, какъ уже было замѣчено, нѣкоторые бронзовые вещи. Находились также тамъ какiя-то (серебряныя) монеты, но я не видѣлъ ни одной изъ нихъ. Желѣзныхъ вещей, по разсказамъ крестьянъ, никогда не было найдено.

Изъ сдѣланныхъ до настоящаго времени находокъ, конечно, только бронзовые предметы и черепки глиняной посуды могутъ хотя нѣсколько освѣтить вопросъ о древности этого городища, да и то далеко не безусловно, а только относительно. Именно, на основаніи добытыхъ теперь фактовъ, можно только приравнять это городище къ сотнѣ другихъ, ему подобныхъ, называемыхъ также *чудскими* и находящимся на востокъ Россіи, и такимъ образомъ ждать рѣшенія этого вопроса до того времени, когда будетъ вырѣшенъ вопросъ о древности всѣхъ вообще чудскихъ городищъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя ставить городище при д. Галвиной въ исключительное положеніе, относя его напр. къ эпохѣ русской Строгановской колонизаціи, какъ это сдѣлали гг. П. А. Пономаревъ и проф. В. М. Флоринскій; нельзя также считать его, вмѣстѣ съ проф. Н. А. Ойрсовымъ, относящимся къ эпохѣ борьбы между хрістіанствомъ и язычествомъ, такъ какъ подобное предположеніе, основанное только на преданіяхъ, нисколько не оправдывается фактами. Черепки глиняной посуды очень грубой работы, находимые въ другихъ мѣстахъ восточной Россіи обыкновенно съ каменными орудіями, говорятъ за гораздо большую древность этого городища, чѣмъ напр. эпоха Строгановской колонизаціи и т. под. Отъ этихъ эпохъ мы вправѣ ожидать остатковъ, сдѣланныхъ уже изъ желѣза. А ихъ-то и не найдено на этомъ городищѣ. Да если бы и были найдены тутъ желѣзные орудія, если бы это городище и было обитаемо въ вышесказанное, сравнительно недавнее, время, все же первоначальное поселеніе на этомъ городищѣ и въ прилегающей къ нему мѣстности относится къ эпохѣ гораздо болѣе отдаленной. Существующіе у меня факты говорятъ за то, что по устью Чусовой жилъ человѣкъ, употреблявшій каменные и костяные орудія и дѣлавшій себѣ глиняную посуду изъ рѣчнаго и озернаго ила. Вотъ эти данныя.

На обширной лѣсистой равнинѣ, разстилающейся у подножія „Стрѣлки“, расположена небольшая деревня, Усть-Чусовская. Какъ самая деревня, такъ и пахатныя поля ея расположены на сравнительно невысокой террасѣ, нѣсколько возвышающейся надъ заливной равниной, окружающей ее съ востока, запада и юга. Заливная равнина изобилуетъ небольшими озерами, заливами, лѣтомъ разобщающимися отъ Камы и Чусовой и соединяющимися съ ними

только во время весеннего разлива. На пашнѣ, прилегающей къ этимъ озерамъ и заливчикамъ, мѣстные жители находили не разъ каменные стрѣлки. Заинтересовавшись этимъ, я отправился на указанные мнѣ мѣста и здѣсь, въ сравнительно короткое время, собралъ до 200 кремней, носящихъ на себѣ очевидные слѣды обдѣлки рукою человѣка, а два изъ нихъ (№№ 2 и 15) представляютъ уже хорошо обдѣланные орудія. Тутъ же найдено нѣсколько черепковъ глиняной посуды очень грубой работы. Всѣ эти предметы собраны мною на пашнѣ къ югу и къ сѣверу отъ дер. Усть-Чусовской. Большинство осколковъ кремня мѣстнаго происхожденія, за исключеніемъ №№ 13 и 14, которые, вѣроятно, валуннаго происхожденія.

Изъ находенія около вышеупомянутой деревни кремневыхъ осколковъ вмѣстѣ съ каменными орудіями явствуетъ, что человѣкъ, употреблявшій эти орудія, жилъ гдѣ то въ этой мѣстности, можетъ быть на самой „Стрѣлкѣ“, гдѣ мною найдены черепки глиняной посуды, а можетъ быть и на равнинѣ, около д. Усть-Чусовской, гдѣ онъ и дѣлалъ на мѣстѣ свои орудія.

Изъ этого краткаго очерка видно, что мѣстонахожденія каменныхъ орудій на устьѣ Чусовой совершенно сходны съ таковыми же мѣстонахожденіями на Волгѣ и Камѣ въ здѣшнемъ краѣ, что условія жизни, мѣста поселеній человѣка этого періода какъ здѣсь, такъ и тамъ, были въ общемъ сходны: и здѣсь, какъ и тамъ, мѣста поселеній находятся на средней рѣчной террасѣ, не много возвышающейся надъ заливной равниной; и здѣсь, какъ и тамъ, они расположены около временныхъ озеръ и заливовъ, въ лѣсистой мѣстности,—условія, при которыхъ человѣкъ каменнаго періода могъ легче добывать себѣ необходимыя для жизни средства.

Каменные орудія находятъ не только на устьѣ Чусовой, около д. Галкиной, но и въ другихъ мѣстахъ, выше по Чусовой. Такъ, напр., я приобрѣлъ одно удлиненное 3-хъ гранное орудіе изъ темнаго кремня въ с. Красномъ, находящемся верстахъ въ 15—20 къ востоку отъ Галкиной, гдѣ оно найдено тоже въ полѣ, на пашнѣ.

Около Галкинскаго городища находятъ не только каменные, но и костяные орудія. Я приобрѣлъ одно изъ нихъ отъ крестьянина д. Галкиной, найденное имъ на огородѣ,

въ самой деревнѣ. Это превосходно сдѣланный костяной наконечникъ стрѣлы. Но этотъ фактъ далеко не единственный въ тамошнемъ краѣ, такъ какъ г. Теплоуховъ находилъ костяныя орудія на такъ называемыхъ „костищахъ“, и находилъ ихъ въ значительныхъ массахъ.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ относительно черепковъ глиняной посуды, находимыхъ въ Пермскомъ краю вмѣстѣ съ каменными и костяными орудіями, какъ на городищахъ, такъ и на костищахъ. Справедливо думаютъ, что глиняная посуда дѣлалась человѣкомъ того періода изъ рѣчнаго и озернаго ила, причемъ отъ нечистоты матеріала зависѣло, что въ стѣнки сосудовъ попадали вмѣстѣ съ глиной и разныя постороннія для нея вещества, напр. песчинки, мелкіе камешки, обломки створокъ моллюсковъ (преимущественно изъ рода *Limnaeus* и др. обитателей стоячихъ и тихотекущихъ водъ). Но г. Теплоуховъ въ своей статьѣ „Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge“ высказалъ мнѣніе, что нахождение створокъ моллюсковъ въ стѣнкахъ глиняныхъ сосудовъ, появленіе въ нихъ раковинокъ, не было случайнымъ, не зависѣло отъ нечистоты матеріала, такъ какъ человѣкъ того періода долженъ по опыту знать, что посуда, сдѣланная изъ такого нечистаго матеріала, болѣе ломка и скорѣе подвержена разрушительному дѣйствию огня, чѣмъ посуда, сдѣланная изъ чистой глины. Онъ думаетъ, что человѣкъ того періода, втискивая въ массу глины обломки раковинъ, преслѣдовалъ скорѣе художественныя цѣли: онъ хотѣлъ придать этимъ своей посудѣ красивый, пестрый, видъ. Но если бы дѣйствительно обломки раковинъ употреблялись только для украшенія посуды, то, мнѣ кажется, они не должны бы переполнять всю стѣнку посуды, а должны бы находиться только на наружной поверхности черепка. А между тѣмъ мы находимъ главную массу раковинокъ въ самой стѣнкѣ, а не на наружной поверхности ея. Отъ этого сосуды, конечно, не приобрѣтали большей прочности и устойчивости, да не много выигрывали и въ художественномъ отношеніи. Поэтому, мнѣ кажется, болѣе справедливо объяснять появленіе въ стѣнкахъ сосудовъ раковинокъ нечистотою матеріала, а не въ томъ смыслѣ, какъ предлагаетъ г. Теплоуховъ.

Въ заключеніе я укажу еще на одно городище, видѣнное мною въ Пермской губерніи, которое, кажется, не извѣстно по литературнымъ указаніямъ. Слѣды этого городища

я видѣлъ на правомъ, высокомъ берегу р. Сылвы, въ 1,5 в. отъ г. Кунгура, на такъ называемой Ледяной горѣ, въ которой находится знаменитая Кунгурская пещера. Оно состоитъ теперь изъ валовъ и рововъ, окружающихъ небольшое пространство земли, на вершинѣ горы, съ 3-хъ сторонъ: востока, сѣвера и юга, а съ запада это городище было защищено неприступнымъ для нападенія обрывомъ берега рѣки. При распахкѣ находили на городищѣ бусы, бронзовыя вещи и нѣкоторые другіе предметы. Но эти находки сдѣланы были уже давно, такъ что теперь всё онѣ затеряны и мнѣ, не смотря на всѣ старанія, не удалось видѣть ни одной изъ нихъ.

О НЕСУЩЕСТВУЮЩЕМЪ БОЛѢ ХАРАКТЕРНОМЪ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ ИЗОБРАЖЕНІИ ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ КУПОЛОВЪ ГЛАВНАГО ХРАМА КАЗАНСКАГО СПАСОПРЕОБРАЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Дѣйствительнаго члена *Апп. Ѳ. Можаровскаго.*

Время управленія Казанскимъ Спасскимъ монастыремъ (1866—1868) преосвященнаго Гурія, нынѣ Таврическаго, ознаменовано, между прочимъ, капитальнымъ исправленіемъ главнаго храма этого монастыря, того, въ коемъ почиваютъ мощи св. Варсонофія: изъ холоднаго этотъ храмъ сдѣланъ теплымъ; массивныя желѣзныя дуги на пяти громадныхъ главахъ храма, тяжестью своею давившія зданіе, замѣнены деревянными; входная сѣверная дверь обращена въ окно; по западной сторонѣ, внутри храма, устроены хоры; внутри стѣны раздѣланы масляными красками и расписаны историческою живописью, но только не въ томъ видѣ, какъ онѣ расписаны были прежде, а въ иномъ, хотя по мысли преосвящ. Гурія и должно было все изъ историческаго стѣннаго письма быть восстановлено по прежнему. Измѣненіе противъ прежняго стѣннаго письма послѣдовало отъ покойнаго владыки Антонія, который далъ иную редакцію этому письму, и живопись получила другой характеръ. Правда, что по этой иной редакціи въ настоящей стѣнной живописи все какъ нельзя болѣе осмыслено и соображено съ церковной исторіей и археологіей до того, что предъ взоромъ молящихся представляется въ лицахъ жизнь церкви, и вселенской, и, въ частности, русской и еще частіе—жизнь церкви Казанской, но изъ жизни послѣдней, вопреки прежней редакціи, сглажено и замѣнено другимъ изображеніемъ весьма характерное въ историческомъ отношеніи для Казанской страны и церкви, и при томъ такое, которое было, на сколько мнѣ извѣстно, единственнымъ изображеніемъ изъ всѣхъ изображеній въ храмахъ Казанской епархіи. Объ этомъ-то изображеніи—хотя и не существующемъ уже—я и хочу предложить посильное вниманію мѣстнаго историко-археологическаго Общества.

Въ темномъ купольцѣ надъ сѣверной олтарной дверью, или, иначе, вверху свода между лѣвомъ влиросомъ и бывшею виѣшнею входною дверью съ сѣвера, обращенною теперь въ окно, тамъ, гдѣ нынѣ представлено изображеніе святителя Варсонофія, приобщающагося св. Таинъ въ келліи, до возобновленія въ 1867 году находилось слѣдующее изображение: святые Гурій и Варсонофій Казанскіе Чудотворцы, въ полныхъ святительскихъ одеждахъ, предъ ними волѣно-преклоненный преподобный Сергій Радонежскій съ непокрытой главой, въ характерной сине-красной мантии и съ распростертой правой рукой, указующей на стоящій нѣсколько вдали христіанскій градъ. Подписи подъ изображеніемъ не было никакой, кромѣ указанія противъ ликовъ именъ святыхъ.

Когда, по начальной редакціи обновленія стѣннаго письма, положено было все оное возстановить по прежнему, тогда современный обновленію и наблюдавшій за работами вазначей Спасскаго монастыря о. Спиридонъ—подъ вліяніемъ только-что прочитанной имъ въ „Правосл. Собесѣдникѣ“ моей статьи о покореніи Казани (сент. кн. 1866 г.), обратился ко мнѣ, какъ къ лицу отчасти знакомому съ Казанскою исторіею, за разрѣшеніемъ: что бы такое обозначало упомянутое изображеніе? Я тогда объяснилъ это изображеніе такъ (и отъ этого объясненія не отступаю и теперь): изображеніе это означаетъ передачу преподобнымъ Сергіемъ покровы и водительства надъ Казанскою странюю и церковію мѣстнымъ прославленнымъ угодникамъ, святителямъ Гурію и Варсонофію; волѣнопреклоненнымъ же преподобный Сергій изображенъ въ знакъ смиренія и іерархическаго подчиненія предъ святителями, яко преподобный.

Основаніемъ къ такому толкованію этого изображенія для меня, какъ тогда, такъ и теперь, служило слѣдующее: первымъ изъ святыхъ предстателей и заслужниковъ земли русской осятилъ своимъ чудодѣйственнымъ явленіемъ иновѣрную Казанскую страну преподобный Сергій⁽¹⁾; ему же, по этому, воздвигнуть былъ и первый христіанскій храмъ въ покоряемой странѣ, именно на Круглой горѣ (въ Свіязскѣ),

---

(¹) Карамз. И. Г. Р. т. VIII, примѣч. 229.

24 мая 1551 года ⁽¹⁾. Самъ державный побѣдитель Казанскаго царства воевалъ Казань, предавши себя заступленію и водительство преподобнаго Сергія, и мы видимъ (по сказанію Казанской Исторіи), что разгромъ невѣрной Казани совершилъ въ моментъ, когда изъ обители преподобнаго „быль принесенъ Царю, яко нѣкое пламенное оружіе, крестъ запечатлень, а въ немъ мощи и образъ видѣнія св. Сергія“ ⁽²⁾. „О великій Чудотворце, преподобне Сергіе! Твоими молитвами ко общему Владыцѣ Христу желаемое свое получихомъ, и елико не начеаемо, то содѣяшеся“—со слезами молился Іоаннъ предъ равой преподобнаго Сергія послѣ побѣды надъ Казанью ⁽³⁾. И если мы видимъ, что побѣдоносный Царь „освятить покоренный градъ во имя св. Троицы и Богоматери и великихъ Чудотворцевъ“ ⁽⁴⁾, а самый кафедральный храмъ устроилъ въ немъ не во имя преподобнаго Сергія, заступленію и водительству котораго ввѣрялась Казань, но во имя Благовѣщенія, то это потому, что, какъ гласитъ тропарь, Благовѣщеніе, по смыслу церкви, „естъ главизна нашего спасенія“, а желаніе Державнаго побѣдителя о побѣжденныхъ было: „да познають Бога истиннаго невѣрные, и вмѣстѣ съ нами да славятъ св. Троицу во вѣки вѣковъ“ ⁽⁵⁾,—невѣрные, благовѣстіе о спасительномъ имени Христовомъ, для которыхъ должно было обильно изливаться отъ сего святаго храма, да освятятся всѣ улусы татаръ и всѣ обиталища чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвовъ и на всегда да упразднятся магометанскія мечети однихъ и языческія требища другихъ.

Съ прославленіемъ мѣстныхъ святителей какъ бы сама собою кончалась миссія, вѣрующимъ сердцемъ побѣдителя Царя, освященнаго Собора и всего русскаго народа возложенная на преподобнаго Сергія по покровенію новопріобрѣтеннаго града, страны и живущихъ въ нихъ: Казань и вся страна съ живущими въ нихъ становились теперь подъ непосредственное покровеніе своихъ святыхъ. Эту мысль и выразилъ художникъ въ описываемомъ изображеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁽¹⁾ Карамз. И. Г. Р. т. VIII, стр. 423 текста по изд. 1849 г. бр. Слѣднытъ.

⁽²⁾ Ibid. примѣч. 327.

⁽³⁾ Пол. собр. рус. акт. т. VI, стр. 314.

⁽⁴⁾ Карамз., примѣч. 347.

⁽⁵⁾ Ibid. стр. 493 текста.

У ВОТЯКОВЪ ЕЛАБУЖСКАГО УБЪДА.

Члена-сотрудника Г. Н. Потанина.

Южная окраина Вятской губерніи, прилегающая къ Камѣ и пересѣваемая рѣками Ижемъ и Тоймой, ближе къ Камѣ населена татарами, а въ сѣверозападномъ углу, т. е. въ верхней части долины Тоймы и по двумъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Ижъ справа и носящимъ одно общее имя *Варзи*—вотаяками. Въ свою поѣзду въ этотъ край лѣтомъ 1881 года мнѣ довелось немного дольше пробыть между вотаяками. Именно, пройдя вверхъ по Тоймѣ до села Асанова, куда я прибылъ 23 іюня, я съѣздивъ отсюда въ вотскую деревню Утчань, потомъ переѣхалъ въ село Варзи—Ятчи, гдѣ дождался праздника, который извѣстенъ подъ названіемъ „булда“; побывавъ въ сосѣднемъ селѣ Кырынды, населенномъ преимущественно старокрещеными татарами, живущими впрочемъ чисто по мусульмански, я оставилъ вотское населеніе и выѣхалъ въ Пьяный-Боръ, откуда съѣздивъ въ деревню Биму, чтобы взглянуть на черемисовъ.

Такимъ образомъ я видѣлъ три народности: вотяковъ, татаръ и черемисовъ. Татары на моемъ пути встрѣчались какъ чистые мусульмане (въ дер. Салагушъ), такъ и крещеные, живущіе по русски (дер. Мунайка, первая станція къ с. отъ Елабуги) или крещеные, но держащіеся корана (дер. Кырынды). Къ сожалѣнію, я провелъ въ дер. Салагушъ всего одинъ только день, а въ Кырындахъ и въ Мунайкѣ видѣлъ татаръ только изъ окна квартиры (1).

---

(1) Въ Мунайкѣ женщины носятъ особый головной уборъ—шапочку съ роговиднымъ придаткомъ, который торчитъ впередъ. Въ другихъ татарскихъ деревняхъ на моемъ пути такой шапки я не видѣлъ.

Вотское население сидитъ по р. Тоймѣ отъ вершины до середины ея теченія; послѣдняя деревня внизу Енгибардина, по вотски—Тереншурь. Отъ вершины Тоймы вотскія селенія переходятъ и на рѣку Валдъ, текущую на сѣверъ. Къ востоку отъ Тоймы вотяки занимаютъ верхнія и среднія части рѣчекъ Варзи, но и здѣсь вотское население не доходитъ до устій этихъ рѣкъ, которыя заняты татарами.

Названія многихъ урочищъ въ вотской области, не объяснимыхъ изъ вотскаго языка, какъ будто свидѣтельству ютъ, что вотяки не аборигены ея, а пришельцы въ край. Только названія мелкихъ урочищъ, полей, овраговъ—носятъ названія, объяснимыя изъ вотскаго языка, напримѣръ: Гондырь-вужь, или Гондырь-сэрэгъ, медвѣжьій уголь, капустный уголь и т. п., но названія рѣчекъ, въ особенности болѣе значительныхъ, и деревень носятъ имена какъ будто заимствованныя изъ чуждаго языка, какъ наприм. Варзи, Калтымакъ, Вараги (три рѣчки, впадающія въ Калтымакъ; онѣ называются также Вараги, Варяжъ), Тойма, Ляли, Ятчи, Утчанъ, Усд, а также Омга, Пельга; послѣднія безпрестанно встрѣчаются въ соединеніи, наприм. Варзи-пельга, Варзи-омга, Усо-омга⁽¹⁾. Еще страннѣе имена Умья, Омья, Пубья и другія⁽²⁾, которыя своими окончаніями похожи на имена нѣкоторыхъ воршудовъ, приводимыхъ г. Гавриловымъ въ его „Произв. народ. слов. вотяковъ“ (стр. 161): жумья, джиевья, чипья, пѣбья и др. На это—иногда совершенно полное сходство названій урочищъ съ именами воршудовъ, (такъ напр. изъ приведенныхъ г. Гавриловымъ, кромѣ побья, встрѣчаются въ ряду урочищъ Какся (дер. Муки-какся), Тувля (дер. Ува-тувля), Селта (дер. Селта) и м.б. другія,—можно смотрѣть отчасти какъ на помѣху предположенію, что эти странныя имена чужды вотскому языку; они могутъ быть архаическими вотскими формами, сохранившимися вслѣдствіе сво-

---

⁽¹⁾ Varsi, Varhsi, по мокша—мордовски ворона; по эрзя—мордовски varsei, varaka, ворона; см. Ahlquist, Versuch ein Mokscha-mordw. Grammatik, S. Petbg. 1864 стр. 180. Wiedemann, Grammatik der ersä-mordw. Sprache, S. Ptsbg. 1865 стр. 167. Ятча, джатча—ласка (Mus-tela vulgaris) по татарски.

⁽²⁾ Это имя Пубья напоминаетъ одно изъ варяжскихъ именъ, упоминаемыхъ въ Игоревомъ договорѣ: Пубьниксарь.

его важнаго значенія безъ измѣненія, тогда какъ другія формы постоянно измѣнялись. Вопросъ этотъ рѣшать знатоки нарѣчія. Замѣчательно, что деревни, лежація въ вершинахъ рѣкъ, имѣютъ сложныя названія, какъ напр. Аргабажъ, Тоймавашъ, Варзибажъ, въ которыхъ первый членъ происходитъ отъ рѣки, въ вершинахъ которой селеніе находится, а второй очевидно заимствованъ съ татарскаго „башъ“, которое значитъ „голова“, а также „вершина рѣки“.

Сами вотяки мало могутъ разъяснить вопросъ о ихъ прежней родинѣ. Мнѣ только отъ одного вотяка удалось услышать показаніе, что прежняя родина вотяковъ была въ Бирскомъ уѣздѣ. Такъ какъ здѣшніе вотяки знаютъ, что въ Бирскомъ уѣздѣ есть часть ихъ племени, то можетъ быть этотъ фактъ навелъ сообщившаго мнѣ вышеупомянутое показаніе на мысль, что вотяки Бирскаго уѣзда—остатки племени на его старой родинѣ. Впрочемъ въ разсказѣ какъ будто сохранилась даже подробность древняго быта. Разсказчикъ добавилъ къ приведенному выше своему сообщенію, что вотяки были *кыр халыкз*, степной народъ; домовъ съ печами тогда не имѣли, сидѣли кружкомъ всей семьей около огнища и такъ грѣлись зимой; они были тогда настолько глупы, что не догадывались отодвинуться отъ огня, а если начинало сильно жечь, обмазывали страдавшую часть тѣла глиной и продолжали лежать въ прежнемъ положеніи. Эта прибавка дѣлаетъ разсказъ похожимъ на старое преданіе ⁽¹⁾.

Остатки древности въ краѣ—насыпи, валы и рвы ⁽²⁾—вотяки приписываютъ не предкамъ своимъ, а великанамъ

⁽¹⁾ Замѣчательно сходство нѣкоторыхъ географическихъ названій вотской области съ названіями болѣе южнаго Поволжья, напр. деревня Биляръ въ вершинахъ р. Валъ, село Бияморское, Уржумск. у.; первое напоминаетъ древній городъ Биляръ, второе Бульмеръ.

⁽²⁾ Валы со рвами встрѣчаются преимущественно на мысахъ, которыми оканчиваются террасы надъ рѣчными возвышенностями. Одинъ такой мысъ съ подобнымъ сельдбищемъ около дер. Утчанъ называется у мѣстныхъ жителей *каръ-четкеръ*; *каръ*—по вотски: шалашъ, гнѣздо (птичье), городъ, *четкеръ*—высокая гора; такъ покрайней мѣрѣ намъ перевели наѣтофъ. Есть «четкеръ» и возлѣ деревни Кузѣбаевой: это просто высокій мысъ, значительно превышающій другіе; вершина его распахана; отъ мѣстныхъ жителей не скрылась та особенность его, что здѣсь много раскидано въ почвѣ камней, что на другихъ мысахъ не замѣчается. Не было ли здѣсь прежде сложено кучи камней, какія и теперь

или людямъ другой организаціи. Въ деревнѣ Утчанъ лежащей близъ нея карь-четверьъ приписывается *аланъ-гасарамъ* ⁽¹⁾. Это были древніе люди, слабые силой, которые ходили и то и дѣло падали, но роста были необыкновеннаго. По другому разсказу аланъ-гасары были великаны, жившіе прежде и сражавшіеся лучшимъ боемъ; на ходу они сминали лѣсъ, какъ мы крапиву.

О появленіи вотяковъ въ краѣ разсказывается тоже, что чувашами разсказывается объ алыпахъ ⁽²⁾, а русскими о чуди. Когда первый вотякъ появился на землѣ — онъ началъ пахать пашню; аланъ-гасаръ, увидѣвъ его, посадилъ его въ свой карманъ и принесъ домой; показывая матери онъ сказалъ: я какого то дятла (сизь) поймалъ. Мать ему отвѣчала: это не дятель, а новый человѣкъ; если они появились, это значитъ, что намъ пришелъ конецъ.

Странно, что двадцать верстъ восточнѣе, вотяки, живущіе на р. Варзи, уже не знаютъ аланъ-гасаровъ, а все что этимъ послѣднимъ приписывается, относятъ къ народу *ну-юй* или — по другимъ показаніямъ — къ народу *курукъ*.

Если Вотяки бѣдны преданіями о приходѣ цѣлаго племени, за то преданій о заселеніи отдѣльныхъ деревень въ

еще складываются набожными людьми въ Монголіи и называются «обо»? Въ дер. Варзи-ятчи и около села Ильинскаго мысы съ подобными же остатками зовутъ *карь-туресь*; гуресь — аначитъ гора.

⁽¹⁾ Это имя напоминаетъ прежде всего два народа — Алавы и Хазары — которые жили рядомъ, первые при сѣверной подошвѣ Кавказа, вторые въ низовьяхъ Волги; не есть ли оно парное имя, члены котораго переселились рядомъ, въ родѣ Джеты-у-ругъ? (Смотри мои «Очерки сѣверозападной Монголіи» в. II, 27 примѣчаніе къ 4 главѣ). Полагаемъ, что въ алан-гасарамъ вотскаго преданія не слѣдуетъ видѣть сохранившуюся память объ упомянутыхъ двухъ народовъ древности. Аланъ-гасаръ было вѣроятно миеологическое имя громовника; до появленія человечества на землѣ, кто же властвовалъ надъ нею, какъ не громовникъ, личность котораго отчасти смѣшивалась съ медвѣдемъ? Отсюда повѣрья объ аборигенахъ — алыпахъ, чуди и проч. Близкое къ *аланъ* имя мы можемъ видѣть въ именахъ: тат. *аланъ зѣй*, *эмгуланъ* нашихъ сказокъ, монгольское *лун драковъ* и проч., а *гасаръ* можно сближать съ именами Казырь, Азырь, Гесерь, которыя встрѣчаются въ южной Сибири и Монголіи и подъ которыми вѣроятно скрывается громовникъ. Ср. Хазръ-Ильясъ — громовникъ — въ мусульманскихъ легендахъ.

⁽²⁾ См., Извѣст. по Казан. Эпарх. за 1876 г. № 24.

край довольно. Эти преданія также повидимому космическія, локализовавшіяся на вотской почвѣ. О деревнѣ Черный ключь или Шбд—Ошмель рассказывается, что тутъ прежде было дикое незаселенное мѣсто. Черный быкъ (шбд—оп) сталъ рыть землю; пошла вода, которой люди тутъ не подозревали, и послѣ этого открытія основали на ключѣ деревню. Можно было бы думать, что это преданіе вызвано двусмысленнымъ названіемъ урочища: опъ—быкъ, ошмель—ключь. Но оно напоминаетъ киргизское преданіе о космическомъ быкѣ, копытомъ вскрывшемъ родникъ, изъ водъ котораго образовался нынѣ существующій и окружающій землю океанъ (См. Очерки Сѣв. зап. Монголіи, II, 153). Другое преданіе—также какъ будто вариантъ одного киргизскаго преданія⁽¹⁾—рассказывается объ основаніи деревни Варзи—Ятчи. Одинъ житель деревни Ляли⁽²⁾ (эта деревня считается самой древней въ этомъ край, но, къ сожаленію, я упустилъ собрать свѣденія о ея началѣ), когда его сноха овдовѣла взялъ къ ней въ домъ какого-то проходящаго чужеземца изъ племени *ятчи*; впоследствии, когда старикъ умеръ, лялинцы стали вздорить съ дѣтьми Ятчи и этотъ послѣдній со всѣмъ своимъ племенемъ выселился на то мѣсто, гдѣ теперь находится деревня Ятчи; по имени этого родоначальника деревня и доннынъ называется. Деревня Шудзя (или Шудья) названа по имени богатыря Шудзи. Богатырь Шудзя воевалъ съ богатыремъ Калмэзомъ и послѣдній пошелъ на встрѣчу первому съ своими родичами; Шудзя вырвалъ двѣ березы, свилъ ихъ веревкой и бросилъ на дорогу, гдѣ долженъ былъ проходить Калмэзъ. Увидѣвъ свитокъ, Калмэзъ сказалъ своимъ: „нѣтъ, намъ не бороться съ этимъ богатыремъ“ и повернулъ назадъ⁽³⁾. О селѣ Бусурманъ—Можга уроженецъ его, г. Бур-

---

⁽¹⁾ См. мон: Очерки С. З. Монголіи, II, 6.

⁽²⁾ Ср. *laläi*, братъ жены—на эрзянско-мордовскомъ нарѣчій (См. Wiedemann, Grammatik der Ersä-mordw. Sprache, подъ словомъ Schwager).

⁽³⁾ О Калмэзѣ см. у г. Гаврилова: «Прозв. народ. слов. вот.» стр. 149; это имя и богатыря и особаго поколѣнія вотскаго народа. О калмэзахъ, какъ о народѣ, и мнѣ приходилось слышать; такъ вотяки Елабужскаго уѣзда зовутъ вотяковъ Малмыжскаго и тѣхъ, которые живутъ къ сѣверу отъ Можги. Калмэзы будто бы отличаются и языкомъ (такъ у нихъ

динъ, сообщилъ мнѣ слѣдующее преданіе. Прежде жилъ тутъ нѣкто по имени Морданъ; у него было три сына: Можга, Кинегылъ и Сиби. Впослѣдствіе племя ихъ разрослось, всѣмъ стало тѣсно; тогда Морданъ объявилъ, что онъ съ своимъ младшимъ сыномъ Можгой остается на томъ же мѣстѣ, а два другіе брата должны выселиться. Кинегылъ и Сиби отошли отъ Можги по рѣкѣ Вала, но тутъ мѣста было для двоихъ мало, почему одному надо было переселиться за рѣку; ни Сиби, ни Кинегылу не хотѣлось этого. Рѣшили кинуть жеребій: кто, пнувъ болотную кочку, перекинетъ ее за рѣку, тотъ и останется на берегу. Сиби былъ сильнѣе, но, сорвавъ кочку съ мѣста, не могъ ее перекинуть; Кинегылъ предварительно подскѣкъ кочку и потому пинкомъ перебросилъ ее за рѣку. Пришлось Сиби поселиться на другомъ берегу ⁽¹⁾. Такимъ образомъ возникли три деревни: Можга, Кинегылъ и Сиби. Впослѣдствіе Морданъ за что то осердился на Можгу и обозвалъ его бусурманомъ ⁽²⁾; это было бранное слово: такъ называлось сосѣднее племя, которое причиняло много вреда вотякамъ. Вотъ почему произошло названіе Бусурманъ-Можга ⁽³⁾.

вѣсто «ажкычар», передняя ось, говорятъ «тынгыликъ»; вѣсто «тельбуга» возжа, говорятъ «биньгозы») и обычаями: они свивихъ рубахъ, какъ елабужскіе, неносятъ, а только бѣзля; избы у нихъ топятся почерному, трубу печи не вѣшаютъ. Въ Вятской губерніи есть р. Калмезъ; на одного ли корня это имя съ именемъ древнихъ Клобуковъ, Колпинговъ (*κουλπιγγων* византійскихъ историковъ?)

⁽¹⁾ Подобное преданіе у Гаврилова на стр. 145. Споръ о землѣ идетъ также на р. Валѣ, но между родоначальникомъ черемисовъ и вотякомъ Тутомъ. У чувашей также въ легендахъ о трехъ братьяхъ первоначальникахъ рассказывается, что младшій братъ былъ обманутъ старшими; они раздѣлили землю когда тотъ спалъ и обдѣлили его.

⁽²⁾ Проклятіе одного изъ братьевъ первоначальниковъ встрѣчается и у чувашей. О деревнѣ Пансаринной и нѣкоторыхъ сосѣднихъ говорится, что онѣ населены потомствомъ семи братьевъ, изъ которыхъ старшій назывался Бишъ; этотъ Бишъ врылъ въ землю священный (?) столбъ. На торжество водруженія столба не пришелъ одинъ изъ братьевъ Тобахъ, за что Бишъ и осудилъ его на ничтожное потомство. См. Магницкаго: «Археол. достопримѣчательности Чебоксарск. уѣзда», Казань, 1864.

⁽³⁾ Слово Бусурманъ принимается за испорченное мусульманъ. Не лишено будетъ почвы и другое предположеніе, что это было одно изъ племенъ, населявшихъ среднее Поволжье: здѣсь и теперь еще въ устахъ народа живетъ имя племени Мишаръ или Мишяръ, которое въ старину на-

О селѣ Пьяный Боръ, (по татарски Пеньджаръ) рассказываютъ, что первые основатели его долго отыскивали мѣсто для поселенія среди безводнаго бора, страдали жаждой и нашли упавшую борть, въ которой скопилась дождевая вода; они напились ея, но такъ какъ вода смѣшалась въ колодѣ съ медомъ и съята отъ долгаго времени окрѣпла, то они сдѣлались пьяны; проспавшись, они дали тому бору прозвище Пьяный. Это преданіе знаютъ и русскіе. Другое преданіе, малораспространенное, говоритъ, что на горѣ, подъ которой стоитъ село, жила дѣвица богатырь; другая такая же богатырская дѣвица жила за Камой, на горѣ, которая находится близъ татарской деревни Кулюковой, на правомъ берегу р. Ика. Закамская гора доннынѣ называется Кызъ—тау, т. е. „дѣвичья гора“; она будетъ отъ Пянаго Бора верстахъ въ 17. Эти двѣ богатырши по утрамъ передавали другъ другу гребень; имени дѣвицъ не сохранилось въ памяти народной.

Въ надворныхъ постройкахъ особенность вотяковъ составляетъ *куалъ*; русскіе переводятъ это слово „шалашъ“, (1). Такъ называется постройка въ родѣ амбара; полъ земляной, на срединѣ котораго, ближе къ задней стѣнѣ, раскладывается огонь, надъ которымъ помѣщается котелъ или на камняхъ, или на крюкѣ, подвѣшанномъ къ балеѣ вверху. Потолка нѣтъ; крыша двускатная; тесницы лѣваго бока не доходятъ до конька, тесницы же праваго бока высовываются дальше конька; такимъ образомъ во всю длину крыши остается щель, прикрываемая отъ дождя верхними концами тесницъ праваго бока; эта щель служитъ вмѣсто дымоваго отверстія. Окно у куалы нѣтъ; входомъ въ нее служитъ низенькая дверь. Въ куалѣ лѣтомъ варятъ пищу и обѣдаютъ, для че-

---

зывается Можары и Мещера. Съ такимъ предположеніемъ болѣе вѣжется какъ существованіе названія села Бусурманъ Можга, такъ и существованіе лѣтописныхъ «бесерменъ». Въ пользу того же предположенія говорить существованіе въ средней Киргизской ордѣ поколенія Псурманъ; бесермены кажутся и теперь еще есть въ Вятской губерніи. Не означало-ли слово «Бесермень» того же, что и «аланъ-госары»? Означая чудовищъ, первоначально населявшихъ землю и враждебныхъ человѣческому племени, это имя могло придаваться чуждымъ и особенно воинственнымъ народамъ. Такъ буряты русскіихъ зовутъ «мангытанъ», а подъ этимъ именемъ въ ихъ сказкахъ являются змѣевидныя чудовища, поѣдающія людей.

(1) У татаръ для куалы есть особое слово: алачикъ.

го въ ней стоять столъ съ лавками; зимою курятъ кумышку. Вотяки увѣряютъ, что лѣтомъ въ куалѣ безопаснѣе разводять огонь нежели въ избѣ. Куала, кромѣ хозяйственнаго, имѣетъ еще и религіозное значеніе: въ ней у задней стѣны на полѣ помѣщается дубяной коробокъ, опрокинутый вверхъ дномъ на отдѣльную дощечку; подъ нимъ на доскѣ лежитъ обыкновенно нѣсколько еловыхъ вѣтокъ. Кромѣ того, тутъ же лежатъ бурачекъ и ложка: это домашній фетишъ—воршудъ или вожшудъ. Отъ пребыванія этой святыни куала сама считается священнымъ мѣстомъ; близъ нея считается за грѣхъ мочиться.

Зимнія избы, по большей части, строятся каждымъ хозяиномъ двѣ въ одной связи. Внутри избы—большая русская печь и нары, какъ въ татарскихъ избахъ; полатей нѣтъ. У печи на шестѣ, съ правой стороны, отъ чела, устроена небольшая горнушка, которая затопляется съ шестка; въ нее сверху вмазанъ котель. Эта прибавка къ печи называется *уидз*. Въ переднемъ углу икона, на которую бываетъ перекинута полотенце съ цвѣтными разшитыми концами, въ родѣ того, какъ въ русскихъ избахъ навѣшиваютъ полотенца на зеркала (1).

(1) Здѣсь кстати замѣтить, что упреки въ нечистоплотности, которыя дѣлаются вотякамъ вообще, не могутъ относиться къ вотякамъ елабужскаго уѣзда; по крайней мѣрѣ они, если и заслуживаютъ ихъ, то отнюдь не въ большей мѣрѣ, какъ ихъ сосѣди—русскіе крестьяне, а русскихъ крестьянъ многихъ другихъ провинцій—какъ наприм. рязанск., калужск. и вологодск. губерніи—здѣшніе вотяки положительно опротивѣ. Полы въ вотскихъ избахъ деревянные, а не земляные, какъ въ рязанской губ. у русскихъ крестьянъ; моются чаще, чѣмъ полы у крестьянъ вологод. губерніи, а широкія нары содержатся въ еще въ большой чистотѣ, чѣмъ полы. Курныхъ избъ, какъ въ вологод. губ., нѣтъ; большія печи всегда чисто выбѣлены; потолки не закопчены; окна большія, около аршина высоты, а не маленькія, какъ въ вологодскихъ избахъ. Спятъ вотяки на перинахъ, которыя днемъ относятся въ клѣти, тогда какъ крестьяне во многихъ губерніяхъ перинъ не знаютъ. Клоповъ въ вотскихъ избахъ правда много, но отъ нихъ нѣтъ отбою и въ русскихъ и даже татарскихъ избахъ. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что типъ избъ по всему елабужскому уѣзду, какъ у вотяковъ, такъ у черемесовъ и татаръ, одинъ; только у татаръ печь обращена челомъ къ темной стѣнѣ, чтобы хозяйка, занятая приготовленіемъ пищи, не была видима гостямъ. Въ татарскихъ избахъ на окнахъ являютя цвѣты въ банкахъ, чего нѣтъ у вотяковъ, а стѣны подъ потолкомъ завѣшиваются концами полотенецъ, разшитыхъ красной бумагой.

Въ одеждѣ я обратилъ вниманіе только на женскія украшенія. Дѣвицы въ праздникъ покрываютъ голову цвѣтнымъ платкомъ, поверхъ котораго повязываютъ бахраму, состоящую изъ густыхъ прядей бити въ палець длиной; эта блестящая бахрама покрываетъ лобъ до бровей и называется *укотук*. Коса опущена вдоль спины и прикрыта во всю длину тесьмой, на которой въ два ряда нашиты монеты: эта покрывка косы называется по вотски *ершибылъ*; она кончается привѣской въ видѣ серебряной пластинки, которая называется *ершитунетъ*. Грудь прикрывается нагрудникомъ, который держится на ошейникѣ. Ошейникъ въ два пальца шириной, прикрывая горло, назади завязывается тесемками; верхній его край обшитъ корольками, нижній крупными монетами, въ серединѣ также нашитъ рядъ мелкихъ монетъ. Спереди къ ошейнику пришита пластина въ видѣ языка, прикрывающая разрѣзъ рубахи, которая также украшена монетами, нашитыми въ пять рядовъ; кромѣ того, шнуръ, усаженный монетами же, свободно облегаетъ этотъ языкъ, будучи обоими концами привѣшенъ къ ошейнику. Весь этотъ уборъ называется *чиркэртетъ*. Кромѣ него, на лѣвое плечо надѣвается перевязь или лямка, по вотски *бутмаръ*. Она состоитъ изъ двухъ тесемъ,—одна приходится на спинѣ, другая на груди. Тесьмы концами своими не сшиты непосредственно, а пришиты къ кольцамъ: одно кольцо приходится на лѣвое плечо, другое подъ правой рукой, у пояса. Передняя тесьма обшита монетами въ два ряда, которыя, какъ и на ошейникѣ, идутъ вдоль тесьмы, и здѣсь нижній рядъ состоитъ изъ болѣе крупныхъ монетъ. На нижнее кольцо перевязи, приходящееся на правомъ бедрѣ, привѣшиваются: наперстокъ, гребень или туйсонъ, ключи и т. п. вещицы (¹).

(¹) Гребни—туйсонъ—сдѣланы изъ мѣди; они прежде привозились татарами, теперь стали выходить изъ моды и потому въ елабужской уездъ болѣе не привозятся. Всѣ они имѣютъ одинаковый видъ: мѣдная пластинка, служащая основаніемъ для зубьевъ, прорѣзана большими дырами, между которыми остаются только узкія полоски. Кажется 14 зубьевъ (дважды семь) полагалось за правило. Для привѣшванія у верхняго края гребенки дѣлалось ушко. На двухъ концахъ верхняго края у всѣхъ туйсоновъ были вырѣзаны конскія головки, обращенныя въ стороны. Поверхность пластинки, между вырѣзками, украшена рисункомъ двухъ видовъ:

Замужнія женщины въ первые годы замужества носятъ на головѣ *айшонъ*, а потомъ повязываютъ голову узкой повязкой. Айшонъ—это берестяной колпакъ въ поларшина высоты, который сшивается изъ двухъ берестяныхъ лоскутовъ. Нижний свертывается въ видѣ конуса, основаніемъ книзу, вершиной вверху; вверху оставляется отверстие, въ которое вставляется другой меньшій кусокъ бересты; этотъ послѣдній свертывается воронкой или совкомъ, нижній острый конецъ его вставляется въ отверстие конуса, верхній высовывается и надвѣшивается надъ передней стороной айшона. Нижний конусъ называется *ирбыртыламъ*, верхній совкообразный надставокъ—*иртукъ*. Нижний конусъ одѣтъ кускомъ черного сукна, тоторый сзади завязывается въ трехъ мѣстахъ завязками. На черное сукно нашивается лоскутъ краснаго кумача, расширяющійся книзу; по кумачу нашиты серебряныя монеты и жетоны многими горизонтальными рядами, а внизу подъ самымъ лбомъ, въ видѣ каемки рядъ красныхъ корольковъ. Иртукъ также спереди имѣетъ покрывшу въ видѣ трапеціи, расширяющейся книзу; она также обшита горизонтальными перемежающимися рядами изъ корольковъ, желтыхъ бусъ, жетоновъ, мелкихъ старинныхъ монетъ и рублевиковъ позднѣйшаго времени. Къ вершинѣ иртука пришивается *шюлыкъ*, т. е. большой лоскутъ черной или темновѣтной шелковой матеріи; верхнимъ концомъ онъ плотно

въ видѣ кружковъ съ точкой въ центрѣ (на пріобрѣтенномъ нами гребнѣ числомъ 9, кромѣ двухъ, поставленныхъ вмѣсто глазъ на конскихъ головкахъ) и въ видѣ ломаной линіи; оба эти рисунка встрѣчаются на шаманскихъ бубнахъ въ Алтаѣ и толкуются самими шаманами,—первыя солнцемъ и луной, вторыя молніями. Внѣшнимъ своимъ видомъ эти гребни напоминаютъ тѣ мѣдныя привѣски, которыя были находимы въ могилахъ сѣверной и средней Россіи и которыя г. Ешевскій сблизжалъ съ суставами, нынѣ еще носимыми Мордвой, и съ суставами лѣтописи (См. Ешевскаго «Замѣтка о Пермск. древностяхъ», въ Пермск. Сибирь., кн. 1, стр. 141). Только у привѣсокъ, находимыхъ въ могилахъ, вмѣсто зубьевъ сдѣланы ушки (тоже кажется преимущественно въ числѣ семи), на которыхъ были привѣшаны пустые колокольчики. Тотъ же типъ, но безъ конскихъ головокъ, можно видѣть и на рисункѣ сѣвернаго гребня, который былъ помѣщенъ въ «Древностяхъ», издаваемыхъ Археолог. обществомъ въ Москвѣ и въ которомъ г. Ефименко находитъ черты, сходныя съ изображеніемъ солнца.

прикрываетъ обращенныя назадъ крылышки совкообразнаго иртука, а нижній конецъ складками падаетъ вдоль спины, спускаясь до пояса. Кругомъ шюлькѣ обшить позументомъ („уко“) и бахромой („шюльктукъ“), а въ серединѣ, если шюлькѣ одноцвѣтный, на немъ нашиты симметрически трехугольные и ромбическіе доскутки изъ свѣтлой матеріи. Изъ подъ айшона на спину свѣшиваются два конца бѣлаго полотенца, расшитые красной бумагой; они перехвачены поясомъ и плотно прилегаютъ къ заднимъ частямъ тѣла.

Позднѣе вотскія замужнія женщины измѣняютъ костюмъ: голову покрываютъ полотенцемъ, сверхъ котораго на лобъ надѣвается узкая, въ два пальца шириной, повязка, расшитая корольками и завязывающаяся на затылкѣ; концы полотенца болтаются по спинѣ. Въ праздничномъ нарядѣ это полотенце замѣняется кускомъ миткаля, обшитаго по краямъ кружевомъ, но безъ узоровъ изъ красной бумаги. Съ этимъ измѣненіемъ головнаго убора женщина начинаетъ носить на вискахъ *чужретъ* или *чучеретъ*, т. е. волосы на вискахъ свиваетъ въ толстые и короткіе булавовидныя жгуты, утолщеннымъ концемъ обращенные внизъ. На груди замужнія женщины носятъ такіе же чиркэртэты и будьмары, какъ и дѣвицы.

Тѣже грудныя украшенія встрѣчаются и у черемисовъ и у татаръ. У черемисовъ въ Бимѣ перевязь черезъ плечо называется *бажмалдыкъ*, а нагрудникъ *сюэсъ пидышиз*; накладка или покрывка на косу у дѣвицъ *часкакъ*. У крещеныхъ татаръ въ Мамадышскомъ уѣздѣ перевязь называется *муйтымаръ*, *хасыля* или *касита* ⁽¹⁾. На шеѣ носится ошейникъ

---

(1) У Золотницкаго приводится чувашское названіе перевязи—*тэвэть* и татарское—*дильбугя* (См. Чувашскій словарь, стр. 242). Дильбугя авторъ сближаетъ съ татарскимъ дильбугя, возжа; а тэвэть— съ арабскимъ *дэвэ*, чернильница, которая, говоритъ онъ, носилась на перевязи. Авторъ кажется думалъ, что обычай носить перевязь заимствованъ отъ писарей. Намъ кажется, что начало этого очень распространеннаго обычая (слѣды его замѣчаются у кавказскихъ горцевъ и у крымскихъ татаръ) надо искать въ шаманскихъ повѣрьяхъ и мифологіи сѣверной Азіи. Въ долині Тунки (въ Иркут. губ.) я видѣлъ замужнихъ бурятокъ, у которыхъ черезъ плечо былъ повязанъ кусокъ красной матеріи; такъ какъ это были молодыя женщины, имѣвшія мужей и носившія косы, то ихъ нельзя было принять за чибгунцъ, т. е. монахинь,

изъ монетъ, который называется *мумь-джака*. Кромѣ того носятъ еще другой ошейникъ, который называется *чильбурь-джака*; этотъ послѣдній отличается отъ перваго тѣмъ, что въ нему подвѣшаны нити съ подвѣсками. Онъ состоитъ изъ холстины, на которую нашить позументъ, а спереди

которыя, по словамъ о. Іакивеа (Записки о Монголіи, т. 1, с 198) также носятъ черезъ плечо красныя перевязи; на мои распросы, мнѣ отвѣчали что не всѣ женщины носятъ подобную перевязь, а только тѣ, которымъ это указано ламами; изъ дальнѣйшихъ словъ рассказчиковъ я заключилъ, что эти перевязи носятъ въ предупрежденіе какихъ то несчастій. Поиному не будетъ лишнимъ поискать вариантовъ имени перевязи въ терминологіи азіатской мифологіи. Для «дильбуга» мы можемъ указать на тели бегень, ельбегень или джелбегень—алтайское названіе старухи людоедки—также сказочнаго семиглаваго чудовища. Тельбегень, въ одной сказкѣ черевыхъ татаръ, хочетъ съѣсть первенца рода человѣческаго Мешперека; вообще это существо стоитъ въ связи съ повѣртіями о похищеніи младенцевъ чертомъ или мѣсяцемъ или вообще съ повѣртіями о смертности дѣтей; поэтому перевязь дильбуга не предназначалась ли для предотвращенія смертности дѣтей? Что дильбуга значить также возжа, не удивительно: и русское «ужъ» сходно съ ужище, веревка (См. Афон. Поэт. Возвр. 1, 282). Тутъ виной сходство наружнаго вида змѣи и веревки. Вотское названіе перевязи—бутьмаръ—напоминаетъ черемисское названіе созвѣдія Оріона—Витьвара, что по черемисски значить еще коромысло (также вещь носимая черезъ плечо); не было ли названіе созвѣдія первоначальнымъ и только впоследствии уже перешедшимъ на коромысло? Татарское названіе того же созвѣдія Кіанто также значить коромысло, а между тѣмъ оно имѣетъ, по нашему мнѣнію, генетическими вариантами Квенде: у симбирскихъ татаръ, Кобундей у дархатовъ. Киргизское названіе того же созвѣдія Таразы и вотское Тарази—значить вѣсы, что также близко подходит къ формѣ коромысла. И въ этомъ имени не слѣдуетъ ли значеніе созвѣдія считать болѣе древнимъ? Въ статьѣ «Легенда о трехъ братьяхъ» мы высказали предположеніе, что этому созвѣдію могли придаваться имена Тараканъ, Тарханъ и т. под. Ср. также названіе гребня: «таракъ»; первоначально это имя могло даваться привѣскамъ, вродѣ тѣхъ, которые встрѣчаемъ между древностями («сустуги») и которые могли имѣть мистическое значеніе; потому или одновременно могли существовать не такъ искусно сдѣланные подражанія этимъ привѣскамъ, которыя приспособились къ причисванію волосъ. Что первобытный мифослагатель усматривалъ въ гребнѣ сходныя черты съ натуральными элементами мифа—указываетъ участіе гребня въ сказаніяхъ. Въ одномъ записанномъ нами монгольскомъ сказаніи передача шаманскаго вѣденія совершилась тѣмъ, что въ волосы будущей шаманки была воткнута гребенка; если это сказаніе есть сказаніе о началѣ шаманства, то не мѣшаетъ имѣть въ виду, что въ алтайскомъ сказаніи

прикрѣплены двѣ серебряныя бляхи, называемыя *каптырма*; въ бляхамъ подвѣшаны пять серебряныхъ цѣпочекъ, вторыя состоятъ изъ колець и перемежающихся съ ними серебряныхъ пластинокъ въ видѣ сердечекъ, выемкой обращенныхъ въ верху. Такихъ сердечекъ, по татарски *кандала* (т. е. влоць), въ каждой цѣпочкѣ до семи. Каждая цѣпочка кончается серебрянымъ рублевиномъ. Справа и слѣва отъ бляхъ къ ошейнику пришито еще по сердечку выемкой въ низу, отъ каждаго сердечка виситъ по три цѣпочки съ мелкими монетами на концахъ.

О религиозныхъ повѣрьяхъ вотяковъ мнѣ удалось собрать слѣдующее.

Какъ извѣстно вотяки называютъ бога *Иньмаръ*; это имя соотвѣтствуетъ черемисскому *Юмо*, и, въ родѣ того какъ черемисъ говоритъ Кого-юмо, великій богъ, вотякъ говоритъ: *Бадзинъ-Иньмаръ*, гдѣ бадзинъ также значитъ великій, большой. Но у вотяковъ пантеонъ боговъ бѣднѣе. У черемисовъ, какъ извѣстно, кромѣ Кого-юмо, есть еще Пуерше-юмо, дѣятельнѣйшій его помощникъ; онъ то собственно правитъ міромъ, а Кого-юмо только царствуетъ. За тѣмъ у черемисовъ замѣчательны пары боговъ: одна состоитъ изъ Кудурчо и Волгенче, грома и молніи, другая изъ Пигамбара и Кава; въ этой второй парѣ Пигамбаръ опять повидимому громовникъ. Такъ какъ Юмо, по мнѣнію Кастрена, также громовникъ, то въ черемисской мифологіи мы имѣемъ одно и тоже божество подъ тремя наименованіями: Юмо, Кудурчо и Пигамбаръ. Это какъ будто говоритъ за то, что черемисская мифологія сложилась не менѣе какъ изъ трехъ источниковъ. Въ вотской мифологіи ни этихъ паръ, ни повтореній (кромѣ развѣ пары Кого-юмо и Пуерше-юмо, какъ увидимъ ниже) не существуетъ. У нихъ есть одинъ только Иньмаръ. Громъ

шаманъ получаетъ этотъ даръ отъ старца, который ударилъ по нему змѣей. Какъ на примѣръ замѣны звуковъ, подобной той, которую видимъ въ названіяхъ таракъ, тарази и пр. можно привести названія киргизскихъ поколѣній: Таракъ—тамга, отдѣленіе изъ племени Джалаиръ (Вельяминовъ-Зерновъ, Исл. о Касим. царяхъ, II, 121) и Тарсъ-тамчазы, отдѣленіе изъ племени Найманъ; очевидно, имена обоихъ племенъ суть только варіаціи. Относительно названія «тэвэть» пока можемъ указать только, что это имя напоминаетъ остяцкое «тэвэть», т. е. семь, что подаетъ намъ поводъ предполагать, не носило ли этого имени Большая Медвѣдица? Русское слово лямка ср. съ болгарскимъ ламія, ламя, съ греческимъ *лампа*, змія.

вотяки называютъ *цудури*, по этому слову значенія божества не придаютъ, а грозное явленіе приписывается все тому же Иньмару. Что подъ Иньмаромъ разумѣлся первоначально громовникъ, указывается вотскимъ названіемъ *громовыхъ стрѣлокъ*, которыя выпахиваются на поляхъ: онѣ называются *инь-кыле* (кыле-галька: синь-кыле т. е. глазное кыле, слеза, тол-кыле, т. е. огненное кыле, кремень). Но есть основаніе полагать, что подъ Иньмаромъ разумѣется и солнце; это солярное значеніе Иньмара особенно выступаетъ въ молитвахъ, которыя читаются во время моленій „большой куалѣ“, Кромѣ частныхъ куалъ, которыя имѣются во дворѣ каждаго вотяка, есть еще общія куалы для всей деревни; такая общая куала называется *бадзинь-куала*, т. е. большая, и находится внѣ деревни. Правиль относительно выбора мѣста подъ большую куалу, а также куда она обращена дверью—къ сожалѣнію я не узналъ. Въ этой общественной куалѣ помѣщается общій для всей деревни воршудъ—фетишъ. Четыре раза въ годъ жители деревни отправляются молиться въ большую куалу: въ зимняго Николу, на масляницѣ, на второй день Пасхи и въ праздникъ Казанской Божіей Матери; при этомъ они несутъ туда блюда съ разной ѣдой⁽¹⁾. Но прежде чѣмъ отправиться изъ дому, отецъ семейства выходитъ на дворъ и, держа блюдо въ рукахъ, читаетъ молитву сначала Султану, потомъ Иньмару и наконецъ Акташу⁽²⁾. Содержа-

---

(1) Большая куала деревни Варзи-ятчи находится на югъ отъ деревни, на р. Чесно, и по рѣчкѣ носитъ названіе Чеснониву.

(2) Г. В. Бехтеревъ (Вѣстн. Евр., 1880 г. сент.) въ своей статьѣ «Вотяки», Султанъ-диса называетъ духомъ хранителемъ и приравниваетъ его къ черемисскимъ Вачеваль-шукче и Шочекъ-абѣ (стр. 167; на стр. 150 компанъ-дисъ должно быть опечатка). Эта троица: Иньмаръ, Акташъ и Султанъ—напоминаетъ трехъ сыновъ бога въ легендахъ, ингушской: 1) Воскресенье, 2) Етеръ и 3) Елта (Соборн. свѣд. о кавк. горахъ, вып. VIII. ст. 7. Ахріева: «Ингуши», стр. 14); бурятской: 1) Шивгебыль, 2) Сагадай Эбугунъ и 3) Тольты; алтайской, записанной г. Ядринцевымъ и еще не напечатанной: 1) Янгурь-охту-Яжиганъ, 2) Телерь-ханъ и 3) Солтыганъ. Въ виду того, что о. Борисъ Гавриловъ говоритъ о Кылдышинѣ (Прозв. народ. слов., обр. и повѣрья вотяковъ, Каз., 1880, стр. 142) какъ о покровителѣ человека, сопровождающемъ послѣдняго въ его путяхъ съ правой стороны, тогда какъ кереметь сопутствуетъ ему съ лѣвой—можно думать, что Кылдышинъ и Солтыганъ одно и то же лицо.

ніе молитвы не измѣняется, только имена божествъ другія, —изъ чего сами вотяки, говорившіе со мной объ этомъ, вывели заключеніе, что всѣ три молитвы относятся къ одному божеству, которое только называется тремя разными именами. „О чемъ просимъ Иньмара, о томъ же и Султана и Акташа, разсуждали они, такъ видно онъ все одинъ, а это раздѣленіе только для молитвы сдѣлано“. Во время молитвы Султану молящійся становится лицомъ въ востокъ, Иньмару—на югъ и Акташу—на западъ. О Султанѣ и Акташѣ говорятъ, что это керемети. Это обращеніе во время молитвы по странамъ свѣта вслѣдъ за солнцемъ, движущимся по небу, и какъ бы ограниченіе моленія только свѣтлой половиной неба—свидѣтельствуя, повидимому, что подъ Иньмаромъ скрывается дневное свѣтило⁽¹⁾.

Здѣсь нужно замѣтить однакоже, что Султану приносятъ и отдѣльныя отъ Иньмара жертвы; на востокъ отъ деревни, —такъ по вѣр. мѣрѣ въ дер. Варзи-ятчи—находится загородка пряслами; это загородженное мѣсто называется кереметь; въ другихъ частяхъ Вятской губерніи, по свидѣтельству о. Гаврилова, устно мнѣ переданному, въ кереметяхъ устраивается куала, но въ елабужскомъ уѣздѣ внутри огороженнаго мѣста еще отгораживается уголь—это и замѣняетъ куала. Въ кереметѣ нельзя срубить ни одной вѣтки; если кто осмѣлится совершить такое кощунство, тому кереметь показывается въ видѣ медвѣдя. Въ отгороженный уголь „кереметя“ съ пустыми руками не ходятъ: непременно нужно что-нибудь нести на жертву; даже если отецъ съ сыномъ входятъ, то недостаточно, чтобы отецъ несъ жертву, нужно чтобы и сынъ внесъ хоть гуся, а если онъ провожаетъ отца безъ приношенія—онъ долженъ остаться въ загородкѣ, не входя въ отгороженный уголь. Жертвы и моленія кереметю приносятся глубокой осенью, тогда какъ Иньмару и Колдышину только до Покрова, —позже этимъ послѣднимъ богамъ нельзя молиться, потому что „земля въ это время спитъ“. Жрецы кереметю особые; они должны держать обѣтъ не ѣсть никогда свиного мяса.

---

(1) Г. В. Бехтеревъ говоритъ, что жилище Иньмара полагается на солвцѣ. Вѣстн. Европы, 1880, сент., стр. 150.

Кромѣ этихъ трехъ именъ: Инъмара, Султана и Акташа—мнѣ не удалось узнать, за исключеніемъ еще одного, котораго въ Глабужскомъ уѣздѣ зовутъ чаще всего *Му-колчинъ*, рѣже *Му-кылдышинъ*, а въ Глазовскомъ и другихъ уѣздахъ, по словамъ г. Гаврилова, употребительнѣе названіе *Кылдышинъ*. И это божество повидимому сливается съ Инъмаромъ, хотя жертвы имъ и приносятся отдѣльно. Во время пребыванія въ деревни Варзя-ятчи мнѣ удалось быть на такъ называемомъ соборномъ моленіи, бывающемъ только разъ въ три года; эти моленія тоже, что у черемисовъ „скремы“; здѣшніе вотяки называютъ ихъ „булда“⁽¹⁾. Около деревни Варзяятчи есть три мѣстности, на которыхъ бываетъ булда: она совершается здѣсь черезъ годъ. Та булда, которую я видѣлъ, устраивается выше деревни, на р. Варзи; на неѣ обыкновенно съѣзжаются крестьяне пяти-семи окрестныхъ деревень. На другихъ урочищахъ бываютъ болѣе многочисленныя сборища; такъ, на западъ отъ села Асанова, въ Ушковской или Усовской дачѣ бываетъ булда, на которую собирается народъ изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень. Последняя булда на этомъ урочищѣ была совершена передъ моимъ пріѣздомъ въ Асанову, въ іюль 1881 года, а окончилось до него за недѣлю; слѣдующая будетъ на томъ же мѣстѣ въ 1884 году.

На булдѣ, которую я видѣлъ, сначала была принесена жертва Инмару, потомъ Му-колчину. Обрядъ начался на второй день послѣ Петрова дня. Вечеромъ на лугу за деревней закололи овцу и сварили; это были поминки по родителямъ: мнѣ не удалось быть на этомъ обрядѣ, и потому говорю съ чужихъ словъ. Тамъ же на лугу было выставлено корыто или, вѣрнѣе, чуманъ, сдѣланной изъ бересты; въ него сливаютъ кровь убитаго животнаго, а потомъ каждый изъ присутствующихъ долженъ плеснуть туда кумышью, бросить кусочекъ отъ принесенной на поминки лепешки и вылить ложку свареннаго въ полѣ навара отъ баранины; это берестя-

---

⁽¹⁾ Г. В. Бехтеревъ (Вѣстн. Евр., сент. 1880 г.) передаетъ объ этомъ праздникѣ слѣдующую легенду: св. Николай, по любви къ русскимъ, поселился въ русскомъ селѣ Березовкѣ (на Камѣ), а три его меньшихъ брата, по имени Булдо, разсѣялись по вотяцкимъ деревнямъ; въ честьъ ихъ установлено праздновать каждое третье лѣто праздники: съ дер. Старой Зюмьѣ, въ дер. Арліановой и въ дер. Варнатчи; въ последней празднованіе установилось только съ 1826 г. (См. стр. 165).

ное корыто оставляется въ полѣ и содержимое его съѣдаетъ собаками. На слѣдующій день утромъ всё моются въ баняхъ (*). На мѣстѣ булды съ утра уже находились жрецы, но народъ лѣживо шелъ на праздникъ. Меня общалъ: взять съ собою сельскій староста, хозяинъ моей квартиры, но потомъ объявилъ, что онъ пойдетъ одинъ, а меня приведетъ его сынъ. Сначала я заподозрилъ желаніе устранить меня съ праздника вовсе, но оказалось дѣйствительно такъ, какъ говорилъ староста—до обѣда на булдѣ кромѣ жрецовъ никого не было и прийти туда не было интересно. Отправляясь на праздникъ, вояки одѣваются въ чистое бѣлье, надѣваютъ бѣлые онучи и новые кафтаны. Послѣ обѣда и я съ Терентьемъ, сыномъ старосты, пошелъ на булду. Уйдя съ версту вверхъ по рѣкѣ Варзи, мы подошли къ самой рѣкѣ; тутъ передъ нами открылась небольшая, но живописная картинка. По обѣимъ берегамъ рѣки были устроены легкіе балаганы для куренія кумышки; они состояли изъ легкіхъ повѣтей, накрытыхъ кое-какъ и поддерживаемыхъ тоненькими жердочками; подъ каждой повѣтью видна была женщина, двигающаяся среди бадей, ведерокъ, дровъ и другихъ припасовъ и посуды. Вдоль балагановъ, на высокіхъ козлахъ, былъ уложенъ желобъ, по которому лилась вода, питающая котлы; изъ балагановъ выходилъ дымъ, который медленно расплзался по верхушкамъ оршанина, въ тѣни котораго были построены эти постройки на живую нитку. Перейдя по бревну, переброшенному черезъ Варзи, я увидаль мѣсто будущаго праздника: это былъ скатъ горы, огороженный пряслами. Пространство внутри загородки было мѣсто отъ лѣса, только по срединѣ стояла засохшая береза, а правѣе ея—липа. Подъ березой была видна небольшая толпа мужчинъ, среди которыхъ выдѣлялись жрецы въ бѣлыхъ поддевахъ. Выше этой толпы, отдѣльно, была видна другая группа, состоявшая изъ женщинъ въ красныхъ нарядахъ съ блестящими на солнцѣ, точно латы, чиркэртэтами и будьмарами на груди. Еще выше, у заднихъ пряслъ, въ тѣни липъ, стояли телги, плетени и распряженны лошади, на которыхъ прѣѣхали на праздникъ гости изъ соседнихъ деревень. Подойдя къ толпѣ ближе, я разсмотрѣлъ, что подъ

(*) Маѣ говорили, что въ теченіи праздника вояки моются въ баняхъ каждое утро.

сухой березой уже разложенъ костеръ, а надъ нимъ положена жердь для подвѣшиванья котловъ; отъ березы прямо на югъ, шагахъ въ шестидесяти, были воткнуты рядомъ три березки, а передъ ними поставленъ столъ. На березкахъ была протянута веревка, увѣшанная бѣлыми, расшитыми по концамъ, полотенцами. Ихъ было такъ много, что они образовали сплошную стѣну; эта драпировка называется чалма: впрочемъ вотяки такъ зовутъ вообще полотенца (¹). На крайней лѣвой березѣ, на высотѣ человѣческаго роста, было свито гнѣздо или положенъ горизонтально вѣночекъ, въ немъ лежало блюдо, прикрытое полотенцемъ. Сюда, какъ я потомъ замѣтилъ, ссыпалъ главный жрецъ деньги, приносимыя жертвователями. На столѣ, передъ березками, стояло уже до 20-ти штофовъ съ кумышкой. Вправо отъ стола, на разосланныхъ орѣховыхъ вѣтвяхъ, были уставлены блюда съ овсяными лепешками и ковригами хлѣба, которые съ верху были прикрыты или яркожелтыми яичными блинами, или увѣшаны тусками съ масломъ. Эти приношенія занимали пространство до трехъ саженъ. Передъ столомъ были поставлены двѣ длинныхъ скамьи для стариковъ. Четыре жреца въ бѣлыхъ кафтанахъ, съ непокрытыми головами, также сидѣли на скамьяхъ, или уходили въ толпу, но время отъ времени они набрасывали себѣ на шею полотенце, такъ что концы его висѣли спереди на груди и призывали народъ къ молитвѣ. Они становились при этомъ передъ жертвеннымъ столомъ: тогда весь народъ

(¹) Видъ этихъ березокъ очень имѣ напоминаетъ алтайскій «шикъ», т. е. тоже березки, воткнутыя впереди жертвенника; на эти березки натагивается шиуръ, увѣшанный длинными лентообразными лоскутами бѣлой, синей, желтой и другихъ цвѣтовъ матеріи; эти лоскуты или тесемки называются по алтайски «лаама». У аларскихъ бурятъ (Ирк. губ.) также около жертвенниковъ ставятся березки, но не впереди, какъ у алтайцевъ, а съ боку; они также увѣшиваются лентами или тесемками; такіе березки у бурятъ называются *залмы*. Ср. тунгусское названіе березы *calbda*, см. Каотрена Grundzüge ein. tungus. Sprachlehre, стр. 92 и 100. Совокупность этихъ фактовъ на нашъ взглядъ раскрываетъ значеніе темнаго мѣста въ сказаніи объ исцѣленіи больной болгарской царевны Тубике; врововѣдники ислама, исцѣляя ея, совершили чудо надъ какой-то чулманской березой. Френъ думалъ, что это значило «береза съ рѣки Камы», которая называется потатарски *Чуламанъ*. Шпилевскій, «Др. города в пр.», стр. 31.

поднимался на ноги и обнажалъ головы. Старшій жрецъ, стоявшій крайнимъ съ лѣвой руки, взявъ въ руки чашу съ кумышкой начиналъ читать молитву; во время чтенія онъ иногда приподнималъ блюдо къверху. Другіе жрецы также держали или чашки или деревянные ковши съ кумышкой. Молитва иногда прерывалась возгласомъ жрецовъ: аминь! который подхватывала вся толпа. Послѣ молитвы жрецы шли къ костру; отправляясь туда, они вмѣсто того чтобы повернуться на лѣво, что было бы прямо, повертывались направо и, сдѣлавъ полный оборотъ, шли туськомъ вслѣдъ за главнымъ жрецомъ. Передъ огнемъ главный жрецъ еще читалъ молитву и въ заключеніе крошилъ кумышкой въ огонь. Мнѣ казалось, что онъ старался окропить огонь съ четырехъ странъ свѣта; каждый разъ онъ дѣлалъ три возлиянія. Затѣмъ, опять сдѣлавъ цѣлый оборотъ съ лѣва на право, т. е. посоловъ, жрецы возвращались къ столу, но теперь впереди шелъ тотъ, который прежде шелъ послѣднимъ. Подходя къ столу, главный жрецъ шилъ кумышку и подавалъ ее своимъ товарищамъ; потомъ одинъ изъ жрецовъ обносилъ ею стариковъ, другіе же жрецы снимали съ себя полотенца и смѣшивались съ толпой. Въ другихъ мѣстахъ, какъ мнѣ говорили, кромѣ полотенца навѣшиваютъ на шею березовую вѣтвь: вырубается вѣтвь, раздѣляется на двѣ отрасли и надвѣивается на шею кондемъ назадъ, а концами впередъ; одна отрасль спускается черезъ правое, другая черезъ лѣвое плечо.

Когда я пришелъ на булду, лошадь уже была заколота; впереди березокъ, на разстояніи отъ нихъ сажень 15, нѣсколько человекъ было занято сниманіемъ шкуръ. Разнявъ животное на части, наполнили ими четыре котла и развели подъ ними огонь. Между тѣмъ толпа росла: вслѣдъ вносившій выкладывалъ изъ пестеря на орѣховыя вѣтви ковригу, лепешку и блины, а на алтарь ставилъ штофы съ кумышкой. Послѣ каждой новой группы гостей жрецъ читалъ молитву, кончавшуюся либаціей въ огонь; тогда хозяева освещенной кумышки брали свои штофы и обходили толпу, начиная съ жрецовъ и старцевъ, угощая виномъ. Когда толпа умножилась, жрецы начали отрѣзывать отъ принесенныхъ хлѣбовъ, лежащихъ на землѣ, кѣмти, брать доли изъ тусесковъ и складывать это все въ отдѣльные блюда. Обыкновенно отъ каждаго хлѣба и каждаго блина брали двѣ доли: одну клали въ одно блюдо, другую въ другое. Затѣмъ

была, пропущена молитва, послѣ которой жрецы отнесли одно блюдо къ костру, гдѣ главный жрецъ и опустил кусочки въ огонь. Вотъки толкуютъ этотъ обрядъ такъ: будто съ дымомъ, поднимающимся отъ опущенныхъ въ огонь крошечекъ хлѣба, или капель жира поднимается на небо молитва. Другое блюдо было передано старикамъ. Послѣ этого толпа стала разбирать хлѣбы; зеленая скатерть изъ орѣховыхъ листьевъ опустѣла. Толпа разбилась на группы; каждая семья брала свои хлѣбы, садилась къ сторонамъ и закусывала. Потомъ хлѣбы снова были уложены на старое мѣсто, въ томъ же порядкѣ.

Такъ какъ дальнѣйшія церемоніи представляли только повторенія древнихъ, дожидаться же раздачи мяса было бы долго, то я и оставилъ булду. На другой день мнѣ не удалось быть на праздникѣ, да думаю, что второй день былъ совершенной копіей старого. Разница состояла только въ томъ, что мѣсто юнга заняла телуу. На третій день я снова дошелъ на булду. Первые два дня моленіе совершалось Иймару, на третій, оно должно было совершиться Му-колчину.

Му-колчину специально молятся объ урожаѣ овини. Моленію ему приносятся передъ ея посѣвомъ: „молимся ему говорить вѣтяки, чтобы далъ дождя на овини“. Которые по богаче, тѣ иногда и отдѣльно молятся Му-колчину на своей поляхъ, причѣмъ возлятъ черную овечку и кости ея закладываютъ на поляхъ. Едва ли впрочемъ эти отдѣльныя моленія не прекратившіяся уже обычай. При общемъ моленіи кости убитаго въ жертву чернато быка также закладываются въ землю и тогда закладываются сверху бревнами; въ этомъ состоятъ одно изъ отличій моленія Му-колчину. Кости жертвенныхъ животныхъ, заколотыхъ въ честь Иймара, сжигаются на кострѣ. Сжиганье на кострѣ никакого символическаго значенія не имѣетъ, сжигаютъ затѣмъ, чтобы собаки не разстаскали кости, что было бы оскорбленіемъ божеству. Эту особенность Му-колчина въ черемисской мифологіи раздѣляетъ съ нимъ Малаид—ава, т. е. мать земля, въ честь которой также черемисы возлятъ черную корову и кости зарываютъ въ землю, тогда какъ кости другихъ жертвъ сжигаютъ (такъ мнѣ рассказывали черемисы въ Бямѣ). Второе обстоятельство, обособляющее Му-колчина отъ Иймара, состоитъ въ томъ, что для него, охрануши должны печь новые хлѣбы; съ тѣми же

хлѣбами, которые пролежали на булдѣ два дня, Му-количну нельзя молится. Наконецъ, судя по торжественности обряда Му-количну, онъ какъ будто важнѣе Иньмара или молитвы ему существеннѣе; воляки говорятъ итъ: „вѣдь Му-количну же едакъ молятся, какъ Иньмару; ему вѣрнѣе молятся на вѣлняхъ своихъ“. Но повѣрью воляковъ, Му-количну въ бѣдѣ лишь шабурѣ ходитъ по межамъ, „смотреть поближе“ и равнѣ предвѣщать урожай: на одной полосѣ назначаетъ больше уродиться, на другой меньше; межи—это его дороги; поэтому некоротко дѣлаетъ колодезное покоевѣ, расставляя на распутикахъ межи. Тѣмъ повѣрѣя у бытскихъ черемисовъ Меландавѣ; она также ходитъ по межамъ, которая должна быть широка и просторна, потому что Меландавѣ бердѣтъ; если колоса быть ево по спинѣ и дасть той полосѣ плохой урожай, колосами которой ее задѣло.

Когда я во второй день пришелъ въ булду, я засталъ еще мѣтѣ народу: но всѣ убѣрали, что сегодня будетъ такое собрание, какого ни: въ первые дни не было и въ послѣдующіе не будетъ. Это оправдалось. Черный быкъ былъ убитъ, привязанъ въ сторонѣ отъ липы, в около одного жостраго жади со связанными ногами также предназначены въ жертву два гуся (1). Жрецы, подославъ шабуры, выжили на землѣ; мужики также; сидѣли или лежали группами; только дѣтокъ бѣдали: вокругъ и играли въ горѣлки. Моленіе началось старымъ порядкомъ у прежняго жертвенника; продолжались молиться Иньмару. Вѣроятно это, молились отъ имени той или другой деревни изъ сосѣднихъ деревень въ первый разъ извѣстнаго булду и еще не молились Иньмару. Въ это время молодой зяичъ староста подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „пойдемъ, мы покажу тебѣ Му-количну“. Я пошелъ за ними; Оля пошла за мной, къ большой липѣ, которая стояла на углу отъ сухой

(1) Воляки говорятъ итъ, что каждая жертва должна быть закончена закланіемъ гуся: «Гусь, говорятъ они, даетъ удуя приношенію въ жертву коню. Въ русскихъ сказкахъ Ивашка—бѣлая рубашка и Чуфля, Филѣшка (Афон. Нар. Сказ., в. 2, стр. 113), избѣжавъ отъ гибели, которую готовила итъ вѣдьма или ня-баба, хотѣвшая жарить ихъ, просить пролезающаго гусей отнести ихъ на рѣчку. Гуси или отнесутъ ихъ или дадутъ перья, изъ которыхъ герой сказки дѣлаетъ себѣ крылья. Не намекъ ли на отлетъ теплаго вѣтра вѣбѣтъ съ гусями въ дальнюю сторону?»

береговъ. Къ югу отъ липы былъ видѣнъ небольшой бугорокъ, прикрытый десяткомъ древесныхъ полугнилыхъ обрубковъ, уложенныхъ рядомъ. „Вотъ Му-колчигъ!“ сказала староста, указывая на эти обрубки. Это была могила костей животнаго, заколотога три года тому назадъ. Влѣво было небольшое углубленіе, вѣроятно мѣсто, гдѣ были погребены кости шесть лѣтъ тому назадъ; болѣе старыхъ слѣдовъ жертвы не было замѣтно. Когда мы смотрѣли на „Му-колчигъ“ подъ липой уже поддерживали небольшой огонь. Вскорѣ одинъ изъ жрецовъ привелъ сюда человека съ шипатою и приказалъ ему вправо отъ стараго „Му-колчигъ“ рыть новую яму. Къ моему удивленію, яма была сдѣлана неглубокою, не болѣе какъ въ аршинъ глубиною; въ южномъ боку ея было сдѣлано горизонтальное углубленіе нѣсколько выше дна.

Когда яма была готова, раздався голосъ одного изъ жрецовъ: „пересіоз! пересіоз! набирте! Старики, старики! молитесь!“ Въ это время народная толпа была уже большая; значительную часть ея составляли женщины, дѣвнцы и дѣти. Толпа двинулась къ липѣ; мужчины стали между вновь вырытой ямой и костромъ, задомъ въ послѣднему ⁽¹⁾. Жрецы стали передъ ямой и опустились на колѣни, тоже самое сдѣлали старикки и осталная толпа; женщины котурны, во время моленій держатся немного поотдалъ, остались на ногахъ; быки подвели ближе, связали и повалили на землю. Жрецъ, взявъ въ руки чашу съ кумышкой, прочелъ молитву съ словомъ: „аминь“, послѣ которой сдѣлалъ либацію въ ямѣ. Порядка въ которомъ онъ плескалъ на дно ямы я не видалъ, потому что находился не въ первыхъ рядахъ. Потомъ онъ взялъ одно изъ блюдъ съ вынутыми частями изъ ковригъ и лепешокъ, высыпавъ эти крохи въ берестяной; нарочно для этого спитый, тумакъ, онъ втиснулъ его въ горизонтальное углубленіе, сдѣланное въ ямѣ; потомъ ему подали чашу съ кровью зарѣзаннаго быка и онъ кровью обрызгалъ стѣнки и дно ямы. За тѣмъ онъ всталъ. Молитва кончилась. Другое блюдо съ долями хлѣбовъ и большая чаша кумышки были предложены „пересіозамъ“, которые устались въ кружокъ. За тѣмъ жрецъ сталъ на колѣни передъ толпой, протянувъ впередъ пустое блюдо; желающіе сдѣлать вкладъ въ „казну“, какъ выражаются вояки по русски, под-

(1) Костеръ и во время моленія Шимару приходится сзади толпы.

ходили къ нему, становились на колѣни и опускали на блюдо деньги, только не голой рукой, а прихвативъ монету концомъ рукава. Подававшія женщины также становились на колѣни. Затѣмъ вся толпа превратилась въ пьющихъ и ѣдавшихъ семейными кружками; только пересіозы сидѣли отдѣльной группой, въ родѣ пирующей артели боговъ. Я сознавалъ, что слѣдовало бы дожидаться окончанія обряда и посмотреть процедуру укладыванья костей въ могилу и заваливанья ихъ землей и бревнами, но мнѣ сообщили, что эта церемонія будетъ совершена не ранѣе какъ завтра, что мясо будетъ вариться цѣлую ночь и цѣлую же ночь могила Му-колчина будетъ оставаться открытою. Завтра же утромъ у меня былъ назначенъ отъѣздъ изъ Варзи-ятчи и я не видалъ погребенія. Мнѣ, впрочемъ, говорили, что кости укладываются безъ соблюденія того порядка, въ которомъ они находились въ организмѣ; и это должно быть правда, потому что яма была мала, такъ что кости непременно приходилось класть однѣ на другія.

Солнце приближалось къ горизонту. Народъ опять разсѣялся по всему загороженному мѣсту; болѣе значительная толпа стояла около жертвенника Иньмара и около Му-колчина; третья толпа собралась около торговца, который приютился въ углу подъ липами съ цѣлымъ возомъ сѣнокосныхъ вѣсь и праниковъ; женщины образовали свою особую толпу, многія изъ нихъ, впрочемъ, со штофомъ подъ мышкой, обходили толпы мужчинъ, угощая самодѣльной кумышкой. Видъ толпы былъ праздничный: женщины въ своихъ яркихъ красныхъ костюмахъ, осыпанные спереди и сзади серебромъ, представляли яркій контрастъ скромнымъ чернымъ и сѣрымъ кафтанамъ и войлочнымъ шляпамъ мужчинъ. Дѣвочки двигались вереницами или устраивали игру въ горѣлки; прежде, говорятъ, молодежь не допускалась внутрь загорожки, но нынѣ на этотъ счетъ стало слабѣе. Впрочемъ и теперь, какъ я могъ убѣдиться своими глазами, ничего унижающаго праздникъ молодежью не совершается, молодежь мужскаго пола вела себя скромно, вдали отъ женщинъ, держась ближе къ солиной толпѣ; ловеласничества никто не проявлялъ. Единственный случай, когда мужчина вмѣшался въ толпу играющихъ, состоялъ въ томъ, что добродушный Ваня, мужикъ лѣтъ сорока, по словамъ вотяковъ „дурачекъ“, выпивши началъ блажить: сталъ въ шутку гоняться за ребятами.

тами, которые его дразнили; сознавая впрочемъ, что шумѣть въ загородкѣ не полагается, онъ увелъ толпу вонъ изъ нея; кончилось тѣмъ, что дѣти опрокинули его въ Варзю и выдупали; улыбался во весь ротъ, добродушный мужикъ возвратился за загородку, таща за собой толпу человекъ въ 50 изъ мальчиковъ и дѣвчатъ; вода стекала по его кафтану, лапти чвакали. Въ этомъ видѣ онъ годился бы въ Неплуны вотскаго пантеона. При видѣ его вся толпа, бывшая въ загородкѣ, въ одно горло захохотала. Другой случай необыкновеннаго оживленія толпы устроилъ одинъ богатый вотякъ разбрасываеиъ пряниковъ въ толпу. Этимъ участіемъ веселящейся молодежи вотскія моленія отличаются отъ черемисскихъ, на которыя женщины недопускаются. Несмотря однако на это, русскіе и даже татары, которые кажется невысокаго мнѣнія о нравственности вотяковъ въ обыденное время, гово-рять о вотскихъ праздникахъ: „въ это время у нихъ бываетъ очень строго“. Вышившихъ было очень много, потому что обходъ съ штофами кумышки прекращался только во время молитвы; какъ только молитва кончалась — появлялись фигуры съ штофами, подъ мышкой и одна за другой двигались вдоль рядовъ. Многие старши такъ нализались, что уже едва плели слова въскомъ; однако никакого дебоша не было, молодежь видимо воздерживалась и пила мало. Необыкновенно тихо справлялся вотскій праздникъ.

Я спрашивалъ вотяковъ, кто такой Му-колчинъ? сынъ или братъ Иньмару? Вотяки отвѣчали мнѣ: „Кто можетъ это знать!“ Точно также на вопросъ: есть ли у Иньмара жена? — они отвѣчали невѣденіемъ. Когда же я спрашивалъ, какой видъ имѣетъ Иньмаръ и видаль ли его кто? мнѣ отвѣчали: „Никто никогда Иньмара не видаль и видѣть не можетъ. Онъ людямъ не показывается. Мы видимъ только, что онъ даетъ намъ дождикъ и ведро, даетъ урожай; если онъ захочетъ дать намъ хлѣба, онъ дастъ дождикъ, не захочетъ — дождика не бываетъ. Вотъ мы и молчимъ его, чтобы онъ далъ дождичка“. Предоставляю другимъ исследователямъ рѣшить вопросъ: этотъ „невѣдомый Богъ“, которому молятся вотяки, на-вѣянъ ли сосѣдствомъ татаръ или онъ есть неотъемлемая часть восточнаго религіознаго міросозерцанія?

... Хотя вотяки и заявили, что Иньмаръ невидимъ, тѣмъ не менѣе мнѣ удалось услышать отъ нихъ легенды о томъ; какъ Колчинъ—Иньмаръ ходилъ по землѣ. Одна изъ нихъ

разсказываетъ слѣдующее: Жилъ одинъ человѣкъ богатый; Колчинъ—Иньмаръ сказавъ ему, что придетъ къ нему въ гости. Человѣкъ прибралъ избу, наготовилъ угощенія и ждетъ. Въ это время приходятъ къ нему два нищихъ и просятъ пустить ночевать. Богачъ говоритъ: „жду Бога, уходите; не до васъ!“ „Дай хоть въ скотскомъ хлѣвѣ мѣсто“—просятъ нищіе. Пустилъ ихъ наконецъ въ хлѣвъ богатый человѣкъ. Приходитъ вь ночь, а Колчина-Иньмара не можетъ дожидаться богача. На завтра онъ перестаетъ ждать и высылаетъ своихъ работниковъ на работу молотить хлѣбъ. Нищіе просятъ и ихъ пустить на работу; богачъ соглашается. Пришли нищіе на токъ, собрали весь хлѣбъ въ кучу и подожгли его съ двухъ повѣзвъ; солома сгорѣла; зерно осталось. Совершивъ это чудо, двое нищихъ, т. е. Колчинъ-Иньмаръ съ товарищемъ, пошли отъ богача прочь. Идутъ по дорогѣ; катится бочка съ золою. Колчинъ-Иньмаръ велитъ ей катиться къ богачу. Товарищъ говоритъ: „за чѣмъ же ты велишь ей катиться къ богачу? разве забылъ какъ онъ не пускалъ ночевать?“ Идутъ дальше. Идетъ гонимъ и проситъ бѣть. Колчинъ-Иньмаръ посылаетъ его къ одной бѣдной вдовѣ. Товарищъ опять говоритъ: „лучше бы ты бочку послалъ къ вдовѣ, а волка къ богачу“. Идутъ дальше, приходятъ къ одому лѣсу: тутъ всякая гадость, лягушки; зыби. Колчинъ-Иньмаръ говоритъ: „зотъ тутъ будущій вѣкъ богача“. Въ другомъ лѣсу течетъ ключъ съ водою, сладкою какъ медъ: „Тутъ будетъ вѣкъ доброй женщины“.

Другая легенда: „Эта по нашему сказывается опять о Колчинѣ-Иньмарѣ же (такъ началъ разсказывать Ладень, т. е. Владиміръ, хотя иррещеный; но не грамотный; и плохъ владѣющій русскимъ языкомъ; вотъ такъ). Идутъ два нищихъ; видятъ крестьянина наметъ. Подходятъ къ нему. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ крестьянина: „пашешь?“ „Пашу!“ „Что хочешь послать?“ „Ячмень“. „Дай мы тебѣ покормимъ, выпряги свою лошадь“. Выпряги крестьянинъ лошадь. Впрягаетъ одинъ нищій вмѣсто лошади, другой сталъ править. Когда отпыхались, ходищій, сзади спрашиваетъ крестьянина: „какъ тебѣ со стороны показалось, которому изъ насъ дужь труднѣе было: тому ли, что въ оглоблахъ вмѣсто лошади ходилъ, или тому, что правилъ“. Крестьянинъ говоритъ: „по мнѣ ровно тому, что сзади былъ; труднѣе было“. Ушли нищіе. Тотъ нищій, что въ оглоблахъ ходилъ, обидѣлся на мужика и побилъ его ячѣ-

мень градомъ, а Колчинъ-Иньмаръ послѣ того родилъ ему еще лучше. (').

Кромѣ этихъ легендъ, которая народная память относить къ старому времени, есть рассказы о лицахъ, нынѣ удостоившихся видѣть Колчинъ-Иньмара. Такъ однажды увидѣлъ его крестьянинъ Левъ, изъ дер. Куюкъ. Онъ пахалъ парь: была засуха, пахать было трудно, мужикъ заревѣлъ. Сначала въ воздухѣ загудѣло, потомъ потемнѣло и ничего не видно стало; потомъ вдругъ стало свѣтло и передъ нимъ очутилось два человѣка. Одинъ изъ нихъ сказалъ крестьянину: „не реви, грѣшно ревѣть въ пахоту“. Это былъ Колчинъ-Иньмаръ. Другой рассказъ. Крестьянинъ дер. Ятчи, по имени Мосей, ѣхалъ однажды верхомъ. Видеть мимо него проѣхали два всадника, одинъ молодой, черный, другой сѣдой старикъ. Молодой говоритъ: „пора убить этого мужа“. А старый сказалъ: „нѣтъ, нельзя, онъ кормитъ большую семью“. Я привелъ эти рассказы какъ свидѣтельствующіе о томъ, что въ повѣрьяхъ вотяковъ, повидимому, Колчинъ-Иньмаръ постоянно представляется въ видѣ двухъ лицъ.

Легенда о Колчинъ-Иньмарѣ, который ходитъ по землѣ подъ видомъ нищаго, сходна съ южно-русскими апокрифическими легендами о Христѣ, которая до принятія христіанства можетъ быть рассказывалась о Колядѣ. Вѣроятно эти апокрифическіе русскіе рассказы причиною, что вотяки сами приравниваютъ Му-колчина къ Христу. Когда я въ дер. Новой спрашивалъ вотяковъ о Му-колчинѣ, они мнѣ отвѣчали: „русскіе молятся же Христу; вотъ также и мы молимся Му-колчину“. Въ такомъ-же родѣ и въ д. Варзи-ятчи вотяки говорили, что Му-колчинъ для вотяковъ тоже, что для русскихъ Христосъ. Наконецъ о. Гавриловъ говорилъ мнѣ, что и онъ слыхалъ такое мнѣніе отъ вотяковъ. Сопоставленіе Му-колчина со Христомъ усвоено отчасти и русскимъ духовенствомъ

(') О хожденіи сына Бога по землѣ есть сказанія и на Кавказѣ; именно, у нигушей сынъ Бога, по имени Елатъ, помогаетъ, противъ воли отца, одному бѣдному мальчику засѣять пшеницу, сжать ея и убрать—вопреки насланнымъ Богомъ грозѣ, дождю и вѣтру. Легенда кончается тѣмъ, что разсердившійся Богъ выкололъ Елатъ глазъ, послѣ чего тотъ и остался одноглазымъ. Сбор. свѣд. о Кавказ. горцахъ, вып. VIII, Тафл. 1875, статья Чаха Адріана: «Нигуши», стр. 14.

и толкуется имъ, какъ предвѣдѣніе христіанской истины въ язычествѣ. О. Гавриловъ показалъ намъ старинный рукописный словарь вотскаго языка, подъ заглавіемъ: „Новая отяцкая грамматика, сочиненная бывшимъ іереемъ о. Михайломъ Мышкинымъ въ 1795 году“. Въ немъ, между прочимъ, противъ слова „кылдысынъ“ приведено такое толкованіе: „слово Божіе, Богъ-Слово. *Кыл*—значить слово, рѣчь; *ис*—отъ, предлогъ; *ин*—значить Богъ, а собственно слово отъ Бога—колдысынъ. Сіе о Христѣ Спасителѣ нашемъ мнѣніе какъ въ семъ отяцкомъ народѣ, потому что человекъ созданъ по образу Божію и поподобию. И сіе естественное о Божіемъ Словѣ въ душѣ начертаніе или изображеніе никонимъ образомъ человекъ потерять не можетъ, какимъ бы впрочемъ заблужденіямъ подверженъ не былъ. О чемъ пространно пишетъ Гуговъ Гроцій въ книгѣ: *О истинномъ христіанскомъ благочестіи*“. Это сопоставленіе Му-волчина съ Христомъ, дѣлаемое вотяками, мнѣ кажется можетъ объясниться, когда будутъ собраны легенды о хожденіи Колчинъ-Иньмара по землѣ. Вѣроятно въ нихъ много сходнаго съ апокрифическими сказаніями о Христѣ или Иванѣ милости-вомъ и съ чертами колядокъ. Сличая эти сказанія, которыя вотякъ можетъ слышать или отъ сосѣдей русскихъ, или попадая въ русскія области во время военной службы, онъ приходитъ къ отождествленію своего Му-волчина со Христомъ.

Что же касается до самихъ вотскихъ легендъ о Колчинъ-Иньмарѣ, то считать ли ихъ заимствованіемъ, отъ русскихъ или исконнымъ достояніемъ вотскаго племени, хранимымъ отъ первобытной древности—этотъ вопросъ вполнѣ рѣшить трудно при отрывочномъ состояніи нашихъ знаній, какъ объ устныхъ памятникахъ старины вотскаго племени, такъ и о мифологіи сѣверной Азіи. То немногое, что добыто по этой части, какъ намъ кажется, позволяетъ однако и теперь догадываться, что сказанія о Колчинъ-Иньмарѣ принесены вотяками изъ Азіи. Легенда о хожденіи учителя по землѣ въ качествѣ нищаго встрѣчается уже въ Монголіи; ее разсказываютъ на разныхъ ладахъ о Бурханъ-Бакшѣ. Въ сказаніяхъ, записанныхъ мною у урямхайцевъ и бурятъ, является личность Колду-Бурхана или Галто-бурхана. Съ Колду-бурханомъ не связаны легенды о хожденіи въ качествѣ нищаго,—по между нимъ и Бурханомъ-бакши есть другія связи. Бурханъ-бакши есть основатель религіознаго ученія, есть первый учитель мо-

рали на землѣ; онъ смѣшивается монголами съ Шавіамуни, основателемъ буддизма. Колду-Бурханъ также является въ сказаніяхъ, которыя находятся въ связи съ фактомъ введенія буддизма въ Монголію. Галто-Бурханъ упоминается въ бурятской пѣснѣ о винѣ и повидимому есть изобрѣтатель его; Бурханъ-Бавши есть изобрѣтатель животворной воды, напитокъ, который долженъ былъ сдѣлать людей бессмертными. Поэтому можно думать, что легенды о хожденіи учителя (1) принесены Вотиками изъ южной Сибири и въ Кылдышинѣ слѣдуетъ видѣть Колду урянхайскаго или Галту бурятскаго. Что же касается до отношенія вотскихъ легендъ и повѣрій къ южно-русскимъ апокризамъ, осмѣливаемся здѣсь высказать мысль, что вѣроятно въ то отдаленное время, которое предшествовало сложенію русскаго государства распределеніе племенъ и языковъ по лицу русскаго земли было гораздо разнообразнѣе и смѣшаннѣе, чѣмъ въ болѣе позднее время; вѣрованія же, сказанія и обряды, напротивъ, имѣли много общаго, какъ у племенъ финскихъ, такъ и славянскихъ и даже скандинавскихъ. Одни и тѣ же божества; однѣ и тѣ же легенды объ этихъ божествахъ, однѣ и тѣ же обряды жертвоприношеній были какъ въ древней Прикамской Болгаріи, такъ и на Днѣпрѣ. Поэтому и не нужно объяснять сходныя черты, находимыя тамъ и здѣсь, заимствованіемъ; Кылдышинъ—есть вотская вариация русскаго Коляды, уцѣлѣвшая на своемъ мѣстѣ отъ временъ отдаленныхъ.

Подобнымъ же положеніемъ дѣла можно объяснить и то обстоятельство, что нѣкоторыя черты первоначальной лѣтописи сходны съ повѣрьями и преданіями Прикамья и Поволжья. Нигдѣ кажется нѣтъ такого обилія легендъ о трехъ братьяхъ, сѣвшихъ въ трехъ урочищахъ, какъ въ Поволжьѣ. Эти легенды находятся повидимому въ связи съ монгольскими и киргизскими легендами о избраніи на царство изъ трехъ братьевъ одного или

---

(1) Вотика также говорилъ мнѣ, что училъ людей, какъ вѣрѣ, такъ и земледѣлію, Му-коляхну. У Черемисовъ въ Тамбѣ, на вопросъ: какой Богъ ходилъ по землѣ и училъ народъ? Мнѣ отвѣчалъ одинъ старикъ: Туиза Нуюршо Юмо. На вопросъ же былъ ли у Юмонъ-ады сынъ?—онъ сначала отвѣчалъ отрицательно, но потомъ сказалъ: «постой! это Эрыга-Нуюршо-юмо! вотъ пашель!» Но не одно ли это лицо? Судя потому, что онъ стоитъ рядомъ съ Кого-юмо и является дѣятельнымъ правителемъ природы, тогда какъ Кого-юмо представляется инертнымъ божествомъ, Нуюршо-юмо можно отчасти приравнять къ вотскому Му-коляхну.

о призваніи на царство трехъ братьевъ⁽¹⁾. Самый обрядъ жертвоприношенія Колчинъ-Иньмару не отражается ли въ легендѣ о мести Ольги за смерть Игоря? Г. Котляревскій („О погребальныхъ обычаяхъ“ стр. 114—118) сближаетъ черты этого эпизода съ обстановкой похороннаго обряда у русскихъ славянъ, похоронныя же обряды повидимому имѣли много общаго съ жертвоприношеніями; не совершались ли обряды жертвоприношеній у русскихъ славянъ съ тѣми же чертами, каковы видимъ въ разсказѣ о мести Ольги? По крайней мѣрѣ въ обрядѣ жертвоприношенія Иньмару и Му-полчину есть подобныя черты: баня передъ жертвоприношеніемъ (эта баня не есть ли замѣна обливанья, жертвы водой, существующаго у черемисъ и не замѣченнаго мною у вотяковъ?), сжиганіе жертвы и отдѣльно отъ этого погребеніе ея въ яму, причѣмъ все это сопровождается пиромъ. Правда, подобныя черты слишкомъ общи, но не всегда они соединяются такимъ образомъ вмѣстѣ. Къ этому можно еще напомнить имя Иньмара, которое имѣетъ сходство съ именемъ Инговаръ—одинъ изъ вариантовъ имени Игоря⁽²⁾. Замѣчательно,

(1) Киргизскія легенды см. въ моихъ очеркахъ съв. зав. Монголія II, 148; впрочемъ мнѣ неизвѣстны варианты, которые бы связывали киргизскую редакцію съ монгольской, упоминающей о бросаніи братьями жребія, кому управлять вселенной. Бурханъ-бакши получили управленіе, достигши этого посредствомъ обмана. Обманъ является и въ половецкихъ сказаніяхъ о трехъ (или двухъ) братьяхъ. Мои монгольскія варианты еще не напечатаны.

(2) Въ исторіи Игоря разсказывается еще о жестокой казни, которой предалъ его Древяне, именно о повѣшеніи его на дерево. Не отголосокъ ли это обычая вывѣшивать жертвенную шкуру на шесть передъ жертвенникомъ, обычай еще теперь сохранившійся у алтайцевъ и у бурятъ? у послѣднихъ эти реликвіи называются «курукъ». Этотъ обычай вывѣшивать шкуру, хотя и не навсегда, а только на короткое время, существуетъ еще теперь у Мордвы. (См. Мельникова: Очерки Мордвы въ Русск. Вѣстн. 1867 г., окт., стр. 409). Игоря нѣкоторые сближаютъ съ Егоріемъ Храбрымъ (См. Иловайск. Розысканія о началѣ Руси, стр. 430). Укажемъ на одно идущее сюда преданіе: близъ Рославаля водились бѣлые медвѣди; за однимъ изъ нихъ поскакалъ княжескій любимецъ бояринъ Юрій; медвѣдь въ чашу, Юрій за нимъ,—на всемъ скаку Юрій налетѣлъ на сухое дерево и повѣсилъ на толстомъ суку; конь убѣжалъ и Юрій умеръ, не дождавшійся помощи. Князь довелъ его ту гору звать Юрьевскою (Изд. Им. Рус. арх: общ., т. IX, Спб. Стат. Оп. собр. истор. зав. о Рославлѣ, Ракачевскаго, стр. 498). Въ собраніи загадокъ Садов-

что мордовское слово „сустуги“, грудныя украшения, упоминаются въ летописи, именно въ рассказѣ о смерти Игоря и мести Ольги.

никова есть одна: что бокамъ батогамъ утыканный Семень среди поля на колы посеженъ». Такъ загадывается зародъ стна (Заг. русск. народа, № 1262), но въ другой загадкѣ стогъ загадывается Егоремъ. Въ скандинавской мифологіи также встрѣчается тема повѣшенія. Имя мирового ясеня Иггдрасилля (Iggdrasil); Iggg—прозвище Одина, drasil—колы или носитель; при этомъ въ виду стараго нѣмецкаго выраженія о повѣшеніи: «am Galgen reitern» праводятъ свидѣтельство Hâgamaï'a, что Одинъ десять дней висѣлъ на Иггдрасиллѣ, sich selber geweiht am windiger Baum. (Mannhardt, German. Mythen, 552). Маннгардтъ сближаетъ этотъ мифъ съ греческимъ о Герѣ, которую Зевсъ mit der Gewitterhämmer (Ѣммонъ) повѣсилъ за ноги къ небу. Возможенъ ли переходъ Ингвара въ Иньмара могутъ рѣшить филологи; что касается до имени Иньмаръ, оно очевидно сложное и состоитъ изъ двухъ словъ *Инь* и *маръ* на это указываютъ приведенное уже выше слово *иньколе*. Окончаніе *маръ* встрѣчается и въ другихъ словахъ: бутмар, вилъмарское село, богатырь Ячтомаръ (см.; Юр. Гаврилова: «Прозв. народн. вѣв.» стр. 146—147). Ср. Маръ: предокъ славянъ у Массуди (См. у Котляревскаго, «О погреб. обычаяхъ» стр. 11, цитата изъ Шармуа [XXXII, p. 312 и 16]: Les Slaves descendent de Mar, fils de Iarhet). Растеніе Расопаса, которое у насъ называется Марьяны коренья, по вотски иѣтъ ия иньвожо. Не было ли первоначально Иньмаръ-вожо и не отсюда ли наше марьянь-коренья? У Мордвы иѣтъся божество Анге-Патяй, это божество женскаго пола, она покровительница всякаго плодородія; отчасти это божество соответствуетъ вотскому Колдышину и Черемисской Меландь-авѣ; Анге-Патяй спускается на землю то въ видѣ золотохвостой птицы, то въ видѣ голубя, но чаще всего люди видятъ только одну тѣнь благотѣльной богини, когда она навѣщаетъ нивы. Случается, что въ ясный лѣтній день около полудня вдругъ пронесется по полю легкая тѣнь отъ едва замѣтнаго облачка, заслонившаго солнце. Это, по вѣрнію Мордвы, тѣнь Анге-Патяй, которая невидима для людей, ходитъ по землѣ оплодотворяя ея и лелѣя любимыя ею животныя и растенія (Мельв. Оч. Мордвы, Русск. Вѣст. 1867, окт., стр. 309). Она представляется или чистою дѣвою или матерью боговъ, у нее четыре сына и четыре дочери; одинъ изъ сыновей называется Нишки-Пасъ; онъ былъ убитъ людьми, но потомъ воскресъ и вознесся на небо. Кроме того Анге-Патяй представляется пряхой, прядущей на серебряномъ гребнѣ; она надзираетъ, трудолюбивы ли женщины и каково онѣ прядутъ (ibid., стр. 398—400); это послѣднее сближаетъ ее съ нашей Пятницей. Вотъки, съ которыми мы иѣли дѣло, своему Колдышину, соответствующему мордовскому Нишки-Пасу, матери не даютъ; не представлялось ли ея нѣкогда божество Иньмаръ? У В. Бехтерева (Вѣсти. Евр.,

По краткости пребывания въ краѣ—мнѣ не было возможности видѣть свадебный обрядъ у вотяковъ. Изъ распросовъ я узналъ слѣдующее. Свадебный обрядъ распадается на три части: 1) отвозъ невесты въ домъ жениха, 2) прибытіе „погонихъ“ и пиръ въ домѣ жениха, 3) отвозъ невесты къ отцу и пиръ у него. Свадьба начинается тѣмъ, что сваты ѣдутъ къ отцу невесты; когда дѣло рѣшено, братъ или кто нибудь изъ родственниковъ отвозитъ невесту въ домъ жениха; при этомъ устраивается пирушка; отецъ жениха съзываетъ свою родню и пируетъ съ нею. Въ тотъ же вечеръ молодежь, т. е. парни и дѣвицы, отводятъ жениха и невесту на подклять. Казакъ-парень, т. е. холостой парень, владеть въ постель жениха, казакъ-дѣвица укладываетъ невесту; невеста сначала упирается, но потомъ уступаетъ. Тогда ихъ запираютъ и оставляютъ однихъ. На завтра невеста идетъ за водой, ее провожаетъ молодежь; на рѣчкѣ молодежь брызгается и плещетъ водой другъ на друга; невеста приходитъ домой мокрая. Здѣсь, въ избѣ, принесенной ею водой вновь начинаютъ брызгаться, такъ что весь полъ ульютъ водой; невесту заставляютъ полъ мести, а шутники нарочно стружать лучинку на вымѣненное мѣсто⁽¹⁾.

Главною частью обряда считается прїѣздъ „погонихъ“ въ домъ жениха⁽²⁾. Этотъ обрядъ совершается не вскорѣ пос-

---

1880, сент., 150) указывается на подобныя отношенія, только у него Муну-Кальцивъ, какъ онъ называется Кылдышина, мать, а Ишмаръ омиъ; Муну, въ самомъ дѣлѣ, по вотски значитъ мать; но и въ имени Ишмара можетъ быть заключается понятіе о матери; въ первомъ членѣ имени мордовскаго божества Анге можно видѣть вотское ивъ; ср. остяцкое иже—мать (Castren: Versuch ein Ostjak Sprch. 75) и остяцкое жіг—отецъ (ib. 86). Всѣ эти формы *амге*, *иэ*, *иш*, *ен* (название Бога по пермцки) не происходятъ ли отъ одной первоначальной *амг* путемъ измѣненія носоваго звука, указаннымъ Н. Н. Ильминскимъ (Bullet. de la classe histor. philo. d. I, (Ac. d. sc. XVI, 44) т. е. путемъ опуска *и* и *г*?

(¹) Обливаніе водой невесты существуетъ и у русскихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центральной Россіи. Обрядъ этотъ вѣроятно находится въ связи съ мнѣніемъ объ умываніи дѣвицы громовникомъ во время грозоваго наленія и съ повѣрьемъ объ умываніи мѣсяца во время новолунія, т. е. съ повѣрьемъ, что во время новолунія всегда идутъ дожди.

(²) Терминъ «погонихи» заимствованъ нами отъ русскихъ крестьянъ Клабуж. уѣзда; и у нихъ есть обычай посылать «погонихъ» въ домъ жениха.

дѣ отъѣзда невесты, а мѣсяца черезъ три, иногда черезъ шесть. Время приѣзда погонихъ назначается тогда же, какъ отвозить невесту. Обрядъ состоитъ въ томъ, что въ назначенное время изъ дома невесты въ домъ жениха прибѣгаютъ родственники невесты, какъ бы въ погоню за ней, изаговаривать, что у нихъ погорялась дѣвица. Невѣсту прячутъ въ это время и ведутъ погонихъ въ избу, гдѣ она спрятана. Казакъ-дѣвица, показывая еѣ, говоритъ погонихамъ: „кортъ есть у насъ дѣвица, да это не ваша“, „это какъ будто не наша“, говорятъ погонихи. Потомъ вдругъ закричатъ: „да вотъ она наша сестра! ну, давайте теперь итить! напали сестру“. И тутъ начинается большой дурь, продолжающійся три дня и три ночи; потомъ погонихи уѣзжаютъ. Слѣдомъ за ними вскорѣ отвозятъ невесту къ ея отцу; его родственники ѣдутъ за ними и три ночи живутъ у теста пируя. На время свадьбы избирается почетный предсѣдатель пира, который называется *тыръ* или *тэр*; за столомъ онъ сидитъ на самомъ почетномъ мѣсто, почему у вотяковъ и передній уголъ носить названіе *тыръ интэ*, т. е. мѣсто тыра (!). Тыру подносятся первая чаша кумышки; каждый гость, начиная угощать своимъ виномъ, прежде всего подноситъ тыру; вмѣсто того, чтобы пригласить всю пирующую компанію въ свой домъ—приглашаютъ тыра; куда въ чей домъ пойдетъ по приглашенію тыръ, туда и всѣ пирующие идутъ: „какъ пчелиной рой за маткой“, прибавилъ мой разсказчикъ. Тыра стараются угощать по преимуществу и оказываютъ ему всякаго рода угощеніе; вечеромъ отвозятъ домой, стелютъ ему постель, укладываютъ, не безъ шутокъ впрочемъ, наприм. подкладывая полбно вмѣсто подушки, а

(!) Срав. *тёр*, переднее мѣсто въ юртахъ у южно-сибирскихъ людо-родцевъ. (См. Грам. алтайск. яз., Казань, 1869 г., стр. 272). Это слово можно сближать съ названіемъ бубна: *тюръ* (см. Магницкія, Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 78), что, очень вѣроятно, потому что бубень именно занимаетъ почетное мѣсто въ юртѣ, которое и носитъ специальное названіе. Названіе бубна *тюръ* есть сокращенное изъ *тынгуръ*, какъ бубень называется на другихъ татарскихъ нарѣчіяхъ Сибири и, какъ мы старались показать въ другой своей статьѣ, находится въ связи съ именами громовника: Тенгиръ, Тенгри-ханъ, Торумъ, Тора и т. д.

утромъ онъ еще спитъ,—а лошадь съ санями или телѣгой уже ждетъ его (1).

Изъ повѣрій мнѣ удалось записать слѣдующія:

По понятію вотяковъ и татаръ пожаръ отъ молніи можно залить только молокомъ черной коровы. Говорятъ также, что зажженный молніей домъ не нужно заливать, что сгоритъ только одно то зданіе, на которое упала молнія; бывали, говорятъ, случаи—ударить молнія въ „кабанъ“ т. е. въ кладь, только одинъ этотъ кабанъ и сгоритъ, хотя бы рядомъ близко стоялъ другой кабанъ.

Громовая стрѣла—инькыле—уходить, по мнѣнію вотяковъ, на сорокъ саженъ въ землю и назадъ выходитъ черезъ сорокъ

---

(1) Это ухаживанье за «тыромъ», котораго слабужскіе крестьяне приравниваютъ къ нашему «дружкѣ», напоминаетъ легенду о скандинавскомъ Торѣ, ходившимъ по свадьбамъ (Mannhardt's Fern. Mythen, 99). Вадумалось Тору спуститься на землю и вотъ онъ зашелъ въ одинъ дворъ, гдѣ была свадьба; здѣсь его приняли съ большимъ почетомъ, женихъ самъ поднялъ цѣлую пивную бочку и поднесъ еѣ Тору, которую тотъ и опорожнилъ сразу. Очень довольный оказаннымъ вниманіемъ, богъ пошелъ въ другой соседній дворъ, гдѣ также была свадьба. Тамъ не были къ нему такъ внимательны и поднесли ему напитокъ въ обыкновенной чашѣ. Богъ обидѣлся, оттолкнулъ отъ себя чашу, махнулъ своимъ молотомъ и вышелъ. Потомъ молодые, угостившихъ его изъ цѣлой бочки, онъ поднялъ со всеми ихъ гостями на холмъ и показалъ имъ, какъ негостеприимный дворъ со всеми бывшими въ немъ гостями былъ погребенъ подъ упавшей на него горой. Легенда о Торѣ наводитъ на мысль, что *вотскій тыръ есть представитель громовника*, откуда къ нему и такое какъ бы божеское почтеніе. Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени собрать болѣе чертъ, которыми характеризуется значеніе тыра на свадебномъ пиру. Отъ одного русскаго крестьянина мы слышали что и во время жертвоприношенія Муколчину и Иньнару избирается тыръ, который сидитъ на почетномъ мѣстѣ за столомъ установленнымъ съѣстными приношеніями и также получаетъ первую чашу вина изъ cadaго вновь откупориваемаго сосуда; но на буздѣ въ деревнѣ Наран-ятчи такого тыра я не видалъ и мнѣ здѣсь сказали, что на буздѣ его и не бываетъ. Что обрядовое знаніе тыра или, по крайней мѣрѣ, нашего дружки, находилось въ связи съ представленіями о громовникѣ—въ этомъ едвали можно сомнѣваться: черты свадебнаго обряда указываютъ на дружку, какъ на такого же умыкателя дѣвницы, какимъ представлялся и громовникъ. Ср. въ нашихъ сказкахъ и былинахъ дядьку, который добываетъ невѣсту для царя и царевича: Удаля-молодецъ для Дмитрія Царевича, Ивашка Таракашка для Василья Окуловича и проч. Дядка подъ конецъ окаменѣваетъ—черта изъ мифовъ о громовникѣ.

лѣтъ. Въ дер. Асановой одинъ вотякъ увѣрялъ меня, что, выпававъ, ее оставляютъ въ полѣ, въ домъ не берутъ, потому что—опасно. Высѣкая огонь изъ громовой стрѣлы легко можно сдѣлать пожаръ, потому что огонь ходитъ за инь-кыле. Въ деревнѣ Утчанъ, напротивъ, мнѣ приносили „инь-кыле“ выпаванные въ полѣ и сохраняемые въ домахъ; это были впрочемъ обломки крупныхъ валуновъ, обратившіе на себя вниманіе простолюдиновъ своей гладкой поверхностью.

Во время грома вотяки выгоняютъ изъ избы собакъ: въ нихъ прячется шайтанъ. Громъ преслѣдуетъ шайтана, который дразнить его: влезетъ на дерево, станетъ вверхъ ногами и кажетъ Иньмару голый задъ. Если Иньмаръ не попадаетъ въ шайтана, то раздираетъ дерево, если же попадаетъ, то сожжетъ его. Шайтанъ прогнанъ на землю съ неба. Всѣхъ было на небѣ семь братьевъ, которые молотами разбивали камень; всѣ братья говорили при каждомъ ударѣ: Господи благослови! а Шайтанъ—одинъ изъ братьевъ—приговаривалъ: Будь проклятъ! Изъ cadaго отлетавашаго осколка становился ему товарищъ; тогда братья прогнали его съ неба, какъ непослушнаго и вѣроломнаго, хотѣвшаго создать себѣ помощниковъ и сдѣлаться сильнѣе другихъ.

Если корова придетъ съ поля съ окровавленнымъ выменемъ,—татары приписываютъ это тому, что корову сосаль убуръ. Другіе говорятъ, что коровъ сосутъ змѣи; онѣ оставляютъ въ вымени свои зубы, отъ чего вымя начинаетъ болѣть; тогда обмазываютъ вымя кислымъ молокомъ и трутъ шкурой кошки, думая, что змѣинные зубы выйдутъ на шкуру. У черемисовъ также есть повѣрье, что змѣи сосутъ коровъ. По вотскому повѣрью коровъ сосетъ *юберъ* или *ибуръ*; ему же приписывается и затмѣніе небесныхъ свѣтилъ. *Ибыръ*—это умершій видны, т. е. колдунъ, который огнемъ выходитъ изъ своей могилы и летаетъ по воздуху; объ огненномъ метеорѣ вотяки говорятъ, что это видны полетѣлъ кого нибудь ѣсть или портить. Черемисы огненные метеоры называютъ „убуръ“.

О пятнахъ на мѣсяцѣ у вотяковъ и татаръ общее сказаніе: одна сиротка дѣвушка (вотяки иногда говорятъ черемисская дѣвушка) была гонима мачихой; рано утромъ, когда еще мѣсяцъ не закатался, мачиха уже выгнала ее за водой. Однажды дѣвушка подошла къ рѣчкѣ, стала плакать и сказала: „хоть бы мѣсяцъ меня взялъ“; мѣсяцъ сжалился и взялъ еѣ въ себѣ вмѣстѣ съ ведрами.

Если выйти въ полнолуіе на перекрестокъ дорогъ (вотское повѣрье) и приложить ухо къ землѣ, то узнаешь будущее: парень узнаетъ—уйдетъ ли онъ въ солдаты, дѣвица—выйдетъ ли замужъ.

Татарское повѣрье: если случится покража, покупаютъ ежа, хотя бы за десять рублей, и запираютъ въ ящикъ, гдѣ онъ и умираетъ; вѣрятъ, что тогда и вора сведетъ клубкомъ,—онъ умретъ и засохнетъ.

Вотяки думаютъ, что встрѣтить ужа къ худу и, встрѣтивъ, разсѣвають его топоромъ.

Бобрь, по татарскому повѣрью, говоритъ по человѣчески; во время нападенія на него онъ проситъ охотника не убивать его и плачетъ.

О кротѣ вотяки думаютъ, что если онъ случайно проползаетъ на дорогу, на открытое мѣсто, и увидитъ свѣтъ Божій,—онъ долженъ умереть. Татары кормятъ жаренымъ, вѣрнѣ печенымъ, кротомъ дѣтей, когда у нихъ бывають язвы на загривкѣ.

Летучая мышь летаетъ только ночью, днемъ не можетъ летать потому, что у нея отъ солнца крылья вянутъ; такъ думаютъ вотяки и черемисы. У татаръ есть на этотъ счетъ особое сказаніе: Алла Тагали (Всевышній Богъ) отдалъ приказъ солнцу ходить отъ Магреба до Мешрика (отъ востока до запада). Солнце лѣниво пошло, соображая, что отъ одного края земли до другаго у него силы не хватитъ дойти. Въ это время жарванатъ (летучая мышь) сказала ему: „не медли! если ты будешь застывать на одномъ мѣстѣ, то сожжешь на немъ всю траву, а въ другихъ мѣстахъ въ это время трава не высохнетъ и сгниетъ. Вотъ почему тебѣ Богъ и повелѣлъ ходить отъ края до края“. Солнце осердилось и сказало жарванату: „не смѣй ходить днемъ на моихъ глазахъ, иначе сожгу твой крылья“. По этой то причинѣ летучая мышь и не летаетъ никогда днемъ.

По повѣрью вотяковъ медвѣдь стыдится человѣка; прежде онъ былъ человѣкъ, который умѣлъ обращаться въ медвѣдя, втыкая для этого ножъ въ дерево. Ножъ кто то вынулъ изъ дерева и колдунъ остался навсегда медвѣдемъ. Въ Утчанѣ одинъ вотякъ рассказаль другое сказаніе: медвѣдь былъ человѣкъ; у него было такъ много дѣтей, что онъ не успѣвалъ одѣвать ихъ. Однажды Колчинъ—Иньмаръ сказаль ему, что онъ придетъ къ нему въ гости. Какъ быть ему?—стыдно Богу

показать голыхъ дѣтей; придумалъ онъ попрыгать дѣтей—кого въ баню, кого въ лѣсъ, кого въ погребъ. Пришелъ Колчинъ-Иньмаръ и спрашиваетъ: „а гдѣ же твои дѣти?“ „У меня нѣтъ дѣтей“, отвѣчалъ человѣкъ. „Какъ, ровно были?“ сказалъ Богъ. „Нѣтъ и не было“. „Ну пусть же и не будетъ!“ сказалъ Богъ. Какъ онъ сказалъ это, спрятанный въ банѣ сдѣлался *кузюрчи* (банный чертъ), спрятанный въ лѣсу—медвѣдемъ.

Русскіе (въ Елабуж. у.) кажутъ больному лихорадкой медвѣжью высушенную лапу, чтобы онъ испугался.

Укушеніе змѣи вотяки лечатъ, приставляя конецъ липовой палки въ укушенному мѣсту; по палкѣ ядъ выходитъ изъ тѣла. Отъ ужаленья пчелы прикладываютъ укладъ.

Русскіе въ Елабуж. уѣздѣ, при ужаленіи змѣи, привязываютъ къ укушенному мѣсту живаго голубя и приматываютъ его такъ, что онъ тутъ же задыхается: вѣрять, что ядъ выйдетъ въ голубя.

Лебедя вотяки не стрѣляютъ,—домъ кончится, т. е. родъ прекратится; лебеди подобны людямъ, потому что у нихъ есть мѣсячныя очищенія.

Хотя именемъ „улыб-турум“ и зовутъ *Sedum Telephium*,—но это не настоящая улыб-турум. Настоящую люди не видятъ; она не велика. Присутствіе ея обнаруживается только тогда, когда, во время сѣнокошенія, литовка задѣвшая объ нее изломается. Эта трава дѣлаетъ способными къ половымъ отправленіямъ мужчинъ, утратившихъ мужскую силу и воскресаеъ убитыхъ змѣй. Чтобы найти эту траву нужно найти табунъ змѣй и убить одну; тогда змѣи принесутъ эту траву и проведутъ ея вдоль хребта убитой, послѣ чего она оживетъ. *Sedum* же *Telephium* названъ этимъ именемъ только потому, что онъ долго не вянетъ и не сохнетъ.

Кошмаръ Вотяки объясняютъ тѣмъ, что спящаго давить „кузюрчи“ или „жобъ“, который живетъ въ банѣ.

Ласточка осенью улетаетъ на небо.

Духъ живущій въ водѣ называется по вотски „ву—пэри“ или „ву—муртъ“; лѣсной духъ—„нулэс муртъ“. По черемиски водяной духъ: „бут-иа“. Банный духъ по вотски „кузюрчи“ или „жобъ“; по черемиски—„шюешіѳнда“ или „шюешондал“.

Баба людоѣдка въ черемисскихъ сказкахъ называется: „линэрэшиэ“; есть рассказъ, какъ одна женщина сожгла ес. Въ татарскихъ сказкахъ баба людоѣдка, хотѣвшая изжарить

мальчика, называется: „ит баш“, „сир аяк“ (т. е. собачья голова, коровья нога) (¹).

Самый сильный звѣрь по вотскому повѣрью называется „арслан—кыик“. Онъ говорить о себѣ: все, что на землѣ глазъ видитъ, все возьму! По повѣрью татаръ „врүшь—канат“ сильнѣе льва, арсланаъ кыика онъ рѣжетъ крыломъ: по другому показанію—у врүшь-каната на груди находится ножъ.

Когда дѣти не ведутся, умираютъ, новорожденнымъ даютъ птичьи имена; думаютъ, что ребенокъ съ птичьимъ именемъ лучше выживетъ.

Вѣра въ Кереметь, по словамъ вотяковъ, была прежде татарская вѣра. Кереметь—Богъ; его не слѣдуетъ смѣшивать съ Шайтаномъ. Вотяки вымѣняли Кереметь у татаръ на „уразу“. Если срубить дерево въ керемети (т. е. огороженномъ въ честь Керемета мѣстѣ)—онъ покажется въ какомъ нибудь страшномъ видѣ, наприм. въ видѣ медвѣдя.

Было три брата: Кереметь, Видынъ и Сотана.

Когда Богъ раздавалъ законъ, русскій надѣлъ сапоги и получилъ законъ; вотякъ, обуваясь въ лапти, прокопался, опоздалъ и остался безъ закона.

Названія созвѣздій, звѣздъ и нѣкоторыхъ небесныхъ явленій:

Большая медвѣдица по вотски Джекъ-кукъ (²); по черемиски Шордо-шудуръ (Шордо по черемисск. лось); по татарски Джидигянь.

Оріонъ по вотски Тарази (³); по черемиски Битбарашу-

(¹) Въ вотскихъ—«Обыда». См. о. Б. Гаврилова: «Произведения нар. слов. вотяковъ», стр. 125.

(²) *Джекъ* по вотски—столъ, *кукъ*—ножка у мебели. Такимъ образомъ созвѣдіе какъ будто напоминало вотякамъ столъ на четырехъ ножкахъ. Замѣчательно, что якутское названіе Большой мѣдвѣдицы *Арамасъ* примѣняется якутами также и къ полатамъ на четырехъ столбахъ, на которыхъ хоронятъ шамановъ. По монгольски столъ *шире*; ср. «Окторгонъ долонъ шире»—семь небесныхъ троновъ: такъ будто бы назывался высшій классъ въ линіи тибетскихъ князей или семь древнихъ тибетскихъ царей (см. у Саянаъ Саяна, Semidt, Geschichte d. Ost mongolen. с. 23) Теперь Большая Медвѣдица и по монгольски называется: «окторгонъ—долонъ—бурхынь».

(³) *Тарази* по вотски—вѣсы. По киргизски это созвѣдіе называется *Тарази*, что также значитъ вѣсы. (Коромысло по вотски—карнакъ).

дурь (битбара—по черем. коромысло); по татарски (елабуж. и мамад. ү) „кйонт“, т. е. коромысло.

Плеяды по вотски „шерпуж кижели“ (шерпужь—рѣшето), „вальвирь-кижели“ (?); по черемисски—„шоктэ шудурь“.

Зарница по вотски „чулпонъ“, по черем. „чолпанъ“, по тат. „чолпанъ“.

Радуга по вотски „ву-дись“ (буквально „воду пьеть“); по черем. „сунарь-быль“; по татар. „салавуть-кыпери“.

Млечный путь по вот. „луд-жяжекъ шурде“ т. е. „дорога дивихъ гусей“, по черемисски „каик вомбу горно“, дорога дивихъ гусей.

Сѣверное сіяніе по вотски—„Иньмарь пыртъ мачкэ“ (1). Какъ называется это явленіе по Черемисски—не могъ добыть-

---

(1) «Шырт мачкисъ» называется тотъ духъ, который въ лѣсу дразнить человека, принимаетъ видъ знакомаго или сосѣда, вступаетъ въ разговоръ, заводитъ такимъ образомъ въ незнакомое мѣсто и вдругъ исчезаетъ, или пугаетъ путника показываясь медвѣдемъ, словомъ—продѣлываетъ тѣ опасныя шутки, которыя у насъ приписываются лѣшему. Не лишнее здѣсь прибавить, что у остяковъ порть называется лось; тѣмъ же именемъ они называютъ Большую медвѣдицу. У о. Гаврилова описанъ обычай, существующій въ вотской деревнѣ Уватукли, который состоитъ въ томъ, что въ день Корсунской Божіей матери (9 Октября) дѣвщины рядятся и подъ предѣлательствомъ одной, имѣющей на головѣ высокую берестяную шапку, а въ рукахъ колокольчикъ и плетъ, ходятъ изъ дома въ домъ и поютъ особыя пѣсни; при входѣ въ избу главная дѣвушка бьетъ плетью по стѣнѣ. Последнее напоминаетъ другой вотскій обрядъ—изгнаніе черта, который у вотяковъ бываетъ въ великій Четвертокъ. Уватуклинскій обрядъ, совершаемый девятого октября, называется порть маськовъ; это слово о. Гавриловъ переводитъ: рядится, имѣннать образъ, что сходится съ толкованіемъ, которое вотяки и нашъ давали. И такъ подъ именемъ «порть-мачкэ» разумѣется: 1) призракъ, галлюцинація и 2) ряженъ, маскированъ. Сѣверное же сіянье—есть ряженъ или призракъ Иньмара. У Мордвы (Мельникова «Очерки Мордвы», Рус. Вѣст. 1867 г., окт.) существуетъ дѣтній дѣвичій праздникъ въ честь Анге-Патяй (божества, которое очень сходно съ нашей Пятницей, черезъ что легенды о ней рднятся съ легендами о Богородицѣ; patāi—тетка по ерезянско-мордовскому нарѣчію: (см. Widemann Gramm der Ersamordwe Sprache; batūi—veterbruder на мокшяско-мордовскомъ нарѣчій (см. Ahlquist's Versuch einer Mokscha-mordow. Grammatik); на этомъ праздникѣ также избирается одна дѣвица за главную и называется прявь-төвтеръ; г. Мельниковъ переводитъ—«голова дѣвка»; въ виду одного вотскаго названія «пытъ» и въ мордовскомъ «прявь» можетъ быть скорѣе слѣдуетъ видѣть видоизмѣненіе вотскаго имени праздника. У вѣтцевъ легенды, сходныя съ нашими

ся: то мнѣ говорили „сей уло“, что значить война будетъ и. такимъ образомъ, вмѣсто имени явленія, выдавали повидимому его значеніе въ смыслѣ послѣдствія для человѣчества; другіе приводили слово „пэлъ“, т. е. небо.

Громъ по вотски „гудури“.

Молнія по вотски „чиликиян“, „квась чиликиа“⁽¹⁾.

Громовая стрѣляка по вотски „инкыле“, тат. „яшин-таши“ (яшинъ—молнія, ташъ—камень).

СКАЗКИ (*).

Золотое перо.

Жили старикъ со старухой; обимъ было по семидесяти лѣтъ; они имѣли только одну кобылу. Проходилъ какой то прохожій, подивился на ихъ житіе и ушелъ. По его уходѣ и старуха и кобыла стали беременны: у старухи родился мальчикъ, у кобылы—жеребенокъ. Старики подумали: „мы стары, это не кормильцы намъ будутъ, прежде чѣмъ выкормимъ ихъ мы умремъ“. И потому, чтобы лишнее не тратить на нихъ,

---

о. Пятницѣ,—относятся къ Бертѣ (древняя форма *Bērgat*) или Гольдѣ. Дни посвященные Бертѣ были три четверга передъ Рождествомъ. или вообще святки. Въ эти дни дѣвцы и женщины наряжались и съ шумомъ и пѣснями ходили изъ дома въ домъ, причемъ главная изъ нихъ называлась Бертой; иногда Бертой назывался и ряженый мужчина; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бертами назывались ряженые вообще (Веселовскій: «Берта, Анастасія и Пятница» въ Ж. М. Н. Пр., 1877. Февраль, 217—221 и 226—229.)

Сближеніе ряженія и призрака можно видѣть и въ другихъ случаяхъ, наприм. въ словѣ *маньякъ*; слово это въ Алтаѣ и Саянахъ означаетъ шаманскій плащъ, въ средней же Россіи употребляется въ смыслѣ призрака, привидѣнія; понятно, какимъ образомъ возникла родственность въ значеніи этихъ словъ: шаманъ, во время своего лицедѣйствія, облаченный въ маньякъ, дѣйствительно представляется иногда не въ человѣческомъ видѣ а обращеннымъ, наприм., въ видѣ медвѣды и т. под. Желательно было бы собрать названія шаманскаго плаща на всѣхъ языкахъ Сибири; найдется ли между ними названія «портъ»?

⁽¹⁾ Ср. монгольское слово *цзайманъ*—молнія.

⁽²⁾ Съ № 1 по 10 записаны отъ вотяка въ д. Асановой, съ № 11 по 13 отъ вотяковъ же въ селѣ Варзи-ятчи; № 14 отъ татарина дер. Салаушъ.

старикъ отвезъ сына и жеребенка въ поле и бросилъ. Тамъ жеребенокъ и мальчикъ выросли безъ корма и ухода; мальчикъ сѣлъ на жеребенка и поѣхалъ. Дорогой онъ видитъ, — золотое перо (зарни тылэ) лежитъ на землѣ. Онъ хочетъ взять его. Конь уговариваетъ: не бери, а то тебѣ будетъ худо. Мальчишка не послушался коня и взялъ перо. Пріѣхалъ въ городъ, гдѣ жилъ царь, и поступилъ на службу къ нему. Другіе служащіе у этого царя стали завидовать мальчику, потому что ему все удавалось, и сказали царю, что у него есть золотое перо. Царь потребовалъ перо и мальчикъ отдалъ его царю. Тогда служащіе стали говорить, что мальчикъ можетъ достать и самую птицу. Царь призываетъ мальчика и велитъ ему добыть птицу. Мальчикъ возвращается къ жеребенку и плачетъ; жеребенокъ упрекаетъ его за то, что онъ, не послушавшись совѣта, взялъ перо, но потомъ уговариваетъ его не плакать, обѣщаетъ помочь ему въ этомъ горѣ, велитъ садиться и ѣхать. Жеребенокъ привезъ мальчика въ лѣсъ къ дереву, на которомъ сидѣлъ „душесъ“ (ястребъ), потерявшій перо, поднятое мальчикомъ на дорогѣ. Жеребенокъ велитъ мальчику поставить въ лѣсу корытцо и налить его виномъ. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. На зарѣ къ корытцу слетѣлъ съ дерева ястребъ (душесъ), весь золотой; блестящій свѣтъ отъ ястреба пошелъ по лѣсу. Ястребъ выпилъ вина, опьянѣлъ и заснулъ; тутъ его мальчикъ взялъ, сѣлъ на коня и отвезъ къ царю ⁽¹⁾. Царь былъ доволенъ его службой, но другіе еще болѣе захотѣли погубить его и стали говорить царю: у мальчика есть жеребенокъ. Царь призвалъ мальчика и приказалъ ему добыть табунъ сосѣдняго царя, а иначе онъ будетъ казненъ. Мальчикъ заплакалъ, пошелъ къ своему жеребенку, но тотъ не велѣлъ ему плакать, а садиться и ѣхать. Жеребенокъ привезъ его въ другое царство; тамъ ходитъ царскій табунъ подъ карауломъ жеребца. Жеребенокъ говоритъ своему хозяину: „Ты теперь слѣзь съ меня, ложись и не смотри въ ту сторону, гдѣ я буду биться съ жеребцомъ; хоть будетъ земля трястись, хоть страшно будетъ, ты все таки не смотри въ ту сторону; если ты исполнишь это, я одолѣю жеребца“. Сталъ жеребенокъ биться съ жеребцомъ, затряслась земля; мальчикъ пожалѣлъ своего жеребенка и взглянулъ въ ту сторону, гдѣ

⁽¹⁾ Ср. приводимыя Куномъ (Herabkunft d. Feuers, 33—34) легенды, латинскую о Нумѣ, изловившемъ посредствомъ выставленного вина Picus'a, греческую о Мидасѣ и Силентѣ, а также сходныя новѣйшія, аргавскую и граубюнденскую; во всѣхъ нихъ Кунъ видитъ мифъ объ открытіи огня.

происходилъ бой: въ тотъ же мигъ его жеребеноекъ упалъ на землю съ лопнувшимъ брюхомъ. Сѣлъ мальчикъ возлѣ своего коня и заплакалъ; прилетѣла ворона (куака), слышавъ падалъ, и начали каркать. Осердился на нее мальчикъ, захотѣлъ ее убить: сдѣлалъ слышнво, поймалъ ворону и хочетъ ее пристукнуть. ворона говоритъ: „не убивай меня, я твоего коня оживлю“. Мальчикъ отпустилъ ворону; она принесла воды, которою мальчикъ вспырнулъ жеребенка и жеребеноекъ ожилъ. „Теперь я снова буду биться“, говоритъ жеребеноекъ; „смотри же теперь, не гляди въ мою сторону“. Началъ жеребеноекъ биться съ жеребцомъ и убилъ его. Мальчикъ захватилъ табунъ и пригналъ къ царю. Послѣ этого царскіе слуги уговариваютъ царя послать мальчика достать кольцо съ руки царевны, дочери того царя, у котораго онъ угналъ лошадей, а потомъ и саму царевну. Разказчикъ забылъ этотъ эпизодъ, помнилъ только конецъ сказки: царь велитъ мальчику нырнуть въ котелъ съ кипящей смолой (вѣроятно таково было требованіе царевны); мальчикъ нырнулъ, сидя на своемъ жеребенкѣ; жеребеноекъ, очутившись въ смолѣ, сморкнулъ—и сопли окружили его и мальчика, отчего оба они вышли изъ смолы совершенно цѣлы. Потомъ стали нырять въ томъ же котлѣ царскіе слуги и самъ царь и сгорѣли; тогда мальчикъ сталъ царемъ и женился на привезенной царевнѣ.

№ 2. Купеческій сынъ и сестра.

Купеческій сынъ имѣлъ сестру; за что-то онъ разсердился на нее, обсѣлъ ей руки и прогналъ. Когда она ходила по полю—увидѣлъ ее другой купеческій сынъ; она понравилась ему и онъ взялъ ее за себя замужъ. Поѣхалъ онъ торговать; жена осталась беременной и родила мальчика. У этого купеческаго сына была мачиха; она написала купеческому сыну, что жена его родила щенка. Купеческій сынъ отвѣчалъ, чтобы подождали до его приѣзда; мачиха это письмо скрала и написала вмѣсто него, чтобы выгнали жену, привязавъ ей щенка на грудь. Такъ и сдѣлали: привязали на грудь женѣ купеческаго сына щенка и выгнали ее, а настоящаго ее сына мачиха бросила въ воду. Ходила прогнанная по полю и захотѣла напиться; рукъ у нее не было: она наклонилась къ водѣ чтобы напиться и щенокъ упалъ въ воду.

Заплакала она, приговаривая: „кому щенокъ, а мнѣ дитя!“ Въ это время вышелъ старикъ и спрашиваетъ: о чемъ ты плачешь? „Я уронила своего щенка въ воду“, говоритъ она, „кому щенокъ, а мнѣ дитя“. Старикъ ей на это сказалъ: „собакѣ и собачья смерть! Вотъ твой сынъ!“—и онъ вывелъ къ ней мальчика и велѣлъ ей идти туда, куда онъ пойдетъ и не заходить въ дома, которые онъ мимо пройдетъ, какъ бы ее не приглашали зайти. Идетъ мальчикъ впереди, мать за нимъ; вошли въ городъ. Увидѣлъ ее одинъ купеческій сынъ, зоветъ сильно къ себѣ въ гости; но мальчикъ пробѣжалъ мимо и мать пошла за нимъ. Другой купеческій сынъ зоветъ ихъ—и туда мальчикъ не зашелъ, а зашелъ въ крайнюю избу, гдѣ жила одна старуха. Два купеческихъ сына, приглашавшихъ женщину къ себѣ, тоже туда зашли. Мать мальчика загадываетъ имъ загадку, по которой они узнаютъ въ ней: одинъ свою сестру, другой—свою жену.

№ 3. Змѣя.

Крестьянинъ чистилъ чищобу, сдѣлалъ изъ валежника кучу вокругъ пенька и поджегъ. Вылѣзла змѣя на пенькъ и просить спасти ее. Мужикъ боится; змѣя говоритъ: „положи на пенькъ жердочку и я по ней сойду“. Вырубилъ мужикъ жердь, положилъ концемъ на пень и змѣя сошла на землю. Сошла и говоритъ мужику: „ну, ты теперь иди за мной“. Мужикъ пошелъ, пришли они къ норѣ. Змѣя улѣзла въ нору и возвратилась съ камешкомъ. „Лизни“, говоритъ мужику, „этотъ камешекъ и ты будешь знать языки“. Пошелъ мужикъ спать въ чищобу и слышитъ одна собака говоритъ другой: „намъ нужно раздѣлиться, я здѣсь при хозяинѣ останусь, сюда ночью придетъ медвѣдь. Если бы хозяинъ догадался, положилъ бы колоду, одѣлъ ее своей шубой, медвѣдь напалъ бы на колоду, а я схватила бы медвѣдя зубами за задъ, тутъ бы хозяинъ и убилъ медвѣдя. А ты бѣги въ деревню, потому что въ нашъ дворъ придетъ воръ. Если хозяйка будетъ врѣшко спать, ты лай подъ окномъ у сосѣда“. Мужикъ ложася спать, такъ и сдѣлалъ, какъ совѣтовала собака: то есть одѣлъ колоду своей шубой а самъ спрятался. Пришелъ медвѣдь и онъ убилъ его. Приходитъ мужикъ домой и опять слышитъ какъ собаки говорить между собой. Одна говоритъ: „меня хозяинъ что то

хорошо кормить сталъ, будто нашъ разговоръ понимать сталъ; а тебя чѣмъ хозяйка кормила?“ „А меня, говоритъ другая собака, хозяйка кормила изъ корыта, въ которое сама нагадила, да еще и прибила“. Выслушавъ этотъ разговоръ, мужикъ сталъ бить жену. Жена просить его: скажи да скажи, какъ ты узналъ, чѣмъ я собаку кормила? Хозяинъ задумался: и сказать женѣ хочется, да и умереть боится, потому что отъ змѣи было ему заказано, не говорить о камешкѣ—не то смерть. Въ это время хозяйка выпустила на полъ куръ; пѣтухъ вышелъ на середину и завричалъ: „ко-коко! дуракъ хозяинъ! Одна у него жена да задумался: у меня семьдесятъ семь женъ, да я ни одной изъ нихъ не слушаю, а онъ одной жены слушается, кончить себя хочетъ. Побилъ бы ее хорошенько!“ Началъ мужикъ снова бить свою жену.

№ 4. Шудъ-таланъ.

Два брата-раздѣлились; одинъ сталъ богатѣть, другой обѣднялъ. У одного хлѣбъ стѣной, у другого нѣтъ ничего. У богатаго брата была помочь; бѣднякъ тоже былъ на этой помочи, возилъ хлѣбъ, хлопоталъ, усталъ и заснулъ, его и оставили соннаго въ полѣ; проснулся онъ и видитъ какого-то человѣка, который ходитъ по полю, подбираетъ разсоренные колосья и зерна и прячетъ ихъ въ снопы. „Ты кто?“ спрашиваетъ бѣднякъ того человѣка. „Я шудъ твоего брата, отвѣчаетъ тотъ; я помогаю ему богатѣть“. „А мой шудъ гдѣ?“ спрашиваетъ бѣднякъ. „Иди въ лѣсъ, говоритъ шудъ, и стань подъ липой; тутъ и найдешь своего шуда“. Пошелъ бѣднякъ въ лѣсъ, сталъ подъ липой. Приходитъ къ нему мужикъ въ плисовыхъ штанахъ и въ александровской рубахѣ. „Ты мой шудъ?“ спрашиваетъ бѣднякъ. „Я!“ „Отчего же ты не помогаешь мнѣ богатѣть какъ моему брату? его шудъ помогаетъ“. „Ты занимаешься хлѣбопашествомъ, потому я не могу помогать тебѣ. Если бы ты занялся торговлей, я бы ходилъ за тобой, помогалъ бы тебѣ, и ты бы сталъ богатѣть“. „Какъ же я буду торговать, не имѣя ничего?“ „Хоть займи да начни; вотъ хоть лыками начни торговать!“ Занялъ тотъ денегъ, принялся торговать лыкомъ и разбогатѣлъ. Позавидовалъ ему богатый братъ и думаетъ: дай и я начну торговать. Началъ, но что ни купить ни продать—все въ убытокъ и

въ конецъ раззорился, потому что его таланъ былъ къ хлѣбопашеству и пересталъ за нимъ ходить.

№ 5. Три царевны, унесенныя змѣями.

У царя было три дочери. Змѣи Аждагн-кый унесли ихъ изъ сада, когда онѣ гуляли. Одинъ солдатъ, пропивъ свое жалованье въ кабацѣ, похвастался, что онъ можетъ возвратитъ царевенъ. Его призвали во дворецъ. Сначала онъ выпросилъ себѣ позволеніе трое сутокъ пировать безданно безошлинно, потомъ выпросилъ себѣ двухъ товарищей и отправился искать царевенъ. Въ одномъ лѣсу путники нашли избу и при ней быка; они поселились въ ней. Два товарища ушли въ лѣсъ на промыселъ, а третій остался въ избѣ. Пришелъ старикъ Куать-Султушь, ростомъ съ четверть, а борода шесть маховыхъ сажень, и избилъ караульщика. На другой день очередь оставаться въ избѣ досталась другому; и его избилъ Куать-Султушь. На третій день очередь солдата. Солдатъ самого Куать-Султуша избилъ и заставилъ его везти себя туда, гдѣ три царевны находятся. Куать-Султашь привезъ его къ отверстію; тутъ солдатъ убилъ его, а товарищамъ своимъ велѣлъ себя спуститъ на цѣпи въ отверстіе. Въ подземномъ царствѣ онъ нашелъ сначала мѣдный домъ, въ которомъ жила одна изъ унесенныхъ царевенъ; царевна научила его до прибытія змѣя переставитъ бочки, въ которыхъ были налиты сильная и слабая вода; прилетѣлъ съ громомъ, дождемъ и градомъ шестиглавый змѣй, напился вмѣсто сильной слабой воды и началъ битися съ солдатомъ; солдатъ убилъ его. Послѣ боя солдатъ легъ спать и проспалъ часъ; въ это время царевна положила ему печать на лобъ. Потомъ она свернула мѣдный домъ въ яйцо и солдатъ положилъ его къ себѣ въ карманъ. Далѣе солдатъ встрѣчаетъ серебряный домъ: въ немъ живетъ другая царевна съ девятиголовымъ змѣемъ; за тѣмъ золотой домъ, въ которомъ живетъ третья царевна съ двѣнадцатиголовымъ змѣемъ. Солдатъ убиваетъ и этихъ змѣевъ; въ серебряномъ домѣ онъ проспалъ два часа, а въ золотомъ три. И двѣ другія царевны положили ему печати на лобъ и также свернули свои дома въ яйца, которыя солдатъ положилъ въ карманъ и отправился теперь къ тому отверстію, черезъ которое спустился. Два товарища подни-

мають на цѣпи трехъ царевенъ, потомъ отсѣкають цѣпь и солдатъ остается подъ землей. Началь солдатъ тамъ бродить и нашель балалайку; ударилъ по ней, вышелъ баранъ (ыж-така); на немъ солдатъ поднялся (¹). Приходитъ въ одну избушку и проситъ пустить его жить. Его пустили. Вышелъ солдатъ въ поле и покатилъ три яйца, стали въ полѣ дома мѣдный, серебряный и золотой. Увидѣли дома царевны и приостановили свои свадьбы; потребовали, одна башмаки, другая платокъ, третья платья. Солдатъ, по мѣрѣ заявленія требованій царевенъ, ходилъ въ дома, выносилъ изъ нихъ вещи, которыхъ требовали царевны, и отсылалъ во дворецъ съ старухой, въ избушкѣ которой жилъ. Тогда царевны просятъ позвать на сватъбу того портнаго, который шилъ будто бы вещи, доставленныя по ихъ заказу. Солдата позвали во дворецъ; онъ явился съ балалайкой; ударилъ по балалайкѣ—изъ нея выходитъ человѣкъ и начинаетъ плясать. Царевны нашли у него на лбу печати, которыя они положили и рассказали обо всемъ царю. Тогда царь велѣлъ казнить двухъ товарищей солдата.

№ 6. Рѣпа.

Одинъ старикъ сѣялъ рѣпу и завѣтилъ: это первый отвѣдаетъ, тотъ три языка узнаетъ. Шедшій мимо человѣкъ слышалъ это и отвѣдалъ рѣпы; у него—только скажетъ слово, кромѣ усть и еще изъ двухъ отверстій тоже слово раздается. Этотъ человѣкъ передаетъ свою болѣзнь кобылѣ, кобыла попу, попу попадѣ. Подробности разсказа не цензурны.

№ 7. Мулла и работникъ.

У одного муллы былъ работникъ и семеро телятъ. Однажды, послѣ дождя, замучился работникъ, не можетъ соединить телятъ въ одно стадо; сѣлъ подъ елку, тоскуетъ. Пришелъ къ нему старикъ и научилъ его: какъ пойдешь въ поле, мотни головой—всѣ телята въ одного теленка обратятся. а ко двору погонишь, опять мотни головой: опять теленокъ

(¹) Баранъ явился вѣроятно потому, что въ старой редакціи стояло *ажыдака* или *аждака*—звѣрь.

распадется на семь телятъ. Такъ и сталъ дѣлать работникъ; но все таки ему житья не было отъ муллы. Вздумалъ мулла женить сына, взялъ невѣстку. Только легли молодые въ общую постель—работникъ мотнулъ головой и молодые срослись. Мулла призывалъ многихъ лекарей, но никто не могъ помочь горю. Послалъ мулла работника за ахунгомъ; съѣздилъ работникъ, возвращается домой съ ахунгомъ; дорогой ахунъ сошелъ съ кобылы за нуждой, сѣлъ, сдѣлалъ что хотѣлъ, и требуетъ чтобы работникъ обтеръ его; работникъ бѣгалъ, бѣгалъ по полю, наконецъ нашелъ мосоля, приложилъ его въ тѣлу ахуна и мотнулъ головой: мосоль приросъ. Ахунъ сталъ просить его указать средство, какъ отдѣлаться отъ мосла; работникъ говоритъ: приложи мосоля подъ хвостъ кобылы. Ахунъ послушался, приложилъ: работникъ мотнулъ головой—мосоль приросъ въ кобылѣ. Ахунъ взмолился и обѣщаль, если работникъ его отдѣлитъ отъ кобылы и мосла, похлопотать за него. Работникъ освободилъ его и когда ахунъ пріѣхалъ въ муллѣ, то посовѣтовалъ ему отдать свою дочь за работника и надѣлать его домомъ и всякимъ добромъ⁽¹⁾.

№ 9. Мужикъ, съющій рѣпу, и медвѣдь.

Мужикъ сѣялъ рѣпу; медвѣдь говоритъ ему: „верхъ мой, низъ твой!“ „Ладно“; говоритъ мужикъ. Выросла рѣпа; собралъ мужикъ свою долю, а медвѣдю отдалъ вершки. Сгнила у медвѣдя доля. На другое лѣто мужикъ сѣетъ горохъ. Опять

---

(1) Вариантъ этой сказки находится у Осетинъ. (Осетинскіе тексты Шифнера, въ Зап. Императ. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II). Осетинская сказка называется: «О сынѣ старшины, прозванномъ Мыстукъсъ (мышинное ухо)», и начинается иначе: два алдара (старшины), встрѣтивъ другъ друга въ дорогѣ и освѣдомившись, что оба находятся въ грустномъ настроеніи потому, что жены у нихъ беременны, положили поженить ожидаемыхъ дѣтей, если они будутъ разныхъ половъ. Однако отецъ родившіяся дѣвочки просваталъ ее другому; отецъ мальчика былъ огорченъ этимъ; сынъ, узнавъ отъ отца о причинѣ его огорченія, отправляется къ отцу своей суженой и нанмается въ пастухи телятъ. Градь истребилъ весь скотъ въ полѣ; мальчикъ же спасъ своихъ телятъ, загнавшихъ подъ дерево, а самъ залѣзъ въ дупло. Когда онъ возвращался домой, ему встрѣтился чертъ и далъ листокъ, отъ повертыванья котораго всѣ предметы прилипали другъ къ другу. Далѣе сказка рассказываетъ сходно съ восточной; въ концѣ юноша получаетъ свою невѣстку.

приходить медвѣдь и говорить: „Теперь пусть будетъ верхъ твой, а низъ мой!“ „Ладно“, говоритъ мужикъ. Пришло время, снялъ мужикъ горохъ, а медвѣжья доля опять сгнила.

№ 10. Заяцъ, лисица и журавль.

Заяцъ и лисица стали въ зимѣ строить дома и поспорили, чей домъ долше простоятъ. Заяцъ построилъ домъ изъ костриги (пыши), а лисица изъ льда. Весной домъ у лисы растаялъ; попла лисица проситься къ зайцу въ домъ, заяцъ не пускаетъ. Она съ полѣномъ полѣзла къ зайцу на печь и выгнала его; убѣждалъ заяцъ въ лѣсъ. Поселилась лисица въ зайцевомъ домѣ и позвала въ гости журавля; насыпала ему въ кочевку гороху и угощаетъ. Журавль влюнетъ, горохъ покатится по ночевкѣ. Не наклевался журавль, ушелъ домой голодный и думаетъ: дай я ее заморю. Наклалъ онъ сметаны и масла въ „арьян вышки“, т. е. узвую вадку (онѣ бывають вершковъ четырехъ въ діаметрѣ и аршина полтора вышиной) и позвалъ лисицу; про себя думаетъ: самъ я сметану достану, а она нѣтъ. А лисица залѣзла въ вадъ, налакалась до сыта и вылѣзла.

№ 11. Три брата.

Жили три брата: двое умныхъ ѣздили торговать, младшій дуракъ все сидѣлъ на печи. Однажды, когда братья уѣхали, жены ихъ заставляютъ дурака сходить за водой. Дуракъ говоритъ: не хочу! Въ другой разъ посылають, опять говоритъ: не хочу. Когда въ третій разъ послали, дуракъ взялъ коромысло съ ведрами, пришелъ на рѣку, зачерпнулъ и поймалъ щуку; хочетъ взять ее. Щука просить отпустить ее; пригожусь, говоритъ; только скажи: „щука говоритъ, я говорю“ (чипей шуэм сямѣн мон шуэм сямѣн) и все будетъ сдѣлано по твоему желанію⁽¹⁾. Дуракъ отпустилъ щуку и говоритъ: „щука говоритъ, я говорю: ведра идите домой!“ Ведра пошли домой. Пришелъ дуракъ домой и залѣзъ опять

---

(1) Въ татарскихъ вариантахъ дуракъ говоритъ: беръ худайнынъ буюругу (вар. буйругу) бияян, акъ джиланнынъ куйругу бияян. т. е. повелѣніемъ единого Бога, хвостомъ бѣлой змѣи (сообщено свящ. о Гавриловымъ).

на печь. Жены братьевъ опять посылаютъ его открыть трубу; говорятъ: не хочу! на повторенную просьбу опять отвѣчаетъ дуракъ: не хочу! а когда жены въ третій разъ послали, онъ сказалъ только: „щука говоритъ, я говорю: труба откройся!“ — и труба открылась. Испугались жены братьевъ, задумали погубить дурака; посылаютъ его за дровами въ казенный лѣсъ, думаютъ: поѣдетъ дуракъ съ дровами черезъ городъ, его схватятъ солдаты и убьютъ. Дуракъ сказалъ: „щука говоритъ, я говорю: сани явятся!“ Явились сани. „Щука говоритъ, я говорю: солома ложись въ сани, топоръ ложись въ сани, сани поѣзжайте въ лѣсъ!“ Повезли сани дурака въ лѣсъ. Проѣзжая черезъ городъ, сани раздавили нѣскольکو человекѣвъ. Приѣхалъ дуракъ въ лѣсъ и говоритъ: „Щука говоритъ, я говорю: сани стой! топоръ выруби рычагъ! рычагъ ложись возлѣ меня! топоръ наруби дровъ! дрова ложитесь въ сани, завяжите веревкой! сани поѣзжайте домой!“ Топоръ нарубилъ дровъ и вырубилъ рычагъ, дрова сложились, веревкой завязались и сами поѣхали домой. Но въ городѣ солдаты уже ожидали дурака и схватили его. Дуракъ говоритъ: „Щука говоритъ, я говорю: рычагъ, ты что дѣлаешь, что смотришь!“ Рычагъ принялся бить солдатъ; солдаты разбѣжались. Приѣхалъ дуракъ домой. Царь послалъ цѣлый отрядъ солдатъ взять дурака, но рычагъ опять прогналъ ихъ. Приѣхали братья и стали уговаривать дурака отправиться къ царю. Дуракъ сказалъ тогда: „Щука говоритъ, я говорю: печь, вези меня къ царю“. Печь повезла дурака къ царю. Царь увидѣлъ его приѣхавшаго на печи и отпустилъ, ничего не сдѣлавъ ему.

№ 12. Два яйца.

Ходилъ одинъ нищій и зашелъ къ нищему же ночевать; у того было немного муки сдѣлать табанъ (блинъ); онъ однако не пожалѣлъ, угостилъ гостя; табней хватило не только поужинать имъ обоимъ, но еще и на завтра осталось позавтракать. Прощаясь, гость говоритъ: „захочешь ѣсть, приходи ко мнѣ въ городъ, я живу въ каменномъ домѣ; спрашивай купца Ивана“. Однажды бѣднякъ и отправился въ городъ, нашелъ купца Ивана и просить у него поѣсть. Купецъ говоритъ: „чѣмъ же мнѣ тебя навормить! У меня всего

только одно яйцо“, и отдалъ бѣдняку яйцо. Бѣднякъ вышелъ изъ города и думаетъ: „что я буду дѣлать съ этимъ яйцомъ? Много ли имъ наѣшься?“ Однако ударилъ яйцомъ: изъ него вышелъ солдатъ и спрашиваетъ: что нужно? „Ѣсть хочу“, говоритъ бѣднякъ. Солдатъ накрылъ столъ и накормилъ его. Бѣднякъ пришелъ домой, посредствомъ яйца накормилъ жену и потомъ назвалъ сосѣдей въ гости. Тѣ думаютъ: „что у него есть, что гостей зоветъ!“—однако собрались и онъ угостилъ ихъ. Кто то изъ гостей и укралъ яйцо. На завтра бѣднякъ хватъ яйца—нѣтъ его. Пошелъ онъ въ городъ къ Ивану, говоритъ опять: Ѣсть хочу! Иванъ далъ ему другое яйцо. Идетъ бѣднякъ дорогой, радуется, что опять будетъ сытъ. Стуевнулъ яйцо, вышелъ солдатъ и спрашиваетъ: что нужно? „Ѣсть хочу“, говоритъ бѣднякъ. Началь его солдатъ бить. Пришелъ бѣднякъ домой, созвалъ опять гостей и вызвалъ солдата изъ яйца; принялся тотъ бить гостей да приговаривать: „васъ угостили, а вы вмѣсто благодарности яйцо украли? отдайте!“ Укравшій яйцо возвратилъ его и старикъ сталъ жить въ довольствѣ⁽¹⁾.

№ 13. Женитьба царевича при помощи его дядьки.

Одинъ старикъ, имѣвшій трехъ сыновей, построилъ новый домъ и послалъ сначала старшаго сына ночевать въ немъ, а на другой день спросилъ его: что видѣлъ во снѣ? „Тебя по вѣкъ поить—кормить въ этомъ домѣ“, отвѣчалъ сынъ. На другую ночь въ новомъ домѣ ночевалъ второй сынъ и на вопросъ отца, что онъ видѣлъ во снѣ, отвѣчалъ тѣми же словами, какъ и старшій сынъ. На третью ночь ночевалъ младшій сынъ. На разпросы отца о снѣ, онъ отвѣчалъ, что ничего не видѣлъ во снѣ. Отецъ велѣлъ привязать его нагаго къ березѣ; на ней было много пауковъ, которые кусали несчастнаго, онъ кричалъ, но ничего не сказалъ. Отецъ велѣлъ такъ его и оставить. Ъхали купцы изъ города, спросили его: что за человекъ? „Не знаю“, говоритъ привязанный. Откуда ты? „Не знаю!“ Кто тебя привязалъ? „Не

---

(1) Въ татарскихъ вариантахъ второй подарокъ, который истить за повражу перваго, заключается въ кулѣ, внутри котораго находится «тогуз токманъ», девять кототушекъ (Сообщ. о. Гавриловымъ).

знаю!" Купцы отвязали его отъ березы и привезли въ городъ. Царь велѣлъ его посадить въ каменный балаганъ. Въ это время царскій сынъ поѣхалъ жевиться; невѣста хочетъ убить царевича: она была волшебница. Царевич пишетъ объ этомъ письмо домой къ своей сестрѣ, сестра дѣлаетъ влечь въ народѣ; заточенный въ каменномъ балаганѣ говоритъ, что онъ можетъ избавить царевича отъ смерти, но требуетъ записъ, что сестра царевича выйдетъ за него за мужъ; царевна даетъ записъ. Тогда его выпускаютъ на волю; онъ требуетъ себѣ одиннадцать товарищей лице въ лице, цвѣтомъ волосъ и ростомъ какъ онъ самъ и, нашедши такихъ товарищей, ѣдетъ къ царевичу, который въ это время жилъ у невѣсты. Дорогой двѣнадцать товарищей видятъ избушку, въ которой черти дерутся; онъ велитъ товарищамъ идти дальше, а самъ заходитъ въ избушку. „О чемъ спорите?“ спрашиваетъ онъ чертей. „А тебѣ что за дѣло, убьемъ если будешь вмѣшиваться“. „Мнѣ что, говорить, хоть убейте другъ друга“. Тѣ опять говорятъ: „а что, не лучше ли спросить совѣта у дорожнаго человѣка; спросимъ о коврѣ“. „А что за коверъ?“, „А такой коверъ, что сядешь на него и полетишь куда захочешь“. Онъ выстрѣлилъ и говоритъ чертямъ: кто первый принесетъ стрѣлу, тому коверъ и достанется. Убѣжали всѣ черти за стрѣлой, а онъ сѣлъ на коверъ и улетѣлъ. Черти вернулись и остались безъ ковра. Такимъ же образомъ онъ приобретаетъ и шляпу невидимку. Съ этими вещами онъ прибылъ къ царевичу. Невѣста задаетъ царевичу загадку: что я найду, найдешь-ли? „Найду“—отвѣчаетъ царевичъ по совѣту своего прибывшаго помощника, который между тѣмъ успѣлъ уже прикрывшись шляпой невидимкой, послушать разговоръ царевичевой невѣсты съ ея матерью. Невѣста послала въ лавкѣ купить общипанную утку, а парень, помощникъ царевича, въ той же лавкѣ купилъ селезня. Царевна и царевичъ положили свои покупки въ тазъ съ водой. Царевнина утка вылетѣла изъ таза серебряной уткой, а царевичевъ селезень серебрянымъ селезнемъ и потопталъ утку. Тогда царевичева невѣста идетъ къ своему дѣду, который сидитъ за двѣнадцатью замками. Дѣдъ даетъ своей дочкѣ три волоса изъ головы, а парень, пришедшей за ней въ шляпѣ невидимкѣ, выхватилъ цѣлую горсть: „Что ты дочь дѣлаешь!“ вскрикнулъ старикъ отъ боли. Потомъ дѣдъ даетъ ей три волоска изъ бороды, а парень опять выхватилъ цѣлую горсть. Невѣста по-

казывает царевичу шесть волосовъ, а царевичъ ей двѣ горсти. Тогда царевна выходитъ замужъ за царевича; она хочетъ открыть, кто изъ двѣнадцати состоящихъ въ свитѣ царевича помогаетъ ему и кладетъ на подозрѣваемаго мѣтки, но у нихъ на другой день у всѣхъ тѣже мѣтки. Всѣ двѣнадцать ѣдятъ одной ложкой и ложатся спать въ одну постель, другъ на друга. Наконецъ царевичъ и царевна поѣхали, а двѣнадцать товарищей оставили пировать двѣнадцать дней. Потомъ одиннадцати вельѣи ѣхать по домамъ, а парень, который помогъ царевичу жениться, поѣхалъ къ царевичу въ домъ и женился на его сестрѣ. Жена царевича говоритъ мужу, что этотъ парень очень мудрый и потому его нужно погубить. Но тотъ въ своей шляпѣ невидимкѣ все подслушиваетъ и на другой день спрашиваетъ, зачѣмъ его хотятъ убить? Тогда царевичъ дѣлаетъ его по смерти своего отца царемъ. Приѣхалъ къ царевичу одинъ купецъ и просить денегъ въ долгъ; царевичъ говоритъ ему: „Теперь новый царь; не знаю, даетъ ли?“ Купецъ идетъ къ царю; тотъ оставляетъ его ночевать. Ночью купецъ захотѣлъ пить и нашелъ воды въ тазу, въ которомъ царь вымылъ ноги. Онъ выпилъ этой воды, подумавъ: царскія ноги чисты. Утромъ царь называетъ купца отцемъ. „Какъ я тебѣ буду отцемъ?“ спрашиваетъ купецъ. Царь рассказываетъ свою жизнь и свои приключенія, которыя начались съ того, какъ однажды онъ долженъ былъ по приказу отца ночевать въ новомъ домѣ и послѣ рассказать свой сонъ; но онъ увидѣлъ во снѣ, что отецъ его выпьетъ воду, въ которой онъ вымоетъ ноги, и не могъ сказать сонъ отцу, за что и былъ привязанъ къ березѣ. „Если бы я рассказалъ тогда этотъ сонъ, ты бы убилъ меня“ сказалъ царь. „Это правда“, сказалъ отецъ (1).

(1) Началомъ сказка напоминаетъ сказку крымскихъ татаръ о богатырѣ Фетлѣ. Сынъ видитъ сонъ и не хочетъ рассказать отцу, за что отецъ его прогоняетъ. Не хочетъ онъ рассказать и царю, который за это садитъ его въ тюрьму. Изъ тюрьмы Фетла находитъ однако ходъ къ царской дочери и посѣщаетъ ее каждую ночь. Сосѣдній царь Чурскій Султанъ присылаетъ лукъ; никто въ государствѣ не можетъ натянуть его; царская дочь напоминаетъ царю о Фетлѣ, посаженномъ въ тюрьму. Фетла натягиваетъ лукъ и женится на царевнѣ, послѣ чего ѣдетъ къ Чурскому Султану; на дорогѣ находитъ товарищей, при помощи ихъ разнообразнаго искусства одерживаетъ побѣду на игрищахъ, а когда султанъ хочетъ отравить Фет-

№ 14. Шурали.

Отец моего дѣда Джулдашъ получилъ прозванье Иманай. Этотъ Иманай все время проводилъ въ лѣсу и, стрѣля изъ лука, множество дивихъ звѣрей убивалъ. Однажды, заночевавъ въ лѣсу, сидѣлъ онъ у огня; на разложенный огонь прибѣгаетъ къ нему съ ржаньемъ и крикомъ Шурали и говоритъ: Иманай, широкая борода, здорово! („джуан сакал Иманай исэнь-му“), а самъ пляшетъ. Потомъ, поздоровавшись, Шурали спрашиваетъ Иманая: ты ночью какъ спишь? Иманай отвѣтилъ: „я ночью сплю крѣпко, какъ чурбанъ,—ничего не слышу; а ты какъ?“ Шурали говоритъ: „а я когда сплю, сначала изъ моего рта дымъ идетъ, а потомъ искры полетятъ, вотъ какъ я сплю“. Поговоривъ, легли они спать, немного спустя Шурали заснулъ и сначала у него изо рта дымъ шелъ, а потомъ искры полетѣли. Постыжно вставъ, Иманай отрубилъ чурбанъ и, положивъ на свое мѣсто, прикрылъ своей одеждой; потомъ взялъ лукъ и стрѣлы, ушелъ въ одной соснѣ и сѣлъ подъ ней. Шурали проснувшись и думая, что Иманай спитъ на своемъ мѣстѣ, взялъ желѣзный заостренный колъ и положилъ его въ огонь. Когда колъ навалился, Шурали вынулъ его изъ огня и воткнулъ въ чурбанъ, прикрытый Иманаевой одеждой. Иманай выстрѣлилъ въ это время и стрѣла, попавъ Шурали въ грудь, вышла въ спину. Шурали сказалъ: „молодецъ Иманай!“—и сталъ просить, чтобы Иманай вторично выстрѣлилъ, но Иманай отказался и Шурали сказалъ: „оттого что ты не стрѣляешь вторично, я долженъ умереть. Выслушай мои послѣднiя слова. У меня есть дома дочь. Возьми ее за себя замужъ; послѣ моей смерти у нее никого не будетъ, кто бы ее призрѣлъ. Если завтра, вставши, пойдешь по слѣду моей крови, то найдешь мою дочь“. Назавтра Иманай, идя по кровавому слѣду, нашелъ Шуралиеву дочь одиноко сидящую въ домѣ и горько плачущую по отцѣ. Иманай женился на ней. Дочь Шурали дала ему совѣтъ, чтобы онъ никогда не являлся къ ней, не предупредивши; всегда прежде,

---

лу, одинъ изъ товарищей сдѣлался невидимкой, переставляетъ блюда и султана отравляется. (Кондараки: «Универсальн. описанiе Крыма», ч. 13, стр. 82—92.

чѣмъ отворить дверь, онъ долженъ былъ кашлянуть или топтать ногами, чтобы предупредить ее. Такъ Иманай и дѣлалъ. Но однажды его разобрало любопытство и онъ вошелъ въ домъ не кашлянувъ. Онъ увидѣлъ тогда, что жена его сидитъ и, держа на колѣняхъ снятыя, какъ шапка, волосы, ищетъ въ нихъ вшей. Какъ только онъ отворилъ дверь,—она упала и тутъ же умерла.

Дѣтскія пѣсни.

(Сообщена о. Б. Гавриловымъ; поется у крещеныхъ татаръ Мамадышскаго уѣзда).

Уйсу джирнынг уинда	На земельной впадинѣ
Минсылуунинг туинда	На свадьбѣ Минсилуу
Ашадлар ичтылар тойлылар	Поѣли, попили, насытились,
Кумыш срга джуйдилар	Потерали серебряную серьгу.
Ана аг идильвынг боинда	Вонъ, возлѣ Камы
Иве ала каз утыра	Сидятъ два пѣгихъ гуси,
Петер биян Ишмяки	Петръ съ Ишмякеемъ
Киняш итыб утыра	Совѣтуются.
Итмяс иѣе киняшнѣ	Не стали бы совѣтоваться,
Срга джуйган баласы	Потеряло серьгу дитя ихъ,
Срга джуйса баласы	Хотя и потеряло,
Кисмек туплюй бабасы	Да дѣдъ придѣлываетъ дно въ вадѣѣ,
Туплесы да сатаса	Вставить дно да продать—
Кызына срга аласы.	Вотъ и купить дочери серьгу.

(Сообщена имъ-же; поется тамъ-же).

Дегенней улым,	Дегенней ⁽¹⁾ сынокъ,
Дегенней улым	Дегенней сынокъ!
Атанг минѣ вѣйный улым	Отецъ меня бьетъ, сынокъ.
Атанг кууе булгачтын	Когда ты сдѣлаешься такимъ же, какъ отецъ,
Синьда атанг ны вѣйна улым. И ты отца бей, сынокъ.	

(¹) Дегене, по алтайски—племянникъ со стороны матери.

(Записана отъ киргизъ баякъаульскаго округа Семи-палатинской области).

Али, али апагам Кѳзнынъ джюны калпаган Акъм кэлэп той сояр	Али, али, милочка! Отець придетъ, жеребенка за- рѣжетъ, Мать придетъ, сала дастъ. Плачь заставитъ домъ бросить. Спросятъ, гдѣ нашъ Масфудъ? Съ дѣвушками на праздниѣ, Если на праздниѣ, пусть си- дять.
Шишэн кэлэп май берер Джилаум уидый войдерер Биздынъ масфут кайд' икен Кыздар минэн тойд' икен Тойд' отурса отурсун	Пусть пальцы перстнями уни- жетъ, Если киргизамъ не нравится, То для меня ты милое дитя!
Колна джѳзюк толторсун	Гдѣ наше дитя? Дѣвушки позвали его на празд- ниѣ.
Казакка джаман болсада Узюмѳ джаксы апагом	Съ краснымъ яблочкомъ онъ въ ругѣ, А дѣвушки вслѣдъ за нимъ.
Биздынъ бѳпѳ кайд' икен Кыздар минен тойд' икен	
Кызыл алма колунда	
Кыздар минен соонда	

(Записано у крымскихъ татаръ въ деревнѣ Капсихаръ Теодос. уѣзда).

Поется во время вѣтра:

Фортуна, фортуна (¹)
Мин бабаным сыртына
Алсынъ китсын кардана
Сатсын верейн бордзына.

Поется во время дождя:

Яг яг амур
Чилледы чамур
Текнеды амур.

(¹) Фортуна—бура на языкѣ горныхъ татаръ въ Крыму.

Р а с т е н і я .

(Сокращенія: Мышк. — Мышкина рукоп. словарь; Салаг. — Салагушъ, тат. деревня).

Acer platanoides L. (кленъ) Вотское *бадырз*. Татарск. *чаган—а—гач*; *ураны*, *уряны*.

Achillea millefolium L. Тат. *аши псян* (горькая трава). Черем. *оша буян шудо*.

Astea spicata. Русск. (елаб. уѣзда) *бабы сердце*. Вот. *мыр*.

Aconitum Lycostopum. L. Вот. *юндыр кудо*, т. е. свать медвѣдя (?). Если его поѣсть, долго спать будешь. Медвѣдь осенью передъ тѣмъ, какъ ложиться въ берлогу, выкапываетъ этотъ корень и ѣсть. Татарское *аю табаны*, т. е. медвѣжья лапа. Русск. елабуж. у. *христонпратка*; у елабужскихъ крестьянъ существуетъ преданіе, что подъ этимъ растеніемъ прятался Христосъ и корень растенія былъ истыбанъ копыями жидовъ, почему онъ и теперь дыроватый. Черем. *полдран*; *ушкар бум*, т. е. коровій дягиль.

Agaricus muscarius L. Черем. *карму поню*.

Agrostemma-Githago L., куволь. Вот. *букро*. Тат. *сабын пшян*, т. е. мыльная трава; *бакрд*.

Agrimonia Eupatoria. Тат. *псэй куйругы*, т. е. кошачій хвостъ.

Allium Cera L. Лувъ. Вот. *супон*

Allium sativum L. Чеснокъ. Вот. (Мышк.) *кумыз*.

Alnus glutinosa, ольха. Вот. *муту*. Тат. *джирьж* (?); *арямэ* (арямэ собственно ольховникъ; по вотски *арама—займище*). Черем. *нѣлтѣ*.

Aegopodium Podagrarium. Тат. *шарда*.

Artemisia—? Тат. *ак арэм* (?).

Aspidium Filix femina. Вот. *шиктанныт*, *ѡиктанныт*, (отъ *ѡиктан*—водочивъ, орудіе для плетенія лаптей); *кэжиныл*. Тат. *кара абагы*. Черем. *шуркан*.

Avena sativa. Вот. *сежы* Черем. *шулѣ*. •

Beta vulgaris Мош. свекла. Вот. *горд кушман*, т. е. красная рѣдька. Черем. *ѡшкар ушмэн*.

(*) Ср. русское названіе Сокдаръ, которое впрочемъ дается другому растенію: *Ranunculus acris*, см. Анненковъ, Вот. Сл., 290. Повѣрье о медвѣдѣ, добывающемъ хмѣльной корень, сообщается объ *Anemone ranunculifolia* (ib., 34).

- Betula alba*, береза. Вот. *кэчты*. Черем. *куз*.
Brassica Rapa L., рѣпа. Вот. (Мышк.) *сярчи*.
Caltha palustris L. Черем. *комбо шудо*, т: е. гусиная трава.
Camelina sativa. Вот. *шиткон*. Русск. елаб. у. *рыжикъ*.
Campanula—? Вот. *ырлытурум*, (*ырлы*—колокольчикъ, *турум*—трава).
Campanula (другой видъ). Тат. *кукы казаны*, т: е. котель кукушки. (Мамад. уѣзда): *марджъ батаги*, т: е. *Magia vulva* (Салаг.). Вот. *ульшион* (шюн—ѣда). Вотские и татарские дѣти, гуляя въ лѣсу, наблаживаютъ въ эти колокольчики ягодъ и вмѣстѣ съ цвѣтами съѣдаютъ. Черемисе. *корак ѣлаи*.
Cannabis sativa L., конопля. Вот. *ныш*. Черем. *кине*; посконь—*пачам*.
Capsella bursa pastoris, L. Тат. *аби биты*, т: е. бабушкина вошь.
Carduus—? Вот. *кый боды*, т: е. посохъ змѣи. Татарск. *шайтан таягы*, т: е. палка дьявола. Черем. *шайтан шоор бондо*.
Carum Carvi, L. Тат. *анис*.
Centaurea Cyanus. Тат. *куж сясяк*, т: е. синій цвѣтокъ, *кок шяшка*; *кок тѣтѣй*. Вот. *мыз шяшка*, т: е. синій цвѣтокъ. Черем. *конда-буян*.
Cheopodium, лебеда. Тат. *ала бутта*. Вот. *поод*. Чер. *кон-шудо*.
Cirsium arvense. осотъ Тат. *блмчан*. Вот. *яны*. Черем. *пельчан*.
Convulvulus arvensis L. Вот. *пумы шюл* (суд), т: е. собачьи вишки. Татарск. *иш ичек*, собачьи вишки.
Corylus Avellana L., лещина. Вот. *пашпу*; орѣхи—*пашмули*. Черем. *пукшъ*.
Crataegus Oxyacantha, боярышникъ. Татар. *камыр агачъ*. (Салаг.).
Cucumis sativus L., огурецъ. Вот. *кляр*. Черем. *кляр*.
Daphne mezereum, Вот. *кион-нинь*, т: е. волчье лыко. Ягоды по татарски *бурѣ бурошѣ*, т: е. волчій перецъ.
Daucus carota, морковь. Вот. *чучи-кушман*. Черем. *кэшэр*.
Delphinium Consolida. Вот. *кузьял-турум*, т: е. горькая трава.

Equisetum, хвощъ. Вот. *ширбыж*. Тат. *чирше-улеме*, — елка трава.

Eruum Lens L., чечевица. Тат. *ясмык*, *джасмык*. Вот. *ясник*, *яснык*. Черем. *ясмык*.

Fagopyrum esculentum. Moench. Тат. *кара будай*, т: е. черная пшеница. Вот. *шод - шябей* т: е. черная пшеница. Черем. *шемшедан*.

Fragaria collina Ehrh. клубника. Тае. *джеръ-джилыгы*, т: е. земляная ягода, Вот. *боры*.

Fragaria vesca, L., земляника. Тат. *каин-джилыгы*, т: е. березовая ягода. Вот. *узы*. Черем. *исна*.

Galeopsis Tetrahit., русск. въ елабуж. у. *жабрей*. Тат. *кузмут*. Вот. *порни*. Черем. *косятъ*.

Galium—?, употребляется въ краску. Тат. *шерлан*. Вот. *вжитуд*. Черем. *сырлама*; *пютрилчо*.

Geranium pratense. Черем. *шюм-шудо*.

Geum urbanum. Вот. *иж-тогы*, т: е. овечій лопухъ. Чер. *чочо-шудо*.

Helianthus annuus, L., подсолнечникъ. Тат. *ай багар*, буквально—на луну смотрящій. Вот. *дурманка*.

Hordeum vulgare L., ячмень. Тат. *арна*. Вот. *иды*. Чер. *шожа*.

Humulus lupulus L., хмѣль. Тат. *кулмак*. Вот. *тус*.

Hyosciamus niger, бѣлена. Тат. *кетермеш*. Черем. *шук-шудо*; курать сѣмена отъ зубной боли; дѣти объѣдаются сладкихъ корней.

Hypericum perforatum L., звѣробой. Тат. *сары матрушкѣ* (сары—желтый, матрушко—см. *Orianium*). Вот. *кэткаль-турум*; употребляется отъ поноса. Черем. *могуш*.

Inula Britannica L. Тат. *итлы шянта*, т: е. цвѣты съ собаками (*).

Inula officinarum L. Можжевельникъ. Тат. *артыш агачы*. Вот. *сусы-пу*.

Lappa tomentosa, лопухъ. Тат. *арикмянъ*; *апрян джапрагы*; цвѣтокъ: *тилямж*. Вот. елабуж. у. *тогы*; вот. глазов. у. *арыкман*; цвѣт. голова *тогы*. Черем. *юришана*.

(*) Въ Никольск. у. Вологод. губ. *Leucanthemum Chrysanthemum* зовутъ *полами*; дѣти, сорвавъ цвѣтокъ, преговариваютъ: «попъ, поупъ! выпусти собака!» и ждуть, когда изъ цвѣтка поползутъ черненькіе жучки *Staphylinus*'ы.

Leontodom (?) Вот. *кеч яны*, т. е. возлиное молоко.

Linaria vulgaris. Черем. *нарынджи-буян*.

Linum usitatissimum, L., ленъ. Вот. *этин*. Черемисъ.
джитын.

Lonicera (*xylosteum*?), жимолость. Тат. *земпе*. Вот.
пузен-пу.

Luchnis Chalcedonica, L., барская спѣвь; рус. въ елаб.
у. *мыльчики*. Вот. *чабран*

Luchnis flos cuculi, L. Тат. *шипшек джнлемѣ*, т. е. во-
робыный влей.

Lycoperdon Bovista, L., порховка. Тат. *джеръ-кукей*, т.
е. земляное яйцо, а въ спѣломъ видѣ *тузак* (отъ *туз*, пыль;
есть татар. глаголь: *тузана*, пчелы роятся; по вотски пыль
тузан). Татарское повѣрье: если пыль отъ тузгава попадетъ
въ ухо человека, оглохнетъ. Вот. *удури-пуз* (*удури*—громъ;
второй членъ встрѣчается въ названіи куриного яйца: *курж-*
пуз; отдѣльно *пуз* не употребляется и для яйца вообще есть
особое слово: *кжяй*). Споровую пыль владуть въ уторы ка-
докъ, чтобъ не текли; а также подкладывають подъ дѣтей
въ люльки, чтобъ заднія части ребенка не прѣли. Черемис-
ское *пузга поню*.

Malva rotundifolia, L., проскурнякъ. Тат. *мяче борчалы*,
т. е. кошачій горохъ, *мяче бятяге* (*vulva felina*). Вот. *пыны-*
кыжи, т. е. собачій горохъ.

Melilothus officinalis, L., донникъ. Тат. *кандалы-псян*,
т. е. влоповая трава; *сарбан*. Вот. *урбо-турум*, т. е. влопо-
а я трава. Употребляется для истребленія влоповъ.

Mentha arvensis, L., мята. Вот. (Мыше.) *бытник*.

Muscus, мохъ. Вот. (Мыше.) *джуй*. Черем. *мокъ*.

Myosotis palustris, незабудка. Вот. *пошыкы шиин*, т. е.
ласточинъ глазъ.

Origanum vulgare, L., душица. Тат. *матрушкѣ*. Вот.
пыш-турум. Черем. *корма-шудо*.

Orobus vernus, L. (?), горохъ. Тат. *тиин торнак*, т. е.
воготъ бѣлки. Черемисское *соло*.

Raeonia, пюнь, марьянъ корень. Вот. *инъвожо саска*.

Panicum meliaseum, L., просо. Вот. *тари*. Черем. *тар*.

Papaver somniferum, L., макъ. Вот. *мак*. Черем. *мак*.

Paris quadrifolia, L., вороній глазъ. Вот. *куака-шиин*, т.
е. галчиній глазъ.

Phlomis tuberoso, L. Вот. *баджим пуш-турум*.

Pinus Abies, Du Roi, пихта. Вот. *нелты*. Черем. *нуло*.

Pinus Picca, Du Roi, ель. Вот. *кыз*. Черем. *кож*.

Pinus sylvestris, L, сосна. Вот. *пужон*. Черем. *пындже*.

Pisum sativum, L., горохъ. Вот. *кыжи*. Черем. *пурса*,
пурса.

Plantago major, L, подорожникъ. Вот. *додикертон*, *пужу-куар* (*пужу*—рисункъ, *куар*—листъ). Тат. *кяю камчисы*, плеть жениха. Черем. *суснапылыш*—т: е. свиное ухо.

Роа (?). Тат. *каз-уты* (когда только что выходятъ изъ земли); *сюсян уты* (въ спѣломъ состояніи).

Polygonatum officinalis, L. Тат. *каза сакалы*, т. е. козья борода. Вот. *туру-весь*, т. е. журавлины бусы.

Polygonum Convulvulus, L. Черем. *сырланга*. Смѣшиваютъ съ *Palium*.

Populus tremula, осина. Вот. *пипу*.

Prunus Padus, L., черемуха. Тат. *шумурт*. Вот. *лѣмпу*. Черем. *ломбу кыкэ*; *ломпа*.

Pteris aquilina, L. Тат. *абаны*. Вот. *туру кук*, журавлиная нога. Черем. *күртнїол шудо*.

Pyrus Malus, яблонь. Вот. *улмо-пу*. Черем. *амна*.

Ranunculus acris L. Тат. *даул шашикясы*, т. е. вѣтряный цвѣтокъ. Черем. *тамаса шудо*. Вот. *питанча*. Русск. въ елаб. уѣздѣ *купальница*.

Rhaphanus sativus L., рѣдька. Вот. *кушман*. Черем. *ушмэн*. Тат. *трма*.

Rhynantus Cristo galli L. Тат. *камчау улямы*, (*улям*—трава на языкѣ крещеныхъ татарь); этой травой лечатъ отъ болѣзни *камчау*. Вот. *шалътра-торум*. Черем. *окся шудо*, т. е. деньги—трава.

Ribes nigrum L, смородина. Тат. *кара-караган*. Вот. *шбд-сутэр*. Черем. *чонтур*.

Ribes rubrum L., красная смородина. Тат. *кызыл-караган*.

Rosa canina, L., шиповникъ. Тат. *ит-буруну*, т. е. собачій носъ. Вот. *лэчъ-пу*. Черем. *лѣкаман*.

Rubus Idacus L., малина. Тат. *кура-джилягы*. Вот. *эмесь*. Черем. *емиж*.

Rubus saxatilis, L. Тат. *бурлюгун*. Вот. *намэр*.

Rumex Acetosa, L., щавель. Тат. *кузалак*. Вот. *кузюквар*, т. е. кислый листъ.

Rumex (*Hydrolapatium* ?) Вот. *чуну-быж*, т. е. хвостъ жеребенка. Черемиск. *чомд*.

Quercus дубъ. Вот. *тыты*; жолудь: *тыкмыли*. Черем. *тумо*.

Saponaria officinalis, L. Тат. *шипшик сабаны*, т. е. вобъипное мыло.

Salix, ива. Вот. *вайдпу*, *бадъпу*. Черем. *шаранэ*.

Sanguisorba officinalis, L. Тат. *тупи шляшка*. Вот. *горд-ир*, т. е. красная голова.

Sclerotium Clavus, D. C. Вот. *уж-зизек* т. е. рожь-самецъ. Тат. *арыж акасы*, т. е. мать ржи.

Secale cereale, L. рожь. Тат. *арыш*. Вот. *жижсек* или *зизекъ*. Чер. *ружд*.

Sedum Telephium. Вот. *улыб-турум*.

Sorbus Aucuparia, L. рябина. Тат. *миляш* (Салаг). Вот. *калэзъ* (Мышк.). Черем. *пйзля*.

Spiraea Ulmaria, L. Тат. *кырлык*. Вот. *тузъ*. Черем. *корд*. Русские: *лабазникъ*.

Tilio parvifolia, L., липа. Вот. *пупты*, *беризъ-пуе* (?). Черем. *пиште*; лутошка — *мымыште*.

Trapaogon pratensis, L. Вот. *булук-турум*.

Trifolium pratense, L. Тат. *токрам-баши* или *тукрам-баши*, т. е. голова дятла. Вот. *шизъ-ир*, дятлова — голова. Черем. *керь губуи-шудо*.

Triticum Spelta L., полба. Тат. *брой*. Вот. *важ*; *вазъ*. Черем. *бистэ*.

Triticum vulgare, L., пшеница. Тат. *будай*. Вот. *шябэй*, Черем. *шидан*.

Trollius europeus, L. куповка. Вот. *италмас*. Черем. *ончур-буян* (?)

Tussilago Farfara, мать и мачиха; русск. въ елаб. у. зовуть *студеный лопухъ*. Тат. *узэй джапрагы*, т. е. листь сиротки. Вот. *су-куар*, т. е. водяной листь. Черем. *манда-шудо*.

Ulmus campestris, илимъ. Черем. *налго*.

Ulmus effusa, вязъ. Вот. *ширту* (сирпу). Чер. *шала*.

Uredo Pegetum vers., головня. Вот. *шум-шэп*, т. е. угольный колосъ. (Мышк. *серентум*).

Urtica urens, L. крапива. Вот. *пушнер*. Черем. *нуж*.

Vaccinium Myrtillus, L., черника. Тат. *кара-джиланы*, т. е. черная ягода.

Vaccinium Oxycoccus, клюква. Тат. *мук-джиланы*, т. е. моховая ягода. Вот. *юрмоли*.

Vaccinium Vitis Jdaea, L, брусника. Тат. *нарат-джи-лялы*, т. е. сосновая ягода. Вот. *лямули*. Черем. *пѣчюжъ*.

Veratrum album (?). Тат. *ак-сырак*.

Verbascum Thapsus. Вот. *кус-турум*.

Viburnum Opulus, вагина. Тат. *балан*. Вот. *шутуд* (ягода—шут) Черем. *пулан бундо*.

Vicia cracca, мышиный горохъ. Тат. *тытчан-бурчагы*, мыш: горохъ. Мамад. у. *гаршкѣ* (Салаг.). Черем. *писбло*.

Viola tricolor, L. Вот. *посыкы пужы*, т. е. ласточк. цвѣтъ.

Waleriana officinalis, маунъ. Черем. *азара шудо*.

Растенія, оставшіяся безъ опредѣленія:

Татарскія: *Таук кузѣ*. Если принести это растеніе въ домъ, то случится пожаръ.

Урман-кокысы.

Ирын-джарашы, буквально—губоѣдъ.

Кара арэм (чернобыльникъ) (?)

Ат-кабыргасы (лошадиное ребро).

Шима купша (тоже растеніе, что по вотски *никан*).

Сасы купша.

Джунну купша.

Тиле-купша

Ашйльчи (по вотски также *ашялчи*), какое то душистое растеніе.

Баллы кыяк; какое то губоцвѣтное.

Тараканъ-тмыръ.

Тилитиш урлугы (*Hyosciamus* или *Datura*?)

Терс гумбѣсы (шампиньонъ?)

Джеръ-картасы, родъ гриба.

Джиланъ гумбѣсы, родъ гриба.

Чиршэ гумбѣсы, родъ гриба.

Вотскія:

Мукуми; весной появляется на пахотныхъ поляхъ; ѣдятъ. (*Equisetum arvense*?).

Кукы катъ, вукушенины бапмаки (*Cypripedium* ?)

СПИСОКЪ МѢСТНЫХЪ НАЗВАНІЙ ЖИВОТНЫХЪ.

- Aegoceros hircus*, коза. Вятское *кечь*. Черем. *каза*.
 — ♂ *возель*. Вотское *кеч така*. Черем. *каза тага*.
 возленокъ. Вотское *кеч ни* Черем. *паран*.
- Bos taurus* ♂, быкъ. Вотское *ош*.
 ♀ *корова*. Вотское *скаль, искаль*. Черем. *ушкю, ушкал*.
 теленокъ. Вотское *кюняк*. Черем. *рззя*.
- Camelus bactrianus*, L., верблюдъ. Вот. (Мышк.) *дуэ*.
Canis lupus, L, волкъ. Вот. *кюн*. Черем. *пире*.
Canis vulpes, L, лисица. Вот. *жючи, жече, ючи*. Черем. *рыбыж, рывыж*.
- Canis familiaris*, L. собака. Вот. *пучы, пыны, пуну*.
 щенокъ. Вот. *куча пи*.
- Castor Fiber*, бобръ рѣчной. Татарское *кундуз*. Вот. (Мышк.) *мый*.
- Cervus Alces*, лось. Вот. *коик*. Черемиск. *шордо*.
Cervus tarandus, сѣв. олень. Вот. *пужей*. Черем. *пычо*.
Cruetetus. Татарск. *комак*. Вот. *комак*.
Equus caballus жеребецъ ♂ Вот. *ужвал*. Черем. *имне (?)*
 кобыла ♀ Вот. *ирвал*. Черем. *булѣ*.
Equus caballus, лошадь. Вот. *вал*.
 жеребенокъ. Вот. *чуни*. Черем. *ожо*.
- Erinaceus vulgaris*, L., ежъ. Вот. *шущиял*. Черем. *идишо*. (Не разборчиво говорящему говорятъ: „ты ровно пѣдшо“).
Felis domestica, кошка. Татарск. *мамад*. уѣздъ *мячи*: ласкательное *пясей*. Вот. *писей* (Мышк.) *кочик*. Черем. *парые*.
Felix Lynx, рысь. Тат. *слеусан*. Вот. *валян* (У Гаврилова: *балян*, стр. 47, Мышк.. *курэл*).
Hyruleus amphibius, кротъ. Тат. (Мам. уѣзда) *арлян*, (Салаг) *орлан*. Вот. *арлан*. Черем. *орлан*.
Lepus timidus. Тат. *прусак* (Салаг). Вот. *прусак*. Черем. *чубар мерян*.
Lepus variabilis. Тат. *куян* (*). Вот. *луд кечь* (дикая коза). Черем. *мерян*.

(*) Есть еще сортъ *ур-кояны*; когда другіе зайцы стоятъ 10 коп., шкурка *ур-кояны* цѣнятся въ 60 к.

Lutra vulgaris, выдра. Тат. *кама*. Вот. (Мышк.) *уад*. Черем. *комд*.

Meles taxus, барсукъ. Тат. *борсак*, врещ. въ Мамад. у. *бурсык*. Вот. *бурсук*. Черем. *нерге*.

Mus musculus, L., мышь. Вот. *шир*. Черем. *кдля*.

Mus decumanus, крыса. Тат. *орлан*, Вот, *орлан*.

Mustella erminea, горностаѣ. Тат. *ос*, крещ. *мамад*. у. *ас*. Вот. *шижмыр*, (Мышк.) *чежмер*. Черем. *йос*.

Mustella Putorius, хоревъ. Тат. (крещ. *мамад*. уѣзда) *сасы кузѣн*. Вот. *бузард*.

Mustella vulgaris, ласочка. Тат. *ятчд*; *джатчд*; крещ. *мамад*. у. *лятчд*. Вот. *юрмэк*, (у Гаврилова: *јурмэк*, стр. 54. Мышк. *юрмэл*).

Mustella lutzeola, норѣа. Тат. *мамад*. у. *чашкд*. Вот. *чан*. Черем. *шашкд*.

Mustella martes, куница. Тат. *соосар*; врещ. *мамад*. у. *сусар*. Вот. *сорө*. Чер. *луй*.

Mustella zibellina, соболь. Вот. (Мышк.) *низ*.

Ovis airies, овца. Тат. *сарык*. Вот. *ыж*; (Мышк.) *иж*. Черем. *шорык*.

Ovis airies, ♂ баранъ. Тат. *сарык-такдсы*. Вот. *такд*, *ыж така*. Черем. *тагд*

ягненовъ Вот. *ыж ни*. Черем. *паран*.

Pteramys volans, летяга. Тат. *ушь калак*; *ушь калак тин*. Вот. *пулѣ*. Черем. *обдбчо*.

Sciurus vulgaris, бѣлка. Вот. *кони*. Черем. *ур*.

Spermophilus, сусликъ. Тат. *улу-тышкан* (*мамад*.); *гомак*. (Салаг). Вот. *комак*. Черем, *комак*.

Sus scrofa, свинья. Тат. *чушкд*, *донгус*. Вот. *парсь-парсь*. Черем. *сюсна*. Самѣа вотск. ♀ *мес-парсь*. Черем. ♀ *абд*. Боровъ ♂ Вот. *варьспи*, *уш парсь*. Черем. *узѣ*.

Поросенокъ Вот. Черем. *парсь ни*. Черем. *ыга*.

Talpa europaea, кротъ. Тат. *мамад*. *сокур тышкан*. Вот. *мудышки серь* или *мудысь серь*; *чунчи шир*. Черем. *сокур коля*.

Tamias striatus, бурундукъ. Тат. *черкас*. Вот. *урдд*. Чер. *урумдо*.

Ursus Aretos, медвѣдь. Вот. *гондыр*; уважительно: *песатай*, т: е. дѣдъ съ отцевой стороны. Черем. *маськд*.

Vespertilio, летучая мышь. Тат. *ярканат*, *джарканат*. Вот. *урткышъ*; (у Мышк. *нетопырь*—*урткыч*). Черем. *боду боджиранга*, *бучирана*.

П Т И Ц Ы.

Aegolius Opus (?) Сова. Вотское *кутумысь*, т: е. утк-
ловь. (Мышк. *юм*, а въ другомъ мѣстѣ *пелѣ*). Черем. *тумнд*.

Alauda argense, жаворонокъ. Вот. (Мышк.) *тюрягай*.

Anas, утка. Вот. *чбшь*.

Astur palumbarius и *Falco*, ястребъ и соколъ. Вот. *душес*.
Черем. *туреня*.

Aquila nobilis, орелъ. Вот. (Мышк.) *игы* (?) Черем.
кусюган.

Bubo maximus, филинъ. Вот. *уѣ* (Мышк. *пелѣ*). Черем.
ѣтѣ.

Carpodacus, козодай. Вот. *унѣбей* (?)

Ardea cinerea, цапля. Тат. *чилли*. Вот. *ваням* (Мышк.
гаез, *газ*—цапля, *квенем*—аистъ). Черем. *чарланга*.

Columba livea, голубь дивій. Тат. *кужэиле* (этимъ име-
немъ ругаютъ дураковъ). Вот. *дыдык* (Мышк. *муд* *дыдык*, т:
е. дивій голубь, переведено по русски оетюкъ).

Columba palumbus, голубь. Вот. *когырчин*, *кыгылат*.
(Мышк. *дыдык*). Черем. *когурчан*.

Corvus cornix, ворона. Вот. *Куанѣ*. Черем. *корак*.

Corvus monedula, галка. Вот. *шона*. Черем. *чанга*.

Corvus corax, воронъ. Вот. *кырныш*. (Мышк. *кырныж*).
Черем. *кырныж*.

Coturnix dactylisonans, перепелъ. Вот. *бодбнѣ*. Черем.
тудурчо.

Cuculus canorus, кукушка. Тат. *кукы*. Вот. *кукы*. Че-
рем. *күкю*.

Cygnus musicus, лебедь. Вот. *юсь*; (въ казанск. у. *оюсь*,
сообщено о. Гавриловымъ). Черем. *дюксѣ*.

Gallus domesticus, пѣтухъ. Вот. ♂ *атас*, курица ♀ *курекъ*.

Grus pratensis, коростель. Тат. *тартар*. Вот. *кважи*.
Черем. *каршѣ*.

Grus cinerea, журавль. Вот. *тури*. Черем. *турнѣ*.

Hirundo rustica, ласточка. Вот. *вая-быж* Мышк. *вагобыж*.
(гнѣздится въ куалахъ).

Hirundo urtica, ласточка. Вот. *пошыкы*, *посыкы*. Черем.
пучюрж.

Lagopus alpinus, вуропатка. Вот. (Мышк.) *куротат*.
Черем. *ир музѣ*.

Lagus, мартышка. Тат. *ак чаракъ*. Вот. *чардак* (Мышь. *седъ ир*). Черем. *трак*.

Loxio recurvirostro, влестъ. Вот. *кайсъ*.

Lusciola philomela, соловей. Вот. *учы*. Черем. *шошпук*.

Oriolus galbula, иволга. Черем. *ужар*.

Nucifraga caryocatactes, роньжа. Вот. (Мышь.) *джакы*.

Parus cganus, синица. Вот. *пислж* (Мышь. *тыслж*).

Passer domestica, вѳробей. Вот. *жорали* (Мышь. *дзюрли*)

Черем. *пыртъ калк*.

Pica caudata, соровка. Вот. *кочд*. Черем. *шогуртан*.

Picus major, дятель пестрый. Тат. *токран*. Вот. *сизъ*.

Черем. *шиште*.

Picus viridis, дятель зеленый. Вот. *вош-кыр*.

Picus Martius, желна. Вот. *кор*; *вошкыр*. (Мышь. *кыр*)

Черем. *кертъ*.

Scolopax и др. виды кулива. Вот. *теллибует*.

Sturnus vulgaris, свворецъ. Вот. *чалбэр сэрчик*. (Мышь. *шѳд юбер*, т. е. черный дроздъ, или *чуж - юбер*). Черем. *шерчик*.

Surnia passerina, сычь (?). Вот. *кучерян* (Мышь. *кучиран*).

Tetrao Bonasia, рябчикъ. Татарск. *буджор*; вотское *сала*; черем. *муѳ*.

Tetrao tetrix, тетеревъ. Вот. *тур*. Черем. *кыдыр*.

Tetrao urogallus, глухарь. Вот. *дакя*. Черем. *шузъ*.

Vanellus cristatus, пиголица. Тат. *такарлык*. Вот. *сидык*.

Черем. *киседык*.

Turdus, дроздъ. Вот. *юберъ* (Мышь. *юбер*). Если хотятъ что нибудь похвалить за красивый видъ, говорятъ: „похожъ на гнѳздо юбсра“—„юберъ вар вать“.

Fringilla spinus, чижъ. Вот. (Мышь.) *стеци*; *стеци* (?).

Г а д ы.

Змѳя. Вот. *кый* (Мышь. *своршя—рон кый*; *рон—мѳдъ*, поэтому *рон кый* вѳроятно мѳдяница, тоже что по татар. *бакыр илан*). Чер. *кишкэ*.

Ящерица. Вот. *кижжали*. (Мышь. *кенжяла*). Черем. *шинчалъ*.

Лагушка. Вот. *бака*. Мышь. *эбек* (въ елабужскомъ уѳздѳ *эбек—vulva*). Черемиск. *жаба*.

Рыбы.

Esox lucius, щука. Вот. (Мышк.) *ципей, чиней*.
Lota vulgaris, налимъ. Вот. (Мышк.) *шалко*.
Perca fluviatilis, окунь. Вот. *юш*.
Abramis Brama, лещь. Вот. (Мышк.) *пая*.
Carassius vulgaris, карась. Вот. (Мышк.) *каракад*.

Суставчатые и низшія.

Acanthia lectularia, клощъ. Тат. *кандала*. Вот. *урбд*.
Черем. *ундулд*.
Apis mellifica, пчела. Вот. *муш*. (Мышк. *муш*; трутень:
уар вози). Черем. *мюки*.
Astachus fluviatilis, ракъ. Вот. *ракатъ*—въ елабуж. у.;
кисло-кусло—въ глазов. у. (по сообщ. о. Гаврилова; у Мыш-
вина: *кисло*). Черем. *рѣка*.
Blatta germanica, тараканъ. Вот. *таракан*. Черем. *та-
ракан*.
Bombus, шмель. Вот. (Мышк.) *майсы*.
Coleoptera, жукъ. Вот. *бычй*. Черем. *лопшанга*.
Culex ripiens, комарь. Вот. *куисъ кук*, т. е. длинныя
ноги (Мышк. *цибинь*; по сообщ. о. Гаврилова *цибинь*—мош-
ка). Черем. *шанга*.
Cyprea moneta. Вот. *ыртенъ*. Черем. *кышкиби*.
Formica, муравей. Вот. *кужери* (Мышк. *кузли*). Черем.
кутко.
Gryllus domesticus, сверчокъ, кузнечикъ. Вот. *джозы*
(Мышк. *дзюзы*). Черем. *шудо ширчик*.
Hirudo officinalis, пиявка. Вот. (Мышк.) *иронуши* [т. е.
головастый нуши; головастикъ?]; *кой-нуши* [жирный нуши].
Lepidoptera, бабочка. Вот. *бубыли; татали*. Черем.
лепене.
Libellula, коромысло. Тат. *урус кянтасы*, т. е. русское
коромысло. Вот. *вувыл карнан*, т. е. надводное коромысло.
Musca domestica, муха. Вот. (Мышк.) *кут*. Чер. *карме*.
Pediculus capitis, вошь. Вот. (Мышк.) *тэй*; гнида—*се-
рел*. Черем. *ти*.
Pulex irritans, блоха. Вот. (Мышк.) *пыч*. Черем. *шуршо*.
Tabanus, паутъ. Вот. *лузь*; Черем. *пдрмо*.

Упо, равшка. Вот. *кудлем* (ими чистятъ котлы, вагъ скребками). Черем. *раквод*. (Послѣднее имя можетъ быть значить—раковина вообще).

Весра, оса. Черем. *пачемше*.

Пауѣ. Вот. *шбняры* (Мышь. *чинари*). Черем. *энэрѣмше*.
Тат. *урмякуѣ*.

Улитка. Тат. *така музуи* (волныные рога). Дѣтская присказка къ ней: *такан, мукун! музуын чилар, сютлю ситыр берермен, берермен?* т. е. табан-муеун! выставь твои рога, дамь молочную корову! Вот. *акачь-тукачь*.

Червякъ. Вот. *нумыр* (Мышь.) *номыр*. Черем. *ил, ял*.

ГОРОДИЩА БЛИЗЪ ДЕРЕВЕНЬ УТЧАНЪ И ВАРЗИ-ЯТЧИ (Елабужскаго уѣзда, Вятской губ.).

Члена-сотрудника Г. Н. Потанина.

Близъ деревни Утчанъ, къ западу отъ нея, находится городище, которое мѣстные жители называютъ *Каръ-четкеръ*; по объясненію людей, знающихъ вотскій языкъ и живущихъ на мѣстѣ, это названіе составлено изъ двухъ словъ: *каръ*—городъ, гнѣздо, логовище, и *четкеръ*—высокая гора. Пахотное поле въ 1½ версты ширины отдѣляетъ деревню отъ ряда значительныхъ высотъ, сопровождающихъ лѣвый берегъ рѣчки Вараги (которая также называется Варега, Варяга и Варяжка); высоты эти представляютъ склонъ или окраину террасы, которая поднимается надъ берегомъ Вараги сажень на 10. Окраина террасы прорѣзана многими поперечными оврагами, между которыми лежатъ болѣе или менѣе узкіе мысы. На одномъ изъ такихъ то мысовъ и находится городище. Мысъ имѣетъ ширины около 20 шаговъ, длина его будетъ около 30—40 сажень; два параллельныхъ, ограничивающихъ мысъ оврага, направляются съ юго-востока на сѣверо-западъ и на юго-востокѣ отерываются къ рѣчкѣ Варагъ, которая и протекаетъ вплоть у нижняго конца мыса; юговосточные, т. е. верхніе концы овраговъ, соединяются и даютъ мысу видъ отдѣльной возвышенности. Какъ овраги, такъ и поверхность мыса, покрыты густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ. На самой высшей точкѣ мыса находится насыпь, имѣющая около 20 шаговъ въ поперечникѣ; въ ней непосредственно съ сѣверо-запада прилегаетъ неглубокій ровъ до 20 шаговъ длины, около 2 или 3 шаговъ ширины и въ поясъ челобѣку гу-

биной. Въ насыпи, лежащей къ югу отъ рва, мы уже нашли слѣдъ старыхъ раскопокъ — яму въ 2 арш. глубиной, сдѣланную въ югозападной подошвѣ насыпи. Яму эту годъ тому назадъ копалъ волостной писарь г. Гуляевъ, но еще до него кто-то рылся здѣсь давно. По рассказамъ одного крестьянина дер. Утчанъ, лѣтъ двадцать тому назадъ здѣсь уже была яма или какой-то провалъ, въ которомъ въ то время парни пробовали достать дно орѣховой жердью въ нѣсколько саженъ длиной. Сначала, по плотности почвы, которая обнаружилась при первомъ обнаженіи дна ямы, которое мы сдѣлали, такое извѣстіе казалось сомнительнымъ, но потомъ, при болѣе значительномъ углубленіи, дѣйствительно обнаружались остатки орѣховой жерди, которые рабочіе вынимали частями, по мѣрѣ углубленія ямы. Мы раздѣляли яму до глубины одной сажени, но не нашли ничего, кромѣ незначительныхъ гвѣздъ изъ золы или угля; изрѣдка попадались черепки отъ глиняной посуды. Куски жерди, отъ времени размявшей въ кашеобразное тѣсто, вынимались до дна вырытой ямы, оттуда, кромѣ того, вышутъ нѣсколько древесныхъ листьевъ; вѣроятно залетѣвшихъ туда, когда еще существовалъ провалъ или нора.

Другія пробы раскопокъ мы сдѣлали ближе къ сѣверо-западному концу мыса, именно въ двухъ мѣстахъ: 1) гдѣ бугоръ кончается и начинается крутой спускъ къ подошвѣ мыса и 2) на срединѣ этого спуска. Въ обоихъ мѣстахъ, подъ слоемъ насыпной земли въ аршинъ глубиной, мы встрѣтили слой золы, болѣе или менѣе смѣшанной съ глиной; подъ этимъ слоемъ залегаетъ плотная глина, которую мы приняли за коренную. Слой съ золой имѣетъ глубины не менѣе аршина; мѣстами встрѣчались залежи совершенно чистой золы. Въ нижней раскопѣ, которую мы сдѣлали въ видѣ разрѣза поперекъ мыса, сажени въ 1½, длиной, мы подмѣтили такое залеганіе золы, которое наводило на мысль, что это были пепелища, которымъ придавали видъ бугровъ и потомъ забрасывали землей. Разрѣзъ представлялъ два слоя. Верхній слой наносной земли — отъ нижняго, золу содержащаго, былъ отдѣленъ полосой неодинаковой ширины (отъ четверти до двухъ), окрашенной въ красный цвѣтъ; матеріалъ, входившій въ составъ этой полосы, являлся мѣстами рыхлымъ, мѣстами крѣпкимъ, въ родѣ обожженаго кирпича; внизу, т. е. ближе къ золѣ, окраска энергичнѣе; направленіе полосы другооб-

разное, такъ что рабочіе, раскрывъ это залеганіе, приняли полость, въ которой подъ обожженной землей лежала зола, за печь. Оказалось рядомъ два пепелища (или двѣ печи, какъ говорили рабочіе), одно подлѣ другаго. Когда рабочіе выгребли золу—въ разрѣзѣ дѣйствительно образовались двѣ глубокия ниши, разгороженныя узкой перегородкой. Дно этихъ углубленій или, такъ сказать, „подъ“—шесть наклонно, параллельно наружному уклону горы. Когда зола была выбрана, бросилось въ глаза, что разгораживавшая ниши перегородка имѣла у основанія косвенное положеніе. Все это вызвало такое представленіе, какъ будто виновники этихъ остатковъ древности, склавъ одно пепелище и засыпавъ его землей, пока оно еще горячее—отчего нижніе слои насыпи обгорали и обращались въ кирпичъ—черезъ нѣкоторый промежутокъ времени складывали рядомъ другое пепелище такъ близко, что часть золы ложилась на покрывшу сосѣдняго бугра. Въ золу содержащемъ слоѣ мы нашли, какъ въ полугорѣ, такъ и при началѣ спуска, много черепковъ отъ горшковъ, костей, какъ домашнихъ животныхъ, такъ и рыбьихъ, двѣ желѣзныя вещи и одну костяную. Кости встрѣчались какъ цѣлыя, такъ и обугленные; въ пластахъ чистой золы можно было различать куски пережженной кости, что подаетъ поводъ думать, что эти кострища состоятъ всецѣло изъ золы сожженныхъ костей животныхъ. Горшечные черепки въ изломѣ показывали такой же составъ, какъ и черепки на Ананьинскомъ могильникѣ, т. е. глина, изъ которой были сдѣланы горшки, была смѣшана съ осколками ракушекъ.

Другое изъ обследованныхъ мною городищъ находится близъ деревни Варзи-ятчи и извѣстно у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *Каръ-чуресъ* (последній членъ значитъ по-вотски—гора вообще). Оно, подобно Утчянскому, расположено на краю высокой террасы, также на концѣ мыса. Подъ мысомъ, въ незначительномъ разстояніи, протекаетъ рѣка Варзи. Мысъ концомъ своимъ обращенъ на западъ; онъ значительно шире и тупѣе того, который описанъ раньше, но гораздо выше. Съ него открывается обширный видъ на долину р. Варзи, на которой раскинулись двѣ большія деревни—Варзи Ятчи и Янгипуръ. Бока мыса и крутой фась, по которому приходится взбираться на мысъ, поросли густымъ лѣсомъ; на вершинѣ мыса, гдѣ городище, лѣсъ порѣже.

Въ 20 саженьяхъ отъ начала кручи, которою кончается мысъ, проходитъ замѣтный валъ въ 1 арш. высоты, концами упирающійся въ боковые овраги; онъ имѣетъ видъ слабой дуги, выгнутой сторопой обращенной прочь отъ конца мыса. Длина вала 30 сажень. Съ внѣшней стороны вала проходитъ повикъ, который противъ середины вала едва замѣтенъ, но становится глубже и шире на концахъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ вала найдены были только куски угля и черепки; въ другихъ мѣстахъ находки были еще бѣднѣе. Только въ южномъ концѣ городища въ одномъ мѣстѣ найденъ желѣзный ножичекъ и тутъ же было собрано нѣсколько черепковъ отъ горшковъ (также имѣвшихъ въ изломахъ бѣлыя крапины отъ раушника).

Списокъ найденныхъ вещей.

Городище близъ дер. Утчанъ (Карь-четверь).

1) Желѣзное копье длиною въ 9 дюймовъ; наконечникъ двугранный, длиною въ $5\frac{1}{2}$ д.; остальная часть копьа состоитъ изъ втулки для древка (¹).

2) Желѣзное прямое шило, длиною 2 д. 7 линій.

3) Костяное издѣліе цилиндрической формы, длиною 3 д. 5 линій, толщиною въ 5 линій; одинъ конецъ представляетъ гладкій поперечный срѣзь, другой—обломанъ; ближе къ обломанному концу три круглыхъ отверстія съ діаметромъ въ 1 л. (изъ нихъ два сквозныхъ). Ближе къ серединѣ костянаго цилиндра сквозное отверстіе въ $1\frac{1}{2}$ лин. въ діаметрѣ.

Городище близъ д. Варзи-Ятчи (Карь-гуресь).

4) Желѣзный ножикъ съ небольшимъ стержнемъ для укрѣпленія въ дерево, длиною въ $4\frac{1}{2}$ д.

Деревня Бима.

5) Желѣзный топоръ длиною въ 4 д. 8 л., ширина топора въ обухѣ 1 д. 3 л., ширина вдоль лезвія 2 д. (пріобрѣтенъ покушкою, вынаханъ въ полѣ.).

(¹) Рабочіе, отрывъ это орудіе, признали въ немъ медвѣжью острогу, по востски — *чогіямъ*.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ

ВО ВРЕМЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСКУРСИИ ПО ВЯТКОЙ ГУБЕРНИИ

въ 1880 году.

Члена-сотрудника С. К. Кузнецова.

Лѣтомъ 1880 года я забрался въ достаточно знакомую мнѣ окраину—Сардыкбашскую волость въ Малмыжскомъ уѣздѣ, чтобы нѣсколько дополнить свои свѣдѣнія о сюрэмѣ, который я въ первый разъ наблюдалъ здѣсь за два года передъ этимъ. Сюрэмъ черемисы отпраздновали на этотъ разъ не столь торжественно, какъ мнѣ показалось,—можетъ быть потому, что 1880-й годъ въ этой мѣстности обѣщала достаточный урожай, почему практичные въ дѣлахъ вѣры черемисы не считали особенно нужнымъ излишнее усердіе. За двѣ недѣли до сюрэма въ Сардыкбашской и сосѣднихъ волостяхъ начали валиться коровы, а потомъ овцы, поэтому число жертвъ было меньше противъ прошлаго года на 6 головъ. Мнѣ казалось однако, что народу на праздникѣ было даже больше, чѣмъ въ предъидущій сюрэмъ: должно быть хлѣбосольство черемисъ въ виду урожая приняло болѣе широкія размѣры, чѣмъ и объясняется болѣшій наплывъ гостей.

Къ крайнему удивленію, я засталъ большинство „кугузей“ въ сильномъ горѣ: урядникъ, котораго за два года передъ этимъ не существовало, захотѣлъ показать свою власть и запретилъ совершать жертвоприношеніе, угрожая доносомъ. Кугучи-жрецы явились ко мнѣ и горько жаловались на притѣсненія новаго блюстителя порядка:

„Кончатъ совсѣмъ захотѣлъ! Кумышку варить безъ денегъ не давалъ: съ одного взялъ три, съ другаго пять рублей за котель... Топерь за костерь по рублю, говорить, давай-те... Пожалста калявай ему!“..

Я уже хотѣлъ было отправиться въ уряднику, но встрѣтилъ его на дорогѣ; онъ оказался отставнымъ гвардейцемъ. Я спросилъ его, въ силу чего запрещаетъ онъ моленіе, о которомъ въ инструкціи для урядниковъ нѣтъ ни слова.

„А параграфъ-то 14-ый!.. Помилуйте-съ!“

На всякій случай со мной былъ экземпляръ инструкціи для урядниковъ, приложенный къ Казанскимъ губернскимъ вѣдомостямъ за тотъ годъ, и теперь онъ пригодился мнѣ. Тамъ, сколько помню, говорилось только о томъ, чтобы урядники блюли за порядкомъ во время скопленія народа на праздникахъ и ни слова о томъ, чтобы мѣшать какимъ-нибудь мирнымъ собраніямъ, а тѣмъ болѣе брать съ черемисъ деньги за то, чтобы позволять имъ молиться.

Оппозиція моя нѣсколько сдержала миссіонерскіе порывы урядника, и онъ, уже въ качествѣ скромнаго наблюдателя, сопровождалъ меня потомъ всюду,—впрочемъ ничуть не мѣшая и удаляясь, когда видѣлъ, что онъ человѣкъ лишній.

Нижеслѣдующій фактъ показываетъ, до чего могло дойти усердіе урядника: по окончаніи жертвоприношенія въ день сюрэма, когда вугузи молились въ юмон-ото (священной рощѣ) по заказу каждаго желающаго, урядникъ также сдѣлалъ пожертвованіе въ количествѣ десяти копѣекъ,—чѣмъ премного удивилъ черемисъ.

Я не буду здѣсь останавливаться на томъ, что удалось мнѣ вновь подмѣтить на сюрэмѣ, такъ какъ это составитъ предметъ особой работы. Постараюсь изложить только то, что имѣетъ нѣкоторый историко-археологическій интересъ.

I.

Легенда о 3 братьяхъ, почитаемыхъ черемисами. Бесѣда съ муллою Хуснуллиномъ. Адаевскій и Казакларскій святой. Указаніе на нихъ у Шерефъ-эд-дина. Ахпатиръ Самобитна-я черемисская легенда о 3-святыхъ братьяхъ? Татарское кладбище въ Адаевѣ. Могила Ишмухамеда. Другіе проповѣдники ислама въ предѣлахъ Вятской губерніи. Заключеніе.

Въ своей статейкѣ о сюрэмѣ (*) я говорилъ о трехъ святыхъ братьяхъ, почитаемыхъ у черемисъ: Ахпатирѣ, Шик-

---

(*) См. «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1879 г., т. XV. Также отдельный оттискъ: «Четыре дня у черемисъ во время сюрэма». Спб. 1879. 8°. Стр. 8—9.

вавъ и Казакларъ. Приведу легенду, которая тамъ помѣщена:

„Давно было это. Русскіе сюда еще не приходили, а у насъ былъ свой князь. Жили тогда три брата: Ахпатырь, Шивавъ и Казакларъ. Тутешніе были или пришли откуда, Богъ ихъ знаетъ. Праведны только были они и за то Юмо наградилъ ихъ: могли они *мчить* всякія болѣзни. Много добра дѣлали они на землѣ, за то почитали и слушались ихъ черемисы. Татары -- и тѣ ихъ не гнушались. Умеръ Ахпатырь и велѣлъ себя тутъ (въ полуверстѣ отъ деревни *Киткъ*, по дорогѣ къ Юмон - ото) закопать. Умерли послѣ Шивавъ и Казакларъ: одинъ заказалъ похоронить себя тамъ, гдѣ татарское кладбище, а Казакларъ -- вонъ напротивъ. . Татары тоже почитаютъ нашего угодника, только зовутъ его по другому -- *Адай*; они молятся ему и насъ пускаютъ на его могилу. Вотъ, коли болѣзнь нападетъ на кого, станетъ его ломать, онъ и ставитъ *надыр* (жертву) Ахпатыру, либо Казаклару, а не то Шиваву. Ничего, больно помогаютъ, особливо Ахпатырь“...

По этой легендѣ, записанной со словъ сѣдаго черемисина, оказывается, что всѣ три брата были природные черемисы. Однако на повѣрью вышло иначе. Когда я записалъ эту легенду, мнѣ не удалось провѣрить справедливость ея черезъ разспросы у татаръ. На этотъ разъ я рѣшилъ узнать все, чтд будетъ возможно. Отъ черемисъ новаго я ничего не услышалъ. Зная, что могила одного почитаемого черемисами святаго находится на татарскомъ кладбищѣ, я отправился подъ вечеръ въ деревню *Адаво*, къ муллѣ *Хуснуддину*, который состоитъ благочиннымъ для этой окраины, почему и носить титулъ „зор хазырат“.

Нельзя было никоимъ образомъ отдѣлаться отъ чаю, предложеннаго муллою; впрочемъ, чай былъ отчасти пріятенъ послѣ трехверстнаго пѣшаго пути по пыльной полевой дорогѣ. Но Хуснуддинъ задумалъ угостить меня еще пловомъ и двумя другими неизвѣстными мнѣ блюдами, а затѣмъ уже оказалось возможнымъ приступить къ дѣлу.

Мулла принесъ изъ мечети красиво написанный экземпляръ „Таварих-Булгаріа“, въ холщевомъ, переплетѣ, in—4°, и отерылъ мѣсто, въ которомъ говорится о мусульманскомъ святомъ, погребенномъ на адаевскомъ кладбищѣ. Первоначально перевода на татарскій, Хуснуддинъ передалъ мнѣ

потомъ содержаніе отрывка по русски; оно записано мною съ его словъ:

„*Иш-Мухаммедъ Тук-Мухаммедовъ* былъ праведный человекъ. Въ деревнѣ Адай 36 лѣтъ руководилъ школой, которая процвѣтала при немъ и привлекала много учениковъ. Его прозвали *Шаехъ-баба*. Умеръ въ 996 году гиджры и похороненъ на правой сторонѣ рѣки *Бур*. Сынъ Иш-Мухаммеда ушелъ въ Каргалу около Оренбурга.—Другой святой, болгарскій человекъ, умеръ въ 976 году гиджры и погребенъ на лѣвой сторонѣ рѣки *Бур*. Имя его *Бейрашиъ Абрашевъ* или *Халифинъ*“.

Вотъ все, что могъ мнѣ найти Хуснудинъ въ „Таварих-Булгаріа“ относительно мѣстныхъ татарскихъ святыхъ.

Такъ какъ книга Шерефъ—эд-дина бенъ Хасанъ эд-дина Булгарсваго въ подлинникѣ мнѣ недоступна, то я принужденъ былъ обратиться къ извлеченіямъ изъ „Булгарской исторіи“, сдѣланнымъ г. *Березинымъ* въ его книгѣ „Булгаръ на Волгѣ (*)“. Въ извлеченіи изъ 4-й главы сочиненія Шерефъ—эд-дина („Описаніе извѣстнѣйшихъ рѣкъ“) мы находимъ:

„Съ южной стороны впадаетъ въ Вятку Буръ (بۇر) и Чушма (چوشما): послѣдняя называется *Чушма вятская* (стр. 76)“. Въ другомъ мѣстѣ:

„Еще извѣстны послѣдователи на Чушмѣ, соединяющейся съ рѣкою Вяткою (نقراط—*Нукратъ*), коихъ могилы тамъ находятся (стр. 83—84)“.

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь говорится о *Шошмѣ*, на которой стоитъ уѣздный городъ *Малмыжъ*, а подъ рѣкой *Бур* нужно разумѣть *Буреиъ*, впадающій верстъ на 25 ниже Шошмы въ р. Вятку. Этотъ *Буреиъ* нельзя смѣшивать съ другой рѣкой *Бур*, которая впадаетъ въ р. *Уфу* (*ibid*, стр. 75).

Нечего говорить здѣсь, что способъ указанія извѣстной мѣстности исключительно по рѣкамъ и ихъ мелкимъ притокамъ столь же древень, какъ и сама географія: у Геродота онъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ, точно также у татарскихъ историковъ и географовъ, по словамъ г. Березина, „во всѣхъ указаніяхъ главную роль занимаютъ рѣки пото-

---

(*) Казань, 1852. гр. 8°. Весьма рѣдкая книга эта — отдѣльнымъ оттискомъ изъ № 3 «Ученыхъ Записк. Каз. Унив.» за 1852 годъ.

му, что татары еще и нынѣ дѣляютъ себя не по губерніямъ и уѣздамъ, а по теченію рѣкъ или по направленію старыхъ дорогъ, существовавшихъ во время татарскаго владычества(*)^а. Этотъ способъ преобладаетъ, какъ извѣстно, и въ старыхъ актахъ, а инородцы преимущественно имъ пользуются до сихъ поръ. Но воротимся снова къ Шерефъ—эд-дину.

Въ „Отдѣленіи о шейхахъ, знаменитыхъ на Востокѣ и Западѣ“, гдѣ исчисляются шейхи до 989 года гиджры (1581), а „сначала тѣ, которые (были) до 909 (1503—1504)“, мы находимъ:

„Съ ЮЗ стороны рѣки *Нукратъ* (Вятки) течетъ рѣчка *Буру* (بورى); тамъ въ Казакскомъ аулѣ (قرافلار آونله), теперь *Казакларъ* (**)^а извѣстенъ Бейрашъ бенъ Ибрашъ Суфи, господинъ публичной зикры (***)^а и разрѣшитель (?—дающій по-

---

(*) *Бумаръ на Волгѣ*, прилѣч. на стр. 84.

(**) Березинъ (*Булгаръ на Волгѣ*, стр. 87): «въ Казакскомъ аулѣ=въ аулѣ *Киризовѣ*». Лучшимъ объясненіемъ, по нашему мнѣнію, могутъ служить слова г. *Шпилевскаго*: «собственно булгарское населеніе противопоставилось казакамъ, подъ которыми нужно разумѣть *простыхъ татаръ*» (*Древніе юрота*, стр. 94).

(***) *Зикрами* ذکر называется чтеніе Алкурана какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ, а усердные правотѣрные сопровождаютъ это чтеніе качаньемъ тѣла, восклицаніями и пр., *Березинъ*, прил. на стр. 87. Однако это объясненіе не совсемъ вѣрно.

Въ книгѣ покойнаго Г. С. Саблукова (*Сличеніе мухаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ*. Казань. 1873. 8^о), указаніемъ на которую мы обязаны любезности Е. А. *Малова*, мы находимъ прекрасное объясненіе, которое нелишнимъ считаемъ привести здѣсь:

«*Зикръ* въ переводѣ на нашъ языкъ значить «вспоминаніе»... Въ мухаммеданскомъ вѣроученіи словомъ *зикръ* называется благоговѣнное произнесеніе какого-либо имени Божія мухаммеданиномъ, какъ выраженіе благочестиваго настроенія души его... каковы, напр., *Аллазъ акбаръ* и т. д. (стр. 55)».

«Обязанность говорить зикръ мухаммедане, и аскеты, и неаскеты, видятъ въ предписаніяхъ Корана (56)»...

«Въ стихахъ Корана подъ словомъ *зикръ*, кажется, разумѣются и пять молитвъ, предписанныхъ имъ мухаммеданину.. Въ суфическихъ общинахъ, развивающихъ аскетическую жизнь по опредѣленнымъ въ каждой общинѣ уставамъ, зикры установлены правилами и отдѣланы обязательны-

зволениі). Онъ учился въ Туркестанѣ у Хаджи Ахмета Сеюви (по другому чтенію *Ясави*). По направленію той рѣки (т. е. Буръ = *Бурца*) въ аулѣ Адай-Черемишъ (*آدامی چرمش*) извѣстенъ Иш-Мухаммедъ, сынъ Тугк Мухаммеда; онъ учился у Ходжи Бейраша и былъ его великимъ послушникомъ (*مریت* мюридъ); также совершалъ публичныя зикры, а послушникомъ былъ шесть лѣтъ. Между тѣмъ въ теченіе двадцати лѣтъ изъ знающихъ этотъ путь и причастныхъ ему никого не осталось (*Березинъ, ibid.* стр. 87)^а.

Остановимся нѣсколько на нѣкоторыхъ разногласіяхъ, замѣчаемыхъ между только что приведенной цитатой изъ книги Березина и тѣмъ, что записано мною со словъ муллы Хуснуддина.

1) Помѣщеніе Иш-Мухаммеда Тукмухамедова раньше Бейраша Абрашева можно считать въ передачѣ Хуснуддина случайнымъ: онъ просто началъ съ того святаго, который въ его деревнѣ погребенъ.

2) Послушничество Иш-Мухаммеда длилось, по передачѣ Хуснуддина, 36 лѣтъ. по переводу г. Березина—только 6; но послѣдній замѣчаетъ, что такая цифра стоитъ въ академической рукописи Шерефъ—эд-дина, въ собственномъ же спискѣ г. Березина (болѣе поздняго времени) поставлено 36. Къ этому списку и нужно приурочивать тотъ, который хранится въ адаевской мечети; по всей вѣроятности послѣдній списанъ съ несовсѣмъ древней рукописи.

3) Въ цитатѣ г. Березина изъ книги Шереф-эд-дина мы не встрѣчаемъ словъ: „его прозвали *Шайхъ-баба*“.

ми для каждого ея члена *Зикры* составляютъ такъ называемый *телькинъ*. Зикры входятъ въ составъ гимновъ, какіе въ опредѣленные часы дня поются въ честь Бога членами общины. Зикромъ долженъ освящать свою жизнь каждый аскетъ, остается ли онъ одинъ въ своей кельѣ, или когда является среди мохаммеданъ неаскетовъ, внѣ его общины.

«*Телькинъ* (наставленіе) есть обрядъ, по которому начальникъ суфической общины, шейхъ, какъ «руководитель» (*мюридъ*) посвящаетъ въ аскетическую жизнь вновь поступившаго въ его общину «искателя» благочестивой жизни (*мюридъ*). Телькинъ состоитъ изъ семи зикровъ, которые одинъ послѣ другого долженъ произносить мюридъ въ продолженіе срочнаго времени для каждого изъ нихъ, по указанію мюрида (стр. 57)».

4) Въ передачѣхъ муллы Хуснуддина мы находимъ хронологическія указанія на годъ смерти казацларскаго и адаевскаго святаго, которыхъ у г. Березина не встрѣчаемъ. Быть можетъ послѣдній выпустилъ эту дату при переводѣ. Впрочемъ, указаніе адаевскаго списка Шерефъ—эд-дина не противорѣчитъ повидимому истинѣ, потому что мусульманскій писатель говоритъ о подвижникахъ ислама за періодъ отъ 1503—1581 нашей эры. Такимъ образомъ если, согласно съ г. Березинымъ, годомъ гиджры считать 594-й по Р. Хр. (592—595), получимъ, что годъ смерти Бейраша бенъ Ибраша былъ 1569-й, а годъ смерти Иш-Мухаммеда Тугъ-Мухаммедова—1589-й по Р. Хр.

Подлинность существующихъ въ Адаевѣ и Казацларѣ могилъ мусульманскихъ святыхъ такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, напротивъ—вполнѣ подтверждается мусульманскимъ источникомъ. Объ *Ахпатырѣ* же, съ которымъ черемисская легенда связываетъ того и другаго изъ вышеупомянутыхъ святыхъ, нѣтъ ни слова ни въ передачѣхъ Хуснуддина, ни въ извлеченіи г. Березина. Хуснуддинъ, со словъ своего предшественника, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ болѣе чѣмъ столѣтнимъ старцемъ, подтвердилъ только, что уже покойный мулла говорилъ о почитаніи могилы Ахпатыра, какъ объ обычаѣ, идущемъ изъ глубокой старины, равно какъ и о почитаніи черемисами Иш-Мухаммеда, котораго они передѣляли почему-то въ *Адая*, назвавъ мусульманскаго святаго именемъ деревни, на кладбищѣ которой онъ погребенъ. Изъ прозвища *Шаех-баба*, даннаго Иш-Мухаммеду, черемисы выкроили другое имя — *Шиквадъ*, сдѣлавъ этого несуществующаго святаго братомъ Ахпатыра и принявъ могилу адаевскаго святаго за мѣсто погребенія своего Шиквадъ, котораго будто-бы татары зовутъ *Ададъ*. Такимъ образомъ прозвище одного лица стало именемъ какъ-бы другаго, ничего общаго съ первымъ неимѣющаго, хотя на самомъ дѣлѣ вышло противное. Не лучше поступили черемисы и съ другимъ мусульманскимъ святымъ—Бейрашемъ бенъ Ибрашъ: забывъ его имя, они просто стали называть его *Казацларомъ*, т. е. опять перенесли на лицо названіе деревни.

Что же за имя *Ахпатырѣ*? Если мы развернемъ „Списокъ населенныхъ мѣстъ Вятской губ.“, то подъ № 8040 найдемъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ дер. *Ахбатырevo*. Съ этимъ

названіемъ близки будутъ по созвучію и происхожденію названія селеній: *Батырево* (подъ № 3557 въ Елабужскомъ уѣздѣ) и *Патырь Верный* (№ 3432 въ Глазовскомъ уѣздѣ). Первая деревня населена черемисами, обѣ послѣднія вотяками. Всѣ три названія селенія очевидно произошли отъ одного имени—*Батырь*. А *батыр* — слово татарское и значитъ просто богатырь, силачъ, витазъ.

Можно привести много примѣровъ въ доказательство того, что нарицательное имя языка татарскаго дѣлается именемъ собственнымъ у некрещенныхъ черемисъ, чувашъ и вотяковъ; отчасти это объясняется способомъ нареченія имени новорожденному, практикуемымъ у инородцевъ здѣшняго края. Въ большинствѣ случаевъ способъ этотъ таковъ: выскъбая искры ударомъ огнива о камень, жрецъ, приглашенный для нареченія имени или просто повитуха, перебираетъ разныя имена, названія животныхъ, различныхъ предметовъ, словомъ все, что придетъ въ голову; при произнесеніи котораго изъ этихъ словъ загорится трутъ, то слово и дѣлается именемъ новорожденного.

Такъ какъ заимствованія изъ татарскаго лексикона производились какъ черемисами, такъ и чувашами и вотяками, то слово „батыр“ въ смыслѣ имени мы находимъ у всѣхъ этихъ инородцевъ. Отсутствие у татаръ такого собственнаго имени какъ *Ахматырь* (или *Акбатырь*) даетъ возможность считать этого угодника чисто черемисскимъ святымъ, ничего общаго съ татарскими святыми неимѣющимъ.

Далѣе. Мнѣ кажется, что самое возникновеніе у черемисъ поклоненія Ахпатыру нельзя считать оригинальнымъ, а заимствованнымъ у татаръ. Почитаніе этого святаго развилось, по всей вѣроятности, по аналогіи съ таковымъ же почитаніемъ Иш-Мухаммеда и Бейраша у татаръ, которое имѣло историческое основаніе. Легенда о трехъ святыхъ братьяхъ является такимъ образомъ продуктомъ, съ одной стороны —вліянія татаръ, съ другой — стремленіемъ черемисъ найти связь между святыми, почитаемыми у татаръ, и тѣмъ святымъ, которому поклоняются сами черемисы. Во всякомъ случаѣ, существованіе у черемисъ такого святаго, какъ Ахпатырь, явленіе довольно рѣдкое, если не единственное. Нѣтъ примѣра, чтобы черемисы чтили кого-либо изъ бывшихъ смертныхъ не какъ *бодоша* или злаго духа, старающагося вредить на каждомъ шагу.

Послѣ обѣда, вмѣстѣ съ Хуснуддиномъ и азанчеемъ я отправился на адаевское кладбище, расположенное на ЮЗ. отъ мечети. Кладбище сплошь покрыто большими деревьями и тщательо огорожено. Шагая вдоль загородки кладбища, я насчиталъ 25 шаговъ по длинной сторонѣ и 22 по узкой. Входныя ворота были сдѣланы съ юговосточнаго угла кладбища, а отъ нихъ, параллельно южной сторонѣ загородки, шелъ шаговъ на 10 узкій корридоръ; затѣмъ этотъ корридоръ подъ прямымъ угломъ заворачивалъ къ центру кладбища и подходилъ къ могилѣ святаго расширяясь и образуя квадратъ, стороны котораго параллельны сторонамъ загородки. Въ самой срединѣ внутренней загородки небольшая рѣшетка, подобная той, которую я видѣлъ на могилѣ Ахпатыра. Рѣшетка эта въ $3\frac{1}{2}$ шага длины и въ 2 шага ширины, а вышиной съ небольшимъ два аршина. Въ видахъ предохраненія отъ дѣйствія дождей—верхъ рѣшетки накрытъ досками. Внутри бревенчатый срубъ въ два ряда—обычный у татаръ намогильный памятникъ. Двѣ огромныя сосны растутъ по угламъ, внутри рѣшетки.

Хуснуддинъ заявилъ, что онъ ежедневно ходитъ сюда читать алкоранъ и что очень многіе правовѣрные заходятъ поклониться праху святаго, нѣкоторые изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Могила видимо содержится въ порядкѣ. Черемисы разъ въ годъ допускаются сюда для совершенія общей молитвы, а одиночные поклонники являются чаще,—довольно часто, по мѣрѣ собственной надобности, ограничиваясь денежными приношеніями, которыя поступаютъ на поддержаніе могилы. Вотъ почему внутри намогильнаго сруба не видно такихъ безобразныхъ приношеній, какъ разбитыя горшки и нигуда негодныя лукошки, въ изобиліи замѣчаемые на могилѣ Ахпатыра.

Вокругъ могилы Иш - Мухаммеда погребены наиболѣе важныя и почитавшіяся при жизни лица изъ дер. *Адаевой*. Всѣхъ ближе къ могилѣ Иш-Мухаммеда огромный продолговатый бугоръ, скрывающій подъ собой прахъ столѣтняго муллы, трудолюбивой рукой котораго переписанъ для адаевской мечети экземпляръ *Таварих-Буларіэ*. Рядомъ съ нимъ погребены его жена и старшій сынъ; кромѣ того—молодой сынъ нынѣшняго азанчи. Остальные покойники хоронятся внѣ малой внутренней загородки.

На могилѣ казакларскаго святаго Бейраша Абрашева мнѣ быть не удалось. Хуснудинъ сказалъ впрочемъ, что могила Бейраша ничѣмъ почти не отличается отъ могилы Иш-Мухаммеда, только поклонниковъ туда стекается сравнительно меньше. Это кажется нѣсколько страннымъ, такъ какъ Бейрашъ, по Шерефъ — ад-дину, игралъ далеко болѣе важную роль.

Чтобы дополнить эту главу о мусульманскихъ святыхъ, которыхъ могилы находятся въ предѣлахъ нынѣшней вятской губерніи или въ предѣлахъ которой они проповѣдывали исламъ, приведу еще двѣ выдержки изъ Шерефъ — ад-дина.

Иш-Мухаммедъ былъ „последнимъ праведнымъ учителемъ вѣры“ и послѣ него „въ болгарскомъ народѣ уже не осталось знающаго созерцаніе ученаго мужа (мистика): были лишь ученые люди заблужденія. Изъ болгарскаго племени, изъ аула Терберди-Чали, *Идрисъ* сынъ Зуль-Мухаммеда, отправившись въ Йракъ, поступилъ въ послушники въ Шейху Гедіятъ-Улла и учился у него правиламъ мистицизма 15 лѣтъ. По прошествіи 20 лѣтъ отъ кончины Суфи Иш-Мухаммеда этотъ Идрисъ былъ посланъ намѣстникомъ (*نائب*) въ Булгаръ, Тубулгу, Уфу, Казань и Сибирь (Симбирскъ). Для наученія мистицизму его послали въ уфимскія курты, потому онъ училъ въ Казани и въ странахъ около болгарскаго народа. Люди отъ него пещного понаучились. Онъ скончался въ Терберди-Чали. У него воспитался Нейхъ *Гасимъ* сынъ Ибрагима, изъ новой Казани, сдѣлавшійся намѣстникомъ. Живя въ Казани, онъ наставилъ многихъ людей изъ Кельчи, Алата, Бури (*), Алатура и Саратау. Нынѣ могила его находится въ Казани“ (*Булгаръ на Волгѣ*, стр. 88).

Такимъ образомъ мы имѣемъ свидѣнія о преемникахъ Иш-Мухаммеда. У Березина же (ibid., стр. 91) находимъ указаніе на новое лицо, учившееся вмѣстѣ съ Иш-Мухаммедомъ: „Въ аулѣ Бап-Джурѣ Черекитъ, близъ Вѣлой, известна могила Ходжи *Эмиръ Келана*, послушника Ходжи Ахмеда *Сеюми* (**) туркестанскаго, который умеръ во время пелеринажа“.

(*) Можетъ быть *Бурица*, такъ какъ теперь сохранилось по берегамъ Алаера два села съ этимъ названіемъ.

(**) По другому чтенію *Ясими*.

„Въ Алабугѣ (Елабуга) находится гробъ *Ашлямъ-Ходжи* (ibid., стр. 90)“ (*).

Вотъ всё свидѣнія, какія можно почерпнуть изъ Шерефъ—эд-дина по извлеченіямъ г. Березина. Мнѣ пришлось такимъ образомъ доказать невѣрность черемисской легенды о трехъ святыхъ братьяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлить мѣсто нахождения могилъ двоихъ татарскихъ святыхъ, всё свидѣнія о которыхъ ограничивались только указаніемъ Шерефъ—эд-дина бейъ Хасанъ—эд-дина Булгарскаго.

II.

Нѣсколько словъ объ обращеніи черемисъ нашего края въ христіанство. Новокрещенская контора и устройство быта прозелитовъ. Льготы для обращающихся въ христіанство. Характеръ отношенія властей къ новокрещенымъ. Крещеніе хоронится отдѣльно отъ язычнковъ. Языческое кладбище. Окончательное обращеніе черемисъ объясняемой мѣстности въ христіанство свящ. М. Танаевскимъ, Старшій Паймасъ. Нынѣшнее состояніе языческаго кладбища. Результаты раскопокъ на немъ. Заключение.

За 12 верстъ отъ города Малмыжа, внизъ по р. Вяткѣ, есть старинное черемисское селеніе, одноименное съ городомъ. Сюда, по преданію, бѣжали черемисы изъ отнятаго у нихъ города и здѣсь же поселился братъ убитаго въ сраженіи черемисскаго князя Болгуша — Токтаушъ. Потомки княжескаго брата существуютъ и доннынѣ, и у нихъ-то хранятся всѣ старинныя документы, представляющіе не мало любопытнаго для исторіи черемисъ.

Уже издавна начато обращеніе черемисъ этой мѣстности въ христіанство. Изъ актовъ видно, что болѣе выдающіяся лица приняли христіанство довольно рано; по крайней мѣрѣ при Михаилѣ Теодоровичѣ нѣкоторые изъ потомковъ Болгуша числятся христіанами. Со времени Елизаветы обращеніе началось систематичнѣе. Составлена была для этой цѣли инструкція, учреждена новокрещенская контора. Ближайшій, непосредственный надзоръ за прозелитами порученъ, по инструкціи, черемисскому сотнику. Сотники

(*) Въ бытность въ Елабугѣ (1 іюня 1881) я, къ сожалѣнію, совершенно забылъ навѣстить могилу этого мусульманскаго святаго, находящуюся подлѣ мечети. Говорятъ, на ней сохранился древній надгробный камень. *Подобныяе примѣч.*

постоянно, насколько и могъ прослѣдить по имѣющимся у меня документамъ, избирались изъ рода князя Болтуша. Сотникъ находился въ двойной зависимости: отъ священника, которому онъ отвѣчалъ за каждаго новообращеннаго, и отъ новокрещенской конторы, которой онъ долженъ былъ доставлять свѣдѣнія о числѣ душъ, объ аккуратномъ исполненіи черемисами христіанскихъ обязанностей; онъ же долженъ былъ по возможности „вводить русскіе обычаи“ вмѣсто черемисскихъ.

Черемисы, привлекаемые освобожденіемъ отъ рекрутства и трехлѣтней льготой относительно податей, крестились тѣмъ охотнѣе, что надзоръ за ними въ существѣ дѣла былъ весьма слабъ, и только изрѣдка власть показывала свою силу, больше тогда, когда это было совсѣмъ не нужно. Сотникъ, какъ человекъ болѣе зажиточный, отдѣлялся собственнымъ бармапомъ отъ притязаній духовныхъ и свѣтскихъ властей. Изъ имѣющейся у меня въ рукахъ расходной книжки черемисскаго сотника за 1783-й годъ видно, напримѣръ, что въ трудную минуту сотникъ вѣзъ исправнику барака, стоившаго по тогдашнимъ цѣнамъ 60 коп. асс., секретарю Терину давалъ четвертакъ на водку, а попу—пудъ какихъ-нибудь ягодъ, въ тоже время расходуя вмѣстѣ съ „пищикомъ“ (письмоводителемъ) на двухдневное проживаніе въ городѣ только пять коп. Этимъ дѣло и кончалось къ обоюдному удовольствію.

Но бѣда бывала, не всегда одинакова: иногда для черемисъ наступали болѣе продолжительныя проволочки, напримѣръ при поимѣ разбойниковъ, когда изъ города высылалась команда, располагавшаяся постомъ у черемисъ.

Въ сущности — крещенные отъ язычниковъ едва ли чѣмъ отличались, но какъ только началось обращеніе въ христіанство, новокрещенская контора предписала хоронить крещеныхъ отдѣльно отъ язычниковъ, ближе къ берегу р. Вятки, тамъ, гдѣ теперь стоитъ зданіе волостнаго правленія и пожарный амбаръ. Приказъ исполнялся въ точности во все время существованія конторы, пока Черемисскій Малмыжъ не вошелъ въ приходъ городского собора; съ этого времени, до 1866 года, когда деревня сдѣлалась селомъ, черемисы хоронились на городскомъ кладбищѣ.

Языческое кладбище расположено за деревней на высвкой горѣ, приблизительно въ одной верстѣ отъ селенія; выдаваясь мысомъ въ оврагъ. Тутъ еще и теперь отчасти

уцѣлѣвъ *семѣк-ото* (поминальный лѣсъ), въ которомъ немногіе язычники, сохранявшіеся до 1847 года и жившіе отдѣльной слободкой въ оврагѣ, ближе къ кладбищу, поминали въ среду на троицной недѣлѣ своихъ предковъ. Случай сдѣлалъ и этихъ язычниковъ христіанами. Разъ (въ петровки 1847 года, когда черемисы въ ожиданіи сюрэма работами не занимаются) пришлось какъ-то такъ, что всѣ некрещенные мужчины, въ числѣ 7 человекъ, огрѣпались въ городъ на базаръ. Дома остались только бабы и ребятишки, да слѣпой старикъ *Паймасъ*. Миссіонеромъ при соборѣ тогда состоялъ священникъ, позднѣе протоіерей, *Михаилъ Танаевскій*. Онъ какимъ-то образомъ узналъ, что всѣ язычники муж. пола изъ Черемисскаго Малмыжа съѣхались въ городъ на базаръ и подговорилъ русскихъ подозвать черемисъ къ рѣкѣ Шопмѣ, что тѣ и сдѣлали. А затѣмъ ихъ шутя загнали въ рѣку и тутъ крестили *Иванами* и *Васильями* (*). Потомъ крестили постепенно ихъ женъ и дѣтей, но не тронули *Паймаса*, который ни за что не хотѣлъ оставить вѣры отцовъ своихъ, да такъ и умеръ поганымъ *чи-мари* (некрещенымъ). Этому *Паймасу* пришлось лечь послѣднимъ на языческомъ кладбищѣ, на которомъ съ тѣхъ поръ хоронили изрѣдка, и то въ первое время только, однихъ самоубійцъ.

Въ теченіи сорока лѣтъ кладбище оставалось покинутымъ, лѣсъ кругомъ вырубилъ и отъ поминальной рощи остались только деревья поплосше. По словамъ старожиловъ, кладбище было огромныхъ размѣровъ, что и не удивительно, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ хоронились черемисы почти 300 лѣтъ, считая со времени основанія поселенія, которое, по преданію, современно покоренію Казани.

Теперь кладбище распаханно больше чѣмъ на три четверти и чрезъ нѣсколько лѣтъ отъ него слѣда не останется. Уцѣлѣвшая площадь занимаетъ до 40 кв. сажень, покрыта мелкой порослью и валежникомъ. Присутствіе могилъ легко узнать по небольшимъ продолговатымъ углубленіямъ, идущимъ правильными рядами отъ сѣвера къ югу.

(*) Въ формулярѣ покойнаго Танаевскаго отмѣчено, что, за обращеніе этихъ черемисъ, онъ награжденъ набедренникомъ, а самъ покойный любилъ вспоминать объ этомъ случаѣ своей миссіонерской практики.

Результаты произведенных мною раскопок совсѣмъ не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя я на нихъ возлагалъ. Находки были крайне малочисленны, ничтожны и почти ничего характернаго не представляютъ.

Изъ 15 раскопанных мною вполнѣ могилъ—только 4 дали что-нибудь; въ остальныхъ, вѣроятно болѣе древнихъ, даже отъ костей остались только слабые слѣды, а присутствіе мелкхъ металлических украшеній можно было узнать по кускамъ зеленоватой и бурой ржавчины, которыя въ изломи разсыпались окончателью. Объясняю это тѣмъ, что почва необычайно жирна, состоитъ изъ чистаго чернозема на аршинъ въ глубину, а сверху прикрыта слоемъ торфа. Такая почва должна была слишкомъ много всасывать въ себя влаги и способствовать усиленному гніенію. Я, впрочемъ, не стараюсь этимъ показать, что не сдѣлалъ онѣибки при раскопкахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда раскопка могилы оказывалась напрасной: очень легко можетъ быть, что слѣдовало разрывать глубже, чѣмъ это дѣлалъ я, или углубиться вбокъ, чтобы добраться до костяка.

Спѣшу оговориться, что принадлежность костяка мужчинѣ или женщинѣ я опредѣляю главнымъ образомъ по найденнымъ подлѣ костей украшеніямъ, а потомъ уже по тазовымъ костямъ и теменному шву, который на мужскомъ черепѣ не столь рѣзко очерченъ, какъ на женскомъ.

Могилка 1-я. Женскій костякъ на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ четвертей, ногами въ югу. Правая рука загнута къ подбородку, лѣвая вытянута вдоль остова. Ниже локтя лѣвой руки порядочно сохранившаяся трубка безъ чубука. По крайямъ остова въ изобиліи орѣхи. Слѣдовъ колоды или гроба нѣтъ ни малѣйшихъ, но трупъ видимо былъ обложенъ плоскими каменными плитами совершенно закрывшими костякъ. Черепъ отъ случайнаго удара заступомъ развалился, потому что разрыхлялъ въ высшей степени. Нижнія конечности и кисти рукъ сгнили безъ слѣда, почему смѣрить длину костяка не оказалось возможности. Тамъ и сямъ въ землѣ попадались зеленоватые куски безформенной ржавчины: признакъ, что на трупѣ были мѣдныя украшенія. Орѣхи однако положительно указываютъ, что тутъ погребена была женщина.

Могилка 2-я. Женскій остовъ на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина. Длина 30 вершковъ. Скелетъ обращенъ сильно раздвинутыми ногами къ югу. Черепъ лежитъ на правомъ вискѣ; руки

вдоль туловища. По ту и другую сторону черепа двѣ круглыя, архаической формы, мѣдныя серьги съ бусинами; по стилю онѣ напоминаютъ носимыя доселѣ вотячками. Подъ кистью лѣвой руки небольшой ножъ; тутъ же большая мѣдная булавка, при помощи которой укрѣпляется обыкновенно на груди *ширмад*,—мѣдное подковообразное украшеніе, носимое женщинами. На указательномъ пальцѣ правой руки серебряный перстень съ непонятной фигурой, видимо старинной работы. На груди довольно большая пронизка, по опредѣленію профес. А. А. Штукемберга—изъ нефрита. Нѣсколько ниже—мѣдная пряжка отъ *ширмад*. Всюду въ изобиліи орѣхи. Сохранились слѣды тонкой липовой колоды, а въ головахъ и ногахъ кромѣ того—толстыя сосновыя доски. Быть можетъ обрубокъ липы, назначенный для колоды, оказался *дуплянымъ*, т. е. съ выгнившей серединой; такимъ образомъ голова и ноги трупа выставлялись бы изъ колоды наружу; во избѣжаніе этого пришлось поставить гдѣ слѣдуетъ стоймя сосновыя доски.

Могилы 3-я. На глубинѣ одного аршина женскій скелетъ, длиною 30 вершковъ, въ несоразмѣрно узкой и длинной (до 40 в.) сосновой колодѣ, сохранившейся вмѣстѣ съ крышкою, которая видимо была пришита лыкомъ въ двухъ мѣстахъ. Черепъ лежитъ на правомъ вискѣ, но шея покойника еще живо, отъ старости или уже по смерти отъ тѣсной колоды, была согнута до такой степени, что два позвонка оказались выше черепа. Руки вдоль туловища. Ноги сильно стиснуты, и кости такъ плотно вошли въ полугнилую колоду, что только съ извѣстнымъ усиліемъ можно было ихъ оторвать. Лѣвая лопатка острымъ угломъ такъ засѣла въ деревѣ. Около рукъ и головы въ изобиліи орѣхи. На среднемъ пальцѣ правой руки мѣдное кольцо съ печатью, которая отвалилась при дрикосновеніи. Нѣсколько выше тазовыхъ костей—пряжка отъ *шаркамд*. Черепъ бѣлый. Челюсти совершенно беззубы. Съ боковъ, въ головахъ и ногахъ, зачѣмъ-то досчатыя стойки. Нельзя не замѣтить, что способъ погребенія, если не варварскій, то крайне небрежный (*).

(*) Небрежность эта, впрочемъ, дѣлается легко понятной, если припомнимъ страхъ предъ мертвецомъ, присущій всемъ инородцамъ вообще. Разъ человѣкъ умеръ, онъ, по понятіямъ черемисъ и вотяковъ, обра-

Могилы 4-я. Мужской скелетъ, длиною 30 вершковъ, ногами обращенный въ югу, обнаруженъ на глубинѣ 1 аршина. Слѣдовъ колоды—ни малѣйшихъ. Черепъ на правой вискѣ. Подлѣ вѣсти лѣвой руки — ноचेдекъ архаической формы изъ цѣльнаго желѣза и большой ножъ съ слѣдами кожанныхъ ноженъ. Въ ногахъ справа — топоръ старинной формы, съ дубовымъ топорищемъ, доходившимъ до кисти правой руки. По малому количеству зубовъ въ обѣихъ челюстяхъ трудно, думаю, судить о возрастѣ погребеннаго тутъ черемисина.

Вотъ и все, что удалось мнѣ найти въ теченіе непрерывныхъ двухдне ныхъ раскопокъ. Быть можетъ новыя могилы дали бы больше находокъ, но неудача отбила всякую охоту продолжать раскопки. Остальныя 11 могилъ, кромѣ плохо сохранившихся костей, ничего не дали. Одно обстоятельство только возбудило мое вниманіе: во всѣхъ этихъ могилахъ *трупъ былъ обложенъ довольно большими гладкими камнями.*

И такъ, если допустимъ возможность дѣлать выводы относительно способа погребенія у черемисъ на основаніи этихъ незначительныхъ раскопокъ, то получимъ, что:

во 1-хъ) Въ болѣе древнее время черемисы хоронили своихъ покойниковъ безъ всякой колоды или гроба въ неглубокой ямѣ, обкладывая трупъ плоскими камнями.

во 2-хъ) Иногда они даже и этого не дѣлали, опускавая покойника прямо въ могилу и засыпая землей.

въ 3-хъ) Если хоронили въ колодѣ (липовой или сосновой), то неособенно заботились, чтобы колода была впору; по видимому не стѣсняясь втискивали трупъ въ дупло, если

щается въ злобнаго духа, котораго нужно умиловлять болѣе или мѣнѣ частыми поминками. Присутствіе мертваго тѣла оскверняетъ домъ и тѣхъ, кто къ нему прикасается. По этой причинѣ черемисы и вотякъ слѣзая отдѣлаться отъ умершаго родича, кое-какъ обмываетъ его, и то не руками, а тряпкой, привязанной на длинную палку.

Могилу вотякъ и черемисы роетъ такъ, чтобы ему не приходилось вставать самому въ нее ногами: вотъ почему могилы вообще мелки.

Гробъ, обвязанный лыжами, несутъ до могилы на палкѣ, положенной на плеча двухъ носильщиковъ. У могилы ножемъ стараются вразъ перерѣзать оба лыка и въ какомъ бы положеніи гробъ ни упалъ въ могилу—его такъ и закидываютъ землей.

последнее бывало нѣсколько маловато. Иногда такая колода дѣлалась въ видѣ глубокаго борна съ крышкой, какъ это черемисы и теперь дѣлаютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ; иногда ограничивались простымъ дуломъ, часть котораго скалывалась и прикрѣплялась въ видѣ крышки; но въ последнемъ случаѣ въ годовыхъ и ногахъ ставились доски. Нахожденіе досчатыхъ стоекъ кругомъ всей могилы указываетъ на возможность особаго вида погребенія.

Во всякомъ случаѣ нужно ждать новыхъ раскопокъ въ черемисскихъ мѣстностяхъ, чтобы принять эти выводы вполне.

О ЧАЛЛЫНСКОМЪ ГОРОДИЩѢ

ВЪ ЛАНШЕВСКОМЪ УѢздѢ, БЛИЗЪ ДЕР. ЧАЛЛЫ, ШУМБУТКОЙ ВОЛОСТИ.

(Сообщеніе члена-сотрудника, муллы д. Кугарчина Мухамедзяна Биккинина Зайтова).

Изъ книги, напечатанной въ Казани въ 1877 году, сочиненія г. Шпилевскаго, видно, что по дзорнымъ книгамъ 1619 года значится: „По указу.... ѣздилъ изъ Казани Григорій Кузьминскій по Зюрейской дорогѣ на пустошь, что бывало Чаллынское городище на рѣчкѣ Чаллынской, вверхъ Мамы рѣчки... Приѣхавъ на пустошь, взялъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей деревень Шихазды, Пимерь, Мослякъ, Біюртъ (Скиюртъ), Верхнихъ Чалловъ новыхъ и Нижнихъ Чалловъ и тѣми людьми дозналъ про тое пустошь, что бывало изстаря Татарское городище и отъ Казанскаго взятъя стоять впусѣтъ“.

Но вполсѣдствіи, по справкамъ г. Невоструева, этого городища неказалось. Точно также и въ настоящее время о мѣстоположеніи этого города пишутъ разнорѣчиво.

Живя въ д. Кугарчинѣ и зная всѣ ближайшія къ этому селенію мѣстности, я имѣю возможность разъяснить эти недоразумѣнія.

Чаллынское городище находится близъ д. Чаллы (Тябердина), на лѣвомъ берегу р. Шумбута, которая въ прежнее время называлось Чаллою. Сѣверо-западная и сѣверо-восточная стороны этого городища окружены дугообразно тремя валами и двумя заключающимися между ними рвами. Ширина рововъ—4 сажени, глубина ихъ—3; длина валовъ съ сѣверо-западной стороны—60, а съ сѣверо-восточной—80. На юго-востокѣ городище примыкаетъ къ глубокому и безводному оврагу, а на юго-западѣ—круто обрывается къ до-

лишь р. Шумбута, поросшей рѣдкими и низкорослыми кустарниками. Длина городища съ этой стороны—65 сажень. Внутренность городка—ровное распаханное поле, на которое можно въѣхать черезъ ворота, сдѣланные въ валахъ съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ.

По преданіямъ старыхъ лѣтъ, къ юго-востоку отъ городища, за оврагомъ, находилось селеніе, т. е. городскія постройки, а за валами стоялъ ханскій домъ и разныя казенныя зданія. Въ прежнее время на мѣстѣ селенія много находили глиняной посуды, кирпичей, стекла, татарскихъ монетъ и другихъ признаковъ жительства.

Сажень за 100 отъ городища къ сѣверу, среди распаханнаго поля, есть старинное кладбище, занимающее около $\frac{1}{4}$ десятины. Могильныхъ камней на немъ нѣтъ, но слѣды могилъ замѣтны. По сказаніямъ стариковъ, при ихъ правдѣхъ кладбище это занимало до 4-хъ десятинъ.

Подъ городищемъ, въ рѣкѣ Шумбутѣ, находимы были прежде обдѣланные въ треугольную и четырехугольную форму бѣлыя каменные плиты. Одинъ Чаллынский татаринъ вытащилъ изъ воды этихъ камней такъ много, что сложилъ фундаментъ дома и погребъ. По его словамъ, камни надъ водою были поставлены такъ складно и ровно, что между ними не проходилъ никакой рабочей инструментъ и приподнимать ихъ можно было только снизу, посредствомъ лома. Всѣ видавшіе эти камни утверждаютъ, что они были не самородные, а обдѣланные.

Кромѣ того, лѣтъ шесть тому назадъ, противъ городища три раза находили по куску чистаго воска: каждый изъ нихъ вѣсилъ по 3 фунта и имѣлъ форму кирпича; объ этомъ мнѣ рассказывалъ Кучуковскій татаринъ, купившій этотъ воскъ.

Описанное мною Чаллыское городище татары здѣшней стороны называютъ *Кала-тау*, т. е. городская гора.

По рассказамъ татаръ, городъ Чаллы построенъ былъ казанскимъ ханомъ въ самомъ центрѣ Ногайской дороги, т. е. дороги изъ Казани къ ногайскому хану, жившему около Мензелинска. Устроивъ для защиты отъ ногайцевъ городъ Чаллы на этой дорогѣ, по имени которой и весь здѣшній край сталъ называться Ногайской дорогой,—казанскій ханъ поставилъ здѣсь одного человѣка *бесмъ*, т. е. губернатормъ. Черезъ нѣкоторое время г. Чаллы очень усилился,

стать многолюднѣе и богаче; одинъ изъ бесѣе его—Хаджи или Гази Гирей—рѣшился поэтому отдѣлиться отъ Казани и обдѣлать себя независимымъ ханомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя ханомъ въ Чаллахъ сдѣлался Хафизъ Гирей; при немъ началась сильная война съ Казанью. На 2-й годъ войны казанскій ханъ взялъ городъ Чаллы, раззорилъ и уничтожилъ его до конца, а Хафизъ-Гирей съ семействомъ своимъ бѣжалъ въ Бухару.

Многіе изъ жителей раззоренаго города ушли съ Хафизъ-Гиреемъ, другіе расселились на новыя мѣста и только частичка ихъ осталась на старомъ поселеніи, слѣды котораго и теперь называются Бсюртъ или Искиюртъ. Старикъ Шейхъ-Зада съ родственниками своими поселился версты за 1½ къ западу отъ бывшаго города, при безымянной рѣчкѣ, основалъ деревню, которая, по имени старика Шейхъ-Зада, стала называться Шихаздой. Слѣды этой деревни, теперь уже несуществующей, указываются на самой дорогѣ изъ д. Букаши (Котлубокаши) въ д. Кучукову, на берегу безымянной рѣчки. Близъ Шихазды, по обѣимъ сторонамъ помянутой дороги, находится старинное нераспаханное кладбище, на которомъ замѣтны слѣды могилъ.

Другой старикъ - Бе-Амиръ (Пимерь) ушелъ отъ города Чаллы версты за 4 къ юго-востоку и поселился здѣсь съ своими родственниками среди лѣсной поляны, на берегу небольшой рѣчки, основавъ такимъ образомъ деревню, которая, по имени старика Бе-Амара, равно какъ и рѣчка, стала прозываться Пимерью. На этой рѣчкѣ, до сихъ поръ называющейся Пимерью, и въ настоящее время указываются ясныя слѣды находившейся здѣсь въ старину д. Пимери. Съ 1875 года это мѣсто стали распахивать, а до того времени здѣсь былъ казенный сѣнокосъ.

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ основанія указанныхъ деревень, пришли сюда неизвѣстно откуда казаки и поселились на мѣстѣ пыпыпяго Казаклара (Мамлы Казакова). Они стали обижать жителей Иски-Юрта, Шихазды и Пимери. Посовѣтовавшись между собою, населеніе этихъ трехъ деревень откочевало отсюда по казанской дорогѣ версты за 60 и поселилось по берегамъ р. Мешы, основавъ селенія подъ тѣми же именами. По этой-то причинѣ и не оказалось впоследствии около д. Чаллы этихъ трехъ деревень, упомянутыхъ въ дозорныхъ книгахъ 1819 года.

Кромѣ того, въ дозорныхъ книгахъ 1619 года ошибочно сказано, что „городище Чаллы находится на рѣчкѣ Чаллынской—вверхъ Мамы рѣчки“,—такъ какъ Мама рѣчка, протекающая по границѣ Лайшевскаго и Мамадышскаго уѣзда, находится значительно выше городища и впадаетъ не въ Чаллу, а въ Машлякъ, и притомъ не близъ д. Чаллы, а въ срединѣ между деревнями Казакларомъ и Чурапемъ (Вокчураевы Челны).

Что касается показанія Казанской писцовой книги 1648 года о мѣстонахожденіи д. Чаллы на берегахъ рѣчки Сулы, въ послѣдствіи пенальной,—то необходимо замѣтить, что тамъ дѣйствительно въ старые годы была маленькая рѣчка Сула, впадающая въ Шумбутъ или—по древнему—Чаллу, но она высохла и въ настоящее время представляетъ безводный оврагъ.

Такимъ образомъ измѣненіями въ именахъ рѣчекъ и деревень и другими перемѣнами, вполне объясняется, почему много ошибаются и путаются писатели.

Городъ Чаллы былъ построенъ на самомъ высокомъ и веселомъ мѣстѣ, съ котораго видно въ настоящее время до 10 деревень.

Къ югу отъ города Чаллы, верстъ за 30, за Камой былъ еще городъ *جوگه نالو* т. е. Джуге-Тау (липовая гора) или Жукотинъ. Ниже Джуге Тау верстъ на 10, на правомъ берегу Камы, я знаю еще городище Туба-Тау. Но подробности о городищахъ Джуге-Тау и Туба-Тау и о деревнѣ Кріушѣ Кубердеевой сообщу будущимъ лѣтомъ, послѣ осмотра на мѣстѣ, въ натурѣ.

Представляю при этомъ полированный клипъ изъ дикаго камня, найденный мною на Чаллыскомъ городищѣ, а равно и чугунное ядро, выпавшее тамъ-же года три тому назадъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаю, что подъ городищемъ, внизу, есть ключъ, называемый Аулія-Чяшма, т. е. святой ключъ. Говорятъ, что его водою пользуются многіе больные татары; человекъ три лично мнѣ рассказывали о своемъ пользованіи ею.

Кромѣ того я представляю при этомъ сдѣланный мною планъ Чаллынскаго городища. Изъ него гг. сочлены могутъ понять то, что не выяснилось изъ моего описанія. Прошу извинить меня за недостатки рѣчи: я пишу не на родномъ языкѣ.

О Д Н О И З Ъ Д Р Е В Н И Х Ъ Б У Л Г А Р О - Т А Т А Р С К И Х Ъ Г О Р О Д И Ц Ъ

В Ъ Т Е Т Ю Ш С К О М Ъ У Ъ З Д Ъ .

Члена-сотрудника *Е. Т. Соловьева.*

Городище, котораго касается настоящій рефератъ, находится въ дачахъ с. Чудовки (извѣстнаго также подъ именемъ Колунца и Архангельскаго), Тетюшскаго уѣзда Казанской губерніи, Пролейкашинской волости,—и, по имени самого села, и городокъ называютъ Чудовскимъ. Онъ лежитъ на юго-востокъ отъ упомянутаго села, въ 4 верстахъ. Населенныя мѣста лежатъ отъ городища въ слѣдующемъ разстояніи:

	С Ъ С Ъ В Е Р А .	<i>Сколько верстъ.</i>
С. Чудовка (русскіе)	. . . . .	4
Д. Бизяевка (русскіе)	. . . . .	3
Г. Тетюши (русскіе и татары).	. . . . .	6
	С Ъ З А П А Д А .	
Д. Большое Нечасово (русскіе)	. . . . .	5
— Малое Нечасово (русскіе)	. . . . .	9
— Удѣльное Нечасово (русскіе)	. . . . .	6½
	С Ъ Ю Г А .	
Д. Богдашкина (чуваши).	. . . . .	8
— Пролейкаши (русскіе и чуваши).	. . . . .	8
— Юматовское городище.	. . . . .	11

Съ востока къ городищу прилегаеть р. Волга въ разстояніи $5\frac{1}{2}$ верстъ.

Урочищами городища служатъ: къ сѣверозападу, въ верстѣ, старое сельбище, извѣстное у крестьянъ подъ именемъ *Чирбыша*, *Чирбаша* и *Чюрбаша*. На мѣстѣ этого сельбища весьма хорошо замѣтны слѣды бывшихъ построекъ. Дорога между этимъ сельбищемъ и городищемъ называется *городковою*. Къ югозападу отъ этой дороги, противъ нея, идутъ двѣ проселочныя дороги, изъ которыхъ ближайшая къ городищу называется дорогою *Забубькова*, а дальнѣйшая *Связкова*. По дорогѣ отъ городища къ Чудовѣ, на сѣверо-западъ отъ него, въ 2-хъ верстахъ находится плоская возвышенность подъ именемъ *Одинцова бугра*. Нѣкоторые крестьяне Чудовки объясняютъ, что три послѣднія названія—суть имена старинныхъ владѣльцевъ земли. Далѣе, на западъ, въ 2 верстахъ отъ городища и въ 2 же верстахъ отъ Чудовки находится старое татарское сельбище, имени котораго крестьяне не помнятъ. Дорога къ этому сельбищу (гдѣ ясно видны слѣды построекъ), идущая отъ Чудовки на юго-востокъ, даже почти прямо на югъ, называется *татарскою*.

Овраги, окружающіе городище съ востока, запада и юга—носятъ названія не всѣ, а лишь восточный и западный. Первый называется *нищенскимъ*, второй—*стрѣлкой*.

Городище лежитъ на ровной площади, окруженной со всѣхъ сторонъ, кромѣ юго-восточной, юго-западной и южной; на пространствѣ не менѣе 40 десятинъ, лѣсомъ; съ упомянутыхъ же сторонъ городища находятся описанные овраги, глубина которыхъ достигаетъ до 15 сажень.

Величина площади городища, ограниченной валомъ, равняется $4\frac{1}{2}$ десят. или 9,900 квад. саженамъ, а окружность ея составляетъ 300 сажень. Форма площади представляеть собой правильный кругъ. Площадь имѣеть поверхность ровную, сохраняемую подъ посѣвъ. Она лежитъ надъ уровнемъ р. Волги на высотѣ не менѣе 60 сажень.

Укрѣпленія, охватывающія площадь ивнѣ, являютъ въ видѣ сплошнаго вала длиною въ 360 саж., шириною 5 саж., высоту 2 саж., и рва, сохранившагося мѣстами до 5 саж. ширины и до 3 саж. глубины. Этотъ ровъ устроенъ вокругъ западной, сѣверной и восточной сторонъ вала и до-

ходилъ до овраговъ, при которыхъ онъ и теперь довольно глубоко.

Валъ плотно примыкаетъ къ площади, а параллельно ему идетъ и ровъ, который по длинѣ своей достигаетъ 220 сажень.

Входъ городище, какъ можно судить по сохранившемуся отчасти мѣстами валу, имѣло одинъ—съ юга.

Кургановъ около городища нѣтъ. По площади его встрѣчается разбросаннымъ тамъ и сямъ известковый плитнякъ, который крестьяне выпахиваютъ и изъ земли. Этотъ плитнякъ быть можетъ указываетъ на слѣды бывшихъ въ укрѣпленіи построекъ, тѣмъ болѣе, что каменныхъ породъ въ окружающей мѣстности не встрѣчается.

Въ оврагахъ съ восточной и западной сторонъ городища находятся два ключа, у которыхъ были, по словамъ крестьянъ, съ давняго времени кѣмъ-то устроенныя колодцы, срубы отъ которыхъ теперь растасканы на топливо.

Современный видъ укрѣпленій представляетъ собой значительное разрушеніе ихъ, но по существующимъ остаткамъ все таки есть полная возможность возстановить первоначальную форму городища.

Относительно преданій, сохранившихся въ народѣ о названіи и историческомъ значеніи городища, должно сказать лишь одно, что нѣкоторые изъ стариковъ с. Чудовки называютъ городище *татарскимъ*.

Историческихъ данныхъ о городищѣ не встрѣчается и въ археологической литературѣ описанія его нѣтъ.

Относительно находокъ въ городищѣ должно упомянуть, что въ 1879 году была найдена въ немъ, во время пашни, желѣзная палка, толщиною въ $\frac{3}{4}$ дюйма, длиною въ сажень, съ острымъ концомъ и загнутая у другого конца на 2 вершка подъ прямымъ угломъ. Она хранится у одного изъ Чудовскихъ крестьянъ. Не представляетъ ли эта палка потерянный щупъ какого-нибудь владѣльца?

Время возникновенія городища неизвѣстно, но оно—судя по близости къ нему остатковъ двухъ упомянутыхъ сельбищъ, татарскаго и чувашскаго, съ названіемъ *Чирбышъ* (Чирбашъ,¹ Чурбашъ), и другимъ даннымъ—должно быть отнесено ко времени задолго до покоренія Казанскаго царства. А что описываемое городище было татарское, на это, по моему мнѣнію, указываетъ древнее кладбище, описанное И. А.

Износковымъ и лежащее на югъ отъ него въ 11 верстахъ, въ 300—350 саж. отъ с. Урюма (жители русскіе и мордва) къ дер. Богданыной⁽¹⁾ (жители чуваша),—гдѣ одна надпись, приводимая С. М. Шилевскимъ, говоритъ, что на этомъ кладбищѣ былъ похороненъ одинъ татаринъ въ 1325 г. по нашему счисленію⁽²⁾.

Чудовское городище, въ отношеніи Юматовскаго, могло представлять собой съ сѣверо-запада передовое укрѣпленіе.

Что касается историческаго значенія описываемаго городища, то, насколько можно судить по мѣстности, на которой оно лежитъ, есть возможность допустить предположеніе, что роль его заключалась въ службѣ въ качествѣ наблюдательнаго военнаго поста и хорошаго стратегическаго пункта.

⁽¹⁾ Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. Универ. за 1879 г., стр. 103.

⁽²⁾ Древ. города и друг. буд.-татар. памят. Каз. губ. С. М. Шилевскаго, 1877 г., стр. 324.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДАНІЙ

ЧУВАШЕЙ И ТАТАРЪ

ЧЕБОКСАРСКАГО УѢЗДА

Казанской губерніи (*).

(Записаны отъ разныхъ лицъ чувашскаго обла Тюркхемы Максимомъ Петровымъ Арзамаровичемъ).

Торъ-ханъ.

Назадъ тому около тысячи лѣтъ жила среди чувашей Торханы; Торханъ—значитъ великій, степенный, праведный человекъ. Ихъ выбирала народомъ для совершенія правосудія; весь народъ подчинялся ихъ волѣ. Избирали обыкновенно одного на весь народъ. Торханы строго наказывали провинившихся, а сами должны были учить народъ правдѣ и заставлять приносить животныя жертвы; въ началѣ же лѣта, передъ жнитвомъ, торханы обязаны были лично совершить жертвоприношеніе, въ которомъ собирался весь чувашскій народъ. И теперь это моленіе соблюдается чувашами, только сборище ограничивается не болѣе какъ двумя—тремя селеніями. Оно называется „учукъ“ или „уйчукъ“, что по русски значитъ „полевая жертва“.

По смерти торхана на его мѣсто вступалъ другой, избранный народомъ по достоинству заблагоуременно; старый торханъ училъ новаго въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ совершать молитвы.

(*) Статья доставлена въ общество гг. В. К. Магницкимъ и Н. А. Износковымъ.

Торханы жили въ разныхъ мѣстахъ, оттого во многихъ мѣстахъ и есть „торханскіе“ луга или поля. Торханское поле есть въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ сѣверу отъ села Тюрлемы; по предапію—туть торханъ воевалъ съ татарскимъ ханомъ. Причиною войны было то, что торханъ не далъ татарскому хану помощи въ войнѣ съ кѣмъ-то. Торханъ былъ убитъ татарскимъ ханомъ. Это былъ послѣдній торханъ: послѣ него торхановъ уже не было.

(Записано отъ Ивана Артамонова).

Чувашокая невѣста.

Одна чувашская дѣвица была выдана братьями силой за мужъ за черемисина. Она пѣла слѣдующую пѣсню:

Ай аттесем аннесем
Аттем аннем пулмарэте
Мана та ыр-вунзем пулмарэ
Алхах ядым потмарэ
Мерчень ядым юхмарэ
Хурын сырлы писне чух
Хурындажженчень уйрчес
Сыр сырлы писне чух
Сырденъ шывранъ уйрчес
Танды кунси усне чух
Тандышженчен уйрчес
Айхай чунсем самрок чон
Кандыр пекех усремар
Пуза пекех уйрчес
Ай аттесем аннесем
Ай пичесем ингесем
Есир мана курас сюх
Епьте сире курас сюв
Манын пусьри нухрадом
Адыл тупне саролдор
Манын умри кумул тенге
Адыл тупне сюдылдыр.

Т. е.

Ай батюшка, матушка!
(Кажь) отца—матери (у меня) не стало,
У меня не стало добрыхъ дней!

Жемчуть (въ воду) опустили, не утонуль,
Бисеръ опустили, не пошамль;
Когда созрѣли березовыя ягоды,
Отъ родственниковъ (меня) отдѣляли,
Когда созрѣла земляника,
Съ землей, водой разлучили;
Во время прозрѣванія дягилей
Отъ родственниковъ (друзей) отдѣлили.
Ахъ, душа, молодая душа!
Какъ конопля росла,
Какъ посевонь отдѣлили,
Ай батюшка, матушка!
(Одна строчка не переведена)
Вы меня не увидите
И я васъ не въ состоянїи буду видѣть.
Мои головныя нѹкратки
На дно Волги разбросайте!
Мое нагрудное серебро
Пусть свѣтитъ на днѣ Волги.

Эту пѣсню она пѣла надъ Волгой; спѣвши ее, она съ лодки прыгнула прямо въ Волгу.

(Записано отъ Ивана Агтамонова).

Основаніе города Казани.

Черемисы, Мордва, Чуваши и Болгары составляли прежде одно государство. У нихъ былъ свой князь. Столичный городъ былъ на берегу Волги, гдѣ теперь стоитъ Верхній Услонъ; тутъ жилъ болгарскій князь. Одна старуха болгарка, идучи по воду, поскользнулась, упала на камень и ушибла ногу. При этомъ она оскорбила своего князя словами: «Какой онъ князь! не нашель для столицы мѣста! дуракъ онъ! на неровномъ мѣстѣ выстроилъ городъ!». Служки объ этихъ словахъ дошелъ до князя; онъ велѣлъ доставить старуху предъ себя. Старуха повинилась князю и просила позволенія сказать слово. Князь далъ ей позволеніе и она указала, какъ на мѣсто, приличное для столицы, на лѣвобережную сторону, гдѣ теперь стоитъ городъ Казань. Князь обидѣлся, потому что считалъ это мѣсто неудобнымъ; во первый разъ было болотистое и дѣсистое, во второй — тутъ было много

страшныхъ змѣй, такъ что люди боялись туда за ягодами ходить. Старуха однако дала князю совѣтъ навовить на это мѣсто въ теченіи зимы соломы, а лѣтомъ, въ жаркое время, когда солома высохнетъ, сожечь её; съ соломой вмѣстѣ сгорятъ и всѣ змѣи, потому что въ это время онѣ всѣ соберутся на солому. Вмѣстѣ съ этимъ и лѣса прочистятся. Князю совѣтъ понравился, вмѣсто наказанія князь поблагодарилъ старуху и велѣлъ ей совѣтъ привести въ исполненіе. Завалили соломой пространство въ четыре версты и зажгли; когда пожаръ кончился, мѣсто выровняли и перевели туда городъ, давъ ему имя Хузанъ.

(Записано отъ Ив. Артамонова).

Допомненіе.—Во время сожженія соломы -- одинъ большой змѣй спустился въ воду, въ Кабанъ. Это значило, что городъ когда нибудь возьметъ непріатель, потому что они самого главнаго врага не могли убить.

(Запис. отъ татарина Вадита).

Уйпусь-киремечъ.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ 4 верстахъ отъ села Тюрлемы, которое нынѣ принадлежитъ г. Козловскому, есть сильный ключъ по имени Тимирька или Тимирчинскій; около него прежде много находили разныхъ металлическихъ вещей,—да и теперь находятся старинные кирпичные обломки. Въ настоящее время окрестность этого ключа чувашки называютъ „Уйпусь киремечъ“; оно посвящено „великой богинѣ“ (*асъ ыр*), которой чувашки молятся съ приношеніемъ въ жертву бѣлыхъ гусей,—бѣдные черезъ три года, богатые ежегодно. Уйпусь по чувашски значитъ—вершина поля; уй—поле, пусь—голова.

Завоеваніе болгаръ татарами.

Разноплеменные народы, находившіеся подъ управленіемъ болгарскаго князя, жили мирно и вели торговлю съ соседними народами. Кромѣ Казани у нихъ были и другіе города; у черемисовъ былъ свой городъ Пинчень. Неожиданно съ юговостока пришли татары и разорили ихъ до корня; несмѣтнее число болгаръ было убито; князь былъ изгнанъ, на народъ наложили дань. Сначала болгарскій князь поселился въ селѣ Болгарни, а потомъ куда болгары ушли—

неизвѣстно. Татары опустошили страну; татарскіе богатыри ходили по странѣ толпами, старыхъ убивали, молодыхъ вводили въ плѣнъ и приучали вмѣстѣ разбойничать, дѣвицъ тоже полонили или безчестили, золото, серебро и всякое добро отбирали на хана. Поэтому чуваши, черемисы и мордва разбѣжались и стали жить въ лѣсахъ, въ глухихъ мѣстахъ, по овражкамъ, куда трудно было прѣхать татарскимъ богатырямъ, ѣздившимъ обыкновенно верхомъ на лошадахъ. Избъ чуваши и черемисы тогда не строили, избу у нихъ замѣнялъ лачукъ, сдѣланный изъ лубка; лачукъ имѣлъ двѣ двери и перетаскивался съ одного мѣста на другое. Въ этомъ лачукѣ они пекли прѣсныя лепешки и хлѣбъ; зерно мололи ручными жерновами, мясо жарили на огнѣ; самую лучшую пищу у нихъ былъ медъ, который имъ было легко добывать въ тогдашнихъ темныхъ лѣсахъ.

Построеніе Казани.

По завладѣніи Казанью—татарскій царь велѣлъ каменщикамъ положить подъ крѣпость живаго человѣка, который первымъ подойдетъ къ нимъ на слѣдующее утро. Рано утромъ къ стровителямъ крѣпости подошелъ царскій сынъ: строители не осмѣлились надъ нимъ исполнить царскій приговоръ; спустя нѣсколько часовъ послѣ царскаго сына прибѣжала къ нимъ красная собака; еѣ они и положили подъ крѣпость. Во время обѣда пришелъ къ нимъ царь и спросилъ: кого вы положили подъ крѣпость? Тѣ сказали: приходилъ вашъ сынъ, мы его не осмѣлились положить подъ крѣпость; ожидали долго послѣ вашего сына, никто не приходилъ, а между тѣмъ солнце поднялось высоко. Наконецъ прибѣжала красная собака; эту собаку мы и положили. Тогда царь махнулъ рукой и сказалъ: „подъ крѣпость положили собаку—собаки и отнимутъ крѣпость; если бы вы положили моего сына, навѣки были бы цари изъ моего поколѣнія и владѣли бы надъ всѣми народами“. Тогда Угзагъ-Темиръ-ханъ сказалъ: „Надо дать городу имя Казань, чтобъ народъ кипѣлъ въ немъ, какъ вода въ котлѣ“ (*).

(Записаны отъ Валита, татарина деревни Альменової, и чувашина Ив. Артамонова, изъ села Тюрлемы).

(*) *Казань*—котель по татарски.

Убіеніе Торкана.

Темиръ-ханъ, поселившись въ Казани, потребовалъ къ себѣ торкана и болгарскаго князя. Когда они пріѣхали въ Казань, царь потребовалъ, чтобъ они со всѣмъ своимъ народомъ приняли магометанскую вѣру. По возвращеніи къ своему народу, князь болгарскій собралъ старѣйшинъ и передалъ имъ приказъ хана. Болгарскіе старѣйшины отвѣчали: „мы недавно видѣли, какъ татары безпощадно жгли наши города и селенія; можно предвидѣть, что хорошаго отъ нихъ ждать нельзя“. И рѣшили они отъ лютыхъ татаръ уѣхать до дальше. Торканъ также собралъ старѣйшинъ чувашскаго и черемисскаго народа: старѣйшины постановили отвергнуть царское требованіе. Узнавъ о томъ, Темиръ ханъ выступилъ противъ чувашей съ войскомъ. Съча была жестокая, но чувашаи и черемисы не выстояли,—они побѣжали въ лѣсъ, а торханъ былъ убитъ въ этой битвѣ. Это былъ послѣдній торханъ.

Уразмедь.

Послѣ смерти послѣдняго торкана чувашаи не имѣли покоя. Татары безпрестанно нападали на ихъ селенія, которыя чувашаи съ умысломъ строили небольшія, потому что большія селенія подвергались двумъ и тремъ нападеніямъ въ годъ. Забравъ въ селеніи все цѣнное, татары собирали народъ въ вучу, каждый татарскій воинъ выбиралъ себѣ дѣвицу, остальныхъ же или загоняли въ какой-нибудь ябаръ и сжигали или бросали въ воду. При такихъ дѣйствіяхъ они нѣкоторыхъ здоровыхъ парней уводили на службу къ царю. Иные изъ этихъ плѣнниковъ заслуживали татарскому царю; такъ, напримѣръ, одинъ плѣнникъ, по имени Уразмедь, жилъ у царя нѣсколько лѣтъ, ѣздилъ на войну при татарскомъ войскѣ и бывалъ его предводителемъ. За свою храбрость онъ получилъ отъ царя порученіе собирать кочующіе народы. Жилъ Уразмедь въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Уразмедевой, которая отъ него и имя получила. Здѣсь у него были два сада; между садами въ серединѣ были каменные дома: въ одномъ жилъ самъ Уразмедь, а въ другомъ жили солдаты; въ этотъ же домъ запирали виновныхъ. Обязанность Уразмедея состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ собирать съ народа подать и представлять ца-

рю, а также представлять ему дѣвицъ, которыхъ онъ захватывалъ силой; за это народъ не взлюбилъ и Уразмеда и царя. Однажды Уразмедъ вмѣстѣ съ царемъ уѣхалъ на войну; въ это время откуда-то пріѣхали казаки въ числѣ 375 человекъ. Узнавъ что Уразмеда нѣтъ дома, казаки напали на его дворецъ, избили все его войско и разграбили его золото и серебро. Возвратившись домой, Уразмедъ съ нѣсколькими богатырями пустился вслѣдъ за казаками, догнавъ ихъ близъ деревни Васюковой Свияжскаго уѣзда и перебилъ болѣе половины. Когда Уразмедъ и другъ его Юмашъ умерли; царь велѣлъ поставить надъ ними камни или курганы, которые стоятъ и нынѣ. Во время Уразмеда многіе чуваши приняли магометанство (*).

А Н Ч И К Ъ .

По смерти Уразмеда черезъ нѣсколько лѣтъ на его мѣсто царь поставилъ Анчика. Это былъ вроткѣй правитель. Онъ собиралъ подати со всѣхъ народовъ поровну и къ царю ѣздилъ рѣдко. Народъ былъ такъ расположенъ къ нему, что рѣшился возстать противъ казанскаго Абдуль-хана. Татарскій ханъ, узнавъ объ этомъ, послалъ людей взять Анчика и привезти въ Казань; но Анчикъ велѣлъ запереть пословъ въ пустой анбаръ и сжечь. Абдуль-ханъ пріѣхалъ самъ съ войскомъ туда, гдѣ жилъ Анчикъ, но уже не засталъ его. Анчикъ со своими участниками ушелъ въ русскому царю. Когда чуваши дошли до рѣки Москвы, часовые приняли ихъ за неприятелей и не пускали въ Москву. Чуваши, чтобъ показать свою покорность, сѣли на колѣни и, снявъ шапки, кланялись каждому русскому человѣку. Дали знать царю о пришельцахъ и царь вышелъ къ нимъ и увидѣлъ, какъ они съ покорностью кланялись. Царь спросилъ Анчика, можно ли на нихъ положиться; Анчикъ отвѣчалъ, что они не только не измѣнятъ русскимъ, но сами будутъ

(*) Въ Цивильскомъ у. есть деревня Сюнчелеера, гдѣ лѣтъ двадцать тому назадъ болѣе половины населенія были чуваши, а нынѣ тамъ и духу нѣтъ чувашскаго, жители же сосѣднихъ деревень говорятъ, что прежде всѣ были чуваши. Также въ Курмышевскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ изъ чувашей образовалось племя, которое называютъ *Мижерами*; они одежду носятъ, какъ чуваши, а говорятъ по татарски.

участвовать въ походѣ противъ татаръ и уважить дорогу; онъ даже увѣрилъ царя, что и татары будутъ рады русскимъ, потому что и между ними есть много недовольныхъ ханомъ за то, что его слуги, богатыри—воины, разбойничаютъ надъ всѣми. Тогда русскій царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ чувашамъ помогать, показывать дороги, черезъ рѣки класть мосты. Отправивъ съ Анчикомъ отрядъ русскаго войска, царь съ большимъ войскомъ пошелъ по луговой сторонѣ. Прибывъ на родину, Анчикъ велѣлъ чувашамъ собирать съѣстные припасы; которые не боялись, принесли съ радостью; другіе отъ страха по прежнему оставались въ лѣсахъ. Русское войско три года лежало къ востоку отъ деревни Анчиковой въ Чебоксарск. уѣздѣ. Изъ того мѣста, гдѣ лежало это войско, бѣловолжскій крестьянинъ вывезъ три воза золота, серебра и жѣди, которые онъ нашелъ во время пахоты.

(Записаны отъ тѣхъ же лицъ).

О сообщеніяхъ а) члена-сотрудника Е. Т. Соловьева: „Одна изъ древнихъ болгаро-татарскихъ крѣпостей въ Тетюшскомъ уѣздѣ“ и б) члена-сотрудника В. М. Нохратскаго: „О нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ въ окрестностяхъ с. Дигитлей“.

Дѣйствительнаго члена **И. А. Износкова.**

Членъ-сотрудникъ *Е. Т. Соловьевъ* въ прошедшемъ году сообщилъ Обществу: „О болгарскомъ городищѣ на Юматихѣ въ Тетюшскомъ уѣздѣ“. Это сообщеніе было прочитано мною въ Общемъ Собраніи гг. членовъ Общества 17-го марта 1881 года. По прочтеніи сообщенія—я заявилъ въ томъ же Собраніи, что желательно было бы имѣть подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ памятникахъ старины, находящихся въ той же мѣстности, гдѣ находится городище Юматиха,—въ мѣстности простирающейся отъ г. Тетюшъ до с. Урюма и прилегающей къ правому берегу р. Волги. При этомъ я перечислилъ также и тѣ сосѣдніе съ городищемъ на Юматихѣ памятники, о которыхъ упоминается въ книгѣ С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“ и въ составляемыхъ мною „Замѣткахъ о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи и о встрѣчающихся въ нихъ находкахъ“ (*). Хотя я не привожу точныхъ указаній мѣстоположенія разныхъ городищъ и не дѣлаю подробнаго описанія имъ, но, несмотря на эти несовсѣмъ точныя, а мѣстами, можетъ быть, даже и не вѣрныя указанія въ замѣткахъ,—я вмѣстѣ съ тѣмъ дозволилъ себѣ сдѣлать приведен-

---

(*) Часть этихъ замѣтокъ напечатана въ Извѣстіяхъ Общества т. II стр. 105 и часть представлена въ Совѣтъ Общества для напечатанія въ III т. Извѣстій Общества (см. выше стр. 73).

ное мною выше заявленіе по поводу сообщенія Е. Т. Соловьева о городищѣ на Юматихѣ, потому что, послѣ тѣхъ археологическихъ изслѣдованій въ Казанской губерніи, которыя были уже предпринимаемы нѣкоторыми изъ гг. членовъ Общества, мнѣ казались недостаточно полными тавія сообщенія, въ которыхъ приводится описаніе внѣшняго вида одного только какого нибудь городища. Въ представленномъ мнѣ сообщеніи Е. Т. Соловьева: „Одна изъ древнихъ булгаро-татарскихъ крѣпостей въ Тетюшскомъ уѣздѣ“, въ подробному описанію Чудовскаго городища, которое онъ называетъ булгаро-татарскою крѣпостью, приложены: планъ этого городища и планъ части уѣзда отъ г. Тетюшъ до с. Урюма (*). На этомъ послѣднемъ планѣ, какъ кажется, довольно точно указаны, кромѣ Чудовскаго городища, слѣдующія урочища: Чирбашъ или Чирбыши, Одинцовъ бугоръ, старое сельбище, городище Юматиха и древнее кладбище близъ с. Урюма. Этотъ планъ можетъ, намъ кажется, принести свою долю пользы тому изслѣдователю, который пожелалъ бы подробно познакомиться съ этою любопытною въ археологическомъ отношеніи частью Тетюшскаго уѣзда; но нельзя не замѣтить, что планъ принесъ бы еще болѣе пользы, если бы членъ-сотрудникъ Е. Т. Соловьевъ имѣлъ достаточно времени на подробное ознакомленіе съ внѣшнимъ видомъ всей снятой имъ на планъ части уѣзда и если бы онъ показалъ на планѣ: размѣры древняго жилища на мѣстѣ г. Тетюшъ, Бородинскій рынокъ, урочище Юрмалку, яму у Студенаго ключа, урочище Долкова, старое жилища въ с. Чудовѣ, овраги: Конный, Пирей-лей и пр. Предположенія, высказанныя Е. Т. Соловьевымъ объ описанномъ имъ Чудовскомъ городищѣ, что оно „должно быть отнесено ко времени задолго до покоренія казанскаго царства“, что городище это татарское, потому что находящееся въ 11 верстахъ отъ него Урюмское кладбище принадлежало татарамъ, и что роль городища, „какъ можно судить по мѣстности, на которой оно лежитъ, заключалась въ службѣ въ качествѣ наблюдательнаго военнаго поста и хорошаго стратегическаго пункта“— едва ли не могутъ быть названы успѣшными, потому что онъ же въ своемъ сообщеніи говоритъ, что современный видъ

(*) Упоминаемые планы хранятся въ портфеляхъ Общества.

уврѣпленій городища „представляет собой значительное разрушеніе“ и что находокъ, кромѣ одной желѣзной палки, представляющей собою „потерянный щупъ какаго нибудь кладоискателя“, въ городищѣ не попадалось... Болѣе правдоподобныя предположенія относительно городища могутъ быть сдѣланы, конечно, только послѣ тщательныхъ археологическихъ изысканій во всей мѣстности, гдѣ лежитъ городище.

Разсмотрѣвши сообщеніе Е. Т. Соловьева, согласно его желанію, и доложивъ о содержаніи этого сообщенія настоящему Общему Собранію гг. членовъ, я долженъ сказать, что, какъ описаніе Чудовскаго городища, о которомъ раньше нигдѣ не упоминалось, такъ и приложенные къ этому описанію планы, — даютъ довольно точное понятіе о мѣстѣ нахожденія городища и объ окружающихъ его урочищахъ. Чѣмъ болѣе такихъ описаній и плановъ будетъ поступать въ Общество, тѣмъ скорѣе, мнѣ кажется, можно будетъ приступить къ составленію археологической карты Казанской губерніи.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію сообщенія, поступившаго отъ члена-сотрудника *В. М. Нохратскаго*: „О нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ въ окрестностяхъ с. Дигитлей“ — имѣю честь доложить, что въ сообщеніи этомъ приводятся описанія памятниковъ старины, находящихся въ той части Мамадынскаго уѣзда, на которую было обращено уже вниманіе гг. членовъ Общества членомъ-сотрудникомъ Е. Т. Соловьевымъ въ его сообщеніи: „Гдѣ былъ древній болгарскій городъ Керманчукъ?“ (*) Памятники, описываемые г. Нохратскимъ, какъ видно изъ представляемаго при этомъ плана, находятся не далеко отъ селеній Кирменей, около которыхъ предполагается мѣстопахожденіе древняго Керманчука. Памятники эти расположены около с. Дигитлей и приходской къ нему деревни Бувеней. Къ западу отъ Дигитлей, за оврагомъ, на довольно возвышенномъ мѣстѣ, находятся крестьянскія гумна; на этихъ гумвахъ попадаются нагробные камни съ арабскими надписями. Очень легко можетъ быть, что эти камни перенесены сюда крестьянами съ другаго мѣста,

(*) Прочитанъ въ XV Об. Соб. 16-го октября 1880 года.

потому что и теперь они переносят ихъ съ мѣста на мѣсто, счищаютъ съ нихъ надписи и употребляютъ для подставокъ подъ клады хлѣба. Членомъ-сотрудникомъ Нохратскимъ были святаы надписи съ двухъ камней и снимки были представлены черезъ меня въ Музей Общества. За гумнами, вдоль по возвышенію, простирающемуся надъ оврагомъ, расположенъ рядъ небольшихъ круглыхъ и продолговатыхъ углубленій засыпанныхъ камнями, а дальше, саженьхъ въ 50-ти къ сѣв.-зап., крестьяне указываютъ распахиваемую ими подъ посѣвы мѣстность, на которой, по словамъ ихъ, было татарское жилище; на немъ прежде находили цѣпи и черепки разбитой посуды. Далѣе къ югу, въ верстѣ отъ с. Дигитлей, поперекъ такъ называемой стрѣлки, образуемой развѣтвленіемъ оврага, идутъ ровъ и валъ: это такъ называемое городище, которое крестьяне называютъ иногда „чертовымъ городищемъ“. О немъ и о разбойникахъ, которые въ немъ, будто-бы, когда-то жили—у Дигитлинскихъ крестьянъ сохранилось нѣсколько преданій, которыя и приводить въ своемъ сообщеніи г. Нохратскій. Одно изъ такихъ преданій сходно съ преданіемъ о Елабужскомъ чертовомъ городищѣ. На сѣверъ отъ села оврагъ, идущій отъ городища, соединяется съ другимъ, называемымъ „Подвишневымъ“, а съ этимъ послѣднимъ соединяется оврагъ, называющійся „Елабугой“. Названіе послѣдняго оврага и преданіе объ основаніи городища, сходное съ Елабужскимъ, можетъ быть, указываетъ на то, что жители с. Дигитлей выходцы изъ Вятской губерніи. Быть можетъ на это указываетъ также приводимый г. Нохратскимъ списокъ словъ, составляющій особенность говора дигитлинскихъ крестьянъ... Во всякомъ случаѣ, дигитлинскіе крестьяне считаютъ себя откуда то выселившимися: рассказываютъ, что одинъ изъ первыхъ переселенцевъ засталъ небольшой рядокъ домовъ въ мѣстности, представляющей уголь, ограниченный съ одной стороны—городищенскимъ оврагомъ, а съ другой—оврагомъ, который проходитъ поперекъ села Дигитлей и носитъ названіе „луки“. Жители этого небольшого селенія были татары.

На юго-востоку, противъ деревни Букепей и противъ оврага, по которому протекаетъ рч. Якинва, находится мѣстность, распахиваемая подъ посѣвы и называемая „жилищемъ“, а отъ нея по горѣ, по другую сторону рч. Якинки, указываютъ старинную дорогу, слѣды которой и въ настоящее вре-

мя еще видны. Говорятъ, что эта дорога шла изъ жилища въ Кермени (т. е. можетъ быть въ городъ Керманчукъ). На жилищѣ, кромѣ массы глиняныхъ черепковъ, находятъ цѣльные глиняные сосуды, цѣпи, топоры, ножи и наконецъ наконечники копій. Членомъ-сотрудникомъ Нохратскимъ доставлено нѣсколько каменныхъ и желѣзныхъ орудій, найденныхъ на жилищѣ и въ его окрестностяхъ, а къ сообщенію приложены рисунки тѣхъ вещей, которыя онъ не имѣлъ случая приобрѣсти.

Всѣ упоминаемые древніе памятники, подробно описанные въ сообщеніи г. Нохратскаго, я имѣлъ возможность осмотрѣть въ маѣ мѣсяцѣ прошедшаго года. Гумно съ надгробными камнями, такъ называемый „камешникъ“, и оба татарскихъ жилища я обошелъ вмѣстѣ съ г. Нохратскимъ и издали съ горы видѣлъ мѣстность, называемую чертовымъ городищемъ.

Въ такомъ же почти разстояніи, какъ и с. Кермени, находится отъ с. Дигитлей большое селеніе Омары, съ Омарскимъ починкомъ, гдѣ также находится уже распаханная мѣстность, называемая „кереметь“; вещи найденныя здѣсь учениками омарскаго двухкласснаго училища были уже представлены мною въ Музей Общества. Кромѣ того, въ маѣ мѣсяцѣ, отъ учителя того же училища г. Фадѣва, мною были получены, найденныя въ урочищѣ кереметь и въ окрестностяхъ деревни Березовки, разныя бронзовыя вещи.

Заканчивая свое сообщеніе, я позволю себѣ повторить высказанное уже мною въ Замяткахъ (*) мнѣніе, что мѣстность, на которой находятся села Кермени, Дигитли, Омары, Сибенеса съ ихъ приходскими деревнями, заслуживаетъ болѣе подробнаго изслѣдованія, при которомъ она, вѣроятно, представитъ много интереснаго въ археологическомъ отношеніи. Въ этой же мѣстности находится дер. Бақырла, въ окрестностяхъ которой, судя по названію и по сохранившемуся преданію въ народѣ, находились мѣдныя копи.

(*) Изв. Общ. Т. II стр. 103-104.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О

СЕЛЪ ЯМБУХТИНЪ,

ТЕТЮШСКАГО УѢЗДА

Казанской губерніи.

Члена-сотрудника Е. Т. Соловьева.

Недавно я услыхалъ отъ татаръ Тетюшскаго уѣзда, что, по преданію, нынѣшнее русское село Ямбухтино, того же уѣзда, было древнимъ татарскимъ городомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Ямбухта* (такъ и теперь называютъ татары село Ямбухтино); татары сообщаютъ также преданіе о томъ, что городъ имѣлъ у себя 1400 домовъ. При этомъ они указываютъ на бывшее у того же города кладбище, находящееся въ сѣверовосточной сторонѣ, во 100 саж. отъ дер. Большихъ Атрясь и въ 2½ вер. отъ нынѣшняго с. Ямбухтина (прежняго мѣста города) по прямому пути отъ этого села къ упомянутой деревнѣ. Одинъ изъ муллъ, что подтверждаютъ и мѣстные гг. исправникъ и становой приставъ 1-го стана, на одной арабской подписи (ихъ много на плитахъ кладбища) прочелъ имя магометанскаго святаго, и потому татары окопали мѣсто кладбища, перестали его распахивать и перевели на другое мѣсто лежавшую черезъ него дорогу. По временамъ татары на мѣсто кладбища собираются молиться. По словамъ татаръ и мѣстнаго становаго пристава, послѣ дождя, въ мѣстности, гдѣ лежитъ кладбище находятъ много древней глиняной посуды и древнихъ татарскихъ монетъ, изъ которыхъ одну мѣдную мнѣ удалось видѣть. Около с.

Ямбухтина, какъ говорятъ татары, есть городища, а по дороге отъ этого села къ д. Большимъ Атрясамъ и курганы. По преданію сообщаютъ также, что когда татары, населявшіе городъ Ямбухта, не хотѣли повиноваться русскимъ, то пришли войска послѣднихъ и большая часть жителей бѣжала въ нынѣшній Спасскій уѣздъ Казанской губерніи, образовавъ тамъ новыя селенія и сохранивъ имя города, а потомъ городъ Ямбухта сталъ заселяться русскими. Добавляютъ еще, что населеніе (татарское) деревень Большіе и Малые Атрысы выходцы изъ г. Ямбухта; а жители—татары деревень Большіе и Малые Булгары представляютъ собой выходцевъ изъ древняго города Булгара, бѣжавшихъ оттуда послѣ послѣдняго похода на него русскихъ.

Весною я надѣюсь объ упомянутыхъ здѣсь древнихъ поселеніяхъ уѣзда собрать на мѣстахъ подробныя свѣдѣнія и представить ихъ на благоусмотрѣніе Общества.

ОСТАТКИ ДРЕВНОСТИ
ВЪ С. УСТЬ-НАБЕРЕЖНОМЪ УВЪКѢ,
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ И УЪЗДА (*).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ГОРДІЯ СЕМЕНОВИЧА САБЛУКОВА

(составленный въ 1846-мъ году).

Въ Саратовѣ объ Увѣкѣ — когда рѣчь о немъ бываетъ въ историческомъ или археологическомъ отношеніи — говорятъ какъ о мѣстѣ, на которомъ нѣкогда былъ татарскій городъ; въ самомъ названіи его почитатели татарщины не хотятъ слышать другихъ звуковъ, кромѣ татарскихъ; здѣшніе любители нумизматики вообще и, въ частности, татарской,

---

(* Въ 1878 году дѣйствительный членъ Казанскаго Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи *П. А. Пономаревъ* посѣтилъ находящееся близъ г. Саратова Увѣкское городище — о которомъ въ свое время и сдѣлалъ Обществу сообщеніе въ III-мъ Общемъ Собраніи его членомъ (см. «Извѣстія» Общества, томъ I, стр. 49). Узнавъ, что маститый и извѣстный казанскій ориенталистъ *Г. С. Саблуковъ* (нынѣ скончавшійся) весьма интересовался нѣкогда вопросомъ объ Увѣковскомъ городищѣ, П. А. Пономаревъ обратился къ Г. С. съ просьбою сообщить ему тѣ свѣдѣнія объ Увѣкѣ, которыя могъ собрать почтенный ученый во время жительства своего нѣкогда въ г. Саратовѣ. Удовлетворяя просьбѣ г. Пономарева, Г. С. Саблуковъ передалъ ему черновую рукопись набросаннаго имъ еще въ 1846-мъ г., но не напечатаннаго, очерка современнаго состоянія и прошлаго Увѣкскаго городища, согласившись предоставить рукопись въ распоряженіе Общества А., И. и Э. Эта то рукопись и является нынѣ въ печати подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, будучи такимъ образомъ цѣннымъ и есте-

заботятся достать монеты съ именемъ Уека, какъ представительницу прежняго татарскаго чекана на этомъ мѣстѣ. Что же есть теперь на Увѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ интереснаго или заслуживающаго вниманія? Въ отношеніи къ Увѣку здѣсь, на мѣстѣ, любопытство во многихъ питается видомъ увѣкской мѣстности и соединенными съ нею преданіями; въ другихъ возбуждается черепкомъ, квадратнымъ кирпичемъ или татарскою деньгою, поднятыми изъ пыли городища. Но Увѣкъ имѣетъ еще высшій интересъ, интересъ археологическій, научный: рѣшить или уяснить, по возможности, нѣкоторыя географическія и историческія задачи, представляющіяся въ исторіи Золотой Орды — есть прямой интересъ, влекущій къ Увѣку взглядъ изслѣдователя старины. Не претендуя нисколько на всестороннее разрѣшеніе вопроса объ Увѣкѣ и о значеніи увѣкскаго городища въ минувшихъ судьбахъ Золотоордынскаго царства, я рѣшаюсь въ краткомъ очеркѣ изложить современное состояніе увѣкскаго городища и тѣ отрывочныя преданія и историческія извѣстія, какія сохранились объ немъ до нашихъ дней, — не съ цѣлью внести этимъ хотя сколько нибудь полезный вкладъ въ науку русской археологіи, но хотя бы только для того, чтобы какою либо саратовскій чичероне, изъясняя старину мѣстнаго края и указывая любопытствующему путешественнику на высоту Увѣкскихъ горъ, не оправдалъ на себѣ словъ поэта, что у него отъ недоумѣнія:

Холодный потъ съ лица катился
И персть на воздухъ дрожала.

I.

МѢСТНОСТЬ УВѢКА.

Въ Саратовѣ *Увѣкомъ* называютъ нынѣ село, стоящее на рѣчкѣ Увѣковѣ, ниже Саратова въ 9 верстахъ — лѣвшею дорогою чрезъ Улешу, въ 15 верстахъ — горною дорогою;

отвѣннымъ восполненіемъ къ матеріаламъ, касающимся Увѣковского городища и уже напечатаннымъ въ «Извѣстіяхъ» Общества (см. Протоколъ III-го Общаго Собранія, въ I-мъ томѣ «Извѣстій», стр. 49-я; «Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ дер. Увѣкъ», тамъ же, стр. 62-я, и «Описание коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Уека», во II-мъ томѣ «Извѣстій», стр. 174).

по которой ѣздить во время весенняго половодья Волги, и въ 1½ верстѣ отъ берега Волги. Именемъ Увѣка вообще означается также гора или гористый берегъ Волги, возвышающійся въ этомъ мѣстѣ надъ рѣкою, и сельце *Усть-набережный Увѣкъ*, состоящее изъ усадебъ помѣщиковъ гг. Кабритова, Маурина, Жарскаго и Воздвиженскаго, расположенное на берегу Волги, при подошвѣ горы Увѣкской. Усть-набережный Увѣкъ занимаетъ часть того самаго мѣста, на которомъ видны древнїе остатки, принимаемые за слѣды города. Мѣсто занимаемое ими представляетъ, при общемъ взглядѣ на него, изломанный скатъ горы, который нѣвогда былъ болѣе ровнымъ или, по крайней мѣрѣ, менѣе избугренымъ отлогомъ отъ высоты горы до подошвы ея, т. е. до берега Волги. Преобразование его въ нынѣшнїй видъ совершалось, вѣроятно, постепенно и медленно: при взглядѣ на этотъ берегъ сразу поймешь, что не одно столѣтіе пролетѣло надъ этимъ городищемъ за то время, въ теченїи котораго оно, въ силу мѣстныхъ условїй, приняло тѣ неправильныя формы, которыя въ настоящее время выставляются здѣсь передъ глазами. Чтобы понять происхожденїе всѣхъ этихъ изломовъ, впадинъ, осѣдовъ, холмовъ, гребней, и найти причины этихъ измѣненїй—нужно сравнить съ этою мѣстностью нѣсколько подобныхъ-же мѣстъ по берегу Волги.

Гора Увѣкъ представляется однимъ изъ отроговъ горной цѣпи, которая тянется вдоль Саратовской губернїи, по правому берегу Волги, и идетъ, то непосредственно надъ рѣкою, составляя нагорный берегъ ея, то удаляясь отъ нея и образуя мѣстами пространныя долины, какова, на примѣръ, долина, занимаемая городомъ Саратовымъ, обогнутая полукругомъ горъ. На пространствѣ двадцати пяти верстъ берега Волги—къ верху и къ низу отъ города Саратова—находимъ мы три такихъ отрога, которые называютъ здѣсь вообще „горами“; они исходятъ отъ горной цѣпи, параллельной Волгѣ, и упираются въ русло этой рѣки. Въ 12 верстахъ выше Саратова лежитъ надъ Волгою гора *Пристанная*, на скатѣ которой стоитъ село Пристанное; на сѣверной окраинѣ города Саратова тянется къ Волгѣ гора *Соколова*, на южномъ ребрѣ которой раскинута часть города, называемая „нагорьяхъ“. Ниже Саратова, въ 9-ти верстахъ отъ Соколовой горы, высокимъ хребтомъ поднимается отрогъ *Увѣкскїй* или гора Увѣкъ; направляясь отъ запада къ востоку, она окан-

чивается крутымъ спускомъ къ берегу Волги. Изъ этихъ трехъ горъ горы Соколова и Увѣская, поднимаюся мысами надъ самымъ русломъ Волги, представляютъ собою своеобразныя формы; мысъ Соколовой горы представляетъ болѣе данныхъ для объясненія причинъ неровностей части берега Волги, занимаемой увѣскими развалинами (*).

Особенность Соколовой горы, на версту вдоль рѣки, глубоко осѣлась и въ крутомъ, почти отвѣсномъ, обрывѣ ея обнажилась первоначальная формація горы, открывъ для геолога тайники ея, со многими замѣчательными фактами постепеннаго образованія нашей планеты. Осѣвшая часть горы, образовавъ впадины, холмы, остроконечныя массы, торчащія вверхъ груды—приняла весьма своеобразныя очертанія, а такъ какъ гора эта о-бокъ съ городомъ, то нѣкоторыя измѣненія и переходы ея въ новыя формы совершались передъ глазами жителей Саратова и лѣтопись этого города на своихъ страницахъ отмѣтила нѣкоторыя изъ нихъ, ближайшія къ намъ по времени (**). Самое древнее изъ нихъ относится къ 1783 году: за это время часть горы сдвинулась къ Волгѣ. Въ 1818 году, 19 іюля, конецъ мыса Соколовой горы глубоко опустился; въ 1838 году прежде осѣвшійся берегъ еще ниже опустился на пространствѣ въ четверть версты, причемъ мѣстами изломался; нѣкоторыя части его осѣлись глубже, другія измѣнили прежнее положеніе свое. Подобныя изломы горы безъ сомнѣнія случались и раньше: протокъ Волги Тарханка, отдѣляющій отъ берега Беклемишевъ островъ, противъ Соколовой горы, прорылъ себѣ нынѣшній путь сквозь осѣдшійся край горы; островъ былъ нѣкогда соединенъ съ берегомъ и нынѣ на него должно смотрѣть, какъ на отломившуюся и низко опустившуюся часть Соколовой горы (***). Нахожу двѣ причины такихъ изломовъ

(*) Ниже Саратова, на южной сторонѣ его, идетъ къ Волгѣ отрогъ *Лисихъ* горъ; онъ мало виденъ изъ Саратова, но болѣе означается, если смотрѣть на него снизу, отъ Усть-Набережнаго Увѣка. Онъ, не доходя до Волги, уравнивается съ берегомъ и не представляетъ данныхъ для объясненія особенностей мѣстности Увѣка.

(**) «Краткій историческій очеркъ города Саратова» Леопольдова. Въ Губерн. Саратовск. Вѣдом. 1844 года. Отдѣльнаго оттиска стр. 23, 26.

(***) За пятьдесятъ лѣтъ назадъ протокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ небольшимъ ручьемъ, черезъ который дѣти легко переходили на островъ.

берега подъ Соколовой горой: одна усматривается въ положеніи берега надъ водою, другая, и существеннѣйшая, въ внутреннемъ строеніи самаго берега. Волга на пространствѣ отъ Пристаннаго до Увѣка, изгибаясь полудугою, всею массою водъ, особенно во время полноводій, напираетъ на выдающіеся концы горъ и этою борьбою незамѣтно измѣняется побережье на главныхъ точкахъ столкновения двухъ стихій. Обрывы горъ, подымаясь надъ рѣкою, показываютъ, что они давно уже въ спорѣ съ водами Волги и въ этой вѣковой борьбѣ постепенно теряли отдѣльныхъ членовъ своихъ авангардовъ. Впрочемъ въ настоящее время не замѣтно этого напора водъ на берегъ: это было давно, прежде нежели образовался нынѣшній правый берегъ русла Волжскаго, — крѣпкій, каменистый и неуступающій напору воды. Причина позднѣйшихъ изломовъ въ надрѣчныхъ мысахъ скрывается въ вѣдрѣ самихъ горъ. Гора Соколова образованія нептуническаго, состоитъ изъ нѣсколькихъ пластовъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ, что ясно видитъ всякой, когда взглянетъ на отломъ горы съ берега Волги. Въ половинѣ высоты горной стѣны лежатъ пласты окаменившіеся; онъ, отдѣляя верхнюю массу отъ нижней, представляетъ полость такого устройства, что даетъ собою пути для тока воды внутри горы: эта полость идетъ по всей Соколовой горѣ и въ половинѣ горъ Лисскихъ, окружающихъ Саратовъ съ запада. Изъ этого канала въ иныхъ мѣстахъ слабо точатся капли воды, въ другихъ мѣстахъ онѣ вырываются сильно и образуютъ ручьи, имѣющіеся въ разныхъ мѣстахъ южной стороны Лисскихъ горъ: въ Игуменскомъ буерагѣ, противъ сада купца Гладкова, въ Бараниковомъ буерагѣ и далѣе внизъ по Волгѣ, какъ и въ оврагѣ близъ деревни Поливановки, гдѣ истоки составили рѣчку Ольшанку. Каналы всѣхъ этихъ истоковъ лежатъ въ этомъ каменномъ слоѣ, отдѣляющемъ верхнюю настилку отъ нижней и лежащемъ въ разныхъ мѣстахъ то ниже, то выше въ горѣ, смотря по разнымъ наклоненіямъ каменной полости. Ниже, много глубже ея, лежатъ другіе слои, но уже съ другимъ образованіемъ. Онѣ служатъ также каналами для воды, но другаго качества. Слой грунта, въ которомъ она имѣетъ движеніе и который передаетъ ей свое качество, лежитъ въ основаніи Соколовой горы и, составляя подошву ея, растилается широкою полостію по всему берегу Волги, занимаемому Саратовомъ. Оттого вы видите лѣтомъ соляной

отсѣдъ, лежащій по берегамъ Волги, оставляемый сочащеюся въ разныхъ мѣстахъ водою: грунтъ Саратовскій даетъ воду солонцоватую, неприятную, горьковатую на вкусъ. Таковы почти всѣ колодези въ Саратовѣ, таковъ родникъ въ берегу Волги подъ женскимъ Воздвиженскимъ монастыремъ, такова частію вода и въ бассейнахъ Саратовскихъ. Подъ Соколовою горою, въ разныхъ мѣстахъ берега, вы замѣтите движеніе этой солонцеватой воды. Пласты земли въ основаніи горы, сохранившіе въ себѣ начала морской осадки, а потому сообщающіе влагѣ, въ нихъ проходящей, свое свойство — соленость — доселѣ еще не окаменившись, сами легко разжижаются отъ влаги, въ нихъ двужущейся. Такимъ образомъ огромныя толщи земли въ оконечностяхъ горы, теряя крѣпость своихъ основаній, осѣдали время отъ времени, и потому не дождь размывалъ край Соколовой горы, не волна Волги истерзала грудь громадной оконечности ея, а влага, кроющаяся въ нѣдрахъ Саратовскаго грунта: незамѣтно истощая твердость основанія, она изломала оконечность Соколовой горы.

Слѣды подобныхъ измѣненій носить на себѣ и скать Увѣкской горы, на которомъ видны остатки древняго городища. Самый высочій хребетъ—Увѣкскій—стоитъ непоколебимо издавна, представляя въ себѣ начальное образованіе. Протянувшись до берега Волги, онъ остановился саженъ за 15 отъ берега, спускаясь крутымъ скатомъ, котораго верхняя острая оконечность означается у мѣстныхъ жителей именемъ *каланчи*, а уступъ въ половинѣ спуска—именемъ *шихана*. Сѣверная сторона Увѣкской горы отлога; съ различными неровностями спуски этой стороны болѣе и болѣе склоняются до рѣчки Увѣковки, которая льется по глубокому долу подъ горою, принимая въ себя вытекающіе изъ горы ручья: Чернику, Ржавецъ и Малый Увѣкъ. Другая сторона Увѣкской горы, восточно-южная, къ створѣ Волги понижается нѣсколькими крутыми уступами; уступы эти представляются амфитеатромъ и тянутся одинъ надъ другимъ, перерѣзанные поперегъ по мѣстамъ оврагами, которые въ продолженіе столѣтій вырыты потоками водъ, лившихся отъ хребта къ Волгѣ. Восточныя оконечности увѣкскаго хребта и двухъ спусковъ, ему параллельныхъ, образуютъ неровные скаты къ берегу Волги и представляютъ въ себѣ слѣды позднѣйшихъ и, можно сказать, недав-

нихъ преобразованій; это то и есть то мѣсто, которое возбуждаетъ любопытство остатками древняго города. Обзоръ ската горы начнемъ снизу, изъ сельца Усть-набережнаго Увѣка. Сельцо это расположено на берегу Волги, на такой высотѣ, которой уже не достигаетъ вѣшнее возвышеніе воды этой рѣки. Мѣсто, запытое домами, идущее вверхъ по горѣ до усадьбы г. Маурина—представляетъ нижній уступъ, находящійся при подошвѣ горы: по отношенію къ дальнѣйшимъ возвышенностямъ я называю это пространство нижнею площадью или террасою. Но эта терраса не ровна: она вся изрыта впадинами, взбугрена холмами; сельскія избы крестьянъ разбросаны въ безпорядочномъ, нестройномъ видѣ, между отдѣльными холмами. Отъ берега, мимо усадьбы Маурина, идетъ дорога на вершину горы, находящейся на южной сторонѣ увѣкскаго горнаго гребня. Восходя по дорогѣ въ гору, въ лѣвой сторонѣ вы будете проходить черезъ три площади, лежащія одна надъ другой; изъ нихъ каждая отдѣляется гребнемъ, оставшимся послѣ осадки площади. Такъ, за усадьбою Маурина, лежитъ и нѣсколько огибаеть усадьбу гребень, котораго сѣверный бокъ, къ усадьбѣ, крутой и покрытый дерномъ, а южный и до сихъ поръ осыпается,—потому кажется, что вторая площадь опустилась позднѣе занятой усадьбою: южный бокъ гребня не успѣлъ еще обрости травою. За гребнемъ, отдѣляющимъ усадьбу Маурина, лежитъ вторая площадь, которая также примыкаетъ къ подобному же гребню. Поднявшись далѣе по дорогѣ, вы взойдете еще черезъ третью площадь уже самую верхнюю. Гребень, отдѣляющій ее отъ нижней, третьей, площади — поднимается надъ всѣми площадями и господствуетъ надъ берегомъ. Всѣ четыре площади или террасы, направляясь между ограничивающими ихъ гребнями къ юго-восточной сторонѣ, понижаются постепенно, спускаясь къ берегу Волги. Эти спуски, чѣмъ ниже идутъ они къ Волгѣ, тѣмъ болѣе изломаны, изрыты впадинами, простираясь до той линіи, которой достигаетъ вѣшній разливъ рѣки. Гребни же, составляющіе грани между площадями, идутъ вмѣстѣ съ послѣдними до спусковъ ихъ: тутъ острия оконечности ихъ превращаются осыпями. Увѣкскій берегъ, въ настоящее время представляющій безобразный, изломанный скатъ горы—прежде не долженъ былъ быть таковымъ, пред-

ставляя болѣе ровную, болѣе удобную для поселенія, площадь. Изломы берега произошли здѣсь также, какъ и въ горѣ Соколовой: сходныя положенія двухъ горъ заставляютъ предположить и одинаковыя причины, ихъ преобразовавшія. Въ лоцинѣ подъ скатомъ увѣкской горы болота — въ нынѣшній годъ съ водою — объясняютъ, что и здѣсь воды горной подошвы были главными причинами изломовъ берега. — Изъ описанія этой мѣстности вывожу то, что этотъ берегъ былъ нѣкогда болѣе удобенъ для заселенія, что первые насельники, положившіе камень въ основу своего жилища, руководились выгоднымъ и удобнымъ мѣстоположеніемъ берега, который могъ благопріятствовать обширнымъ, и деревяннымъ и каменнымъ, постройкамъ. Тутъ дѣйствительно могъ основаться и существовать городъ.

II.

ДРЕВНОСТИ УВѢКСКІЯ.

Посмотримъ теперь, что представляютъ глазамъ наблюдателя остатки древности, находящіеся на скатѣ Увѣкской горы и свидѣтельствующіе о существовавшемъ здѣсь когда-то поселеніи. Съ вершины холма, возвышающагося надъ мѣстомъ всего городища, усматривается очертаніе послѣдняго. Самый холмъ, кажется, служилъ сторожевымъ мѣстомъ или каланчею, съ коей обозрѣвалась и окрестность съ трехъ сторонъ, и вся внутренность города. Отъ увѣкской горы до самаго берега Волги идетъ валъ, съ рвомъ по внѣшней сторонѣ, не глубокимъ въ настоящее время; это сооруженіе ясно говоритъ за свое назначеніе служить нѣкогда защитительною чертою этого мѣста. Съ высоты холма можно видѣть, что вся мѣстность заключающаяся между горою, рвомъ и берегомъ Волги, представляетъ площадь треугольника, ограниченнаго, съ восточной стороны — берегомъ Волги, съ сѣверо-западной стороны — Увѣкскою горою, съ юго-западной стороны — валомъ и рвомъ. На верхней площади, на внутренней сторонѣ рва, находятся слѣды четверугольной постройки, у одного изъ угловъ которой замѣчаются остатки сооруженія, въ видѣ осыпи кургана. Эта насыпь, была ли

бурганомъ, или какою-либо частью постройки,—опредѣлить въ настоящее время трудно. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этого мѣста встрѣчаются подобныя же розсыпи, но уже меньшей величины. Онѣ также представляютъ близкое сходство съ курганами; центры ихъ опустились и образовали ямы значительной величины, что заставляетъ предполагать, что онѣ вѣкогда были разрыты. Края кургановъ, представляющіе теперь собою окружности кратеровъ, плотно улеглись, покрылись травой и проросли корнями. Въ массѣ описываемыхъ насыпей обнаруживаются кирпичи, совершенно подобныя кирпичамъ, обнаруживаемымъ въ окрестныхъ обвалившихся постройкахъ. Ближе къ берегу Волги, ниже гребней, отдѣляющихъ четыре площади, на нижней части спуска, близъ сада Бѣлавина (?)—лежатъ основанія четвероугольнаго зданія: оно представляетъ квадратъ, каждая сторона котораго имѣетъ до 30 шаговъ и идетъ въ видѣ вала, очевидно образовавшагося изъ разрушившейся стѣны зданія. Изъ подъ дерна, которымъ заросъ остовъ зданія, во всѣхъ обвалахъ стѣны обнаруживаются кирпичи, изъ котораго построено было вѣкогда это сооруженіе. За двумя западными (къ горѣ) углами квадрата лежатъ осыпи въ видѣ колецъ; не отдѣляясь отъ стѣны зданія, или, лучше, соединенныя съ западными углами главнаго строенія, онѣ своимъ положеніемъ заставляютъ считать себя пристройками или частями бывшаго на мѣстѣ этого квадрата зданія. По протяженіи всего городища во множествѣ находятся осколки каменной домашней посуды, а также различныя другіе предметы древности; особенно много черепковъ посуды попадаетъ на скатѣ горы, между второю и третьею площадями. Многіе черепки посуды даютъ намъ видѣть, что каменная посуда, части которой они составляютъ, приготовлялась съ большимъ искусствомъ. Глина—бѣлая, какъ и въ современной намъ каменной посудѣ — муравилась, т. е. обливалась стекломъ и покрывалась разноцвѣтными красками, съ преобладаніемъ голубой, синей, зеленой, красной; краски накладывались въ разнovidныхъ очертаніяхъ, иногда же на весь сосудъ наводилась сплошь какая либо одна краска. Отъ времени до времени находимы бываютъ на городищѣ и различныя галантерейныя вещи, свидѣтельствующія о роскоши населенія древняго города. Я видѣлъ у г. Маурица два серебряныхъ кольца, одно золотое и три

или четыре сердоликовыхъ. Они найдены были на Увѣкѣ въ то время, когда г. Мауринъ населялъ здѣсь свое помѣстье. Замѣчательнъ своею величиною бирюзовый камень, найденный имъ въ іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. Лично мною найдено на Увѣкѣ небольшое серебряное кольцо, которому дана форма змѣи; принадлежало ли оно въ обыкновеннымъ уборамъ, или употреблялось при особливыхъ какихъ либо случаяхъ—рѣшить не берусь: оно найдено мною на поверхности земли, въ мѣстѣ гдѣ была могила, среди остатковъ ея, о которыхъ сказано будетъ ниже. Третій видъ увѣкскихъ древностей составляютъ серебряныя и мѣдныя монеты Золото-Ордынскаго царства. Ихъ находятъ порознь на всемъ пространствѣ, которое было нѣкогда занято городомъ. Монетъ прежде находили очень много; при умноженіи же народонаселенія находки ихъ уменьшились. Въ кабинетѣ г-на Маурина, который давно уже старательно собираетъ монеты, находимыя на Увѣкѣ, насчитывается до 2000 золотоордынскихъ монетъ различнаго достоинства. Всѣ находимыя здѣсь монеты относятся къ самому цвѣтущему времени Золото-Ордынскаго царства, отъ начала царствованія Токтагу-хана до Абдуллаха включительно, т. е. съ 1291 до 1375 года. Въ нынѣшнемъ году, въ бытность мою на Увѣкѣ, найдены были двѣ мѣдныя монеты, незначительныя нумизматическимъ достоинствомъ своимъ. Одна — экземпляръ монеты, которая описана въ *Recensio Numorum Fingeni*, pag. 404, № 13, и въ „Монетахъ Улуса Джучіева (того же автора)“ подъ № 387; другая—экземпляръ монеты, описанной въ „Монетахъ Улуса Джучіева“ подъ № 45 и въ *Recensio Numorum* pag. 219, № 40. Не только на всемъ пространствѣ, заключающемся въ треугольникѣ, ограничивавшемъ собою городъ, но и на различныхъ мѣстахъ, находящихся внѣ городища, обнаруживаются слѣды древнихъ погребальныхъ сооружений. Простираясь по двумъ среднимъ площадямъ городища, остатки погребальныхъ построекъ разбросаны въ немаломъ количествѣ и ниже, ближе къ Волгѣ, по чертѣ берега, которая назначена высшимъ разливомъ весенняго половодья Волги. Остатки ихъ видны также и на западной сторонѣ отъ вала, въ лощинахъ между грядами, образующими южный спускъ увѣкскаго хребта; изслѣдованныя мною могильныя сооруженія представляли слѣдую-

щій видъ. Въ землѣ выложенъ сводъ изъ кусковъ песчаника сѣро-розоваго цвѣта; эти куски имѣютъ различную величину—четверти двѣ, три, а иногда и мѣтѣ—и тѣ формы, какія вообще способны принимать песчаникъ при его раздробленіи. Основаніе свода имѣетъ форму овала, длиною отъ сѣвера къ югу до трехъ аршинъ, при ширинѣ до полутора аршина. При этой каменной кладкѣ всегда попадаются кости, черепки глиняной посуды, обозженной на столько хорошо, что черепокъ, величиною въ четверть, издаетъ звонъ; нѣсколько обломковъ четверугольнаго квадратнаго кирпича, толщиною въ одинъ вершокъ; иногда куски чугуна, величиною вершка въ два или три; угли изъ дубоваго, сосноваго и другихъ деревьевъ, иногда испепелившіеся, иногда же не догорѣвшіе вполне и сохранившіеся въ видѣ гнилупекъ; значительное количество золы, смѣшавшейся съ землею, но сохранившей свой видъ и цвѣтъ. Въ различнаго вида костяхъ которыхъ я, не зная анатоміи, не умѣю точно отнести къ опредѣленному роду животныхъ, видны кости овечьи, лошадиныя, воловыи.

Всѣ эти вещества попадаютъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, во всѣхъ склепахъ и составляютъ какъ бы необходимую принадлежность ихъ. Нѣкоторые изъ склеповъ, найденные мною сохранившимися безъ всякаго поврежденія, пояснили собою значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ остатковъ. Такъ, глиняные черепки, одинаковые по своей отдѣлкѣ и качеству глины, суть обломки вазъ различной величины, употреблявшихся при погребеніи; куски чугуна, находимые при могилахъ, были крышками отъ кувшиновъ. Это объяснилъ цѣльный кувшинъ, найденный мною на Увѣкѣ (26 іюля нынѣшняго 1846 года) при одной изъ могилъ, въ крутой осыпающейся оконечности гребня, который простирается за усадьбою г-на Маурина и отдѣляетъ нижнюю площадь отъ второй, лежащей выше. Конецъ гребня, осыпавшійся понемногу, обнаружилъ обыкновенныя, описанныя выше, вещи: угли и куски согниваго дерева, которое было жжепо, кости и черепки глиняной посуды. Все это было прикрито сверху слоемъ дерна толщиною въ четверть, открывшагося наружу черезъ осыпь. Подъ слоемъ золы, углей, костей, стоялъ цѣльный кувшинъ, прикрытый чугунною крышкою. Высота кувшина 14 $\frac{1}{2}$ вершковъ, поперечникъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ 10 вершковъ, устье горла въ діаметрѣ

3½, вершковъ, дно—6 вершковъ. Ширина чугунной покрывки—въ діаметрѣ съ четверть и въ вершокъ толщиной. Въ сосудѣ, на вершокъ высоты отъ два, сдѣлано отверстіе, какія обыкновенно дѣлаются для выцѣживанія жидкости. Неподалеку отъ кувшина, на аршинномъ разстояніи отъ него, примѣтно мѣсто или пустота, въ которой стоялъ подобный же сосудъ, но онъ былъ разбитъ и послѣ него осталась только впадина, имъ занимаемая, и нѣсколько черепковъ, показавшихъ собою, что этотъ разбитый кувшинъ имѣлъ другое устройство: устье у него было широкое, что придавало ему форму корчагъ нашего времени. Не въ далекомъ отъ мѣста, гдѣ найденъ кувшинъ, замѣчены подобныя же вещи: но кромѣ золы, угля, кувшинныхъ обломковъ, кусковъ отъ чугуннаго котла, сильно изоржавѣвшихъ, здѣсь оказалась кирпичная площадка, протяженіемъ во всѣ стороны болѣе, нежели на два аршина. Кирпичъ, изъ котораго она выложена, четырехугольный, квадратный: всѣхъ кирпичей здѣсь найдено пятнадцать. Все вышесказанное приводитъ меня къ несомнѣнному заключенію, что изслѣдованная мною мѣстность представляетъ собою остатки древняго кладбища. При этомъ мнѣ представляется и слѣдующая картина совершавшагося здѣсь погребенія. Выкопавъ въ глубинѣ земли могилу, дѣлали въ ней склепъ изъ дикаго камня, въ которомъ и клали трупъ, головою или съ сѣвера на югъ, или обратно, съ юга на сѣверъ; выше склепа выстилалась кирпичная площадка, на которой, въ память или въ честь умершаго, сожигались различныя животныя. При покойникѣ ставили глиняный сосудъ, прикрытый чугунною крышкою и, быть можетъ, заключавшій въ себѣ тѣ или другія съѣстные припасы.

III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ НА УВѢКЪ.

Остатки старины, находящіеся на скатѣ горы Увѣка, должны быть относимы къ различнымъ эпохамъ: не одинъ народъ оставилъ послѣ себя эти, все болѣе и болѣе сглаживающіеся, слѣды своей жизни на этомъ мѣстѣ. Чтобы вывести въ этомъ отношеніи какое либо правдоподобное

завлюченіе, пересмотримъ историческія указанія на увѣксія древности, начиная съ ближайшихъ къ намъ по времени и кончая древнѣйшими, за предѣлами которыхъ лежить уже область полной исторической неизвѣстности.

Приступая къ письменнымъ извѣстіямъ прежняго времени объ Увѣкѣ, не хочу умолчать о преданіяхъ настоящаго времени, которыя донывѣ живутъ среди мѣстныхъ жителей. Начинаю ими не потому, чтобы они могли сколько нибудь освѣтить намъ вопросъ, но только для того, чтобы полнѣе представить Увѣкѣ въ настоящее время. Между людьми обыкновеннаго общежительнаго образованія господствуетъ мысль, что на этомъ мѣстѣ былъ какой-то татарскій городъ. Эта мысль въ здѣшней сторонѣ хотя обыкновенна и обща въ отношеніи ко многимъ мѣстамъ, съ какими бы ни было остатками старины, но, относимая и къ Увѣкѣ, не ослабѣвается тѣмъ въ своей справедливости. Татарскія деньги, тутъ находимыя, служатъ опорой этому преданію. Къ этому присоединяется нѣсколько суевѣрныхъ рассказовъ, ходящихъ о городищѣ. Такъ, жители Усть-набережнаго Увѣка съ таинственнымъ видомъ рассказываютъ, что въ саду Воздвиженскаго, нѣсколько лѣтъ сряду, послѣ того какъ въ немъ сняты были яблоки, умирали караульщики сада. Нѣкоторые изъ Саратовскихъ жителей, снимавшіе садъ г-на Маурина, сообщали мнѣ въ 1841-мъ году, что въ одну грозную ночь, при шумѣ падающаго дождя и при грохотѣ грома — они слышали непрерывный вой какихъ то звѣрей въ густыхъ кустахъ дола, раздѣляющаго садъ г. Маурина; что злая собака при караульщикѣ сада, порываясь развѣдать причину этого воя, со страхомъ и съ визгомъ отбѣгала отъ этого мѣста всякій разъ, какъ готова была броситься туда; что по прошествіи грозы тамъ не замѣчено и слѣда какого бы то ни было животнаго. Люди словоохотливые высказывали соображеніе, что эти дива имѣютъ связь со множествомъ могилъ, разсѣянныхъ по скатамъ горъ, — отъ которыхъ и тянется доль, проходящій чрезъ садъ, что всѣ эти ужасы совершаются потому, что на этихъ мѣстахъ было прежде татарское кладбище: добавляли къ этому, что тутъ находили цѣлыя гроба въ разные года того времени, какъ поселились здѣсь русскіе. Изъ этихъ суевѣрныхъ рассказовъ, если выжать изъ нихъ всю сущность, можетъ быть выведено заключеніе,

что до настоящаго времени въ средѣ мѣстнаго населенія хранится преданіе о жительствѣ въ древности татаръ на этомъ мѣстѣ, что преданіе и простое наблюденіе указываютъ здѣсь кладбище и множество какихъ то могилъ. Но переходу къ памятникамъ письменнымъ.

Ближайшее къ намъ письменное извѣстіе объ Увѣкѣ относится къ послѣдней четверти прошедшаго XVIII столѣтія. Оно находится въ „Географическомъ Словарѣ Россійскаго государства“ и состоитъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ:

„Городъ (Саратовъ) окружается горами. Знатнѣйшая изъ видимыхъ есть *Увекъ*; лежитъ надъ Волгою. Въ крутыхъ осыпяхъ сей горы видны остатки древняго города *Увсака* (*).

За пятьдесятъ семь лѣтъ до настоящаго времени увѣкскій берегъ былъ, кажется, совершенно въ такомъ же состояніи, въ какомъ видимъ его и теперь: различіе развѣ только въ томъ, что въ 1789 году не было еще нынѣшняго сельца Усть-набережнаго Увѣка. Это извѣстно не потому только, что Географическій словарь ничего не говоритъ о существованіи здѣсь поселенія, упоминая только объ остаткахъ древности въ осыпяхъ увѣкской горы, но и потому, что нынѣшній Усть-набережный Увѣкъ началъ селиться только въ концѣ прошедшаго столѣтія. Первая усадьба на этой землѣ, принадлежавшей городу Саратову, заведена г-мъ Мауринымъ, а послѣ него вскорѣ поселились тутъ и остальные нынѣшніе владѣльцы. Нынѣшнее же село Увѣкъ, хотя и давно существуетъ и въ прошедшемъ столѣтіи тутъ былъ даже монастырь, — какъ говорятъ преданіе, впрочемъ темное, не основанное на прямыхъ свидѣтельствахъ (по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что Саратовскій монастырь имѣлъ тутъ свои земли, каковыми и теперь владѣтъ нынѣшній Саратовскій Спасопреображенскій монастырь) — но, тѣмъ не менѣе, ни село, ни монастырь не заводили никакихъ строеній въ той части берега Волги, на которой расположенъ нынѣ Усть-набережный Увѣкъ, угнѣздившійся среди грудъ щебня, свидѣтельствующихъ о су-

---

(*) Новый и полный Географическій словарь Россійскаго Государства. Москва 1789. Часть V, стран. 86.

ществовавшемъ здѣсь въ древности поселеніи. Эти груды щебня Географическій Словарь принимаетъ за остатки древняго города и называетъ его *Усакомъ*.

На какомъ основаніи авторъ Географическаго Словаря даетъ древнему городу это названіе — неизвѣстно. Можно бы думать, что оно основано на особомъ чтеніи этого слова на извѣстныхъ экземплярахъ золотоордынскихъ монетъ, но объ этомъ имени города, по надписи на этихъ монетахъ, у насъ въ Россіи до Френа никто не говорилъ; восточные (арабскіе) писатели также не даютъ основанія для приуроченія этого названія къ нынѣшнему увѣкскому городищу, какъ не даютъ его — на сколько мнѣ это извѣстно — и предшествовавшіе отечественные письменные памятники.

Старѣйшее, сравнительно съ Географическимъ Словаремъ, письменное свидѣтельство объ увѣкскомъ городищѣ сохранилось отъ первой четверти XVII-го стол., именно въ „Книгѣ Большому Чертежу“, въ которой мы находимъ описаніе состоянія усть-увѣкскаго берега въ первой четверти XVII вѣка или даже въ концѣ XVI-го, какъ можно заключить изъ общаго описанія этой мѣстности. Въ „Книгѣ Большому Чертежу“ (стр. 157-я) читаемъ мы:

„А ниже Карамана рѣки 40 верстъ, на Волгѣ, городъ Саратовъ. Подъ Саратовымъ пала рѣчка изъ озера, а другая рѣчка пала изъ поля.

„А на Волгѣ рѣкѣ, противъ Саратова, островъ.

„А ниже тово острова, съ нагорныя стороны, пала въ Волгу рѣка Увѣша, а ниже ее городище *Увѣшинское*“.

Составитель „Книги Большому Чертежу“, то есть описанія къ большой или генеральной географической картѣ Россіи, въ приведенныхъ словахъ передаетъ намъ объ Увѣвѣ два историческія свѣдѣнія: во первыхъ, онъ указалъ мѣсто Увѣка, во вторыхъ, представилъ состояніе Увѣка въ концѣ XVI-го или въ началѣ XVII вѣковъ. Мѣстоположеніе Увѣка „Книга Б. Ч.“ опредѣляетъ положеніемъ Саратова и рѣчкою Увѣшою, которую нынѣ зовутъ и Увѣкомъ и Увѣковкою. Саратовъ, когда вносилось извѣстіе о немъ въ Книгу Б. Ч., стоялъ на луговой сторонѣ, ниже Карамана въ 40 верстахъ, на рѣчкахъ, изъ коихъ одна течетъ изъ озера, другая изъ поля, и противъ острова; Саратовъ стоялъ именно на устьи рѣчки Сара.

Въ какомъ положеніи былъ Увѣкъ въ концѣ XVI столѣтія и что древняго въ немъ было — извѣстіе объ этомъ заключается только въ томъ, что Увѣкъ названъ „*городище*“. Словомъ *городище* авторъ выразилъ тоже, что и нынѣ означаютъ этимъ словомъ, т. е. мѣсто, на которомъ былъ нѣкогда городъ, жительство, укрѣпленное въ защитѣ отъ непріятельскихъ нападеній. Укрѣпленіемъ, при тогдашней степени искусства фортификаціи, служилъ всегда земляной валъ и при немъ съ внѣшней стороны ровъ; опоясывая жилище со сторонъ, открытыхъ нападеніямъ, они дѣлали ихъ „*городомъ*“, мѣстомъ „*огороженнымъ*“. Потому то ровъ, идущій въ настоящее время отъ южнаго ската увѣкской горы и спускающійся къ берегу Волги, и даль, еще за два сѣ половиною вѣка до нашихъ дней, основаніе приурочить къ интересующей насъ мѣстности наименованіе „*городища*“.

Углубляясь далѣе въ древность, мы встрѣтимся съ свѣдѣтельствомъ объ Увѣкѣ у арабскаго географа *Абульфеда*, жившаго въ первой половинѣ XIV столѣтія нашего лѣтосчисленія. Описывая Приволжье въ цвѣтущее время Золото-Ордынскаго царства, онъ говоритъ объ Увѣкѣ (*):

„Итиль (рѣка Волга) течетъ отъ города Булара (Булгара) къ городу Укеку, стоящему на берегу ея; далѣе она течетъ къ селенію Бельджемену, которое стоитъ на южной сторонѣ ея“.

Далѣе Абульфеда точнѣе указываетъ положеніе Укека:

„Городъ Укекъ стоитъ на западномъ берегу Итиля, между Буларомъ и Сераемъ, на половинѣ пути между ними, въ разстояніи отъ того и другаго почти на пятнадцать дней пути. Укекъ есть пограничный городъ царя татарскаго въ смежности съ страной Беркетовъ, которая не вдалекѣ отъ него“.

Изъ этой географической отмѣтки араба какое получаемъ мы свѣдѣніе объ Увѣкѣ? Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь есть разность въ имени города отъ того имени, какое нынѣ осталось въ названіи мѣста, составляющаго предметъ нашего разбора. Спрашивается, можетъ ли быть отожест-

---

(*) Sur les origines Russes. Extraits des manuscrits orientaux, par M. J. de Hammer. St. Petersburg, 1827. pag. 9, origin. pag. 82, 83.

вляемо названіе „Укекъ“, встрѣчающееся у Абульфеды, съ названіемъ „Увѣкъ“, которое носитъ нынѣ интересующая насъ мѣстность? Изъ свидѣтельства Абульфеды можетъ быть выведенъ отвѣтъ положительный; можетъ быть выведено заключеніе, что городъ Укекъ XIV-го вѣка находился именно тамъ, гдѣ впослѣдствіе, въ началѣ XVI столѣтія, русскій географъ указывалъ „городище Увѣшинское“. Это видно изъ указанія мѣста города Укека между Булгаромъ, котораго древнее мѣстоположеніе достоверно извѣстно и котораго развалины до сего времени видны у села Успенскаго—Болгаръ и между Сараемъ, столицею Золото-Ордынскаго царства, котораго древнее мѣстонахожденіе доказано г-мъ Григорьевымъ: г. Григорьевъ, какъ ученый ориенталистъ, руководствуясь правилами ученаго изысканія и сильный логическою ясностію, отчетливо пересмотрѣлъ всѣ относящіяся къ вопросу источники и указалъ древнее мѣсто столицы Золотой Орды у нынѣшняго города Царева. Абульфеда говоритъ, что Укекъ находится на серединѣ пути отъ Булгара къ Сарая. Измѣривъ нынѣшнее разстояніе между этими двумя предѣльными пунктами, т. е. между Булгаромъ и Сараемъ, иначе—между селомъ Успенскимъ, стоящимъ на развалинахъ Булгара, и между г. Царевымъ, окруженнымъ остатками Сарая, мы имѣемъ основаніе согласиться, что „Укекъ“ Абульфеды находился именно тамъ, гдѣ нынѣ находится нашъ Увѣкъ. Дѣйствительно: отъ села Успенскаго до Увѣка пятьсотъ верстъ; отъ Увѣка до Царева, по нынѣшней большой дорогѣ, 430 верстъ. Разность, какая усматривается здѣсь въ числахъ, не должна приводить въ сомнѣніе относительно возможности примирить это разногласіе и свести въ одну точку, на Увѣкъ, двѣ неравныя длины пути. Во первыхъ, арабскій географъ измѣряетъ пространство дневными переѣздами каравана, почему и въ измѣреніи не можетъ быть здѣсь той численной точности, какую представляетъ измѣреніе нашими верстами. Во вторыхъ, дороги на обѣихъ половинахъ пути къ Укеку, завися отъ мѣстныхъ выгодъ или невыгодъ переѣзда для путешественниковъ, и, допуская объѣзды на населенные пункты, не могли измѣряться съ тою математическою вѣрностію, съ какою мы циркулемъ измѣряемъ длину ихъ по картѣ и по масштабу. Вслѣдствіе всего сказаннаго, мы и не можемъ настаивать на томъ, чтобы искать мѣсто древ-

няго Укека, согласно буквальному указанію Абульфеды, на какомъ либо другомъ мѣстѣ, выше нынѣшняго Увѣка. Къ отождествленію Укека и Увѣка приводитъ и свидѣтельство Абульфеды о мѣстонахожденіи города Укека на западномъ, т. е. на правомъ, берегу Волги; къ этому же приводитъ насъ близкое родство обоихъ названій, народное преданіе и, наконецъ, археологическіе памятники древности, обнаруживающіеся на увѣкскомъ берегу.

Признавая такимъ образомъ, что Укекъ Абульфеды— есть Увѣкъ нашего времени, или, точнѣе, то самое городище, которое нынѣ занято Усть-набережнымъ Увѣкомъ,— мы извлекаемъ изъ сказаній арабскаго географа весьма немного историческихъ свѣдѣній о современномъ ему состояніи города Укека:

„Укекъ есть пограничный городъ царя Татарскаго въ смежности съ странюю Беркетовъ, которая невдалекѣ отъ него“.

Здѣсь уже съ самаго начала непонятнымъ кажется свидѣтельство Арабскаго писателя о томъ, что Укекъ былъ пограничнымъ городомъ царя Татарскаго; ибо, зная владѣнія Золото-Ордынскаго царства по исторически—достовернымъ извѣстіямъ, мы увидимъ, что Укекъ, находясь на мѣстѣ нынѣшняго Увѣка, былъ однимъ изъ внутреннихъ городовъ Золотой Орды, слѣдовательно не могъ находиться на границѣ ея владѣній. Это свидѣтельство Абульфеды считаю я возможнымъ слѣдующимъ образомъ согласовать съ принятымъ нами мнѣніемъ о нахожденіи города Укека на мѣстѣ нынѣшняго Увѣка. Золото-Ордынскіе ханы, покоривъ племена, жившія къ западу отъ рѣки Волги—Буртасы, въ нынѣшней Симбирской и Саратовской губерніяхъ, Мордву въ Пензенской, Половцевъ между Волгою, Дономъ и Днѣпромъ,—для себя и для Орды избрали главнымъ становищемъ заволжскую степь, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Саратовской, Астраханской и далѣе на востокъ, въ глубь степей сѣверо-восточнаго побережья Каспійскаго моря; дѣйствительно, въ первой четверти XIV столѣтія вся сила и жизнь Золотоордынскаго монголо-татарскаго царства сосредоточивалась въ предѣлахъ этой степи. Здѣсь, на правой сторонѣ Волги, жили другіе, иноплеменные завоевателямъ народы, которые рѣзко отличались отъ монголовъ. Указывая на Укекъ, какъ на границу Золотоордынскаго царства, Абульфедѣ тѣмъ са-

мымъ какъ бы провелъ черту, отдѣлившую собственно монголо-татаръ, которые тогда еще разительнѣе, нежели въ послѣдующее время, сохраняли на себѣ черты монгольской жизни, отлившіяся въ свою форму тамъ, въ глубинѣ Азіи,—отъ буртасъ, половцевъ, мордвы и наконецъ отъ русскихъ, которые, находясь всѣ въ подчиненіи царю татарскому, представляли тѣмъ не менѣе что-то столь особенное отъ монголовъ, какъ по происхожденію, такъ и по образу жизни и по нравамъ, что арабскіе путешественники представляли ихъ себѣ чѣмъ-то отдѣльнымъ въ державѣ Золотоордынской. Народъ „Беркетъ“, которыхъ Абульфеда называетъ сосѣдами татаръ, было то самое племя, которое въ другихъ источникахъ встрѣчается подъ именемъ „Буртасъ“ и которое жило, между прочимъ, и въ нынѣшней Саратовской губерніи. Съ другой стороны, называя Укекъ „городомъ татарскаго царя“, Абульфеда намекаетъ на племенное происхожденіе его населенія, даетъ намъ понять, что въ его время Укекъ былъ населенъ преимущественно монголами, народомъ завоевавшимъ эту страну и основавшимъ Золотоордынское царство. Извѣстно, что въ каждой покоренной странѣ монголы вводили, руководствуясь своими законами и обычновеніями, свое управленіе, давали странѣ своихъ чиновниковъ и оставляли при послѣднихъ значительное количество войска, вслѣдствіе чего *юртъ* или постъ, занимаемый областнымъ правителемъ въ покоренной странѣ, всецѣло носилъ на себѣ типъ монгольскій, съ преобладаніемъ здѣсь надъ туземнымъ элементомъ всего монгольскаго, всего татарскаго. Абульфеда описываетъ городъ Укекъ въ то время, когда не прошло еще и одного столѣтія со времени владычества здѣсь монголовъ: это время—было временемъ цвѣтущей силы Золотой Орды. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, Укекъ, или нынѣшній нашъ Усть-Набережный Увѣкъ, въ эпоху Абульфеды долженъ былъ носить типъ города въ полномъ смыслѣ слова монгольскаго. Такимъ образомъ Абульфеда, назвавъ Укекъ „пограничнымъ городомъ царя татарскаго“,—указываетъ, по нашему мнѣнію, и на положеніе этого города среди племенъ, покоренныхъ ханами Золотой Орды, и на монгольскій типъ его, и на племенной составъ его населенія.

Укажемъ, наконецъ, послѣдній источникъ свѣдѣній нашихъ о древнемъ Укекѣ. Этимъ источникомъ является ну-

мизматика, именно данія, почерпаемыя изъ разсмотрѣнія монетъ Золотоордынскаго царства. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются серебряныя монеты, битыя при Токтогу—Ханѣ, монеты, на которыхъ мѣсто ихъ чеканки названо „Укекъ“. Эти монеты описаны въ трудахъ М. Х. Френа: „Resensio Numorum etc.“ (pag. 199, № 6 и pag. 649) и „Монеты Хановъ Улуса Джучіева“ (стр. 5, № 27). Эти монеты съ именемъ Укека биты въ 706 году гиджры или въ 1306 по Р. Х., а потому свидѣтельство ихъ почти современно свидѣтельству Абульфеды или предваряетъ послѣднее не болѣе какъ тремя десятилетиями лѣтъ. Разсматриваемый нами нумизматическій фактъ является логическимъ восполненіемъ свидѣтельства Абульфеды.

Съ одной стороны, монета Токтогу Хана, битая въ Укекѣ въ 1306 году, подтверждаетъ, что дѣйствительно въ татарскомъ царствѣ существовалъ въ 1306 году городъ *Укекъ* и что въ немъ бита была даже монета, какъ и во многихъ другихъ Золотоордынскихъ городахъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ начертаніи буквами слова „Укекъ“ на монетѣ усматривается небольшая разность съ именемъ города у Абульфеды: на монетѣ онъ написанъ *او كاك*, у Абульфеды *او كك*, иногда *او كك* и *اكك*. Эта разность не должна вести къ предположенію о двухъ городахъ, сходныхъ именемъ: система письма арабскими буквами очень легко можетъ допустить подобныя измѣненія въ письмѣ и замѣнить въ словѣ гласныя буквы гласными знаками; это тѣмъ легче можетъ быть допущено, что арабскій писатель изображалъ названіе города иноязычное. А такъ какъ фактъ нумизматическій почти современенъ свидѣтельству иностраннаго писателя,—то несомнѣннымъ является, что арабскій писатель говоритъ здѣсь о томъ же городѣ, который указывается и на монетѣ, кслъ скоро онъ не говоритъ о существованіи въ Ордѣ въ то же время еще другаго города съ такимъ же или съ подобнымъ именемъ. Въ значительномъ количествѣ монетъ, собранныхъ на Укѣкѣ, я встрѣтилъ нѣсколько экземпляровъ монеты Туктагу—Хана съ названіемъ города Укека. Но сами по себѣ эти монеты не могутъ еще доставить точку опоры, утвердившись на которой мы могли бы связать что либо безусловно положительное относительно мѣста древняго Укека: онѣ могли также случайно попасть въ мѣстность ны-

нѣшняго Увѣка, какъ попали сюда и монеты, битыя въ Сарай, Харезмъ, Азовъ, Гюлистанъ и въ другихъ мѣстностяхъ Золотой Орды. И только соображаясь съ другими, выше приведенными данными, мы можемъ утверждать, что монеты съ именемъ Укека, находимыя среди дресвы въ развалинахъ нынѣшняго Увѣка, *биты именно на этомъ мѣстѣ*; къ этому слѣдуетъ добавить, что монеты съ именемъ Укека находятъ чаще и преимущественнѣе здѣсь, нежели въ другихъ городищахъ Золотоордынскаго царства, гдѣ находятъ ихъ несравненно рѣже. Съ другой стороны, монета съ именемъ Укека, свидѣтельствуя, что въ Укекѣ былъ монетный дворъ, тѣмъ самымъ заставляеть сдѣлать заключеніе, что этотъ городъ былъ однимъ изъ первостепенныхъ городовъ Орды, что, имѣя въ себѣ монетный дворъ, какъ и многіе лучшіе города Золотоордынскіе, онъ вмѣщалъ въ себѣ одно изъ улусныхъ управленій, былъ мѣстопребываніемъ областныхъ государственныхъ чиновниковъ,—слѣдовательно долженъ былъ удерживать верхъ надъ многими другими аулами Орды и своимъ политическимъ значеніемъ, и численностью населенія, и количествомъ домовъ, и качествомъ ихъ постройки. Наблюдая въ Увѣкскомъ городищѣ ничтожные остатки, которыя хотя сколько нибудь могутъ дать собою понятіе о домашнемъ бытѣ давноинувшей старины татарской,—я находилъ признаки большаго сходства домашняго быта Укекскихъ жителей съ тѣмъ, какой усматривается изъ остатковъ, сохранившихся на мѣстѣ столицы Золотоордынской, въ окрестностяхъ нынѣшняго города Царева: тѣже формы и орнаменты на черепкахъ глиняной домашней посуды; таже манерная цвѣтная полива; тѣже украшенія, бусы и другія галантерейныя вещи и т. п. Все это заставляеть приурочивать оба города—и Сарай и Укекъ—къ одной эпохѣ, къ одному народу.

Приведеннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшимъ, нумизматическимъ извѣстіемъ, почерпаемымъ изъ монеты Токтагу Хана,—ограничиваются мои свѣденія объ Увѣкѣ. Они заключаются слѣдовательно въ томъ, что въ началѣ XIV столѣтія существовалъ на мѣстѣ нынѣшняго Увѣка древній монгольскій городъ Укекъ, который, въ цвѣтущій вѣкъ могущества Кипчакскаго царства, при ханѣ Узбекѣ, безъ сомнѣнія процвѣталъ вмѣстѣ съ другими городами Золотой Орды. Но что онъ былъ прежде? Кому онъ обязанъ началомъ своимъ?

Не существовалъ ли онъ прежде пришествія сюда монголовъ, напимѣрь при половцахъ, при буртасахъ, при хвалисахъ, при казарахъ? Объ этомъ молчитъ древность,—а потому и мы ничего не можемъ высказать сколько нибудь положительнаго. Не знаемъ мы также достовѣрно и времени, когда Укекъ пересталъ быть городомъ, когда онъ былъ приведенъ въ то ничтожество, въ какомъ нынѣ видимъ мы его остатки; не знаемъ, чья рука бросила пламень, испепелившій и сгладившій съ лица земли этотъ, нѣкогда очевидно могущественный, Золотоордынскій городъ. Но, если по первому вопросу мы невольно должны ограничиться молчаніемъ,—по второму вопросу мы можемъ предложить отвѣтъ, если и не рѣшительный, то по крайней мѣрѣ имѣющій за собою значительную степень вѣроятности. Въ теченіи XIV-го вѣка, когда Золотоордынская держава была еще вѣрка, когда частыя междоусобія во второй половинѣ этого вѣка, истребляя народонаселеніе, не истребляли еще по крайней мѣрѣ наружнаго, внѣшняго, благосостоянія Орды—въ то время, конечно, и Укекъ существовалъ въ качествѣ города. Но въ послѣднее десятилѣтіе XIV-го вѣка могущественный противникъ Токтамыша прошелъ черезъ весь Кипчакъ съ мечемъ и пламенемъ: въ это время погибло много городовъ Золотоордынскихъ, въ это время палъ, по всей вѣроятности, и Укекъ. И дѣйствительно, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Тамерланъ, на пути отъ Сарая къ Ельцу, велъ свои полчища не пустыми степями, а черезъ города и юрты Кипчакскаго царства, въ которыхъ онъ могъ и насытить свое кровожадное ищеніе, и, съ другой стороны, дать своимъ полчищамъ возможность поживиться богатою добычею. Укекъ находился какъ разъ на пути этого побѣдоноснаго и разрушительнаго шествія,—и не могъ конечно не раздѣлить общей участи городовъ Золотой Орды.

IV.

ВЫВОДЫ ИЗЪ ПРЕДЪИДУЩАГО.

Принимая въ соображеніе, съ одной стороны—немногіе археологическіе памятники Увѣкскаго берега, а съ другой стороны—краткія историческія извѣстія объ Укекѣ, за-

вѣщанный намъ несловоохотливою древностью, мы невольно столкнемся съ вопросомъ: отъ одной ли эпохи и отъ одного ли народа сохранились всѣ памятники древности, обнаруживаемые на Увѣкѣ, или, наоборотъ, могутъ они быть приурочиваемы къ различнымъ эпохамъ и къ различнымъ народамъ? Факты, находящіеся въ нашемъ обладаніи, исключаютъ возможность прямаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Достоверно только то, что въ нынѣшнихъ остаткахъ Увѣкской старины нѣтъ ничего относительно новаго, ничего такого, что могло бы относиться къ столѣтіямъ XVIII-му, XVII-му и XVI-му, ко времени, въ которое здѣшняя страна, со времени покоренія Астрахани, сдѣлалась русскою. Некому да и незачѣмъ было бы здѣсь что либо строить. Ни русскіе не заводили тутъ заводовъ, какъ заводили они ихъ, напримѣръ, въ городкѣ Селитренномъ, который и названіе свое получилъ отъ промысла, заведеннаго на остаткахъ его монгольской старины; ни степныя орды киргизовъ, калмыковъ или другаго какого либо народа не останавливались тутъ для жительства, хотя бы и временнаго—по крайней мѣрѣ съ той поры какъ основанъ г. Саратовъ никогда и нигдѣ не упоминается о какихъ либо сосѣдяхъ—кочевникахъ, столь близкихъ къ нему. Да и частыя смуты и тревоги въ этой странѣ не позволяли останавливаться здѣсь такимъ пришельцамъ: они держались всегда въ нѣдрахъ степей, удаляясь отъ центровъ русской колонизаціи. Три столѣтія, протекшія отъ завоеванія Астрахани (въ 1556 году) до настоящаго времени (1846 г.), были временемъ, въ теченіи котораго Увѣкъ все болѣе и болѣе утрачивалъ слѣды своего прежняго величія, въ теченіи котораго все болѣе и болѣе гибли и утрачивались его археологическіе памятники. Будучи пунктомъ прибрежнымъ и притомъ представляясь удобнымъ пристанищемъ и для добрыхъ и для лихихъ плавателей по Волгѣ,—Увѣкъ, съ своими остатками старины, менѣе какого либо другаго прибрежнаго пункта могъ укрыться и отъ алчной хищности, которая безъ различія тащитъ все, что только кажется ей добромъ, и отъ тупаго варварства, которое безотчетно рубитъ, жжеть и уничтожаетъ все, что только напоминаетъ о прежнихъ властителяхъ мѣстности, ненавистныхъ ему уже по одному имени (*).

(* Въ этомъ мѣстѣ рукописи рукою автора приписано на поляхъ: «Донскіе казаки».

Такимъ образомъ, принявъ положеніе, что памятники Увѣкской стерины древнѣе трехъ послѣднихъ столѣтій, что они восходятъ за времена русской колонизаціи этого края, зададимся теперь вопросомъ: что здѣсь оставилъ послѣ себя вѣкъ славы монголо-татарскаго царства? Въ немногихъ остаткахъ каменныхъ зданій, въ мелкихъ осколкахъ отъ домашней посуды, въ галантерейныхъ вещахъ изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, въ значительномъ числѣ татарскихъ денегъ—видимъ мы немногіе остатки отъ городской и домашней жизни древняго Укека. Остатки каменныхъ зданій хотя и ничего не говорятъ за себя, хотя они и ничѣмъ не увѣрили насъ, что они именно татарскіе—но подобныя же постройки на другихъ татарскихъ городищахъ, на которыхъ болѣе сохранились черты татарской эпохи, заставляютъ насъ отнести къ тому же времени и типу и Увѣкскія развалины, въ особенности, если мы останемся при убѣжденіи, что Укекъ былъ значительнымъ городомъ въ Ордѣ и сосредоточивалъ въ себѣ улусное управленіе. Предметы домашняго быта и предметы галантерейные обнаруживаютъ ту же степень искусства, тотъ же вкусъ, какіе обнаруживаютъ подобные же предметы, найденные въ Царевѣ,—предметы, признаніе которыхъ остатками монголо-татарской культуры стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Татарскія монеты, разсыпанныя во множествѣ по всему городищу, свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда была осѣдлость именно этого народа,¹ а надписи на монетахъ ясно относятъ время существованія Укека къ эпохѣ процвѣтанія Золотой Орды; найденныя же здѣсь монеты съ именемъ города Укека—указываютъ на производившійся тутъ чеканъ монеты, а слѣдовательно даютъ основаніе и къ выводу объ относительной значительности этого города.

Выскажемъ въ заключеніе наше убѣжденіе въ томъ, что среди древнихъ памятниковъ Увѣка сохранилось не одно татарское: это положеніе легко провѣрить на обнаруживаемыхъ здѣсь древнихъ могилахъ. Несомнѣнно, что на Увѣскомъ кладбищѣ *должно быть* татарское погребеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь очевидны также и слѣды погребенія до-татарскаго, или, если и татарскаго, то относящагося къ эпохѣ первоначальнаго поселенія здѣсь татарскаго племени, къ той эпохѣ, когда татаринъ не былъ еще мохаммеданиномъ. Во второмъ десятилѣтѣ XIV столѣтія, съ возшествіемъ Узбека—хана на

престоль Кипчакскій, магоммеданство взяло верхъ надъ прежнею религіею и, вмѣстѣ съ другими уставами, ввело свои обычаи и въ погребеніе умершихъ. Но, спрашивается, какъ же отличить на Увѣвѣ могилу магоммеданина отъ могилы язычника? Съ перваго взгляда всѣ находящіяся здѣсь могилы могутъ представиться магоммеданскими, такъ какъ онѣ представляютъ положеніе труповъ отъ сѣвера къ югу. Но въ этомъ только и заключается сходство; во всѣхъ остальныхъ признакахъ своихъ Увѣвскія могилы представляютъ отклоненія отъ общаго типа магоммеданскихъ могилъ: прежде всего мы не находимъ въ нихъ того, что у магоммеданъ называется — *лахдъ*, т. е. вырытаго въ боку ямы углубленія, для положенія въ немъ трупа; далѣе кости животныхъ, кирпичныя настилки или площадки надъ поверхностію могилъ, угли и зола, заставляющія вспомнить о языческихъ кострахъ для сожженія жертвъ надъ могилами, кувшины, зарываемыя при могилѣ—все это признаки языческой тризны, но отнюдь не магоммеданскихъ погребальныхъ обычаевъ! Такимъ образомъ я полагаю, что среди магоммеданскихъ могилъ Увѣвскаго городища должны быть въ значительномъ количествѣ выдѣляемы и могилы монголовъ—язычниковъ, а быть можетъ даже и народовъ, предшествовавшихъ монголамъ. Я допускаю болѣе нежели вѣроятнымъ предположеніе, что было время, когда Увѣвское побережье Волги было только кладбищемъ какого нибудь кочеваго народа, который, въ своей скитальческой жизни, избралъ это побережье для вѣчнаго успокоенія своихъ мертвецовъ. Половцы, Буртасы, Хвалисы, Булгары, Хазары, населявшіе въ разное время берега Волги, не оставивъ послѣ себѣ никакихъ письменныхъ памятниконъ, оставили въ различныхъ мѣстностяхъ здѣшняго края надъ прахомъ своихъ умершихъ, или урну, или камень, или курганъ,—каждое племя по своимъ обычаямъ и по требованіямъ своего религіознаго культа.

7 сентября 1846 года
Саратовъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАСКОПОКЪ ВЪ ЛАИШЕВСКОМЪ УѢЗДѢ, ВЛИЗЬ СЕЛА ШУРАНА И ДЕР. СОРОЧЬИХЪ ГОРЬ,

проведенныхъ лѣтомъ 1881-го года дѣйствительнымъ членомъ

Н. А. Пономаревымъ.

Въ XXI Общемъ Собраніи гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи отъ 30-го октября 1881 года, дѣйствительный членъ Н. А. Пономаревъ дѣлалъ сообщеніе о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1881 года, по порученію Общества, близъ с. Шурана и дер. Сорочьихъ Горь. Сущность сообщенія заключалась въ слѣдующемъ:

1) Раскопки произведены были референтомъ при содѣйствіи гг. Штукенберга, Зайцева, Чижевскаго, Дембровскаго, и Александрова на тѣхъ городкахъ, которые указаны были референтомъ еще въ 1879 году и отчасти обследованы имъ въ 1880 г. при содѣйствіи гг. Загоскина и Лаврскаго.

2) Результаты раскопокъ этихъ городковъ, оригинальность которыхъ по вышнему виду (*) и находкамъ побудила референта еще въ прошломъ году выдѣлить ихъ изъ числа болгарскихъ, были нынѣ весьма благоприятны: на склонахъ двухъ городковъ (при устьи Гремячаго ключа и на Сорочьей горѣ), въ слоѣ сѣрой, сухой и рассыпчатой земли обнаружено было, кромѣ массы черепковъ и расколотыхъ костей различныхъ животныхъ, до 400 предметовъ сдѣланныхъ пре-

---

(*) Общій типъ городищъ этого вида — горный мысъ, огражденный съ доступной стороны кокошничкообразнымъ или серпообразнымъ валомъ со рвомъ, а съ остальныхъ трехъ сторонъ защищенный естественными оврагами или обрывами.

имущественно изъ кости (молотки, иглы, лопатки, ложки, шилья, стрѣлы, гарпуны, удочки, пронизки изъ клыковъ медвѣдя и рѣзцовъ бобра и разные другіе предметы не вполне опредѣленнаго назначенія). Изъ каменныхъ орудій при этомъ найдены были только два молотка, одна кремневая стрѣлка, нѣсколько рыболовныхъ грузилъ и точильныхъ камней изъ эоценоваго песчаника; изъ металлическихъ: одинъ желѣзный ножъ и одна мѣдная игла.

Въ заключеніе, исходя изъ сообщенныхъ фактовъ, П. А. Пономаревъ изложилъ слѣдующія общія соображенія:

1) Миниатюрные размѣры этихъ городковъ и незначительная распространенность ихъ въ юго-восточной полосѣ Казанской губерніи указываетъ на то, что племя ихъ населявшее было въ этой мѣстности немногочисленно и разбросано по небольшимъ поселкамъ.

2) Кухонные остатки—расколотыя кости домашнихъ и дикихъ животныхъ,—а равно стрѣлы, удочки и гарпуны указываютъ на характеръ пищи этого племени и на преобладающія занятія—скотоводство, охоту и рыбную ловлю.

3) Примитивность въ выдѣлѣ посуды изъ раковистаго ила, однообразіе памятниковъ быта, преобладаніе издѣлій изъ кости—указываютъ на слабость культурнаго развитія племени.

4) Малая распространенность каменныхъ орудій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, находки изъ мѣди и желѣза, хотя и незначительныя по количеству, лишаютъ возможности приурочить это племя къ каменному періоду, тѣмъ болѣе, что металлическія находки встрѣчаются и на другихъ подобныхъ городищахъ.

5) Характерныя особенности въ строеніи укрѣпленій и въ памятникахъ быта не позволяютъ считать это племя тождественнымъ съ населеніемъ болгаро-татарскихъ городищъ.

6) Рѣзкія, бросающіяся въ глаза противоположности въ характерѣ этихъ городищъ и городищъ болгаро-татарскихъ, отсутствіе родственной связи въ культурныхъ признакахъ тѣхъ и другихъ, отсутствіе всякихъ слѣдовъ преемственнаго и послѣдовательнаго развитія формъ памятниковъ быта—не позволяютъ считать обитателей этихъ оригинальныхъ городищъ предками болгаро-татарской національности.

7) Сходство описанныхъ городищъ, какъ по строенію укрѣпленій, такъ и по характеру находокъ, со многими

чудскими городищами Вятской и Пермской губерній приводить къ заключенію, что эти своеобразныя городища юго-восточной полосы Казанской губерніи населены были народомъ такъ называемаго чудскаго племени.

8) Исходя изъ представленія о болгарской народности, какъ конгломератъ племень, можно было-бы, повидимому, допустить одновременное существованіе городищъ болгаро-татарскихъ и описанныхъ чудскихъ. Но, отсутствіе всякаго воздѣйствія культуры первыхъ на культуру послѣднихъ, не смотря на то, что городища обоихъ типовъ расположены рядомъ, приводитъ къ необходимости отнесенія указанныхъ чудскихъ городищъ и другихъ имъ подобныхъ къ эпохѣ, предшествовавшей возникновенію городищъ болгаро-татарскихъ.

9) Болѣе опредѣленное рѣшеніе вопроса о времени возникновенія и существованія чудскихъ городищъ въ юго-восточной части Казанской губерніи въ настоящее время, по недостатку фактическаго матеріала, не представляется пока возможнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ интересахъ разрѣшенія этого вопроса въ будущемъ, можно указать на слѣдующее:

а) Сосуды городищъ описаннаго типа по матеріалу, выдѣлѣѣ и орнаментамъ однородны съ Ананьинскими, точно также какъ и желѣзные ножи.

б) Близъ описанныхъ городищъ и другихъ имъ подобныхъ попадаются бельты, совершенно тождественныя съ Ананьинскими.

в) Находки описанныхъ городищъ сходны, повидимому, съ находками такъ называемыхъ „костищъ“.

Такимъ образомъ болѣе опредѣленное разрѣшеніе хронологическаго, а равно и другихъ вопросовъ, можетъ быть поставлено въ прямую зависимость отъ дальнѣйшаго изученія чудскихъ памятниковъ и такъ называемыхъ „костищъ“.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
О РЕЗУЛЬТАТАХ РАСКОПОКЪ НАДЪ РОЙСКИМЪ ИСТОКОМЪ,
НА ГРАНИЦЪ
УРЖУМСКАГО И МАЛМЫЖСКАГО УЪЗДОВЪ
Вятской губерніи,

произведенныхъ лѣтомъ 1881-го года членомъ сотрудникомъ

С. К. Кузнецовымъ.

Между двумя почингами нагорнаго берега р. Вятки, Шишкинымъ (по списку населен. мѣсть Вят. губ. № 15196) и Воробьевымъ (№ 15202), надъ Ройскимъ истокомъ, на стрѣлкѣ (узенькой площадкѣ), образуемой двумя глубокими оврагами — уже давно обращало на себя вниманіе большое искусственное возвышеніе, извѣстное у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „шихана“, и загоразживающее собою входъ на вышеозначенную стрѣлку. Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ одномъ изъ овраговъ начали обнаруживаться послѣ весеннихъ обваловъ разные желѣзные и бронзовые предметы, преимущественно оружіе. Все это собиралось мѣстными жителями и большею частью уничтожалось или перелѣвывалось; самую стрѣлку около того же времени стали распахивать послѣ одного пожара, уничтожившаго роспій на ней лѣсъ. Изъ старыхъ находокъ до настоящаго времени у жителей сохраняются только длинныя прямые клинки отъ мечей. Народная молва, по обыкновенію, считаетъ этотъ шиханъ укрѣпленіемъ, устроеннымъ разбойниками для защиты ихъ притона на стрѣлкѣ, которая можетъ считаться почти непри-

ступной. Жители починка Воробьева прямо называют себя потомками прежних разбойников, а теперешні нравы ихъ отчасти подтверждаютъ справедливость рассказываемаго ими преданія. Очень можетъ быть, что въ болѣе позднее время разбойники дѣйствительно имѣли притонъ подлѣ шихана, по крайней мѣрѣ нѣсколько землянокъ, числомъ четыре, съ сохранившимися еще на половину дубовымъ потолкомъ или уже совсѣмъ обрушившіяся — указываютъ на чье-то позднее поселеніе.

Не совсѣмъ точное описаніе шихана у Ройскаго источника помѣщено въ Отчетѣ Вятскаго Губ. Стат. Комитета за 1873 годъ, гдѣ упоминается и о сдѣланныхъ тутъ находкахъ и о связанныхъ съ шиханомъ преданіяхъ. Въ недавно вышедшей брошюрѣ г. Спицина „Каталогъ древностей Вятскаго края“ (В. 1881 г.) также есть коротенькое упоминаніе объ этомъ памятникѣ древности.

Раскопки шихана минувшимъ лѣтомъ производились С. К. Кузнецовымъ въ три приема: 6-го іюня, съ участіемъ члена-сотрудника Императорскаго Русск. Географич. Общества М. В. Малахова; 10-го іюня, вмѣстѣ съ дѣйствит. членами Общества П. А. Пономаревымъ и А. А. Штукенбергомъ, и наконецъ 26—27 іюля единолично.

1. Раскопки 6-го іюня начаты были при участіи 18-ти рабочихъ, изъ которыхъ половина производила разрѣзъ шихана во всю его высоту, другая же половина вела неглубокую траншею на оконечности стрѣлки. Независимо отъ того — одна треть площади стрѣлки была вспахана. Находки были не особенно богаты, если не говорить о массѣ черепковъ съ разнообразнѣйшимъ орнаментомъ. На оконечности стрѣлки было найдено нѣсколько стрѣлъ изъ лосинаго рога, а при разрѣзѣ шихана — угли, жженныя кости и костяныя копье и стрѣла. На площадкѣ стрѣлки при распашкѣ найденъ сплавленный бронзовый предметъ, повидимому рукоятка отъ меча, и бронзовая же подвѣска. Произведенная раскопка выяснила, что площадь стрѣлки покрыта толстымъ слоемъ золы, которая дѣлается тоньше по мѣрѣ удаленія отъ шихана; самъ же шиханъ представляетъ въ разрѣзѣ слоистую насыпь, строившуюся очевидно въ различные промежутки времени.

2. Вторичная раскопка производилась вполне систематично. П. А. Пономаревымъ былъ снятъ точный планъ стрѣлки и шихана, тщательно измѣрена вся площадь перво-

бытнаго поселенія и кромѣ того М. В. Малаховымъ сняты двѣ фотографіи съ шихана. На этотъ разъ раскопки дали довольно большое количество копій, стрѣлъ, шильевъ и иголь изъ лосинаго рога, нѣсколько амулетовъ изъ медвѣжьихъ и бобровыхъ зубовъ, массу черепковъ и нѣсколько обдѣланныхъ точильныхъ камней, служившихъ очевидно для обработки костяныхъ орудій; было найдено также два желѣзныхъ меча. Много попадалось при этомъ раковинъ *unio*,—но еще больше костей домашнихъ и дикихъ животныхъ, частью расколотыхъ, частью обожженныхъ; попался между прочимъ цѣльный черепъ медвѣдя. Количество находимыхъ костей было по истинѣ изумительно.

3. Последнія двухдневныя раскопки (съ 18-ю рабочими) дали всего болѣе находокъ. Особенно богаты были находками траншеи, веденныя по сѣверному склону стрѣлки; здѣсь найдена масса костяныхъ стрѣлъ, черепковъ, костей домашнихъ и дикихъ животныхъ. Изъ выдающихся находокъ замѣчательны: костяная рукоятка отъ желѣзнаго ножа небольшой величины (найденнаго тутъ же, возлѣ рукоятки), имѣющая форму медвѣжьей или кабаньей головы съ ушами, костяная ложка, нѣсколько костяныхъ рыболовныхъ крючьевъ, два медвѣжьихъ черепа.

Воздерживаясь пока, до окончанія раскопокъ, отъ какихъ либо окончательныхъ выводовъ, не приурочивая этого памятника къ какому либо опредѣленному времени и указавъ на довольно близкое по видимому отношеніе его къ *костницамъ*,—референтъ констатировалъ фактъ, что по формѣ своей шиханъ похожъ на тѣ „вокошники“ (серповидныя насыпи) близъ с. Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ, о которыхъ сообщалъ дѣйствит. членъ Общества П. А. Пономаревъ (*). Форма насыпи напоминаетъ лежащую горбомъ къ верху продольную половину огурца, имѣющую посерединѣ луновидную выемку.

По словамъ референта, раскопку шихана далеко нельзя еще назвать окончательною. Значительная часть сѣвернаго склона еще не разрыта и можетъ дать обильныя находки, отчасти совершенно новыя, отчасти дополняющія уже сдѣланныя. Самое важное — кости человѣка—еще не найдены.

(*) См. предъидущее сообщеніе.

Очень можетъ быть, что мѣсто погребенія людей,] наслѣв шихъ стрѣлку, слѣдуетъ искать за сѣвернымъ или южнымъ оврагомъ, особенно за послѣднимъ, гдѣ, по словамъ крестьянъ, работавшихъ на расположенномъ здѣсь кирпичномъ заводѣ. они однажды натѣнулись уже на человѣческія кости, почему и забросили въ этомъ мѣстѣ работы изъ страха.

Референтъ заключилъ свое сообщеніе выраженіемъ надежды, что окончательныя раскопки дадутъ возможность сдѣлать болѣе опредѣленные выводы относительно этого древняго поселенія; въ этомъ можно быть тѣмъ болѣе увѣреннымъ, что по правому берегу р. Вятки существуетъ не одинъ подобнаго рода шиханъ и даже напротивъ раскопаннаго, на луговой сторонѣ р. Вятки, стоитъ точно такой же шиханъ, по близости котораго лѣтъ 15 тому назадъ было найдено три серебрянныхъ жгута, проданныхъ на вѣсь городскимъ вущамъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

По поводу раскопокъ: I) близъ села Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ (въ Лаишевскомъ у. Казан. губ.) и II) надъ такъ называемымъ Ройскимъ Истокомъ (на границѣ Уржумскаго и Малмыжскаго уу. Вятской губ.), произведенныхъ лѣтомъ 1881-го года (*).

Дѣйствит. члена профессора А. А. Штуевенберга.

И.

На правомъ берегу Камы, нѣсколько выше Лаишева, около села Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ, сохранилось довольно много памятниковъ старины. Между этими памятниками выдѣляются болѣе опредѣленно татаро-булгарскія городища, значеніе же другихъ — укрѣпленныхъ мысовъ и кургановъ—еще и теперь не вполне выяснилось. На укрѣпленные мысы окрестностей села Шурана и дер. Сорочьихъ Горъ впервые обратилъ вниманіе П. А. Пономаревъ, отдѣливъ ихъ отъ татаро-булгарскихъ городищъ. — Изслѣдованія г. Пономарева выяснили также существованіе около с. Шурана и д. Сорочьихъ Горъ двухъ типовъ укрѣпленныхъ мысовъ. Въ одномъ случаѣ укрѣпленіе представляетъ простой невысокій валъ, а въ другомъ укрѣпленіе состоитъ изъ серповиднаго вала, имѣющаго въ серединѣ холмообразную насыпь, называемую обыкновенно *шишкой*. Прежніе обитатели береговъ Камы укрѣпляли подобнымъ образомъ мыса или стрѣлки, образующіеся, или при сліяніи двухъ овраговъ, или при выходѣ овраговъ въ долину Камы. Серповидными валами съ шишками (Копанская шишка, Кирюшкина шишка) укрѣплены, стрѣлки перваго рода, а простыми валами укрѣплены не далеко отъ Шурана и Сорочьихъ Горъ, стрѣлки втораго рода.

Не вдаваясь въ специальное описаніе укрѣпленныхъ мысовъ около с. Шурана, при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей

(*) См два предъидущихъ сообщенія.

горѣ, которые и были предметами изслѣдованія, я все же считаю не бесполезнымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Эти укрѣпленные мысы представляютъ стрѣлки, ограниченные, съ одной стороны—отвѣсными обрывами праваго берега Камы, а съ другой—крутыми склонами овраговъ. Оба укрѣпленія имѣютъ очень небольшія площадки. Нужно еще прибавить, что стрѣлка при Гремячемъ ключѣ сложена изъ постъплиоценовой глины, а Сорочья гора образована толщей пластовъ пермской системы.

Укрѣпленные площадки при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ очевидно служили мѣстомъ поселенія человека, хотя и трудно рѣшить, служили ли эти площадки для постояннаго или только временнаго обитанія. Очевидно также, что на этихъ площадкахъ могло размѣститься только небольшое племя, можетъ быть даже только нѣсколько семействъ. Стрѣлки при Гремячемъ ключѣ и Сорочьей горѣ были выбраны мѣстомъ для поселенія съ большимъ тактомъ, такъ какъ представляли много удобствъ обитателямъ, какъ со стороны безопасности, такъ и для добыванія пищи. — Со стороны защиты эти возвышенные мысы (стрѣлка при Гремячемъ ключѣ возвышается до 6 саж., а Сорочья гора до 10 саж. надъ уровнемъ Камы), ограниченные отвѣсными или же очень крутыми склонами, должны быть признаны хорошо выбранными, безопасными позиціями, по крайней мѣрѣ со стороны Камы, а близость рѣки и характеръ окружающей мѣстности представляли удобства и для охоты, и для рыбной ловли.

При изслѣдованіи укрѣпленныхъ мысовъ при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ раскопки производились и на площадкахъ и по склонамъ стрѣловъ, обращеннымъ въ оврагамъ. Раскопки площадей дали немного: подъ дерномъ были находимы, не особенно часто, черепки горшковъ изъ необожженной глины и кости домашнихъ животныхъ (свиньи, лошади, быка) то цѣлыя, то расколотыя. Гораздо большій интересъ представили раскопки склоновъ стрѣлокъ, обращенныхъ въ оврагамъ. Оказалось, что эти склоны покрыты осыпями, состоящими изъ сѣрой, рыхлой, легко осыпающейся земли, мѣстами мощными (склонъ стрѣлки при Гремячемъ ключѣ покрытъ осыпью толщиной до 1½ арш.), мѣстами очень тонкими (осыпь на Сорочьей горѣ иногда не превышаетъ толщиной ¼ арш.). Осыпи эти оказались

необыкновенно богатымъ содержаніемъ утвари, орудій, оружія, костей животныхъ, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ, — то цѣлыхъ, то раздробленныхъ и расколотыхъ, — костей птицъ, костей и твердыхъ образованій покрововъ рыбъ и створовъ рѣчныхъ раковинъ изъ рода *Unio*. Кромѣ того въ нихъ попадались куски древеснаго угля, угольный мусоръ и обожженные кости. Содержаніе массы расколотыхъ костей, обломковъ глиняныхъ горшковъ, примѣсь угля и обожженныхъ костей — заставляютъ признать эти осыпи кухоннымъ отбросомъ, кухонными остатками обитателей стрѣлковъ.

Обильный матеріалъ, собранный въ осыпяхъ на Сорочьей горѣ и около Гремячего ключа, представляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе науки, такъ какъ вполне уясняетъ и образъ жизни и культуру обитателей береговъ Камы, — насельниковъ укрѣпленныхъ мысовъ. Матеріалъ этотъ представляетъ большое значеніе еще и потому, что находился *in situ* и добытъ изъ однороднаго культурнаго слоя.

Исслѣдованіе костей, добытыхъ въ осыпяхъ на стрѣлкахъ при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ, убѣждаетъ, что обитатели ихъ владѣли слѣдующими домашними животными: лошадьми, рогатымъ скотомъ (между прочимъ и безрогой комолой породой), овцами, свиньями, собакой.. Совмѣстно съ костями домашнихъ животныхъ оказались и кости дикихъ: медвѣдя, выдры, буницы, волка, лисицы, лося, бобра и хомяка... Костей птицъ (гуся и друг.) найдено немного. Изъ остатковъ рыбъ въ осыпяхъ были найдены бляшки и плавниковыя иглы осетровъ. Всѣ домашнія животныя, исключая собаки, а также многія дикія служили пищею обитателямъ укрѣпленныхъ мысовъ, доказательствомъ чего могутъ служить разбитыя и раздробленныя кости и пробойны череповъ, очевидно служившія для извлеченія мозга. Пищею служили, конечно, и птицы, и рыбы и, какъ кажется, обитатели укрѣпленныхъ мысовъ не брезгали и моллюсками (*Unio pictorum*, *Unio tumidus*), раковины которыхъ сотнями попадаютъ въ осыпяхъ, то въ видѣ цѣльныхъ створовъ, то въ видѣ обломковъ. Между орудіями, оружіемъ и украшеніями, собранными въ осыпяхъ, оказались до 400 предметовъ сдѣланныхъ изъ костей домашнихъ животныхъ, клыковъ медвѣдя и кабана, рѣзцовъ бобра, рога лося, нѣсколько предметовъ каменныхъ и два металлическихъ.

Утварь —разной величины горшки, покрытые по краямъ довольно простымъ бордюромъ — оказалась сдѣланною изъ необожженной глины.

Утварь (горшки изъ необожженной глины), орудія и оружіе изъ кости (шилья, иглы, скребки, долота, крючки для уженія рыбы, стрѣлы, гарпуны, копыя и пр.), орудія изъ рога лоса (молотки и пр.) и украшенія, состоящія изъ просверленныхъ ельковъ медвѣдя и кабана, рѣзцовъ бобра и свинныхъ бабокъ—достаточно характеризуютъ первобытную культуру обитателей укрѣпленныхъ мысовъ береговъ Камы, полуосѣдлыхъ рыболововъ и охотниковъ. — Каменные орудія (временный наконечникъ стрѣлы, долото, два молотка изъ твердаго известняка, нѣсколько точилъ изъ эоценоваго песчаника, грузила), найденныя въ осыпяхъ хотя и въ незначительномъ числѣ, но разбросанныя во множествѣ въ окрестностяхъ (*), только подтверждаютъ этотъ выводъ, тѣмъ болѣе, что кость и рогъ, какъ матеріалъ для выдѣлки оружія, орудій и украшеній, нужно признать только суррогатомъ камня.

Нахождение въ осыпяхъ, совмѣстно съ каменными и костяными вещами, и металлическихъ (найденъ желѣзный вриной ножъ и мѣдная игла), какъ мнѣ кажется, не можетъ возвысить степень культуры ихъ обитателей и должно служить только доказательствомъ ихъ сношеній съ болѣе культурными племенами.

Я не берусь приурочить обиталища при Гремячемъ ключѣ и на Сорочьей горѣ къ тому или другому племени, къ той или другой эпохѣ, и ограничусь только указаніемъ на сходство бытовыхъ особенностей обитателей укрѣпленныхъ мысовъ береговъ Камы съ бытовыми особенностями племени, которое оставило слѣды своего существованія въ костыщахъ Пермской губерніи. Мы, вѣроятно, скоро познакомимся съ антропологическими особенностями этого племени, благодаря г. Малахову, открывшему нѣсколько костяковъ при костыщѣ въ Кудымборѣ.

(*) Каменные орудія весьма часто выпахиваютъ въ окрестностяхъ при обработкѣ полей и значительная коллекція ихъ имѣется въ музеѣ Общества.

III.

На правомъ берегу р. Вятки, въ предѣлахъ Уржумскаго уѣзда, въ 2-хъ верстахъ отъ поселка Воробьева, при такъ назыв. Ройскомъ истоѣ, С. К. Кузнецовъ розыскалъ мысъ, укрѣпленный подобно Кашанской и Кирюшкиной шишкамъ (на Камѣ, около Шурана и Сорочьихъ Горъ).—Этотъ укрѣпленный мысъ образованъ двумя глубокими оврагами, выходящими въ долину р. Вятки. Укрѣпленія этого мыса состоятъ изъ серповиднаго вала съ холмообразною насыпью (шишкой) по срединѣ. Эти сооруженія, насыпанные для защиты площадки мыса, сложены частью изъ поверхностныхъ образованийъ, частью же изъ разрыхленныхъ пестрыхъ мергелей (краснаго и сѣраго цвѣта), составляющихъ верхнюю часть массива стрѣлки.—Раскопки были произведены на площадкѣ и по склонамъ, которые оказались покрытыми осыпью, переполненною кухонными отбросками (угольнымъ мусоромъ, обожженными и расколотыми костями, створками и обломками створокъ раковины *Unio pictorum* и пр.). Кромѣ того, въ осыпи обнаружено весьма много предметовъ бытовой обстановки (черепковъ горшковъ изъ необожженной глины, оружія, орудій) и масса костей животныхъ, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ, а также двѣ кости конечностей человѣка.

Между выкопанными костями животныхъ оказались кости медвѣдя, лося, бобра, буницы, зайца, лошади, быка, барана, свиньи... Между выкопанными предметами бытовой обстановки, кромѣ горшковъ изъ необожженной глины, оказалось до сотни вещей изъ кости и рога лося, нѣсколько каменныхъ орудій (скребковъ, точила изъ эоценоваго песчаника), а также и металлическія вещи (железный ножъ, железный мечъ и обломокъ мѣдной рукоятки).

Предметы, собранные на укрѣпленномъ мысу при Ройскомъ истоѣ, совершенно подобны предметамъ, собраннымъ на мысахъ при Гремячѣмъ влѣчѣ и на Сорочьей горѣ. Условія, при которыхъ они найдены, тѣже. Все это не позволяетъ обособлять обиталища, подобныя обиталищу при Ройскомъ истоѣ, отъ стрѣлокъ береговъ Камы, укрѣпленныхъ простыми валами, и мнѣ кажется, что ихъ слѣдуетъ приурочить одному племени и одной эпохѣ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

КРАСНОСЛОБОДСКАГО (ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ) МУЖСКАГО

Спасо-Преображенскаго монастыря.

Члена-сотрудника *Д. В. Ильченко.*

Спасо-Преображенскій мужской монастырь принадлежит въ числу древнѣйшихъ въ Пензенской епархіи; онъ находится въ Краснослободскомъ уѣздѣ, разстояніемъ отъ губернскаго города Пензы въ 180-ти, а отъ уѣзднаго г. Краснослободска—въ 50-ти верстахъ, и расположенъ въ квадратнымъ четырехугольникомъ на правомъ низменномъ берегу рѣки Мовши, въ обширной долинѣ, при окраинѣ лѣса.

Основаніе монастыря положено было въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1655 году, когда разрѣшено было патріархомъ Никономъ построить на теперешнемъ мѣстѣ первую церковь. На построеніе этой церкви въ монастырь имѣется подлинная грамота патріарха Никона, 1655 года. Изъ нея видно, что настоящее мѣсто монастыря, названное въ ней „пустынею“, находилось среди дремучихъ лѣсовъ; что въ этой пустынѣ уединенно пребывалъ тогда въ подвигахъ самоотверженія нѣкто „черный старецъ (монахъ) Діонисій“, и что окрестные жители, именно „Темниковскаго уѣзда государевы дворцовые Красной слободы Андрей Агапитовъ съ товарищи и всякихъ чиновъ люди“, вѣроятно побуждаемые славою подвиговъ пребывавшаго въ пустынѣ отшельника, пожелали устроить въ ней обитель, потому что по близости къ Краснослободскому „присуду“ не было въ то время монастыря, а между тѣмъ желающихъ принять иночество ради спасенія

души, особенно передъ смертію, бывало немало. Съ этою цѣлью они входили въ патріарху Никону съ челобитьемъ о разрѣшеніи построить на мѣстѣ подвижнической жизни отшельника деревянную церковь, которую и разрѣшено было имъ строить изъ окружающаго лѣса,—во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, съ двумя придѣлами во имя Казанской Божіей Матери и въ честь усѣкновения главы Іоанна Предтечи; „а главы бы на той церкви и на придѣлѣхъ были круглыя, а не островерхія“,—не забылъ прибавить въ своей грамотѣ строгій ревнитель византійскаго стила. Когда окончательно отстроена и освящена была церковь и когда именно собралась при ней братія,—о томъ въ монастырѣ нѣтъ документовъ но, такъ какъ единственною цѣлью построения церкви, по сказанію грамоты, было желаніе многихъ принимать при ней иноческій санъ, то несомнѣнно, что, по полученіи разрѣшенія на построение церкви просителями, она была въ самое непродолжительное время выстроена и освящена, послѣ чего, конечно, не замедлили собраться при ней и самыя лица, желавшія постриженія, такъ что среди непроходимыхъ, какъ говоритъ преданіе, дебрей, въ которыхъ доселѣ слышны были только вой хищныхъ звѣрей и крикъ хищныхъ птицъ—вскорѣ возвысился разумный человѣческій голосъ покаянныхъ и хвалебныхъ пѣснопѣній къ Творцу вселенной.

Откуда пришелъ въ эти дебри „черный старецъ“ Діонисій и сколько времени онъ подвизался тутъ—о томъ въ монастырѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Но откуда бы онъ ни былъ—изъ патріаршей грамоты несомнѣнно видно, что пребываніе его въ бывшей пустынкѣ, среди лѣсовъ, извѣстно было властямъ и самому патріарху. Въ помянутой грамотѣ разрѣшено строить церковь изъ окружающаго лѣса и, какъ сказано выше, разрѣшеніе это послѣдовало въ 1655 году; отсюда видно, что лѣсъ и все мѣсто, окружавшее пустынку, принадлежало въ то время патріарху, иначе онъ не могъ бы разрѣшить лѣсъ „ронить“.

Со времени устройства первой церкви нѣтъ никакихъ свѣдѣній о монастырѣ до 1677 года; съ этого же года онъ извѣстенъ уже по документамъ подъ именемъ Спасской пустыни и Спасскаго монастыря. Изъ позднѣйшей монастырской хроники видно, что деревянная церковь, которую построилъ „Андрюшка Агапитовъ съ товарищи“, была сломана въ прошломъ XVIII столѣтіи и на мѣстѣ ея построили дру-

гую деревянную же церковь, которая въ первой половинѣ текущаго вѣка замѣнена уже каменной.

Въ монастырской библиотекѣ имѣются слѣдующіе памятники старины: 1) Мѣсячныя Минеи на весь годъ и Евангеліе, печатанныя при патриархѣ Нивонѣ, и 2) Древнеписанныя грамоты, именно: а) Жалованная грамота патриарха московскаго Никона на построение первой деревянной церкви, 1655 года; б) Выпись изъ Краснослободскихъ писцовыхъ книгъ строителю Краснослободскаго Спасскаго монастыря Θεодосію на земли, пожертвованныя монастырю села Дмитріева Усада Путилкою Дмитріевымъ, 1683 года; в) Царская грамота стольнику Чирикову объ отказѣ Ивашкѣ Тимофееву отъ Тенишевской поляны и бортныхъ оброчныхъ угодій и о введеніе во владѣніе оными строителя (Спасской пустыни, 1690 года; г) Грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны въ дворцовую Красную Слободу, Саввѣ Игнатъеву Украинцову, объ учиненіи изслѣдованія о правахъ владѣнія строителемъ Преображенскаго монастыря, старцемъ Герасимомъ, землею деревни Тенишевой, 1687 года; д) Такая же царская грамота тому же Саввѣ Украинцову о введеніи во владѣніе бортными и сѣновосными угодьями, пожертвованными Краснослободскому монастырю Путилкою Дмитріевымъ, 1686 года.

Грамота патриарха Никона, точный снимокъ съ которой при семъ прилагается, написана на темной и плотной бумагѣ желтоватаго цвѣта, сдѣланной, по всей вѣроятности, изъ хлопка, изъ котораго обыкновенно выдѣлывалась встарину бумага, называвшаяся бомбициной. Бумага имѣетъ форму свитка, длиною 1 аршинъ и 2 вершка, а шириною $\frac{1}{2}$ вершка; склеена въ двухъ мѣстахъ. Грамота написана скорописью XVII вѣка, отличающеюся неправильнымъ и некрасивымъ очертаніемъ буквъ, снабженныхъ сверху титлами и изукрашенныхъ совершенно излишними длинными росчерками и добавленіями. Съ концѣ грамоты, съ лѣвой стороны, была приложена печать краснаго воска, отъ которой остались только немногіе слѣды. На оборотной сторонѣ грамоты написано: „Жалованная благословенная грамота“, а по склейкѣ, также на оборотѣ: „Дьякъ Порфирій Ивановъ“.— Вотъ ея подлинный текстъ:

„Божією милостію се азъ, смиренный великій государь, святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи. Били намъ челомъ Темниковскаго уѣзда государевые дворцовые Красныя слободы Андрюшка Агапитовъ съ товарищи и всякихъ чиновъ люди, а въ челобитной ихъ написано: въ Краснослободскомъ де кругу, вверхъ по р. Мокшѣ, въ большомъ лѣсу, на берегу рѣки Мокши, есть де у нихъ пустыня, а въ ней живетъ черный старецъ Діонисій, а у нихъ де въ Красной Слободѣ и въ Краснослободскомъ присудѣ, по всей волости, монастырей близко кругу нѣтъ, а которые де у нихъ люди по общанію своему желаютъ, душевнаго ради спасенія и изнемогаючи въ смерти, постричься,—негдѣ, помираютъ безъ постриженія. И нынѣ де они общались въ той пустынѣ воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да въ предѣлахъ Пресвятыя Богородицы Казанскія да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи.—И намъ бы ихъ пожаловать, благословить и велѣть бы имъ на тое церковь и на предѣлы лѣсъ ронить и въ томъ лѣсу, въ той пустынѣ, воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да въ предѣлахъ Пресвятыя Богородицы да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи, и дать антимины. И азъ, смиренный великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи, Темниковскаго уѣзда государевы дворцовые Красныя слободы Андрюшку Агапитова съ товарищи пожаловалъ благословилъ, велѣлъ имъ на тое церковь и на предѣлы лѣсъ ронить и въ томъ лѣсу, въ Краснослободскомъ кругу, вверхъ по рѣкѣ по Мокшѣ въ большомъ лѣсу, на берегу рѣки Мокши, въ той пустынѣ воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да въ предѣлахъ Пресвятой Богородицы Казанскія, да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи; а предѣлы велѣлъ дѣлать по сторонамъ тоя церкви особою статьею и входъ въ предѣлы былъ бы изъ паперти; а главы бы на той церкви и на предѣлахъ были круглыя, а не островерхія. А какъ та церковь и предѣлы совершатся, и на тое церковь и на предѣлы велѣлъ имъ и антимины дать и освятить ту церковь и предѣлы поудъ по дьякономъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ.

Писанъ на Москвѣ, лѣта 7163, августа въ 6 день.—Печатныя взяты“.

На подлинной грамотѣ приложена печать краснаго воска. На оборотѣ грамоты написано: „Жалованная благословенная грамота“. По селѣеѣ, на оборотѣ же, написано: „Дьякъ Парфеній Ивановъ“.

О П И С А Н І Е

РУССКИХЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ КОПѢЕКЪ ИЗЪ КЛАДА, НАЙДЕННАГО ЛѢТОМЪ
1881 ГОДА БЛИЗЪ ДЕРЕВНИ НОВОЙ ПОПОВКИ.

Дѣйствительнаго члена В. К. Савельева.

Минувшимъ лѣтомъ (1881 года), на землѣ крестьянъ деревни Новой Поповки (что подь городомъ Казанью), арендуемой подь кирпичный заводъ г. архитекторомъ П. Т. Жуковскимъ, рабочіе, при копаніи земли, нашли на глубинѣ одного аршина глиняный горшокъ, заключавшій въ себѣ русскія серебряныя копѣйки XVII и первыхъ годовъ XVI вѣковъ. Горшокъ разбился при извлеченіи его изъ земли.

Разборъ означеннаго клада обнаружилъ, что онъ заключалъ въ себѣ серебряныя копѣйки: великаго князя Иоанна IV Васильевича и царей и великихъ князей: Иоанна IV Васильевича, Θεодора Иоанновича, Бориса Θεодоровича, Дмитрія Иоанновича (Самозванца) и Василія Иоанновича (Шуйскаго), слѣдовательно обнимаетъ собою промежутокъ времени съ 1533 по 1610 годъ. Это наводитъ на мысль, что кладъ былъ положенъ или въ царствованіе Василія Шуйскаго, или въ послѣдовавшее за нимъ смутное время междуцарствія.

Владѣлецъ клада П. Т. Жуковскій, довѣривъ мнѣ его для разбора, обязательно предоставилъ мнѣ отобрать изъ него по экземпляру всѣхъ видовъ копѣекъ для нумизматическаго собранія Казанскаго Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи. Отобравъ такимъ образомъ для нашего Общества 53 вида копѣекъ въ 63 экземплярахъ—я имѣю честь представить ихъ Обществу въ даръ отъ имени П. Т. Жуковскаго.

Приводимый ниже каталогъ монетъ, отобранныхъ мною для минцъ-кабинета Общества, вмѣстѣ съ тѣмъ представить собою и общую характеристику всего клада.

КАТАЛОГЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ КОПѢЕКЪ КЛАДА 1881 ГОДА.

В. К. Іоаннъ IV Васильевичъ (Грозный).

1533—1547.

1. Шуб. 314, подѣ кон: псу . . . . . 1.
2. Шуб. 315. . . . . 2.
3. Шуб. 316, съ ободкомъ изъ точекъ около всадника . 1.
4. Шуб. 317, безъ ободка изъ точекъ на обѣихъ сторонахъ . 2.
5. Шуб. 318, съ ободкомъ изъ точекъ на обѣихъ сторонахъ . . . . . 2.
6. Шуб. 319, съ ободкомъ изъ точекъ около надписи . 2.
7. Шуб. 322, подѣ кон: w . . . . . 1.
8. Шуб. 323, подѣ кон: ф с. . . . . 1.
9. Шуб. 327 . . . . . 2.
10. Шуб. 328 . . . . . 1.
11. Шуб. 329, подѣ кон: а . . . . . 1.
12. Шуб. 332, мон. Госарь. В. рѣде. . . . . 1.

Царь и В. Князь Іоаннъ IV Васильевичъ.

1547—1584.

13. Шуб. 344, подѣ кон: гр. . . . . 1.
14. Шуб. 345, подѣ кон: пс . . . . . 1.
15. Шуб. 351, подѣ кон: ми . . . . . 1.
16. Шуб. 252, подѣ кон: ла . . . . . 1.
17. Шуб. 353, подѣ кон: ваю . . . . . 1.
18. Шуб. 356, подѣ кон: ва . . . . . 1.
19. Шуб. 259, подѣ кон: ѿ, передѣ кон. р . . . . . 1.
20. Шуб. 360, подѣ задними ногами коня м—рѣде. . 1.
21. Шуб. 367, подѣ кон: де . . . . . 1.
22. Шуб. 367, подѣ кон: де съ ободкомъ изъ точекъ около всадника . . . . . 1.

Царь Феодоръ Иоанновичъ.

1584—1598.

- 23. Шуб. 374, подъ кон: пс . . . . . 1.
- 24. Шуб. 375, подъ кон: пс . . . . . 1.
- 25. Шуб. 378, подъ кон: м . . . . . 1.
- 26. Шуб. 381, подъ кон: н съ ободкомъ около надписи. 2.
- 27. Шуб. 382, подъ кон: н . . . . . 1.
- 28. Шуб. 382^а, подъ кон: п . . . . . 1.
- 29. Шуб. 386, подъ кон: нск. рд — 104, В. Новгородъ
1596 . . . . . 1.
- 30. Шуб. 386, подъ кон: нск, В. Новгородъ (7) 105 = 1597. 1.
- 31. Шуб. 387^а, подъ кон: нск, В. Новгородъ (7) 106 = 1598. 1.
- 32. Шуб. 389, подъ кон: перз?, Псковъ (7) 107 = 1599 . 1.

Царь Борисъ Феодоровичъ (Годуновъ).

1598 ~ 1605.

- 33. Шуб. 394^а, гд—ръ, подъ кон: мо, вовсе безъ ободка. 1.
- 34. Шуб. 395, в—о подъ кон: м . . . . . 2.
- 35. Шуб. 395^а, подъ кон: м . . . . . 2.
- 36. Шуб. 396, в—о подъ кон: м . . . . . 1.
- 37. Шуб. 398, подъ кон: м . . . . . 1.
- 38. Шуб. 399, подъ кон: м . . . . . 1.
- 39. Шуб. 400, подъ кон: пс . . . . . 1.
- 40. Шуб. 401, подъ кон: пс . . . . . 1.
- 41. Шуб. 402, подъ кон: п . . . . . 1.
- 42. Шуб. 403, подъ кон: м . . . . . 1.
- 43. Шуб. 409, подъ кон: перз, Псковъ, (7) 107 = 1599 . 2.
- 44. Шуб. 412, подъ кон: нск, Новгородъ, (7) 110 = 1602. 1.
- 45. Шуб. 414, подъ кон: нск, В. Новгородъ, (7) 111 = 1603. 1.
- 46. Шуб. 416, подъ кон: нск, В. Новгородъ (71) 12 = 1604. .
- 47. Шуб. 417, подъ кон: нск—(71) Новгородъ 12 = 1604. 1.

Царь Дмитрій Иоанновичъ (Самозванецъ).

1604.

- 48. Шуб. 430. . . . . 1.
- 49. Шуб. 433, подъ кон: пс . . . . . 1.
- 50. Шуб. 438, подъ кон: рд, Новгородъ (7) 114 = 1606. 1.

Царь Васи́лїи Іоанновичъ (Шуйскій).

1606—1610.

51. Шуб. 449.	.	.	.	.	.	.	.	1.
52. Шуб. 450.	.	.	.	.	.	.	.	1.
53. Шуб. 453.	.	.	.	.	.	.	.	1.
<hr/>								
Итого.								63 экз.

О П И С А Н І Е
ДВУХЪ КОЛЛЕКЦІЙ ДЖУЧИДСКИХЪ МОНЕТЪ,

ПРИНЕСЕННЫХЪ ВЪ ДАРЪ
ОБЩЕСТВУ АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ,
В. М. Элендъ и К. Я. Михайловымъ.

Дѣйствит. члена В. К. Савельева.

Выполняя порученіе Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи — имѣю честь представить благоусмотрѣнію Общества описанія двухъ коллекцій Джучидскихъ монетъ, принесенныхъ въ даръ минцъ-кабинету Общества Варварю Михайловною Элендъ и Константиномъ Яковлевичемъ Михайловымъ, возвращая при этомъ въ разобранномъ видѣ и самыя монеты.

И.

ОПИСАНІЕ ДЖУЧИДСКИХЪ СЕРЕБРЯННЫХЪ МОНЕТЪ,

приобрѣтенныхъ изъ клада, найденнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ г. Булгара, и принесенныхъ въ даръ Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи В. М. Элендъ.

1. Хызръ-ханъ, мон. г. Гюлистана. М. 760—хр. 1359, 60. Мон. хан. т. IV; № CV и R. р. 265, № 2.
2. Мухаммедъ Бирди - Бекъ ханъ. М. Новаго Сарая, М. 759. М. х. т. IV, № XCIII и R. р. 258, № 6.
3. Хызръ-ханъ, м. Новаго Сарая, 761—хр. 1359, 60. R. р. 266, № 4.

4. Джанибекъ-ханъ, м. Новаго Сарая. М. 752 — хр. 1351. R. p. 241, № 47.
5. Кильди-Бекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 763—хр. 1361, 2. М. х. т. V, № СХХII и R. p. 273, № 3.
6. Токтогу-ханъ, м. Богохранимаго Сарая. М. 710—хр 1310, 1. М. х. т. I, № XV и R. p. 199, № 7.
7. Хызръ-ханъ, г. Гюлистана. М. 762 — хр. 1360, 1. R. p. 277, № 10.
8. Джелаль-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ ханъ, м. Сарая Новаго; года не видно. R. p. 242, № 49.
9. Токтогу ханъ, м. Богохранимаго Сарая. М. 710—хр. 1310, 1. М. х. т. I, № XV R. p. 199, № 7.
10. Джелаль-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ ханъ. М. Сарая Новаго. М. 752—хр. 1351. R. p. 242, № 50.
11. Джанибекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 748 — хр. 1347, 8. R. p. 235, № 24.
12. Джанибекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 747—хр. 1346, 7. М. х. т. III, № LXIV и R. p. 233, № 20.
13. Джанибекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 748 — хр. 1347, 8. М. х. т. III, № LXVI и R. p. 234, № 24.
14. Хызръ-ханъ, г. Гюлистана. М. 761 — хр. 1359, 60. М. х. т. IV, № CV и R. p. 265, № 2.
15. Мухаммедъ Бирди-бекъ ханъ. М. Нов. Сарая. М. 759. М. х. т. IV, № СХIII и R. p. 258, № 6.
16. Мухаммедъ Неурусъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 761—х. 1359, 60. М. х. т. IV, № СIII^б и R. p. 263, № 3.
17. Мюридъ ханъ, м. Галистона Лисъ Сарай. М. 763—х. 1361, 2. М. х. т. V, № СХХVII и R. p. 276, № 4.
18. Джани-Бекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 753—хр. 1352. R. p. 244, № 61.
19. Бирди - Бекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 759 — хр. 1357, 8. R. p. 257, № 8
20. Джани-Бекъ ханъ, м. Сарая Новаго. М. 747—хр. 1346, 7. R. p. 233, № 20.
21. Узбекъ ханъ, м. Сарая. М. 717—хр. 1317, 8. Мон. хан. т. 1, № XXI и R. p. 206, № 3.
22. Мухаммедъ Узбекъ ханъ, м. Сарая. М. 739 — хр. 1338, 9. R. p. 220, № 41.
23. Джани-Бекъ ханъ, м. Сарая Нов. Годъ неясенъ. R. p. 250, № 80.

24. Бирди - Бекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 759 — хр. 1357, 8. R. p. 259, № 8.
25. Джани - Бекъ ханъ, м. Гюлистана. Годъ не вышелъ. М. х. т. III, № LXXII и R. p. 243, № 56.
26. Джани - Бекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 747 — хр. 1346, 7. R. p. 233, № 20.
27. Джани-бекъ ханъ, м. Гюлистана. Годъ не вышелъ. М. х. т. III, № LXXII и R. p. 243, № 56.
28. Джанибекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 751 — хр. 1350, 1. R. p. 240, № 41.
29. Джелаль-эд-динъ Мухамедъ Джанибекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 745? R. p. 250, № 79.
30. Джанибекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 759 — хр. 1357, 8. R. p. 259, № 8.
31. Джени - бекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 747 — хр. 1346, 7. М. х. т. III. № LXIV и R. p. 233, № 20.
32. Бирди - Бекъ ханъ, м. Гюлистана. М. 759 — хр. 1357, 8. R. p. 259, № 8.
33. Узбекъ ханъ, м. Сарая. М. 717 — хр. 1317, 8. М. х. т. I, № XXI и R. p. 206, № 3.
34. Джани - Бекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 746 — хр. 1345, 6. R. p. 231, № 15.
35. Мухаммедъ Бирди-Бекъ ханъ, м. Новаго Сарая. М. 759. М. х. т. IV, № XCIII и R. p. 258, № 6.
36. Неурусъ-ханъ, м. Гюлистана. М. 761 — хр. 1359, 60. R. p. 264, № 5.
37. Джелаль-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 745? R. p. 249, № 77.
38. Джелаль-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ ханъ, м. Сарая Нов. R. p. 250, № 81.
39. Джани - Бекъ ханъ, м. Сарая Нов. М. 746 — хр. 1345. 6. R. p. 231, № 15.
40. Узбекъ ханъ, м. Богохранимаго Сарая. М. 722 — хр. 1322. М. х. т. I, № XXVIII и R. p. 210, № 13.

Примѣч. Всѣ вышеисчисленныя монеты позолочены, скрѣплены въ видѣ цѣпочки и въ такомъ видѣ принесены владѣтеляницею въ даръ Обществу.

III.

ОПИСАНІЕ ДЖУЧИДСКИХЪ МѢДНЫХЪ МОНЕТЪ,

принесенныхъ въ даръ Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи
К. Я. Михайловымъ и приобретенныхъ имъ въ с. Болгарскѣ.

1. а) Эн-Насиръ эд-динъ аллахъ, повелитель право-
вѣрныхъ.
б) Жизнь кратка на подобіе часа, но сему
употребляй оную на дѣла богоугодныя.
Болѣе или менѣе ясныхъ, съ легендами
болѣе или менѣе правильными. 17 экз.
Мон. Хан. Т. А. № II и Рес. р. 188 № 2.
2. а) Дважды выбитая съ отрывками надписей
Рес. № 2 и 21 10 —
Мон. Хан. Т. А. № IV и Рес. р. 190 № 2.
- Узбекъ ханъ.**
3. а) 16 пудъ денги, мон. Сарайская и годъ 791,
хр. 1321.
б) Печать Соломона.
Мон. Хан. Т. II, № LVII и Рес. р. 209
№ 12; испорчена ржавчиной.
4. а) Булгарскій пудъ.
б) Печать Соломона и годъ М. 734—хр. 1333, 4. 19 —
Мон. Хан. Т. XIII и Рес. р. 217 № 33.
5. а) Пудъ Булгарскій.
б) Печать Соломона, и годъ М. 734—1333, 4. 12 —
Мон. Хан. Т. А. № V и Рес. р. 217, № 34.

6. а) Высочайшее повелѣніе, мон. Сарайская, М. 737—хр. 1336, 7.
 б) Левъ съ изображеніемъ солнца . . . . . 10 экз.
 Мон. Хан. Т. II, № XLVI и Рес. р. 218 № 35.
7. а) Высочайшее повелѣніе, Мон. Сарайская, М. 737—хр. 1336, 7. . . . . 2 —
 б) Левъ съ изображеніемъ полнаго солнца.
 Мон. Хан. Т. II, № XLVII и Рес. р. 218, № 36.

Жызръ ханъ.

8. а) Мон. Нов. Сарая, М. 762—хр. 1360, 1. . . . . 22 —
 Рес. р. 266 № 8.
9. б) Мон. Гюлистана, М. 762—хр. 1360, 1. . . . . 24 —
 Рес. р. 267 № 12.
10. б) Мон. Гюлистана, М. 762—хр. 1360, 1. . . . . 6 —
 Nova Suppl. р. 308 № 4 и Рес. р. 267 № 12.
11. б) Мон. Гюлистана, М. 777—вмѣсто 777—М. 762—
 хр. 1360, 1. . . . . 1 —
 Рес. р. 268 № 14.

Неизвѣстныя:

12. а) Мон. Нов. Сарая, М. 761—хр. 1359, 60.
 б) Растужившійся цвѣтокъ . . . . . 17 —
 Мон. Хан. Т. X № CCCXLIV и Рес. р. 295 № 1. На прочихъ года не видно, а 2 экз. пробиты.
13. а) Мон. Булгарская.
 б) Фигура, образующая 6 небольшихъ полей . . . . . 20 —
 Мон. Хан. Т. IX № CCCXXV и Рес. р. 400 № 7.
14. а) Мон. Нов. Сарая, 16 денговъ.
 б) Фигура, похожая на двухглаваго орла . . . . . 25 —
 Мон. Хан. Т. X № CCCXLIII и Рес. р. 404 № 13. Монеты эти попадаются въ

значительномъ количествѣ разныхъ штемпелей. — Легенды на нѣкоторыхъ неправильны, а потому есть основаніе полагать, что онѣ биты и русскими.

15. а) Изображеніе двухглаваго орла.
б) Надпись неизвѣстная . . . . . 2 экз.
Мон. Хан. Т. XI № СССХХVII.
16. а) Въ добрый часъ.
б) Въ треугольникѣ обыкновенная тамга . . . . . 19 —
Мон. Хан. Т. X № СССХХХVI и Рес. р.
403 № 9.
17. — Неизвѣстная Джучидская монета, на которой
надчеканена тамга . . . . . 1 —
18. — Неизвѣстная очень стертая Джучидская мо-
нета . . . . . 1 —
-
- Итого . . . . . 209 экз.

ОПИСАНІЕ КЛАДА

ЗОЛОТООРДЫНСКИХЪ И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ МОНЕТЪ,
НАЙДЕННАГО ВЪ 1881-МЪ ГОДУ ВЛѢВЪ С. МАЛАГО ТОЛЕИША,

ЧИСТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБ.

Дѣйствит. члена и секретаря Общества профес. Н. П. Загоскина.

ПАМЯТИ В. К. САВЕЛЬЕВА.

20 іюля 1881 года крестьянинъ села Елантова, Чистопольскаго уѣзда, запасный рядовой Иванъ Никифоровъ *Солтановъ*, проживающій въ селѣ *Большомъ Толкишѣ* (Казанской губ., Чистопольскаго уѣзда, Б.—Толкишской волости), пася скоть въ дачахъ с. Малаго Толкиша, замѣтилъ около лѣса, на берегу такъ называемаго „Мельничнаго оврага“—въ разстояніи около одной версты отъ с. М. Толкиша—показавшіяся изъ подъ земли мелкія серебряныя монеты. Солтановъ сталъ разрывать въ этомъ мѣстѣ землю палкой и собралъ до 50 штукъ монетъ, а затѣмъ, сказавъ о своемъ открытіи проходившей мимо въ с. Сарсасы крестьянкѣ с. М. Толкиша солдаткѣ Надеждѣ Софоновой Ершовой — началъ вмѣстѣ съ нею рыть землю на мѣстѣ находки. Трудъ ихъ скоро увѣнчался успѣхомъ: подъ дубовымъ пенькомъ оказался глиняный кувшинъ. Кувшинъ развалился при первомъ къ нему прикосновеніи, а изъ него посыпались мелкія серебряныя деньги, подобныя раньше найденнымъ; сложивъ монеты въ холщевый мѣшокъ—находчики унесли ихъ домой. Когда слухъ о найденномъ кладѣ распространился по селу, мѣстныя власти явились въ Солтанову, составили актъ, а самый кладъ былъ доставленъ въ волостное правленіе, гдѣ его опечатали и взвѣсили для препровожденія въ

уѣздное полицейское управленіе. Было осмотрѣно и самое мѣсто находки: земля оказалась здѣсь сильно изрытою, но ничего болѣе найдено уже не было, кромѣ четырехъ большихъ черепковъ отъ разбитаго кувшина, заключавшаго въ себѣ кладъ. Весь кладъ препровожденъ былъ исправникомъ Чистопольскаго уѣзда въ канцелярію г. Казанскаго губернатора, при чемъ всѣмъ клада, съ двумя холщевыми мѣшками, въ который онъ былъ уложенъ, съ бичевками и печатами, былъ показанъ въ 20¹/₂ фунтовъ (т. е. 20 ф. 12 зол.).

По доставленіи клада въ г. Казань, г. Казанскій губернаторъ *А. К. Гейнсъ* препроводилъ его для разбора и опредѣленія его научнаго достоинства къ извѣстному Казанскому нумизмату, нынѣ, къ сожалѣнію, уже покойному, уважаемому сочлену нашему *В. К. Савельеву*, предоставивъ ему право, въ вознагражденіе за трудъ, отобрать изъ клада коллекцію монетъ для минцъ-кабинета Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Весь кладъ оказался заключавшимъ въ себѣ серебряныя Джучидскія монеты (т. е. монеты хановъ Золотой орды), съ крайне небольшимъ процентомъ монетъ Джелаиридскихъ и Джагатайскихъ (не болѣе 19 штукъ). Посвятивъ возложенному на него порученію всю зиму 1881—1882 года, *В. К. Савельевъ* выполнилъ его съ поразительною тщательностію, характеризующею трудолюбіе и горячую преданность своему дѣлу покойнаго нумизмата: онъ не только пересмотрѣлъ всѣ монеты клада (которыхъ оказалось счетомъ около 5000), но тщательно распредѣлил ихъ по ханамъ, по мѣстамъ чеканки, по годамъ по видамъ, по многочисленнымъ вариантамъ, отмѣтивъ самыя незначительныя различія въ чеканкѣ и размѣстивъ всѣ монеты клада по бумажнымъ капсюлькамъ, съ соответствующими надписями и цитатами на труды Френа, Григорьева и *П. Савельева*. Выйдя изъ кабинета покойнаго — Чистопольскій кладъ представлялъ собою нѣсколько пакетовъ, отмѣченныхъ именами хановъ; каждый такой пакетъ заключалъ въ себѣ нѣсколько меньшихъ пакетовъ, отмѣченныхъ названіями мѣстностей чеканки; въ этихъ послѣднихъ пакетахъ были заключены большія капсюли, вмѣщавшія въ себѣ монеты одного и того же года, въ нихъ находились меньшія капсюли, содержавшія монеты одного и того же вида и т. д., — доходя до мельчайшихъ разновидностей монетъ, размѣщенныхъ уже въ капсюлькахъ наименьшей величины. Нельзя

было не изумиться при видѣ громадности выполненнаго труда, требовавшаго не только высшей степени энергіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ опытности и близкаго знакомства съ трудами по Джучидской нумизматикѣ. Повойный окончилъ свой трудъ лишь за нѣсколько дней до смерти....

За выдѣленіемъ изъ него коллекціи для Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, —кладъ былъ возвращенъ въ канцелярію г. Казанскаго губернатора и въ указанной выше, строго научной и систематической, классификаціи препровожденъ минувшимъ лѣтомъ (1882 г.) въ Императорскую Археологическую Коммиссію. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы Чистопольскій кладъ получилъ назначеніе подобное тому, какое въ 1852 г. дано было знаменитому Екатеринославскому кладу: изъ послѣдняго, согласно Высочайше утвержденному доводу министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, рѣшено было „отдать по экземпляру въ миѣцъ-кабинетъ Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Университетовъ и Археологическаго Общества, а остальные экземпляры, за исключеніемъ совершенно стертыхъ, хранить для обмѣна на другія монеты, для пополненія собраній Эрмитажа, нашедшимъ же кладъ крестьянамъ выдать изъ государственнаго казначейства сумму, равняющуюся цѣнности металла“ (Записки Импер. Археол. Общ., т. XII, стр. 7-я, Спб. 1865).

Весь Чистопольскій кладъ 1881 года заключаетъ въ себѣ до 4805 экз. монетъ, распредѣляющихся слѣдующимъ образомъ:

№№	Разряды монетъ.	Число монетъ.
1.	Токтогу Ханъ	62.
2.	Узбекъ Ханъ	505.
3.	Джанибекъ (I) Ханъ	1472.
4.	Бирдибекъ Ханъ	430.
5.	Кульна Ханъ	130.
6.	Неврусъ Ханъ	106.
7.	Хызръ Ханъ	240.
8.	Урду-Меликъ Ханъ	8.
9.	Кильдибекъ Ханъ	25.

№№	Разряды монетъ.	Число монетъ.
10.	Мюридъ Ханъ	137.
11.	Джанибекъ (II) Ханъ	11.
12.	Азисъ-Шейхъ Ханъ	56.
13.	Абдулла Ханъ	86.
14.	Махоммедъ-Булякъ Ханъ	151.
15.	Тохтамышъ Ханъ	822.
16.	Разныхъ другихъ Хановъ (въ томъ числѣ Тимуръ Ходжа, Миръ- Пулада и Джанибека III и монеты съ именами двухъ хановъ).	20.
17.	Джеланридскихъ	9.
18.	Джагатайскихъ	10.
19.	Русскихъ подражаній Джучидск. монетамъ .	25.
20.	Совершенно нечеткихъ и стертыхъ до .	500.

Всего отдѣльныхъ монетъ до 4805.

Таковъ общій составъ Чистопольскаго клада. Что касается болѣе подробной характеристики его—то эта послѣдняя дается коллекціею, отобранною изъ него покойнымъ В. К. Савельевымъ для Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи, такъ какъ въ эту коллекцію вошло *по экземпляру* *всѣхъ видовъ монетъ, оказавшихся въ кладѣ* (*). Ниже представляется полный списокъ монетъ, вошедшихъ въ коллекцію Общества, который и даетъ обстоятельную характеристику клада; изъ этого списка видно, что въ коллекцію Общества вошло 305 видовъ монетъ въ 371 экземплярѣ, которыя распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

№№	Разряды монетъ.	Число	
		видовъ.	экземпляръ.
1.	Токтогу Ханъ	2	2
2.	Узбекъ Ханъ	32	47
3.	Джанибекъ (I) Ханъ	97	106

(*) По нѣсколькимъ экземпляровъ одного вида отбиралось лишь въ томъ случаѣ, когда монеты даннаго вида представляли значительныя различія въ штемпеляхъ.

№	Разряды монетъ.	Число	
		выловъ.	экземпляровъ.
4.	Бирдибекъ Ханъ	17	28
5.	Кульна Ханъ	7	8
6.	Неврусь Ханъ	6	7
7.	Хызръ Ханъ	13	14
8.	Тимуръ-Ходжа Ханъ	1	1
9.	Урду-Меликъ Ханъ	2	2
10.	Кильдибекъ Ханъ	4	5
11.	Мюридъ Ханъ	10	13
12.	Миръ-Пуладъ Ханъ	2	2
13.	Джанибекъ (II) Ханъ	4	4
14.	Азисъ-Шейхъ Ханъ	16	16
15.	Абдулла Ханъ	15	22
16.	Мухаммедъ-Булякъ Ханъ	17	19
17.	Джанибекъ (III) Ханъ	1	2
18.	Тохтамышъ Ханъ	44	56
19.	Джелаиридскихъ	4	5
20.	Джагатайскихъ	2	3
21.	Русскихъ подражаній джучидскимъ монетамъ	5	5
22.	Разныхъ	4	4
Итого		305	371

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Чистопольскомъ кладѣ заключаются монеты 18-ти хановъ Золотой Орды, начиная съ Токтогу Хана и кончая Тохтамышемъ Ханомъ: въ кладѣ совершенно отсутствуютъ монеты хановъ, царствовавшихъ послѣ Тохтамыша. *Старѣйшею* по времени монетою клада является монета Токтогу Хана (см. № 2 нашего списка), битая въ Хорезмѣ въ 707 году гиждры (1307—8 г.), *позднѣйшею* — монеты Тохтамыша (№№ 272 и 273 нашего списка), битыя въ Ордѣ въ 791 году гиждры (1389 г.), а также Джагатайская монета (№ 296), битая въ томъ же году въ Самаркандѣ; слѣдовательно монеты клада обнимаютъ собою промежутокъ времени въ 82 года (1307—1389 гг.).

Чистопольскій кладъ 1881 г. представляется, если не ошибемся, четвертымъ кладомъ Джучидскихъ монетъ, слѣдующимся достояніемъ науки; первымъ является Царевскій

кладъ, описанный въ 1846 г. В. В. Григорьевымъ; слѣдующими двумя являются Екатеринославскій кладъ 1851 года и Тетюшскій кладъ 1856 года, научнымъ образомъ описанные въ свое время П. С. Савельевымъ (см. Записки Импер. Археол. Общ., т. XII-й, Спб. 1865).

Екатеринославскій кладъ, состоявшій изъ 14350 серебряныхъ монетъ, съ подавляющимъ преобладаніемъ джучидскихъ, былъ найденъ въ 1851 году, въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. Этотъ кладъ обнималъ собою промежутокъ времени въ 76 лѣтъ, съ 1317-го по 1393-й годъ, причемъ громадное большинство монетъ—именно 13694 изъ 14350—относилось къ царствованію Тохтамыша Хана. Екатеринославскій кладъ далъ богатый вкладъ въ джучидскую нумизматику: на основаніи монетъ этого клада были открыты два неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ хана, одинъ Золотой, а другой Зауральской Орды, и три новыхъ города, названія которыхъ раньше не встрѣчались въ историческихъ памятникахъ.

Тетюшскій кладъ былъ найденъ въ 1856 году; мѣсто и обстоятельства его находки остались неизвѣстными въ точности. Исторія этого клада тѣсно связана съ именемъ нашего покойнаго сочлена В. К. Савельева; послушаемъ, что говорилъ по этому поводу его почтенный Петербургскій однофамилецъ П. С. Савельевъ, научнымъ образомъ разработавшій этотъ кладъ: „За спасеніе этой находки отъ истребленія наука обязана ревностному Казанскому нумизмату, корреспонденту Археологическаго Общества, Виктору Константиновичу Савельеву, достойному преемнику Потб, Фукса и Неѣлова, прославленныхъ Френомъ, и имѣющему передъ нами то преимущество, что въ пламенной любви къ монетамъ онъ присоединяетъ и глубокую нумизматическую опытность. Обладая прекраснымъ собраніемъ монетъ, какъ русскихъ такъ и джучидскихъ, имѣя обширныя сношенія по губерніи, В. К. Савельевъ слѣдитъ за каждою вновь появляющеюся монетою и часто по нѣсколькимъ доходитъ до открытія большихъ кладовъ, скрываемыхъ торговцами“.

В. К. Савельевымъ было разсмотрѣно до 10,000 монетъ изъ Тетюшскаго клада, хотя существуютъ основанія предполагать, что этотъ кладъ въ первоначальномъ видѣ своемъ былъ гораздо значительнѣе. Тетюшскій кладъ обнимаетъ собою промежутокъ времени нѣсколько болѣе столѣтія; древнѣйшая изъ

его монеты относится къ 1281 году, новѣйшая—къ 1393 году, слѣдовательно онъ обрывается на томъ же годѣ, которымъ кончается и кладъ Екатеринославскій. Научный интерес Тетюшскаго клада представляется еще болѣе значительнымъ, въ сравненіи съ кладомъ Екатеринославскимъ: этотъ кладъ указалъ имена четырехъ новыхъ хановъ и наполнилъ многіе пробѣлы въ годахъ исторіи Золотой Орды, давъ при этомъ значительное количество новыхъ вариантовъ и экземпляровъ монетъ, считавшихся до тѣхъ поръ весьма рѣдкими. Какъ и въ кладѣ Екатеринославскомъ—главную массу монетъ составляютъ здѣсь монеты Тохтамыша хана.

Обращаясь къ *нашему кладу*, мы прежде всего должны отмѣтить аналогію его съ кладами Екатеринославскимъ и Тетюшскимъ, аналогію замѣчаемую въ томъ, что всѣ три клада обрываются царствованіемъ Тохтамыша: это ясно указываетъ намъ на то, что всѣ три клада были положены въ землю въ эпоху этого хана (*). Екатеринославскій и Тетюшскій кладъ оканчиваются однимъ и тѣмъ же годомъ—1393-мъ; этотъ годъ весьма краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, указывая на эпоху борьбы Тохтамыша съ Тамерланомъ (1393—1395 гг.) и пріурочивая время зарытія этого клада къ кровавому вторженію Тамерлана въ предѣлы нынѣшняго отечества нашего и къ его побѣдоносному шествію на Елецъ, которое должно было неминуемо породить всеобщую панику и заставить населеніе позаботиться о спасеніи какъ своей жизни, такъ и своего имущества. Чистопольскій кладъ обрывается 1389-мъ годомъ, т. е. четырьмя годами ранѣе двухъ предъидущихъ кладовъ. Можетъ ли быть время зарытія его также пріурочено къ 1393—1395 годамъ, т. е. также къ эпохѣ борьбы Тохтамыша съ Тамерланомъ? Оставляя рѣшеніе этого вопроса ориенталистамъ, я позволю себѣ только напомнить два историческіе факта, которые не лишены, быть можетъ, нѣкотораго значенія для соображеній о нашемъ кладѣ. Въ 1391 году имѣлъ мѣсто походъ на Вятку ордынскаго царевича Бектута, относительно котораго мы читаемъ

(*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ Чистопольскомъ кладѣ 1881 года монеты Тохтамыша особенно хорошо сохранились: весьма многія изъ нихъ до того свѣжи, четки и полновѣсны—какъ будто онѣ только что вышли изъ подъ штемпеля.

въ лѣтописи: „Того же лѣта (6^с99) царь Тохтамышъ посла царевича, именемъ Бектута, на Вятку ратию; онъ же шедъ взя Вятку, а люди посѣче, а иные въ полонъ поведе“ (*). Нынѣшній Чистопольскій уѣздъ лежалъ на пути движенія ордынскои рати, а условія военныхъ движеній того времени — отъ которыхъ нерѣдко дружеское населеніе терпѣло не менѣе вражескаго—легко могли побудить жителей принять нѣкоторыя мѣры предосторожности для обезопасенія своего имущества. Въ слѣдующемъ 1392 году произошло нападеніе на низовья Камы Новгородскихъ ушкуйниковъ, — нападеніе, которое должно было произвести еще большій переполохъ въ мѣстномъ населеніи: „Того же лѣта (6900) — свидѣтельствуетъ лѣтопись — Новгородцы и Устюжане и прочіи, къ тому совокупившеся, выидоша въ насадахъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на низъ и взяша *Жукотинъ* и Казань (Кашанъ?) и вышедше на Волгу, пограбивше гостей всѣхъ, возвратишася“ (**). Если мы вспомнимъ, что мѣстность нынѣшняго с. Малаго Толбиша находилась въ округѣ древняго Жукотина (Жукотинское городище находится верстахъ въ 6 ниже г. Чистополя а с. М. Толкишъ, мѣстонахожденіе клада, верстахъ въ 15-ти къ юго-востоку отъ него), — то поймемъ, что мѣстность эта находилась въ ближайшемъ районѣ хищничества ушкуйниковъ, а это, быть можетъ, дастъ и нѣкоторое основаніе связать съ этимъ набѣгомъ фактъ зарытія въ землю нашего клада.

Главнымъ различіемъ въ характерѣ кладовъ, Еватерино-славскаго и Тетюпскаго — съ одной стороны, и Чистопольскаго — съ другой стороны, представляется преобладаніе въ первыхъ двухъ монетъ Тохтамыша. Свѣдѣній о первоначальномъ составѣ Тетюпскаго клада не сохранилось; не сохранилось и свѣдѣній о взаимномъ численномъ соотношеніи въ немъ монетъ различныхъ хановъ, — вслѣдствіе чего мы должны довольствоваться заявленіями Н. С. Савельева и покойнаго В. К. Савельева, что монеты Тохтамыша Хана составляли *главную массу* его содержанія. Что касается Еватерино-

---

(*) Поля. Собр. Русс. Лѣтоп., т. VIII, стр. 61.

(**) Ibid. — Замѣтимъ, что въ своемъ трудѣ: «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губ.» (К. 1877) — проф. С. М. Шпилевскій ошибочно отнесъ этотъ набѣгъ къ 1931 му году.

славскаго клада, то здѣсь монеты Тохтамыша составляли подавляющее большинство: на 13694 монеты Тохтамыша и на 393 монеты его современниковъ съ монетами нечеткими, неопредѣленными и поддѣльными—приходилось здѣсь *только 263 монеты* его предшественниковъ по Кипчакскому престолу, т. е. менѣе 2%, менѣе двухъ монетъ на 100 монетъ всего клада! Совершенно иное находимъ мы въ Чистопольскомъ кладѣ: исключая изъ всей массы его содержанія 544 монеты, принадлежащія Джагатаямъ, Желайридамъ, а также нечеткія, неопредѣленныя и поддѣлки—мы найдемъ, что на 822 монеты Тохтамыша приходится здѣсь 3439 монетъ его предшественниковъ, т. е. монеты Тохтамыша составляютъ здѣсь только около 25% послѣднихъ (*)! Преобладаніе остается въ Чистопольскомъ кладѣ за монетами Джанибека (1): ихъ оказалось въ немъ 1472 экз., и только за ними слѣдуютъ уже монеты Тохтамыша (822 шт.), затѣмъ монеты Узбека (505), Бирдибека (430), Хызръ Хана (240) и т. д. Чѣмъ объяснить такое бьющее въ глаза различіе въ составѣ кладовъ, схороненныхъ къ западу отъ Волги, одинъ — въ степяхъ сѣвернаго побережья Азовскаго моря, другой — въ мѣстности Поволжья, находящейся между рр. Волгою и Сурою, въ сравненіи съ кладомъ, схороненнымъ къ востоку отъ Волги, въ самомъ центрѣ Прикамской Булгаріи? Въ послѣдней находимъ мы въ эпоху Тохтамыша полное обращеніе джучидскихъ монетъ предшественниковъ этого хана, широкое примѣненіе золотоордынской денежной системы; на Черноморско-Азовскомъ побережьи, и даже въ долинѣ теченія р. Свіаги, это обращеніе какъ бы стѣснено, ограничено, за исключеніемъ монетъ Тохтамыша, наводняющихъ собою мѣстные рынки, — до того ограничено, что въ при-Азовскомъ краѣ встрѣчается менѣе двухъ монетъ предшественниковъ Тохтамыша на сто монетъ этого послѣдняго хана, — до того ограничено, что въ исходѣ XIV-го вѣка въ этомъ краѣ перваго рода монеты должны были быть буквально *рѣдки*. Оставимъ ориенталистамъ высказать свои соображенія по поводу этого вопроса, невольно возникаю-

---

(*) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что среди 500 неясныхъ и нечеткихъ монетъ — преобладаютъ опять такъ монеты предшественниковъ Тохтамыша.

щаго при сопоставленіи кладовъ Екатеринославскаго и Тетюшскаго съ нашимъ Чистопольскимъ кладомъ 1881 года.

Разсматриваемый съ точки зрѣнія обогащенія нумизматики новыми данными—Чистопольскій кладъ далеко не можетъ идти въ параллель съ кладами Екатеринославскимъ и Тетюшскимъ: онъ не открываетъ намъ ни именъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ хановъ, ни новыхъ мѣстностей чеканки монетъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ кладъ даетъ намъ какъ нѣсколько видовъ монетъ еще неизданныхъ, такъ и значительное число вариантовъ монетъ уже описанныхъ, а также даетъ и нѣсколько данныхъ для исполненія хронологіи джучидской нумизматики (*); онъ представляетъ матеріалъ и для выясненія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ въ чтеніи тѣхъ или другихъ джучидскихъ монетъ.

Въ прилагаемомъ ниже спискѣ монетъ Чистопольскаго клада приняты слѣдующія сокращенія въ цитатахъ:

Рес.—„*Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imper. Scientiarum Petropolitanae*“, X. М. Френа, Спб. 1826.

М. Х.—„Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды“, его-же, Спб. 1832.

Григор.—„Описаніе клада изъ Золотоордынскихъ монетъ, найденнаго близъ развалинъ Сарая“, В. В. Григорьева (Записки Археологическо-Нумизматическаго Общества, т. II, Спб. 1849).

Савельевъ, Екат. кладъ.—„Екатеринославскій кладъ“, П. С. Савельева (Записки Императ. Археол. Общ., т. XII, Спб. 1865, стр. 4—174).

Савельевъ, Тет. кладъ.—„Тетюшскій кладъ“, П. С. Савельева, (тамъ-же, стр. 175—265).

(*) См. №№ 29—34, 122—134, 155, 191, 210 — 213, 226, 290 нашего списка.

р—рагіна, страница; *тб.* — таблица; *рс.*—рисунокъ;
I—сторона монеты, заключающая имя хана; II—обратная
сторона монеты,

При описаніи монеты—лѣвая и правая сторона ея при-
нимаются съ точки зрѣнія лица, читающаго ея.

Считаю своею обязанностью заявить, что описаніемъ
монетъ Чистопольскаго влада 1881-го года — я довершаю
только работу, которую подготовилъ В. К. Савельевъ. По-
этому на настоящее сообщеніе свое я смотрю, какъ на нрав-
ственный долгъ и посильное приношеніе незабвенной памя-
ти нашего маститаго и уважаемаго сочлена.

КАТАЛОГЪ МОНЕТЪ
ЧИСТОПОЛЬСКАГО КЛАДА 1881 ГОДА,

ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ
КАЗАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ.

А. Монеты Джучидскія.

I. Токтогу Ханъ.

1. I. Султанъ верховный Гаясь-эд-динъ *Токтогу* (по монгольски) Ханъ правосудный.
II. Чеванъ Сарая Богохранимаго, г. 710 = 1310, 11. (Рес. р. 119, № 7; Мон. Хан. тб. I, № XV).
Надчеканена.
2. I. Токту-бекъ правосудный.
II. Чеванъ Хорезма, г. 707 = 1307, 8. (Рес. р. 204, № 15; М. X. тб. III, № LXXIX).

II. Узбекъ Ханъ.

3. I. Султанъ верховный Узбекъ. Года не видно.
II. Суннитскій символъ („Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Магометъ посланникъ Бога“). (Рес. р. 205; М. X. тб. I, № XX).
4. I. Султанъ верховный Узбекъ. Года не видно.
II. Суннитскій символъ и обменов. монетное украшеніе. (*Под.* Рес. р. 205, № 2).

5. Подобна предыдущей, но другого штемпеля.
6. Подобна предыдущимъ двумъ, но г. 717—1317, 18. (Рес. р. 206, № 3; М. X. тб. I, № XXI).
7. Подобна предыдущимъ тремъ, но г. 718—1318, 19. (Рес. р. 206, № 6).
8. Подобна предыдущимъ, но годовое число *ML* вмѣсто *LV* (718) или *VI* (717). (Рес. р. 207, № 7).
9. I. Султанъ Гаясь-эд-динъ Узбекъ Ханъ правосудный.
II. Чеванъ Мухши, г. 718 или 717 (*ML*). (Рес. р. 207, № 8).
10. I. Султанъ правосудный Узбекъ.
II. Чеванъ Хорезма, г. 721—1321 (Рес. р. 208, № 10, М. X. тб. I, № XXVI).
11. I. Султанъ верховный Узбекъ, г. 721—1321.
II. Суннитскій символъ (Рес. р. 209, № 11).
12. I. Султанъ Мухамедъ Узбекъ Ханъ правосудный.
II. Чеванъ Сарая Богохранимаго, г. 722—1322 (Рес. р. 210, № 13; М. X. тб. I, № XXVII). *Надчеканена.*
13. I. Султанъ правосудный Узбекъ Ханъ, да длится царствованіе его. Тамга.
II. Чеванъ Мухши, г. 722 или 723—1322—23 (Рес. р. 210, № 15).
14. I. Султанъ верховный Мухамедъ Узбекъ Ханъ.
II. Суннитскій символъ. По краямъ: Монета Сарая, г. 727—1326,7 (Под. Рес. р. 211, № 19). *Два экз. разл. штемпелей.*
15. I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ. сверху: Сарай.
II. Суннитскій символъ. По краямъ: Монета Сарая, г. 727—1326,7 (Рес. р. 212, № 20).

16. Подобна предыдущей, но безъ слова „Сарай“ на первой сторонѣ (Рес. р. 212, № 21).
17. I. Султанъ верховный Мухамедъ Узбекъ Ханъ. Сверху: „Чеканъ“, внизу: „Сарай“.
II. Суннитскій символъ. По краямъ: Монета Сарая, г. 727 = 1326,7 (М/А) (Рес. р. 212, № 22). *Два экз. разл. штемпелей.*
18. I. Султанъ Мухамедъ Узбекъ Ханъ, да будетъ долговѣченъ.
II. Чеканъ Болгара Богохранимаго, г. 731 = 1330,1. Тамга (Рес. р. 214, № 26; М. X. тб. II, № XXV). *Три экз. разн. штемпелей.*
19. Подобна предыдущей, но годъ 732 = 1331,2 (Рес. р. 214, № 27). *Два экз. разл. штемпелей.*
20. Подобна предыдущимъ двумъ, но годъ 733 = 1332,3. (Рес. р. 216, №—0—).
21. I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ. По краямъ: Чеканъ Сарая, г. 734 = 1333,4.
II. Суннитскій символъ и по краямъ имена четырехъ первыхъ калифовъ: Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ, Али (Рес. р. 216, № 31). *Надчеканена.*
22. Подобна предыдущей (Рес. р. 217, № 32; М. X. тб. II, № XLV). Года не видно. *Три экз. разл. штемпелей.*
23. Подобна предыдущимъ двумъ, но годовое число начеканено: справа *...*, внизу *...* (Рес. р. 217, № 32; М. X. тб. II, № XLV). *Два экз. разл. штемпелей.*
24. Подобна № 22-му (Рес. р. 217, № 32), но съ надчеканкой.

25. I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ. По краймъ: Чеканъ Сарая, годъ 737 (=1336,7).
II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Монетное украшеніе (Рес. р. 219, № 39). *Четыре экз. разл. штемпелей.*
26. Подобна предъидущей, но съ надчеканкой.
27. I. Султанъ верховный Мухамедъ Узбекъ Ханъ, г. 740 = 1339,40.
II. Суннитскій символъ (Рес. р. 221, № 43). *Три экз. разл. штемпелей.*
28. Монета Узбека Хана (?), чеканенная въ Мухшѣ (См. Мон. Хановъ № 71 и таб. А, № VIII).
29. I. Султанъ | верховный | Узбекъ (въ квадратъ и кругъ изъ точекъ). Съ правой стороны квадрата: 714 (?) — 1314,5.
II. Суннитскій символъ (въ осьмиугольной фигурѣ).
30. I. Султанъ | верховный | Узбекъ (въ квадратъ изъ линій и кругъ изъ точекъ). Съ правой стороны квадрата: Сарай. Внизу 4 (?) = 714 (?) = 1314,5.
II. Суннитскій символъ (въ осьмиугольной фигурѣ).
31. I. Въ кругъ: Султанъ | Гаясь-эд-динъ | Узбекъ | Ханъ правосудный. По срединѣ тама (под. Мон. Хан. таб. XIII, № 13).
II. Чеканъ Мухши, 718 (MV) года — 1318,9 (въ квадратъ). *Два экз. разл. штемпелей.*
32. I. Въ квадратъ: Султанъ | правосудный | Узбекъ Ханъ (два раза ударено).
II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ.
33. I. Султанъ | правосудный | Узбекъ.
II. Чеканъ Хорезма, годъ 720 = 1320,21. *Два экз. разл. штемпелей. Неиздана, но, кромѣ года, во всемъ под. Рес. р. 208, № 10.*

34. I. Султанъ | правосудный | Узбекъ Ханъ (*въ осьми-
угольной фигурѣ*).
II. Чеканъ | Булгара | Богохранимаго, | г. 740 =
1339,40, (*въ сферическомъ шестигрульникѣ*).

III. Джанибекъ (I) Ханъ.

35. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. По
краямъ: Чеканъ года 741 (= 1340,1).
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 7 (Рес. р. 225, № 1).
Два жз. разл. итежелей.
36. I. Джанибекъ Ханъ. Вокругъ: Правосудный Ха-
канъ Джелаль-эд-динъ Махмудъ Султанъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 743 г. = 1342,3 (Рес.
р. 227, № 6).
37. I. Султанъ правосудный Джанибекъ. Надчеканено
уврашеніе.
II. Чеканъ Хорезма, г. 743 = 1342,3 (Рес. р. 228,
№ 10).
38. I. Султанъ правосудный *Чамбекъ Ханъ* (по мон-
гольски) Джелаль-эд-динъ Махмудъ Султанъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 744 = 1343,4. (Рес.
р. 229, № 11; М. X. № 74).
39. I. Султанъ правосудный Джанибекъ.
II. Чеканъ Хорезма, годъ 744 = 1343,4 (Вариантъ
къ Рес. р. 229, № 12).
40. I. Султанъ правосудный *Чамбекъ Ханъ* (по мон-
гольски) Джелаль-эд-динъ Махмудъ Султанъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, г. 745 = 1344,5. (Рес.
р. 229, № 13).
41. I. Султанъ верховный Джанибекъ.
II. Чеканъ Хорезма, годъ 745 = 1344,5 (Подобна
(Рес. р. 230, №—0—).

42. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три монетныхъ украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746—1345,6 (Рес. р. 231, № 15).
43. }
44. } Варианты предыдущей монеты.
45. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746—1345,6 (Подобна Рес. р. 231, № 16; М. X. тб. III, № LXXX).
46. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746—1345,6 (Рес. р. 231, № 17).
47. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746—1345,6 (Рес. р. 232, №—0—).
48. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746—1345,6 (Под. Рес. р. 232, № 18; М. X. тб. III, № LXXX).
49. Вариантъ предыдущей монеты.
50. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 746—1345,6 (Рес. р. 232, № 19).
51. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три мон. украшенія.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747—1346,7 (Рес. р. 233, № 20; М. X. тб. III, № LXIV).
52. }
53. } Варианты предыдущей монеты.

54. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Два украшения, звѣздочка и точка.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747—1346,7 (Под. (Рес. р. 233, № 20а). *Два экз. разл. штемпелей.*
55. Подобна предыдущей, но на I вмѣсто звѣздочки вторая точка.
56. Подобна предыдущимъ двумъ, но три обычныхъ украшения дополняются четвертымъ, подобному украшенію на № 40 Григорьева.
57. Монета № 54 съ надчеканкою.
58. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три украшения: Надчеканено *حد* или *خات*.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747—1346,7 (Рес. р. 233, № 20с; М. X. тб. III, № LXIV).
59. I. Султанъ Джанибекъ правосудный.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747—1346,7 (Рес. р. 233, № 21; М. X. тб. III, № LXV).
60. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 747—1346,7 (Рес. р. 234, № 22).
61. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три украшения и звѣздочка.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 748—1347,8. Украшеніе (Рес. р. 234, № 24).
62. Подобна предыдущей, но на I четыре украшения (Рес. р. 235, № 25; М. X. тб. III, № LXVI). *Два экз. разл. штемпелей.*
63. I. Султанъ правосудный Джелаль-ад-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ. Два (?) украшения.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 748—1347,8. Украшеніе (Рес. р. 235, № 26). *Два экз. разл. штемпелей.*

64. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Три украшения.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 749 = 1348,9 (Под. Рес. р. 235, № 27; М. X. тб. III, № LXIX).
65. Подобна предыдущей монетъ, но съ надчеканкой.
66. I. Султанъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Богохранимаго, 749 = 1348,9. (Рес. р. 236, № 28; М. X. тб. III, № LXVIII). *Два жз. разл. иттемелей.*
67. I. Джанибекъ Ханъ. Два украшения. Вокругъ: Выбита въ дни правосуднаго царя Джалалъ-эд-дина Махмуда Султана.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 742 (?) = 1341,2. Годовое число поставленно прописью. (Рес. р. 236, № 31; М. X. тб. III, № LXXXVI).
68. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ. Четыре украшения.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 746 = 1345,6, Годовое число — прописью. (Рес. р. 237, № 32).
69. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 746 = 1345,6. Годовое число — прописью (Рес. р. 237, № 33; М. X. тб. III, № LXXXV).
70. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 751 = 1350,1 (Рес. р. 239, № 36; М. X. № 91).
71. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, 751 (написано ٧٥١) = 1360,1.
II. Чеканъ Сарая Новаго; видны слово „годъ“ и цифра 7. (Рес. р. 240, № 40).
72. Подобна монетъ № 71 (Рес. р. 240, № 41).

73. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 752—1351 (Рес. р. 241, № 47).
74. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 752—1351 (Рес. р. 241, № 48).
75. Подобная предыдущей монетѣ (Рес. р. 241, № 47; Григорьевъ, р. 16, № 53, тб. I, рс. 7).
76. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 752—1351 (Рес. р. 242, № 49).
77. Вариантъ предыдущей монеты.
78. I. Султанъ верховный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ, 752.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 752—1351 (Рес. р. 242, № 50). *Два экз. разн. штемпелей.*
79. Подобная предыдущей, но съ надчеканкой (Григорьевъ, р. 16, № 51).
80. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 752—1351 (Под. Рес. р. 242, № 52).
81. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 752—1351 (Рес. р. 243, № 54; М. X. тб. III, № LXXIII).
82. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана (куфическое письмо), годъ 752—1351 (Рес. р. 243, № 56; М. X. тб. III, № LXXII).

83. Подобна предыдущей, но безъ года и первая сторона, кажется, перечеканена.
84. Подобно № 82, но безъ года.
85. Подобно 82, но совершенно особаго чекана.
86. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистанъ (куфич. письмо), годъ 752 = 1351 (Рес. р. 244, № 57; М. X. тб. III, № LXXII).
87. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана (куфич. письмо), годъ 752 = 1351 (Рес. р. 244, № 58).
88. Вариантъ предыдущей монеты.
89. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 753 = 1352 (Рес. р. 244, № 59; М. X. № 98).
90. I. Подобна предыдущей (ср. Григорьевъ, р. 19, № 60 в). *Три экз. разн. штемпелей.*
91. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, 753 = 1352 (Рес. р. 244, № 61).
92. Вариантъ предыдущей монеты.
93. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 753 = 1352 (Рес. р. 245, № 62).
94. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 753 = 1352 (Рес. р. 245, № 63).
95. Вариантъ предыдущей монеты.

96. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 754=1353,4 (Рес. р. 246, № 67).
97. Подобна предъидущей (Рес. р. 246, № 68).
98. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана (буфич. письмо), годъ 756=1355 (Рес. р. 247, № 70).
99. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 745? (Рес. р. 249, № 77).
100. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 743? (Рес. р. 250, № 79).
101. I. Султанъ правосудный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 745? (Рес. р. 250, № 80).
102. Монета, подобная предъидущей (Рес. р. 250, № 81).
103. I. Султанъ верховный Джелалъ-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ Султанъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 743? (Рес. р. 250, № 82).
104. Монета, подобная предъидущей, но съ надчеканкой.
105. Вариантъ монеты № 103 (Рес. р. 250, № 83).
106. Вариантъ монеты № 103, но годъ 742? (Рес. р. 250, № 84).
107. Вариантъ монеты № 103 (Рес. р. 250, № 85).

108.   Вариантъ монеты № 103 (Рес. р. 251, № 86).
109.   Вариантъ монеты № 103 (Рес. р. 251, № 87).
110.   I. Султанъ правосудный *Чамбекъ Ханъ* (по мон-
гольски) *Джелаль-эд-динъ Махмудъ*.
II. Чеканъ города Гюлистана Новаго. Безъ года.
(Рес. р. 254, № — 0 —).
111.   I. Султанъ правосудный *Джанибекъ Ханъ*. Три
украшения.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 748 = 1347,8 (Под.
Григорьевъ, р. 13, № 41, тб. I, рс. 5).
112.   Вариантъ предыдущей монеты.
113.   Вариантъ предыдущей монеты.
114.   I. Султанъ правосудный *Джанибекъ Ханъ*.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 748 = 1347,8 (Под.
Григорьевъ, р. 14, № 43).
115.   I. *Джелаль-эд-динъ Махмудъ Джанибекъ Ханъ*.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 751 = 1350,1 (Под.
Григорьевъ, р. 15, № 50, тб. I, рс. 6).
116.   Вариантъ предыдущей монеты.
117.   I. Султанъ верховный *Джелаль-эд-динъ Махмудъ*
Джанибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годового числа нѣтъ.
(Под. Григорьевъ, р. 16, № 52).
118.   I. Султанъ правосудный *Джанибекъ Ханъ*...
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 752 = 1351 (Под.
Григорьевъ, р. 17, № 54, тб. I, рс. 8).
119.   I. Султанъ *Махмудъ Джанибекъ Ханъ*.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 741 (114V) = 1340,1
(Савельевъ, Тетюшскій владъ, р. 186, № 378, тб.
VI, рс. 88).

120. I. Султанъ.....
II. Чеканъ Сарая Новаго, $\nu_01 = 1350,1$ (Типа: Савельевъ, Тетюшкѣй владъ, р. 186, № 378, тб. VI, рс. 88).
121. I. Султанъ правосудный | Джелаль-эд-динъ | Джанибекъ.
II. Въ квадратъ: „Сарай Новый“. Верху: „Монета“. Слова: 743 = 1342,3).
122. ... I. Султанъ | Джелаль-эд-динъ... | Джанибекъ...
II. Чеканъ Сарая | Новаго, | 747 ($\nu^{\ast\nu}$) года = 1346,7 (въ многоугольной сферической фигурѣ).
123. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ (въ двойномъ кругу—изъ линіи и изъ точекъ). Во второй строкъ три украшенія.
II. Чеканъ Сарая (въ два ряда) | Новаго (украшеніе въ серединѣ). Внизу ν , съ лѣвой стороны $\nu^{\ast\lambda}$, т. е. 748 = 1347,8 (въ многоугольной сферической фигурѣ).
124. Вариантъ предыдущей монеты.
125. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ, | да длитя царствованіе его (въ многоугольной сферической фигурѣ).
II. Въ квадратъ: Чеканъ Сарая (въ два ряда) Новаго | 752 = 1351.
126. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ | да длитя царствованіе его (въ кругу). Между второю и третьею строкою; на одномъ экземплярѣ—обыкновенное украшеніе, на второмъ—весьма маленькій завитокъ.
II. Въ квадратъ, окруженномъ завитками и кругомъ изъ точекъ: Чеканъ Сарая | Новаго. Внизу ν_0 , вверху въ лѣвомъ углу на одномъ экземплярѣ ясно видно 0, т. е. $\nu_0 = 750 = 1349,50$. Два экз. разн. штемпелей.

127. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ (съ крупу). Между строками видны два украшения, третье не видно.
II. Въ крупу: Чеканъ Сарая | Новаго. Въ серединѣ украшеніе. Внизу видно v (7).
128. I. Въ двойномъ крупу изъ линіи и изъ точекъ: Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ.
II. Въ многоугольникъ и въ такомъ же двойномъ крупу: Чеканъ... | Новаго. Между обѣими строками украшеніе, а правѣ цифра v (7).
129. I. Въ двойномъ крупу изъ линіи и изъ точекъ: Султанъ правосудный | Джанибекъ... (съ правой стороны украшеніе).
II. Въ двойномъ многоугольникъ и въ крупахъ изъ линіи и изъ точекъ: Чеканъ... | Новаго. Въ серединѣ украшенія. Внизу видны цифры v (7).
130. I. Султанъ правосудный | Джанибекъ Ханъ, | да длятся и пр. Въ верхней строкѣ украшеніе.
II. Въ сферическомъ шестиугольникъ: Чеканъ Сарая (съ два ряда) | Новаго. Гда не видно.
131. I. Султанъ верховный | Джелаль-ад-динъ Махмудъ | Джанибекъ...
II. Въ квадратъ: Чеканъ Сарая | Новаго.

IV. Вирдибекъ Ханъ.

132. I. Султанъ правосудный Мухамедъ Бирдибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 758—1357 (Rec. p. 257, № 1; М. X. тб. IV, № XCII). Два экз. раз. штемпелей.
133. I. Султанъ правосудный Мухамедъ Бирдибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 759 (Rec. p. 258, № 6; М. X. тб. IV, № XCIII).

134.   Вариантъ предыдущей монеты. *Два экз. разн. штемпелей.*
135.   {
136.   {   Варианты № 133.
137.   I. Бирдибекъ Ханъ.
          II. Чеканъ Азака, годъ 760 = 1358,9 (Рес. р. 259, № — 0 —). *Два экз. разн. штемпелей.*
138.   I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да
          длится царствованіе его.
          II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 759 = 1357,8
(Рес. р. 259, № 8). *Четыре экз. разн. штемпелей* (разн.
          типовъ украшенія подъ годовымъ числомъ).
139.   I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да
          длится царствованіе его.
          II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 760 (v*) =
          1358,9 (Рес. р. 259, № 9; М. Х. тб. IV, № ХСVII).
          Два экз. разн. штемпелей.
140.   Вариантъ предыдущей монеты (годовое число v*o).
141.   Вариантъ № 139 (съ большимъ монет. украше-
          ніемъ на II).
142.   Вариантъ № 139 (годовое число v*o).
143.   I. Султанъ Бирдибекъ Ханъ верховный.
          II. Чеканъ Хорезма, годъ 760 (oiv) = 1358,9 (Рес.
          р. 260, № 11). *Два экз. разн. штемпелей.*
144.   I. Султанъ правосудный Мухамедъ Бирдибекъ
          Ханъ.
          II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 760 (v*o) = 1358,9
(Рес. р. 260, № 12; М. Х. № 115). *Три экз. разн.
          штемпелей.*

145. Подобна предъидущей, но годовое число CV (Рес. р. 260, № — 0 —; М. Х. тб. IV, № ХСVIII).
146. I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 753 = 1352 (Рес. р. 260, № 13). *Два экз. разныхъ штемпелей.*
147. I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 760 = 1358,9. Сверхъ того поставлено: вверху справа V, слѣва о, внизу ч). (Савельевъ, Екат. владъ, р. 26, № 38, тб. I, рс. 5).
148. I. Султанъ правосудный Бирдибекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761 = 1358,9 (Савельевъ, Тет. владъ, р. 189, № 387).

V. Кульна Ханъ.

149. I. Султанъ правосудный Кульна Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 760 = 1359. (Рес. р. 261, № 1; М. Х. тб. IV, № С).
150. Подобна предъидущей, но съ надчеканкой на I
151. I. Кульна Ханъ.
II. Чеканъ Азака, 760 = 1359 (Рес. р. 261, № 2).
152. I. Султанъ правосудный Кульна Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 760 = 1359 (Рес. р. 261, № 3; М. Х. тб. IV, № СI). *Два экз. разн. штемпелей.*
153. I. Султанъ правосудный Кульна Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761 = 1359 (Рес. р. 262, № 4).

154. Подобна предыдущей, но съ надчеканкой на I.
(Рес. р. 262, № 4 а).
155. I. Султанъ правосудный | Кульна Ханъ, | да длится царствованіе его.
II. *Въ многоурольникъ и круль*: Чеканъ Сарая | Новаго | $V^m = 761 = 1359$.

VI. Неврусъ-Бекъ Ханъ.

156. I. Неврусъ-Бекъ Ханъ.
II. Чеканъ Азака, годъ 760 = 1359 (Рес. р. 263, № 1; М. X., № 121). *Два экз. разн. штемпелей.*
157. I. Султанъ правосудный Неврусъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 761 = 1359,60 (Рес. р. 263, № 2).
158. I. Султанъ правосудный Мухамедъ Неврусъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 761 = 1359,60 (Под. Рес. р. 263, № 3; М. X. тб. IV, № СIII в).
159. I. Султанъ правосудный Неврусъ-Бекъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 761 = 1359,60. (Рес. р. 264, № 4).
160. I. Султанъ правосудный Неврусъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761 = 1359,60. (Рес. р. 264, № 5; М. X. № 123).
161. I. Султанъ правосудный Неврусъ-Бекъ Ханъ, да длится царство его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761 = 1359,60. (Рес. р. 264, № 6; М. X. тб. IV, № СIII).

VII. Хызръ Ханъ.

162. I. Султанъ Хызръ Ханъ.
II. Чеканъ Азака, годъ 760—1359 (Рес. р. 265, № 1; М. X. тб. IV, № CIV).
163. I. Султанъ правосудный Хызръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 761—1359,60. (Рес. р. 265, № 2; М. X. тб. IV, № CV).
164. Вариантъ предъидущей монеты.
165. Подобна № 163, но годовое число *۷۶۱* (Рес. р. 265, № 3).
166. I. Султанъ правосудный Хызръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 761—1359,60 (Рес. р. 266, № 4). *Два экз. разн. штемпелей.*
167. Вариантъ предъидущей монеты.
168. I. Султанъ правосудный Махмудъ Хызръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 761—1359,60 (Рес. р. 266, № 5; под. М. X. тб. IV, № CVI).
169. Вариантъ предъидущей монеты. На I украшеніе.
170. I. Султанъ правосудный Хызръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 762—1360,1 (Рес. р. 266, № 6).
171. Подобна предъидущей монетѣ, но годовое число начеканено неправильно *۷۷۱* (Рес. р. 266, № 7).
172. I. Султанъ правосудный Хызръ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, годъ 762—1360,1 (Рес. р. 267, № 10).

173. I. Султанъ Хызръ Ханъ.
II. Чеканъ Азака, 762 (777) = 1360,1 (Цод. Зап. Имп. Археол. Общества, XII, тб. I, № 6 и Рес. р. 269, №—0—).

174. I. Хызръ Султанъ Ханъ.
II. Чеканъ Азака, годъ 762 = 1360,1. Двѣ черты изъ точекъ (Савельевъ, Екат. владъ, р. 33, № 58, тб. I, рс. 6).

VIII. Тимуръ Ходжа Ханъ.

175. I. Султанъ правосудный Тимуръ Ходжа Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 762 = 1360,1 (Рес. р. 271, № 2; М. X. тб. IV, № СХVII).

IX. Урду-Меливъ Ханъ.

176. I. Султанъ правосудный Урду-Меливъ Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 762 = 1360,1 (Рес. р. 272, № 1).

177. I. Ханъ Урду-Меливъ правосудный.
II. Чеканъ Азака, годъ 762 = 1360,1 (Рес. р. 272, № 2; М. X. тб. IV, № СХXI).

X. Кильди-Бевъ Ханъ.

178. I. Султанъ правосудный Кильдибевъ Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 762—1361 (Рес. р. 273, № 1; М. X. тб. V, № СХXII).

179. Вариантъ предъидущей монеты. *Два жз. разн. штемпелей.*

180. I. Султанъ правосудный Кильдибевъ Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 763 = 1361,2 (Рес. р. 273, № 3).

118. I. Ханъ Кильдибекъ правосудный.
II. Чеканъ Азава, годъ 763=1361,2 (Рес. р. 274, № 5).

XI. Мюридъ Ханъ.

182. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, 763=1361,2 (Рес. р. 275, № 1; М. X. тб. А, № IX). *Два экз. разн. штемпелей.*
183. Вариантъ предыдущей монеты.
184. Подобна № 182, но годъ начеканенъ ^{۷۴} (Рес. р. 275, № — 0 —; М. X. тб. V № CXXIX).
185. Вариантъ предыдущей монеты.
186. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана — Лисъ — Сарая, годъ 763=1361,2 (Рес. р. 276, № 3; М. X. тб. V, № CXXVII).
187. Вариантъ предыдущей монеты (Рес. р. 276, № 4; М. X. тб. V, № CXXVII).
188. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Гюлистана, 764=1362,3 (Рес. р. 276, № 5). *Два экз. разн. штемпелей.*
189. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана, 764=1362,3. Украшеніе (Рес. р. 276, № 6; М. X. № 152). *Два экз. разн. штемпелей.*
190. I. Султанъ правосудный Мюридъ Ханъ, да длится....
II. Чеканъ Сарая Новаго., 76.? (Григорьевъ, р. 30, тб. II, рс. 22).

191. I. *Въ кругу*: Султанъ правосудный | Мюридъ Ханъ, | да длится царствованіе его.
II. Чеканъ | города Гюлистана. *Года не видно. Весьма грубаго чекка.*

ХII. Миръ-Пуладъ Ханъ.

192. I. Султанъ правосудный Миръ-Пуладъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 764=1362,3 (Рес. р. 278, № — 0 —; М. Х. тб. IV, № CXVIII).
193. I. Султанъ правосудный Пуладъ Ходжа Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана, годъ 766=1364,5 (Рес. р. 278, № 3; Григорьевъ, р. 32, № 121, тб. II, рс. 23).

ХIII. Джанибекъ II.

194. I. Султанъ Джанибекъ Ханъ (въ пяти паралелограмахъ).
II. Суннитскій символъ (Савельевъ, Екат. владъ, р. 47, № 78, тб. II, рс. 16). *Грубой чеканки почеркомъ несли.*
195. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его (въ пяти паралелограмахъ).
II. Суннитскій символъ (Савельевъ, Тет. владъ, р. 139, № 393, тб. VII, рс. 98).
196. I. Султанъ правосудный Джанибекъ, да продлится царствованіе его (въ пяти паралелограмахъ, почеркомъ несли).
II. Суннитскій символъ (Савельевъ, Тет. владъ, р. 195, № 397, тб. VII, рс. 101).
197. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его (въ пяти паралелограмахъ).

II. Суннитскій символъ (Савельевъ, Тет. кладъ, р. 196, № 400 с).

XIV. Азисъ-Шейхъ Ханъ.

198. I. Султанъ правосудный Азисъ Шейхъ Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 767—1365,6 (Монеты Хановъ и пр., № 162).
199. I. Султанъ правосудный Азисъ-Шейхъ Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, годъ 767—1365,6 (Рес. р. 280, № 1; М. X. тб. V, № СXXXI, е).
200. I. Султанъ правосудный Азисъ Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана, 767—1365,6 (Рес. р. 280, № — 0 —; М. X. тб. V, № СXXXI).
201. Султанъ.... Азисъ - Шейхъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, годъ 768 (прописью) = 1366,7 (Рес. р. 281, № 4).
202. I. Султанъ правосудный Азисъ-Шейхъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана Новаго (Рес. р. 282, № 5).
203. I. Султанъ правосудный Азисъ-Шейхъ Ханъ....
II. Чеканъ Гюлистана, 766—1364,5. *Надчеканена* (Григорьевъ, р. 33, № 127, тб. III, р. 28).
204. I. Султанъ Азисъ-Шейхъ Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 767—1365,6 (Григорьевъ, р. 35, № 130, тб. II, рс. 30).
205. Султанъ Азисъ-Шейхъ Ханъ....
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 767—1365,6 (Григорьевъ, р. 36, № 131, тб. II, рс. 30).

206. Монета, подобная предыдущей, но съ надчеканкой на II.
207. I. Султанъ правосудный Азисъ-Шейхъ Ханъ, да длится....
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 767—1365,6 (Григорьевъ, р. 36, № 132, тб. III, рс. 32).
208. I. . . . . Азисъ-Шейхъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 768 (лчv)—1366,7 (Григорьевъ, р. 39, № 141, тб. IV, рс. 37).
209. Султанъ правосудный Азисъ Ханъ.
II. Чеканъ Гюлистана Богохранимаго, 768 (лчv)—1366,7 (Григорьевъ, р. 40, № 142).
210. I. *Въ кругу*: Султанъ правосудный | Азисъ-Шейхъ Ханъ | да длится царствованіе его.
II. *Въ сферическомъ многоугольнике и кругахъ изъ линіи и изъ точекъ*: Чеканъ | Новаго Сарая | лчv, т. е. 766—1364,5.
211. I. *Въ кругу*: Султанъ правосудный | Азисъ Ханъ | да длится царствованіе его. *Въ серединѣ второй строки украшеніе*.
II. *Въ двойномъ сферическомъ многоугольнике*: Чеканъ | Гюлистана | (v.rv, т. е. (7)67=1365,6. *Надъ первою и второю строками маленькія звѣздочки*.
212. I. *Въ кругу*: Султанъ | Азисъ-Шейхъ, | да длится царствованіе его.
II. *Въ кругу*: Богохранимаго | чеканъ | Гюлистана. *Года не видно*.
213. I. *Въ сферическомъ шестиугольнике и кругу изъ точекъ*: Султанъ | правосудный Ази | съ-Шейхъ Ханъ, да длится и пр.
II. *Въ такомъ же шестиугольнике*: Чеканъ | Сарая | Новаго. *Года не видно*.

XV. Абдулла Ханъ.

214. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ, да длит-
ся царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 764=1362,3 (Рес. р.
283, № 1; Григорьевъ, № 123, тб. II, рс. 25).
215. I. Ханъ Абдулла, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 764=1362,3 (Рес. р.
283, № 2; М. X. тб. V, № СХХХII). *Пять экз.
разн. штемпелей.*
216. I. Ханъ Абдулла, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 765=1363,4 (Рес. р.
283, № — 0 —; М. X. тб. V, № СХХХIII).
217. I. Абдулла Ханъ, да длитса царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 765 (написанъ *от* V) =
1363,4 (Рес. р. 284, № — 0 —; М. X. № 168).
Два экз. разныхъ штемпелей.
218. I. Абдулла Ханъ....
II. Чеканъ Орды, годъ 767=1365,6 (Рес. р.
284, № 3).
219. Подобна предъидущей, но съ украшеніемъ на II.
Три экз. разн. штемпелей.
220. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ, да длитса
царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 770 (семьдесятъ—про-
писью)=1368,9 (Под. Рес. р. 285, № 5 и М. X.
№ 171).
221. }
222. } Варіанты предъидущей монеты.
223. }

224. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 770 (семьдесятъ—прописью) = 1368,9 (Рес. р. 285, № 7; М. X. тб. А, № X).
225. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ.
II. Чеканъ Янги-Шегри. Года не видно, но долженъ быть 765. (Григорьевъ, р. 33, № 124, тб. II, рс. 26).
226. *Въ сферическомъ многоугольнике и кругахъ изъ линіи и точекъ:* Абдулла (*крупнымъ письмомъ*).
II. *Въ кругахъ изъ линіи и точекъ:* Чеканъ Азака |
№о, т. е. 765 = 1363,4.
227. I. Султанъ правосудный Абдулла Ханъ; да длится...
II. Чеканъ Орды, года семидесятаго 7, т. е. 770 = 1368,9. (Въ остальномъ типа: Савел., Екат. владъ, р. 42, № 72 в, тб. I, рс. 9). Вверху стоитъ знакъ, совершенно схожій съ цифрой 7 (774 годъ?).
228. Монета, подобная предыдущей, но на II вверху стоять °.

XVI. Мухаммедъ Булякъ Ханъ.

229. I. Султанъ правосудный Мухаммедъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 771 = 1369,70 (Рес. р. 287, № 1).
230. Варіантъ предыдущей монеты (ср. Григорьевъ, р. 48, № 79, тб. II, рс. 17).
231. I. Султанъ правосудный Мухаммедъ Ханъ, да продлитъ Богъ царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 772 (7 семьдесятъ 2) = 1370,1 (Рес. р. 288, № 2; М. X. тб. V, № CXLVII).

232. I. Султанъ правосудный Гаясь-эд-динъ-в'эд-Дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 772=1370,1. Куфическимъ письмомъ (Рес. р. 288, № 3).
233.   Варианты предъидущей монеты.
234. I. Султанъ правосудный Гаясь-эд-динъ-в'эд-Дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 773=1371,2 (Рес. р. 288, № 4; М. X. № 173).
235. }
236. }   Варианты предъидущей монеты.
237.   Вариантъ № 230 (ср. Савельевъ, Екатер. владъ, р. 50; № 82, тб. II, рс. 19).
238. I. Султанъ правосудный Гаясь-эд-динъ-в'эд-Дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, годъ 774=1372,3 (Рес. р. 288, № — 0 —).
239. I. Султанъ правосудный Мухаммедъ Ханъ, да длится....
II. Чеканъ Маджара Новаго, 774=1372,3. Въ серединѣ, въ квадратѣ, тамга (Рес. р. 289, № 5; М. X. тб. V, № CXLVII).
240. I. Султанъ правосудный Гаясь-эд-динъ-в'эд-Дунья Мухаммедъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды, 777 (vww)=1375,6. Въ серединѣ: Царство принадлежитъ Богу (Рес. р. 290, № 8).
Два экз. разн. штемпелей.
241.   Вариантъ № 236 (ср. Савельевъ, Екат. владъ, р. 52, № 85).
242. I. Султанъ верховный Булякъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Суннитскій символъ. (Нѣтъ Бога кромѣ Бога и пр.), 782 или 786 (ʕʕV)=1380 или 1384,5 (Рес. р. 291, № 10; М. Х. тб. V, № CXLIV). *Два экз. разн. штемпелей.*

243. Подобна № 236, но годъ написанъ ʕVI (Рес. р. 291, № 11).

244. Подобна № 236, но годъ написанъ ʕV и различія въ начертаніи словъ (Рес. р. 291, № 12).

245. Подобна предыдущимъ №№ 236 и 241 (Рес. р. 291, № 13; ср. Савельевъ, Екат. владъ, р. 54, № 91).

XVII. Джанибегъ III.

246. I. Султанъ правосудный Джанибегъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго. Безъ года (Савельевъ, Тет. владъ, р. 227, № 425, тб. VIII, рс. 119). *Два экз. разн. штемпелей.*

XVIII. Тохтамышъ Ханъ.

247. I. Султанъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Сарая, 782=1380 (Рес. р. 304, № 1; М. Х. тб. V, № CLIII). *Четыре экз. разн. штемпелей.*

248. Султанъ правосудный *Тохтамышъ* (по монгольски) Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чекапъ Сарая Новаго, 782=1380 (Рес. р. 304, № 2). *Два экз. разн. штемпелей.*

249. I. Султанъ правосудный *Токтани* (грубое монгольское письмо) Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782=1380 (Рес. р. 305, № 2 а).

250. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782=1380 (Рес. р. 305, № 3).
251. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782=1380 (Рес. р. 305, № 6; М. X. тб. V, № CLIV).
252. }
253. } Варианти предыдущей монеты.
254. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарайчука, годъ 782=1380 (Рес. р. 306, № 9).
255. I. Султанъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствование его.
II. Чеканъ города Азака, 782=1380 (Рес. р. 307, № 13, М. X. тб. VI, № CLVII).
256. Монета, подобная предыдущей, но другаго штемпеля.
257. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствование его.
II. Чеканъ города Азака, годъ 782=1380 (Рес. р. 308, № 14; М. X. тб. VI, № CLVII).
258. I. Султанъ верховный Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ города Азака, годъ 782=1380 (Рес. р. 308, № 15).
259. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствование его.
II. Чеканъ Азака Богохранимаго, годъ 783=1381,2 (Рес. р. 309, № 18; М. X. тб. VI, № CLVIII).
360. I. Султанъ правосудный Джелаль-эд-динъ Махмудъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствование его.

II. Чеканъ Орды Новой, годъ 785 (прописью) = 1383,4 (Рес. р. 312, № 28; М. X. тб. А, № XI).

261. I. Султанъ правосудный *Тохтамышъ* (по монгольски) Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 786 = 1384,5 (Рес. р. 313, № 29). *Два экз. разн. штемпелей.*

262. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.

II. Чеканъ Сарая Богохранимаго, годъ 786 = 1384,5 (Рес. р. 314, № — 0 —; М. X. № 202).

263. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 787 = 1385,6 (Рес. р. 315, № 35).

264. I. Султанъ правосудный.... Ханъ....

II. Чеканъ города Азака, 787 = 1385,6 (Рес. р. 315, № 40).

265. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ (вѣфическое письмо).

II. Чеканъ Хорезма, годъ 787 = 1385,6 (Рес. р. 316, № 42).

266. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.

II. Чеканъ Сарая Новаго, 788 = 1386,7 (Рес. р. 316, № 43; М. X. № 208). *Три экз. разн. штемпелей.*

167. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.

II. Чеканъ Орды высочайшей, годъ 789 (VΛ⁹) = 1387 (Рес. р. 317, № 45).

268. Варіантъ предъидущей монеты (годъ написанъ VΛ⁹).

269. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Орды высочайшей, годъ 789 = 1387 (Рес. р. 317, № 46; М. X. № 210). *Два экз. разл. штемпелей.*
270. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Сарая, 789 = 1387 (Рес. р. 318, № 49).
271. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ города Сарая, 790 = 1388 (Рес. р. 319, № — 0 —; М. X. № 215). *Два экз. разл. штемпелей.*
272. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды высочайшей, 791 = 1389 (Рес. р. 320, № 57; М. X. тб. VI, № CLXXV). *Два экз. разн. штемпелей.*
273. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ....
II. Чеканъ Орды высочайшей, 791 = 1389 (Рес. р. 321, № — 0 —).
274. I. Султанъ Тохтамышъ Ханъ, да длится.... (Двѣ звѣздочки).
II. Чеканъ Сарая Новаго. Отъ года видно только V. Украшеніе (Рес. р. 329, № 86). *Грубато письма.*
275. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Сарая Новаго, *овл.* Украшеніе (Рес. р. 329, № 89; М. X. № 199).
276. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ.... (Украшеніе).
II. Чеканъ Сарая Новаго, 782 (*VM*) = 1380 (Рес. р. 332, № 106; М. X. № 186).

277. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да
длится царствованіе его.
II. Чеканъ города Крыма.... 4^{лв} (Рес. р. 334,
№ 116; М. X. тб. VI, № СХСVIII).
278. I. Султанъ правосудный (?) Тохтамышъ Ханъ, да
длится царствованіе его.
II. Чеканъ Азака, годъ 4^{лв} (Рес. р. 336, № 127).
279. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да
длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды 5^{лв} (Рес. р. 339, № 136; М.
X. тб. VII, № ССXXIX; №№ 265—267). *Два экз.
разл. штемпелей.*
280. Вариантъ предыдущей монеты (Рес. р. 339,
№ 136). *Два экз. разл. штемпелей.*
281. I. Султанъ правосудный Гааясь-эд-Дунья-в'эд-динъ
Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды Новой, годъ пятый и семьсотый
и... (прописью), 785 (?) (Рес. р. 342, № — 0 —; М.
X. тб. VI, № СХСIV).
282. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ города.... (Рес. р. 345, № 162; М.
X. тб. VII, № ССVIII).
283. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да
длится царствованіе его, 783 (4^{лв})=1381,2.
II. Чеканъ Орды. Въ серединѣ: Царство принад-
лежитъ Богу (Рес. р. 346, № 170).
284. Вариантъ предыдущей монеты (Рес. р. 346, №
170 с; М. X. тб. VII, № ССXVIII).
285. I. Султанъ правосудный Гааясь-эд-Дунья-в'эд-динъ
Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Кабъ на. № 279 (Рес. р. 347, № 172; М. X.
тб. VII, № ССXV).

286. I. Султанъ правосудный Насиръ-эд-динъ Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Суннитскій символъ. Безъ года (Рес. р. 349, № 189).
287. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды высочайшей, 789 = 1387. Украшеніе въ концѣ годового числа (Савельевъ, Еват. владъ, р. 90, № 191).
288. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ, да длится царствованіе его.
II. Чеканъ Орды высочайшей. Безъ года (Савельевъ, Еват. владъ, р. 92, № 197).
289. I. Султанъ | правосудный | .... | Тохтамышъ.... |
II. Суннитскій символъ. Безъ года.
290. I. *Въ квадратъ и кругъ изъ точекъ*: (Султанъ) | правосудный | Тохтамышъ (*куфич. письмо*).
II. *Въ сферическомъ многоугольникъ*: Чеканъ | Хорезма | *вл.*, т. е. 785 = 1384,5 (*куфич. письмо*).

Б. Джелайридскія монеты.

291. I. Въ правленіе султана верховнаго Джелаль-эд-динъ Гуссейна Хана, да длится царствованіе его. Годъ 780.
II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Чеканъ Тебриза (см. Савельевъ, Тет. владъ, № 470 и Nova Supplementa, р. 294, № 1 а). *Два экземпляра.*
292. I. Въ правленіе султана верховнаго Джелаль-эд-динъ Гуссейна Хана, да длится царствованіе его. Годъ семьсотъ восемьдесятъ третій (783 = 1381,2).
II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Шемаха (см. Савельевъ, Тет. владъ, № 476).

293. I. Въ правленіе султана верховнаго Джелаль-эддинъ Гуссейна Хана, да длится царствованіе его. Годъ. 7.
II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Чеканъ Гамадана (ср. Савельевъ, Екзат. владъ, р. 164, № 344, тб. V, рс. 66).
294. I. Въ правленіе султана верховнаго Джелаль-эддинъ Гуссейна Хана, да длится царствованіе его. Годъ... 9. Чеканъ Тебриза.
II. Суннитскій символъ и имена четырехъ калифовъ. Чеканъ Тебриза (ср. Савельевъ, Тет. владъ, р. 256, № 469, тб. X, рс. 136).

В. Джагатайскія монеты.

295. I. Суюргатмыша повелѣніе. Эмиръ Тимуръ Гуреванъ...
II. Суннитскій символъ, 785—1383. Сверху: Самаркандъ (Рес. р. 424, № 6; М. X. тб. XV, № 3). *Два экземпляра.*
296. I. Султана Махмуда повелѣніе. Миръ Тимуръ Гуреканъ, слово наше.
II. Суннитскій символъ. Чеканъ Самарканда. Года не видно, но долженъ быть 791-ый (см. Савельевъ, Екзат. владъ, № 340).

Русскія подражанія Джучидскимъ монетамъ.

297. Подражаніе монетъ Узбега Хана: Мон. Хан., тб. II, № XLV и Рес. р. 217, № 32.
298. I. Султанъ правосудный Мухаммедъ Бирдибекъ Ханъ, да длится и пр.
II. Чеканъ Сарая Новаго.

299. I. Султанъ правосудный Хызръ Ханъ, да длится
и пр.
II. Чеканъ Гюлистана, г. 760.
300. I. Султанъ правосудный Тохтамышъ Ханъ.
II. Чеканъ Сарая Новаго. *Надписи на оборотъ.*
301. I. Чеканъ Сарая Новаго, г. 743.
II. Чеканъ Сарая Новаго, г. 743. *Надписи на
оборотъ.*

Монеты съ именами двухъ хановъ.

302. I. Султанъ верховный Узбекъ Ханъ.
II. Султанъ правосудный Мухаммедъ Бирдибекъ
Ханъ.
303. I. Султанъ правосудный Джанибекъ Ханъ.
II. Султанъ правосудный Кульна Ханъ.

Монета неопредѣленная.

304. I. سلطان خانس.... Султанъ....
II. چکن بولا Чеканъ | Була.... *Грубого письма.*

Монета позолоченная и пробитая.

305. I. (Султанъ) | верховный | Узбекъ Ханъ.
II. Суннитскій символъ, годъ 732.

Прим. Отмѣчаемъ эту монету—какъ найденную
въ кладѣ пробитою и позолоченною, слѣдоват. служив-
шую предметомъ украшенія еще въ XIV-мъ вѣкѣ.

АТАМАНОВЫ КОСТИ (1).

(Могильникъ бронзовой эпохи близъ о. Черемисскаго Малмыжа и дер. Ахпая, въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губ.).

Члена-сотрудника С. К. Кузнецова.

■.

Первое знакомство съ могильникомъ „Атамановы кости“. Преданія о разбойникахъ и владѣ. Пѣсня. Топографія могильника. Показанія владовщиковъ и др. крестьянъ о могильникѣ. Дорога къ могильнику. Теперешнее состояніе „Атамановыхъ костей“. Первые раскопки.

Пять лѣтъ тому назадъ совершенно случайно узналъ я въ одну изъ своихъ экскурсій, что верстахъ въ четырехъ ниже села *Черемисскаго Малмыжа* (въ 12 верст. отъ г. Малмыжа) уже нѣсколько лѣтъ весенней водой вымываетъ въ берегу р. *Вятки* человѣческія кости. Такъ какъ разсказчики упомянули о нѣкоторыхъ находкахъ, то я постарался тогда же собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ владбищѣ отъ мѣстныхъ стариковъ. Вотъ что мнѣ передавали:

„Давно когда-то—дѣды и прадѣды наши ишо слыхали про ето отъ отцовъ своихъ да намъ, робетишкамъ, розказывали,—въ етомъ самомъ мѣстѣ разбойники притонъ держали. Тутъ у нихъ землянка болшая такая была, съ одной дверью безъ оконъ, а подъ ней подвалъ: туда православныхъ

---

(1) Первая половина этой статьи была помѣщена въ X т. Трудовъ Импер. Русск. Археол. Общ. и здѣсь приводится почти цѣликомъ, съ необходимыми измѣненіями и дополненіями. *Примѣч. автора.*

сажали и голодомъ морили, коли которые денёгъ имъ отдать не хотѣли. Много ихъ, розбойниковъ етехъ, было,—можоть не одинъ и не два десятка. Лѣсъ-то тутъ перѣжь (прежде) все крупной былъ, — ну имъ и вольготно было жить; а мѣсто тутъ самолутчое.. Помретъ которой изъ розбойниковъ, тутъ его безъ гроба и хоронять, а коли поважнѣе, дакъ въ коверъ завёртять и одѣнуть богато, да снарядовъ ихныхъ душегубскихъ накладываютъ: сабель тамъ, къ примѣру, копьё, ружье, да денёгъ.. Не потерпѣлъ только Осподь ихъ грѣховъ розбойницкихъ, послалъ смерть атаману ихному. А любили, должно, его больно... схоронили съ честью: надѣли на его самолутчое платьё, въ желѣзной нагрудникъ нарядили, ружей, сабель тутъ навлали—все самолутчихъ и добро его все тутъ-жо схоронили—золото и сѣребро, которое поотнималъ онъ у добрыхъ людей, а самого на коня посадили, да такъ и зарыли... Безъ атамана розбойникамъ—все ровнѣ безъ головы. Какъ быть? стали выбирать новаго. Выбрали... и ладно будто, да все не по прежнему: удачи стало мало. Надумали въ другое мѣсто утти, сѣли въ лодки и уѣхали въ низовые города. Старики сказывали—пѣсню про его самое розбойники сложили... И топерь ее мужики наши поютъ“.

Пѣсню эту я тутъ же записалъ со всѣми особенностями роднаго мѣъ говора. Вотъ она:

Во чистомъ полѣ далече, во роздольицѣ
Не ясныя соколички слетались:
Онѣ думали-гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую—да заединю:
„Кому изъ насъ, робята, атаманомъ быть?“
Атаман-отъ говорить, какъ въ трубу трубить,
Исаул-отъ говорить, какъ во свирю играть,
Во свирю играть, выговаривать:
„Атаманомъ быть, робята, все Микитушкѣ,
„Исавуломъ быть, робята, Тимошееву“.

Во чистомъ полѣ далече, во роздольицѣ
Не ясныя соколички слетались—

То добрые молодчики собиралися:
Онѣ думали—гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую—да заединую.
Атаманъ тутъ говорить, какъ въ трубу трубить,
Исавул-отъ говорить, выговаривать:
„Не полнѣ ли намъ, робяты, жить *на островѣ*,
„Не пора ли намъ, робяты, во Русеюшку,
„Во Русеюшку, робяты, въ Волгу—матушку!
„Ужь мы садѣмте, робяты, въ легку лоточку,
„Въ легку лоточку, въ воровску косну,
„Въ воровску косну, во разбойницку;
„Ужь мы садѣмте, поѣдемъ во Камышинъ—городокъ! ⁽¹⁾
„Мы Саратово, Сызрань во глуху возьмемъ полночь,
„Мы Самарѣ—городочку не поклонимся,
„Мы въ сызранскіехъ горахъ остоновимся,
„А въ Сызранѣ—городочкѣ жить построимся“!

Но тутъ, по словамъ стариковъ, разбойники раздѣлились во мѣстнѣяхъ: одни захотѣли уѣхать,—больше все бездомные, безъ роду, безъ племени,—а другіе, у которыхъ были по близости родные ⁽²⁾, остались на томъ же мѣстѣ, гдѣ жили прежде.

Могилу атамана указываютъ между двумя логами, или оврагами—*Кужинерью* (сѣв.) и *Бахмутовымъ* (южн.)—на „плѣсѣ“, т. е. широкомъ полуостровѣ, покрытомъ встарину густымъ лѣсомъ; этотъ „плѣсъ“ иначе называется „островомъ“, потому что, будучи значительно выше остальнаго берега, притомъ еще покрытый лѣсомъ, онъ возвышался и надъ рѣкой и представлялъ разбойникамъ значительныя удобства, дѣлая неприступнымъ ихъ притонъ. Мало по малу однако „плѣсъ“ начало обрывать водой во время весенняго разлива, и разбойники покинули свой притонъ, удалившись въ болѣе удобное мѣсто. Прежнее ихъ жилище получило названіе *атама-*

⁽¹⁾ Я позволялъ себѣ въ этомъ мѣстѣ исправить невольную ошибку пѣвца, замѣнивъ *Камышилоя—городъ* Камышиннымъ, какъ болѣе согласнымъ съ географіей.

⁽²⁾ Любопытно, что въ селѣ *Черемисск. Малмыжь* до сихъ поръ существуетъ фамилія *Атамановыхъ*, вѣдущихъ свое происхожденіе отъ одного изъ разбойниковъ, подвизавшихся въ этой мѣстности.

новыхъ костей, соединивъ съ собой различныя преданія о кладахъ, будто бы зарытыхъ тутъ прежними обитателями. Но ужасъ, внушаемый суевѣрному крестьянину подобной мѣстностью и систематическіе грабежи разбойниковъ, безнаказанно грабившихъ жителей до конца прошлаго столѣтія, мѣшали крестьянамъ приняться за отысканіе сокровищъ, скрытыхъ въ землѣ разбойниками. Нечаянныя находки около этой мѣстности, да и не только тутъ, а по всему правому берегу р. Вятки на протяженіи 30—40 верстъ, побудили обратиться и къ „атамановымъ костямъ“. Попытки въ началѣ были неудачны, да и долго, быть можетъ, не дали бы никакого результата, если бы не помогла стихія—вода, размывъ берегъ и обнаруживъ человѣческія кости. Такимъ образомъ преданіе, перешедшее не черезъ одно поволеніе, оправдалось. „Кладовщичи“ набросились на знаменитый „плесъ“ и стали его рыть вдоль и поперекъ. Рѣка Вятка дѣйствовала съ ними за одно, и въ какіе-нибудь 15 лѣтъ не осталось почти ничего отъ этого „плеса“, столь богатаго воспоминаніями.

Изъ желанія собрать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, я началъ спрашивать, кто и когда отыскивалъ на „плесѣ“ клады. Такъ какъ въ Черемисскомъ Малмыжѣ въ день моего пріѣзда былъ праздникъ—память св. апостоловъ Петра и Павла—то охотниковъ до розказней явилось много; наплыли даже такіе, которые сами копались въ землѣ, желая найти кладъ. Привожу *показанія* этихъ людей относительно „атамановыхъ костей“. Показанія эти любопытны въ томъ отношеніи, что прекрасно рисуютъ глубокую вѣру нашихъ мужиковъ въ клады.

1. *Яковъ Николаевъ*, черемисинъ лѣтъ подъ 50 ⁽¹⁾. По его словамъ, онъ видѣлъ атаманову могилу лѣтъ 15—17 тому назадъ, весны по двѣ сряду, когда жилъ въ Черемисскомъ Малмыжѣ работникомъ. Онъ раньше слышалъ, что тутъ жили разбойники и тутъ же хоронили своихъ мертвыхъ товарищей. Особенныхъ подробностей Яковъ сообщить не могъ, но землянку видѣлъ: сколько припомнить, она длиною была аршинъ 6, ширины 4, надъ поверхностью земли возвышалась до аршина. Могильный холмъ покрытъ былъ „какъ мостомъ“

⁽¹⁾ Изъ с. *Большихъ Рожковъ*, за 26 в. отъ города по вятскому тракту.

каменными широкими плитами, которыя отъ времени обросли травой и мохомъ, а въ разсѣлинахъ поднялись деревья. Съ восточной стороны, обращенной къ р. Вяткѣ, Яковъ замѣтилъ невысокую сгнившую дверь, сквозь отверстія въ которой видѣлась внутри пустота. Кругомъ землянки замѣтны были небольшіе бугорки, также покрытые камнями. Въ то время еще часть „плѣса“, уцѣлѣвшая отъ напора воды, была покрыта крупнымъ лѣсомъ, но отъ береговаго обрыва землянка отстояла только на аршинъ, не больше. Копать на этомъ мѣстѣ не рѣшались, изъ страха предъ привидѣніями.

2. Крестьянинъ *Димитрій*, изъ рыбаковъ по ремеслу, 63-лѣтній старикъ⁽¹⁾. Онъ смолоду слыхалъ, что на „плѣсѣ“ существуетъ землянка, но ходить туда считалось опаснымъ. По ремеслу своему ему часто приходилось заночевывать на берегу, по ночевать тамъ, гдѣ „атамановы кости“, одинъ онъ не рѣшался. Разъ, во время рыбной ловли, застигла его съ товарищемъ гроза какъ разъ противъ этого мѣста; поднялось сильное волненіе на рѣкѣ и поневолѣ пришлось почевать на „атамановыхъ костяхъ“. Ночь прошла однако безъ страховъ, и онъ безъ опаски почевалъ тутъ потомъ одинъ. *Димитрій* видѣлъ самъ землянку и описалъ ее точно такъ же, какъ Яковъ. По его словамъ, покушаться на раскопки стали лѣтъ 20 тому назадъ. Добро „разбойническое“ многимъ не давало покоя, но рыли неуспѣшно. Одинъ охотникъ до кладовъ добылъ старую „запись“, въ которой говорилось, что разбойники зарыли на другой сторонѣ р. Вятки⁽²⁾ сороковикъ серебра; онъ винулся туда и изрылъ весь берегъ, но ничего не нашель. Между тѣмъ вода начала обрывать берегъ и стали попадаться мелкія вещи, которыя подбирались кѣмъ-попало. Лѣтъ десять назадъ крестьяне дерр. *Ахтая* и *Бурица* принялись рыть берегъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчались кости. Въ этотъ годъ обвалъ слегка прихватилъ землянку. Бурецкіе крестьяне усердно начали тутъ копаться. Имъ удалось найти золото и серебро въ небольшихъ слиткахъ, клинчатая монета изъ серебра и ружейный стволъ со штыкомъ. Монеты были проданы за безцѣнокъ серебряку въ городѣ Малмыжѣ; золото употреблено было на кольца. Самъ *Димитрій*

(1) Изъ дер. *Троедворки*, за 3 версты отъ Чер. Малмыжа.

(2) Близъ теперешней *Армянской* лѣсной пристани.

рыть не пробовалъ, но каждую весну показывалъ смотрѣть, не вымоетъ ли чего водой. Однако только въ прошломъ году нашелъ онъ большую желѣзную свобу, употребленную имъ потомъ на гвозди, а больше ничего ни находилъ.

3. *Василій* изъ *Ахная* (деревня за 4 версты), тоже пожитой, за 50 лѣтъ. Надъ самымъ этимъ мѣстомъ онъ имѣетъ на горѣ около пяти лѣтъ пчельникъ. Какъ человекъ некорыстолюбивый, могилъ онъ не разрывалъ, хотя видалъ кости человѣческія въ больномъ количествѣ, а разъ, послѣ спада воды, видѣлъ на берегу рядомъ два костяка—копскій и человѣческій. Видалъ много мелкихъ и крупныхъ вещей, но „могилнымъ добромъ не корыстовался: хто его зпаетъ, како оно? А для пчель сто худо, да и самому *лихо* можоть быть“. Изъ любопытства только сматривалъ часто, какъ другіе рылись, видалъ и бурецкихъ кладовщиковъ: лѣтъ семь (1875) назадъ папли они „*дѣтъ* *прямыя* *сабми*, кресты какіе то, должно быть тѣльники, да ишо кабую-то мелочь, котрой и *способія* не придумать“...

4. *Прокофій* *Плаксинъ*, тоже изъ *Ахная*, лѣтъ сорока. Крайне нервѣнительно; отнѣкивался, сознался что въ его семействѣ изстари велись кладовщики. Дядя раззорился на кладахъ, запылъ съ горя; отецъ былъ перепуганъ „кладовымъ“ (бѣсомъ, охраняющимъ кладъ). Самъ онъ тоже много искалъ кладовъ. До „атамановыхъ костей“ онъ добрался раньше другихъ: землянка еще держалась въ берегу. Такъ какъ тутъ собралось одновременно много народу, но рыли всѣ безъ толку и часто ссорились между собой, то онъ съ семейными принялся за работу ночью, чтобы избѣжать столкновеній съ кладовщиками. Попробовавъ копать въ разныхъ мѣстахъ, онъ своротилъ камни, покрывавшіе верхъ землянки и, отступя немного отъ берега, началъ рыть. Ему попалась совершенно нетронутая могила съ богатымъ содержаніемъ. Между прочимъ вотъ что добылъ онъ:

1. *Множество желѣзныхъ и мѣдныхъ наконечниковъ* отъ стрѣлъ и копій; часть дровка у нихъ еще сохранилась, и можно было видѣть, что наконечники укрѣплялись помощью колець;

2) *Нѣсколько мѣдныхъ и желѣзныхъ, слегка погнутыхъ полосъ*, шириною въ два вершка, длиною до полуаршина и нѣсколько болѣе;

3) *Желѣзный колтакъ*;

4) *Два сабли* съ прямыми крестообразными рукоятками;
5) „*Обечко*“ (овальной формы раму) изъ желѣза, четвертей до 3-хъ длины и полуаршина ширины, на которое натянуть желѣзный листъ; его Прокофій счелъ *заслонкой*;

6) *Рубашку изъ колецъ* до того ржавую, что она легко разрывалась и

7) *Поясъ*, составленный изъ причудливыхъ фигуръ на подобіе утокъ или гусей, изъ цѣннаго металла ⁽¹⁾, потому что не поддався ржавчинѣ ⁽²⁾.

Всѣ эти вещи перемѣшаны были съ костями и камнями, которые, очевидно, прикрывали погребенный трупъ. Мѣдь и желѣзо сильно поддались ржавчинѣ, но годны еще въ дѣло. Кости сохранили только наружную форму и легко раздроблялись. Въ какомъ порядкѣ лежали вещи, Прокофій не упомянулъ; одно могъ только сказать, что на ножныхъ костяхъ замѣтилъ хорошо (?) сохранившіеся сапоги, при прикосновеніи раздробившіеся на кусочки. Много мелкихъ вещей Прокофій побросалъ въ рѣку, а изъ тѣхъ, которыя увезъ домой, больше половины пошло въ передѣлку: „доброе вышло желѣзо!“ Поясныя украшенія (больше половины) продалъ серебряку, копѣекъ по 20 съ фунта... Часть этихъ вещей я видѣлъ тогда (1877 г.) у Прокофья и предлагалъ продать ихъ мнѣ. Такъ какъ „старика“ дома не было, то Прокофій назначилъ 5 часовъ утра слѣдующаго дня, обѣщая принести ихъ ко мнѣ на квартиру, но не пріѣхалъ, вѣроятно запуганный старикомъ—отцомъ...

5. *Федоръ Спиридоновъ* изъ сл. *Сиротскаго* ⁽³⁾, лѣтъ 35. Недѣли за три до моего пріѣзда (8 іюня) былъ на берегу Вятки, на „плѣсѣ“ и замѣтилъ высунувшіяся человѣческія кости. О находкахъ онъ зналъ, и у него блеснула мысль попытаться счастья. Первымъ попавшимся подъ руку коломъ онъ началъ рыть около костей, но нашелъ только *ремень съ мѣдной пряжкой*, украшенной рѣзьбой, да остатки кожаныхъ сапогъ.

⁽¹⁾ *Сѣтлой бронзы*, сколько можно судить по найденнымъ мною позднѣе вещамъ.

⁽²⁾ Вещи подъ № 2, по моему мнѣнію, части составнаго панциря; № 3—шлемъ; № 4—два меча; № 5—щитъ; № 6—кольчуга но здѣсь я оставилъ вещамъ тѣ названія, которыя далъ самъ Прокофій

⁽³⁾ Въ одной верстѣ отъ *Чер. Малмыжа*.

Около костей и подъ ними оказалось довольно хорошо сохранившаяся на видъ мочальная рогожка. Попадались и другія мелкія вещи: подобіе ризы (?) отъ иконы, желѣзное; обрывки кольчатой рубашки, разныя желѣзныя и мѣдныя небольшихъ размѣровъ *пряжки* и *кружки*, сильно изоржавѣвшіе. Кромѣ пряжки Федоръ все побросалъ въ воду. Но опасаясь насмѣшекъ за пустую находку, онъ отдалъ пряжку встрѣчному рыбаку, а тотъ, какъ вещь ненужную, бросилъ ее на берегу.

Хотя пять лѣтъ тому назадъ археологія мало меня привлекала, однако я заинтересовался этими сообщеніями и отправился на „атамановы кости“. Пройдя версты полторы поемъ, мы добрались съ Федоромъ Спиридоновымъ до р. Вятки. Берегомъ пришлось идти до 2 $\frac{1}{2}$ верстъ, постоянно пробираясь чрезъ ручьи, вытекающіе изъ крутаго нагорнаго берега. До атамановой могилы мнѣ удалось насчитать 12 ключей. Вешняя вода и ключи изрыли весь берегъ, изрѣзавъ его мелкими овражками; большею частью это ручьи—безымянки, только одинъ окрещенъ *Памисомъ*, но это есть ничто иное, какъ искаженіе черемисскаго слова *памъш*—ключъ. Помимо ручьевъ тропинку то и дѣло пересѣкали огромныя глыбы песчаника, изумляющія своею величиною. Чѣмъ ближе подходила дорожка къ „плѣсу“, тѣмъ ближе и ближе къ рѣкѣ надвигалась крутая береговая гора. Подлѣ оврага *Кужинеръ* ⁽¹⁾ она совсѣмъ подошла къ водѣ. Сильный ключъ, текущій по кужинерскому оврагу наматалъ въ рѣку длинную косу изъ ила и мелкаго камня. По ту сторону ключа уже начался „плѣсъ“. Еще и теперь онъ дугою выступаетъ въ рѣку. Что тутъ былъ крупный лѣсъ, нѣтъ сомнѣнія, потому что на берегу видны вывороченныя деревья, чуть держащіяся корнями за почву. Слѣдующее половодье снесетъ ихъ и снова отторгнетъ другія деревья; близко уже время, когда рѣка подойдетъ къ самой горѣ и тогда слѣдовъ не будетъ отъ „атамановыхъ костей“. Отъ

⁽¹⁾ *Кужинеръ*—слегка замѣнившееся въ русскомъ произношеніи черемисск. слово *куж-енеръ*. *Куж*—«длинный». *енеръ*—«текущій по оврагу ключъ», а также «оврагъ». *Бахматовъ*, или *Ахматовъ* оврагъ получалъ свое названіе по всей вѣроятности отъ собственнаго имени («Махмудъ, Бахмутъ, Ахмутъ»).

берега до подошвы горы въ 1877 году оставалось не больше восьми сажень, а теперь только пять. Остающаяся площадь до Бахмутова оврага покрыта и теперь лѣсомъ и кустарникомъ. Есть холмики, похожіе на могильную насыпь, даже покрытые камнями до аршина въ діаметръ, но ихъ такъ много, что трудно принять ихъ за могильные. Ближе къ водѣ валялись человѣческія кости, цѣльныя и раздробленныя, во множествѣ. Очевидно, ни рука человѣка, ни влажная стихія не щадили злополучный „плѣсъ“. Осмотрѣвъ берегъ во всю длину, гдѣ встрѣчались кости, я нашелъ ихъ на 15 саженьяхъ, и это, по моему, настоящая длина кладбища, потому что тщательный осмотръ не показалъ присутствія костей дальше этого предѣла. Образуя замѣтное возвышеніе ближе къ берегу, „плѣсъ“ по мѣстамъ понижается къ горѣ и окаймляется топкими ключевинами какъ разъ тамъ, гдѣ предѣлъ нахождения костей. Федоръ показалъ мѣсто своей раскопки; тщательно собравъ разбросанныя имъ кости, я нашелъ слѣдующія: три крупныя части черепа замѣчательной толщины, нижнюю челюсть съ отлично сохранившимися зубами, семь реберныхъ костей, два спинныхъ позвонка, двѣ плечевыя и двѣ локтевыя кости и одну берцовую. Кости оказались замѣчательной бѣлизны, но сдѣлались дряблыми; онѣ отличались своей величиной, такъ что должны были принадлежать крупному индивидууму.

Осматривая берегъ, въ двухъ мѣстахъ я замѣтилъ кости, приблизительно на аршинной глубинѣ; но надо замѣтить, что уже верхній слой земли, приблизительно аршина въ два толщины, былъ подмытъ водой и скатился внизъ. Осторожно снимая землю, я замѣтилъ два костяка рядомъ, но оконечности ихъ оказались оборванными водой. Кости сохранились далеко не всѣ; большая часть сгнила безслѣдно, окрасивъ только землю въ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Кости лежали въ рыхломъ, слегка каменисто-песчаномъ грунтѣ и были покрыты большими камнями; подъ ними оказались слѣды одежды, по видимому сукопной. Костякъ головой обращенъ на западъ, черепъ лежалъ на правомъ вискѣ; это обстоятельство, а также и то, что локтевыя кости оказались далеко въ сторонѣ, заставляеть меня предположить что трупъ зарылъ наскоро. Отъ другого скелета яственно сохранился только одинъ черепъ; тотъ и другой черепъ по вынутіи изъ земли распались. По

бокамъ втораго скелета замѣтны небольшіе куски ржавчины, но что тутъ было положено, опредѣлить невозможно.

Такимъ образомъ первые поиски не дали въ результатѣ ничего, но они подтвердили существованіе на „плѣсѣ“ кладбища. Ограничившись 5 лѣтъ тому назадъ небольшой пробной раскопкой, рассмотрѣвши только ничтожную часть находокъ, я пришелъ къ такому выводу, что болѣе 300 лѣтъ кладбищу этому дать нельзя, и относилъ его ко времени завоеванія Казанскаго царства, когда Адашевъ съ сильною ратью ходилъ правымъ берегомъ р. Вятки для усмиренія возмущившихся черемисъ. Неодинаковая степень сохранности костей, разнородность найденнаго, по словамъ крестьянъ, оружія давали мнѣ поводъ думать, что на этомъ мѣстѣ послѣдовательно хоронилось не одно поколѣніе. Увлекаясь въ область предположеній, въ силу послѣдняго обстоятельства я готовъ даже былъ допустить, что еще новгородскіе ушкуйники впервые познакомились съ этимъ мѣстомъ. Допустить послѣднее предположеніе побуждало меня существованіе у черемисъ этой окраины преданія о нападеніяхъ, которыя дѣлали на нихъ съ р. Вятки неизвѣстные имъ, богато вооруженные люди.

Однако вышло иначе. Съ 1877 года до прошлаго лѣта я даже не бывалъ на Атамановыхъ костяхъ, но мнѣ стало казаться, что могильникъ этотъ принадлежитъ къ гораздо болѣе древней эпохѣ, чѣмъ я относилъ первоначально. Поэтому я рѣшилъ произвести на немъ вторичныя розысканія.

III.

Вторичный осмотръ могильника въ 1881 году. Береговое укрѣпленіе и верхняя площадка. Перечень предметовъ, приобретенныхъ отъ крестьянъ и найденныхъ на берегу. Любопытный способъ погребенія. Заключение и выводы.

При болѣе тщательномъ изученіи „Атамановыхъ костей“ лѣтомъ 1881 года я нашелъ, что могильникъ этотъ расположенъ на второй заросшей травой террасѣ, неширокой полосой (отъ 3 до 5 саж.) тянущейся между все болѣе и болѣе обмываемымъ весеннею водою берегомъ р. Вятки и обрывисто поднимающейся береговой горой. Длина могильника

не превышает 15 сажень. Ближе къ берегу рѣки терраса слегка опускается, но все же мощность чернозема достигать здѣсь отъ 1 до 1½ аршинъ. Ниже чернозема идетъ подкладка изъ бурога песку съ мелкимъ камнемъ, который чѣмъ глубже, тѣмъ дѣлается крупнѣе. Естественною границей могильника на сѣверѣ является *Кужинерскій*, на югѣ *Бахмутовъ* (или *Ахмутовъ*) оврагъ. Ближе къ первому оврагу вторая терраса еще цѣла, но подвигаясь на югъ, она все болѣе и болѣе понижается и около Бахмутова оврага совершенно исчезаетъ. Во всю длину могильника береговая гора немного отступаетъ отъ берега, образуя дугу. Тщательный осмотръ береговой горы показалъ, что надъ нею нѣкогда много трудились человѣческія руки. Прежде всего поразительна крутизна гребня, всюду доходящая до 45°, а самый гребень тянется на 70 сажень, отъ одного оврага до другого, нѣсколько вдаваясь внутрь въ самой срединѣ. Сажень 10 ниже гребня горизонтально идетъ узенькая площадка (до 3 саж. наибольшей ширины), а на 5 сажень еще ниже — другая такая-же площадка, на которой замѣтны два курганообразныхъ возвышенія, не выше 1½ сажень, въ которыя щупъ проникаетъ весьма легко, какъ почти вездѣ на той и другой площадкѣ. Точныя измѣренія оказались здѣсь рѣшительно невозможны, такъ какъ отъ самаго гребня горы до берега рѣки все сплошь поросло густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ и покрыто непролазною чащетою, залегающею въ высокой травѣ. Доступъ снизу на гребень горы возможенъ, и то съ трудомъ, только вдоль крутаго мыса, образуемаго пересѣченіемъ береговой горы съ *Кужинерскимъ* оврагомъ.

Площадь верхней террасы между оврагами очевидно служила мѣстомъ поселенія первобытнаго человѣка, такъ какъ здѣсь, по словамъ крестьянъ, нерѣдко находили бронзовые и желѣзные предметы, и особенно черепки. Склоны того и другого овраговъ слишкомъ ужъ правильно круты, да кромѣ того чуть замѣтное углубленіе, пересѣкающее площадку по направленію отъ одного оврага къ другому, несомнѣнно указываетъ на остатки рва. Къ несчастію для меня, этотъ участокъ былъ засѣянъ рожью и стало быть недоступенъ, тогда какъ обыкновенно онъ служитъ яблокомъ раздора для двухъ сосѣднихъ деревень — Черемисскаго *Малмыжа* и *Ахтая*, оставаясь незащищеннымъ и вызывая подчасъ серьезныя стычки за обладаніе имъ, сопровождающіяся увѣчьемъ

и смертью, какъ это было напримѣръ въ 1876 году, когда при подобныхъ обстоятельствахъ убили двухъ человекъ.

По склонамъ овраговъ и ниже гребня на известной глубинѣ долженъ залегать, сколько можно судить по аналогии съ укрѣпленіемъ около починка *надъ Ройскимъ истокомъ*, культурный слой, но по вышеуказанной причинѣ невозможно было произвести развѣдокъ, такъ какъ пришлось бы рубить лѣсъ.

Когда я выразилъ желаніе приобрѣсти находки, мнѣ доставили слѣдующія вещи:

- 1) Двѣ поясныхъ пряжки изъ *сѣтлой бронзы*.
- 2) *Бронзовый* ободокъ въ формѣ лентовиднаго браслета, очевидно служившій для прикрѣпленія наколѣнниковъ или локотниковъ.
- 3) *Бронзовую* подвѣску.
- 4) *Бронзовую* бляху отъ пояса.
- 5) Двѣ *бронзовыя* подвѣски въ формѣ кистей, по видимому отъ сбруи.
- 6) Неопредѣленный *бронзовый* предметъ въ формѣ треугольника, съ круглой дырочкой на верхнемъ концѣ; нижній край видимо былъ заостренъ.
- 7) Неправильный кружокъ изъ *сѣтлой бронзы*, до 1 вершк. въ діаметрѣ; въ срединѣ дырочка.
- 8) *Железный* трехгранный наконечникъ отъ стрѣлы, обыкновеннаго типа.
- 9) Массивный *бронзовый* предметъ съ характернымъ веревочнымъ и кружко-подобнымъ орнаментомъ, напоминающій собою эполету. Съ нижней стороны виднѣнъ крючокъ для пристегиванія, а по краямъ небольшія ушки для прикрѣпленія желѣзной кольчуги, слѣды которой еще замѣтны.
- 10) *Бронзовый*, слегка вогнутый кружокъ до 2 $\frac{1}{2}$, вершк. въ діаметрѣ, съ небольшимъ отросткомъ съ одного края и круглымъ отверстіемъ по срединѣ. Быть можетъ зеркало.

По словамъ крестьянъ — продавцовъ, всѣ эти вещи найдены на берегу *уже послѣ* того, какъ кладовщики взрыли „Атаманову могилу“. Есть основаніе вѣрить этому, такъ какъ при небрежной ночной раскопкѣ легко можно было не замѣтить многіе мелкіе предметы. Сколько я ни спрашивалъ о болѣе крупныхъ находкахъ, особенно объ оружіи, я получалъ только уклончивые отвѣты, что „было много, да извели на разныя подѣлки“, чему плохо вѣрится.

Уже на основаніи пріобрѣтенныхъ предметовъ можно было заключить, что я имѣю дѣло съ древнимъ *могильникомъ бронзовой эпохи*, къ крайнему прискорбію погибшимъ для науки, благодаря извинительному невѣжеству крестьянъ, совершенно незнающихъ того, что за предъявленные находки они, въ силу закона, могутъ получить вознагражденіе.

Съ приходомъ рабочихъ я спустился на „плѣсъ“, къ могильнику. Присматриваясь къ береговой осыпи, мы подобрали на поверхности земли слѣдующія предметы:

- 1) Довольно грубо сдѣланныя *изъ бронзы* пряжку отъ пояса и колечко.
- 2) Половинку *стеклянной* бусины свѣтлоголубаго цвѣта.
- 3) Два неопредѣленныхъ обломка *изъ бронзы*.
- 4) Небольшаго размѣра *жельзный* кельтъ.
- 5) Два небольшихъ *жельзныхъ* ножа.
- 6) Миниатюрныхъ размѣровъ *бронзовую* пуговочку.

Всѣ предметы слегка окислились подѣ влияніемъ недавняго дождя. Найденныя нами вещи раскиданы были во всю длину могильника и не давали никакого опредѣленнаго указанія на то, гдѣ слѣдовало начинать раскопку. Обходя береговой обрывъ, я только въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ кости, но вскрытіе ихъ, кромѣ совершенно рассыпавшагося черепа, не дало въ результатъ ничего, хотя земля просѣвалась. На поверхности могильника щупъ почти повсемѣстно шелъ въ глубь довольно легко. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ точныхъ признаковъ могилъ на поверхности приводилось рыть на угадъ.

Я заложилъ траншею почти подлѣ самой воды, прямо въ осыпи. Однако пришлось рыть до самаго обрыва напрасно. Когда подлѣ береговаго обрыва была очищена осыпь, стало замѣтно, что мы имѣемъ дѣло съ насыпной землей, такъ какъ черпоземъ достигалъ здѣсь болѣе чѣмъ аршинной глубины. Рыхлая земля вела прямо подѣ корни срубленныхъ и растущихъ деревьевъ, которыя пришлось корчевать. Когда, по удаленіи деревьевъ вмѣстѣ съ корнями, сняли слой земли до полуаршина, обнаружился костякъ, отъ котораго явственно уцѣлѣли только крупныя кости и черепъ, все остальное истрѣбано почти безслѣдно. Положеніе костяка таково: сильно раздвинутыя ноги обращены на сѣверовостокъ, руки раскинуты врозь, перпендикулярно къ туловищу, черепъ лежитъ глазами впадинами внизъ, подѣ нимъ челюсть. По-

добное положеніе костяка производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто трупъ первоначально былъ въ наклонномъ къ югозападу положеніи и видимо брошенъ лицомъ внизъ на скорую руку. При костякѣ рѣшительно ничего не найдено, а измѣреній нельзя было производить по той причинѣ, что конечности сгнили безслѣдно. Пришлось ограничиться однимъ черепомъ, совершенно рассыпавшимся при вынутіи изъ земли.

Земля подъ этимъ костякомъ была еще довольно рыхла. Снявъ слой земли до полуаршина, я наткнулся на другой костякъ, головой на югъ, съ вытянутыми вдоль туловища руками, оконечности которыхъ, какъ и ногъ, сгнили совершенно. Съ правого боку этого скелета, подлѣ правой руки и ноги оказалось по парѣ лошадиныхъ ногъ, копытами на сѣверъ, а рядомъ съ развалившимся подъ тяжестью земли человѣческимъ черепомъ—черепъ лошади, мордою обращенный къ югу. Всѣ вообще кости, особенно лошадиныя, сгнили до такой степени, что напоминаютъ собою какую то кашу. Счищая землю около костяка, нѣсколько выше таза я нашелъ крайне любопытную *пряжку* изъ серебристой бронзы, ничуть не пострадавшую отъ ржавчины. Пряжка въ формѣ коня съ сѣдломъ на спинѣ; ноги соединены полоской, за которую быть можетъ продѣвался одинъ конецъ ремня, а у сѣдла видны два волочка, къ которымъ могъ быть пришить ремень. Подъ черепомъ и нѣсколько вправо отъ него найдены:

1) Точильный *шиферный брусокъ* до 2 вершк. длины, съ дырочкой на одномъ концѣ.

2) *Желѣзная* пряжка съ язычкомъ.

3) Средней и малой величины *желѣзные* ножи и

4) Небольшое *желѣзное* шило.

Просѣваніе земли не дало никакого результата. Раскопка одной только могилы и обслѣдованіе береговой горы съ ясными слѣдами укрѣпленія заняли цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, что даетъ отчасти понятіе о трудности работы. Несомнѣнно однако, что новыя систематическія раскопки дадутъ и новыя находки, хотя могильникъ этотъ уже въ достаточной мѣрѣ расхищенъ. Самымъ удобнымъ временемъ для подобныхъ раскопокъ можетъ служить осень, когда склоны береговой горы дѣлаются далеко доступнѣе, такъ какъ пропадаетъ густая трава и опадаютъ листья, благодаря чему возможенъ болѣе тщательный осмотръ и измѣренія.

Нельзя не признать, что мы имѣемъ предъ собой весьма любопытный памятникъ древности. Смѣсь *бронзовыхъ* вещей довольно высокой работы и *железныхъ* предметовъ, особенно ножей, указываетъ на то, что могильникъ принадлежитъ къ *концу бронзовой эпохи*. Многія изъ находокъ напоминаютъ тѣ, которыя были добыты изъ *Пьяноборскаго* могильника, напр. бронзовый предметъ въ формѣ эполеты, подвѣски на подобіе кистей, бронзовые кружки; нѣкоторыя же, какъ напр. пряжки, до мелочей сходны съ такими же пряжками, приобрѣтенными нами въ дер. *Воробьевой*, изъ числа найденныхъ въ смыгомъ уже теперь весеннею водою могильникѣ бронзовой эпохи. По словамъ кладовщиковъ, на Атамановыхъ костяхъ были найдены *железные* прямые мечи, а именно такіе вырты были нами на городкѣ близъ поч. *надъ Роѣскимъ истокомъ*. Все это даетъ возможность сближенія между этими могильниками и приуроченія ихъ къ одной эпохѣ.

То обстоятельство, что во время раскопокъ 1877 года мнѣ и нѣкоторымъ изъ кладовщиковъ пришлось попасть на могилы со слѣдами обуви и одежды, можетъ лишь указывать на то, что укромное мѣстечко на „плѣсѣ“ служило не рѣдко мѣстомъ погребенія для удалцовъ, безвременно сложившихъ свою буйную голову. А мало ли бывало, еще и не столь давно, этихъ удалцовъ на святой Руси? Приведенная нами пѣсня, а также и преданіе о разбойникахъ даютъ еще болѣе вѣроятія подобному предположенію.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя разрытая нами на Атамановыхъ костяхъ могила съ двумя костяками. Неправильное положеніе верхняго костяка не служитъ ли указаніемъ на то, что онъ принадлежитъ рабу, убитому на могилѣ господина и скороненному на скорую руку? Наконецъ, что означаетъ погребеніе рядомъ съ человѣкомъ головы и ногу лошади? Сколько намъ извѣстно, такого погребенія еще никто ни описывалъ, между тѣмъ какъ у Геродота (IV книга), при описаніи погребальныхъ обычаевъ свивовъ, мы не разъ встрѣчаемъ описаніе подобнаго погребенія, но, какъ вѣжета, раскопки, производившіяся въ южной Россіи, еще не подтвердили указаній Геродота. Только *П. Д. Шестаковъ*, производя раскопку Ананьинскаго могильника, нашелъ лошадиныя кости вмѣстѣ со сжеными человѣческими костями, что неволью побудило его видѣть въ такомъ способѣ погре-

бенія сильное сходство съ погребеніемъ у скиѳовъ, какъ его описываетъ Геродотъ (').

Съ другой стороны, намъ извѣстенъ обычай вотяковъ и черемисъ, теперь уже сохранившійся только въ глухихъ мѣстностяхъ, отчасти объясняющій, по аналогіи, появленіе лошадиныхъ костей рядомъ съ человѣческими въ одной и той же могилѣ. Когда трупъ покойника опущенъ въ могилу, его слегка закидываютъ землей, а потомъ начинаютъ поминки; для этой послѣдней цѣли закалается какое-нибудь мелкое животное, кости котораго кидаются въ могилу, и послѣдняя уже окончательно засыпается землей. При раскопкахъ старинныхъ могилъ (черемисскихъ и вотскихъ) почти всегда приходится наткаться на кости домашнихъ животныхъ, лежащія на незначительной глубинѣ. Это именно обстоятельство даетъ намъ возможность сблизить скиѳское погребеніе съ найденнымъ нами, а также объяснить присутствіе въ разрытой нами могилѣ лошадиныхъ костей не иначе, какъ и въ вотскихъ или черемисскихъ могилахъ, съ тою лишь разницею, что кости лошади положены при трупѣ, остававшемся открытымъ во время поминковъ, а потомъ засыпаны вмѣстѣ землею.

Мнѣ приходится въ заключеніе высказать сожалѣніе, что два черепа изъ этой, въ высшей степени любопытной въ погребальномъ отношеніи могилы оказались въ столь плачевномъ состояніи, что реставрація ихъ въ первоначальномъ видѣ совершенно невозможна. Невозможно, стало быть, хотя бы приблизительное опредѣленіе племени, къ какому могъ принадлежать погребенный.

15 мая 1882.

(') Смотри Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этнографіи 1879 г., т. II, стр. 129 и 131. Рычковъ высказываетъ такое же предположеніе. См. его «Журналъ или дневныя записки». Сиб. 1770. 4°, стр. 79.

СОДЕРЖАНІЕ III ТОМА.

Страница.

1. О задачахъ дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и о возможномъ содѣйствіи Обществу со стороны жителей мѣстнаго края. Рѣчь Тов. Предсѣд. Общ. *С. М. Шилескоя*, произнесенная въ I годичномъ публичномъ собраніи Общества (19 марта 1879 г.) 1—31.
2. Лингвистическая замѣтка и названіяхъ Булгарь, Биляръ и Морквашы. *Н. И. Золотницкаю* (30 ноября 1878) . . . . . 33—56.
3. По поводу сообщенія Н. И. Золотницкаго: „Лингвистическая замѣтка“ и пр. Предсѣдателя Общества *П. Д. Шестакова* . . . . . 57—72.
- 4) Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ казанской губ. и о встрѣчающихся въ нихъ находкахъ. Дѣйствит. чл. *И. А. Износкова* . . . . . 73—84.
5. Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время въ пригородѣ Билярскѣй, чистоп. уѣзд. казанск. губ. Дѣйствит. чл. *И. А. Износкова* . . . . . 85—88.
6. Описаніе билярскихъ и баранскаго городищъ. Члена—сотр. *В. А. Казаринова* . . . . . 89—127.
7. Замѣтка о нѣкоторыхъ особенностяхъ быта калмыковъ астраханской губерніи. Члена—сотрудника протоіерея о. *П. Смирнова* . . . . . 128—159.
8. Изъ поѣздки въ село Шуматово, ядринскаго уѣзда казанск. губ. (Курганы. Киремети. Жер-

- твенныя приношенія киреметямъ и покойникамъ. Покинутыя кладбища. Очувашившіеся черемисы. Повѣрья. Нарядъ чувашекъ. Дѣтскія куклы. Чувашскія слова, не вошедшія въ словарь Н. И. Золотницкаго). Члена—сотрудница *В. К. Манутскаго* . . . . . 160—179.
9. О раскопкахъ, произведенныхъ на городищѣ близъ дер. Палвиной, на устьѣ рѣки Чусовой. Члена—сотрудница *П. И. Кротова* . . . 180—185.
10. О несуществующемъ болѣе характерномъ въ историческомъ отношеніи изображеніи въ одномъ изъ куполовъ главнаго храма Казанскаго Спасопреображенскаго монастыря: Дѣйствит. члена *А. Ф. Можаровскаго* . . . . . 186—188.
11. У вотяковъ елабужскаго (вятск. губ.) уѣзда. Члена—сотрудница *Г. Н. Потанина* . . . 189—259.
12. Отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этнографической экскурсіи по вятской губ.) въ 1880 году. Члена—сотрудница *С. К. Кузнецова*. 260—276.
13. О Чаллынскомъ городищѣ въ лямшевскомъ уѣздѣ, близъ дер. Чаллы, шумбутской волости. Члена—сотрудница, муллы д. Кугорчина Мухамедзяна Биккинина Зайтова . . . . . 277—280.
- 14 Одно изъ древнихъ болгаро-татарскихъ городищъ въ тетюшевскомъ уѣздѣ. Члена—сотрудника *Е. Т. Соловьева*. . . . . 281—284.
15. Нѣсколько преданій чувашей и татаръ чебоксарскаго уѣзда казанской губ. Записаны отъ разныхъ лицъ чувашениномъ села Тюрлемі Максимомъ Петровымъ Араамасовымъ (Тор-ханъ. Чувашская невѣста. Основаніе города Казани. Уйпуть—киремечь. Завоеваніе болгаръ татарами. Построеніе Казани. Убіеніе Тор-хана. Уразмедь. Анчикъ) . . . . . 285—290.
16. О сообщеніяхъ: а) члена—сотрудника *Е. Т. Соловьева*: „Одна изъ древнихъ болгаро-татарскихъ крѣпостей въ тетюшскомъ уѣздѣ“ и б) чле-

на—сотрудника В. М. Нохратскаго: „О нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ въ окрестностяхъ села Дигетлей“. Дѣйствит. члена *И. А. Изюмова* . . . . . 291—297.

17. Остатки древности въ с. Усть-набережномъ Увѣкѣ, саратовской губ. и уѣзда. Археологическій очеркъ Гордія Семеновича Саблукова (составл. 1846 г.) . . . . . 298—322.

18) Предварительное сообщеніе о результатахъ раскопокъ въ лаишевскомъ уѣздѣ, близь села Шурана и дер. Сорочьихъ горъ, произведенныхъ лѣтомъ 1881 года дѣйствит. членомъ *И. А. Пономаревымъ* . . . . . 323—325.

19. Предварительное сообщеніе о результатахъ раскопокъ надъ Ройскимъ истокомъ, на границѣ уржумскаго и малмыжскаго уѣздовъ вятск. губ., произведенныхъ лѣтомъ 1881 года член.—сотрудн. *С. К. Кузнецовымъ* . . . . . 326—329.

20. Нѣсколько замѣчаній по поводу раскопокъ: I) близь села Шурана и дер. Сорочьихъ горъ (въ лаишевск. у., казанск. губ.) и II) надъ такъ называемымъ Ройскимъ истокомъ (на границѣ уржумск. и малмыжск. уѣзд. вятской губ.), произведенныхъ лѣтомъ 1881 года. Дѣйствительнаго члена, профессора *А. А. Штугенберга* . . . . . 330—334.

21. Краткое описаніе Краснослободскаго (пензенской губерніи) мужскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Члена—сотрудника *Д. В. Ильченко*. . . . . 335—339.

22. Описаніе русскихъ серебряныхъ копѣекъ изъ влада, найденнаго лѣтомъ 1881 года близь дер. Новой Поповки. Дѣйствит. члена *В. К. Соловьева* . . . . . 340—343.

23. Описаніе двухъ коллечій джучидскихъ монетъ, принесенныхъ въ даръ Обществу Археологии, Исторіи и Этнографіи *В. М. Элендъ* и *К. Я. Михайловымъ*. Дѣйствит. члена *В. К. Савельева* . . . . . 344—349.

24. Описаніе влада золотоордынскихъ и нѣ-
которыхъ другихъ монеть, найденнаго въ 1881 г.
близъ с. Малаго Толвиша, чистопольск. уѣзда
казанск. губ. Дѣйствит. члена и секретаря обще-
ства, профессора *Н. П. Заюскина* . . . . . 350—394.

25. Атамановы кости. Могильникъ бронзо-
вой эпохи близъ села Черемисскаго Малмыжа и
дер. Ахпая, въ малмыжскомъ уѣздѣ вятск. губ.
Члена—сотрудника *С. К. Кузнецова* . . . . . 395—410.

26. Замятка по поводу реферата Г. Н. По-
танова „У вотяковъ елабужскаго уѣзда“. Чле-
на—сотрудника *С. К. Кузнецова*. Прочитана
24 февраля 1884 г . . . . . 411—419.

Администрація Общества съ 18 марта 1884 года:

1. Председатель, ординарный профессор, действительный статский советник *Сергій Михайлович Шиндлеръ*.

2. Товарищъ Председателя, директоръ народныхъ училищъ владимірской губерніи, действительный статскій советникъ *Наѣдоръ Александровичъ Игнатовъ*.

3. Казначей, и. д. начальника университетской типографіи *Александръ Титовичъ Соловьевъ* (въ аданіи типографіи).

4. Секретарь *Степанъ Карловичъ Куликовъ* (въ аданіи Училищнаго Управленія).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

а) А. А. Дубровина (Гостиница дворъ № 11 в

б) Б. И. Алексѣевъ (Покровская ул., д. Саввинская), продающій книжную коллекцію Общества, которая можетъ также получаться прямо чрезъ Секретаря Общества:

1. Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этн. Томъ I, 1878 года. Цѣна 50 коп.—Томъ II, 1879 года. Цѣна 1 руб.—Томъ III, 1880—1882 года. Цѣна 2 руб. 50 коп.

2. Извѣстія о дѣятельности и состояніи Общества за 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882 годовъ. — по 25 коп.

3. Каталогъ архивнаго и типографскаго издательства, организованнаго Обществомъ въ 1882 году. Объясненіе, въ изложеніи Общества. Цѣна 30 коп.

Цѣна III тома 2 руб. 50 коп.